

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Институт истории имени Ш. Марджани
Институт археологии имени А.Х. Халикова
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт международных отношений

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ: СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Сборник статей IX Всероссийской (XVII средневолжской) конференции
историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии
(г. Казань, 5–7 октября 2022 г.)

Казань 2023

УДК 94(1–22):008
ББК 63.3:71
И90

Редакционная коллегия:

Р.М. Валеев, И.А. Гилязов, А.Г. Иванов, П.С. Кабытов, Г.А. Куршева, Р.А. Мухамедов,
Р.Р. Салихов, Ф.Г. Сафин, А.Г. Ситдилов, Р.Р. Хайрутдинов, Р.В. Шайдуллин

Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие:
И90 сборник статей IX Всероссийской (XVII средневолжской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии (г. Казань, 5–7 октября 2022 г.) / отв. ред.: Р.В. Шайдуллин, Р.Р. Батыршин. — Казань, 2023. — 600 с., илл.
ISBN 978-5-902375-70-8

В книге представлены материалы IX Всероссийской (XVII средневолжской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии, организованной Институтом Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ при активной поддержке Института истории им. Ш. Марджани и кафедры Отечественной истории Института международных отношений Казанского федерального университета. Она включает в себя статьи об историко-культурном наследии и хозяйственной повседневности народов, населяющих сельские территории России, в которых проанализированы историко-культурологические, источниковедческие, историографические, социально-экономические и общественно-политические контексты истории многонационального крестьянства.

Издание адресовано историкам, этнографам, социологам, практическим работникам аграрного сектора, всем тем, кто интересуется историко-культурными и хозяйственными проблемами национальных деревень России.

**УДК 94(1–22):008
ББК 63.3:71**

ISBN 978-5-902375-70-8

© Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
АН РТ, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге опубликованы материалы IX Всероссийской (XVII средневожской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии «Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие», проведенной 5–7 октября 2022 г. в Казани. Традиция проведения подобных конференций восходит к средневожскому объединению историков-аграрников (создано в 1976 г.), положившему начало целенаправленному изучению истории и культуры российского крестьянства, а также проведению научных конференций и популяризации знаний по аграрной истории Среднего Поволжья. К 2022 г. объединением было проведено 17 региональных научно-практических конференций, из которых 9 последних имеют всероссийский статус. По сложившейся традиции эти научные форумы историков-аграрников проводятся в ведущих научных центрах Среднего Поволжья с периодичностью один раз в два года. В первой четверти XXI в. конференции историков-аграрников прошли в гг. Ижевск, Йошкар-Ола, Казань, Саранск, Ульяновск, Чебоксары.

После конференции историков-аграрников, состоявшейся в октябре 2010 г. в Казани, прошло 10 лет. В 2022 г. столица Республики Татарстан вновь стала принимающей стороной. Как и в предыдущий раз, инициатором проведения конференции выступил Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, в организации которой участвовали институты истории, археологии АН РТ и кафедра Отечественной истории Института международных отношений Казанского федерального университета. В этот раз главной задачей конференции было рассмотрение аграрной истории России в достаточно новом для данного форума ракурсе – историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие. При обсуждении вопросов заявленного форума через призму историко-культурной и социально-экономической повседневности сельских территорий планировалось проанализировать следующие важные теоретико-практические проблемы современной деревни:

- сохранение и развитие традиционных форм хозяйствования на селе;
- социально-экономические и агрокультурные новации в вотчинах и поместьях и их воздействие на крестьянские хозяйства;
- самобытная традиционная культура села как ресурс развития малого предпринимательства;
- конкурентоспособность сельских территорий как определяющий фактор роста экономики и социально-культурной сферы деревни;
- роль инновационных социокультурных программ (проектов) в сохранении и развитии деревнеобразующего потенциала сельского населения;
- вклад крестьянства в индустриальное наследие страны;
- роль хозяйствующих субъектов деревни в развитии сельской системы образования и культуры;

- традиционные праздники, обряды, обычаи и самодеятельное художественное творчество сельского населения;
- традиционные семейные ценности как социокультурный потенциал развития многонациональной деревни;
- федеральные и региональные программы (проекты) по сохранению и развитию историко-культурного наследия деревни;
- совершенствование системы школьного, профессионального образования и воспитания сельской молодежи как фактор обеспечения преемственности поколений;
- традиционная кухня народов, этапы и формы ее модернизации;
- сельский туризм: проблемы, опыт, состояние и перспективы его развития;
- образ крестьянина (колхозника) в историографии, политологии, социологии, культурологии и массовом сознании россиян;
- историко-культурное наследие деревень в срезе археологических, документальных и эмпирических источников.

Однако, несмотря на большое количество докладов, не удалось полностью охватить все проблемы, запланированные организаторами аграрной конференции. Это объясняется тем, что некоторые направления работы аграрной конференции в проблемно-тематическом плане были поставлены слишком обширно, что сделало невозможным их исчерпывающее рассмотрение в рамках одного научного форума. Кроме того, не все докладчики смогли переключиться со своих устоявшихся социально-экономических тем к проблемам, связанным с историко-культурными устоями сельского населения.

С учетом состоявшихся выступлений, обсуждений, дискуссий и обмена мнениями участники конференции историков-аграрников высказались о необходимости более тесного взаимодействия, сотрудничества и интеграции научно-практической работы российских ученых в области историко-аграрных исследований, связанных с сохранением и развитием историко-культурного наследия российской деревни.

В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели и аспиранты вузов, научные сотрудники научно-исследовательских институтов, а также краеведы и учителя из различных населенных пунктов Российской Федерации, в том числе из гг. Казань, Москва, Санкт-Петербург, Глазов, Йошкар-Ола, Нижний Новгород, Пермь, Петрозаводск, Самара, Саранск, Тольятти, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Якутск.

Книга состоит из шести разделов и приложения, которые включают текстовые и иллюстративные материалы пленарного и секционных заседаний конференции. В отличие от других подобных изданий она проиллюстрирована цветными вклейками как с фотографиями участников конференции, так и иллюстрациями к статьям (см. Приложение 1).

Оргкомитет конференции надеется, что темы, которые были обсуждены в рамках конференции, вызовут интерес у научной общественности и станут стимулом для продолжения дальнейшей работы в этих направлениях.

От редактора

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

1. ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Приветственное слово

заместителя Председателя Государственного Совета РТ М.Г. Ахметова

Дорогие друзья, уважаемые ученые, организаторы и участники IX Всероссийской (XVII средневожской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов и других специалистов Евразии «Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие»!

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что научный вектор, заданный этой всероссийской конференцией в течение четырех десятилетий, достиг желаемого результата, дискуссионная площадка с каждым годом расширяет свои географические границы, а научная проблематика данного представительного форума открывает путь к новому состоянию знаний в исследуемой области. Научно-исследовательская деятельность участников всероссийской конференции занимает особое место, являясь важной составляющей профессиональной подготовки современного специалиста – историка-аграрника, и неразрывно связана с происходящим общественно-политическим процессом в стране, что находит свое отражение в реализации уникальных научных разработок по истории, культуре и экономике многонациональной деревни. Сохраняя верность традициям, участники конференции активно внедряют передовые научно-исследовательские технологии и развивают новые научные направления.

Всероссийская конференция в широком смысле выступает «началом начал», от нее зависит развитие всей научной школы историков-аграрников, ее основной задачей является сохранение всего лучшего, ценного и недопущение снижения качества научно-исследовательских работ по историко-культурному наследию сельского населения страны.

Особую признательность и благодарность в этом отношении хотелось бы выразить докторам исторических наук, профессорам Петру Серафимовичу Кабытову из Самары, Ананию Герасимовичу Иванову из Йошкар-Олы, Галине Александровне Куршевой из Саранска, Рашиту Алимовичу Мухамедову из Ульяновска, Рафаилу Валеевичу Шайдуллину из Казани, усилиями которых продолжается традиция проведения историко-аграрной конференции в различных республиках и областях Поволжья и Приуралья (через каждые два года), объединившей интересы ведущих ученых и практиков в заявленной области.

Уважаемые организаторы и участники конференции, молодые ученые и специалисты, позвольте выразить вам глубокую благодарность за участие в работе конференции, за ее поддержку и развитие. Выражаю уверенность в сохранении и преумножении сложившихся отношений и надеюсь на наше дальнейшее сотрудничество.

Желаю всем вам крепкого здоровья, интересной работы и полезных деловых контактов!

**Приветственное слово
вице-президента Академии наук РТ В.В. Хоменко**

Уважаемые коллеги!

Сегодня вы приступите к обсуждению одной из важнейших проблем, определяющей перспективу сохранения социально-экономической основы самобытности российских народов и, во многом, устойчивость самого Российского государства. Проблема эта многогранна. Свести ее только к продовольственной безопасности нельзя. «Не хлебом единым жив человек». В этом изречении скрыт большой смысл. Село сохраняет уклад, в условиях которого или благодаря которому формировались нация, народ, этнос. В этом заключается его здоровый социальный консерватизм.

Нельзя не заметить, что научно-технический прогресс меняет образ жизни на селе, но не ведет при этом к фронтальному отмиранию национальных институтов даже при наличии усиливающихся тенденций ассимиляции. Исторический потенциал сельского историко-культурного уклада до сих пор не исчерпал себя. Этого не произошло даже в условиях действия гигантских «государственных плавильных котлов» в России. Мировой и российский опыт показывает, что село и сельский образ жизни займут свое достойное место и в новых социально-экономических укладах.

Ситуация в сельской местности в Татарстане обладает как общероссийскими характеристиками, так и своими особенностями. Историческая сельская память татарского населения значительно крепче, чем у ряда других народов, в том числе русского. Это связано с более поздним вовлечением основной части коренного населения в городской промышленный уклад. С другой стороны, значительное количество социально-экономических и образовательно-культурных программ, реализованных в Татарстане в последние десятилетия, внесли огромный вклад не только в укрепление производственного потенциала и инфраструктуры сельских районов, но и в сохранение и развитие историко-культурного наследия многонациональной деревни. В республике осуществлена полная газификация сел и деревень, большая часть сельских населенных пунктов имеет подводку асфальтовых дорог, в существенной степени решена задача обеспечения кабельной и мобильной телефонной связью, Интернетом и т.д. Даже внешний облик сел и деревень Татарстана резко отличается в положительную сторону от того, что имеет место во многих соседних регионах. Кроме того, в сельской местности постепенно в широкий обиход входят календарные праздничные традиции и обряды, проводятся этнические фестивали и другие культурные мероприятия, на которых звучат народные песни и демонстрируются народные плясовые композиции.

Гармония между селом и городом должна быть достигнута во имя сохранения самого государства...

Уверен, что такое понимание проблемы есть у большинства участников конференции. Поэтому итоги ее обсуждения и последующие выводы будут фундаментальными и практически важными.

Творческих успехов всем вам!

Приветственное слово
начальника Комитета по работе с татарскими предпринимателями
Исполнительного комитета Всемирного конгресса татар Ф.Я. Уразаева

Уважаемые коллеги! Разрешите поприветствовать вас от имени руководства Исполкома Всемирного конгресса татар и лично от имени председателя Национального совета Василя Габтелгаязовича Шайхразиева, передать слова благодарности и пожелать успехов в работе конференции.

Проведение этого мероприятия в Казани возлагает определенную ответственность на республику в обобщении и систематизации знаний о материальном, духовном, историческом и культурном наследии народов Татарстана, в том числе татарского народа, проживающего в регионах Российской Федерации.

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, в здании которого проходит данная конференция, работает по принципу «все о татарском народе и Татарстане», и следует отметить, что он достиг на этом поприще определенных успехов, а именно в разработке и систематизации исторических и социокультурных знаний о татарской диаспоре и ее населенных пунктах в Российской Федерации, странах ближнего и дальнего зарубежья. Яркий пример этого – выполнение шести научно-исследовательских работ в рамках реализации Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2023 годы)», одной из которых является энциклопедический справочник «Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации: общественные и культурно-просветительские организации, средства массовой информации».

Роль Татарстана, как лидирующего региона России в сфере АПК, также позволяет нам говорить о достижениях республики с перспективой на будущее в сфере сельского хозяйства, а вместе с этим и о сохранении села как социального института XXI в.

Однако, учитывая, что данное мероприятие способствует расширению и углублению знаний об историческом наследии не только в контексте «сохранения российских деревень», но и в плане их развития в современном мире, хотелось бы обратить ваше внимание на «татарский фактор», как фактор созидания и благополучия в современной России.

Исходя из тематики конференции возникает риторический вопрос: исторически по своему характеру такая аграрная страна, как Россия, сможет ли стать великой аграрной мировой державой в XXI веке? Вот в чем вопрос. Насколько «живительным родником» является российская деревня в жизнедеятельности народов Российской Федерации?

Я думаю, что на эти и на многие другие вопросы ответят участники конференции. Что поможет консолидации усилий государственных, инвестиционных, хозяйственных, общественных и научных структур России по сохранению и эффективному использованию исторического и духовно-культурного наследия деревни.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что конференция пройдет в созидательной и творческой атмосфере, что работа на форуме будет сопровождаться плодотворной и конструктивной дискуссией. Желаю всем участникам и организаторам конференции найти среди многообразия тем и докладов то, что будет им интересно и полезно!

2. ПЛЕНАРНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

УДК 94(470)

П.С. Кабытов

Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, г. Самара, Россия

О.А. Безгина

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

РОЛЬ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА ПО РАЗВИТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена деятельности кооперативных организаций начала XX века по развитию сельской системы образования и культуры. Анализ культурно-просветительной работы кооперации показал, что двуединая природа кооперации всегда побуждала ее заниматься не только экономической, но и социокультурной деятельностью. Помимо обеспечения крестьян кредитами и товарами, организации сбыта и переработки продуктов кооперативы по мере своего развития выполняли и просветительские функции: выписывали журналы, книги, формировали кооперативные библиотеки, организовывали учебу по рациональному ведению крестьянского хозяйства, проводили культурно-массовые мероприятия.

Ключевые слова: кооперация, образование, культурно-просветительная работа, просвещение, издательская деятельность.

P.S. Kabytov, O.A. Bezgina

THE ROLE OF COOPERATIVE ORGANIZATIONS OF THE EARLY 20th CENTURY IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATION AND CULTURE IN THE PEASANT ENVIRONMENT

The article is devoted to the activities of cooperative organizations of the early twentieth century for the development of rural education and culture. The analysis of the cultural and educational work of the cooperative has shown that the dual nature of cooperation has always prompted it to engage in not only economic, but also socio-cultural activities. In addition to providing peasants with loans and goods, organizing the sale and processing of products, cooperatives, as they developed, also performed educational functions: they subscribed to magazines, books, formed cooperative libraries, organized studies on the rational management of the peasant economy, held cultural events.

Keywords: cooperation, education, cultural and educational work, education, publishing.

Кооперация – это один из инструментов достижения устойчивого развития социально-экономической жизни. Это хорошо понимали первые организаторы кооперации, которые активно популяризировали ее, начиная с пореформенного периода. В результате, к середине 1910-х годов кооперация представляла собой самое многочисленное в России общественно-экономическое движение, сыгравшее важную роль в процессах модернизации страны. В сельской местности кооперативы способствовали модернизации сельскохозяйственного производства, переработке и реализации своей продукции.

С проблемой невозможности укоренения кооперации в неподготовленной среде инициаторы кооперативного движения столкнулись с первых шагов развития своего дела. Первоначально перед ними стояла задача воспитать людей, способных воспринимать новые формы самоорганизации. Поэтому процесс внедрения кооперативных форм в крестьянской среде сопровождался культурно-просветительской деятельностью кооператоров. Формы и масштабы этой работы носили разнообразный характер, она была тем необходимым условием, без которого невозможно было внедрить кооперативные формы хозяйствования в крестьянскую жизнь.

Развитие рыночных отношений усиливало потребность в образованных людях. В то время как Россия в начале XX века имела очень низкий уровень грамотности населения. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, уровень грамотности населения европейской части страны составил 21,1 процент. У мужчин он достигал более двадцати девяти (29,3) процентов, у женщин – чуть более тринадцати (13,1) процентов. Россия занимала одно из последних мест среди крупнейших стран по уровню образования. В 1913 году грамотным было около сорока процентов населения России. Особенно печальным положение по уровню образованности было в деревне, неграмотность доходила до восьмидесяти процентов. Только около двадцати четырех (23,8) процентов детей в возрасте семи–четырнадцати лет обучалось в сельских начальных школах [4, с. 81].

Поволжье, как окраинная российская территория, демонстрировало низкий уровень развития культуры и образования, что усугублялось многонациональностью населения региона. В национальных районах доля неграмотного населения достигала девяносто девяти с половиной процентов [15, с. 281]. Так, Самарская губерния по уровню грамотности в России стояла на тридцать третьем месте. Грамотного населения в губернии было менее двадцати (19,6) процентов [11, с. 5]. Анализируя период формирования кооперативного движения, журнал Самарского союза кооперативных объединений «Кооперация и жизнь» писал: «Условия, в которых складывалось и росло кооперативное дело в Самарской губернии, были общие условия нашей экономической и политической жизни, нашей культурной отсталости и особенно сельского населения, которые сильно тормозили развитие и рост кооперативного дела» [7, с. 4]. По мнению П.С. Кабытова, главной причиной, по которой беднота не могла отдавать своих детей в школу, являлось разорение крестьян, отсутствие средств [5, с. 51]. В этой связи просветительская работа первых кооперативов может быть сравнима с миссионерской деятельностью.

В многонациональном Поволжье развитие кооперативного движения осложнялось подчас незнанием русского языка. Инспекторы мелкого кредита, разъезжавшие по селам с целью проверки работы местных кооперативных товариществ, констатировали, что «состав Правления не только не понимает задач кредитного учреждения, но и с трудом разбирается в самой простой речи на русском языке. Люди темные в смысле интеллектуального развития привыкшие полагаться на авторитетных в их глазах лиц, вроде волостного писаря» [13, л. 4]. Это оценка принадлежит инспектору мелкого кредита Пензенского отделения Государственного банка, который 6 ноября 1915 года проводил ревизию Кривоозерского кредитного товарищества [13, л. 4].

Первоначально культурно-просветительные мероприятия кооперативных обществ носили несистемный характер и инициировались «сверху» земствами либо отдельными инициативными помещиками, часто при поддержке государственных органов власти. Типичным примером таких форм просветительской работы среди крестьянства может служить выставка садоводства, огородничества и пчеловодства в селе Панская Слобода Симбирской губернии, организованная 15–16 июля 1913 года местным сельскохозяйственным обществом. «Средства на проведение выставки в размере триста рублей были выделены Департаментом земледелия, по сто рублей выделили Симбирское общество сельского хозяйства и Панкослободское общество садоводов и огородников» [2, л. 437]. На подобные мероприятия тратились подчас весьма значительные средства, однако трудно говорить о их влиянии на качественное изменение крестьянской жизни из-за их несистемного характера, а также того, что крестьяне в них оставались лишь пассивными наблюдателями.

Неумение рационально вести свое хозяйство усугубляли бедность и убогость крестьянской жизни. Пытаясь изменить эту ситуацию, кооперативы открывали и содержали библиотеки по сельскому хозяйству, выписывали специальные журналы, организовывали метеорологические и прокатные станции, сельскохозяйственные выставки, устраивали опытные участки для изучения различных методов обработки почвы и выращивания новых сортов растений, зерноочистительные пункты. Распространяли таким образом среди крестьян агрономические и животноводческие знания. Большую организационную и просветительскую помощь кооперативам оказывали земства: «земства распространяли сведения о товариществах среди крестьян, составляли проекты уставов, брали на себя посредничество для скорейшего утверждения их и ассигновали более или менее значительные суммы для выдачи первоначальных займов возникающим товариществам» [1, с. 90].

В Поволжье необходимость агрономической помощи диктовалась также особыми климатическими условиями. Так, члены правления Высококолковского кредитного товарищества Ставропольского уезда Самарской губернии приучили население к осенней вспашке земли (как известно, повышающей в засушливых полосах урожайность иногда до пятидесяти процентов) путем убеждения и даже принуждения заемщиков при кредитовании, сокращая размеры ссуды, если заемщик не желал осенью вспахать свою землю. «Пропаганда применения сельскохозяйственной техники

у крестьян велась товариществом при помощи собственного ручного кинематографа с картинками, главным образом по сельскому хозяйству» [10, с. 145].

Уже первые опыты кооперативной работы демонстрируют и примеры культурно-просветительной деятельности. Историк кооперации М.Л. Хейсин писал в начале XX века: «... уже немало обществ, которые ... ведут большую культурную работу. Если и в дальнейшем наметившиеся стремления в сельских обществах будут развиваться, то много обществ превратится в культурные очаги деревни» [18, с. 31].

К началу 1910-х годов в кооперативах фиксируется начало системной культурно-просветительной работы. По воспоминаниям заведующего культурно-просветительным отделом Самарского союза кооперативных объединений Б. Краснослободского первые серьезные попытки кооперации «к перестройке жизни не только путем борьбы с бедностью, но и с темнотой, борьбу с культурной бедностью» следует относить к предвоенному 1913 году [8, с. 15].

Анализ уставов различных кооперативных объединений, начиная с 1913 года, показал наличие в большинстве из них раздела, посвященного культурно-просветительной деятельности. Согласно уставам кооперативов, в их задачи, помимо основной деятельности, входили такие мероприятия, как: организация курсов, учебных мастерских, учреждение стипендий для учащихся, устройство народных домов, различных кружков, концертов, спектаклей, чтений, вечеров и другое.

Отчисления на культурно-просветительные цели были постоянной статьей расходов кооперативов. Поначалу собственные средства кооперативов, выделяемые на эту работу, были незначительными. По данным историка кооперации начала XX века В.Ф. Тотомиянца, в 1901 году российские кооперативы на культурные цели отчисляли в среднем 0,013 руб., что в пересчете на товары составляло не больше одной книги на одного члена, а на благотворительность – 0,044 руб. [17, с. 15].

Вместе с ростом числа кооперативов возрастали и их средства, в том числе и отчисления на культурно-просветительную работу. Накануне Первой мировой войны, как правило, уже не менее 50 процентов чистой прибыли обществ выделялось на культурные, просветительские и благотворительные цели [21, л. 10, 11]. Правда, в годы войны это соотношение начало меняться в сторону увеличения средств на хозяйственно-экономическую работу. Так, кредитные кооперативы Саратовской губернии по данным на 1 января 1915 года потратили на свою хозяйственно-экономическую деятельность 2,8 процента основного капитала, а на культурно-просветительную деятельность – 1,4 процента. По состоянию на 1 января 1916 года на хозяйственно-экономическую деятельность было выделено уже 4,8 процента основного капитала, а на культурно-просветительную деятельность по-прежнему – 1,4 процента. При этом средства, выделяемые кредитной кооперацией Саратовской губернии на благотворительные цели, сохранялись на уровне 2,4 процента [14, с. 7].

Культурно-просветительная работа кооперативов складывалась из мероприятий, направленных как на непосредственно кооперативное просвещение, так и на общекультурное развитие населения. Кооперативные общества организовывали кон-

церты, спектакли, чтения, тематические вечера. Широкое распространение получила такая форма кооперативной работы для населения, как создание Народных домов. В 1915 году их количество достигало ста пятидесяти девяти и продолжало расти [6, с. 312]. Журнал «Союз потребителей» за 1915 год отмечал: «Нам известно о ста пятидесяти народных домах, но их, несомненно, больше» [18, с. 31]. Знакомству с кинематографом сельские жители также обязаны не только земским, но и кооперативным организациям.

В 1915 года начался процесс организации при кооперативах губернских культурно-просветительных комиссий. Это движение отражало стремление кооперации к объединению в деле развития культурно-просветительной работы среди населения. Однако официально заниматься культурно-просветительной и издательской деятельностью кооперации было разрешено только после выхода единого кооперативного закона. «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» было утверждено Временным правительством 20 марта 1917 года. Согласно первой статье единого кооперативного закона, кооперацию рассматривали как организацию, «имеющую цель содействовать не только материальному, но и духовному благополучию своих членов» [12, с. 26]. Выразиться это должно было в общественно-массовой и культурно-просветительной деятельности, «не позволяющей кооперативу вырождаться лишь в коммерческое предприятие» [12, с. 26].

Закон утверждал, что «наряду с хозяйственной деятельностью для достижения своих целей кооперативные товарищества могут производить всякого рода обследования и опубликовывать их результаты, выпускать периодические издания, ...производить всякого рода действия, направленные к развитию товарищества и благосостоянию его членов» [12, с. 26]. В результате закон не только определил правовое положение российской кооперации, но и расширил границы ее деятельности. С этого времени начался всплеск культурно-просветительной кооперативной деятельности. В кооперативах стали создаваться неторговые отделы, в ведение которых и была эта работа.

Важным направлением в культурно-просветительной деятельности кооперации на протяжении всего периода ее развития была организация издательского дела. Официально заниматься издательской деятельностью кооперация получила право, также как и в целом культурно-просветительной работой, лишь в марте 1917 года с выходом «Положения о кооперативных товариществах и их союзах» – единого кооперативного закона. Однако первые опыты по изданию кооперативной печати начались гораздо раньше.

С 1902 года начались публикации первого печатного периодического органа в области кооперации в качестве приложения к «Вестнику сельского хозяйства» по вопросам кредита. В 1903 году Московский союз потребительских обществ, «пытаясь привить отечественной кооперации европейские идеи», приступил к изданию журнала «Союз потребителей», в котором разъяснял и пропагандировал основы кооперативной работы и кооперативные принципы. Одновременно стал выходить журнал «Потребительное общество». В 1906 году вышел из печати журнал «Трудовой союз», а с января 1908 года – журнал «Труженик», которые были созданы со-

вместными усилиями рабочих. Оба издания пропагандировали идеи свободной независимой кооперации среди рабочих, особенно подчеркивая, что кооперация не должна ставить перед собой только материальные задачи.

С 1911 года Московский союз потребительских обществ помимо журнала «Союз потребителей» приступил к выпуску журнала «Объединение». После Всероссийского кооперативного съезда, прошедшего в 1908 году, с 1909 года стал издаваться общеккооперативный журнал «Вестник кооперации». Большой популярностью пользовался выходивший в Москве иллюстрированный журнал «Кооперативная жизнь». В период с 1912 по 1917 года выпускалось по 24 номера ежегодно.

В начале XX века публиковались и первые исследования в области теории и практики кооперативного движения, преимущественно связанные с обобщением европейского опыта, а также исторического характера. Наиболее значимую роль в развитии научной кооперативной мысли сыграли представители организационно-производственного направления, объединявшего ведущих практиков и теоретиков кооперации. Одновременно появлялись книги пропагандистского и организационного характера. К 1915 году в России печаталась популярная литература по различным аспектам кооперативной деятельности, выполнявшая задачу проведения «идеи истинной кооперации в пробудившуюся кооперативную среду» [15, с. 29]. Вся эта литература составила основу сельских кооперативных библиотек.

Небывалый рост числа кооперативной литературы произошел в 1917 году. Если ко времени Февральской революции кооперация насчитывала до сорока своих журналов, то к маю 1918 года число кооперативных изданий достигло уже ста двадцати пяти [20, л. 7]. Например, в Самаре в это время выходило четыре кооперативных журнала: «Народная жизнь», «Самопомощь», «Кооперативное дело Самарского края», «Кооперация и жизнь», а также газеты: «Самарский кооператор», «Известия Совета кооперативных съездов Средне-Волжского района», «Трудовая копейка». Например, газета «Известия общества Самопомощь» Самарского одноименного потребительского общества издавалась тиражом от пятисот до пяти тысяч экземпляров. Кроме того, общество печатало листовки, плакаты и брошюры по кооперации [19, л. 4].

Приход к власти большевиков первоначально не рассматривался кооператорами как начало к свертыванию кооперативного движения. Так, редакционная статья первого номера журнала «Кооперация и жизнь», вышедшего в феврале 1918 года, сообщала, что журнал планировал освещать прежде всего кооперативное движение в России и, в частности, в Поволжье. Особое внимание планировалось уделять «корреспонденциям с мест». Редакция журнала считала своей задачей способствовать «численному росту кооперативных сил и качественному росту кооперативного сознания» [7, с. 2].

К 1918 году российская кооперация создала систему периодической печати – научно-теоретическую, научно-популярную, информационную и инструктивную, затрагивающую как общие проблемы движения, так и потребности всех его видов. С каждым годом возрастало число региональных кооперативных изданий – журналов, газет, бюллетеней. Кооперативные издания публиковали как специальные, так

и общественно-политические материалы, художественные отделы печатали короткие рассказы, подборки стихов.

Одновременно с периодическими изданиями на рынке было представлено много книг пропагандистского, агитационного и организационного характера. Благодаря научно-популярной и публицистической кооперативной литературе идеи кооперации становились достоянием широких масс. Помимо книг выпускались диапозитивы, календари, плакаты.

Получив законодательное право на культурно-просветительскую и издательскую деятельность, кооперативы активно включились в преобразование не только культурной, но и общественно-политической жизни страны. «События последнего времени несут кооперации освобождение от постоянной опеки и степеней самодетельности. Творчеству народа открывается широкий простор», – отмечалось весной 1917 года в журнале «Симбирский хозяин» [15, с. 29]. Это ярко продемонстрировали кооперативные съезды, прошедшие в 1917 году как в целом по России, так и в поволжских губерниях. Большое внимание вопросам культурно-просветительной работы уделили делегаты Казанского губернского кооперативного съезда, состоявшегося 20–22 марта 1917 года. Было запланировано: открытие книжного склада для снабжения литературой всех кооперативных организаций губернии; издание ежедневной кооперативной и политической газеты; устройство в деревнях «клубов-читален». Предполагалось, что подобные клубы станут местом, «где бы жители ежедневно собирались, читали и обменивались своими мнениями и впечатлениями» [19, л. 8]. Участники съезда пришли к выводу, что к этой работе необходимо привлекать все «интеллигентные силы деревни» [19, л. 8]. Особое внимание съезд рекомендовал обратить на просвещение женщин, «так как женщина вообще более темна, чем мужчина, а она в данное время почти единственная представительница взрослого населения деревни» [19, л. 8].

На Самарском губернском кооперативном съезде в мае 1917 года многими его участниками отмечалось, что кооперативы должны особенно широко заняться просветительской работой среди населения, так как «просвещение – оплот русской свободы, а тьма и невежество – самые опасные ее враги» [19, л. 4]. Делегаты съезда считали необходимым спешное объединение кооперативов губернии в союз для того, чтобы «немедленно начать культурно-просветительную деятельность, развитием которой послужит все остальное» [19, л. 4]. Среди постановлений съезда было решение организовать при Губернском кооперативном комитете группы лекторов для чтения по деревням лекций о современных событиях; об устройстве в каждой деревне клубов-читален; об открытии при том же комитете книжного склада, «который бы снабжал литературой все кооперативные организации» [19, л. 4]. Планировалось объединять в рамках этой работы как можно больше наиболее просвещенных сельских жителей.

Итак, история развития кооперативного движения показала, что заниматься просветительской деятельностью кооператоров заставила практика собственного развития, доказавшая, что реформа должна опираться на опережающее развитие культуры. Уже первые опыты внедрения кооперации на русскую почву показали, что

широкое развитие кооперации возможно лишь при наличии определенного культурного уровня кооперативных работников. Постепенно расширяя сферы своей деятельности, отечественная кооперация трансформировалась в широкое социально-экономическое движение, практикующее разнообразные, в том числе и культурно-просветительные формы работы.

Создавая кооперативные школы, библиотеки, народные дома, пропагандируя и внедряя новые формы агрокультурных мероприятий, сельские кооперативные товарищества способствовали подъему как экономического, так и общего культурного уровня жизни крестьян. «О немалой роли кооперации в инкультурации населения, т.е. в приобщении городских и деревенских жителей к ценностям мировой и отечественной культуры» сделала вывод в своем исследовании новейшей истории кооперации Е.В. Дианова [3, с. 7].

Таким образом, весь досоветский период своего развития кооперация демонстрировала последовательные шаги по просвещению и повышению культурного и образовательного уровня кооперированного населения. Инерционная сила этого движения была столь велика, что оно продолжалось еще несколько лет после прихода к власти большевиков, которые по сути своей не были заинтересованы в социокультурной самостоятельности населения.

Источники и литература

1. Безгина О.А. Из истории кооперативного движения в дореволюционной России (На примере Самарской губернии) // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. – Самара: «Универ-групп», 2004. – С. 87–98.
2. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1111.
3. Дианова Е.В. Культурно-просветительная деятельность кооперативных организаций Европейского Севера (1900–1920 гг.). – Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2017. – 360 с.
4. Ефимова М.Р., Долгих Е.А. Статистическая оценка грамотности населения России: от умения читать до ученых степеней // Вопросы статистики. – 2016. – № 9 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/vopr_stat/gramot.pdf (дата обращения: 16.04.2022)
5. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Через войны и революции: поиски и решения // Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М.: Мысль, 1988.
6. Кильчевский В.А. Кооперация и партия. – П., 1919. – 28 с.
7. Кооперация и жизнь. – 1918. – № 1.
8. Кооперация и жизнь. – 1918. – № 5.
9. Кооперация и жизнь. – 1919. – № 1.
10. Мухамедов Р.А. Кооперативно-государственная система хлебозаготовок в Поволжье в 1915–1916 гг. // Вопросы истории. – 2009. – № 2.
11. Някшин К.Я. Культурное строительство в Куйбышевской области за 30 лет. – Куйбышев, 1947. – 28 с.
12. Положение о кооперативных товариществах и их союзах. Гл. 1. Ст. 1 // Исаев А.А. Новое кооперативное законодательство. – П., 1918.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 582. Оп. 6. Ед. хр. 640.
14. Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока России. – 1917. – № 7–9.
15. Симбирский хозяин. – 1917. – № 4.

16. Степанов А.С. Очерк истории мировой культуры. – М.: ООО «Многоцветие», 2000. – 368 с.
17. Тотомианц В.Ф. Кооперация в России. – Прага, 1922. – 174 с.
18. Хейсин М.Л. Основы культурно-просветительной деятельности кооперативов. – М., 1919. – 72 с.
19. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 158. Оп. 1. Д. 367.
20. Там же. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 12.
21. Там же. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5.

УДК 94(470.345/344):304

Е.Н. Бикейкин, Г.А. Куршева, С.В. Першин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СЕЛЕ В 1970 – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОРДОВСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АССР)*

Статья посвящена анализу основных направлений государственной социальной политики на селе в 1970-е – начале 1980-х гг. На материалах двух национальных республик исследуется влияние курса на концентрацию сельскохозяйственного производства, выразившегося в политике укрупнения хозяйств, преобразования колхозов в совхозы, а также кампании по ликвидации неперспективных сел на социально-экономический и демографический облик села.

Ключевые слова: Мордовская АССР, Чувашская АССР, сельское хозяйство, ликвидация неперспективных сел, социальная политика, раскрестьянивание.

E.N. Bikeikin, G.A. Kursheva, S.V. Pershin

STATE SOCIAL POLICY IN RURAL AREAS IN THE 1970s – EARLY 1980s: MAIN VECTORS AND RESULTS (ON THE MATERIALS OF THE MORDOVIAN AND CHUVASH ASSR)

The article is devoted to the analysis of the main directions of state social policy in rural areas in the 1970s – early 1980s. Based on the materials of the two national republics, the influence of the course on the concentration of agricultural production, expressed in the policy of consolidation of farms, the transformation of collective farms into state farms, also companies for the elimination of unpromising villages on the socio-economic and demographic appearance of the village, is investigated.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922–1991)» // Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43020: «Agrarian policy in the USSR and regional features of its implementation (1922–1991)».

Keywords: Mordovian ASSR, Chuvash ASSR, agriculture, liquidation of unpromising villages, social policy, de-farming.

На протяжении большей части своей истории Россия являлась аграрной страной с преимущественно крестьянским населением. Исторически так сложилось, что решением социальных проблем села государство занималось в основном по остаточному принципу, а сельское хозяйство рассматривало как отрасль-ресурс мобилизационной экономики. От фактического рабства крестьянство было освобождено только в 1861 г., а трудности с паспортизацией и со всеми вытекающими последствиями колхозникам создавались вплоть до 1960-х гг. Имел свои деструктивные проявления и запаздывающий характер российской модернизации в целом. Однако вышеупомянутое совсем не означает, что село не развивалось, а аграрное производство деградировало. Российская деревня многократно испытала на себе экономические подъемы и спады, реформы и контрреформы. 1970-е – начало 1980-х гг. – уникальный период в отечественной истории – это время активизации государственной социальной политики на селе, начатой еще при Н.С. Хрущеве и уместившей в себе как небывалые позитивные сдвиги в социально-экономическом облике деревни, так и кристаллизацию проблем раскрестьянения, ставших бомбой замедленного действия для последующего развития страны.

В советский период истории главными экономическими и социальными локомотивами на селе были совхозы и колхозы, как основные субъекты хозяйствования. В связи с этим любые трансформации колхозно-совхозной системы сказывались на социальном положении сельчан. В 1970-е гг. существенное влияние на развитие села и сельскохозяйственное производство оказала концентрация производства, впоследствии вылившаяся в продолжение политики преобразования колхозов в совхозы. При этом планировалось, что вновь созданные крупные хозяйства будут не только более экономически эффективными, но и смогут успешно закрывать бреши в социальной политике государства. Такая практика завершилась очередной кампанией – ликвидацией неперспективных сел, сселением жителей малых сел на центральные усадьбы, пик проведения которой в рассматриваемых республиках падал на 1970-е гг.

Ее начало связано с вступлением в силу «Правил застройки сельских населенных пунктов РСФСР». Фактическим одобрением данного документа стало решение ЦК КПСС от 1 сентября 1968 г. [7, с. 212–217]. Те же идеи легли в основу постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (март 1974 г.), которое наметило укрупнение сел и ликвидацию 114 тыс. населенных пунктов из 143 тыс. [7, с. 403–404]. Выполняя директивы партии и правительства, Стройбанк СССР прекратил финансирование не только нового строительства, но и капитального ремонта существующих зданий и сооружений в «неперспективных» селах и деревнях.

В республиках ликвидацию «неперспективных» сел пытались объяснить достаточно резким сокращением численности сельского населения, изменениями его половозрастной структуры, миграцией в города. Разрабатывались порайонные пла-

ны ликвидации «неперспективных» сельских населенных пунктов. В частности, подобный план был составлен в Ромодановском районе Мордовской АССР, где до 2000 г. предусматривалось ликвидировать 51 село [4, с. 84]. Переселение жителей неперспективных поселений предлагалось осуществлять на добровольных началах. На практике темпы переселения оказались низкими. Так в Мордовии предусматривалось сселить в 1976–1980 гг. 713 дворов колхозников и рабочих совхозов, в том числе в 1976 г. – 143 двора. На 1 августа 1976 г. было сселено более 80 дворов. В отдельных районах к этой работе вообще не приступали [29]. В целом, в рассматриваемый период планы ликвидации неперспективных сел, несмотря на прилагаемые усилия, выполнены не были.

Пытаясь выполнить планы переселения «любой ценой» власть относилась к «неперспективным» и такие населенные пункты, экономический потенциал которых был далеко не исчерпан и при более дифференцированном и грамотном подходе мог бы быть еще реализован. Так депутат Верховного Совета Чувашской АССР от Козловского района Н.И. Шамлых в своем выступлении нарисовал такую картину, во многом типичную для исследуемых республик: «В свое время некоторые населенные пункты были признаны «неперспективными», или пунктами ограниченного развития. В них приостановилось строительство и они остаются без минимальных коммунально-бытовых удобств. Как правило, в таких населенных пунктах мало держат скота, не ремонтируют дома, не благоустраивают улицы, дворы и дороги. Поэтому молодые жители из этих деревень стремятся уехать в город. К таким населенным пунктам относится и наша деревня Уразметево. Хотя у нас самая крупная молочно-товарная ферма в районе, но в деревне нет ни конторы отделения, ни дома для животноводов, ни добротного клуба, ни жилья для работников сельского хозяйства. А это в свою очередь сказывается на текучести кадров. У нас сегодня не хватает доярок, механизаторов и других специалистов» [5, с. 92].

В унисон со словами Н.М. Шамлых высказался первый заместитель министра строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР В.А. Брухнов. Выступая перед депутатами Верховного Совета Мордовской АССР в 1976 г. он отметил: «Можно привести десятки примеров, когда слабое, прозябающее хозяйство, непрерывно теряющее кадры, особенно молодежь, после прокладки к нему хорошей дороги быстро оживает. Причем не только оживает экономика, но и повышается тонус всей жизни на селе, ибо помимо экономического значения улучшение автотранспортных связей имеет огромное значение для решения социальных, культурных, демографических и других проблем» [3, с. 71]. К сожалению, подобные здравые мысли, реализация которых могла бы замедлить раскрестьянивание деревни, далеко не всегда воплощались в реальность. Как правило, к подобным доводам чиновники относились скептически, исходя из излишне категоричного мнения о том, что «величина поселка по численности населения является фактором, влияющим на экономику и что «в крупных населенных пунктах сокращаются административно-управленческие и эксплуатационные расходы, здесь становится возможна организация культурно-бытового обслуживания на более высоком уровне» [1]. В целом, при всех благих планах курс на ликвидацию «неперспективных» сельских населен-

ных пунктов имел для села негативные последствия. Люди лишались традиционных мест проживания, а экономическая целесообразность часто приносилась в угоду императиву о «неперспективных» селах.

В то же время в рассматриваемый период руководство страны осознавало важность решения социальных проблем сельчан. Повышение культурного уровня и материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов, улучшение условий их труда и быта воспринимались как средство интенсификации сельскохозяйственного производства.

В решении социальных проблем села важное значение имело и постепенное устранение различий в оплате труда сельских и городских работников. В 1970-е гг. оплата труда колхозников значительно сблизилась, а во многих случаях сравнялась с зарплатой соответствующих категорий рабочих совхозов. Так, например, в совхозах Чувашской Республики в 1980 г. среднемесячная заработная плата одного работника составила 103 руб., против 96 руб. в 1975 г., в расчете на один отработанный человеко-день было выдано денег 4,47 руб., против 4,18 руб. в 1975 г. В колхозах в 1980 г. в качестве оплаты труда было выдано денег и продуктов на 4,09 руб., против 3,56 руб. в 1975 г. В то же время среднемесячная заработная плата рабочих и служащих республики в народном хозяйстве в 1980 г. в целом составила 147,7 руб., т.е. значительно больше, чем в сельском хозяйстве [10, с. 102].

Но при определенном росте заработной платы и уровня жизни сельчан продолжал давить о себе знать товарный дефицит. Сельские магазины часто не выполняли планов товарооборота, а в Советы поступали жалобы людей: на перебои с хлебом, крупой и пустующие прилавки, на нехватку мужских носков, женских чулок, детской одежды и обуви и т.д. [26; 28]. Жаловались и на несправедливое распределение товара [26]. Дефицит часто касался даже необходимых в трудовой деятельности вещей. Работники животноводческих ферм, механизаторы постоянно жаловались на плохое обеспечение их спецодеждой и спецобувью. Особенно мало завозилось в районы резиновых сапог, без которых работники ферм никак не могли обходиться [4, с. 60–61].

Нерешенность социальных вопросов продолжала беспокоить сельских жителей, особенно молодых. В частности, год от года все острее становилась проблема сельской газификации. В республиках население остро поднимало вопрос о газификации жилых домов, однако решить его в массовом порядке в рассматриваемый период власти так и не смогли.

Однако в отдельных хозяйствах был накоплен значительный опыт эффективной социальной политики. Например, в колхозе «Гвардеец» Батыревского района Чувашской АССР конкретные воплощения нашли меры по преобразованию социальной структуры коллектива, улучшению условий работы и охраны здоровья, сближению умственного и физического труда на основе внедрения средств механизации и ликвидации тяжелого ручного труда, улучшению жилищных и культурно-бытовых условий, совершенствованию систем материального стимулирования, росту оплаты труда и повышению благосостояния колхозников и т.д. В деревнях, объединенных в колхоз «Гвардеец», работали 68 учителей, 2 врача, 16 человек среднего медицин-

ского персонала, 19 специалистов сельского хозяйства, в т.ч. 17 с высшим образованием. Важным итогом решения социальных проблем села в колхозе «Гвардеец» стало закрепление молодежи в колхозе. Так, с 1970 г. по 1980 г. численность населения, проживавшего на территории колхоза, уменьшилась на 959 человек, или на 16,8%, что произошло главным образом за счет сокращения численности детей до 15 лет. Но социальная структура коллектива колхоза сложилась вполне благоприятной: увеличилось число людей трудоспособного возраста, удельный вес жителей от 16 до 59 лет с 1971 г. по 1980 г. возрос с 32,1% до 48,4% [8, с. 126].

Другой пример – колхоз «Россия» Ковылкинского района Мордовской АССР, в котором на строительство хозяйственных, культурно-бытовых объектов, дорог и благоустройство ежегодно расходовались большие средства. Только за девятую пятилетку в новое строительство было вложено более 4 млн руб. Кроме значительного числа производственных объектов были построены: Токмовская средняя и Новопшеневская восьмилетняя школы, стационар Кочелаевской участковой больницы на 50 коек, клуб в деревне Вярвелеи, магазины в селе Токмове и деревне Подгорное Алексово. Для колхозников построены десять благоустроенных двухквартирных домов. За тот же период было дополнительно проложено 7 км водопровода с установкой водоразборных колонок, в результате чего протяженность водопроводных сетей составляет 15 км. Во многих домах и квартирах колхозников имелся газ. На центральной усадьбе колхоза построено 2 км дорог с твердым покрытием, и в 1976 г. она соединилась с городом Ковылкино дорогой с чернощебеночным покрытием. Подобное развитие социальной сферы обусловило для сел колхоза благоприятную демографическую динамику. Видя происходящие большие социальные и культурные изменения села, молодежь по окончании школы стала оставаться в селе. По данным на 1976 г., в колхозе «Россия» трудилась молодежь в возрасте до 30 лет – 198 человек, 60% механизаторов составляла молодежь, которая, получив в Кочелаевской средней школе специальность тракториста-машиниста третьего класса, оставалась в хозяйстве. В 1975 г. осталось 12 человек, в 1976 г. – 18 выпускников [3, с. 60].

Тем не менее, пусть и не всегда последовательно, во всех трех республиках осуществлялись программы дальнейшего улучшения социальных и экономических условий жизни тружеников села. Так, в Мордовии за 1975–1977 гг. на селе было построено и введено в эксплуатацию 186,3 тыс. кв. м жилья, или в 1,6 раза больше, чем за годы девятой пятилетки, общеобразовательных школ на 5,5 тыс. ученических мест, детских дошкольных учреждений на 1470 мест, клубов и домов культуры на 4,5 тыс. мест и много других объектов культурно-бытового назначения [25]. Средняя заработная плата рабочих и служащих возросла более чем на 14%, доходы колхозников от общественного хозяйства – на 16% [21]. За пять лет в сельской местности Мордовии было введено в действие 490 км автомобильных дорог с твердым покрытием [20; 22]. В своем докладе на XXIV Мордовской областной конференции, состоявшейся 15 декабря 1978 г., тракторист колхоза им. XXIV съезда КПСС Темниковского района В.К. Зайцев, с определенным присущим эпохе пафосом, отмечал: «Только за три года десятой пятилетки у нас построен крупный откормочный ком-

плекс, завод брикетированных кормов, цех производства комбикормов, зерносушильный комплекс, двухэтажная школа, типовой магазин, комплексный приемный пункт бытовых услуг, несколько жилых домов, расширена колхозная столовая, застроен детский сад. Но что особенно нас, колхозников, радует, так это ввод 12-километровой асфальтированной дороги. Она связала автобусным движением даже самое отдаленное наше село Булаево с районным центром. Совсем другой стала наша жизнь. В домах имеется современная мебель, газ, телевизоры, приемники, многие купили автомашины. Партийный комитет, правление колхоза ценят наш труд, помогают в приобретении личного скота, кормов, топлива» [19].

Поддержать социальную сферу села, замедлить процессы оттока сельчан из деревни, а также не допустить падения плановых показателей развития сельскохозяйственной сферы власти пытались и посредством развития личных подсобных хозяйств. Ставилась задача, чтобы каждый колхозный двор и рабочий совхоза обязательно сохранил корову и овцематок. В этом должны были оказать помощь населению правления колхозов и дирекции совхозов, предоставив корма [18]. Однако данные установки выполнялись не всегда и не везде. Председатель Совета Министров Чувашии Л.П. Прокопьев, выступая в 1981 г. перед депутатами Верховного Совета республики, приводил неутешительную статистику: «Недооценка личных подсобных хозяйств граждан привела к тому, что за последние 5 лет поголовье коров у населения сократилось на 12 тыс., свиней – на 8,2 тыс., овец – на 52 тыс. и птиц – на 147 тыс. голов. В результате, порою сельские жители из поставщика продовольствия превращаются в его потребителя за счет государственной торговли». Наконец оратор открыто и напрямую связывал необходимость развития личных подсобных хозяйств с кризисными явлениями (скрывать которые было уже все труднее), параллельно критикуя косность бюрократической машины [5, с. 101–102]. Таким образом, если ранее в эпоху «хрущевских реформ» власть последовательно вела наступление на личные подсобные хозяйства граждан, то теперь, в условиях прогрессирующих застойных явлений, она в известной мере способствовала их развитию, так как видела в них одно из средств решения как экономических вопросов, так социальных проблем сельчан.

Социальные проблемы сельчан во многом продолжали быть связаны с более низким, чем у горожан, уровнем доходов, а нередко и с отсутствием должных стимулов трудовой активности, тем более что применявшиеся в предшествующие эпохи внеэкономические стимулы мотивации трудовой деятельности уже не работали. Причина тому – изменение сознания советских людей, в том числе жителей деревни, состоявшее в постепенном отходе от старой традиционной культуры аграрного социума (ранее, вплоть до 1950-х – 1960-х гг., свойственной также и горожанам) в сторону современной, урбанистической. Власть по-разному пыталась решать этот вопрос. В частности, дополнительным и до определенной степени эффективным методом стимулирования трудовой активности сельчан было премирование передовиков. Например, в Чувашии весной – летом 1973 г. районам для премирования передовиков было выделено 140 ценных подарков, стоимостью по 80 руб. каждый (по 5–10 на район); 120 туристических льготных путевок (по 5–9 на район),

200 путевок на ВДНХ, а также путевки в санатории и дома отдыха; для продажи 30 автомобилей «Москвич», 120 – «Жигули» (по 5–11), 130 мотоциклов (по 4–10). Чувашским ОК КПСС решено было по итогам работы за май и июнь вручить вместе со знаменем для поощрения передовиков денежную премию в размере 800 руб. За второе место – вымпел, диплом и премию 500 руб. Для поощрения передовиков за увеличение производства и заготовок мяса выделялись 100 льготных путевок [2].

Другой пример, по условиям социалистического соревнования на момент уборки урожая 1971 г. партийное бюро и правление колхоза «Правда» Кочкуровского района Мордовской АССР установили следующую поощрительную оплату: членам бригады, добившимся наивысшей выработки на уборке парозанимающих культур и закончившим уборку до 1 августа, выполнившим дневную норму выработки и при качественном исполнении работ по заготовке кормов, выплачивалась денежная надбавка к основной заработной плате 25%. Лучшему механизатору на заготовке кормов вручался памятный подарок. Механизатору, добившемуся наивысшей выработки на косовице хлебов жаткой ЖВН-6 не менее 35 га за день, давался переходящий красный вымпел и 10 руб. премиальных. Комбайнеру на подборке и обмолоте валков комбайном СК-3 и СК-4, добившемуся наивысшей выработки и намолотившему 300 ц зерна за смену, вручались переходящий красный вымпел и 10 руб. премиальных; намолотившим 270 ц – 7 руб., 250 ц – 5 руб. за счет премиального фонда колхоза. Шоферу и трактористу, перевозившим зерно от комбайнов на заготовительный пункт, добившимся наивысшей выработки, давались переходящий красный вымпел и 5 руб. премиальных [17].

В то же время стоит отметить, что премирование передовиков было лишь отдельной мерой, эффективной лишь отчасти, тогда как для подлинного выравнивания доходов сельчан и горожан, для более качественной мотивации трудовой активности жителей деревни требовались глубокие системные изменения. Решение же социально-бытовых проблем сельчан, хотя и признавалось важным условием повышения привлекательности сельскохозяйственного труда и как следствие интенсификации производства, однако определяющими и приоритетными в рассматриваемый период так и не стали. Потребности сельчан как и прежде значительно опережали желание государства удовлетворять их. Как результат, аграрная политика, проводимая партийными и государственными органами в 1970-е гг., способствовала усилению миграционных процессов в сельской местности и, как следствие, осложнению социально-демографической ситуации, тяжелому положению с трудовыми ресурсами.

Особенно быстро миграционные процессы проходили в начале 1970-х гг. Например, за 1971–1976 гг. в Мордовии был отмечен самый высокий отток сельского населения в Нечерноземной зоне РСФСР – 53,2%, против 11–19% в других регионах зоны. За это время село Мордовии «потеряло» на каждую 1000 жителей по 324 человека. Сельские жители республики массовым потоком переселялись в города, так что 80% прироста городского населения шло за счет сельского. В абсолютных цифрах в Мордовской АССР численность сельского населения в 1970 г. составляла 649 тыс. человек, а в 1980 г. – 500 тыс., то есть уменьшилась на 149 тыс. (тогда как

миграция сельского населения в 1970 г. равнялась 10,3 тыс. человек, в 1975 г. – 15,6 тыс., в 1980 г. – 10,1 тыс.) [23].

Особенно неутешительной была статистика по миграции молодежи. Типичную картину демографического спада в деревне неплохо иллюстрирует динамика общего числа учеников сельской 8-летней школы в селе Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовии. Количество ее учащихся с каждым годом становилось меньше: если в 1967–1968 учебном году в школе было 294 ученика, то в 1975–1976 количество учащихся снизилось до 219 человек, а в 1982–1983 учебном году в школе осталось только 87 учеников. Количество учащихся школы между 1967 и 1983 гг. сократилось на 207 чел., составив 29,5% от прежнего уровня [16; 27; 28].

В марте 1980 г. состоялся пленум Мордовского обкома КПСС, обративший особое внимание на регулирование миграционных процессов. На нем отмечалось: «Если говорить о Мордовии, то у нас есть районы, где отток населения происходит быстрее, чем создаются условия для повышения производительности труда в колхозах и совхозах... Процессами миграции сельского населения можно и нужно управлять, не допуская, чтобы они принимали нежелательные формы, порождая неоправданные трудности в обеспечении хозяйств квалифицированными кадрами» [12]. В целом в 1970-е гг. численность сельского населения Мордовии сократилась на 126 тыс. человек, или почти 24% всех жителей села оказалось вовлеченным в переселенчество. Из них 74% оказалось в городах и поселках городского типа своей республики, а остальные мигрировали за ее пределы [11, с. 68].

В Чувашской АССР сложилась специфичная ситуация. Большинство населения Чувашии отличалось не только устойчивым национальным составом (чуваши составляли около 80%), но и малой подвижностью. Отток сельского населения в города и за пределы республики был не таким интенсивным. Например, в 1970-е гг. он шел в 3 раза медленнее, чем по Нечерноземью в целом. По данным переписи 1989 г., сельское население в Чувашии составляло 42,1%, в Российской Федерации – 26,4%, по Нечерноземной зоне – 19,6%, в целом по Волго-Вятскому региону – 31,1% [15; 30, с. 11–25].

Некоторые исследователи (И.Е. Ильин, В.Р. Степанов [6; 13]) связывали усиление миграции сельчан в города с научно-техническим прогрессом. На наш взгляд, очевидность данного факта сейчас уже не вызывает сомнения. В целом, под воздействием научно-технического прогресса за 1960 – 1970-е гг. в республике произошли ощутимые изменения в социальной структуре населения. По данным переписей 1959 и 1979 гг., доля рабочего класса увеличилась с 25 до 58,1%, служащих – с 11,4 до 23,2%. В то же время численность тружеников аграрного сектора уменьшилась с 62,6 до 18,6%. Спецификой этих процессов, характерной для Чувашской АССР, стало, во-первых, нарастающая интенсивность: если за 25 лет (1960–1985 гг.) сельское население уменьшилось на 240 тыс. человек, то более половины этого числа приходится на 1976–1985 гг. и треть – на первую половину 1980-х гг. Второй особенностью миграции сельского населения Чувашии в города была ее заметно более низкая интенсивность в рассматриваемый период. Так, если в Мордовской АССР сельское население за 1959–1982 гг. сократилось в 1,69 раза, а в Марийской

АССР – в 1,49, Кировской и Горьковской областях – в 2,12 и 1,88 раза соответственно, то в Чувашской АССР – в 1,27 раза [6, с. 10]. В.Р. Степанов менее низкую интенсивность миграции сельского населения в города, характерную для национальных республик региона, объясняет воздействием на эти процессы этнического сознания и традиционных ценностных ориентаций, веками формировавших осторожное отношение к иным моделям поведения и жизненным стандартам [13, с. 571].

Но и даже в относительно благополучной в миграционном отношении Чувашии проблемы давали о себе знать. Потребности сельских жителей в области культуры и быта росли гораздо быстрее. Во многих населенных пунктах жители теряли веру в возможность решения в ближайшее время острых проблем – вопросов жилья, топлива, газа, дорог, учреждений культуры и бытового обслуживания и т.д. В результате в республике, как и во всей стране, не прекращался интенсивный отток сельского населения, особенно молодежи, в города. На начало 1981 г. численность сельского населения составила 669,6 тыс. человек, против 726,8 тыс. на начало 1976 г., т.е. за пятилетие уменьшилось еще на 57,2 тыс. человек, или на 7,8%. В общей численности населения республики удельный вес сельского населения составил 51,1%, против 57,4% в 1976 г. [10, с. 4]. Если в 1971–1975 гг. в сельском хозяйстве республики в среднем было занято 187,1 тыс. человек в год, то в 1976–1980 гг. – 182,3 тыс. За годы десятой пятилетки численность работников, занятых сельскохозяйственным трудом, сократилась на 13,4 тыс. человек [9]. Сокращение численности населения отрицательно сказывалось на положении дел в сельском хозяйстве. В отдельных хозяйствах Алатырского, Порецкого, Шумерлинского, Мариинско-Посадского районов не хватало механизаторских, животноводческих и других кадров. Некоторые населенные пункты стали малолюдными или начали исчезать. Реальность диктовала свои условия, а именно: при значительных материальных и технических вложениях в сельское хозяйство проблема трудовых ресурсов с 1970-х гг. становится доминирующей.

Показательно, что не хватало специалистов сельского хозяйства не только непосредственно в колхозах и совхозах республик, но и даже в республиканских органах управления сельским хозяйством. Приведем пример. С 1 июля 1972 г. в Мордовии приступил к работе вновь организованный республиканский орган – производственное объединение совхозов. Из-за отсутствия помещения в г. Саранске эта организация разместилась в пригородном селе Берсеневка в конторе совхоза «Димитровский». На 15 июня 1972 г. из 41 специалиста и служащего, предусмотренного по штату, в объединении работал 31. Причем вакантными оставались должности весьма солидные и перспективные: главный бухгалтер-начальник финансового отдела, главный инженер-строитель, главный инженер-энергетик, главный инженер-гидротехник, начальник планового отдела, две единицы бухгалтера-ревизора и др. Основной причиной неукomплектованности аппарата объединения специалистами являлось отсутствие жилья. При этом главный зоотехник проживал в г. Рузаевка, главный инженер – в пос. Ромоданово, старший агроном – в с. Николаевка, а большинство специалистов и служащих – на съемных квартирах.

В мае 1972 г. было начато строительство 16-квартирного дома и двухэтажной столовой с гостиницей в колхозе «Димитровский», которые должны были сдать к 1 октября 1972 г. Однако в июне строительство было прекращено, и перспективы решения жилищной проблемы явно откладывались. Для удовлетворения нужд в жилье объединение просило выделить 25 квартир. Просьбу рассмотрел Совет Министров. 19 июля было принято постановление «Об оказании помощи республиканскому производственному объединению совхозов в организации работы». Было решено выделить объединению только одну трехкомнатную квартиру за счет резервов Совета Министров и три двухкомнатные квартиры за счет уменьшения жилой площади Минсельхоза [24].

Таким образом, отдельными точечными мерами социальной поддержки решить проблемы трудовых ресурсов и кадрового голода оказалось невозможно. Для этого требовались глубокие системные изменения на уровне всей сельскохозяйственной отрасли. Курс на дальнейшую концентрацию сельскохозяйственного производства, имея благие в своей основе стремления, привел к существенным диспропорциям в социально-экономическом развитии села. Преобразование колхозов в совхозы, укрупнение хозяйств, ликвидация неперспективных сел и деревень и другие недостаточно продуманные мероприятия советского государства, вместе с массой нерешенных социально-бытовых проблем сельчан привели к окончательной утрате привлекательности сельскохозяйственного труда. В результате, 1970-е гг. стали своеобразным водоразделом, или точкой необратимости процессов вырождения и запустения села.

Источники и литература

1. ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 3031. Л. 7.
2. Там же. Д. 2675. Л. 23–24.
3. Заседания Верховного Совета Мордовской АССР девятого созыва (третья сессия, 2 июля 1976 г.): Стеногр. отчет. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. – 107 с.
4. Заседания Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва (вторая сессия, 2 декабря 1980 г.): Стеногр. отчет. – Чебоксары: Издание Верховного Совета Чувашской АССР, 1981. – 144 с.
5. Заседания Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва (четвертая сессия, 10 декабря 1981 г.): Стеногр. отчет. – Чебоксары: Издание Верховного Совета Чувашской АССР, 1982. – 128 с.
6. Ильин И.Е. Научно-технический прогресс и проблемы совершенствования социальной структуры села // Эффективность производства в агропроме Чувашской АССР: Сб. статей / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: Чувашский НИИЯЛИЭ, 1987.
7. Ленинская аграрная политика КПСС: сборник важнейших. – М.: Политиздат, 1978. – 680 с.
8. Мулюков Г.Ф., Шорников А.М. Опыт колхоза «Гвардеец» Батыревского района в решении социально-культурных проблем села в период развитого социализма // Вопросы истории политического, экономического и социально-культурного развития Чувашской АССР: Сб. статей / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: ЧНИИ, 1983. – С. 109–127.
9. НА ЧГИГН. Отд. X. Д. 925. Л. 4.

10. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки. 1976–1980 гг.: Стат. сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 175 с.
11. Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма. – Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1982. – 127 с.
12. Советская Мордовия. – 1980. – 24 июля.
13. Степанов В.Р. Научно-технический прогресс и изменения сельского населения в Чувашской АССР (60–80-е гг.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 570–576.
14. Сухарев А.И. Социальной облик Советской Мордовии: Состояние, тенденции развития. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. – 191 с.
15. Харитонов В.Г. Крестьянский двор Чувашии в XX веке: некоторые аспекты изучения [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.csp.ru/pdf/krest.pdf.html> (дата обращения: 25.04.2022).
16. ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 39. Л. 36 (об).
17. ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.
18. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 10. Д. 87. Л. 39.
19. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 13. Д. 5. Л. 96.
20. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 15. Д. 14. Л. 6.
21. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 27. Д. 1. Л. 4.
22. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 27. Д. 3. Л. 46.
23. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 40. Д. 11. Л. 77.
24. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 9. Д. 88. Л. 16–17.
25. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 13. Д. 64. Л. 5.
26. ЦГА РМ. Ф. Р-2215. Оп. 1. Д. 140. Л. 14.
27. ЦГА РМ. Ф. Р-2215. Оп. 1. Д. 135. Л. 36–37.
28. ЦГА РМ. Ф. Р-2215. Оп. 1. Д. 171. Л. 45.
29. ЦГА РМ. Ф. Р-516. Оп. 3. Д. 927. Л. 340.
30. Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Респ. информ. изд. центр, 1990. – 377 с.

УДК 94(47)08(470.4/5)(093)

А.А. Иванов, А.Г. Иванов

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия*

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ 1920–1930-х гг.

Статья посвящена основным этапам истории краеведческого движения на территории Вятской губернии и Марийской автономной области в довоенный период, его деятельности в 1920–1930-е гг. по изучению аграрной истории региона Среднего Поволжья и Приуралья начиная со второй половины XIX в., в том числе путем разработки программ, анкет, опросных листов для сбора первичных данных непосредственно от населения или с его помощью. В ней определены: состав и информативные ресурсы основных документальных комплексов, отложившихся в результате краеведческой работы в архивных фондах, периодике и историко-краеведческих изданиях. Исследование выполнено на основе максимально полного (фронтального) выявления исторических источников, в данном случае первичных истори-

ко-этнографических материалов, в фондах архивохранилищ (федеральных, региональных, ведомственных, научных), а также в синхронных и ретроспективных публикациях.

Ключевые слова: аграрная история, крестьянство, краеведение, источники, историко-документальное наследие, документальные публикации.

A.A. Ivanov, A.G. Ivanov

AGRARIAN HISTORY OF THE MIDDLE VOLGA AND URAL REGIONS IN THE MATERIALS OF REGIONAL SCIENTIFIC AND LOCAL HISTORY ORGANIZATIONS OF THE 1920s-1930s

The article is devoted to the main stages of the history of the local history movement in the territory of Vyatka province and Mari autonomous region in the pre-war period, their activities in the 1920s–1930s to study the agrarian history of the Middle Volga and Ural regions since the second half of the 19th century, including through the development of programs, questionnaires, questionnaires for collecting primary data directly from the population or with his help. It defines: the composition and informative resources of the main documentary complexes deposited as a result of local history work in archival collections, periodicals and local history publications. The study was carried out on the basis of the most complete (frontal) identification of historical sources, in this case primary historical and ethnographic materials, in the funds of archives (federal, regional, departmental, scientific), as well as in synchronous and retrospective publications.

Keywords: agrarian history, peasantry, local history, sources, historical and documentary heritage, documentary publications.

Современное понимание краеведения подразумевает, в первую очередь, так называемое «историческое краеведение», ставящее перед собой задачу изучения на локальном уровне особенностей культуры, быта и истории того или иного региона страны. В 1920–1930-е гг. данное понятие определяли несколько иначе, а именно как «совокупность знаний об отдельных местностях страны, всестороннее изучение отдельных частей страны, преимущественно силами местного населения». При этом основное отличие краеведения от академической науки заключалось в том, что «всестороннее изучение» осуществлялось «силами местного населения», т.е. краеведение рассматривалось, прежде всего, в качестве общественного движения, а не науки, хотя, безусловно, краеведы в своей деятельности пользовались научными методами [2, с. 310]. Еще до 1917 г. «родиноведение» занимало немалое место в культурной и общественной жизни больших и малых городов. Революция и гражданская война, несмотря на общеизвестные сложности политического и экономического плана, не затормозили деятельность местных научных обществ. Как оказалось, адаптационность их оказалась выше, чем государственных учреждений в силу самой сущности этих объединений, создаваемых на демократической основе, научного интереса каждого члена общества, а не служебной обязанности. Осознание необходимости сохранения памятников истории и культуры сплачивало всех, кто понимал их общекультурную ценность. Вскоре последовал ряд организационных мер властей, обративших внимание на повсеместно возникающие краеведческие организации и поддержавших инициативу «снизу». В 1920–1930-е гг. была оформлена своеобразная организационно-управленческая «вертикаль» управления дея-

тельностью по изучению местного края (Центральное бюро краеведения, региональные общества и институты, Всероссийские и местные краеведческие съезды и конференции) [17]. Поддержка «сверху» обеспечила устойчивую динамику роста обществ изучения местного края. К 1930 г. в стране по официальным данным насчитывалось 2334 краеведческие организации (в 1917 г. – 155) [16, с. 33].

Краеведческое движение в Поволжско-Приуральском регионе было, по справедливому мнению большинства исследователей [4; 5; 6; 7], составной частью общесоюзного краеведческого движения, временем интенсивной организации на местах (в губерниях, областях, городах и сельской местности) первых научных очагов, поисков наиболее целесообразных форм и методов исследовательской работы, подготовки научных кадров из коренного населения, распространения краеведческих знаний среди широких масс. В его составе особенно выделялась деятельность двух учреждений, благодаря своей значительной направленности на создание и сохранение историко-документального наследия многонационального населения данной территории – Вятского института краеведения и Марийского областного общества краеведения, работа которых часто была взаимосвязана.

Первым из них, основанном во многом на традициях бывшей губернской ученой архивной комиссии, был открыт институт краеведения в г. Вятке, учрежденный в 1922 г. История его возникновения и деятельности хорошо известна уже по современным ему публикациям [1]. Он создавался как «научное учреждение, ведущее работу по исследованию природы, хозяйства и социальной жизни края», которая «должна быть органически связана с низовым краеведческим активом... также особенно сильно отвечать на запросы школы в ее краеведческой работе» [1, с. 79]. Соответственно этому определялись такие формы деятельности института, как научно-исследовательская, консультационная, просветительская, организационная и подготовка научных работников. Помимо этих основных задач сотрудники института, область научных интересов которых так или иначе совпала с изучением истории и культуры народов Вятского края, попытались по мере возможностей зафиксировать и сохранить частицы устной народной традиции, знания и сведения, объективно обреченные на естественную утрату. Речь идет о стремлении ученых в своих изысканиях опираться, помимо прочих источников, на местный материал, собранный по собственным тематическим программам в виде заранее заготовленных анкет (опросных листов). Это направление формирования историко-этнографических документальных комплексов связано с именами первого директора института, филолога, профессора, члена-корреспондента АН СССР, члена Центрального бюро краеведения Н.М. Каринского; географа, заведующего отделом местной экономики, профессора В.А. Танаевского и заведующего отделом истории местного края П.Н. Луппова.

Инициатором широкого внедрения метода анкетирования был сам директор института краеведения, одновременно возглавлявший отдел этнографии русского населения, – Н.М. Каринский. В первом номере печатного органа института была опубликована его программа, посвященная говорам населения края [8]. Через год в журнале «Вятская жизнь» появилась статья и приложение к ней по сбору материала

об «этнографическом переломе» в Вятском крае [9]. Под последним автор понимал смену традиционного уклада в образе жизни местного крестьянства во второй половине XIX — начале XX в. По мнению Каринского: «Старый уклад жизни в эту эпоху был заметно расшатан. Консерватизм цельного мировоззрения старины был потрясен наплывом новых идей и параллельно, как одна из основ этого переворота в народной психике, менялся быт народа под влиянием вошедших в обиход весьма многих новых культурных предметов и нового освещения жизненных вопросов. Широко сменилась обстановка жизни, начиная с характера жилища, одежды и предметов домашнего обихода и кончая некоторыми основными орудиями труда и образованием» [9]. Ему же принадлежит первенство в определении исключительной важности сбора информации путем опроса населения, особенно «стариков», хранящих в устном виде память нескольких предыдущих поколений. Полученный таким образом первичный материал должен был превратиться в ценный источник для сравнительно-сопоставительного анализа «этнографического перелома» с другими «местностями России», выходя за рамки узко региональных историко-этнографических исследований.

В некоторой степени схожим по направленности стало гораздо более масштабное мероприятие первой половины 1920-х гг., связанное с именем В.А. Танаевского. Предметом его исследования стала проблема поземельных отношений послереволюционного крестьянства, а побудительным мотивом для обращения к этому сюжету явилось принятие Земельного кодекса РСФСР в 1922 г. Особенно заинтересовали Танаевского в кодексе те статьи, которые допускали применение в регулировании вопросов землеустройства норм обычного крестьянского права. «Как бы скептически не относиться к обычному крестьянскому праву, которое у нас до революции, кажется, с одинаковой энергией и изучалось, и отрицалось в самом своем бытии, — писал он в предисловии к программе, — ныне мы должны констатировать, что и официальное право республики допускает существование этого загадочного сфинкса, который до сих пор не имеет ни установленной системы и выражения, ни чистоты — и очертаний, границ содержания» [14, с. 1].

Анкета, составленная им, состояла из вводной части и 14 разделов: I. Состав селения; II. Трудовая заимка; III. Усадебные земли; IV. Пахотные земли; V. Сенокосы; VI. Выгоны, покотины и другие угодья; VII. Леса; VIII. Переделы; IX. Общественная обработка земли; X. Взаимные отношения домохозяев; XI. Участковое землепользование; XII. Домохозяин и его отношение к членам двора; XIII. Семейные разделы и выделы; XIV. Договоры, трудовой и другие». Всего опрашиваемым предлагалось ответить на 101 формальный вопрос [14, с. 4–14]. Фактически же их было больше, так как почти все они были составными.

Первые 80 анкет, заполненные студентами в зимние каникулы 1922–1923 учебного года, из них 74 — по Вятской губернии были использованы В.А. Танаевским для написания очерка о материальной составляющей взаимоотношения сторон, вступающих в брак [15], а следующий очерк — о крестьянском дворе — был подготовлен на существенно более представительной основе. В распоряжении Танаевского оказалось в три раза больше опросных листов (248), поступивших в институт

краеведения в конце 1923 – начале 1924 г. По его собственной оценке, такая выборка в полной мере охватывала всю губернию за исключением Малмыжского уезда. Во вновь поступивших материалах были отражены 103 волости из 216 [15, с. 18].

Далее в плане работ В.А. Танаевского стоял третий очерк, задуманный как продолжение исследования о крестьянском дворе, в центре которого должны были стать вопросы наследования, семейных разделов и выделов [14, с. 12–13]. Однако по неизвестным причинам он прекратил дальнейшую обработку собранных им материалов. Главные разделы программы, собственно, о земельных отношениях сельского населения так и не были обобщены.

На этом фоне гораздо благоприятнее сложилась судьба анкет, разработкой которых занимался П.Н. Луппов. Известный еще с дореволюционных времен специалист по истории Вятского края и Удмуртии в советский период он много внимания уделял современным ему процессам, происходившим в среде нерусских народов обширной бывшей Вятской губернии. Тесное сотрудничество с научными кругами Вотской (Удмуртской) автономной области, публикация собственных трудов в ее столице – Ижевске, – очевидно, способствовали тому, что часть его личного архива вошла в рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Там и были обнаружены документы, относящиеся к сбору сведений по программе о пореволюционных изменениях в экономике, социальной и духовной жизни «нацмен», то есть по терминологии того времени, любых нерусских этносов, не обязательно уступавших по численности русскому населению.

Как было установлено, идея анкетирования зародилась на занятиях по методике краеведения Вятского пединститута в 1924–1925 учебном году [11, л. 158]. Своевременность проведения задуманного мероприятия диктовалась, по мнению П.Н. Луппова, двумя факторами. Во-первых, революция 1917 г. не могла не привести к заметным уже в 1920-е гг. изменениям быта нерусских народов, получивших реальные возможности для «культурного строительства». Во-вторых, если не проследить эти тенденции, то они будут навсегда скрыты от последующих поколений исследователей. «Для того, чтобы этого не случилось, – писал Павел Николаевич, – следовало бы, прежде всего, зафиксировать этот процесс в тех еще начальных стадиях, которые он успел пройти до настоящего времени». И далее: «Пока еще живы очевидцы старого дореволюционного быта нацмен, будет нетрудно осуществить это дело, но нужно торопиться...» [10, с. 16, 59–60].

В фондах НОА УИИЯЛ УрО РАН обнаружен формуляр опросного листа, открывавшегося указанием на административную подчиненность населенного пункта, в котором проживал респондент, и обязательно на этническую принадлежность его жителей (мари, удмурты, коми, татары). Основная часть анкеты состояла из 79 пунктов, включавших один, но, как правило, составной (с уточнениями и пояснениями), реже два–три вопроса. Они объединялись в пять разделов: «Влияние революции на экономическое положение нацмен» (п. 1–22), «Влияние революции на нацмен в области семейной жизни» (23–37), «Влияние революции на общественный

быт нацмен» (38–52), «Влияние революции в области религии» (53–73), «Влияние революции в области языка и народного творчества» (74–79) [10, л. 158–162 об.]. Таким образом, объем разделов существенно отличался – от 22 пунктов в первом до шести в последнем, что вполне объяснимо, учитывая повышенный интерес, прежде всего, к социально-экономическим преобразованиям советской власти. Это обстоятельство, впрочем, не умаляет значения ответов на вопросы прочих тематических блоков. Их оригинальность и попытка раскрыть максимум аспектов экономической, общественно-политической, культурной и духовной жизни крестьянства разных национальностей Поволжско-Приуральского региона заслуживают самого пристального внимания.

Заполненные опросные листы (их обнаружено 48) относятся к середине 1920-х гг.; они дополнены своеобразными сводками полностью или частично обработанных первичных материалов [11]. Большая часть опросных листов поступила из удмуртских населенных пунктов, территориально охватив все три уезда Вотской АО, включая два со смешанным национальным составом, два уезда Вятской губернии и три кантона Татарской АССР. Наибольшей этнической пестротой отличаются анкеты по Вятской губернии, где в сферу опроса попали, помимо удмуртов, представители татар и коми-пермяков. Две анкеты поступили из марийских деревень одноименной автономной области.

По завершении первого этапа анкетирования в 1927 г. были изданы новые опросные листы [11], намечены очередные масштабные работы. Об этом говорит не только более простой способ фиксации исполнителями собранных сведений, но и целенаправленная ориентация на самый представительный слой «культурных работников» – школьных учителей. Анкеты распространялись централизованно – через губернский отдел народного образования. Последний из известных вариантов опросного листа «Влияние революции на быт нацмен» несколько отличался от прежнего по структуре и содержанию. Общее количество вопросов сократилось до 76. Были уточнены формулировки вопросов: они стали краткими и четкими, без большого количества вводных слов и пояснений.

По схожим направлениям развивались направления научных поисков в соседнем с Вятской губернией регионе – Марийской автономной области. В апреле 1926 г. состоялось учредительное собрание по организации Марийского областного общества краеведения [3]. Деятельность же на более прочной основе оно смогло начать с 1927/28 бюджетного года. Именно с этого времени началась систематическая и планомерная краеведческая деятельность в марийской автономии.

Членами-учредителями общества были известные деятели науки и культуры, сотрудники государственных и общественных организаций В.А. Мухин, В.М. Васильев, А.В. Спасский, Е.П. Ермаков, М.В. Пайбердин, М.Н. Янтемир, М.И. Веткин, М.И. Коротков, А.С. Воздвиженский и др. [3, л. 14–15]. Общество имело семь кантонных отделений в г. Козьмодемьянске, селах Торьяле, Сернуре, Мари-Турек, Юрине, Оршанке и Звенигове. Краеведческие кружки были созданы и в школах, преимущественно в городских, при педагогическом техникуме в г. Йошкар-Оле, при сельскохозяйственном техникуме в с. Мари-Турек, а также при марийских

землячествах, вузах Москвы, Ленинграда и Казани. Тесную связь Марийское областное общество краеведения имело с местным краеведческим музеем в г. Йошкар-Оле, Центральным бюро краеведения, научно-исследовательским институтом народов Востока РАНИОН, Государственным гидрологическим институтом в Ленинграде, с краеведческими организациями соседних автономных республик и областей – Татарской АССР, Чувашской АССР, Вятской губернии. Статьи марийских краеведов регулярно публиковались в журналах «Марий Эл» («Марийский край»), «М.А.О. (Марийская автономная область)», «Марийское хозяйство», «Марий илыш» («Марийская жизнь»), «Вятско-Ветлужский край», «Нижегородский край», «Нижегородское краеведение», что положительно оценивалось в довоенной профильной периодике [6, с. 501–509].

Примечательно, что с первых шагов своей работы учредители областного краеведческого общества особое внимание уделяли организации сбора сведений по истории, этнографии, экономике, культуре населения области методом анкетирования. Таким образом преследовались две цели: осуществлялся сбор фактической информации и максимально широко пропагандировались краеведческие знания. Основной массив такого рода «инструкций» был разработан на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

В фонде Марийского областного общества краеведения в Государственном архиве Республике Марий Эл выявлено несколько десятков проектов вопросников для сбора информации буквально обо всех аспектах жизнедеятельности многонационального, главным образом, сельского населения Марийской автономной области (МАО). Вот лишь наиболее любопытные и оригинальные из них: «Программа монографического обследования деревни», «Программа обследования кооператива», «Программа обследования ремесленника или кустаря», «Программа изучения условий здравоохранения в деревне», «Программа по изучению торфяных болот», «Программа изучения погоды и климата», «Программа изучения сельскохозяйственного птицеводства деревни», «Программа по изучению быта деревни и школ», «Программа по собиранию материалов для составления краеведческого словаря марийского языка», «Программа изучения национальных марийских и других игр» и т.д. Всего к концу 1920-х гг. было отобрано 12 анкет (по данным за 1928/29 бюджетный год), которые распространялись по филиалам общества краеведения в кантонах и отдельным краеведческим ячейкам. Одной из наиболее примечательных из них было описание сельских населенных пунктов области по программе, составленной ученым секретарем общества краеведения М.Н. Янтемиром [6, с. 501–509].

Программа «описания деревни и колхоза» была рассмотрена, рекомендована к печати и рассылке на места на заседании бюро Марийского областного общества краеведения 3 мая 1930 г. В предисловии к программе подчеркивалась особая актуальность проведения данной работы именно сейчас, во время глобальных социальных преобразований и реконструкции народного хозяйства, «когда старое быстро сменяется новым, учет всех перемен и сдвигов в хозяйственной технике, социальном строе, домашнем быту, общественной жизни и народной психике является

большой необходимостью». Причем главной надеждой общества краеведения в выполнении предстоящей работы становились сельские учителя и «сельские краеведы». Им поручалось выявить максимум сведений, опираясь на все доступные материалы: личные наблюдения, литературу, материалы делопроизводства низовых органов управления, рассказы старожилов и т.д. Приводимые факты предлагалось обосновывать ссылками на источники, а явления показывать в динамике. Важнейшим пунктом программы являлась обязательная подача любой информации в национальном разрезе [13, с. 4–5].

Опубликованный текст программы состоял из 16 разделов, охватывающих вопросы истории, географии, этнографии, экономики, общественной жизни и культурного развития конкретного сельского населенного пункта. Последовательное заполнение каждого из них при соблюдении инструкций позволяло составить более чем детальное описание отдельно взятой деревни, села или даже сельской округи («района сельсовета»). Каждый из разделов включал в себя несколько пунктов, многие из которых сопровождались наводящими вопросами и возможными примерами. Наиболее информативными из них и в количественном, и в качественном отношении следует признать три раздела: исторический (21 пункт с подробными данными по прошлому населенного пункта с момента его возникновения), о хозяйственной деятельности населения и «быт населения». Два последних из них дополнительно дробились на подразделы (11 в первом случае и 4 во втором), а уже затем на пункты (их число могло достигать 28).

Ознакомление с делами архивного фонда областной краеведческой организации ГА РМЭ позволило обнаружить пока только два подлинных описания, подготовленных по программе М.Н. Янтемира. Оба составлены в том же 1930 г. Первой из представленных стала работа слушателя областных педагогических курсов С.А. Куприянова, посвященная селу Емешево Козьмодемьянского кантона МАО. Работа была выполнена на марийском языке. Ее содержание было заслушано на заседании бюро 14 сентября 1930 г. Выяснилось, что «работа Куприянова есть первый опыт составления описания по данной обществом программе; работу ведут и другие педкурсанты, но пока не закончили». Само «Описание села Емешево», помимо текстовой части, было снабжено иллюстрациями, планами, диаграммами и образцами полезных ископаемых «района деревни» и в целом «заслуживает внимания» и, вероятно, публикации («после тщательного просмотра и одобрения надо отпечатать») [6, с. 501–509]. До публикации дело не дошло, но известно, что рукопись была готова к изданию в виде брошюры.

Другое из обнаруженных «описаний» заслуживает особого внимания, прежде всего, благодаря своей полноте и качеству представленных сведений. Любопытно и само описанное поселение, вернее, целая округа его окружающая – крупнейший из сельских населенных пунктов области – деревня Княжна, расположенная вплотную к столице марийской автономии г. Йошкар-Оле. Основанная на рубеже XVI–XVII вв. русскими дворцовыми крестьянами в иноязычном марийском окружении и превратившаяся к началу XX в. в зажиточное промысловое село с интенсивно развивающимся сельским хозяйством, она представляла уникальную для историков и этногра-

фов лабораторию по изучению повседневной жизни многонационального крестьянства региона в условиях не только современности (1920–1930-х гг.), но и за несколько предыдущих столетий [6, с. 501–509].

Отдельно взятый сельский населенный пункт в качестве территориально, объекта сбора данных, вообще, был наиболее распространенной и удобной формой получения максимально представительного в тех условиях документального материала по тематическим программам, которые разрабатывались Марийским областным обществом краеведения на рубеже 1920-х – 1930-х гг. С применением этого принципа строилось проведение большинства обследований. Так было и в случае с изучением «культуры и быта мари и русских» на основе анкет, распространенных обществом в 1934 г., предположительно, по всем районам автономной области. Первичные материалы, скомпонованные в тематическое дело в составе документов фонда краеведческого общества ГА РМЭ, выявлены только по Йошкар-Олинскому району. Не известна также история разработки программы этого обследования. Ни в одном из планов или отчетов краеведческого общества о нем не упоминается. Тем не менее, в распоряжении исследователей на настоящий момент имеется 31 анкета по марийским и русским сельским населенным пунктам, содержащая скупую, однообразную, но в совокупности своей важную, а в некоторых случаях уникальную информацию историко-этнографического плана о ежедневной жизни деревни МАО, только что пережившей массовую коллективизацию и раскулачивание [3а].

Каждый опросный лист был отпечатан на пишущей машинке с заранее подготовленными местами для ответов, а в некоторых случаях и с их вариантами, которые необходимо было заполнить или подчеркнуть. (По отдельным вопросам предполагалось, кроме того, описание явлений и фактов). Все анкеты предваряла «программа», своего рода преамбула, дающая общее представление о методике сбора информации и приоритетах, интересующих краеведческую организацию. В частности, из нее известно, что обследование проводится по «выборочной системе». О чем идет речь точно не известно. Далее уточнялось, что сведения представляются либо в статистической, либо в описательной форме. Особо обращалось внимание на подачу данных «в разрезе изучения культурно-бытового состояния, как марийского, так и русского населения». Непосредственно содержательная часть анкеты состояла из шести разделов [3а, л. 1–2]. Каждый из них включал в себя до 15 пунктов. Например, в разделе «Культурный отдых» местные краеведы должны были ответить на вопросы о том, как проводятся вечера-посиделки, ставятся ли спектакли, как часто, кем и имеется ли драмкружок. В обоих случаях предполагалось краткое описание этих форм досуга сельского населения. Далее программа опроса предлагала назвать имеющиеся местные музыкальные инструменты (как общеизвестные, так и национальные) и их количество. В конце раздела выяснялось количество кинопоказов в деревне и наличие радиоустановок. Веянием времени было продиктовано в некоторых случаях разделение ответов по классовому принципу и по линии колхозник/единоличник (это относилось ко всем разделам анкеты) [3а, л. 1–2].

Материалы других обследований, проводившихся областной краеведческой организацией до момента ее ликвидации в 1937 г., пока известны на уровне программ. Фронтальная проверка дел фонда Марийского областного общества краеведения ГА РМЭ и научного архива Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, фактически ставшего правопреемником и продолжателем краеведческого движения в МАО, не позволила обнаружить иных источников, поступивших с мест в виде анкет, описаний и т.п. Их нахождение не исключено как в ряде фондов современного Государственного архива Республики Марий Эл, так и с меньшей долей вероятности в федеральных архивах.

Таким образом, неполная представительность первичных материалов по истории, этнографии и культуре народов Среднего Поволжья и Приуралья, а в некоторых случаях и в целом по северо-восточной части Европейской России, целенаправленно собиравшихся научными сотрудниками Вятского института краеведения и Марийского областного общества краеведения в первое советское десятилетие, с учетом их безусловной уникальности для изучения аграрной истории, ставит вопрос о необходимости обращения как к имеющимся, но невостребованным до сих пор синхронным публикациям, их использовании не только в историографическом, но и, с учетом объема уникальной фактической информации, в источниковедческом плане, так и в максимально полном вовлечении в научный оборот уже известных документальных свидетельств того времени – анкет (опросных листов). Происхождение большинства такого рода документов, наличие в них живого эмпирического материала, отражающего дух эпохи, ощущения и мысли ее современников, общественное сознание и менталитет людей, предшествовавшие коренному перелому в их жизни, свидетельствуют о востребованности подобных изысканий не только в академической среде, но и у широкой общественности.

Источники и литература

1. Вятский педагогический институт им. В.И. Ленина (1918–1928). – Вятка, 1928. – 120 с.
2. Голов А.Г. Понятие «краеведение» в научной литературе пред- и послереволюционной России: отечественное краеведение 1920–1930-х гг. как объект исследования // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2008. – Вып. 12. – С. 309–314.
3. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8. За. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–18.
4. Иванов А.А., Загребин А.Е. Анкеты 1920-х годов: из документального наследия Вятского института краеведения // Отечественные архивы. – 2008. – № 4. – С. 76–83.
5. Иванов А.А., Загребин А.Е. Штрихи к истории крестьянства Урало-Поволжья в первое пореволюционное десятилетие (По новым источникам из НОА УИИЯЛ УрО РАН) // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «История и филология». – Ижевск, 2010. – Вып. 1. – С. 46–56.
6. Иванов А.А. Марийское краеведение в 1920–1930-е годы: на пути к сохранению регионального историко-документального наследия // Исторический журнал: научные исследования. – 2013. – № 6 (18). – С. 501–509.
7. Иванов А.А., Соловьев А.А. Вятское краеведение в 1920-е гг.: историко-документальное наследие и проблемы археографии // Исторический журнал: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 35–47.

8. Каринский Н.М. Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края. – Вятка, 1925. – 14 с.
9. Каринский Н.М. Собираение научных материалов, характеризующих этнографический перелом в Вятском крае во второй половине XIX и начале XX века // Вятская жизнь. – 1923. – № 2.
10. Луппов П.Н. О влиянии революции на быт нацмен // Тр. Вятского пед. ин-та им. В.И. Ленина. – 1927. – Т. 2. – Вып. 2.
11. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка, литературы УрО РАН (НОА УИИЯЛ УрО РАН). Оп. 2Н. Д. 11.
12. Озеров П. Краеведение в Марийской области: итоги обследования работы Марийского областного общества краеведения по поручению Центрального бюро краеведения летом текущего 1929 г. // Марий илыш. – Йошкар-Ола, 1929. – Вып. 1. – С. 120–121.
13. Программа описания деревни М.А.О. – Йошкар-Ола, 1930.
14. Танаевский В.А. Программа для собирания сведений по обычному крестьянскому праву Вятского края // Вятская жизнь. – 1923. – № 2. – Прил. – С. 1–14.
15. Танаевский В.А. Покупка жены (Очерки крестьянского обычного права Вятского края. Очерк 1) // Вятская жизнь. – 1923. – № 5–6.
16. Флейман Е.А. Краеведческое движение в Поволжье в 1917–1930 г.: идеи, события, люди. – Кострома: Костромаиздат, 2001. – 160 с.
17. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: краеведческий альм. – 1990. – № 1. – С. 11–27.

УДК 93/94.093.371

Р.А. Мухамедов

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1960-Е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается деятельность мусульманской общины и Русской православной церкви на территории Ульяновской области, отношение власти к мечетям и церкви, закрытие и разрушение молитвенных зданий, а также празднование самых важных мусульманских праздников. Приводится численность верующих в селах и их возрастной состав.

Ключевые слова: ислам, религия, верующие, религиозные праздники, церковь, епархия, епископ, священнослужители.

R.A. Mukhamedov

RELIGIOUS COMMUNITIES OF ULYANOVSK REGION IN THE 1950s – 1960s: PROBLEMS AND THEIR ACTIVITIES

The article examines the activities of the Muslim community and Russian Orthodox Church in Ulyanovsk region. The attitude of the authorities towards mosques and churches, the closure and destruction of prayer buildings, also the celebration of the most important Muslim holidays are illustrated. The number of believers in the villages and their age composition is given in it.

Keywords: Islam, religion, believers, religious holidays, church, diocese, bishop, clergy.

Среднее Поволжье, куда относится Ульяновская область, считается регионом традиционного распространения ислама. *Советский период стал временем выживания ислама в условиях жесткой антирелигиозной, атеистической политики государства, особенно в 20–40-е гг. XX века. Радикальный курс партии большевиков, направленный на искоренение религиозных традиций в советском обществе, выразился в закрытии и уничтожении культовых зданий и духовенства, ликвидации системы религиозного образования. Религия была отодвинута на периферию общественного сознания и в ряде случаев приобрела бытовой, обрядовый характер, но тем не менее, несмотря на это, оставалась важным фактором повседневной жизни советского населения.*

Во втором полугодии 1955 г. были проверены зарегистрированные религиозные общины верующих мусульман с. Уразовка Карсунского района, с. Новые Зимницы Старо-Кулаткинского района, сс. Абдреево и Елховый Куст Ново-Малыклинского района и с. Новые Тимерсяны Богдашкинского района [1].

На территории Карсунского района в 1955 г. была одна действующая мечеть в с. Уразовка, которая зарегистрирована как ранее действующая в 1946 г. Примерное количество верующих в данном селе – до 200 человек. Верующие проводят четырехразовое моление: утром, в полдень, вечером до заката солнца и после заката: количество молящихся в обычные дни – 5–10 человек; по пятницам: утром – 12–15 человек, в полдень – 25–30 человек и вечером – 8–10 человек. Возрастной состав верующих, участвовавших в этих молениях: в основном лица пожилого возраста, т.е. от 65 лет и старше [2].

В дни религиозных праздников в селе возрастает количество молящихся. На Курбан-байрам 29 июля 1955 г. в молении участвовало до 200 человек. Причем на этом молении были не только старики, но и молодежь в количестве 60 человек в возрасте от 15 до 25 лет, в том числе 12 учащихся 6–7-х классов Уразовской семилетней школы и 2 комсомольца – Алтынбаев и Хайруллов, учащиеся Карсунской школы механизации [3].

Доказательством того, что вышеуказанный праздник справлялся верующими села, является отказ выходить на работумногих жителей, причем как верующих, посещающих мечеть, так и тех, кто мечеть не посещает.

На территории Старо-Кулаткинского района имелась одна действующая зарегистрированная мечеть в с. Новые Зимницы, ранее действующая в 1947 г. Примерное количество верующих в вышеуказанном селе – до 200 человек.

Верующие села в обычные дни проводят трехразовое моление: утром и вечером два раза, по пятницам – четырехразовое моление: утром, в полдень, вечером до заката солнца и после заката солнца. Ночное моление не проводится. Количество верующих, участвовавших в этих молениях: в обычные дни – 8–10 человек, по пятницам: утром 10–12 человек, в полдень – 25–30 человек и вечером – 10–12 человек. Возрастной состав верующих, участвующих в этом молении: в основном лица пожилого возраста, т.е. от 60 лет и старше. На праздник Курбан-байрам 29 июля 1955 г. в с. Новые Зимницы в молении участвовало до 250 человек, это

были не только старики, но и молодёжь в возрасте от 15 до 25 лет численностью 65 человек, среди которых были школьники 6–8-х классов [4].

В Ново-Малыклинском районе были зарегистрированы две действующие религиозные общины верующих мусульман – в сс. Абдреево и Елховый Куст. Абдреевская религиозная община в составе своего прихода насчитывала до 100 верующих, Елхово-Кустинская – до 200 человек верующих. Возрастной состав верующих, входящих в эти религиозные общины: в основном лица пожилого возраста, от 50 лет и старше. Посещаемость молитвенных зданий верующими вышеуказанных религиозных общин: при четырехразовом молении в обычные дни – от 5 до 10 человек и по пятницам – от 15 до 20 человек.

В дни религиозных праздников посещаемость молитвенных зданий несколько увеличивается. Например, в день праздника Курбан-байрам 29 июля 1955 г. в молении участвовало: в с. Абдреево – до 70 человек и в с. Елховый Куст – до 100 человек. Возрастной состав верующих, участвовавших в молении как в обычные дни, так и в пятницу и дни религиозных праздников – в основном лица пожилого возраста. Однако в день праздника Курбан-байрам в с. Елховый Куст в праздничном молении принимала участие и молодёжь в возрасте от 18 до 25 лет численностью 18 человек. Женщины в праздничном молении участия не принимали [5].

На территории Богдашкинского района зарегистрирована одна действующая мечеть в с. Новые Тимерсяны, открытая Советом в 1946 г. Примерное количество верующих – до 300 человек. Посещаемость молитвенного здания верующими села: в обычные дни – 10–15 человек, в пятницу – до 40 человек, в дни религиозных праздников – 100–150 человек. Возрастной состав верующих – в основном лица пожилого возраста, т.е. от 50 лет и старше.

Таким образом, в Ульяновской области вопреки действиям советских властей, мусульмане продолжали придерживаться религиозных канонов в повседневной жизни, активно соблюдали мусульманские праздники.

В рамках реализации атеистического проекта в СССР деятельность православных священнослужителей рассматривалась как чуждая и опасная. Местные власти подавляли религиозную деятельность духовенства, осложняли его материальное положение, убеждали отречься от религии и церкви. В этих условиях небольшая часть православного духовенства встала на путь ренегатства и покинула церковь, некоторые православные священнослужители выступали с антирелигиозными заявлениями в печати и активно занимались антицерковной деятельностью. Причинами этого явления стали маловерие и малодушие, внутренний кризис и неудовлетворенность церковной жизнью, безнравственность и бездуховность, страх перед властью и корыстные интересы отдельных священнослужителей. Власти использовали случаи отречения духовенства для развертывания атеистической пропаганды. Отречение духовенства от религии и церкви не получило широкого распространения и не оправдало ожидания властей.

В конце 1958 г. под знаменем вступления СССР в завершающую фазу строительства коммунистического общества произошло коренное изменение государственной религиозной политики. Строительство коммунистического общества в СССР бы-

ло непосредственно связано с полным преодолением «религиозных пережитков» и на практике привело к новому нападению на религию и церковь.

Основной удар был направлен против Русской православной церкви как самой многочисленной и влиятельной религиозной организации. Используя мощный административный ресурс, правительство закрывало храмы и монастыри, прекращало работу духовных школ, нападало на материальную и финансовую базу религиозных организаций, грубо вмешивалось в административную и богослужебную деятельность церкви.

По состоянию на 1 января 1956 г. в Ульяновской области было 17 действующих церквей, из которых 3 – в городе Ульяновске и 1 – в городе Мелекесе. Зарегистрированных молитвенных домов не было.

Во многих селах церкви закрывались ввиду аварийного состояния. Так, например, в с. Лава Сурского района церковь закрыта 15 мая 1955 г. Ульяновское епархиальное управление приступало к частичному ремонту Лавинской церкви, но ввиду невозможности предотвращения разрушения молитвенного здания комиссия облисполкома 27 сентября 1955 г., обследовав его пришла к заключению, что «...ввиду аварийного состояния здания церкви не допускать нахождение внутри церкви людей, а поэтому во избежание несчастного случая помещение церкви не использовать и всё находящееся оборудование убрать. В ближайшее время здание церкви полностью разобрать». Лавинская церковная община была вынуждена пользоваться церковной сторожкой [7].

За 1955 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 1 декабря 1944 г. решениями облисполкома разрешено райисполкомам разобрать 14 аварийных церковных зданий. В Ульяновской области в данный период было 117 недействующих церковных зданий. За 1955 г. в адрес уполномоченного и через вышестоящие советские органы поступило 22 ходатайства об открытии церквей. Большое количество заявлений было из с. Большая Кандаля. Ранее церковное здание в этом селе было признано аварийным и должно было быть разобрано. Райисполком ограничился снятием купола церкви, поэтому в вышестоящие органы были направлены жалобы от верующих людей.

По состоянию на 1 января 1956 г. в Ульяновской епархии служили: архиепископ, 29 священников, 6 диаконов, 12 псаломщиков. Всего 48 священнослужителей.

В целях укрепления устоев церкви архиепископ Иоанн в истекшем году назначил вновь и перевел из других приходов 11 священников, 2 диаконов и 6 псаломщиков. В основном это передвижение духовенства происходило внутри епархии. За 1955 г. архиепископ посвятил в сан священника 3 человек из числа псаломщиков и диаконов, в сан диакона – 3 человека [8].

Назначения архиепископа не всегда поднимали авторитет церкви среди верующих. Многие переставали посещать молитвенные здания из-за грубого поведения священнослужителя. Так, например, священник Тресвятский, работая в с. Лава, своим поведением и грубостью многих верующих отвалил от церкви, поэтому за последнее время церковь посещало не больше 8–10 лавинцев [9].

Священники церкви Малая Хомутерь Барышского района, Румянцев и Логинчев пользуются авторитетом у верующих, почти ежедневно поводят службы и выезжают в другие населенные пункты района по просьбе верующих.

Приход имеет постоянных посетителей численностью от 30 до 40 человек, а в праздничные дни в с. Хомутерь собирается более сотни человек. Основная масса верующих в церковь идет из рабочих поселков Гурьевки, Измайловки и г. Барыша.

Деятельность некоторых священнослужителей была дополнительно обложена налогом со стороны власти. Так, например, два ульяновских священника: Мокрицкий и Свинчук – выезжали в Володарский район города по приглашению верующих. Собранные с прихожан денежные средства присваивали себе. Действия священников были разоблачены, и дополнительный их доход обложен подоходным налогом.

В области имеются факты нелегальной деятельности бывших церковников и всевозможных кликуш, распространения нелегальных «святых писем».

Активная деятельность незарегистрированных священников особенно наблюдается в Карсунском, Сурском, Мало-Кандалинском, Ново-Черемшанском и Сенгилевском районах, где со стороны финансовых органов не принимается мер к обложению их подоходным налогом [10].

Таким образом, деятельность священнослужителей подвергалась постоянному контролю со стороны власти. Церковные здания и мечети в большом количестве признавались аварийными, другие молитвенные здания не предоставлялись. Результатом данных действий становилось маловерие среди населения.

Источники и литература

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 14. Д. 144. Л. 4.
2. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 3705. Оп. 4. Д. 13. Л. 7.
3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 14. Д. 144. Л. 13.
4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 14. Д. 78. Л. 32.
5. ГАУО. Ф. 3705. Оп. 4. Д. 184. Л. 23.
6. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 14. Д. 92. Л. 11.
7. ГАУО. Ф. 3705. Оп. 4. Д. 73. Л. 17.
8. Мухамедов Р.А., Бойко Н.С. Советская молодежь в 1980-е годы: идейно-политическая и экономическая деятельность (на материалах Ульяновской области) // Вестн. Марийского гос. ун-та. Сер. Исторические науки. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 343–350.
9. Мухамедов Р.А. Становление новой системы образования в 1950-х г. (на материалах Ульяновской области) // Современная наука в условиях модернизационных процессов: реалии и перспективы: Сб. науч. статей по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2020. – С. 154–161.
10. Мику Н.В., Молькин А.Н. Курбан-байрам в Среднем Поволжье. 1940–1980-е гг. // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 1.

ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ

В статье рассматриваются особенности сохранения этнической идентичности татарского населения в Башкортостане. Главной особенностью данных процессов выступает нестабильность этнической идентичности населения в западном и северо-западном регионах республики, которая из переписи в перепись имеет тенденцию изменения. Другой особенностью является то, что у населения данного региона, какой бы национальности ни были отмечены в переписных листах, стабильным остается признание татарского в качестве родного языка. В статье приводится анализ этнического и языкового состава населения ряда районов, в которых происходили указанные тенденции изменения идентичности от одной национальной принадлежности к другой.

Ключевые слова: этничность, идентичность, татары, Башкортостан, родной язык.

F.G. Safin, K.O. Sirazetdinov

FEATURES OF THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF THE TATAR NATIONAL IDENTITY OF THE RURAL POPULATION IN BASHKORTOSTAN

The article discusses the peculiarities of preserving the ethnic identity of the Tatar population in Bashkortostan. The main feature of these processes is the instability of the ethnic identity of the population in the Western and North-Western regions of the Republic, which tends to change from census to census. Another peculiarity is that the population of this region, no matter what nationality was noted in the census forms, the recognition of Tatar as a native language remains stable. The article provides an analysis of the ethnic and linguistic composition of the population of a number of districts in which these trends of identity change from one nationality to another occurred.

Keywords: ethnicity, identity, the Tatars, Bashkortostan, native language.

Проблема этнической идентичности сельского населения Башкортостана занимала особое место в этнодемографических процессах, происходящих в республике не только в постсоветский период, но еще и в советское время. Прошедшая в 1979 г. Всесоюзная перепись населения показала паритетное соотношение численности татарского и башкирского населения в Башкортостане. Численность татар в 1979 г. составляла 940 446 чел., при их доле 24,5%, башкир – 935 880 чел., при доле 24,3% [4]. Всесоюзная перепись населения 1989 г., проведенная впервые в условиях демократизации страны, показала существенный рост численности татар до 1 120 702 чел. Удельный вес татарского населения в Башкортостане также увеличился и составил 28,4 % [5]. При этом сократилась численность башкир до

863 808 чел. при их доле 21,9% [5]. Такие «перекосы» в этнической структуре населения республики, связанные с изменением этнической идентичности части татарского и башкирского народов, специалисты объяснили демократическим волеизъявлением населения во время прошедшей переписи.

Всероссийская перепись населения 2002 г. также показала существенные этнодемографические изменения, связанные с татаро-башкирской идентичностью данного региона. Например, в Бакалинском районе, граничащем с Азнакаевским, в 2002 г. численность башкир по сравнению с 1989 г. увеличилась на 3560 чел., а татар уменьшилась на 3383 чел. [6, 11]. По переписи 2010 г., численность башкир уменьшилась на 1312 чел., составив 17,3% в структуре населения. А доля татар увеличилась пропорционально доли снижения башкир [8]. Этноразовая принадлежность башкир Бакалинского района не совпадает с их этнической идентичностью. Из 6829 башкир Бакалинского района в 1979 г. всего лишь 415 чел. в качестве родного отметили башкирский язык, что составило 6,1% [4]. По данным переписи 1989 г., из 2716 лиц башкирской национальности лишь 244, или 8,9% признали в качестве родного башкирский, а 2441 чел. татарский язык, что составило 89,9% от численности всех башкир района [5]. В 2002 г. из 6276 башкир 629 чел. (это 10,0%) родным признали язык своей национальности, а 5516 чел. в качестве родного отметили татарский, т.е. 87,9% башкир Бакалинского района являются татароразовыми [11].

Среди татар Бакалинского района в 1989 г. доля лиц татарской национальности с родным татарским языком по сравнению с 1979 г. выросла на 0,4% [5]. Правда, в 2002 г., по сравнению с 1989 г., она упала на 2,6%. Но данная тенденция сокращения доли лиц с родным татарским языком характерна для всего татарского населения республики, которое из переписи в перепись теряет своей родной язык в пользу русского языка. В 2002 г. доля татар, признавших родным язык своей национальности составила 94,9%. По переписи 2010 г., из 4964 башкир Бакалинского района 73,9% в качестве родного отметили татарский язык [8]. Иными словами, несмотря на ряд манипуляций относительно этнической идентичности населения Бакалинского района, татарская языковая идентичность остается стабильной.

В Балтачевском районе, также расположенном в северо-западном регионе, численность башкир в 2002 г., по сравнению с 1989 г., увеличилась на 11 797 чел., т.е. в 3,1 раза, численность татар сократилась на 11 092 чел. (уменьшение в 4 раза). Если удельный вес татар в 1989 г. в Балтачевском районе составлял 59,2%, то в 2002 г. – всего лишь 14,7% [5, 6]. Перепись 2010 г. снова зафиксировала двукратное увеличение численности татар до 6701 чел., при их доле 31,2% [8]. Из 10 962 башкир, отмеченных в переписи 2010 г., 7819 чел., т.е. 71,3%, в качестве родного признали татарский язык. Из 6701 чел. (31,0%) родным языком своей национальности отметили татарский 6613 чел. (98,7%). Из них всего лишь 4 чел. (0,06%) родным признали башкирский, 54 (0,8%) – русский язык [8]. Таким образом, абсолютное большинство населения Балтачевского района является татароразовым.

Таблица 1

**Динамика численности татар и башкир в западных
и северо-западных районах Башкортостана***

Районы	В 1989 г.		В 2002 г.		В 2010 г.	
	Всего башкир	Всего татар	Всего башкир	Всего татар	Всего башкир	Всего татар
Бакалинский в %	2716 8,4	20 093 62,2	6276 19,4	16 710 51,7	4964 17,3	15 360 53,4
Балтачевский в %	5500 22,1	14 728 59,2	17 297 70,0	3 636 14,7	10 962 51,1	6701 31,2
Благоварский в %	1899 7,8	14 520 59,8	12 472 48,4	5955 23,1	11 131 42,8	7361 28,3
Бураевский в %	11 738 39,5	15 102 50,8	23 045 81,4	2689 9,5	17 401 69,5	5458 21,8
Ермекеевский в %	2057 11,3	9877 54,4	8428 46,3	3699 20,3	4898 28,6	6232 36,4
Илишевский в %	22 946 63,2	11 007 30,3	29 217 80,5	4958 13,7	27 281 78,8	5312 15,3
Калтасинский в %	885 3,2	5855 21,1	3216 11,1	4568 15,8	2644 10,2	3646 14,0
Кушнаренковский в %	1582 5,5	22 232 78,0	12 703 43,3	11 641 39,7	8950 32,7	13 568 49,5
Туймазинский в %	9588 31,3	17 252 56,3	18 515 59,9	8381 27,1	29 403 45,7	19 305 30,0
Чекмагушевский в %	6107 18,7	24 695 75,6	11 445 34,6	19 510 59,1	9429 30,7	19 308 62,8
Шаранский в %	1525 6,4	12 160 51,0	7614 31,1	6675 27,3	5589 24,9	7404 33,0

Источник: Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Уфа: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. – 104 с.; Национальный состав населения РБ (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Башкортостанстат. – Уфа, 2006. – 198 с. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. – Уфа: Башкортостанстат, 2012. – С. 31.

В Бураевском районе в 2002 г. численность башкир увеличилась на 11 307 чел. (рост в 2 раза), количество татар уменьшилось на 12 413 чел. (сокращение в 5,6 раза), т.е. ровно на столько, на сколько выросла численность башкир [6]. Если в 1989 г. доля татар в структуре населения Бураевского района составляла 50,8%, то в 2002 г. она снизилась до 9,5% [5, 6]. В 2010 г. снова увеличение численности татар немногим более чем в 2 раза при заметном сокращении числа башкир почти на 5 тыс. чел. Из 17 401 башкира 15 695 чел. в качестве родного отметили татарский язык, что составляет 90,2% [8].

Удивительно высокий рост численности башкирского населения в 2002 г. наблюдался в Кушнаренковском районе – на 11 121 чел., более чем в 8 раз,

в Благоварском районе с 1899 чел. в 1989 г. до 12 472 чел. в 2002 г., т.е. рост составлял 6,6 раза [5, 6]. Соответственно обратно пропорционально уменьшилась численность татар в Кушнаренковском на 10 591 чел., в Благоварском – на 8565 чел. [6]. В 2010 г. проявилась другая тенденция – значительное увеличение численности татар и некоторое сокращение количества башкир.

Довольно значительный рост башкирского населения в 2002 г. наблюдался в Туймазинском (на 8927 чел.), Чекмагушевском (5338 чел.), Шаранском (6089 чел.), Еремеевском (6371 чел.), Илишевском (6271 чел.) районах [6]. В них же в 2010 г. наблюдалась обратная тенденция.

При этом почти один к одному уменьшилась численность татарского населения в Туймазинском (на 8871 чел.), Чекмагушевском (5685 чел.), Шаранском (5485 чел.), Еремеевском (6178 чел.), Илишевском (6049 чел.) районах [6].

В Илишевском районе в 1989 г. доля башкир, считавших родным татарский язык, составляла 96,4%, а в 2002 г. – 91,3%. За межпереписной период с 1979 по 1989 г. наблюдался небольшой рост признавших родным татарский язык. А доля башкир, признавших родным татарский язык, увеличилась на 1,6%. Из общего количества башкир родным признали язык своей национальности всего лишь 749 чел., т.е. 3,3% [5]. Проведенное Ф.Г. Сафиним [9] и Р.Г. Сибгатовым [10] обследование языковой ситуации в указанном регионе не выявило особых различий в разговорной речи местного населения в пользу перехода на башкирский язык. Местное население этих районов продолжает разговаривать и общаться на том языке, на котором говорило и 30, и 90 лет тому назад, как это зафиксировано было во время переписи 1926 г. и в материалах проведенных в этих районах лингвистических экспедиций в 1930-е гг. [3].

Поэтому утверждения некоторых ученых признать язык населения данного региона на северо-западным диалектом башкирского языка не совсем оправданы, т.к., по мнению известных башкирских ученых-лингвистов А.А. Юлдашева, Дж.Г. Киекбаева, данный говор нельзя включить в систему башкирского языка, ибо язык населения западного и северо-западного Башкортостана невозможно рассматривать как башкирский ни с исторической, ни с юридической стороны [2, с. 43]. Если исходить из мнения ряда теоретиков о том, что этнос и его язык формируются одновременно [1, с. 51–61], то следует отметить, что известный башкирский историк, теоретик по национальным отношениям Б.Х. Юлдашбаев также утверждал, что в процессе консолидации башкир в нацию существовал и развивался башкирский язык, состоящий из двух диалектов: юрматинского и куваканского. При этом он подчеркнул, что язык западных и северо-западных башкир давно уже не собственно башкирский, а по существу татарский [14, с. 53–55].

С 1979 по 2002 г. наблюдался удивительный рост численности башкир в Аскинском районе, признавших родным языком башкирский. Если, по данным переписи 1979 г., из всех башкир лишь 5,1% признали башкирский язык родным, то в 1989 г. данный показатель возрос до 41,0%, а в 2002 г. – 83,9%. Такое сравнительное изменение показателей в пользу башкирского наблюдалось, наряду с Аскинским, только в Татышлинском районе республики. Это парадоксальное явление не подвергается научному обоснованию и трактовке, ибо, по данным переписи 1979 г., в Аскинском

районе из 17 489 башкир 16 541 чел., или 94,6%, в качестве родного отметили татарский язык, а не башкирский [4]. В 1989 г. из всех башкир лишь 8696 чел., или 58,6% признали татарский родным языком [5]. К 2002 г., уже через 13 лет после переписи, численность жителей с родным татарским языком сокращается до 2100 чел. при их доле 12,3% [6]. Эти изменения несколько не согласуются с тезисом известного башкирского лингвиста академика З.Г. Ураксина, утверждающего, что языковая ситуация в Башкортостане сложилась в результате длительного взаимодействия социально-экономических, этнодемографических, этноязыковых процессов и других факторов, действовавших на его территории [12, с. 9].

Таким образом, анализ этнодемографического развития западных и северо-западных районов республики показывает, что рост численности и доли башкирского населения осуществлялся за счет сокращения численности татарского населения.

Одним из критериев при определении этнической идентичности у татар выступает маркер связи с родителями (42,4%), языком (35,0%), а также близость к традициям культуры татарского народа (17,1%) и религии (13,4%) [13]. Но одним из важных критериев, как отмечали при этносоциологическом опросе респонденты татарской национальности, выступает этническое самосознание (19,0%). На вопрос «С кем Вас больше всего объединяет чувство общности в культуре?» более одной трети (34,4%) респондентов-татар ответили: «С людьми своей национальности» [13]. Выражая свое доверительное отношение к представителям своей национальности, абсолютное большинство татар (83,2%) отмечали свое безусловное доверие [13] своим соплеменникам, что подтверждает высокий уровень внутриэтнической солидарности татар в Башкортостане.

Таким образом, несмотря на ряд административных манипуляций в ходе подготовки и проведения переписей населения, татарская идентичность в Башкортостане остается стабильной.

Источники и литература

1. Качала Я. Язык и национальная самоидентификация // Язык. Культура. Этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 51–61.
2. Киекбаев Д.Г. Башкирские диалекты и краткое введение в их историю // Уч. зап. Башкир. гос. ун-та. Вып. III. Башкир. филол. сер. № 2. – Уфа, 1958. – С. 39–53.
3. Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 311–313, 368–409.
4. Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1979 г. – Уфа, 1981. – 189 с.
5. Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Уфа: Респ. инф.-изд. центр, 1990. – 104 с.
6. Национальный состав населения РБ (по данным Всерос. переписи населения 2002 г.): Стат. сб. – Уфа: Башкортостанстат, 2006. – 198 с.
7. Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всерос. переписи населения 2010 г.): Стат. бюл. – Уфа: Башкортостанстат, 2012. – 58 с.
8. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан (по данным Всерос. переписи населения 2010 г.): Стат. сб.: В 2 ч. – Уфа: Башкортостанстат, 2013. – Ч. II. – 189 с.

9. Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: Социоллингвист. аспект. – Казань: Магариф, 2004. – 543 с.

10. Сибигаатов Р.Г. О правовом статусе языков в Башкортостане. – Уфа, 1997. – 495 с.

11. Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ: Итоги Всерос. переписи населения 2002 г. Население по национальности и родному языку. Табл. 34 С (Абсолютные данные).

12. Ураксин З.Г. Некоторые проблемы социологического изучения языков // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. – Уфа, 1987. – С. 40–58.

13. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность». Опрос был проведен в январе 2014 г. (Ф.Г. Сафин, А.И. Фатхутдинова – авторы проекта; рук. исслед. – А.И. Фатхутдинова), в ходе которого опрошено 1000 чел., в том числе 361 респондент русской, 295 – башкирской, 254 – татарской и 90 представителей других национальностей в гг. Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Октябрьский, Кумертау, Бирск, Белорецк, Давлеканово, Дюртюли, Учалы, Туймазы, в Альшеевском, Балтачевском, Дюртюлинском, Краснокамском, Куяргазинском, Миякинском, Стерлибашевском, Туймазинском, Уфимском, Учалинском, Хайбуллинском районах.

14. Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа, 1972. – 336 с.

УДК 316.43

В.Г. Харитонов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ

В статье рассмотрены этнокультурные предпочтения сельских жителей Чувашской Республики на современном этапе. Основными вопросами исследования являются культурные, этнические мотивации и установки сельчан, выявлено отношение сельского населения к этническим традициям и обрядам. Установлено, что этнические установки выражаются через отношение к истории и современной жизни своей этнической общности и взаимосвязи с другими народами и людьми иных национальностей; выполняют ведущую роль в процессах межэтнического взаимодействия. Статья выполнена на базе репрезентативных социологических исследований. Данные процессы анализируются как в общереспубликанском масштабе, так и на уровне поселений – города и села.

Ключевые слова: этнокультурные предпочтения, традиции и обряды, их сохранение и развитие, роль сельского сообщества, Чувашская Республика, межэтническая взаимосвязь.

V.G. Kharitonova

ETHNIC TRADITIONS OF RURAL RESIDENTS OF THE CHUVASH REPUBLIC

The article considers the ethnocultural preferences of rural residents of the Chuvash Republic at the present stage. The main issues of the study are cultural, ethnic motivations and attitudes of the villagers, the attitude of the rural population to ethnic traditions and rituals is revealed. It is established that ethnic attitudes are expressed through their attitude to the history and modern life of their ethnic community and their relationship with other peoples and people of other

nationalities; they play a leading role in the processes of interethnic interaction. The article is based on the representative sociological research. These processes are analyzed both on a nationwide scale and at the level of settlements – a city and a village.

Keywords: Ethnocultural preferences, traditions and rituals, their preservation and development, role of the rural community, the Chuvash Republic, interethnic interrelation.

Сохранение и развитие историко-культурного наследия, этнокультурных особенностей российских народов является важной задачей государственной национальной политики Российской Федерации [12]. Федеральные и региональные программы, направленные на устойчивое развитие сельских территорий, также уделяют большое внимание развитию культурного потенциала как одному из важнейших факторов роста экономики и стабильного развития сельских сообществ [7]. Рассмотрение вопросов этнокультурного развития и межэтнического взаимодействия, социальных проблем приобретает актуальность с характером изменений крестьянского образа жизни и положения крестьянства в обществе. Наиболее сильно проявляется социокультурный перелом, пережитый сельским обществом и сельским населением. Прежде всего, стоит задача поиска ответов на вопрос о перспективах развития этнической культуры и вероятных возможностей адаптации этнокультур в условиях информационного общества. Анализ и осмысление преемственности национально-культурных традиций и ценностей, аспектов межкультурного диалога становятся важной частью прогнозирования развития региона. В социальной интеграции общества также важен учет этнического и конфессионального факторов [9]. Изучение и анализ развития межэтнических отношений и этнокультурного развития – важное направление научного обеспечения как региональной, так и государственной национальной политики. Тема, подчеркнем, не новая, как в отечественной, так и региональной историографии нашла достаточно полное освещение [4; 6; 10; 13; 14; 15]. Отдельные сюжеты и проблемы отражены в междисциплинарных исследованиях [1; 2; 3]. Некоторые вопросы сохранения и функционирования традиционной культуры и обрядов, трансформации ценностей населения Чувашии на современном этапе также нашли отражение в гуманитарных исследованиях [5; 16; 17].

Этнодемографическая ситуация в Чувашии в последние десятилетия XX века и в начале XXI века имеет ряд особенностей. Одной из существенных характеристик социокультурного развития и этнокультурного взаимодействия населения Чувашской Республики является этническое и конфессиональное многообразие. Итоги трех последних переписей населения (1989, 2002 и 2010 гг.) демонстрируют динамику изменений этих показателей. По данным микропереписи 1994 г., в республике фиксировалось наличие 43 этносов, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Чувашии проживали представители 128 национальностей и 8 этнических групп. При этом соотношение основных этнических групп, а это чуваша, русские, татары, мордва, марийцы, изменилось незначительно, их удельный вес в сумме составил 98,2% в 2010 г., как и в 2002 г. Чуваша как титульная нация абсолютно преобладали и продолжают преобладать в общем составе населения (67,8%), причем как в сельской местности (84,8%), так и в городских поселениях (54,7%). Существен-

ные изменения связаны с быстрыми темпами увеличения численности чувашей в городах, значительным изменением и усложнением социального состава титульного этноса, интенсивной миграцией сельских жителей в города. Последнее также сильно повлияло на снижение абсолютной и относительной численности русского сельского населения. Значительный удельный вес на селе занимают чувашаи. Их доля в общей численности сельского населения, указавшего свою национальную принадлежность, составила 84,2% (в 2002 г. – 85,5%) [8].

Исходя из актуальности проблем и направлений тематики научно-практической конференции в данной статье рассматриваются культурные, этнические мотивации и установки сельчан, выявлено отношение сельского населения к этническим традициям и обрядам. Основными источниками для подготовки статьи стали материалы социологических опросов населения республики, проведенных в 2017–2021 гг. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук. С целью выявления основных тенденций и направлений социокультурной динамики республики исследование проводится в мониторинговом режиме. Ежегодно опрашивалось 600 и чуть более респондентов. Для опросов использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. Результаты социологических опросов позволяют дать сравнительный анализ позиций по поселенческому признаку (город-село) и сравнение с общереспубликанскими данными и процессами. Также использованы статистические данные, результаты опубликованных научных работ.

Структура ценностей жителей республики, начиная с 1990-х гг., менялась достаточно быстро. Анализ материалов республиканских СМИ показывает, что на первые позиции выходила поддержка современных и либеральных ценностей, таких как свобода, независимость, уверенность в себе и т.д. В то же время большинство населения республики поддерживают традиционные ценности: жизнь, дети, здоровье, правопорядок, работа, семья, уважение к сложившимся обычаям и традициям. Анализ ценностных представлений населения Чувашии, в том числе сельского был сделан по материалам мониторингового исследования «Социокультурный портрет Чувашской Республики». Здесь можем отметить, что после реформ 1990-х гг. на фоне стабилизации ситуации традиционные ценности начинают занимать прежние позиции. Если в 2006 г. традиции поддерживались менее 45% населения, то, по данным опроса 2016 г., более половины населения республики рассматривали их в качестве основной ценностной модели. По основным позициям, в том числе и по традиции позиции сельского и городского населения сблизались, но для сельчан преимущественной оставалась традиционная модель [11, с. 76–79].

Главной опорой этнических установок является традиционная этническая культура. На основе знаний о своей и чужой культуре в этнических группах формируется комплекс представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков, к примеру: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство и т. д., а также повышается уровень толерантности. Интеграторами культурного потенциала народов выступает ряд факторов (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Скажите, что из перечисленного сближает Вас с людьми Вашей национальности,
Вашим народом?» (можно было выбрать до трех вариантов ответов, %)**

Варианты ответов	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общая земля, территория	44,7	54,8	56,0	50,4	56,3
Национальный (родной) язык	58,7	60,1	64,4	62,2	68
Национальная одежда, жилище, пища	5,0	6,0	6,6	7,8	6,8
Национальные обычаи, привычки, обряды	32,3	30,9	30,5	31,8	32,5
Народное творчество, сказки, песни, предания	11,1	12,8	12,5	11,8	12,2
Религия	14,0	13,1	9,1	8,9	10,4
Историческая судьба, прошлое	28,7	30,9	35,9	32	32,3
Национальная литература и профессиональная культура	6,4	9,0	11,5	8,1	7,8
Черты характера, психология	13,2	8,6	9,7	10,7	14
Внешний облик	4,1	3,7	5,8	4,8	6
Это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство	12,2	10,5	8,7	10,9	8,8
Ничто не сближает	1,3	1,7	1,0	1,6	1,5
Иное	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2

По частоте выборов на первое место в качестве этнического маркера выходит национальный (родной) язык. Далее среди наиболее часто выбираемых: общая земля, территория; национальные обычаи, привычки, обряды; историческая судьба, прошлое. Данные установки наиболее характерны и значимы для респондентов и отражают их этнические представления. Актуальность приобрели внешние признаки: черты характера, психология. Часть респондентов отмечает, что для них это сложное чувство. Достаточно значимыми, по мнению населения, являются народное творчество, национальная литература, религия и профессиональная культура. Результаты мониторинга ситуации позволяют констатировать, что иерархия данных интеграторов традиционна и характерна для этнокультурной ситуации в республике. В целом наблюдается незначительное снижение религиозного фактора и колебание таких интеграторов, как общая земля, территория, историческая судьба, прошлое.

Сельские жители на современном этапе являются основными носителями и хранителями традиционной культуры, об этом свидетельствуют и данные опросов (см. табл. 2). В иерархии признаков этнокультурных предпочтений между сельскими жителями и в целом ситуации по республике нет значимых различий. Относительно выбора такого маркера, как «национальный (родной) язык», необходимо отметить наличие некоторых особенностей, проявляющихся от поселенческих факторов, возраста, этничности респондентов.

**Распределение ответов на вопрос
«Скажите, что из перечисленного сближает Вас с людьми Вашей национальности,
Вашим народом?» (сельское население, можно было выбрать
до трех вариантов ответов, %)**

Варианты ответов	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Общая земля, территория	52,8	54,0	57,2	52,1	58,2
Национальный (родной) язык	64,6	68,8	66,2	61,2	73,4
Национальная одежда, жилище, пища	14,6	9,6	11,0	13,8	11,4
Национальные обычаи, привычки, обряды	43,1	36,8	37,0	34,6	34,6
Народное творчество, сказки, песни, предания	7,7	15,2	12,8	14,9	14,3
Религия	12,6	10,8	12,8	10,1	11,4
Историческая судьба, прошлое	27,2	28,4	31,5	29,8	30,4
Национальная литература и профессиональная культура	8,9	10,8	14,2	12,8	10,5
Черты характера, психология	6,9	8,8	11,9	9,6	8,4
Внешний облик	3,7	4,4	4,6	6,4	5,1
Это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство	13	10,4	8,2	8,5	6,3
Ничто не сближает	0,4	1,2	0,5	1,6	-
Иное	-	-	-	-	-

Для сельчан родной язык в большей степени значим как фактор принадлежности к своему этносу сравнительно со всем массивом опрошенных, это положение вполне обоснованно можно отнести и к чувашскому сельскому населению. Ранее мы отмечали, что большинство сельских жителей в республике – это чувашаи. Можно предположить, что для чувашей язык является самым важным отличительным фактором не только с точки зрения коммуникационных возможностей и необходимости для развития культурных традиций, но и в связи с необходимостью мобилизации для сохранения самого языка в условиях постоянных дискуссий о возможности его исчезновения, расширения сфер использования и т.д. Отметим, что у респондентов нет единства в понимании содержания такого понятия, как родной язык. Для многих это, прежде всего, средство коммуникации, язык семейных отношений, детства, для части из них родной язык является неременной принадлежностью к народу (национальности), носящей символический характер. Приверженность к национальным традициям и обычаям также характерна для сельских жителей, хотя по сравнению с 2017 г. в 2021 г. наблюдается некоторое снижение доли респондентов, выбравших вариант «национальные обычаи, привычки, обряды».

Участники социологического обследования выражали свое отношение к обычаям и традициям своего народа, эти показатели важны для оценки востребованности в обще-

стве этнической культуры, традиций и обрядов, сохранения и развития культурного наследия, социокультурного потенциала сельского социума (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к обычаям и традициям, культуре своего народа?»
(можно было выбрать несколько ответов, %)**

Варианты ответов	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Стремимся соблюдать обычаи и традиции в семейном кругу	50,2	54,6	54,1	54,3	52
Интересуюсь национальной культурой и историей	33,6	37,6	40,8	40,7	40,9
Придерживаюсь религиозных традиций и обрядов	29,8	30,9	26,1	25,2	29,7
Мало знаком с ними	15,5	14,6	11,6	12,0	15,2
Считаю, что они не имеют значения	4,3	4,2	4,8	4,5	6,2
Затрудняюсь ответить	4,1	2,2	5,0	4,5	2,4

Различные уровни приверженности остаются достаточно стабильными. Основным хранителем этнических норм и традиций остается семья, доля тех, кто соблюдает обычаи и традиции в семейном кругу говорит об укреплении роли семьи. Большая часть опрошенных проявляют интерес к национальной культуре и истории, более трети придерживаются религиозных традиций и обрядов. Около 20% не очень интересуются обычаями, традициями и культурой, считая, что они не имеют значения. Рассмотрим далее этот же вопрос с учетом поселенческого фактора (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к обычаям и традициям, культуре своего народа?»
(сельское население, можно было выбрать несколько ответов, %)**

Варианты ответов	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Стремимся соблюдать обычаи и традиции в семейном кругу	58,2	65,1	57,8	53,7	55,7
Интересуюсь национальной культурой и историей	30,8	41,1	46,8	43,1	46,4
Придерживаюсь религиозных традиций и обрядов	32,7	38,2	31,7	31,9	36,3
Мало знаком с ними	11,4	9,6	7,3	11,2	11,4
Считаю, что они не имеют значения	4,2	2,4	5,5	5,9	5,5
Затрудняюсь ответить	3,8	0,8	3,7	5,9	3,0

Как видим, сельское население более традиционно относится к культуре и традиционным ценностям. Здесь хранителем и транслятором национальных традиций

и культуры также выступает семья. У жителей города и села также есть расхождения по всем вопросам опроса, но разница менее значима. В целом анализ потребностей населения республики в этнокультурных мероприятиях и этнокультурной информации показывает наличие востребованности в ней, около 9% респондентов не придают им значения и затрудняются с ответом.

Часть опрошенных считает, что в республике имеется опасность потери национальной самобытности. Большинство населения региона считает, что реальной опасности для развития национальных культур и языков нет. Более четверти из опрошенных не задумываются над этим вопросом (см. табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культура)?» (%)**

Варианты ответов	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Существует реальная опасность	15,4	14,3	15,0	15,3	19,8
Опасность существует, но не стоит ее преувеличивать	28,1	29,1	26,2	28,9	28,7
Никакой опасности нет	32,6	30,2	35,1	30,4	26,6
Никогда не задумывался об этом	23,8	26,4	23,7	25,4	25

В данной ситуации отношение сельского населения к возможности утраты национальной самобытности в целом совпадает с общереспубликанскими данными. Включение в анализ таких факторов, как возраст, место проживания и национальность, показывает, что в качестве наиболее заметного разделителя является национальность (см. табл. 6). Более половины чувашей считает, что проблемы в развитии национальной культуры существуют. В то же время доля респондентов-чувашей, не видящих никакой опасности, сокращается. Часть из них не задумывалась над этим. Для русских, проживающих в республике, данная проблема не актуальна, большинство из респондентов (от 56,6% в 2019 г. и 45% в 2021 г.) отметили, что никакой опасности для национальной самобытности культуры и языка нет. Около 36% опрошенных в 2021 г. отметили, что никогда не задумывались об этом. Существование реальной опасности отмечали от 4 до 6% респондентов-русских. На наш взгляд, при реализации как этнокультурной, так и языковой политики в республике данные факторы должны быть учтены. Реальная настороженность части населения, в основном чувашского, сохраняется.

**Распределение ответов на вопрос
«Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности
утратить национальную самобытность (язык, культура)?» (%)**

Варианты ответов	2019, в том числе		2020, в том числе		2021, в том числе	
	чувашаи	русские	чувашаи	русские	чувашаи	русские
Существует реальная опасность	19,0	5,9	19,7	6,4	26,3	3,9
Опасность существует, но не стоит ее преувеличивать	32,3	8,1	34,2	12,0	33,6	15,5
Никакой опасности нет	25,6	56,6	21,8	50,4	17,9	45,0
Никогда не задумывался об этом	23,2	29,4	24,3	31,2	22,2	35,7

Участники опроса полагают, что государство и общество должны сосредоточить свои усилия на сохранении и развитии традиционных культур, языков. Чаще всего надежды возлагались на семью и учебные заведения. При этом молодежь также настроена на семью и учебные заведения.

Основными целями и задачами государственной политики респонденты обозначили: обеспечение прав граждан на доступ к культурным ценностям; обеспечение свободы творчества и прав граждан на участие в культурной жизни; создание эффективной системы массовых коммуникаций; расширение доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам; сохранение культурного и исторического наследия; совершенствование государственной информационной политики Чувашской Республики. Проведенная нами группировка мнений респондентов показала, что большинство из них волнует ситуация с родными языками, чаще всего с чувашским, и преподавание языков.

Данные мониторингового социологического обследования этнокультурной ситуации и межэтнического взаимодействия в Чувашской Республике подтвердили, что важнейшими элементами культуры и окружающего мира, которые оцениваются населением в качестве важных скреп этнокультурного единства, прежде всего, являются родной язык и общая земля, а также национальные обычаи, привычки, обряды и историческая судьба, религия, народное и профессиональное искусство и др. Это те направления для управленческих решений, в результате которых могут и должны поддерживаться национальные традиции народов. Респонденты отмечают существование в той или иной степени опасности потери национальной самобытности, при этом с уверенностью заявили около 15% респондентов. Более высокие показатели зафиксированы в 2021 г., и связано это с вопросами функционирования чувашского языка. По крайней мере, в сфере применения чувашского языка существуют проблемы, в том числе и в самих чувашских семьях. По данным опроса, в домашних условиях на нем говорят чуть боль-

ше половины респондентов, а если язык не сохраняется в семье, то никакие административные меры помочь не смогут. В целом анализ потребностей населения республики в этнокультурных мероприятиях и этнокультурной информации показывает наличие востребованности в ней и необходимость усиления работы в этом направлении. Опрос представителей чувашской диаспоры говорит о наличии потребности у них в историко-культурной информации, а также в других формах приобщения к чувашской культуре: выставкам, фестивалям, концертам, творческим встречам.

Источники и литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / ред. Н.И. Лапин (отв. ред.), Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. – М.: Вест мир, 2016. – 360 с.
2. Беляева Л.А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 51–64.
3. Дробижева Л.М., Титова Т.А. Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан // Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). – ИНАБ. – 2019. – № 1. – С. 7–23.
4. Ильдарханова Ч.И. Ресурсный потенциал модернизации села (региональное измерение): Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Саранск, 2016. – 46 с.
5. Ильин И.Е. Современное российское село: реформы и повседневность: Монография / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 2014. – 270 с.
6. Никитина Г.А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков: ресурсы и опыт адаптации: Монография / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: Ин-т компьютерных исслед., 2015. – 320 с.
7. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: постановление Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 6. – Ст. 1014.
8. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Чувашской Республике [Электронный ресурс]. URL: <http://chuvash.gks.ru>. (дата обращения 12.04.2022).
9. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. – М.: Альфа-М, 2011. – 278 с.
10. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – 368 с.
11. Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования / под ред. И.И. Бойко, А.П. Долговой. – Чебоксары, 2018. – 280 с.
12. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс]. / Президент России: офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/search?title> (дата обращения: 12.04.2022).
13. Тощенко Ж.Т. Особенности жизненного мира сельских жителей России // Социологические исследования. – 2018. – № 2. – С. 71–81.
14. Тощенко Ж.Т. Что представляет собой современное село? // Социологические исследования. – 2017. – № 12. – С. 89–98.
15. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. – Т. 27. – 2018. – № 1. – С. 7–33.

16. Харитонов В.Г. Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурный аспект / науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2016. – 44 с.

17. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: Науч. отчет по материалам социол. обследования 2011 г. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – 88 с.

УДК 39(470+571)

Р.В. Шайдуллин

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ – КОЛЫБЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ РОССИИ

В научной статье рассматриваются сельские народные календарные праздники коренных этнических сообществ Татарстана в контексте анализа общего и особенного в их культурно-обрядовых действиях. Особое внимание в ней обращается на татарский национальный праздник Сабантуй и его роль в этнокультурной консолидации татарского народа. Кроме этого, проблем в статье анализируются формы трансформации отдельных сакральных элементов народных празднеств, уходящих своей историей в языческую архаику.

Ключевые слова: Татарстан, календарные народные праздники, Сабантуй и его форматы празднования, традиционные уклады, сакральные обряды, хоровод, современные номинации.

Село, деревня – колыбель культуры,
О них слагают песни, стихи,
Пейзажи пишут, полотна и натуры –
Все гениальное в России от сохи.
Анатолий Снежко

R.V. Shaydullin

THE MULTINATIONAL VILLAGE IS A CRADLE OF ETHNIC TRADITIONS OF THE PEOPLES OF RUSSIA

The scientific article examines rural folk calendar holidays of the indigenous ethnic communities of Tatarstan in the context of the analysis of the common and special in their cultural and ceremonial actions. Special attention is paid to the Tatar national holiday Sabantuy and its role in the ethno-cultural consolidation of the Tatar people in it. In addition to these problems, the article analyzes the forms of transformation of individual sacred elements of folk festivals that go back to pagan archaic history.

Keywords: Tatarstan, calendar folk holidays, Sabantuy and its celebration formats, traditional ways, sacred rites, round dance, modern nominations.

Деревня как матрица этнических традиций и обычаев, гармонично встроенных в миропонимание сельского социума России, демонстрирует необычайную живучесть вопреки всем общественно-политическим катаклизмам. Деревенский уклад жизни и его основные социокультурные элементы особо не менялись на протяжении столе-

тий. Современная деревня – это не только населенный пункт, это прежде всего образ жизни сельского населения, определенный уклад всех культурных, общественных и экономических отношений. Перспективность современной деревни определяется не столько полученными от растениеводства и животноводства доходами, сколько культурой, традициями, обычаями, этическими и нравственными нормами сельского населения. В итоге в современных условиях не только поступательный рост сельскохозяйственного продукта является главной силой возрождения деревни, но и интенсивное развитие традиционного уклада жизни многонационального сельского населения России и Татарстана, его духовных традиций по отношению к культуре, земле и природе. Для этого следует отказаться, во-первых, от утилитарного, чисто потребительского отношения к деревне; во-вторых, от сложившихся на нее взглядов как на вторичное, ущербное по отношению к городу жизненное пространство. При этом следует признать, что традиционный культурный уклад сельского населения является первичной матрицей деревни.

Во все времена консерватизм сельского населения, выраженный в особой приверженности его к традиционным ценностям, всегда раздражал российских политиков, реформаторов и публицистов, но обеспечивал выживание многоэтничному народу России. Российская деревня подвергалась всевозможным, порой разрушительным, социально-экономическим экспериментам, их особенно было много в прошлом XX в. (стольпинская аграрная реформа, большевистская аграрная революция, коллективизация, укрупнение колхозов и борьба с неперспективными деревнями, слом колхозно-совхозной системы производства и фермеризация села и др.), негативно сказавшимся на традиционном социально-экономическом и культурно-духовном укладе многонациональной деревни. В свою очередь сельское население терпеливо переносило выпавшие на его долю правительственные социально-экономические эксперименты, проявляя при этом завидную жизнеспособность, трудолюбие и другие качества характера, передающиеся из поколения в поколение.

Недаром в прошлой и современной литературно-газетной публицистике много места отводится теме деревни и судьбам ее жителей, что заставляет россиян задумываться о постепенно утрачиваемых нравственных ценностях многих российских народов. Сегодня главная задача состоит не столько в предоставлении достоверной и интересной информации об этнической культуре, традициях и обычаях сельского населения, сколько в историческом моделировании ситуаций, пробуждающих интерес к получению информации о социокультурной жизни жителей деревень. И здесь важно умело синтезировать приемы современной публицистики с традиционными народными источниками, основанными на сказках, легендах, поверьях и житейской мудрости селян. Хотя порой эти народные эпические творения кажутся мистическими, но они демонстрируют сильные и слабые стороны наших предков, указывая при этом на хорошие или плохие стороны в их определенных поступках.

Деревни, села многонациональной России чрезвычайно богаты народной культурой и являются живым заповедником этнических традиций, обычаев и обрядов. В этом отношении национальные деревни Татарстана издревле всегда были своеобразными очагами традиционной культуры местных народов, в которых сохрани-

лись не только книжные раритеты, но и народные традиции, обычаи и обряды, бережно передаваемые из поколения в поколение. Продолжателями бытующих старинных традиций, обычаев и песен являются жители татарских, русских, марийских, мордовских, удмуртских и чувашских деревень. Причем одним из цементирующих и консолидирующих начал в этнокультурной повседневности народов Татарстана являются традиционные сельские календарные праздники, у татар это – Сабантуй, Питрау, Нардуган, Навруз; у русских – Каравон, Иван Купала, Масленица; у марийцев – Семык, Сурем (Шурем); у мордвы – Балтай, Валда шиньясь, Троица; у удмуртов – Акашка, Гырон быдтон, Гербер; у чувашей – Уяв, Акатуй, Учук.

В настоящее время в 43 муниципальных районах и двух муниципальных городских округах Республики Татарстан отмечаются свыше 20 календарных народных праздников, в том числе народные праздники Каравон, Сабантуй; республиканские праздники кряшенской культуры Питрау, марийской культуры Семык, мордовской культуры Балтай, славянской культуры Иван Купала, удмуртской культуры Гырон быдтон, чувашской культуры Уяв. Самым древним из народных календарных праздников является татарский национальный праздник Сабантуй, который имеет более чем 1000-летнюю историю, восходящую к периоду Волжской Булгарии. Наиболее раннее письменное упоминание о праздновании Сабантуя на территории современного Татарстана относится к концу XIII в., зафиксировано оно в эпитафическом памятнике 1292 г. в с. Старые Салманы Алькеевского района Республики Татарстан [8, с. 203]. В настоящее время Сабантуй является самым массовым и широко распространенным национальным праздником в России и мире. Ареал его празднования в России географически охватывает территории от Татарского пролива (г. Владивосток) до балтийского побережья (г. Санкт-Петербург). В 2022 г. Сабантуя прошли в 58 регионах России [5]. В этом году в общей сложности в разных городах и районах страны при финансовой и культурной поддержке Татарстана было проведено 388 Сабантуев [1]. Кроме них, местами проведения татарского праздника в 2022 г. стали 35 стран ближнего и дальнего зарубежья [5]. Председатель исполкома Всемирного конгресса татар И.Р. Тагиров, выступая с докладом на II Всемирном конгрессе татар в 1997 г., особо подчеркнул роль Сабантуя в развитии народной культуры татарского народа: «Под влиянием перемен, происходящих в Татарстане, татарский мир встал на путь возрождения. Наиболее заметное из изменений – звучание татарской песни от океана до океана. Татарский Сабантуй проводится теперь в Монреале и во Владивостоке, и в Стамбуле, и в Москве, и в Санкт-Петербурге, даже в Риге. Значит, своими песнями, Сабантуями татары живут сейчас как нация во всех частях мира» [3, с. 226].

В далекой древности отдельные народные обряды, совершавшиеся во время празднования Сабантуя, имели своеобразное сакральное предназначение, направленное на задабривание духов земледелия и плодородия. Первоначально праздник включал в себя и обряд жертвоприношения, который впоследствии трансформировался, став элементом отдельных народных игр, например, борцы – батыры майдана получают в качестве приза живого барана. Современный татарский праздник Сабантуй – это своеобразная дань национальной памяти предков и их традициям и

обычаям. Он представляет собой большой народный майдан, на котором можно наслаждаться татарской национальной борьбой на поясах (кураш) и конными скачками, а также каждый присутствующий может участвовать в народных играх (бег с сырым яйцом в ложке, которая находится во рту, бег с коромыслом и ведрами, полными воды, парный забег со связанными ногами, бой мешками с соломой верхом на вращающемся бревне, прыжки в мешках, перетягивание каната, залезание на гладкий высокий столб за призом, стрельба из лука, поиск монеты с завязанными глазами без рук в миске с катыком, разбивание шестом кувшина с завязанными глазами и др.). Кроме этих народных игр на празднике можно увидеть старинные и современные татарские вокально-хореографические и театрализованные представления, услышать современную татарскую музыку и старинные напевы, а также попробовать традиционную выпечку татарской национальной кухни. В праздничных мероприятиях участвуют творческие коллективы и других народов республики.

В отличие от других календарных праздников народов Татарстана, Сабантуй имеет не только сельские, районные, городские и республиканские форматы празднования, но и федеральные городские, всероссийские сельские формы. С 2001 г. в России ежегодно проводятся федеральные Сабантуи, для проведения которых выбирается новая площадка в определенном российском регионе, в основном в местах компактного проживания татар. К 1 июля 2022 г. федеральный Сабантуй состоялся в 22 городах страны, последний, 22-й прошел в г. Ульяновске. Всероссийский сельский Сабантуй проводится с 2010 г., его учредителями выступили Министерство культуры РТ, исполком Всемирного конгресса татар и Ассоциация татарских сел России. К июлю 2022 г. в Российской Федерации состоялись 12 всероссийских сельских Сабантуев, последний, 12-й прошел в с. Анненково Лямбирского района Мордовии. Кроме того, в последние десятилетия проводятся всероссийские детские и международные шахтерские Сабантуи. Например, 17 июля 2022 г. в с. Бурбаш Балтасинского района Татарстана прошел XV Всероссийский детский мусульманский Сабантуй, посвященный 1100-летию принятия ислама в Волжской Булгарии, в котором участвовали дети из различных регионов страны. Во время бурбашского Сабантуя они приняли участие примерно в 30 соревнованиях, среди которых были такие виды состязаний, как татарская национальная борьба кураш, бег, армрестлинг в двух весовых категориях, разбивание горшков, перетягивание палки и веревки, ловля петуха, бег в мешках, лазанье по столбам [2]. 26 июня 2022 г. при участии Татарстана в Новокузнецке состоялся II Международный шахтерский Сабантуй, объединивший людей самых разных профессий и национальностей. Центром празднования стала Театральная площадь города, собравшая несколько тысяч человек со всех угольных регионов России и ближнего зарубежья. На шахтерский Сабантуй приехали делегации из Казахстана, Кыргызстана, Татарстана, Коми, Луганской и Донецкой народных республик, Пермского, Алтайского, Пермского и Приморского краев, Новосибирской, Оренбургской и Томской областей. Ярким событием этого праздника стал самый массовый хоровод в национальных костюмах народов России вокруг фон-

тана на Театральной площади Новокузнецкого драматического театра, который объединил более тысячи человек – представителей разных национальностей и этнических групп, проживающих в стране [4].

На рубеже XX–XXI вв. в народный праздничный обиход этнических сообществ Татарстана широко вошел так называемый ночной Сабантуй – Питрау (Петров день), который у татар-кряшен является одним из самых почитаемых праздников. В деревенской жизни православных народов в былые времена празднование Петрова дня имело важное религиозно-сакральное и хозяйственно-бытовое значение, связанное с наступлением сенокоса и созреванием дикоросов. Об этом наглядно свидетельствует народный фольклор ряда местных православных этнических сообществ Татарстана: «С Петрова дня – красное лето, зеленый покос», «Доставая серпы и косы к Петрову дню» и др. Первый Питрау современного периода в Татарстане был проведен 12 июля 1999 г. на поляне Тырлау вблизи д. Зюри Мамадышского района. С 2008 г. он проводится как Республиканский праздник кряшенской культуры. В народе этот праздник называют также «Праздником любви», поскольку у татар-кряшен во время празднества происходило сватовство. В народе сохранилась поговорка: «В Питрау невест выбирают, а в Покров свадьбы справляют». В наши дни эта народная традиция трансформировалась в такие праздничные конкурсы, как «Кряшен чибәре» – «Красавица Питрау». По многим видам народных игр на ловкость и силу Питрау похож на Сабантуй, но в то же время в нем, в отличие от последнего, сохранились архаичные (языческие) элементы, связанные с обрядами подношения угощения кормилице земле, встречи первых лучей солнца, а также ритуальный хоровод у ночного костра.

Республиканские праздники народов Татарстана, такие как Балтай, Гырон быдтон, Иван Купала, Каравон, Семьк, Уяв, активно вошедшие в этническое культурное пространство региона, представляют собой своеобразные фольклорные фестивали народного искусства и декоративно-прикладных ремесел. Во время праздничных мероприятий выступают самодельные художественные и фольклорные ансамбли народов Татарстана, представляют свои работы мастера культуры и искусств, а также работают различные аттракционы и торгово-развлекательные подворья муниципальных районов РТ (иногда и регионов РФ), на которых выставляются и продаются произведения декоративно-прикладного творчества.

В отличие от Сабантуя, в этих фольклорных праздниках сохранились отдельные элементы этнических сакральных обрядов, такие как поминовение своих предков и молитвенное прошение у них благословения удачи в хозяйственных делах (Балтай, Семьк), моления с просьбой ниспослать хороший урожай и задабривание божков ритуальной кашей с мясом жертвенного животного (Гырон быдтон, Уяв). Хотя во многих праздниках, бытующих в наши дни, почти не сохранились религиозные основы обрядов сакрального характера, прежде всего жертвоприношения. Кроме того, в этих праздниках особое внимание уделяется всенародному конкурсному отбору победителей по этнокультурным номинациям, к примеру, у марийцев во время празднования Семька проводятся конкурсы мужской силы «Марий патыр» для юношей, красоты и талантов «Марий чевер удыр» для девушек. Конкурсанты состоя-

заются на предмет знания этнического языка, традиций, обычаев, истории и культурного наследия марийского народа [6].

Важным этнокультурным обрядом, объединяющим участников национальных праздников народов Татарстана, являются народные хороводы, в обрядовых ритуалах которых проявляются чувство дружбы и этнического единства, отчасти и межэтнического единения. Действа хороводов: пляски, ходьба или игры, – неразрывно связанные с песней, в языческие времена имели сакральное культово-обрядовое значение. Особо ярко это проявляется в хороводах таких народных праздников, как Каравон, Питрау, Уяв. Со временем хоровод утрачивает первоначальный обрядовый контекст, становясь народным праздничным танцем, в котором существуют свои правила исполнения и такт музыкально-песенных, народно-игровых действий между его участниками.

Важность использования народных традиций и обрядов в укреплении дружбы между народами Татарстана в современных условиях, связанных с экономической и этнокультурной суверенизацией республики, осознается руководством Татарстана. К примеру, Президент РТ М.Ш. Шаймиев, открывая 23 мая 1992 г. I съезд народов Татарстана, сказал: «От всей души приветствую и поздравляю вас с сегодняшним интернациональным праздником, праздником народов Татарстана! На первый взгляд, сегодня вроде бы не до праздников: перед нами масса неотложных проблем и в политической, и социально-экономической сферах. Но оглянемся вокруг, осмыслим те события и процессы, которые идут в «горячих точках» СНГ, и становится понятным, что, когда рушатся цементирующие народы традиции взаимопонимания и дружбы, человеческий разум, к сожалению, отходит на задний план. Мы не можем идти таким путем. Эти традиции были, и, я уверен, останутся для нас святыми» [7]. Именно подобная оценка значения народных праздников как одного из важнейших элементов культуры народов республики, с помощью которых старшие поколения передают опыт своего социального поведения, свои нравственные убеждения и чувства, способы и приемы общественной деятельности, стала отправной точкой не только для новой форматизации Сабантуя, но и для возрождения праздников культуры народов Татарстана и подъема их до уровня республиканских празднеств. Что в конечном итоге не только привело к росту национального самосознания коренных народов Татарстана, ставшему могучим стимулом для усиления у них интереса к своим историческим обычаям и традициям, но и повлекло за собой значительное расширение ареалов проведения Сабантуя и других праздников народов республики.

Таким образом, деревенские календарные народные праздники являются своеобразной этнокультурной колыбелью народов России и Татарстана, общим центром этнических традиций, обычаев и обрядов, одновременно и национальной площадкой их возрождения и развития. Веселые и заводные песни, танцы, хороводы и народные игры, мастер-классы народных умельцев и выставки работ их декоративно-прикладного творчества, а также возможность попробовать изысканные кушанья национальных кухонь, поговорить на родном языке дают возможность народам почувствовать свою национальную общность. Этнический колорит народных

праздников заключается и в том, что они помогают современным этносам приобщиться не только к своим исконным традициям и обычаям, но и других национальных сообществ России и Татарстана, а также всесторонне и системно пиарить народы и территории. К тому же эти народные площадки, наряду с фестивалями, задерживают процесс урбанизации творчества самодеятельных художественных коллективов и его превращения в формализованные фольклорные постановки в репертуарах городских музыкально-театральных сценических студий (см. Приложение 2).

Источники и литература

1. В России в 2022 г. проведут 388 мероприятий по случаю празднования Сабантуя [Электронный ресурс]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/269913286> (дата обращения: 12.12.2022).
2. В Татарстане состоялся детский мусульманский Сабантуй [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-tatarstane-sostoyalsya-detskii-musulmanskii-sabantui-5873113> (дата обращения: 12.12.2022).
3. Всемирный конгресс татар. Второй созыв. 28–29 августа 1997 г. – Казань: Издание Всемирного Конгресса татар, 1998. – 320 с.
4. Второй Международный шахтерский Сабантуй стартовал в Кузбассе [Электронный ресурс]. URL: <https://ako.ru/news/detail/vtoroy-mezhdunarodnyy-shakhterskiy-sabantuy-startoval-v-kuzbasse> (дата обращения: 14.12.2022).
5. 2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/ivan-kupala-sabantui-i-uyav-kak-proxodit-god-kulturnogo-naslediya-v-tatarstane-5869297> (дата обращения: 17.11.2022).
6. Дождь в начале лета – залог хорошего урожая: в Татарстане празднуют марийский «Семык» [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YrWVEP6TQMmPnA> (дата обращения: 14.12.2022).
7. Республика Татарстан. – 1992. – 24 мая.
8. Шайдуллин Р.В. Традиционные празднества народов Татарстана: историко-культурологический аспект (1990–2020-е гг.) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2021. – Т. 41, № 2. – С. 199–213.

РАЗДЕЛ II. САМОБЫТНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ РОССИИ

УДК 504.4

Л.И. Винокурова

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

СЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА ЯКУТИИ И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI В.)

Статья посвящена вопросу отношения сельских сообществ Якутии, представленных преимущественно коренными народами, к водным ресурсам как основе традиционного хозяйствования. На базе опубликованных источников и полевых материалов, собранных в рамках проекта РФФИ № 20–55–71005, предпринята попытка осветить традиции «взаимоотношений» коренных сельских жителей с локальными водными ресурсами на примере этнической группы якутов-саха. Подчеркнута решающая роль наличия водоемов для скотоводства и табунного коневодства якутов, отмечено, что трансформации системы расселения и организации сельского хозяйства и промыслов воздействовали на этническую культуру бережного использования водных ресурсов, на повседневные практики отношения к водоемам не только как к хозяйственным, но и сакральным объектам. Несмотря на произошедшие и текущие процессы вытеснения традиций из жизни сельских сообществ, установлена достаточно высокая сохранность элементов традиционного отношения к водным объектам до XXI в., обусловленная относительной устойчивостью сельских занятий и промыслов.

Ключевые слова: сельские сообщества Якутии, коренные народы, якуты, традиционное хозяйствование, водные ресурсы.

L.I. Vinokurova

RURAL COMMUNITIES OF YAKUTIA AND WATER RESOURCES (SECOND HALF OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURIES)

The article is devoted to the issue of the attitude of rural communities of Yakutia, represented mainly by indigenous peoples, to water resources as the basis of traditional management. On the basis of published sources and field materials collected within the framework of the RFBR project No. 20–55–71005, an attempt was made to highlight the traditions of the «relationship» of indigenous rural residents with local water resources on the example of the Yakut-Sakha ethnic group. The decisive role of the availability of reservoirs for cattle breeding and herd horse breeding of the Yakuts was emphasized, it was noted that the transformations of the settlement system and the organization of agriculture and crafts affected the ethnic culture of careful use of water resources, on everyday practices of treating reservoirs not only as economic, but also sacred objects. Despite the recent and ongoing processes of displacement of traditions from the life of rural communities, a sufficiently high preservation of elements of the traditional attitude to water bodies until the 21st century, due to the relative stability of rural occupations and crafts, has been established.

Keywords: rural communities of Yakutia, indigenous peoples, the Yakuts, traditional management, water resources.

В течение XX столетия традиционный образ жизни народов Якутии претерпел радикальные изменения. Наиболее крупными и сложными по своим последствиям оказались трансформации, пережитые в советский период, когда население республики прошло обычный для всех национальных окраин бывшего СССР исторический путь советизации. Несомненно, что на материальную и духовную культуру коренных народов воздействовали все масштабные реформы Советской власти, в первую очередь коллективизация традиционных занятий, насильственное изменение системы расселения, способов производства и организации труда, вторжение в сферу внутриобщинных и семейных отношений.

Региональная историография советского периода освещала социальное развитие коренных народов Якутии в официальных идеологических рамках: внимание в основном было сосредоточено на позитивных социально-экономических показателях, на прогрессивных явлениях в производственной сфере. По понятным причинам обходились болезненные моменты реализации государственной политики в этнокультурной области, очень сдержанно затрагивались сюжеты социальных последствий экономических преобразований и политико-административных изменений на территориях проживания коренных народов. Вопросы их социального развития, судеб традиционного хозяйства и традиционного образа жизни стали подниматься лишь к исходу социализма и в перестроечную эпоху.

В связи с тем, что именно сельская территория была и остается этнической нишей, пространством жизнедеятельности коренных народов Якутии, к рассматриваемой теме наиболее близки аграрные исследования. Солидный багаж якутской историографии по аграрной тематике с фундаментальным освещением земельных отношений с древних времен до начала XX в., с трудами по истории развития земельного и традиционных отраслей хозяйства в XX столетии является базой для многих современных изысканий. Круг этих работ якутских ученых уже рассматривался ранее [3, с. 48–49], поэтому только отметим, что накоплен как богатый эмпирический материал, позволяющий анализировать пройденные этапы социально-экономического развития, так и сформирован дискурс, критически анализирующий социальный опыт сельского населения в XX столетии [1; 6].

Благодаря особенностям географического расположения, оторванности от магистральных коммуникаций, процессы глобализации длительное время слабо затрагивали территорию Якутии, что способствовало сохранности многих элементов традиционного образа и уклада жизни коренного населения, особенно в отдаленных сельскохозяйственных и промысловых поселениях. В этих селах до настоящего времени традиционные занятия предков: животноводство, оленеводство, промыслы — сохраняют представители различных коренных народов, обладающих собственными этнокультурными особенностями, языками и образом жизни. Якуты, малочисленные народы Севера: эвенки, эвены, юкагиры, долгане и чукчи, русские старожилы — остаются носителями и хранителями своеобразного культурного мира сельской Якутии.

Текущие социально-экономические процессы в регионе, включая реализацию промышленных и транспортных мегапроектов, внутреннюю и внешнюю миграцию, ускоряют размывание сохраняющихся элементов традиционной культуры. В этом свете попытки изучать, реконструировать и ретранслировать для современников культурные и хозяйственные традиции выглядят своевременными, т.к. кроме существующих документальных источников и литературы еще доступны для прямого общения в качестве ценнейших информантов представители старших поколений. Видится плодотворной возможностью также сравнение и анализ ожидаемых результатов в контексте «сельских» традиций других регионов страны или бывших советских республик. Знакомство с текущими исследованиями зарубежных коллег также подтверждает актуальность интереса к традиционным знаниям, к традиционным системам жизнеобеспечения, в целом к руральным аспектам текущих социально-экономических и климатических процессов [3, с. 49–50].

При изучении социальной истории сельской Якутии второй половины XX столетия неизбежно отмечаются процессы трансформаций и адаптации уклада и образа жизни коренных народов к меняющимся политическим и экономическим условиям. Именно в данный период времени произошли значимые общесоюзные и региональные трансформации пространства традиционной жизнедеятельности; череда экономических, демографических и культурных изменений значительно повлияла на весь этнокультурный ландшафт села республики. Аграрные реформы 1950–1960-х гг., формирование процессов «поселкования» (селение в колхозные поселки взамен традиционного дисперсного расселения. – *Л.В.*) и завершение в 1970-е гг. перевода колхозов Якутии в совхозы были наиболее значимыми административными и хозяйственными преобразованиями. В силу многонациональности и культурной мозаичности республики здесь будет рассмотрена в качестве примера этническая группа якутов-саха, составляющих до настоящего времени подавляющее большинство сельского населения в центральной, южной и западной частях республики.

Исторически люди в Якутии заселяли территории вдоль рек и озер, которые круглый год обеспечивают пресной водой. Традиционная система расселения якутов основывалась на использовании локальной сети водоемов, обычно состоящей из термокарстового озера, небольших рек или ручьев. И в советское время наличие крупных водоемов также служило основным критерием образования колхозных и совхозных поселков; как показывают полевые материалы по проекту, наличие жизнеобеспечивающего водоема служило главным условием выбора места для нового колхозного села [9]. Водные ресурсы, бесспорно, важны для традиционной хозяйственной деятельности всех коренных народов Якутии. Наличие водоемов, их объемы и качество воды являются необходимым условием устойчивого существования сельских общин этнической группы якутов, чей традиционный уклад жизни основан на занятиях животноводством. Наличие мясо-молочного животноводства и табунного коневодства остается до первых десятилетий XXI в. отличительным хозяйственным маркером самого северного тюркоязычного этноса.

Бесспорно, что традиционные хозяйственные занятия якутов были основаны на использовании водных ресурсов, необходимого наличия и доступа к воде для домашнего скота и конепоголовья. Также водоемы использовались для подсобного рыболовства, а в зимний сезон водные артерии превращались в надежные и зачастую единственные транспортные коммуникации [10, с. 320–322]. Традиционные знания якутов об окружающей среде и возможностях адаптации к ней формировались в течение жизни нескольких поколений, а выбор места для проживания семьи и рода осуществлялся исходя из накопленной информационной базы об его геоландшафтных особенностях, природных, в первую очередь водных ресурсах. В селах почти весь XX в. сохранялся традиционный мониторинг объема и качества воды для личных и хозяйственных нужд. Якуты уделяли большое внимание территориальному расположению водоемов и возможностям их регенерации, что было заложено в традиционной системе сезонной смены хозяйственных усадеб [4, с. 194–195].

В 1970–1980-е гг. бережное отношение к возможностям регенерации и сохранности водоемов, присущее традиционной культуре, столкнулось с вызовами образования крупных колхозных и совхозных поселений. Объединение колхозов с целью их укрупнения совпало во времени с административным форсированием процесса концентрации малых и частных сельских поселений, начатого еще до войны. Процесс «поселкования» шел с перерывами со времен коллективизации, был прерван войной, возобновился в 1950–1960-е гг. [5, с. 329–331]. Веками якуты проживали по аласной системе расселения – обычно вокруг или вдоль водоемов, компактными сообществами, состоящими из семьи или группы семей, связанных кровно-родственными или давними хозяйственными связями.

Сфера взаимоотношений «человек – вода» сформировала множество культурных миров, меняющихся в своем развитии до наших дней. Например, культурный мир животноводов, живущих вокруг озер, по мнению специалистов, отличается от культурного мира людей, живущих на берегах крупных рек. В традиционной культуре не только якутов, но и всех коренных народов река и озеро были всемогущими одушевленными священными существами. Понятно, что социально-экономические процессы, изменения в природе и климате заметно деформировали это отношение.

Традиционное пространство жизни включало в себя окружающую территорию с лесными угодьями, с сенокосами и пастбищами. Хозяйственный уклад не позволял якутам создавать крупные поселения: усадьбы якутских скотоводов обосновывались вокруг водоемов, узкие речные долины и небольшие аласы среди тайги не вмещали большого количества людей и поголовья скота и лошадей. Эта экологически сбалансированная аласная система расселения была ликвидирована. Укрупненные хозяйства, центральные усадьбы совхозов с крупными животноводческими комплексами, к сожалению, закладывались и расширялись без учета уязвимости северных экосистем: почва и водоемы в пределах данных поселений быстро истощались, в ряде случаев водоемы просто погибали [8; 9].

История поселкования – это не только фиксация административных преобразований расселения, данная драматическая страница истории является временем разрушительного удара по основам традиционного образа жизни якутов. Полевые

исследования последних лет показывают, насколько масштабны в коллективной памяти народа следы пережитых стрессов из-за вынужденных переселений и оставления родовых земель. Нужно признать, что поселкование выступает в качестве определенного маркера в персональной или общинной памяти, как событие, изменившее окружающий мир [2, с. 54]. Показательно, что и в XXI в. при посещении родовых местностей, длительное время использовавшихся в качестве малых производственных точек в годы совхозной организации труда или сезонных летних усадеб, сохраняется традиция угощения и одаривания не только духов местности, но и духов водоемов [9]. Они считаются равно важными и вечными «хозяевами» земель предков, в отличие от меняющихся поколений потомков...

В результате концентрации сельского населения не только единоличные усадьбы, но и малолюдные поселения были вытеснены из структуры расселения: в 1989 г. доля малых сел с численностью населения до 200 чел. составляла 36,5% от всех сельских поселений республики, всего осталось 641 село против 4423 в 1959 г., почти 75% населения которых составляли якуты [5, с. 430]. Когда на смену традиционным малым поселениям с компактным населением, практически автономным локальным сообществам пришли крупные села, оказались перекроенными традиционные производственные и коммуникационные схемы, изменились повседневные границы труда и быта. В ходе переселений были заброшены десятки и сотни малых населенных пунктов, старые производственные и промысловые участки. Несомненно, были разрушены культурные, возможно, даже духовные границы традиционного мира саха-якутов.

В «стране тысячи рек и озер», как называют республику, оказались вытеснены многие практики взаимодействия сельских жителей с водными ресурсами, не только хозяйственные, но и культурные. Как результат, в сельских сообществах менялось и отношение в водоемам, к водной стихии в целом. Как показывает анализ собранных материалов, элементы этнического старинного этикета по отношению к водным ресурсам, почитания духов рек и озер сохранились в хозяйственных практиках сельской местности до XXI в. Так, нами фиксировался обряд «испрашивания разрешения» у духа водоема при плановых мелиоративных работах в большом якутском селе [8]. Удивительно, что даже в случаях стихийных бедствий, когда наводнения наносят значительный ущерб сельским поселениям, не отмечаются негативные высказывания в адрес рек [7]. Налицо сохранность уважительного отношения к водоемам, к их ресурсам и даже угрозам со стороны водной стихии.

Впервые изученный В.В. Филипповым пример переселения якутского села Кыллах после регулярных разрушительных наводнений демонстрирует уникальный случай вынужденной адаптации традиционного хозяйства сельских жителей к природно-климатическим вызовам [11]. Участвовавшие крупные наводнения актуализировали перенос школы и строительство нового поселка для жителей в местности Даппарай на противоположном берегу реки. Переезд семей с детьми школьного возраста, сосредоточение административной и культурной деятельности в новом поселке буквально «разорвало» хозяйственные и социальные сети. Современная схема с крохотными приусадебными участками возле новых домов, отсутствие ря-

дом достаточных площадей лугов и пастбищ для молочного скота и конепоголовья вынудили людей, стремящихся сохранить свой скот и усадьбное хозяйство, жить по обе стороны реки.

Сложилось так, что в старом селе остались в основном лица старших возрастов и мужчины, следящие за скотом и усадьбами; в новом селе обосновались служащие, молодежь, женщины с детьми. Представляется, что в данном случае традиционное хозяйство столкнулось с невероятным вызовом с неизвестным пока финалом. Несмотря на все трудности, в сознании взрослых жителей данных поселений Олекминского улуса (района) она продолжает оставаться «всемогущей Праматерью» – Эбэ (по-якутски «Бабушка». – Л.В.), которая обеспечивает жителям обильные заливные луга, огородные поля, т.е. остается Кормилицей, несмотря на все угрозы и сложности [7]. В связи с климатическими трансформациями значение рек и озер, водных ресурсов в целом для традиционного хозяйства якутов подвергается определенным изменениям, которые требуют тщательного контроля и анализа. Повышение среднегодовых температур, таяние вечномерзлых грунтов представляет растущую угрозу для жизнеобеспечения сельских жителей [12].

Традиционные занятия табунщиков и скотоводов, охотников и рыболовов на современном этапе претерпевают усиленное давление не только природных, но и социальных процессов. В этом свете каждый национальный регион или республика характеризуется собственной картиной сохранности традиций и этнокультурной устойчивости, что не может не подталкивать к идеям совместных, сравнительных междисциплинарных или специализированных исследований. Результаты подобных изысканий могли бы иметь ценность и для науки, и для практики, раскрывая широкую палитру интерпретаций, осмыслений процессов развития народов России, устойчивости и перспектив сохранения традиционных культур в меняющемся мире (см. Приложение 3).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–55–71005, Шведского исследовательского совета по вопросам окружающей среды, сельскохозяйственным наукам и пространственному планированию (проект № 2019–02332) и Японского проекта по науке и технологиям (проект № JPMJBF2003) инициативы Бельмонтского форума по Совместной исследовательской деятельности «Жизнеспособность быстроменяющихся Арктических систем (СИД Арктика II)».

Источники и литература

1. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. – Новосибир.: Наука, 1985. – 320 с.
2. Винокурова Л.И. Повседневность сельских поселений Якутии в историко-культурном пространстве второй половины XX века // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 3. – С. 52–57.
3. Винокурова Л.И. Сельский уклад жизни в советской Якутии 1960–1980-х гг. // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2020. – № 1 (30). – С. 48–54.
4. Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Традиционное хозяйственное использование водных ресурсов коренными народами Якутии // Водные ресурсы – основа глобальных и региональ-

ных проектов обустройства России, Сибири и Арктики в XXI веке: Сб. статей. – Тюмень, 2021. – С. 192–196.

5. История Якутии: В 3 т. – Новосибирск: Наука, 2021. – Т. 3. – 592 с.

6. Народ саха от века к веку: очерки истории. – Новосиb.: Наука, 2003. – 326 с.

7. Полевые материалы автора (ПМА). Записи в Олекминском улусе (районе) Республики Саха (Якутия) в 2015 г.

8. ПМА. Записи в Амгинском улусе (районе) РС (Я) в 2019 г.

9. ПМА. Записи в Усть-Алданском улусе (районе) РС (Я) в 2021 г.

10. Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в экономике сельских сообществ Якутии: разработка научных основ использования в 40–60-е годы XX века // Научный диалог. – 2019. – № 2. – С. 311–325.

11. Filippova V. Adaptation of the Indigenous Peoples to the Climate Change effects in Yakutia: Gender Aspects // Polar Science. Online version. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100596>.

12. Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities. – Land. – 2021. – № 10. – P. 101. – URL: <https://doi.org/10.3390/land10020101>.

УДК 392.5

М.С. Волкова

*МОУ «Центр образования «Тавла» –
Средняя общеобразовательная школа № 17», г. Саранск, Россия*

А.И. Трофимова

*Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия*

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ПРОВЕДЕНИИ ТРАДИЦИОННОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Статья посвящена рассмотрению роли женщины в проведении традиционной свадебной обрядности мордвы в XX в. как на территории современной Республики Мордовия, так и в соседних областях. Роль мордовской женщины в духовной культуре до сих пор очень велика, так как она является носителем национальных обычаев и обрядов. Особое внимание в статье уделено свахе как главному действующему лицу свадебного обряда.

Ключевые слова: женщина, семья, свадебный обряд, сваха, невеста.

M.S. Volkova, A.I. Trofimova

THE ROLE OF A WOMAN DURING A TRADITIONAL WEDDING CEREMONY

The article is devoted to the consideration of the role of women during the traditional wedding ceremony of Mordva in the 20th century both on the territory of the modern Republic of Mordovia and in neighboring regions. The role of the Mordovian woman in spiritual culture is still very great, since she is the bearer of national customs and rituals. Special attention is paid to the matchmaker as the main acting person of the wedding ceremony in the article.

Keywords: woman, family, wedding ceremony, matchmaker, bride.

Статус женщины, ее роль в семье и в обществе во многом зависели от положения рода в сельском социуме, а также от уровня развития материальной и духовной культуры данного народа. В настоящее время произошли существенные перемены, которые привели к модификации ролевых функций женщины. К образу женщины в истории и культуре мордовского этноса обращались многие ученые, художники, писатели, поэты. Изображение женщины имело разный характер – от магического и ритуального, мифологического до реалистического. С образом женщины связан колоссальный, едва обозримый мир многообразных представлений в мифологии, религии и эпосе, в этике и эстетике каждого народа. В ее образе отразился многовековой опыт жизни людей.

Носителями традиционной культуры, как в прошлом, так и в настоящем, является сельская община, семья, а также различные половозрастные группы. Ролевые функции этих групп менялись с течением времени. Например, на ранних этапах развития этноса хранителями и основными носителями обрядов были женщины, на что указывает ряд языческих божеств женского рода: Кудо-ава, Мога-ава, Баня-ава, Пакся-ава, Вирь-ава и т. д. [5, с. 15–20].

Большое влияние на сохранность и проведение обрядовой жизни общины оказывали замужние женщины. Многие исследователи мордвы отмечали, что именно они являлись наиболее строгими блюстительницами и исполнительницами семейных и общественных ритуалов, так как они на всех этапах исторического развития занимали в семье и обществе значительное место. Статус женщины в большой семье мордвы определялся личными качествами и тем трудом, который она вкладывала в общее хозяйство. Самый высокий статус достигался женщиной в браке, который обозначался как глава семейства: кудазорава – хозяйка (хозяйка дома, главная хозяйка). В традиционной культуре хозяйка семьи (дома) считалась хранительницей домашнего очага. Полагали, что от ее умения и знаний зависит жизнь, здоровье и благополучие как членов семьи, так и всего хозяйства. Под ее руководством соблюдались многие обычаи, отмечались календарные и религиозные праздники. Участие старшей женщины в семейных обрядах воспринималось семьей и в целом социумом как одна из главнейших ее обязанностей [1, с. 364–368].

Важную роль выполняла женщина в создании новой семьи, т. е. в проведении свадебного обряда. Мордовская свадьба – это самое интересное и уникальное по своему национальному, традиционному масштабу торжество, которое сохранило свою важность до настоящего времени. Мордовская свадьба состояла из таких действий как сватовство; приготовление к свадьбе; свадьба в доме жениха; свадьба в доме невесты; проезд свадебного поезда к невесте; свадьба в доме жениха после венчания; день потех или ряженых.

Сватовство в мордовской свадьбе являлось одним из основных моментов и проходило в несколько этапов. И на всех четырех этапах важную роль играла женщина. Она начинала обряд сватовства, и она же договаривалась о дне свадьбы.

Центральным этапом свадебного цикла была и остается свадьба в доме жениха и невесты. В доме невесты свадебные обряды начинались с посещения девушки

родственницами, которые угощали ее кашей. Вместе с кашей они приносили несколько сдобных лепешек, а от своих мужей – по паре лаптей. Мордва Большеберезниковского района с кашей приносили топленое масло для каши и лапти, а мордва Дубенского района вместо каши приносили специальный пирог – курник, а кашу готовила мама невесты. Обряд угощения невесты кашей ушел в прошлое. До сих пор в мордовских селах сохранился обряд мытья невесты в бане. Баню для невесты обязательно должны топить замужние женщины или женатый мужчина из рода невесты. Вечером в доме невесты крестная развешивает вдоль окон приготовленные невестой полотенца – в дар свахе, крестному (покш куда-э.), хозяину (отцу жениха) [ПМА].

После этого начинают собирать сундук. Обряд укладки сундука (парьянь вачкама (м.), парень вачкамо (э.)) являлся важным моментом мордовской свадьбы. Он был не только знакомством с материальным благосостоянием невесты, но и должен был «обеспечить» ей счастливую семейную жизнь. Укладывала сундук невесты замужняя женщина, либо крестная, либо жена крестного, обычно в сенях, в избе избегали укладывать потому, что на потолке находилась земля, а между двумя землями, по мнению мордвы, можно собирать только покойников, а живых людей нельзя, – они не будут жить долго. Перед укладкой сундук «очищали» от нечистой силы: сначала обводили внутри зажженной свечкой, потом иконой. Первым клали в сундук каравай хлеба – «шумбра кши»-э. Потом клали пять штук серебряных монет: четыре по углам, пятую на середину, на каравай. Затем клали принесенные родственниками лепешки, на лепешки – принесенные лапти [2, с. 182–183]. После укладки сундука (паря) невеста дарила полотенце прадедам и прабабушкам. Полотенце это вешали на икону, которой потом ее благословляли перед венцом. В доме жениха эту икону вместе с полотенцем ставили в божницу.

В доме жениха накануне свадьбы пекутся свадебные пироги. Их пекут заранее самые лучшиестряпухи из родни. Пекутся не только пироги, но и вместе с ними пара голубков. Число пирогов в разных местностях бывало различно, в одних селах свадебный поезд вез к невесте 9 пирогов, в других – 7 (село Трехбалтаево, Убеи Буинского уезда) или только 5 (в селах: М. Кармалы, Батырево Буинского уезда, Атрадь, Алтышево, Сыресево Алатырского уезда), и всего 3 в Дубенском и Атяшевском районах. Но пекли пирогов всегда больше, чем нужно для поезда. Пироги, испеченные сверх нормы, назывались «Вачамо прякат» – пробные пироги. Их подавали на стол гостям для пробы – насколько удались свадебные пироги [2, с. 115; 3, с. 186].

Каждый из пирогов имел свое название и назначение. Самый большой и важный из пирогов – «Лувонь кши» – имел круглую форму с лубочным обручем вокруг, без лубка он не выдержал бы и развалился. Обычно данный пирог помещали в корыто и несли с двух сторон. Впоследствии данный пирог разукрашивали самодельными цветами. Пирог «Той пряка» отдается в день свадьбы матери невесты вместе с голубком. Голубок отдается в обмен на невесту, а другой голубок после возвращения отдается матери жениха [3, с. 182–186].

Большое значение в мордовской свадьбе играли свадебные чины: сваха, уредев, помощники уредева, покш куда, причитальщицы, поезжане. Со временем с измене-

нием свадебной обрядности у мордвы многие эти чины были утрачены. Как уже отмечалось, почти повсеместно исчезли свадебные причитания, а с ними отпала необходимость в причитальщицах. Но по-прежнему большую роль в свадебном поезде играет сваха – «кудава», ею обычно была крестная мать жениха или другая родственница. Свахой не могла быть мать жениха, девица, вдова или беременная женщина, считалось, что эти женщины могут принести несчастье новой семье.

Утром в день свадьбы жених ездил за свахой. Сваха без сопровождения жениха не приезжала в его родительский дом. Обычно за свахой вместе с женихом ездили несколько пожилых родственниц. Около ее дома эти пожилые родственницы пели обрядовые песни, в которых просили выйти сваху встретить гостей. Сваха выходила на улицу с хлебом-солью и приглашала гостей в дом. Дома она давала наказ домочадцам, одаривала того, кого дома оставляла вместо себя, так как она домой возвращалась только через несколько дней. А раньше и через неделю или две, так как свадьба длилась долго, пока обходили дома всех родственников, как со стороны невесты, так и со стороны жениха. Обычно свадьба заканчивалась проводами свахи домой. Родители жениха сваху встречают перед домом как самого почетного гостя свадьбы с хлебом-солью и приглашают пройти в дом. При входе в дом сваха бросает на пол колечко, которое символизировало подарок божеству дома. По преданию мордвы, божество дома могло рассердиться, и на свадьбе могло случиться что-то нехорошее, поэтому сваха как главное действующее лицо свадьбы делала подарок божеству дома [3, с. 182–186].

К приходу свахи в доме жениха собираются все родственники, поезжане за невестой. Всех поезжан приглашают за стол, чтобы перед дорогой за невестой помолиться и пересчитать гостей. Поезжан должно быть нечетное число, так как от невесты возвращаются четным составом.

Главным лицом в поезде считалась сваха, а потом уредев (покш-куда), сейчас это друг жениха, а раньше у него была функция охраны жениха и всего поезда от порчи. Всякие кушанья, поданные на стол, первым начинал есть уредев, а потом все остальные. Мать жениха как хранительница очага оставалась дома, она лишь провожала сына хлебом с солью. Родители перед отъездом благословляли жениха: отец брал в руки икону, которую оставляли дома, она считалась хранительницей очага новой семьи. После благословения хлеб передавали уредеву. В доме невесты обменивались хлебом. Уредев держал в левой руке хлеб, а правой брал за руку жениха, сваха брала его за другую руку, и они цепью выходили из избы. За ним выходили остальные поезжане и отправлялись за невестой.

Отъехав несколько сажен от двора, поезд останавливался, уредев с хлебом и кнутом три раза обходил поезд (огораживал). После этого к поезду не допускались посторонние лица [4, с. 422–423].

Следующий ответственный момент мордовской свадьбы, где важную роль также играют женщины, это благословение молодых в доме родителей невесты. При благословении закрываются все двери, окна, печная заслонка, чтобы никакая нечистая сила не могла помешать во время благословения молодых. На середину комнаты выдвигают стол, на него ставят хлеб-соль. У стола, взявшись за руки, встают сваха,

жених, невеста, покш куда (крестный) и хозяин (отец или старший брат жениха, который отвечал за «казну», т.е. за все расходы жениха в доме невесты).

Перед благословением мама невесты свахе и невесте на шею накидывает подогреленные с вечера полотенца. Крестному и хозяину завязывает на пояс. Отец и крестный невесты благословляют молодых иконой, а мама и крестная – хлебом. После чего икону передают крестному жениха, а хлеб – отцу жениха. Первым из дома выходит крестный с иконой, замыкает процессию хозяин с хлебом.

Перед домом родителей жениха молодых встречали отец с иконой, мать с караваем и солью и родственница в вывернутой шубе и шапке, а в руках у нее была сковорода с хмелем. Эта женщина в шубе называлась медведем.

В этом образе переплетались языческие верования мордвы. Надевая вывернутые шапку и шубу, мордва считала, что можно защитить молодых от нечистой силы «колдунов», которые «боятся медведя». Хмель считался символом плодovitости и легкости. Обсыпая молодых хмелем, приговаривали: «Пусть будет у молодой столько же детей, сколько на хмелю бывает шишек. Пусть молодая будет так же легка в работе, как хмель». После этого молодых вводили в дом: впереди шел уредев, он одной рукой за собой вел жениха, а другой рукой подметал веником пол, чтобы под ноги молодых не попало наговорное вещество и не испортило их. В доме уже был накрыт стол, на котором посредине стояли икона, три зажженные свечи и горшок с кашей. Молодых обводили вокруг стола три раза: впереди шел уредев, потом жених с невестой, а за ними сваха: «и где молодые третий круг начали, там они и садятся». Когда вся родня жениха садилась за стол, невесту вводили, чтобы «голову перевязать по-женски». У мордвы до замужества девушка ходила с непокрытой головой. Завязывали голову женщины с жениховой стороны [ПМА].

Постель молодым стелила либо сваха, либо замужняя сестра жениха, либо другие его родственницы. По воспоминаниям пожилых мордвовок, когда молодые ложились спать, свекровь подходила к молодым и благословляла еще раз, чтобы много было детей у новой семьи.

Свадьба раньше длилась около недели или больше, все зависело от запаса продуктов. На третий день принято было ехать в гости к невестинной родне, потом – к жениховой. А если невеста из другой деревни, свадьба могла затянуться и на две недели, пока молодые объедут всех. Со временем мордовский свадебный обряд сохранил общую структуру, утратил многие традиционные особенности. Исчезли многие послесвадебные обычаи, такие как хождение молодой через неделю к своей матери за прялкой или знакомство молодого мужа с родственниками жены. Утрачены и многие религиозно-магические действия, обычаи, старые запреты предупредительного и ограничительного значения: втыкание иголок или булавок в одежду жениха и невесты, обход свадебного поезда и т.п. В прошлое ушла и баня молодухи, которую для нее топили замужние женщины из рода жениха через неделю после свадьбы.

Таким образом, мордовская женщина является хранительницей не только домашнего очага, но и национальных ценностей своего народа. Ее роль в бытовой культуре, по сути, незаменима. Ведь женщина воспроизводит самого человека,

и насколько она сама чтит национальные обычаи и обряды, знакома с национальной литературой, языком, фольклором, религиозными верованиями, материальной и духовной культурой, настолько в конечном итоге она выступает их хранительницей, а передавая все это наследие своим детям и внукам, она способствует процветанию и развитию мордовской нации.

Источники и литература

1. Беляева Н.Ф. Мордовская семья // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – С. 356–374.
2. Волкова М.С. Семейные обряды мордвы республик Поволжья и Приуралья // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре / отв. ред. и сост. В.А. Юрченков; НИИ ГН при Правительстве РМ. – Саранск, 2005. – С. 110–119.
3. Волкова М.С. Семейные обряды // Дубенский район. История. События. Люди. – Саранск: Красный Октябрь, 2008. – С. 186–192.
4. Корнишина Г.А. Традиционная обрядовая культура мордвы // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – С. 416–427.
5. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 248 с.

Полевой материал автора

1. Биушкина Надежда Федоровна, 1938 г.р., жительница с. Ардатово Дубенского района Республики Мордовия.
2. Авдейкина Надежда Ивановна, 1952 г.р., жительница с. Бузаево Большеберезниковского района Республики Мордовия.

УДК 947.047

А.Г. Галлямова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

АЛЬМЕТЬЕВСКАЯ ОНЛАЙН-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КАК ВАЖНЫЙ РЕСУРС ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРАЯ

Статья посвящена проекту «Альметьевская энциклопедия», который появился в условиях методологического хаоса в исторической науке 1990-х гг. В этот период смыслообразующее поле социальной жизни сузилось, в настроениях людей усилилась потребность понять собственное общество на региональном уровне. В Альметьевском районе при решающей роли «Татнефти» при НГДУ «Альметьевнефть» была организована творческая группа «Альметьевская энциклопедия» в тесном содружестве с учеными г. Казань. Благодаря работе сформированного коллектива краеведение нефтяного региона Татарстана без преувеличения было поставлено на научную основу: под грифом «Альметьевская энциклопедия» вышло около 20 научных и научно-популярных изданий, в черновых набросках были написаны статьи по истории и культуре Альметьевского района. Но деятельность Творческой группы в 2005 г. была прервана. Работа по завершению написания «Альметьевской энциклопедии» была возобновлена лишь в 2016 г. После доработки материала, учитывая его огромный объем и со-

временный тренд на тотальную цифровизацию, было принято решение о размещении электронной версии Энциклопедии в тестовом режиме на сайте компании «Татнефть». Это позволило привлечь широкие круги общественности к экспертизе собранного материала, обеспечить обратную связь с читателями, активизировать краеведческое движение. В статье говорится о потенциальных возможностях интернет-энциклопедии для сохранения историко-культурного наследия края.

Ключевые слова: «Альметьевская энциклопедия», краеведение, «Татнефть», Институт истории, онлайн-литература, историко-культурное наследие, Альметьевский район.

A.G. Gallyamova

ALMETYEVSK ONLINE-ENCYCLOPEDIA AS AN IMPORTANT RESOURCE FOR PRESERVING OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE REGION

The article is devoted to the «Almetyevsk Encyclopedia» project, which appeared in the conditions of methodological chaos in the historical science of the 1990s. During this period, the meaning-forming field of social life narrowed, the need to understand their own society at the regional level increased in people's moods. In Almetyevsk district, with «Tatneft» playing a decisive role, the «Almetyevsk Encyclopedia» creative group was organized in close cooperation with Kazan scientists at NGDU «Almetyevneft». Thanks to the work of the formed team, the local history of the oil region of Tatarstan was put on a scientific basis without exaggeration: about 20 scientific and popular scientific publications were published under the heading «Almetyevsk Encyclopedia», articles on the history and culture of Almetyevsk district were written in rough sketches. But the activity of the Creative group was interrupted in 2005. Work on the completion of the «Almetyevsk Encyclopedia» was resumed only in 2016. After finalizing the material, taking into account its huge volume and the current trend towards total digitalization, it was decided to place the electronic version of the Encyclopedia in test mode on the website of «Tatneft». This made it possible to attract wide circles of the public to the examination of the collected material, provide feedback to readers and activate the local history movement. The article talks about the potential of the Internet encyclopedia for the preservation of the historical and cultural heritage of the region.

Keywords: «Almetyevsk Encyclopedia», local history, «Tatneft», Institute of History, online-literature, historical and cultural heritage, Almetyevsk district.

Альметьевский район имеет мощный для развития краеведческого движения метаресурс в виде «Альметьевской онлайн-энциклопедии», созданной в тестовом режиме на сайте объединения «Татнефть». Такой электронный продукт имеется только в одном районе РТ.

Проект «Альметьевская энциклопедия» зародился на волне расцвета краеведения в условиях методологического хаоса в исторической науке 1990-х гг. Как известно, на протяжении почти всего советского периода краеведение играло второстепенную роль. В условиях господства коммунистической монополии главным в социально-политической жизни были этатизм, прославление величия страны, советского государства, его монолитной мощи. С крушением идеологической монополии КПСС, с распадом СССР, его жесткого каркаса системно-структурных связей в СССР,

стала очевидной несостоятельность объединяющей функции Центра, потерпевшего тотальное, в том числе и социально-психологическое, банкротство.

В тех условиях смыслообразующее поле социальной жизни сузилось, в настроениях людей появилась и усиливалась потребность понять собственное общество на региональном уровне. Происходившие в последнее десятилетие XX в. переломные процессы в постсоветском обществе породили резко возросший интерес к историческим знаниям регионального среза. Локальные исследования отвечали новому тогда тренду: несмотря на общий ритм истории, судьба каждого региона неповторима. В это время и произошел, можно сказать, маховый расцвет краеведения. Стали появляться многочисленные так или иначе отвечавшие социальной востребованности региональные энциклопедии, часто на дилетантском уровне.

Кстати, местные краеведы-любители зачастую легче, чем профессиональные историки и представители других гуманитарных наук, находили средства для публикации незрелых, иногда популяризирующих мифические представления населения в угоду модной тенденции выпячивания неких сочных моментов локальной истории. Такие труды не требовали больших затрат, формировались быстро на основе «лежащих на поверхности» источников, иногда основанных на ложных мифах. Поэтому они были более конкурентноспособными по сравнению с научным краеведением, требующим привлечения гораздо больших средств для тщательной работы по сбору и верификации архивных документов, проведению экспедиций и обработке их материалов. Этим объясняется, что примеров научного краеведения в виде отвечающих научным критериям энциклопедий, профессиональных трудов по истории и культуре населенных пунктов не так много в общем объеме изданий по микроистории.

В Альметьевском районе, тогда возглавляемом Ильдусом Валеевичем Гареевым, при активной решающей роли «Татнефти», руководимой Ринатом Гимадельсламовичем Галеевым, поставили цель создать Энциклопедию, которая должна была вместить максимально полные сведения по истории, культуре, экономике и другим областям жизнедеятельности Альметьевского района, начиная с древнейших времен. Энциклопедия призвана выявить достижения и потенциал данного региона, его современный вклад в татарское и мировое сообщество.

В середине 1990-х гг. при НГДУ «Альметьевнефть» во главе с Марсом Шайхразыевичем Залятовым была организована Творческая группа «Альметьевская энциклопедия». Костяк ее был образован из местных специалистов во главе с настоящим подвижником по изучению истории нефтяного региона Р.Х. Амирхановым. Для научно-методической помощи альметьевским краоведам при Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ был создан Казанский центр содействия «Альметьевской энциклопедии», который разработал ее концепцию. В ее основу легли принципы ее написания: историчность, объективность, аргументированность и социо-антропологический подход, предполагающий рассмотрение жизни человека, общества в естественных природных, географических, климатических условиях.

Казанский центр выполнял повседневную научно-организаторскую и координирующую роль в сборе документального материала в архивах Казани, организовыв-

вал научные экспедиции по Альметьевскому району. Всего в ходе подготовки «Альметьевской энциклопедии» было проведено более 20 отраслевых и комплексных экспедиций по самым различным направлениям: археографические, археологические, этнографические, топонимические, фольклорные, искусствоведческие, диалектологические, географические, эпиграфические и т.п. Широкомасштабные изыскания проводились Творческой группой в архивах и библиотеках Казани, Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Самары. В результате был создан архив Творческой группы «Альметьевской энциклопедии», уникальная систематизированная база данных.

Благодаря работе Творческой группы краеведение нефтяного региона Татарстана без преувеличения было поставлено на научную основу. Были установлены дата основания с. Альметьево, исторические объекты, к примеру, засечные линии; раскрыты подробности процессов заселения юго-востока Татарстана, бурного развития экономики края в тот период, когда интенсивно распахивались новые земли, прокладывались почтовые и торговые тракты, появились различные промыслы, учреждались ярмарки, делались первые попытки добычи нефти (Надыр Уразметов) и металлов (медеплавильный завод И. Глазова), вспыхивали национальные и социальные конфликты, происходили революции, войны, социальные катастрофы в форме голода, коллективизация и раскулачивание, формировались и распадались колхозы, развертывалось промышленное освоение нефтяных богатств, осуществлялась урбанизация и модернизация экономики.

Исследовательская работа, проведенная в рамках подготовки «Альметьевской энциклопедии», собранный в ходе экспедиций и работы в архивах огромный массив нового материала требовали широкого квалифицированного обсуждения. С этой целью с 1999 по 2003 гг. было проведено 5 научно-практических форумов. В них приняли участие руководители АО «Татнефть», НГДУ «Альметьевнефть», администрации города, известные ученые многих учебных и научных учреждений Казани, достаточно назвать тогда директора Института истории АН РТ Р.С. Хакимова, академиков А.Х. Бурганова, И.Р. Тагирова, М.А. Усманова и многих др.

Интенсивная работа проводилась и по изданию результатов исследований. Под грифом «Альметьевская энциклопедия» вышло около 20 научных и научно-популярных изданий, посвященных обстоятельной разработке различных проблем по социально-экономической, общественно-политической и культурной истории Альметьевского региона, но подчиненных строгому соблюдению принципа региональной привязки. Издание книг позволило не только ввести в научный оборот ранее неизвестные источники и воссоздать адекватную картину развития края с его достижениями и потерями, но и провести апробацию тех материалов, которые затем в более сжатой и строгой форме предполагалось представить в энциклопедии.

Но, к сожалению, в 2005 г. работа Творческой группы была прекращена, несмотря на наши неоднократные попытки закончить работу. Около 1000 страниц собранного и проанализированного и частично апробированного материала остались в стадии черновых набросков.

В 2016 г. руководство «Татнефти» во главе с Наилем Ульфатовичем Магановым приняло решение по завершению написания «Альметьевской энциклопедии». Требовалось поднять сохранившиеся материалы, дополнить их, ведь прошло более 10 лет со дня закрытия Творческой группы. За это время произошли изменения в истории населенных пунктов, предприятий и учреждений, жизни отдельных личностей. Все это требовало существенных усилий и времени. Основную работу на новом этапе по добору и аналитическо-редакторской обработке материала проделала небольшая группа, в костяк которой входили бывшие сотрудники Творческой группы А.Г. Галлямова и Г.Ф. Валеева-Сулейманова, а также альметьевский журналист Э.Ф. Харрасова.

Во второй половине 2010-х гг. был собран большой объем нового материала, проанализирован и отредактирован сохранившийся массив архива Творческой группы «Альметьевская энциклопедия» по прошлому всех когда-либо существовавших на территории района населенных пунктов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, социальных и культурных учреждений; сведений по историческим событиям, достижениям в различных областях экономики, культуры, здравоохранения, спорта, персоналиям и многое др.

Добирая материал, мы столкнулись с трудностью: вал информации нарастал и постоянно менялись детали контента, что создавало проблему его фиксации. Учитывая современный стремительно набирающий популярность тренд – вытеснение печатной продукции (книг, периодики, справочников, энциклопедий) электронными версиями, – авторско-редакторский коллектив «Альметьевской энциклопедии» обратился к руководству «Татнефти» с предложением в тестовом режиме опубликовать на сайте компании электронную версию Энциклопедии. Благодаря активному содействию руководителя пресс-службы «Татнефти» Нурии Зуфаровны Валеевой идея была реализована.

Кардинальную роль в подготовке электронной версии Энциклопедии сыграла Э.Ф. Харрасова, настоящий патриот, «трудяга-бессребреница», трепетно относящаяся к делу изучения и сохранения историко-культурного наследия Альметьевского региона. С 2016 по 2020 гг. Эльвира Фаридовна полностью была задействована в создании «Альметьевской энциклопедии», работая в ней «многостаночником»: автором-исследователем, редактором-координатором, фотографом и даже водителем. Она участвовала в десятках, если не в сотнях поездок для сбора сведений по истории и культуре населенных пунктов, промышленных предприятий, персоналиям. Э.Ф. Харрасова стала главным исполнителем создания электронной версии «Альметьевской энциклопедии». После закрытия проекта до сих пор к ней обращаются читатели онлайн-энциклопедии, с которыми она поддерживает связи, откликаясь на их просьбы узнать больше о тех или иных исторических событиях, сведениях о личностях и т.п.

Интернет-версия сделала возможным привлечение широких кругов общественности к экспертизе собранного материала с тем, чтобы устранить ошибки, неточности в формулировках, упущения, скорректировать акценты, дополнить вновь выявляемые факты. Иными словами, электронная энциклопедия позволяет маневренно

ее обновлять, в отличие от печатного застывшего вида с момента сдачи его в типографию.

Электронный вариант «Альметьевской энциклопедии» позволил донести до общественности гораздо больший массив сведений по истории и культуре района в отличие от печатного, который потребовал сокращений с учетом ограниченных возможностей книжного формата. В отличие от печатного варианта электронный вид содержит иллюстративный материал по почти всем когда-либо существовавшим населенным пунктам на территории современного Альметьевского района. Для этого была проделана большая работа по поиску информантов, помнивших место исчезнувших населенных пунктов, и фиксации малейших артефактов или хотя бы места его. В электронной версии эта работа отражена в фотоснимках. В печатной версии проиллюстрированы только современные крупные населенные пункты.

В печатный вариант из-за ограниченности объема не вошли таблицы, составленные на основе тщательной работы по изучению массовых источников по истории колхозов. В них на конкретных данных отражены уровень и динамика развития сельскохозяйственного производства в советский период. В онлайн-энциклопедии эти таблицы представлены.

Электронная энциклопедия имеет неоспоримо более широкую читательскую аудиторию особенно среди молодежи, предпочитающей интернет бумажно-печатной продукции. Даже в условиях отсутствия какой-либо работы по продвижению «Альметьевской онлайн-энциклопедии» она обрела свою немалую читательскую аудиторию. Об этом свидетельствуют письма в адрес «Альметьевской энциклопедии» из разных концов мира: США, Европы, Прибалтики, Сибири и многих других регионов. В них благодарность, дополнения об отдельных личностях, нюансы некоторых событий, желание узнать больше информации о своей исторической родине, родственниках и т.п.

Приведем несколько примеров. Александра Бодылева, активно занимающаяся своей родословной, пишет: «...На сайте «Альметьевская энциклопедия» увидела статью про село Кителъга. Мой дедушка, Иванычев Виктор Павлович (1942 г.р.) родился там, как и его братья с сестрами. Его отец, мой прадед, Иванычев (урожденный Афанасьев) Павел Иванович, 1892 г.р. проживал в селе в первой половине 20 века. По воспоминаниям родственников у него были братья (идет их перечисление – всего 7 человек) ... Скажите, пожалуйста, может быть у вас есть еще фотографии Афанасьевых или села Кителъга? И контакты кого-нибудь из потомков Афанасьевых? У меня есть архивные документы, которые могут быть интересны потомкам. Спасибо большое за ваш ресурс!»

Письмо Андрея Николаевича Андреева показывает, что читатели рассматривают Энциклопедию как вполне приемлемую площадку для поиска неизвестных родственников. Он пишет: «Нашел на вашем сайте «Альметьевская энциклопедия» информацию про моего прадеда Телепенина Ивана Ивановича (1880–1938) и его братьев Василия и Алексея из села Кичуй. В рассказах о них сухие данные из книг Памяти ярко дополняются цитатами их выступлений против коллективизации на собраниях жителей села в 1929–1930 году. Был бы рад больше узнать про Телепе-

ниных, так как судьба братьев Василия и Алексея после репрессий не известна. Возможно, что вам рассказал о Телепениных не известный мне родственник. Буду рад с ним познакомиться и обменяться контактами».

Татьяна Андреевна Прохорова из с. Новоникольск предлагает дополнить контент о родном селе фотографией из личного архива: «Посылаю Вам фото Музипа Назиповича, одно из последних. Спасибо Вам за работу и за то, что включили информацию о директоре нашей школы Музипе Назиповиче в энциклопедию».

Очень содержательное письмо написала Каргапольцева Женя из Кузбасса: «Уважаемые сотрудники «Альметьевской энциклопедии», хочу выразить огромную благодарность за ваш труд в поиске информации по населенным пунктам Альметьевского района. Вы молодцы! Моя мама родом из деревни Зай-Чишма, и мое детство связано с родиной мамы, я проводила там каждое лето, хотя жила с родителями в Ижевске. Очень интересную историю появления деревни вы описали, мне всегда интересно, почему в деревне говорят с московским акцентом. За время летних каникул я тоже начинала говорить как бабушка с бабушкой и по приезду домой меня одноклассники дразнили «Москвичкой». Еще раз хочу поблагодарить вас!»

Это только небольшая часть письма, в его продолжении автор сообщает ценные сведения о раскулаченных односельчанах, просит ответить на несколько вопросов по своему роду. Здесь приведены только несколько писем из почты «Альметьевской онлайн-энциклопедии». Они показывают, как важно, чтобы она продолжила свое существование.

В эпоху всеобщей цифровизации она может служить эффективной площадкой для установления новых форм коммуникаций на основе историко-культурного контента, независимо от географических границ. Платформа онлайн-энциклопедии позволяет организовать циклические (актуализированные в связи с определенными датами) интерактивные тематические развороты, линейки Славы, Доски Почета, формировать календарь злободневных событий, аккумулировать и развивать культурно-просветительскую, образовательную, воспитательную работу в виде проведения викторин, конкурсов и т.п. У электронного варианта в отличие от бумажного, играющего только пассивную функцию потребления знаний, есть важное свойство служить инструментом активизации краеведческого движения, образовательно-просветительского процесса, развития контентной составляющей туристического кластера.

При правильном хозяйском подходе электронная энциклопедия может постоянно совершенствоваться как культурно-просветительский ресурс, как ресурс гуманитарного творчества. На базе «Альметьевской энциклопедии» постепенно можно создать множество социально ориентированных программ, рассчитанных на разные виды потребления: аудиовизуалов, видеовизуалов, на разные возрасты и уровни образования.

Здесь можно разместить библиотеку «Альметьевской энциклопедии», опубликовать собранные в процессе подготовки архивные документы, мемуары. К примеру, сегодня редкостью стала книга «Альметьевское дело». Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х – начало 30-х гг.): Сбор-

ник материалов и документов (Казань: Гасыр, 1999. – 192 с.). Книга сразу после выхода стала редкостью, причем она пользовалась спросом не только в Альметьевском регионе, но и далеко за его пределами. К примеру, тогда директор Института Российской истории Российской академии наук Андрей Николаевич Сахаров обратился в мэрию Казани с просьбой выслать ему эту книгу, а впоследствии в аналитическом обзоре постсоветской исторической литературы назвал ее в ряду важных достижений историографии советского периода. Причем это была единственная отмеченная им книга из Татарстана.

Огромным спросом пользуется и мгновенно разошедшаяся книга «Элмэт. Альметьевск», изданная в 2003 г. в связи с пятидесятилетием Альметьевска. В ней нашли отражение все стороны жизнедеятельности Альметьевского района с акцентом на районном центре, представлена вся палитра социальной жизни во всей ее противоречивости и сложности. В просторечии книга нередко называется Альметьевской энциклопедией. Эта книга пользуется повышенным спросом и тоже могла бы быть размещена на платформе онлайн-энциклопедии.

Ценным блоком электронной версии могут стать публикации архивных материалов, мемуаров и рукописей, фотодокументов, которые были собраны в ходе поиска материалов. История, как известно, учительница жизни. И общество не должно требовать от нее только ласкающих сознание истин. В архиве «Альметьевской энциклопедии» собраны богатые материалы по таким трагическим страницам истории, как Гражданская война, вилочные восстания, коллективизация. Это эмоционально окрашенные обращения к властям по поводу злоупотреблений властей при раскулачивании, трудности в повседневной жизни крестьян и воспоминания об изменениях социальной жизни, связанные с закрытием церквей и мечетей. Имеются и рукописи, в которых в мельчайших деталях раскрываются традиционная культура, домашний быт, досуговые развлечения и т.п.

Огромный документальный арсенал, аккумулированный на платформе онлайн-энциклопедии, может представить необходимый контент для тематических туристических маршрутов. Здесь можно также разместить виртуальные экскурсии: «Нефтяное прошлое края», «Промышленная история края», «История заселения края», «История сельскохозяйственного освоения края», «Археологическая карта края», «Памятники природы», «Памятники архитектуры» и многое др.

Резюмируя, необходимо отметить, что онлайн-энциклопедия отвечает одному из главных направлений работы по оздоровлению морального климата в социуме. Ведь обретение новых исторических знаний через ретроспекцию родного города, родного села позволяет обеспечить действительную связь времен, эстафетность, помочь по-настоящему ощутить молодому поколению сопричастность к истории человечества. При этом утрачивается абстрактность таких понятий, как гордость за свой край, уважение к своим предкам, что позволяет вести эффективную работу по формированию неравнодушного к своему отечеству патриота и ответственного за судьбу своей родины гражданина.

А.Е. Захарова, Н.Е. Захарова*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия***ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДОВАЯ И ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА АРКТИЧЕСКИХ
НАРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ АНАБАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
(ДОЛГАНО-ЭВЕНКИЙСКОГО) УЛУСА
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

Предметом данного исследования являются содержание и форма сохранения, трансляции традиционной культуры как наиболее важного маркера этнической идентичности арктических народов. В статье приводятся результаты проведенных в 2020–2022 гг. полевых исследований в Анабарском национальном (долгано-эвенкийском) улусе Республики Саха (Якутия), в т.ч. в с. Юрюнг-Хая, которое является единственным местом компактного проживания долган в Якутии. Культурный ландшафт данного региона, включающий этно- и лингвокультуры долган, эвенков, эвенов, нганасан, энцев, ненцев, характеризуется взаимовлиянием длительных этнокультурных контактов и отображением их в культурных традициях. Анализ результатов социологического анкетирования показал, что большинство респондентов (60,2%) считают, что выбор национальности определяют: во-первых, культура и традиции, во-вторых, родной язык (26,9%), в-третьих, история и территория (10,4%). По результатам количественных и качественных социологических исследований (анкетирование, неформализованное интервью, психолингвистический эксперимент) и на основании анализа современных научных исследований делается вывод о лидирующих позициях культуры и традиций в качестве наиболее важных этноидентификаторов и определяющей роли традиционной хозяйственной и культуротворческой видов деятельности в процессе этнической самоидентификации коренных народов.

Ключевые слова: традиционная культура, коренные малочисленные народы, долганы, эвенки, социологическое исследование, обрядовая культура, традиционная культура питания, национальная одежда, этническая идентичность, Хатанго-Анабарский регион.

A.E. Zakharova, N.E. Zakharova**TRADITIONAL CEREMONIAL AND FESTIVE CULTURE OF THE ARCTIC PEOPLES
(ON THE EXAMPLE OF ANABAR NATIONAL (DOLGAN-EVENKI) ULUS
OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))**

The subject of this research is the content and form of preservation, translation of traditional culture as the most important marker of ethnic identity of the Arctic peoples. The article presents the results of field studies conducted in 2020–2022 in Anabar national (Dolgan-Evenki) ulus of the Republic of Sakha (Yakutia), including in the village of Yuryung-Khaya, which is the only place of compact residence of the Dolgans in Yakutia. The cultural landscape of this region, including the ethno- and linguistic cultures of the Dolgans, the Evenks, the Evens, the Nganasans, the Ents, the Nenets, is characterized by the mutual influence of long-term ethno-cultural contacts and their reflection in cultural traditions. The analysis of the results of the sociological survey showed that the majority of respondents (60.2%) believe that choosing a nationality is determined by: firstly, culture and traditions, secondly, native language (26.9%), thirdly, history and territory (10.4%). Based on the results of quantitative and qualitative sociological research (questionnaires, informal interviews, psycholinguistic experiment) and based on the analysis of

modern scientific research, a conclusion is made about the leading positions of culture and traditions as the most important ethnoidentifiers and the determining role of traditional economic and cultural activities in the process of ethnic self-identification of indigenous peoples.

Keywords: traditional culture, indigenous peoples, the Dolgans, the Evenks, sociological research, ritual culture, traditional culture, national dress, ethnic identity, Khatanga-Anabar region.

Введение. Уникальный духовный и материальный мир культуры жизни коренных народов создан в процессе эволюционного освоения среды обитания в экстремальных условиях холодного региона. При этом традиционная культура коренных малочисленных народов Севера имеет общие черты с другими народами циркумполярного региона, обитающими в сходных геокультурных условиях, и является результатом культурного взаимодействия арктических народов, которые «не только удержали за человечеством уникальный плацдарм среды обитания человека, но и создали на нем культурное многообразие стратегий жизни в условиях экстремального холода и многолетнемерзлого грунта» [6, с. 163].

Этническая идентичность и принадлежность к коренным малочисленным народам должна определяться многими обстоятельствами, среди которых важнейшее значение имеют его «образ жизни и ведение традиционного хозяйствования в местах их традиционного проживания, а также приверженность к исторически сложившимся традициям и обычаям, многие из которых существенны не только для этих народов, не только для народов России, но и для всего человечества» [13, с. 18].

Наибольший потенциал устойчивости этнокультурного сознания сохраняется именно в сфере традиционной хозяйственной и культуротворческой видов деятельности и в целом зависит от масштабов взаимодействия в процессе социальных, территориальных, родственных, профессиональных и творческих контактов. Культуротворческая деятельность (в особенности фольклор, устное народное творчество) и сфера духовного общения (традиции, обычаи, обряды, ритуалы) на сегодняшний день являются теми сферами, в которых сохранились родные языки, традиционное использование которых обусловлено самой функциональной спецификой. На данный момент развитость и устойчивость национальных обрядов оказывается основным институциональным барьером для культурной и языковой ассимиляции, особенно в условиях, когда другие социальные институты могут выступать ее проводниками.

Хатанго-Анабарский регион расположен на территории Анабарского и Оленекского улусов Республики Саха (Якутия) и Таймырского муниципального района Красноярского края и представляет собой целостное историко-культурное пространство с уникальным опытом межэтнического взаимодействия, хозяйственных и культурных адаптивных практик. Культурный ландшафт данного региона, включающий этно- и лингвокультуры долган, эвенков, эвенов, нганасан, энцев, ненцев, характеризуется влиянием длительных этнокультурных контактов на развитие языков и культуры коренного населения. Население Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса проживает в двух населенных пунктах: в районном центре

Саскылах и в с. Юрюнг-Хая, где, согласно данным администраций данных поселений на октябрь 2020 года, проживает 2486 и 1210 чел. соответственно. В целом по улусу зарегистрировано 42,4% долганов, 22,7% эвенков, 21,6% саха, 6,4% эвенов. Уникальность с. Юрюнг-Хая, основанного в 1930 г. в рамках расселения кочевых коренных жителей региона, в том, что оно на данный момент является единственным местом компактного проживания долган в Якутии и единственным значительным поселением долган за пределами Красноярского края.

Методика и материалы. Концептуальные положения, в которых разрабатывались вопросы этнической идентичности в социальной и исторической динамике культуры, представлены в работах зарубежных и отечественных исследователей: Э. Геллнер, К. Гирц, Л.Н. Гумилева, А. Кребер, У. Макбрайд, Г. Терборн, В.А.Тишкова, П.А. Сорокина, Э. Эриксона и др. Этнокультурологический подход также был разработан междисциплинарными исследованиями ученых разных специальностей в сфере изучения теоретических проблем этничности, межэтнических отношений, этнокультурных процессов в современной России: этнологов (С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей, А.О. Бороноев, Л.М. Дробижина, З.В. Сикевич, В.А. Тишков), философов и социологов (А.Г. Агаев, Э.А. Баграмов, Н.А. Бердяев, М.С. Джунусов, И.П. Цамерян), психологов (Г.М. Андреева, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко).

Различные аспекты этнокультурных процессов в Республике Саха (Якутия) рассматривались в трудах М.А. Абрамовой, М. Балзер, У.С. Борисовой, У.А. Винокуровой, Е.П. Винокуровой, М.Е. Николаева, А.Г. Новикова, И.И. Подойницыной, Б.Н. Попова, И.Е. Спиридоновой и др.

Эмпирическое социологическое исследование проведено в октябре – ноябре 2020 г. и апреле 2022 г. в сс. Саскылах и Юрюнг-Хая Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района) Республики Саха (Якутия) с использованием количественных и качественных методов (анкетирование, неформализованное интервью, психолингвистический эксперимент). В анкетировании приняли участие 200 респондентов, в т.ч. 51,2% долганов, 23,4% саха, 14,9% эвенков, 2,5% респондентов указали другую национальность. Инструментарий исследования (анкета) состоял из 24 вопросов, структурированных по трем блокам, соответствующих задачам исследования. Первый блок – это вопросы, касающиеся этноязыковой идентичности респондентов, выбора родного языка, уровня языковой компетенции, сфер использования языка, вопросы о языковой преемственности и т.д. Второй блок состоял из вопросов о традиционной культуре – обрядах, ритуалах, праздниках, традиционной пище, национальной одежде. В третьем блоке мы попросили респондентов указать ассоциации, которые возникали у них на слова о языке и культуре, с целью выявления концептов «язык» и «культура» в современной языковой картине мира Хатанго-Анабарского региона.

Статистическая обработка первичной социологической информации проводилась с помощью пакета программ SPSS с применением корреляционного и факторного анализа.

Основные маркеры этнической идентичности: язык, культура, история и территория. Этнокультурная идентичность имеет основой язык, культуру, историческое

прошлое – именно они выступают в качестве объединяющих признаков, создающих уникальный облик этноса. Анализ результатов социологического анкетирования показал, что большинство респондентов в Анабарском улусе считают, что выбор национальности определяют: во-первых, культура и традиции (60,2%), во-вторых, родной язык (26,9%), в-третьих, история и территория (10,4%) (рис. 1.)

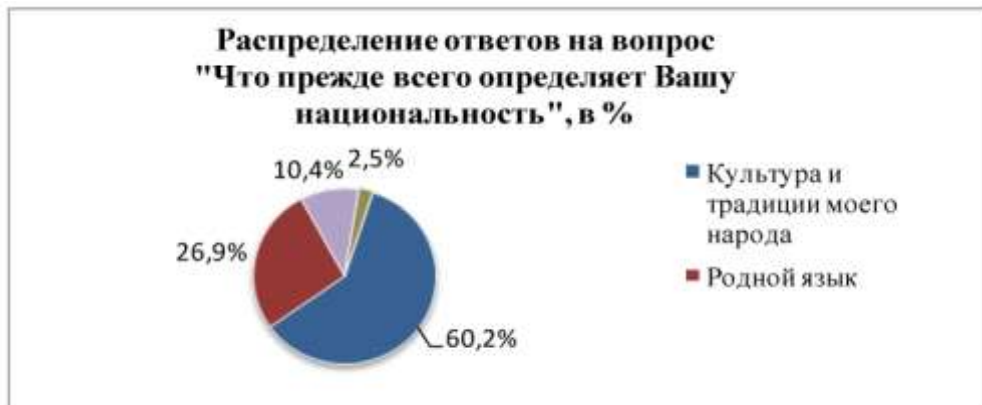

Рисунок 1 – Диаграмма распределений ответов на вопрос «Что прежде всего определяет Вашу национальность», 2020 г., в %

Важно отметить, что по данным, полученным в ходе исследования в 2021–2022 гг. в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе, выявлено, что основным маркером этнической идентичности долган Таймыра является родной язык. На тот же вопрос «Что прежде всего определяет Вашу национальность» ответы респондентов распределились следующим образом: родной язык – 58,7%, культура и традиции – 27,4%, история и территория – 12,2%, не ответили 1,7% респондентов (рис. 2).

Рисунок 2 – Диаграмма распределений ответов на вопрос «Что прежде всего определяет Вашу национальность», 2020–2022 гг., в %

Данное расхождение можно объяснить процессами трансформации этнического и культурного сознания долган, а именно частичной утратой языковой компетенции, исключаяющей родной язык из числа универсальных этноинтеграторов и компенсируемой другими компонентами и символами этнической преемственности. При этом вопрос о родном языке зачастую является сложным индикатором этнонациональной идентичности, не всегда соответствующим однозначно реальной языковой ситуации и языковому поведению. Признак «считаю родным языком» зачастую рассматривается исследователями как тождественный признаку «владею данным языком как первым/основным». Но это не всегда соответствует действительности, так как не всегда люди, считающие язык своей национальности родным, владеют им. Языковой компонент этнонациональной идентичности личности характеризуется сложной иерархией эмоционально-оценочного отношения к языку этноса, с которым личность идентифицирует себя. Это доказывают и результаты анкетирования: 96,7% эвенков, 71,8% долганов, 92,3% эвенов в Анабарском районе в качестве родного языка указали якутский язык, что составляет 83,1% всех респондентов. Здесь надо отметить, что респонденты в качестве родного языка указывали не один, а два и порой даже три языка. В качестве языка, на котором преимущественно происходит общение дома, абсолютное большинство респондентов также назвали якутский язык (94,5%). Якутский язык в общении чаще всего используют в лесу, тайге (50,3%), в своем населенном пункте (69,7%), в районном центре (54,2%), в городе Якутске (49,8%).

Таким образом, исследование выявило, что на фоне снижения значимости языковой идентичности традиционная культура становится одним из системообразующих компонентов этнокультурной идентичности арктических народов как особого вида идентичности метаэтнорегионального характера.

Традиционные обрядовая и праздничная культура анабарцев. Важной частью культурной картины мира и репрезентацией национально-культурных констант этноса являются этнические традиции, календарные обычаи, обряды и праздники. Обрядовая культура, посредством которой передается из поколения в поколение культурный код этноса, нормы, ценности, установки, стереотипы поведения и др. становится одним из основных факторов развития этнокультурной идентичности коренных народов Севера. Исследователи рассматривают традиционные обрядовые практики как «механизм, формирующий отношения внутри общества, сохраняющий потребность людей в насыщенном смыслами коллективном действии, ориентирующий общество на основные ценностные установки, тем самым регулирующий процессы этнокультурной идентичности» [11, с. 57].

По результатам проведенного социологического исследования в Анабарском улусе более половины (53,2%) респондентов отметили, что соблюдают в повседневной жизни традиционные обряды и обычаи своего народа, вариант «иногда» выбрали 26,9%, «нет» – 10,9%.

Трансляция знаний и опыта в этнокультуре – основа сохранения самой культуры, и традиционно передача знаний и опыта осуществляется в семье: большинство узнают обряды и обычаи своего народа от родственников – 61,2%, из преданий

стариков – 51,2%. Необходимо отметить, что этнокультурное образование в Якутии в целом и в Анабарском районе в частности выступает важнейшим фактором сохранения родных языков, традиционного образа жизни и уникальных культурных ценностей, содержание которого позволяет реализовать этнокультурные и языковые права коренных малочисленных народов в сфере образования. Так, 17,9% отметили, что впервые узнали об обычаях и традициях родного народа во время обучения в школе, 12,9% – из СМИ (радио, ТВ, интернета).

Как отмечают А.И. Архипова и Г.Н. Варавина, «древние культы Матери-природы, солнца, огня, безусловно, имеют древнейшие корни и до сих пор оказывают существенное влияние на духовную и материальную культуру коренных народов Севера» [4, с. 165]. В качестве основных ритуальных практик респонденты указали такие распространенные в Якутии ритуалы, как встреча солнца, обряд благословения (*алгыс*), обряд очищения (*буруолаты*), кормление духов огня, реки, природы и др. В основе традиционной обрядовой культуры заложены передающиеся от поколения к поколению духовно-нравственные идеалы и ценности, нормы и правила поведения – в ответах респондентов прописаны уважение к природе, к родной земле, к старшему поколению, обычаи не нарушать тишину после захода солнца, громко не говорить в лесу, на реке. Отдельно можно выделить обряды охоты и рыбалки (напр., *ньымаат*), дарение подарков первому гостю (*ыаллаты*), отметка золой на лбу впервые заходящего в дом (*сүүһүнчохтуубун*) и др.

По мнению исследователей, праздничная культура является своеобразной «матрицей народного способа бытия», «целостной системой, неразрывно связанной с другими компонентами мировоззренческих представлений о мире и человеке» [14, с. 8]. На открытый вопрос «Какие национальные праздники сохранились в вашем населенном пункте в настоящее время?» наибольшее количество упоминаний было *Байанай, Слет оленеводов, Ысыах, Бакалдын, Сэбэкээн, Эвинэк, Кемухатырык*. Как отмечает В.В. Филиппова, в ходе исследования были выявлены «различия при проведении календарных праздников в рассматриваемых двух наслеггах – жители села Саскылах проводят Ысыах в июне, в то время как жители Юрюнг-Хая не отмечают данный праздник. Саскылакцы проводят и эвенкийский праздник-обряд «Икэнипкэ». Юрюнг-хаинцы отмечают традиционный праздник долган и эвенков «Байанай» 9 августа каждого года в Международный день коренных народов мира. Общим праздником для жителей улуса является слет оленеводов» [12]. И в реконструированных национальных праздниках сохраняются традиционные обряды архаической праздничной культуры: обряд очищения, кормления огня, что подтверждает устойчивость и адаптивность свойств национальной культуры, а также ее интегрирующую, объединяющую этносы функцию.

Традиционные праздничные церемонии в Анабарском улусе проводятся преимущественно на якутском (79,6%), русском (35,3%), долганском (34,3%), эвенкийском (17,9%) языках, также распространенным является вариант проведения мероприятий на смешанном языке (22,9%).

Традиционная культура питания и национальная одежда. К наиболее сохранившимся элементам традиционной культуры анабарцы относят национальную пи-

шу – 70,1%, повседневную одежду – 57,2%, орудия труда, охотничьи снасти – 45,8%, а также транспорт – 16,4% ответов респондентов.

Традиционные отрасли хозяйствования – это базовая отрасль экономики улуса, является основой традиционного уклада жизни и сферой занятости коренных малочисленных народов Севера Анабарского улуса. Согласно исследованиям, традиционная культура питания арктических народов «сохраняется благодаря тому, что занимает определенное место в современных праздничных церемониях и тем самым является одним из символов этнической самобытности» [2, с. 147]. Это подтверждается тем, что большинство анабарцев в своих ответах указали, что готовят национальные блюда преимущественно по праздникам (67,2%). Однако в силу сохранения в Анабарском улусе традиционных отраслей хозяйствования – домашнего оленеводства, охотничьего промысла и рыболовства как основы традиционного уклада жизни и сферы занятости коренных малочисленных народов Севера, традиционные блюда из мяса, рыбы и дичи сохраняются и в повседневной жизни: 21,9% респондентов указали, что постоянно готовят традиционную пищу (напр., *бааркы, кэриэрдии, эт, балык күүһэ, бааркы, мин, сэлиэй, ис, халадьыас, хаан, балык, оладьи с рыбой, строганина, сыбай (хаан), быар, индигирка, сыалыһармиинэ, дьукола, хүмэлээхмуос, да5аанньа (һилии), хатарба и др.*).

Также респонденты отметили, что в исследуемых населенных пунктах – сс. Саскылах и Юрюнг-Хая Анабарского района – сохранены элементы традиционной национальной одежды: женщины в повседневной жизни носят одежду и украшения с национальным орнаментом (74,1%), шьют традиционную национальную одежду (40,3%), многие указали, что имеют личный праздничный национальный костюм (46,3%).

Заключение. Таким образом, на основе репрезентативных социологических данных и анализа современных научных исследований мы можем утверждать, что на фоне снижения значимости языковой идентичности традиционная культура, состоящая из обрядовых практик, национальных праздников, традиционной культуры питания, национальной одежды, остается одним из системообразующих компонентов этнокультурной идентичности арктических народов как особого вида идентичности метаэтнорегионального характера. Уникальность традиционных культур арктических народов Севера раскрывает многообразие локальных культур (долганской, эвенкийской, эвенской, якутской, русской), возникших на гео- и этнокультурном ландшафте Хатанго-Анабарского региона, представляющих единую среду бытования этносов в контексте межэтнических и межкультурных связей, что будет предметом дальнейших исследований этносоциальных и культурных процессов в данном регионе (см. Приложение 3).

Исследование выполнено в рамках гранта «Хатанго-Анабарский регион в XX – начале XXI вв.: антропология культурного ландшафта» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-09-00257А.

Источники и литература

1. Абрамова М.А. Общее и особенное в графических репрезентациях «картины мира» молодежи Арктики // Культура Арктики. – Якутск: ИДСВФУ, 2014. – С. 200–209.
2. Алексеева Е.К. Трансформации в традиционном питании тунгусоязычных этносов Якутии // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2 (30). – С. 143–147.
3. Арзамазов А.А. Долганское приглашение в тундру: художественный мир Огдо Аксёновой // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 321–333.
4. Архипова А.И., Варавина Г.Н. Празднично-обрядовый комплекс коренных народов Севера как ресурс для развития событийного туризма в Республике Саха (Якутия): к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 10. – С. 164–167.
5. Варламов А.Н. Обрядовая культура народов Севера: традиции и современность [Электронный ресурс]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2009_12-2_07.pdf (дата обращения: 24.09.2021).
6. Винокурова У.А. Геокультурные особенности арктической циркумполярной цивилизации // Культура Арктики. – Якутск: ИД СВФУ, 2014. – С. 162–170.
7. Копцева Н.П. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // Социодинамика. – 2014. – № 6. – С. 1–27.
8. Лазарева Л.Н. Традиционная праздничная культура как культура этнической и социальной памяти: Избр. Статьи // Указ. трудов Л.Н. Лазаревой. – Челябинск: ЧГАКИ, 2015. – 245 с.
9. Набок И.Л. Арктическая идентичность коренных народов циркумполярной зоны Российской Федерации: проблемы формирования и развития // Культура Арктики. – Якутск: ИД СВФУ, 2014. – С. 171–180.
10. Пименова Н.Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // Человек и культура. – 2014. – № 2. – С. 28–66.
11. Сафонова Н.А. Традиционная обрядовая культура как механизм сохранения этнокультурной идентичности // Вестн. Челябинской гос. акад. культуры и искусств. – 2016. – № 3 (47). – С. 55–59.
12. Филиппова В.В. Социокультурная самоидентификация жителей Анабарского улуса Республики Саха (Якутия): к постановке проблемы // Социальные процессы современной России / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. – Т. 1. – С. 203–207.
13. Харючи С.Н. Правовые проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера России (конституц.-правовое исслед.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Тюмень, 2009. – 41 с.
14. Черных А.В. Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX – середине XX вв. (региональный аспект праздничной культуры): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 49 с.
15. Этносоциальное развитие Республика Саха (Якутия): Потенциал, тенденции, перспективы / АН РС (Я), Ин-т гуманист. исслед.; отв. ред. В.Н. Иванов. – Новосибир.: Наука. Сиб. изд. фирма, 2000. – 273 с.

КНИЖНЫЕ И НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧУДЕСАХ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Цель исследования – анализ репрезентации чудес в «Повести временных лет». Под чудесами понимаются летописные свидетельства о сверхъестественных явлениях, происходящих по воле Бога и решающих какие-либо земные проблемы. В качестве источников привлекаются Лаврентьевская, Ипатьевская, Радзивилловская и Новгородская первая летописи как наиболее древние по составу летописные своды, сохранившие текст «Повести временных лет» и следы предшествующего ей летописания. Показывается, что определяющей чертой восприятия чуда в «Повести временных лет» является удивление, вызванное столкновением с «чужим» этносом или «чужой» религией. Если в народной среде любое удивительное, необычное явление трактуется как чудо, то летописец стремится все аномалии истолковать с точки зрения авторитетных религиозных текстов.

Ключевые слова: чудеса, «Повесть временных лет», летописи, язычество, христианство.

A.L. Novoselov

BOOK AND FOLK IDEAS ABOUT MIRACLES IN THE «TALE OF BYGONE YEARS»

The purpose of the study is to analyze the representation of miracles in the «Tale of Bygone Years». Miracles are understood as chronicle evidence of supernatural phenomena that occur by the will of God and solve any earthly problems. As sources, the Laurentian, Ipatiev, Radziwill and Novgorod first chronicles are attracted as the most ancient chronicle vaults in terms of composition, which preserved the text of the «Tale of Bygone Years» and traces of the chronicle that preceded it. It is shown that the defining feature of the perception of a miracle in the «Tale of Bygone Years» is the surprise caused by a collision with a «foreign» ethnic group or a «foreign» religion. If in the popular environment any amazing, unusual phenomenon is interpreted as a miracle, then the chronicler seeks to interpret all anomalies from the point of view of authoritative religious texts.

Keywords: miracles, «Tale of Bygone Years», chronicles, paganism, christianity.

Чудеса составляли неотъемлемую часть картины мира древнерусского человека. Необычные, удивительные явления, нарушающие естественный ход вещей, укладывались в религиозное мировоззрение населения Древней Руси и составляли важную часть повседневной жизни. Языческий мир «чудесного» отчетливо отразился в верованиях и обрядах восточных славян, а также в фольклорных произведениях. С приходом на Русь христианства гадания и магия, волхвы и кудесники, волшебные предметы и мифические герои стали заменяться чудесами и знаменами, происходящими по воле Бога и решающими какие-либо земные проблемы. Помощь высших сил: Бога, Богородицы, ангелов в политических и военных акциях князей, чудеса

святых и священных реликвий – стали основными сюжетами для рассказов о чудесах в летописях и житиях. Лучше всего этот процесс отразился в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ).

ПВЛ представлена в списках XIV–XVI вв. – Лаврентьевском, Радзивилловском, Московско-Академическом, Ипатьевском и Хлебниковском. «Лаврентьевская» группа списков (Лаврентьевский, Радзивилловский, Московско-Академический списки) базируется на рукописи игумена Сильвестра 1116 г., отразившейся в них через владимирские летописные своды второй половины XII в. ПВЛ доведена здесь до 1110 г. Ипатьевская летопись и Хлебниковский список сохранили текст ПВЛ до 1117 г. и представляют собой киевскую летописную традицию. В этой группе списков ПВЛ продолжается Киевской летописью XII в. и Галицко-Волынской летописью XIII в.

Сведения, предшествующие созданию ПВЛ и необходимые для ее понимания, сохранились в Новгородской первой летописи, представленной двумя изводами. Синодальный список XIII–XIV вв. сохранил старший извод, в котором читается текст с 1016 по 1352 г. Комиссионный и Академический списки 40-х гг. XV в. содержат младший извод. Источником старшего и младшего изводов была составленная в Софийском соборе Новгородская владычная летопись, опиравшаяся, в свою очередь, на свод князя Мстислава Владимировича (1115 г.) [2].

ПВЛ начинается с космографического введения, повествующего о расселении сыновей Ноя и подробно характеризующего нравы и обычаи восточнославянских племен. Вопрос самоидентификации летописцем своего народа был крайне важным, а его решение достигалось за счет сопоставления с «чужими»: населением соседних русских земель, иноплеменниками и иноверцами. Естественно, что этническое самосознание жителей Древней Руси формировалось под воздействием внешнеполитических контактов. А.В. Лаушкин отмечает, что на этот процесс значительно влияло христианство в лице церкви, стремившейся средствами канонических правил регулировать контакты с иноверцами. Поведенческие запреты в отношениях с представителем других народов и религий охватывали многие сферы, в том числе и сферу чудес: церковь предостерегала христиан от обращения к иноверцам за исцелениями. «Эти предписания формировали определенные стандарты общения в межэтнической сфере и также оказывали непосредственное воздействие на восприятие образа «чужого», а значит – и на создание образа «своего» [4, с. 63].

«Особенностью восприятия летописца являлось то, что он видел в иноверии не самодостаточное явление, а воспроизведение чего-то прежде бывшего и хорошо известного» [1, с. 191], поэтому, по мнению М.Ю. Андрейчевой, язычество для древнерусского книжника было порождением темных сил [1, с. 189]. С антропологической точки зрения «чужой» – не в полной мере человек, т.к. может обладать не только другими обычаями и поведением, но и способностями: «Чужому в Древней Руси были склонны приписывать особые возможности» [3, с. 305]. Вероятно, «особые возможности» привлекали не только народные массы, но и образованное население. Для книжника было важно объяснить любые отклонения от нормы, исходя из христианского учения. С этой позиции язычники, иудеи, мусульмане рассматрива-

лись как отвергнутые Богом народы и попавшие в результате этого под влияние дьявола. Их нравы и обычаи не содержат черт, присущих богоизбранному народу, к которому книжник относит себя. Более того, такая позиция может распространяться и на соплеменников, чье поведение не укладывается в нормы летописца. Доказательством этому служит т.н. «Легенда об апостоле Андрее».

Эпизод, повествующий о проповеди апостола Андрея в северных странах и посещении им Днепра, присутствует в Лаврентьевской, Ипатьевской и Радзивилловской летописях и отсутствует в Новгородской первой летописи [7, стб. 7–9; 8, стб. 6–7; 9, с. 12–13]. Это позволило А.А. Шахматову предположить, что «легенда существовала уже в готовом виде отдельно от летописи», впоследствии она была добавлена в летописный текст. Кроме того, А.А. Шахматов уточнил, что легенда об апостоле Андрее «сложилась в Киеве на основании устных преданий». Далее А.А. Шахматов предположил, что летописец взял эту готовую легенду о путешествии Андрея по Днепру, добавил к ней сюжет посещения им словен и вставил этот текст в ПВЛ. Причем искусственность соединения этих двух фрагментов легенды: путешествие Андрея по Днепру и посещение словен – свидетельствует об их независимом происхождении. «Этот эпизод (посещение Андреем словен) явно ведет нас к какому-то другому рассказу, приуроченному, однако, к Андрею» [12, с. 149–150], – отмечал А.А. Шахматов.

По сюжету легенды апостол приходит в словены, «идеже ныне Новъгородъ», и видит их обычай мыться в банях. Добравшись до Рима, Андрей рассказывает, как он «дивно видехъ словенскую землю». Удивление у апостола вызвало то, что словены своими странными обычаями больше мучают себя, чем моются. Удивляются этому и те, кто слушает рассказ Андрея [7, стб. 7–9; 8, стб. 6–7; 9, с. 12–13].

Недостоверность данного рассказа не вызывает сомнений. Однако подробные детали банного обычая словен и неподдельное удивление рассказчика могут свидетельствовать о том, что действительно существовал рассказ о чем-то путешествии в словенскую землю.

Путь «из варяг в греки» позволял восточнославянским племенам активно контактировать между собой. Ясно, что помимо торговых контактов, путешественники вступали в культурный диалог. Такая ситуация столкновения с «другим», «чужим» в первую очередь вызывала удивление. Справедливо предположить, что для не книжного человека «чужой» народ и его удивительные обычаи очень быстро могли стать чудом. Но летописец прагматичен в этом эпизоде, недаром он упоминает, что ныне на земле словен стоит Новгород. Явное осуждение, вложенное в уста Андрея по отношению к словенским обычаям, актуально для времени создания ПВЛ. Усиление тенденций к обособлению и расширение территории Новгородской земли вызывало негодование в Киеве. Процесс распада Киевской Руси неизбежно призывал летописцев к поиску новой самоидентификации.

Если с определением киевским летописцем своего места внутри Русской земли вопрос обстоит затруднительно, то с противопоставлением «руси» другим народам ситуация более ясная. Опять же практически каждое столкновение с «другим» народом вызывало удивление.

Интерес представляет эпизод, связанный с выбором веры князем Владимиром. Выслушав болгарских, немецких и греческих послов, Владимир собрал своих бояр и городских старцев на совет. Любопытное описание греков летописец вкладывает в речь Владимира: «хуляще всеы законы, свои же хваляще, и много глаголюща, сказующи от начала миру, о бытии всего мира; сут же хитро сказующе, и чудно слышати их, и любо комуждо» [7, стб. 106–107; 8, стб. 98; 9, с. 49]. Конечно же, больше всего Владимира поразили греки, но вновь удивление здесь, как и в случае с апостолом Андреем, имеет некий негативный оттенок. Сами греки хитры, но нет ничего удивительного в том, что они так же, как и все, ругают «чужое» и хвалят «свое». Безусловный интерес вызывает их учение, и летописец указывает словами Владимира на ключевое место в нем: «да аще кто деи веруеть в нашу веру, то паки умереть и въстанеть, не умирати ему в веки» [7, стб. 7–9; 8, стб. 6–7; 9, с. 12–13].

Такое «чудное», а не «чудесное», «неудивительное» в сущности, но вызывающее удивление является важным риторическим приемом летописца. Он использует его для противопоставления «своего» «чужому», придавая тем самым всему «чужому» характер диковинный, удивительный, но по сути своей заурядный и не чудесный.

Такая логика работает и наоборот. Все «свое» у «других» должно вызывать удивление, становиться для них чудесным. Например, в статье 941 г., текст которой полностью взят из текста жития Василия Новаго [12, с. 70–71], речь идет о походе Игоря на Царьград [7, стб. 44–45; 8, стб. 33–34; 9, с. 24–25]. Греки в этом походе применили против «руси» т.н. «греческий огонь», «и пушати нача трубами огонь на лодье руския». «...и быс видети страшно чудо» – продолжает автор жития. Руси пришлось отступить и вернуться в свои земли. «...и поведаху каждо своимь о бывшемь и о ляднемь огни якоже молнья ре иже на нбхь Грьци имуть оу себе и се пушщающа же жагаху насъ сего ради не одолехомь имь» [7, стб. 44–45; 8, стб. 33–34; 9, с. 24–25], – добавляет летописец.

Для «руси» греческий огонь оказался «страшным чудом», т.е. не только вызвал удивление, но и оказался сверхъестественным явлением, повлекшим поражение в битве. Хотя и для современников было ясно, что ничего сверхъестественного в греческом огне нет, но это изобретение у «чужого» народа должно было вызывать удивление, вселять страх и трепет, подчеркивать изобретательность греков и неосведомленность «руси».

Вновь при помощи удивительного и чудесного осуществляется противопоставление «своего» народа «чужому». По всей видимости, летописец очень хорошо усвоил этот прием. Если приведенный выше рассказ – вставка, то очень схожий по смыслу оригинальный летописный текст можем прочитать в рассказе о белгородском киселе. Обратим внимание на зеркальную ситуацию этого эпизода.

По сюжету в 997 г. печенеги осадили Белгород. В городе начался страшный голод. Но среди жителей нашелся некий старец, который предложил хитрый план – закопать колодцы в землю, наполнить их киселем и сытом, изобразив тем самым, что белгородцы имеют «кормлю от земле». Печенеги, увидев это, «удивившася», позвали своих князей и те тоже «подивившася» белгородскому киселю из земли [7, стб. 127–129; 8, стб. 112–114; 9, с. 57].

Совершенно ясно, что не только исследователи, но и сам летописец понимал неправдоподобность этой истории. С другой стороны, она очень хорошо показывает изобретательность и смекалку «своего» народа. Не только греки способны хитростями вызывать удивление. Вполне возможно, что для печенегов белгородский кисель оказался если не «страшным чудом», то чудом точно. Летописец указывает на способность «чудотворения» «своего» народа, способность удивлять путем изобретательности и смекалки.

Особый интерес для иллюстрации различий книжного и народного восприятия чудес представляет рассказ о событиях в Полоцке, помещенный в ПВЛ под 1092 г. В начале своего повествования летописец пишет: «предивно бысть чудо в Полотъске», называя эти происшествия чудом. В завершение же летописец добавляет: «се же знаменье поча быти от Дрюцька», присваивая перечисленным событиям уже название «знамение» [7, стб. 214–215; 8, стб. 206; 9, с. 86]. Б.А. Рыбаков, анализируя данное летописное сообщение, отмечал, что «Полоцкий эпизод 1092 г. был, по всей вероятности, отражением какой-то общерусской эпидемии (вспомним 7000 умерших киевлян), а для нас он интересен как показатель преломления реальных явлений (действия бактерий, бацилл, вирусов) в сознании простых людей XI в.; они отнесли смерть сограждан, вылезавших из своих хоромин, за счет упырей-навий» [11, с. 464]. Представляется возможным согласиться с Б.А. Рыбаковым, указывая на то, что простые люди воспринимали болезни и эпидемии как явления, вызванные действиями сверхъестественных сил, восходящих к языческим верованиям, — мертвецов и вампиров. Возможно, в виде устной легенды рассказ о полоцких событиях преподносился как «предивное чудо», удивительное, пугающее и пробуждающее любопытство.

Если для народной среды XI–XII вв., сохранявшей во многом связь с язычеством, чудом было все удивительное, вызванное действием различных духов, то для летописца полоцкое «чудо» являлось естественным событием, которое не столько удивительно, сколько провиденциально. Автор летописи называет события 1092 г. в Полоцке знамением, указывая, что такие случаи не уникальны. В предшествующей и последующей статьях «Повести временных лет» перечислено несколько знамений и бедствий. Другими словами, летописец выстраивает связанный ряд необычных явлений. Однако для автора летописи они объясняются не действиями упырей-навий, а божьим попусением, которое должно покарать людей за грехи [7, стб. 214–215; 8, стб. 206; 9, с. 86]. Тема божьих наказаний является одной из важнейших в летописании. Чтобы усилить эффект назидательного вывода — божественной кары за возросшие грехи, автор перечисляет жуткие знаменья, одним из которых и является полоцкое нашествие мертвецов.

Итак, полоцкий эпизод из «Повести временных лет» демонстрирует, что летописец фиксировал необычные, удивительные явления, о которых, видимо, бытовали устные легенды, критически анализируя их с точки зрения библейских догм. При таком подходе чудеса наделялись пророческим смыслом, выступая в качестве знаков божественной воли, т.е. знамений.

Стремление летописца объяснить необычные события, воспринятые народом как чудо, с позиций христианского мировоззрения проявляется в статье 1096 г. Летописец приводит рассказ новгородского посадника Гюряты Роговича. Важно, что летописец ведет речь от первого лица, то есть Гюрята рассказал эту историю непосредственно ему, летописцу.

Гюрята послал своего отрока за данью в Югорскую землю. Югра рассказал отроку о «дивном чуде» – народе, запертом в горах [7, стб. 234–236; 8, стб. 224–226; 9, с. 96]. Рассказ югры действительно очень удивителен и подробен. Но, по всей видимости, у летописца он не вызвал удивления, т.к. он сразу его вписал в «свое» мировоззрение, вспомнив об откровении Мефодия Паттарского и сделав прямо в тексте ПВЛ из него пространную вставку [12, с. 98–100].

Подробно на этой вставке останавливался А.А. Шахматов. Так, он показал, что, опираясь на Откровение Мефодия Паттарского, летописец «представлял себе, что часть пророчества исполнилась: из Етвивской пустыни вышли Измаиловы сынове (в лице Половцев и прочих)» [12, с. 98–100]. Согласно пророчеству, «нечистые» народы, когда-то заключенные Александром Македонским в северных горах, в канун конца света освободятся и пойдут войной на праведников. Тем самым югорское «дивное чудо» оказалось реальным подтверждением истинности пророчества и доказательством того, что в настоящее время эти народы еще за высокими горами и безуспешно пытаются из них выбраться.

Языческое восприятие чудесного находит свое отражение в популярности волхвов. Подробно этот вопрос освещался нами в отдельной статье [6]. Действия волхвов, описанные в ПВЛ, представляются весьма сложным и необычным явлением. В летописном тексте образ волхва включает и элементы язычества, и обрядность финно-угорских этносов, и эсхатологические представления. В статье ПВЛ под 1071 г. летописец сообщает о восстании волхвов в 1070-е гг. и размышляет о природе волхования [7, стб. 147–181; 8, стб. 164–171; 9, с. 74–76; 5, с. 194]. В этом оригинальном эпизоде летописец доказывает неувидительность чудес волхвов, формирует негативный образ волхва, развеивает массовые представления о его чудесных деяниях. Отчасти авторский посыл заключается и в том, чтобы осудить ту часть народа, которая готова поверить первому встречному кудеснику, назвать его удивительные дела чудесами и последовать за ним.

Желание увидеть что-то необычное, удивительное увлекало за волхвами не только толпу, но и отдельных людей. Так, например, в том же 1071 г., по сообщению летописи, некий новгородец отправился за волхованием в Чудскую землю. Местному кудеснику для камлания и призвания бесов потребовалось, чтобы новгородец снял с себя крест. Это, вероятно, заинтересовало новгородца, и далее между ними завязался диалог о «богах» волхва и о том, почему они боятся креста [7, стб. 181; 8, стб. 171; 9, с. 76; 5, с. 196]. Данный эпизод – яркое подтверждение интереса населения Древней Руси к магии и колдовству соседних народов [10, с. 136]. Однако летописец толкует эту историю в рамках своего общего замысла о дьявольском происхождении волхования. Боги волхва, живущие в безднах, – бесы, которые боятся знамения небесного Бога – креста. По словам В.В. Долгова, волхв свидетельств-

вует против себя, утверждая силу креста против бесов [3, с. 437]. Летописец последовательно «вписывает» волхование в христианское мировоззрение, определяя ему место ложных чудес, совершаемых через кудесников бесами.

Таким образом, в ПВЛ отчетливо наблюдается, что сознание простого народа, еще весьма близкое языческим воззрениям на мир, стремится любое удивительное назвать чудом. Христианский книжник и летописец относится к миру «чудесного» весьма осторожно. Не все удивительное для него приравнивается к чудесному. Некоторые явления важны лишь потому, что они лишний раз подтверждают пророчества, сами при этом становясь вполне естественными и неувидительными.

Источники и литература

1. Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 184 с.

2. Гимон Т.В. Новгородское летописание XI – сер. XIV в. как социокультурное явление: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2014. – 42 с.

3. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. – 591 с.

4. Лаушки А.В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестяени» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. – М., 2006. – Вып. 6. – С. 29–65.

5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 642 с.

6. Новосёлов А.Л. «Бесовские чудеса» волхвов и дела праведников в Повести временных лет // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 4. – С. 96–102.

7. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. – Л., 1926. – 286 стб.

8. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – СПб., 1908. – 938 стб.

9. Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивилловская летопись. – Л., 1989. – 179 с.

10. Пузанов Д.В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. – 480 с.

11. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Академический Проект, 2013. – 808 с.

12. Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Тр. отдела древнерусской литературы. – 1940. – Т. 4. – С. 9–150.

УДК 392

Т.Н. Охотина

*Научно-исследовательский
институт гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

СВАДЕБНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКИХ ТЕМНИКОВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Статья посвящена свадебному обряду русских, проживающих в Темниковском районе Республики Мордовия. На основе архивного и полевого материала 1970-х гг. – начала XXI в.

рассмотрены этапы свадьбы, начиная со знакомства молодых, сватовства и заканчивая самой свадьбой.

Ключевые слова: русские, свадьба, обряд, традиции сватовства, запой, жених, невеста, свадебный поезд.

T.N. Okhotina

WEDDING TRADITIONS OF THE RUSSIANS OF TEMNIKOV DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

The article is devoted to the wedding ceremony of the Russians living in Temnikov district of the Republic of Mordovia. Based on archival and field materials of the 1970s – beginning of the 21st century the stages of the wedding starting with the acquaintance of the young, matchmaking and ending with the wedding itself are considered.

Keywords: the Russians, wedding, ceremony, matchmaking traditions, binge, groom, bride, wedding train.

Обрядность, т.е. система обычаев и обрядов, условно-символическим образом знаменующих значительные события в жизни людей, является одной из важных характеристик этноса, достаточно устойчивым и отчетливо выраженным компонентом его культуры. Обряды не изменяются мгновенно, вслед за социально-экономическими преобразованиями общества, они не порывают резко с традицией, а как бы приспосабливаются к новым условиям. Поэтому в обрядах сохраняются многие черты, присущие предшествующим этапам общественного развития. Исследование обрядности дает богатый материал по этнической истории и культурным взаимоотношениям различных народов [11, с. 5].

В Республике Мордовия долгие годы приоритет в этнографических исследованиях отдавался изучению мордовского этноса, его материальной и духовной культуры. Исследование традиционной культуры русских на территории Мордовского края, к сожалению, началось только в конце XX в., да и то в основном материальной культуры, поэтому многие традиции, существовавшие до начала прошлого века, оказались полностью утраченными. Исходя из этого особую важность приобретают материалы, собранные в этнографических экспедициях у информаторов преклонного возраста. Так, хранящиеся в научном архиве НИИ ГН при Правительстве Республики Мордовия материалы этносоциологического исследования, проведенного в 1973–1974 гг. в Мордовской АССР, а также полевые материалы автора позволили рассмотреть свадебный обряд русских Темниковского района, бытовавший в первой половине XX в.

Свадебная обрядность занимает, по существу, центральное место среди семейных обрядов русских. Свадьба – одно из важнейших событий в жизни человека. Она отличается большой сложностью и разнообразием. Традиционная свадебная обрядность русского населения, в том числе и Темниковского района, складывалась из нескольких этапов: предсвадебный период – от сватовства до дня бракосочетания; день бракосочетания; послесвадебные обряды [2, с. 94].

Знакомство молодых людей происходило в начале XX в. в основном на улице, посиделках, позже в клубах, кино, иногда женили по воле родителей. Посиделки устраивались обычно в домах бедных, у какой-нибудь одинокой женщины, за это девушки и ребята приносили им картошки или муки, привозили дрова. На посиделках девушки пряли, вязали, парни играли на балалайках, в карты. В деревне таких посиделок было обычно 7–8. Если девушка понравилась парню, то они оставались здесь ночевать. Так, Зуева Татьяна Матвеевна из с. Аксел вспоминала, что раньше клубов не было, молодежь собиралась в один дом на посиделки, хозяйка которого называлась «сиделка». Девушки в качестве платы приносили с собой дрова по несколько поленьев [5]. Жительница с. Жегалово Татьяна Петровна Сиздорова рассказывает, что «на посиделки ходили только зимой. На каждой улице был такой дом, где жила одна женщина без семьи. Она-то и пускала молодежь, прежде всего из-за дров. Одной, без мужских рук ей тяжело было заготовить дрова на зиму. Прежде чем пойти на посиделки, нужно было взять охапку дров, если дрова не принесешь, на посиделки не пустят, а сходить очень хотелось. Там всегда было весело и шумно: кто под гармошку пел, кто плясал, кто пряд. В этом доме около потолка были прибиты полати, кто-то даже оставался и ночевать из молодежи. Часто на посиделки приходили парни с другой улицы, так молодежь приглядывала себе пару» [8]. По воспоминаниям Лидии Васильевны Полшковой из с. Русское Караево, на посиделках «при свете керосиновой лампы девушки пряли, вязали, вышивали, а парни приходили с гармошкой, пели, плясали, шутили, между многими зарождалась любовь и в дальнейшем устраивали свадьбы» [7].

Важной и обязательной была церемония сватовства, во время которой договаривались о времени свадьбы, о приданом и т.д., поэтому в некоторых селах сватовство называли «договорной». Нередко оно совмещалось с запоем. Сватать обычно ходили за 2–3 недели до свадьбы, вечером. Родители жениха, кто-то из близких родственников, чаще крестные, но не более 6–7 человек, взяв с собой хлеб, пироги и самогонку, направлялись в дом к невесте. Для того чтобы сватовство прошло удачно, проводили определенные действия. Так, в д. Подгорные Селищи сваты обязательно садились под матицу, а в с. Урей для скрепления договора сватов били старыми лаптями. После этого начинали договариваться о свадьбе [2, с. 95]. В некоторых селах, например в с. Подгорные Селищи, было принято во время сватовства одаривание невестой родни жениха [1].

Сразу после сватовства или спустя неделю устраивали запой, на котором присутствовала близкая родня, подружки [6]. В с. Жегалово, по словам Марии Николаевны Гуриной, запой назывался «большим пропоем». Она же, рассказывая о своей свадьбе, вспоминала: «С большим пропоем шли к невесте женихова родня человек 30. Женихова родня шла со своим вином. Гуляли и подружки невесты – ставили на стол бутылку пустую и говорили: «Свое пейте, наше отлейте», им наливали вино, и сверху они просили, чтобы «денушкой покрыли» [4]. Запой, или сговор, играл роль помолвки и являлся как бы символическим актом, закрепляющим семейное решение о заключении брака. На запое происходило знакомство родственников жениха и невесты, оговаривались условия заключения брака, материальные из-

держки на свадьбу [2, с. 95], договаривались о размере выкупа за невесту (норме). Норма рассчитывалась так, чтобы хватило молодой до первого урожая [1]. Обычно это были продукты или деньги. Так, в с. Аксел, по рассказам местной жительницы Татьяны Матвеевны Зуевой, на «договорной» решали, сколько родители дадут за невесту хлеба, вина, сала, поскольку сноха должна есть все свое [5]. Если сватовство проходило по большей части без присутствия жениха и невесты, то на запое жених и невеста сидели за столом [1]. Повсеместно на запое невеста дарила подарки родителям жениха: свекру – рубаху, свекрови – рубаху или платье, жениху – утирник (полотенце). В с. Подгорные Селищи жених, в свою очередь, должен был подарить невесте шубу, а мать невесты делала подарки сватам – рубаху, ткань на платье и др. [1].

После этого начинались приготовления к свадьбе. Девушка готовила постель (стегала одеяло, ткала холст на наволочки и т.д.) к свадьбе, подарки для родственников, приданое для себя, родители варили брагу. Дней за пять до свадьбы невеста отдавала шить рубаху своим подругам, которых называли «позыватки» [1].

В последнюю неделю перед свадьбой, в среду и в пятницу, а также перед самой свадьбой невеста должна была «вопить», причитать. В с. Аксел невеста «вопила» и просила благословления у родных перед самой свадьбой [5]. Накануне свадьбы «позеватки» приносили сшитые рубашки и сарафаны, а невеста принимала каждую вещь и причитала, вопила, а девушки корили ее за то, что она выходит замуж, пели песни. Затем «позеватки» с шестами, разукрашенными цветною бумагой, в руках собирали девичник. На девичник жених приносил гостинцы, а невеста дарила ему рубаху, полотенце. В с. Жегалово невеста дарила подарки не только жениху (рубашку, брюки, а кто побогаче – костюм), но и обязательно свекрови, свекру, крестному и крестной. Затем молодежь шла гулять к жениху [4].

В русских селах Темниковского района широко был распространен обычай знакомства с хозяйством жениха. Перед свадьбой невеста с подружками ходила в дом жениха смотреть, каково богатство в семье, где ей предстояло жить. В Темниковском районе это называлось «смотреть печурушки» или «печурки» [9; 1; 2, с. 95]. В с. Подгорные Селищи смотреть дом и хозяйство жениха ходили родственники невесты [1]. В этот же день невеста вешала занавески в доме будущей свекрови [2, с. 96]. В с. Жегалово занавески у жениха вешала невестина родня, после этого их угощали [4]. В Темниковском районе среди русского населения был также распространен обряд привоза к жениху вечером, перед свадьбой, сундука с приданным невесты. Причем сундук был закрыт и его никто не имел право открыть (с. Подгорные Селище, с. Аксел и др.).

Сама свадьба сопровождалась многочисленными обрядами: убиение невесты, свадебный поезд, выкуп невесты, встреча молодых в доме жениха с хлебом-солью, свадебное застолье и т.д.

В день свадьбы жених в подаренной невестой рубашке и с друзьями, на лошадях, ехали за невестой и постелью. Перед этим родители жениха и невесты благословляли молодых, каждого в своем доме. Свадебный поезд состоял из нескольких повозок, иногда до 10 лошадей, и был красочно украшен бубенцами, лентами и т.д.

Впереди ехали дружки – друзья жениха с повязанными на груди крест-накрест полотенцами, въезжая во двор невесты, они объявляли, что за ней едет жених и спрашивали: «Готова ли невеста?» Затем происходил обмен ковригами хлеба между дружками и невестой, и дружки возвращались к свадебному поезду, въезжающему в ворота дома невесты. В с. Подгорные Селищи невеста встречала их плачем, подружки расплетали ей косу и покрывали платком. По традиции жених не заходил в дом невесты до тех пор, пока не выкупит ее. Невесту продавал младший брат или сестра, постель – подружки невесты. В с. Подгорные Селищи брат продавал жениху волосы невесты, при этом приговаривали: «У моей сестрицы 100 рублей косица, что ни волосинка, то полтинник» [1]. Обряд выкупа невесты сохраняется в русских селах до настоящего времени (с. Старый Город, с. Пурдошки, с. Урей и др.) [3]. Прежде пропустить жениха в дом невесты его корили, т.е. пели ему различные песни. Так, в с. Жегалово «корили» следующим образом:

Не чаяло солнышко на закате быть, (2 раза)
Не чаяла маменька свою дочь избыть. (2раза)
Избыла мать доченьку во единый час,
Посадила мать доченьку на быструю струю,
Сама села маменька на крут бережок.
Кричала мать доченьке: «Дочка, воротись!»
Я бы воротилась, воля не моя,
Вечор ее косыньку подружки плели,
Вечор ее русую золотом вили.
Приехала крестненька немилостлива,
Стала ее косыньку рвать и трепать,
Стала с ее русою золото обрывать (2 раза) [4].

Жениха заводили в дом, где невеста, накрытая платком, сидела за столом вместе с крестной и крестным. В это время крестные невесты уходили от нее, и жених садился с невестой, а по краям садились крестные жениха. Входили двое дружек и, перетягивая полотенце через стол, кричали: «Подай платок, а то руку обожжет» (что это значило, никто из информаторов не помнил). После этого крестные выводили невесту и жениха из-за стола и подводили к родителям для благословления. В с. Жегалово крестная сопровождала молодых весь первый день свадьбы и никому не разрешала между ними пройти [4]. Сначала благословляла мать, потом отец, крестный и крестная: молодые вставали на колени и целовали сначала икону, а потом родителей. После благословления невесту и жениха сажали в свадебный поезд в разные повозки. Причем невеста, сидевшая в повозке на постели, была покрыта платком. Вокруг поезда собиралась толпа, которая кричала что «невеста кривая», жених открывал ей лицо и целовал. Перед отъездом в церковь дружки три раза обходили свадебный поезд для защиты от колдунов и т.д. Проводы невесты сопровождалась причитаниями подруг и родственников невесты [1].

Отъехав на небольшое расстояние от дома невесты, свадебный поезд останавливался, дружки возвращались обратно и приглашали родных невесты в гости. За-

тем ехали венчаться в церковь, при этом дружки ехали впереди поезда и возвещали о том, что едет праздничный поезд.

В церковь гостей не пускали, они ждали около церкви. При венчании присутствовали только крестный и крестная, а сопровождала молодых «проводатка» (мужнина сестра или золовка). Перед аналоем она стелила на пол кусок холста, на который вставали молодые. Существовала примета: кто быстрее на холст ступит, тот будет командовать в семье. Поп спрашивал молодоженов поочередно, с охотой ли женятся. После утвердительного ответа они трижды менялись кольцами, на головы им надевали венцы и три раза проводили вокруг аналоя, затем они целовали крест и целовались сами [1].

Из церкви после венчания ехали в дом жениха, где молодую пару встречали родители жениха с хлебом и солью, благословляли иконой и обсыпали хмелем, чтобы они были бы такими же молодыми, а невеста была легка на ногу. При этом невеста должна была впервые назвать свекра и свекровь отцом и матерью. В Темниковском районе среди русского населения был распространен обычай в первый день свадьбы сажать невесту и жениха отдельно от гостей. Чаще всего их отводили в баню, конюшню, амбар, к соседям, куда их провожал специальный человек (проводатка), иногда молодых сажали за голландку, где для них был накрыт отдельный стол. Вслед им били горшки, считалось что так отгоняют колдунов [1]. В это время все гости со стороны жениха гуляли в избе. Позже в дом жениха приходили родственники со стороны невесты (горные), их угощали и только тогда приводили молодых, которые кланялись отцу с матерью, родственникам и гостям. В с. Подгорные Селищи при этом говорили: «Молодых-то привели, а паутину не смели», и невеста начинала сметать «паутину» [1]. Затем молодых сажали вместе со всеми за стол, давали им на руки ребенка, что символизировало пожеланию детей в семье. Свекор брал в руки кнут и стучал по столу, как бы стращая их. Родственники невесты и жениха отец с матерью «дарили» молодых, а невеста одаривала родню мужа. В некоторых селах после приезда из церкви и благословления родителями молодых сначала вели в дом, где сажали за стол, невесте на руки передавали ребенка, которого она потом передавала жениху, и уже после этого их уводили в соседний дом [1].

Сама свадьба – это обычай, который менял социальный статус женщины, она становилась замужней женой, что отражалось в ее одежде, головном уборе и причёске [2, с. 97]. После свадьбы молодая женщина заплетала две косы и носила повойник. Так, в с. Жегалово, по воспоминаниям Марии Николаевны Гуриной, когда невесту привозили в дом жениха, ей расплетали девичью косу и заплетали как у замужней женщины [4]. В с. Подгорные Селищи в доме жениха невесте заплетали косу, наряжали в свадебный наряд («переряжали»), на невесту надевали черный с красными цветами платок, бусы [1].

Как отмечали информаторы, свадьбу играли широко, несколько дней, обычно три дня. В старые времена в первый день свадьбы родня невесты гуляла у невесты дома, жениха – у жениха, на второй день все гуляли у родни жениха, на третий день родные жениха и невесты гуляли «вскладчину». В некоторых селах, например, в с. Жегалово, в первый день гуляли у жениха, на второй день – у невесты. На тре-

тий день свадьбы гуляли только молодежь и близкие родные, делали складчину или гуляли каждые у себя [4]. Позднее такого разделения уже не было, на праздничном пиру все гуляли вместе.

Праздничный стол старались разнообразить, но, несмотря на это блюда на свадебном столе были скромные: брага, квас, самогонка, мясо, солянка из капусты, картошка, рыба, холодец, пироги (с яблоками, калиной, морковью), пироги – «евачки» с изюмом и рисом, пышки, блины, драчена, щи, каша и т.д. [1]. По воспоминаниям Филиной Марии Михайловны из с. Ишейки, закуска была очень скромная, бедная: квас, щи из кислой серой капусты, кое у кого пироги, блины, каша, картошка [10].

В более позднее время в меню свадебного стала появляются холодные блюда – салаты, мясные и рыбные нарезки, колбасы, все, что можно купить в магазине, и свои приготовления; исчезли щи и каша. Так, в с. Жегалово на свадьбу готовили мясо свинины, тушили картошку, капусту, пекли пирожки, блинчики; подавали фрукты и овощи. Гнали самогон, варили брагу и квас [4].

Утром, на второй день родня невесты ходила искать ярку, иногда барана (т.е. жениха). Для этого наряжались в вывернутые овчиной наружу тулупы, переодевались в «цыган», «милиционеров» и др., в одежду противоположного пола и т.д. [2, с. 97] и приходили в дом жениха, где ряженные от жениха вместо молодой представляли какую-нибудь старуху, наряженную невестой. Все сопровождалось шуточными действиями: ряженных заставляли колоть, пилить дрова и т.д. В с. Подгорные Селищи второй день свадьбы назывался «святошница»: ряженные встречали родню невесты, пришедших «искать ярку», угощали, сажали за праздничный стол [1]. В с. Аксел на второй день свадьбы, по воспоминаниям информаторов, ряженные ходили с четвертью вина и всех угощали, это называлось «ходить на кабак», при этом ряженные шуточно падали, а молодожены должны были их поднимать [6].

В Темниковском районе в некоторых селах до середины XX в. сохранялась традиция смотреть, какая молодая невестка хозяйка. Для этого на следующий день после свадьбы девушку поднимали рано утром и смотрели, что она может делать. Может ли растапливать и топить печь, ходить по воду, мести и доить корову. В более позднее время все это приобрело шуточную форму. В с. Подгорные Селищи, например, наутро после свадьбы молодая подметала пол, а ряженные гости сорили, бросали деньги, бумажки, разбивали горшки. Распространен был и обычай отправлять молодую за водой к колодцу, по дороге ее старались облить водой (не обольет в том случае, если жених выбежит и предложит выпить) – это называлось «обмывание» молодых [1]. В с. Жегалово, по воспоминаниям Марии Николаевны Гуриной (1938 г.р.), утром на второй день свадьбы подружки невесты ходили с прибаутками искать невесту в дом жениха. Невесту найдут, ведут с женихом к колодцу, заставляли жениха доставать воду из колодца, а невесту носить воду в решете [4].

По воспоминаниям информаторов, у русских Темниковского района большинство свадеб происходило по сватовству, хотя в прошлом существовали и такие виды свадьбы, как «самокрутка», умыкание невест, чаще с их согласия [1].

В современной свадьбе в русских селах Темниковского района общая традиционная структура сохранилась (сватовство, выкуп невесты, благословление молодых и др.), хотя несколько видоизменились отдельные обряды. Некоторые из них были утрачены, другие же упростились, потеряли первоначальный смысл. Можно сказать, что сейчас это гражданская церемония с элементами традиционной свадьбы.

Источники и литература

1. НА НИИ ГН. И-1687. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и МНИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. 1973 г. Темниковский район. 54 л.
2. Народы Мордовии: Ист.-этногр. исслед. – Саранск, 2012. – 608 с.
3. ПМА: Батукова Пелагея Егоровна, 1931 года рождения, с. Старый Город Темниковского района РМ, записи 2021 г.
4. ПМА: Гурина Мария Николаевна, 1938 года рождения, с. Жегалово Темниковского района РМ, записи 2021 г.
5. ПМА: Зуева Татьяна Матвеевна, 1931 года рождения, с. Аксел Темниковского района РМ, записи 2021 г.
6. ПМА: Игошева Валентина Ивановна, 1938 года рождения, с. Аксёл Темниковского района, записи 2021 г.
7. ПМА: Полшкова Лидия Васильевна, с. Русское Караево Темниковского района РМ, записи 2021 г.
8. ПМА: Сиздорова Татьяна Петровна, 1940 года рождения, с. Жегалово Темниковского района РМ, записи 2021 г.
9. ПМА: Точилкина Любовь Емельяновна, 1919 года рождения, д. Третьяково Темниковского района РМ, записи 2021 г.
10. ПМА: Филина Мария Михайловна, 1934 года рождения, с. Ишейка Темниковского района РМ, записи 2021 г.
11. Федянович Т.П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века – 1980-е годы). – М., 1997. – 184 с.

УДК 902:39(=511.152)

А.С. Пронин, Е.Н. Кемаев

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

ПОЧИТАНИЕ КОНЯ У ФИННОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Статья посвящена религиозным обрядам, связанным с конем, финнов Среднего Поволжья с древности до начала XX в. Рассмотрен вопрос зарождения и дальнейшего развития культа коня. По материалам могильников удалось установить истоки, распространение, эволюцию традиции конских захоронений среди финского населения рассматриваемой территории.

Ключевые слова: культ коня, мурома, азелинская культура, мордва, конские погребения, конское снаряжение, погребальный обряд, зооморфные украшения, ритуальный обряд.

VENERATION OF A HORSE AMONG THE FINNS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN HISTORICAL RETROSPECT

The article is devoted to religious rituals with a horse among Finns of the Middle Volga region from antiquity to the beginning of the twentieth century. The question of the origin and further development of the cult of the horse is considered. Based on the materials of the burial grounds, it was possible to establish the origins, distribution, evolution of the tradition of horse burials among the Finnish population of the territory under consideration.

Keywords: horse cult, Murom, Azelin culture, the Mordvins, horse burials, horse equipment, funeral rite, zoomorphic decorations, ritual rite.

Кульť коня возник в эпоху производящего хозяйства, когда возросло хозяйственное значение коневодства у скотоводческо-земледельческих племен лесной зоны. В эпоху раннего железного века в Волго-Окском междуречье, на Верхней Оке, в Верхнем Поволжье и Прикамье конь в составе стада занимал ведущее место [7]. С появлением и развитием пашенного земледелия роль коня не уменьшилась, а возросла. Поэтому и в позднейшее время, когда аграрный кульť вытеснил промысловые культы (оленя, лося, медведя), кульť коня не утратил своего значения и сохранился дольше других.

В научных трудах Н.Я. Марр показал, что конь как средство передвижения функционально заменил собой оленя [9]. Археологические работы на Алтае в 1929 г. подтвердили факт функциональной смены оленя конем: в погребении была найдена лошадь с оленьей маской на голове. Этот факт был сразу оценен как реальное подтверждение палеонтологически вскрытой Н.Я. Марром смены оленя конем [12, с. 27]. Академик И.И. Мещанинов дал подробное объяснение двух погребенных лошадей, из которых одна была замаскирована оленем и олицетворяла солнечное, светлое начало, а другая была замаскирована змеем и олицетворяла преисподнюю, божество мрака и зла [11].

Исследования мировоззрения древних индоиранских народов (II–I тыс. до н. э.) показали, что образ коня занимал в нем важнейшее место. Судя по древнеиндийской мифологии, единым зооморфным образом Вселенной был конь (ашва). С антропоморфизацией богов роль коня меняется: он становится инкарнацией различных богов индоиранского пантеона. В коней воплощаются древние боги. А.К. Акишев в своих исследованиях отмечает, что конь в то время относится, прежде всего, «к богам соляного цикла, семантически связанным с космогонией».

Конь занял важное место в космогонических представлениях скотоводов и земледельцев. По мнению Б.А. Рыбакова, уже в бронзовом веке среди степных скотоводов зародилось представление о связи коня с дневным путем солнца. В ночном пути по подземному Мировому океану солнце влекли ладья или утка [14].

Фольклор и этнография финно-угорских народов сохранили представление о «небесных» и «солнечных» конях и о связи их с водной стихией. Образ коня-солнца

есть в «Калевале». У удмуртов на празднике встречи весны – Гуждор – солнце олицетворял юноша в белой одежде на белом коне. Роль коня прослеживается в марийском представлении об овдах. С.К. Кузнецов говорит об овдах очень кратко. Он сообщает, что на самой высокой возвышенности Заделья черемисы указывают жилище Овыды, черемисской Бабы-яги. По их понятиям, это скачущая на коне женщина с длинными волосами и косматой шерстью. Причем «солнечных» коней овда «замучивает» быстрой ездой и выступает как представительница преисподнего мира [8].

Обожествление лошади было характерной чертой древней мордовской религии, это явление может быть продемонстрировано многими обычаями, сохранившимися до наших дней; так, например, на праздник Сошествия святого духа на апостолов в Симбирской провинции был обычай наряжать двух мужчин в лошадь, шею которой украшают колокольчиком, на лошади верхом сидит мальчик, а вся остальная молодежь деревни идет следом за лошадью через деревню к полям, куда приносят яичницу (ал-пачалксе), и там все вместе съедают ее; обед завершает лошадь, rozdранная на куски [15, с. 72].

Образ коня присутствует и в ювелирном деле древнего и средневекового населения. Зооморфные подвески из бронзы и рога в I – начале II тыс. н. э. были одним из любимых женских украшений народов Поволжья и Прикамья. Эти украшения принадлежат к числу наиболее ярких элементов средневековой материальной культуры. Они характеризуют уровень развития ювелирного производства, раскрывают художественные и эстетические представления древнего населения обширных территорий. В эпоху Средневековья коньковые шумящие подвески характерны для всех финских племен Поволжья. Бронзовые изделия с изображением коней являются исключительно женскими украшениями, которые носили их в качестве оберегов-амулетов. Они должны были обеспечить их владелице не только защиту и благополучие, но и принести ей плодородие. В редких случаях, когда встречаются в мужских погребениях, они обычно помещены в берестяной туесок – очевидно, это дар вдовы.

Многочисленность подвесок-амулетов и бытовых предметов с изображениями коня на рассматриваемой территории свидетельствует о том, что конь занимал важное место в идеологических представлениях финского населения того времени. В этом убеждают также и ритуальные захоронения коней, известные у ряда древних финских этносов региона. Погребения коней встречаются в могильниках азелинцев, мордвы, муромы, мери [13]. Конские погребения делятся на две большие основные группы: I – отдельные конские погребения, когда в могильной яме располагаются один или несколько коней. Конь помещался в погребальную камеру как целым или в расчлененном виде, а также могли помещаться только его черепа (иногда с черепом помещались передние конечности); II – конь захоронен вместе человеком. В эту группу вошли погребения человека с целым остовом коня, конскими черепами и ритуальные погребения с конскими зубами. Также к этой группе относятся погребения, в которых вместо целой туши коня в погребальную камеру помещали его части, шкуру или чучело из шкуры (в таких погребениях находят черепа и кости ко-

нечностей), а также погребения, в которых конь представлен анатомически правильно разложенной конской упряжью (удила, ботала, стремяна, седла, подпружные пряжки). Группы делятся на отделы, в зависимости от помещения в могилу целых туш лошади или ее частей. Каждый отдел делится на типы по способу положения коня в погребении: на брюхе, на правом или левом боку и т.д. Типы, в свою очередь, делятся на варианты по ориентировке положения коней и людей.

По мнению Л.А. Голубевой, традиция ритуальных конских погребений у народов Поволжья берет начало от погребений Андреевского кургана, где в трех погребениях воинов находились расчлененные части коней — черепа и кости ног, лежащие вдоль головы умершего. Тот же обряд обнаружен в погребении азелинской культуры Волго-Вятского междуречья (могильники Атамановы кости, Мари-Луговской, Уржумский) и близ Камы (могильники Рождественский V, Усть-Брыскинский, Полянский III у с. Нармонка).

В трех погребениях Мари-Луговского могильника рядом с человеком были обнаружены части лошадиных туш, располагавшиеся слева от покойника, вдоль восточного края могильных ям. В погребении 39 и 40 — череп и кости конечности, в погребении 14 — кости конечностей. Кроме конских костей в могиле находились также кольчатые железные удила. Захоронения частей туши лошади с погребенным не характерны ни для вятских (азелинских), ни для волжских могильников IV–V вв., кроме одного случая в могильнике Атамановы кости. Поэтому три случая положения частей лошадиных туш в Мари-Луговском могильнике следует рассматривать как южное позднесарматское влияние. И.В. Синицин считает, что обычай класть в могилу кости коня, а именно череп с копытами, типичен для позднесарматских погребений. При этом положение костей коня является ритуальной особенностью не только для мужских погребений, но и для женских, что подтверждают погребения 14, 39, 40 Мари-Луговского могильника.

Наибольшее количество погребений азелинской культуры с остатками коня наблюдается на могильниках Нижнего Прикамья. В более северных районах расселения азелинских племен таких погребений сравнительно немного. Широкое распространение такого погребального обряда требует специального объяснения. Судя по археологическим материалам, положение Нижнего Прикамья в середине I тыс. н. э. в политическом отношении было беспокойным. Погребальный инвентарь многих могильников, в том числе и азелинских, представлен большим количеством оружия. Военные столкновения могли происходить не только среди групп азелинской культуры, но и с другими этническими группами. В этих условиях азелинские воины могли использовать коня. Погребения с остатками коня отражают процессы дифференциации общества, которая была обусловлена в первую очередь социально-экономическим развитием.

Следующим по хронологии памятником, где появляется и развивается обряд конских захоронений, является Безводинский могильник, в котором данный погребальный обряд появляется примерно с VI в. У летописной муромы традиция захоронения коней появляется начиная с VIII в. и исчезает к концу X в. Погребения осуществлялись по обряду трупоположения в подпрямоугольной яме средних разме-

ров (иногда незначительно шире и глубже погребений людей), ориентированной по линии С – Ю. Конь был уложен, в большинстве случаев, на бок с вытянутыми или подогнутыми конечностями, или на брюхо с подогнутыми конечностями и вытянутой шеей, головой к северу и близким направлениям в более чем половине случаев. Более половины погребений животных относятся к «бедным» комплексам, около трети их по наличию жертвенно-поминальных комплексов относятся к «богатым». Большая часть захороненных коней была молодыми особями, не приспособленными еще к верховой езде; убиты и погребены они были без сбруи. Мужские погребения с конями обычно выделяются богатством инвентаря; в некоторых случаях при них находились и женские захоронения.

Типы погребений коней в ранних и поздних могильниках муромы если не идентичны, то сходны; это касается и господствующей южной ориентировки. При погребении целых остовов кони укладывались в могилу на брюхе, с подогнутыми ногами.

Накопление сведений о конских захоронениях на мордовских могильниках началось в XX в., когда на территории Лядинского могильника было выявлено конское погребение. В 1928 г. П.П. Иванов обнаружил в Пановском могильнике погребение коня, сопровождавшее мужское захоронение. Погребение коня в одной могильной яме с останками человека в Аткарском могильнике исследовал в 1927 г. Н.К. Арзютов. Отдельное захоронение коня открыл в 1959 г. М.Ф. Жиганов при раскопках Волчихинского могильника. В 1964 г. конское погребение было исследовано в Кельгининском могильнике. В 1971 г. М.Ф. Жиганов обнаружил еще одно захоронение на территории Абрамовского могильника.

Найденные отдельные конские захоронения поставили исследователей перед фактом существования у средневековой мордвы особой черты погребального обряда. Однако немногочисленность таких погребений не позволяла считать эту черту существенной. Обычно все предположения об их происхождении сводились к ритуалу жертвоприношения, которое предназначалось всем умершим родственникам и совершалось перед началом функционирования могильника. Не совсем понятным оставалось, почему жертвенные животные в части случаев были погребены с полным снаряжением (удилами, стремянами и др.) и изредка сопровождали человеческие захоронения. Пересмотр сложившихся мнений произошел после исследований мордовских могильников Нижегородской области, проводившихся с 1980-х гг. В.Н. Мартыновым. Здесь, в бассейне р. Теши, в могильниках конца I – начала II тыс. к 2001 г. открыто 24 конских захоронения, а также погребения людей с частями конских костяков (черепами), которые мы склонны оценивать как конские захоронения [10, с. 15].

На сегодняшний момент известно не менее сорока отдельных конских захоронений и захоронений человека с целым костяком коня или его фрагментами (черепами). С открытием в 1996 г., а затем и в 1999–2000 гг. серии из 8 конских захоронений на Кельгининском могильнике стало очевидно, что конские захоронения являются не только особенностью погребального обряда мордвы-эрзи. Древний обряд захоронения коней продолжал бытовать в среде мордвы вплоть до конца XIV в. Погребения с конями были обнаружены в Аткарском и Муранском могильниках, кото-

рые представляют южные и восточные границы расселения мордвы в ордынское время.

По мнению большинства исследователей, культ коня в I тыс. н. э. в погребальной практике населения Среднего Поволжья был привнесенным элементом культуры и формировался из разных источников, в зависимости от времени и территории. Ученые сходятся во мнении, что в целом культ коня в данном регионе следует рассматривать как часть этнических традиций, имеющих истоки в балто-финской и тюркской среде. Но в большей степени конский ритуал в это время выступал как символ социальной статусности.

С.В. Святкин считает, что, судя по сравнительной немногочисленности конских захоронений и захоронений человека с конем среди рядовых погребений в мордовских средневековых могильниках, этот обряд применялся в древности в особо исключительных случаях, возможно, при погребении умершего неестественной смертью старейшины племени или военного вождя [15, с. 61].

Таким образом, выделяются несколько предположений о причинах возникновения отдельных конских погребений и захоронений коня с человеком, которые подтверждаются археологическим и этнографическим материалами. Лошадь была не только предпочитаемой жертвой божествам за предоставленные им блага, а также верным соратником в бою, хозяйстве и надежным проводником в загробный мир.

Первым, кто обратил особое внимание на обряд захоронения коней у муромы, был В.А. Городцов, исследовавший Подболотьевский могильник. Им отмечены погребения с конем и погребения с частями конского скелета. Они рассматривались им как два этапа эволюции одного погребального обряда. Появление одиночных конских захоронений ученый связывает с тем, что животные могли быть принесены в жертву душам предков или божеству, охраняющему эти души [5, с. 81–85].

О сущности одиночных конских захоронений Ю.А. Краснов высказал несколько предположений. Во-первых, конские захоронения могли являться погребениями верховых коней, сопровождающими погребения всадников. Однако такому предположению противоречит ряд обстоятельств. Как уже указывалось, около половины обнаруженных в могилах костяков лошадей принадлежали молодым особям, которые не могли использоваться в качестве верховых животных, иногда фактически – жеребятами. За единственным исключением, они не сопровождались конской сбруей, что можно было бы предполагать при захоронениях верховых коней. Наконец, само расположение конских погребений на площади могильника не позволяет связать большинство из них с теми или иными конкретными погребениями людей. Во-вторых, конские захоронения можно рассматривать как кенотафы, сооруженные в память конных воинов, погибших на чужбине. Однако в этом случае они должны были содержать какие-то вещи, что не наблюдается. С этой точки зрения непонятным является расположение большинства конских погребений группами или особыми рядами между рядами могил человека [7].

Возникновение обряда погребения коней у мордвы В.И. Вихляев связывает с социальным фактором. В XI–XIII вв. мордва достигла такого уровня общественного развития, когда у нее стала формироваться конная профессиональная дружина. Из лето-

писей известно, что войско мордвы начало одерживать победы даже над древнерусскими княжескими дружинами. В среде мордовских дружинников мог оформиться культ коня, возникнуть обычай погребения с воином его боевого соратника [3].

Другой возможной причиной появления захоронений коней у мордвы, по мнению В.И. Вихляева, могло быть иноплеменное влияние. Среди соседей мордвы наиболее древний устойчивый обычай погребения коней на родоплеменных могильниках есть лишь у муромы на Нижней Оке. Конские погребения здесь известны с VI в. При этом у муромы имеются все виды конских погребений, известные у мордвы X–XI вв. Распространение конских погребений, характерных для муромы, у мордвы является весомым свидетельством внедрения с X в. в ее среду муромского населения. При этом волна муромских переселенцев достигла не только земель их ближайших соседей – эрзи, но и более отдаленных районов расселения мокши [3].

В сознании и материальной культуре позднейших поколений населения севера и лесной зоны Восточной Европы язычество оставило глубокий след. Еще в XIX в. мордва в Нижегородской губернии хоронила мужчин с уздечкой [4, с. 29].

Исследователь В.В. Богданов сообщает о том, что обряд захоронения животных существовал у крестьян Владимирской области вплоть до первой четверти XX в. Он пишет, что крестьяне верили, что у скотины такой же дух, как у человека, и павшую скотину торжественно везли на кладбище. Он также полагает, что современные погребения животных во Владимирской области являются пережитками именно того обряда, который существовал у местного финского населения в Средневековье [2].

Конь приносился в жертву и затем становился в некотором роде даже объектом религиозного поклонения, культовый смысл которого для нас уже перестал быть понятным.

Существует описание ритуального умерщвления коня мордвой у венецианского путешественника Джозефа Барбаро, который побывал на территории Среднего Поволжья в XV в. и здесь познакомился с уникальным мордовским обычаем. По его словам, мордва в определенное время убивали приобретенную сообща лошадь. Из ее шкуры делали чучело, которое водружали на дерево. Сюда приносили дары и здесь же совершались моления [1, с. 23]. О существовании обычая принесения в жертву домашних животных докладывал уездный землемер Милькович в 1783 г. Причем мордва, «сваря жертвоприносимое, повторяют свои молитвы, а потом оно едят..., кровь тех заколаемых животных спускают они в ямочку и засыпают сверху; да и от самой жертвы несколько частиц кладут туда же, кости бросают в реки, а шкуры берут за себя» [1, с. 23].

У английского путешественника XVI в. Д. Флетчера мы находим следующее: «Если у кого из них (мордвы) умрет его приятель, то он убивает своего лучшего коня и, содрав с него шкуру, несет ее на длинном шесте впереди покойника, на кладбище. Это они делают (как сказывают русские) для того, чтобы у приятеля был добрый конь, на котором бы он мог доехать на небо, но вероятнее в знак любви, которую оставшийся в живых питает к своему лучшему другу, желая, чтобы вместе с ним умерло самое дорогое для него животное...».

Яркие проявления культового почитания коня наблюдались у марийцев. А.И. Емельянов в 1919 г. наблюдал ритуал жертвоприношения коня в д. Нурумбал (граница Уржумского и Царевококшайского уездов). Он пишет, что выбранного в жертву коня водили по домам и считали за счастье предложить ему угощение в виде овса. Вешали ему на шею дары в виде полотенец и т.д., липовая уздечка, надеваемая на культового коня и имеющая особое культовое значение, представляет собой, по всей вероятности, пережиток лубяной маски с оленьими рогами, которая была найдена при раскопках кургана в урочище Пазырык на Алтае и которая обозначала солнечное божество.

Ведение жертвенного животного из деревни в священную рощу совершалось под музыку гуслера. Впереди шел жеребец для жертвы главному богу. Его вел молодой крестьянин, который отыскал по указанным жрецом признакам коня. После заклания шкура животного вешалась на дерево в священной роще [6, с. 7–9].

Шкура жертвенных животных особо почиталась и много позднее. М.Е. Евсеев во время своих многочисленных поездок по мордовским деревням зафиксировал обычай развешивания шкур жертвенных животных (лошади или коровы) на сучьях дубовых деревьев. Считалось, что в снятой с лошади шкуре заключались волшебные свойства [15, с. 72].

Итак, мы видим, что с древности и до недавнего времени кони играли существенную роль в жизни многих народов. Образ коня в стилизованном виде присутствовал в декоре так называемых коньковых подвесок, которые играли роль оберегов, призванных охранять носящего их человека от множества жизненных напастей. В народном творчестве, в мифологии сохранились тому подтверждения — кони являются героями мифов, сказок, пословиц и даже примет. Конь выступал проводником умерших в загробный мир. Также известно, что существовали обычаи приносить коней в жертву. Им же посвящались празднования с ритуально-магическими обрядами, где кони возводились в ранг священных животных. Все это неудивительно, ведь конь был главным помощником в хозяйстве.

Источники и литература

1. Алихова А.Е. Из истории Мордвы конца I - начала II тысячелетия н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. – С. 13–59.
2. Богданов В.В. Древние и современные обряды погребения животных в России // Этнографическое обозрение. – 1916. – № 3–4. – С. 86–122.
3. Вихляев В.И. Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Гуманитарные науки и образование: материалы I Сафаргалиевских научных чтений. – Саранск, 1997. – С. 114–118.
4. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. – М.: Наука, 1979. – 112 с.
5. Городцов В.А. Погребения животных в муромских могильниках // Этнографическое обозрение. – 1916. – № 3–4. – С. 81–85.
6. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1920. – Т. XXXI. – Вып. 4.
7. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего Средневековья). – М.: Наука, 1980. – 224 с.

8. Кузнецов С.К. Черемисские мольбища, жреческая иерархия и жертвенные пиры. Село Сернур Уржумского района // Святыни. Культ предков. Древняя история. – Йошкар-Ола, 2009. – С. 73–76.

9. Марр Н.Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории (К языку языкознания с историей материальной культуры) / АН СССР. Кав. Ист.-археол. ин-т в Тифлисе. – Л., 1926. – 48 с.

10. Мартыанов В.Н. Древняя история Арзамасского края. – Арзамас: Гос. пед. ин-т, 2004. – 360 с.

11. Мещанинов И.И. О применении лингвистических материалов при исследовании вещественных памятников // Сообщ. ГАИМК. – 1932. – № 1–2. – С. 6–12.

12. Мещанинов И.И. Отчёт о работах Ольвийской экспедиции // Сообщ. ГАИМК. – 1931. – № 2. – С. 23–24.

13. Пронин А.С. Классификация конских погребений финнов Среднего Поволжья VI–XIII вв. // Вестн. НИИГН при Правительстве РМ. – 2019. – № 1. – С. 120–129.

14. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского Средневековья // Вопр. истории. – 1974. – № 1. – С. 3–30.

15. Святкин С.В. Очерки военного дела мордовских племен в I – первой половине II тыс. н. э. – Саранск, 2012. – 126 с.

УДК 908 63

Я.М. Санникова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АНАБАРА ЯКУТИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Статья посвящена традиционным хозяйственным занятиям коренного населения Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса Якутии, являющимся исторически сложившейся основой традиционного образа жизни коренных этносов. Первоначально район проживания населения по бассейнам рек Хатанга и Анабар представлял собой единую территорию, названную Хатанго-Анабарским краем. Здесь на основе ранее апробированных публикаций автора представлено развитие традиционного хозяйства Анабара, одного из показателей системы культурного ландшафта всего изучаемого Хатанго-Анабарского региона в течение прошлого и в начале нынешнего столетий.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, Арктика, Анабар, Якутия, культурный ландшафт, коренные народы.

Y.M. Sannikova

TRADITIONAL ECONOMY OF THE INDIGENOUS POPULATION OF ANABAR OF YAKUTIA IN THE 20th – EARLY 21st CENTURIES

The article is devoted to the traditional economic occupations of the indigenous population of Anabar national (Dolgan-Evenki) ulus of Yakutia, which are the historically established basis of the traditional way of life of indigenous ethnic groups. Initially, the area of population living

in the basins of the Khatanga and Anabar rivers was a single territory called Khatanga-Anabar region. On the basis of previously approved publications of the author, the development of the traditional economy of Anabar, one of the indicators of the system of the cultural landscape of the entire studied Khatanga-Anabar region during the past and at the beginning of this century is presented here.

Keywords: traditional economy, Arctic, Anabar, Yakutia, cultural landscape, indigenous peoples.

Естественными хозяйственными занятиями для природных условий этой арктической территории со времен заселения были тундровое разведение оленей, рыболовство и охота. Регион населяли исконные оленеводы, они содержали оленей в большом количестве, использовали их как средства передвижения для перекочевков, для охоты на пушных зверей, для рыболовства на многочисленных озерах и реках анабарской тундры. Летом собирали дикоросы (голубицу и морошку), птичьи яйца, добывали гусей и уток, а зимой – куропаток [1, с. 66; 8]. По данным экспедиции П.В. Слепцова, в Хатанго-Анабарском районе в конце 1920-х гг. (1928 г.) у местного населения в 284 хозяйствах было более 35 тыс. голов оленей. В рыболовстве преобладала добыча озерного чира и на реках добывали муксун, омуль, нельма, также чир и др. По району в хозяйствах имелось 1375 волосяных сетей, 1875 нитяных сетей, 24 невода, 18 лодок, 181 ветка. В охотничьем промысле использовались 18708 пастей, 691 капкан, 84 чаркана [3, л. 6, 6 об., 11, 14, 16]. Ко времени создания Анабарского района Якутии в 1930 г. коренное население, ведущее кочевой образ жизни тогда еще на территории единого края, жило благодаря исторически сложившейся промыслово-олeneводческой деятельности комплексного северного хозяйства. В пределах якутской части территории местное население кочевало тремя локальными группами – Джессейской, Саскылахской, Анабарской.

В советский период государственная политика экономического развития Севера, в том числе Анабарского района, вынуждала традиционное хозяйство испытать все трансформационные процессы как в самой организационной системе хозяйствования, так и в целом в исконно сложившемся укладе жизни коренного населения. С 1932 г. в районе начался процесс реализации политики коллективизации. Были вначале организованы четыре товарищества, объединившие кочевые личные хозяйства, занимавшиеся разведением домашних оленей, известно, что у них было 3318 голов оленей. В этот период 15700 голов оленей были угнаны в Булунский оленсовхоз, поголовье в основном принадлежало ранее зажиточным хозяйствам Анабара. В 1940 г. товарищества были реорганизованы в колхозы: в Анабарском наслеге – «Красная звезда» и им. Ворошилова, в Саскылахском – «Кузница оленевода», в Джессейском – им. Челюскина. Всего в этих четырех колхозах насчитывалось 14347 голов оленей. В военные годы результаты традиционной хозяйственной деятельности, как и по всей стране и республике, служили приближению мирной жизни, например, были сданы государству 17166 шкурок белого песца, и в 1942 г. по заказу Дальстроя в Аллах-Юнь Усть-Майского района были перегнаны 9 тыс. голов оленей, что было сверхдальним перегоном в условиях Крайнего Севера.

В 1950-е гг. традиционные отрасли развивались в рамках двух укрупненных колхозов – им. Ленина и им. Ворошилова, именно в это колхозное десятилетие анабарские труженики стали известны на весь Советский Союз. В 1954 г. бригада оленеводов колхоза им. Ворошилова, руководимая И.К. Спиридоновым, довела сохранение взрослого поголовья оленей до 98,2%, деловой выход туготов – до 95,5%, в 1955 г. – 99,1% и 99,7%, в 1956 г. – 96,4% и 94,7%, в 1957 г. – 99,7% и 95,9% соответственно. В 1957 г. Илье Спиридонову первым среди оленеводов СССР было присвоено звание Героя Социалистического Труда, церемония вручения состоялась в родном наслеге, в селе Юрюнг-Хая в октябре. Добыча пушнины тоже была успешной, в 1957–1958 гг. по району было добыто 5065 песцов на сумму 1991229 руб., что являлось выполнением плана на 216,4% [1, с. 107–109; 8]. В совхозный период, начиная с 1961 г. и до 1983 г. традиционные отрасли развивались в системе совхоза «Анабарский». В начале совхоз имел 21700 голов оленей, 95,7% (180 тыс. руб.) прибыли хозяйства поступала от оленеводства. Также промысел белого песка составил 92 тыс. руб., валовой улов рыбы – 68 тонн. В 1983 г. произошло разукрупнение совхоза района, Юрюнг-Хаинское отделение стало самостоятельным совхозом «Северный». Всего в обоих совхозах к этому времени было 23 тыс. голов оленей. За 1986–1990 гг. было сдано 1860 тонн мяса домашнего оленя, 225 тонн рыбы и добыто пушнины на 820 тыс. руб. [1, с. 107–109; 8].

В первый постсоветский период трансформации традиционное хозяйство Анабара переживало, по сравнению с другими арктическими районами Якутии, относительно благополучно в том плане, что спад поголовья оленей был одним из низких в республике. Тем не менее анабарские хозяйства потеряли общественное поголовье оленей в двух муниципальных унитарных предприятиях «Арктика» и им. Героя Труда И.К. Спиридонова, организованных на базе двух совхозов, с 25024 голов в 1991 г. до 17791 головы в 1999 г., то есть сокращение составило 28,9% за весь период [5; 8]. В промыслах 20% рыбы и 25% пушнины в этот сложный период реализовывались через унитарные предприятия, остальная часть была использована охотниками и рыбаками для собственного потребления и реализовывалась для собственных нужд. Это было связано с резко снизившейся закупочной ценой на промысловую продукцию, с финансовыми трудностями предприятий, принимавших ее, с вопросами необеспеченности сбыта и катастрофическим повышением цен на ГСМ и транспортную перевозку.

На фоне трансформаций системного кризиса в аграрной экономике постсоветского периода традиционные хозяйственные занятия коренного населения на примере общественного домашнего оленеводства Анабарского региона Якутии в полной мере испытали на себе изменения, усугубленные природными – погодно-климатическими и земельно-ресурсными факторами. При этом позицию коренного населения по отношению к проблемам и перспективам развития традиционного хозяйства можно считать транслируемой официальной позицией муниципальных органов власти на месте. Так, на страницах районной газеты «Анаабыруоттара» в феврале 1993 г. были подведены итоги социально-экономического развития района за первый постсоветский 1992 г. Кроме всего прочего глава улуса Н.Е. Андросов

остановился на значении традиционного хозяйства для жителей Анабара, обозначив: «Наш район, его коренное население ориентированы на развитие традиционных отраслей северного сельскохозяйственного производства и таковыми останутся, пока существуют малочисленные этносы Севера. В данное время в традиционных отраслях хозяйства – оленеводстве, охотничьем и рыбном промыслах и в обслуживающей их сфере – занято 25,7% трудоспособного населения и объем сельскохозяйственного производства составляет 2/3 объема годового национального продукта района. Это значит, что от уровня развития этих отраслей экономики района зависит благополучие и возрождение коренного населения района. Вот почему администрация района обязана разработать и добиваться последовательно реализации хорошо продуманной, всесторонне обоснованной программы развития сельскохозяйственного производства независимо от форм собственности» [6, с. 170].

В так называемый модернизационный период 2000-х гг. были закреплены концептуально на районном уровне хозяйственные позиции коренного населения и ценность традиционных отраслей Севера в лице муниципального руководства и активно настроенной общественности коренных малочисленных народов Севера. И в современные 2010-е гг. в муниципальных программных документах Анабарского улуса достаточно четко обозначено, что хозяйственное значение представляют только традиционные отрасли хозяйствования – домашнее оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы – первооснова выживания, возрождения и развития малочисленных народов Севера; подчеркнуто, что базовая отрасль экономики улуса является основой традиционного уклада жизни и сферой занятости коренных народов улуса [8]. Так, в 2019 г. была принята муниципальная программа «Развитие сельского хозяйства и продовольствия Анабарского улуса на 2020–2024 годы», разработчиком которой являлось МКУ «Анабарское управление сельского хозяйства». Основанием для разработки программы явились следующие документы: Закон Республики Саха (Якутия) от 15.12.2010 881-З № 639-IV «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов РС (Я) отдельными государственными полномочиями по поддержке сельскохозяйственного производства»; Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2020–2024 годы»; Стратегия социально-экономического развития МО «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)» на период до 2032 года, утвержденная Решением Улусного (районного) Совета депутатов МО «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)» № 13 от 21.12.2018 [2].

На данном этапе можно говорить о том, что главное направление традиционного хозяйства коренного населения Анабара – домашнее оленеводство – до сих пор имеет в основном количественном показателе благополучия – в численности поголовья домашних оленей не вполне стабильную динамику: в 2000 г. – 16214 голов, 2005 г. – 12454, 2010 г. – 16284, 2015 г. – 14606, 2019 г. – 18050 голов. В структуре поголовья, по данным 2019 г., 14006 голов – в муниципальной собственности в тех же двух МУП «Арктика» и им. Героя Спиридонова, 1960 голов –

в частной у населения, 445, 933 и 706 голов – соответственно в трех кочевых родовых общинах коренных малочисленных народов Севера – долган (КРО КМНС – Д) «Большой Бегичев», «Сэдэмэ», «Балыксыт». В улусе рыбопромысловые участки получили 3 хозяйства: РО КМНС – Д «Уелэ», ММУП им. Н.Е. Андросова, ИП Корякин А.А.; охотничьим промыслом занимаются все 14 хозяйств улуса: 3 муниципальных предприятия, 5 кочевых родовых общин и 4 индивидуальных предпринимателя в сельском хозяйстве [2; 8].

В настоящее время, как показывают предварительные результаты полевых исследований сентября 2020 г., в хозяйствах Анабарского улуса повседневные организационные вопросы связаны с природно-климатическими условиями, истощением зимних и летних пастбищ, актуальностью решения проблем сбыта продукции и непомерно высоких цен на горюче-смазочные материалы, дизельное топливо. В глобальном плане стоят вопросы охраны территории традиционного природопользования местного значения «Анабыр», учета оленьих пастбищ, совершенствования механизмов взаимодействия хозяйств по поводу охотничьих и рыболовных угодий в условиях потенциальных угроз дальнейшего промышленного освоения территории Анабарского региона Якутии [4; 7].

Проблема недостаточности пастбищ стоит как минимум еще с начального постсоветского периода и за последние годы приобретает все большую проблемную актуальность. Особенно об этом в интервью говорят оленеводы из Юрюнг – Хая. В основном это связано, кроме последствий изменений климатических условий в арктической тундре и стоящей изначально проблемы оленеемкости, также с проблемами нормальной доступности пастбищ по маршрутам кочеванья в прибрежной зоне, которая является приграничной. Все больше приходится преодолевать новые документальные требования, ограничения для оленеводов, представителей коренного населения, для того чтобы продолжать вести полноценную традиционную хозяйственную деятельность. Их предки и они сами испокон веков кочевали по этим местам, и теперь они все более становятся потенциально недоступными, имеется опасность увеличения формальных препятствий для дальнейшей хозяйственной деятельности. Для оленьих стад маршруты в сторону моря более подходящие именно из-за благоприятных природно-климатических условий, прохладного воздуха в летние месяцы. И то оленеводы по пути кочевья в сторону моря в летние месяцы не остаются на одном месте более двух ночевок, чтобы избежать окончательного истощения угодий [4; 7].

Представители традиционного хозяйства обращают внимание на эту проблему: «...Земельных ресурсов вроде достаточно, но идет истощение пастбищ. Мы не можем никак на эту проблему повлиять, олени пастбища могут только в естественном состоянии существовать... ягель взрастить мы не можем... Наша задача – сохранять поголовье в стабильном состоянии в этих условиях...» Также они говорят о том, как важно сохранить оленеводство как традиционное занятие, а не только воспринимать его как сельхозпроизводства, о необходимости системного подхода в деятельности, особенно со стороны государственных органов власти.

Старожилы улуса акцентируют внимание на следующем: «...В буквальном смысле не будет оленя – не будет народа... мы можем протянуть навстречу только свое традиционное занятие – оленеводство. Это наше олицетворение. Мы компактно проживаем. Образно говоря, мы живем в этом мире на равных благодаря традиционному занятию...» Также они обращают внимание на то, что экологические традиции тоже соблюдаются благодаря традиционным занятиям. Единение с природой Анабарской тундры для тех, кто продолжает заниматься традиционным хозяйством, остается на первом месте... [4; 7].

Таким образом, на протяжении XX – начала XXI в. традиционные хозяйственные занятия коренного населения, представленного разными этносами, исконно заселившими территорию улуса, остались неизменными и, несмотря на все социально-экономические трансформации, остаются жизненно важными и едиными для анабарцев. При этом в пределах выделенных локальных сообществ юрэнгхаинцев и саскылахцев наблюдаются свои уникальные особенности в сохранении и развитии традиционного хозяйственного уклада жизни, что станет предметом последующего исследования [8].

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения проекта 20–09–00257 «Хатанго–Анабарский регион в XX – начале XXI вв.: антропология культурного ландшафта».

Источники и литература

1. Анабарский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2005. – 232 с.
2. Муниципальная программа «Развитие сельского хозяйства и продовольствия Анабарского улуса на 2020–2024 годы» // Текущий архив Управления сельского хозяйства МО «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район).
3. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 50. Оп. 1. Д. 2212.
4. Полевые материалы автора. Анабарский улус, сентябрь 2020 г.
5. Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера Якутии в условиях постсоветских трансформаций конца XX в. // Язык Севера: Материалы Всерос. науч. конф. (18 марта 2020 г.). – М.: Полит. энцикл., 2020. – С. 234–242.
6. Санникова Я.М. Традиционные хозяйственные занятия коренного населения Анабарского региона Якутии на рубеже XX–XXI вв. в контексте исследования культурного ландшафта // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: Сб. науч. статей. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2020. – С. 167–170.
7. Санникова Я.М. Современное развитие традиционного хозяйства Анабара (по материалам полевых исследований в Якутии) // Московский экономический журнал. – 2020. – № 11. – С. 238–246.
8. Филиппова В.В., Винокурова Л.И., Санникова Я.М., Захарова Н.Е., Местникова А.Е. Анабарский регион Якутии: особенности локального культурного ландшафта // Научный диалог. – 2020. – № 11. – С. 495–508.

М.М. Торопова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

НАЛИЧНИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ДЕКОРА МОРДОВСКОГО ЖИЛИЩА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена обзору форм и типов наличников в мордовском жилище, этапам их развития.

Ключевые слова: наличники, мордва, жилище, резьба, орнамент.

М.М. Торопова

PLATBANDS AS A DECORATIVE ELEMENT OF A MORDOVIAN DWELLING: HISTORY AND MODERNITY

The article is devoted to an overview of the forms and types of platbands in the Mordovian dwelling, the stages of their development.

Keywords: platbands, Mordva, dwelling, carving, ornament.

С давних пор архитектурное оформление жилища у каждого народа имело свои особенности и определялось экономическим положением крестьян, региональными традициями, индивидуальным творчеством народных зодчих и т.д. Одними из хранителей традиций оформления мордовского жилища являются наличники. Исследователи разделяют наличники на несколько групп: по форме навершия и технике выполнения украшений. Так, В.Ф. Вавилин в своих трудах наличники окон по форме навершия разделял на прямоугольные, треугольные, ажурные, сводчатые и наличники с разорванной формой карниза. У мордвы наиболее распространены были первые три формы. Простейшей формой карниза наличника считалась приземистая прямоугольная, появившаяся в XIX в. С распространением в деревне пилы массивные колоды, вставляемые в оконные проемы, стали заменять легкими коробками, сделанными из пиленых досок, не обработанных резьбой. Функционально дощатые наличники использовались для прикрытия зазоров между косяками и бревенчатой стеной избы. Во второй половине XIX в. на досках очелья появляется плоская резьба, представляющая совокупность контурной, желобчатой и линейной. Боковые доски наличников покрывались несложными узорами в виде неглубоких порезок геометрического характера [5, с. 97; 4, с. 69; 13, с. 300]. Данная форма наличника характерна для жилищ мордвы-мокши северо-восточной части западной и южной зон МАССР, а также мордвы-эрзи южных районов восточной зоны расселения [5, с. 144].

Л.И. Никонова в своих исследованиях отмечала, что прямоугольная форма карниза наличников была повсеместно распространена и в районах переселения мордвы. Так, например, типичные наличники можно встретить в д. Марьино Сергие-

во-Посадского района Московской области, с. Головино Петушинского района, д. Афанасьева Тулунского района Иркутской области, с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия и др. В с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия у большинства домов наличники имеют также самую простую прямоугольную форму наверхий. Поскольку мордовские переселенцы считали, что здесь они будут жить временно и рассчитывали переехать обратно в Мордовию [16, с. 166; 1, с. 163].

Треугольная форма наличников преобладает во всех типах жилищ, расположенных перпендикулярно улице. Она характерна для мордвы-мокши центральных, западных, юго-западных районов южной зоны МАССР и северных районов мордвы-эрзи восточной зоны расселения [5, с. 144]. Наверхия их в той или иной степени покрывались городчатой резьбой и резными накладными розетками [5, с. 197]. Данная форма наверхия также встречается и у мордвы пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, с. Савкино и с. Старая Яблонка Хвалынского района, р. пос. Черкасское Вольского района, в Сысертском районе Свердловской области и др. [14, с. 87; 15, с. 160].

Ажурная форма преобладает в жилище мордвы-мокши юго-западных районов и мордвы-эрзи северо-западных районов западной зоны МАССР, расположенных параллельно улице [5, с. 144]. Наличники с ажурной формой наверхия делались значительно шире досок очелья и выступали далеко в стороны и вперед [4, с. 71; 8, с. 44]. В Темниковском уезде Тамбовской губернии изредка встречались сердцевидные наверхия, напоминавшие древнерусские кокошники [5, с. 97].

В северо-западных и южных районах расселения мордвы были распространены наличники барочной и сводчатой формы [4, с. 70]. В постройках мордвы-эрзи восточных районов МАССР встречались наличники и с разорванной формой карниза [5, с. 97].

Для внешней отделки мордовских жилищ характерно повсеместное распространение резных украшений на наличника, поскольку в духовной культуре мордвы окно рассматривалось как второй вход в жилище, через которое в него могло проникнуть все вредное и нежелательное для хозяев. Поэтому наличники окон украшались орнаментом из элементов охранительной символики [22, с. 144]. Например, круг или розетка символизировали собою солнечный диск, а спирали и волнистые зубчики имели знак охранения. «Солнышко» старались запечатлеть на наличниках окон, полагая тем самым, что надежно оберегают свое жилище от злых духов [12, с. 80]. Отметим, что наличники со ставнями, украшенные орнаментом в виде «солнышка», были распространены в центральной России почти повсеместно [21, с. 132]. Также в целях оберега от Пурьгинепазы (Бога Грома) и нечистой силы на Троицу за наличники окон мордва втыкала березовые ветки [7, с. 122].

По технике выполнения архитектурные украшения подразделялись на три типа: трехгранно-выемчатые или врезные, барельефные, пропиловочные [20, с. 197]. Врезная техника отличалась простотой и являлась наиболее ранним способом нанесения на дерево с помощью резца различных геометрических узоров в виде

квадратов, ромбов, кружков, пирамидок, прямоугольников, зубчиков и различных их комбинаций [5, с. 94; 18, с. 22].

Наиболее распространенным орнаментом было незатейливое сочетание зубчатой каймы, которая вырезалась непременно вдоль верхнего края наличника и фриза, и веревочки, расположенной под зубчатой каймой. Нередко можно было встретить два ряда веревочного орнамента, но обязательно в сочетании с зубчатой каймой и ниже ее [20, с. 197]. Т.А. Крюкова подчеркивала: «Резьба по дереву, не имеющая, казалось бы, никакого сходства с вышивкой, иногда может быть поставлена с ней в связь. Отдельные мотивы резного орнамента на домах мордовских сел имеют аналогию с вышивкой. Встречаются элементы вышитых узоров: «курзя» – витая веревочка, «тяште» – звезда, «серма ялгат» – вышитый подол и т. п.» [9, с. 87; 24, с. 239–240]. Фриз наличника оформлялся обычно розетками и полурозетками, выполненными трехгранно-выемчатой техникой. Преобладает сочетание мотивов зубчатой резьбы и круга с шестиугольной звездой в виде сияния [18, с. 22]. Нижняя и боковые стороны наличников украшались ногтевидной и линейной резьбой [5, с. 94].

Наряду с традиционным резным орнаментом на наличниках можно встретить барельефные украшения. Основным районом распространения этой резьбы была Волга. Так, В. Даль в журнале «Зодчий» за 1872 г. писал: «Это резное искусство развивалось на волжском судостроении... Корабельные резчики стали работать по деревням, делать ставни, наличники, карнизы и подкрылки к избам» [6, с. 32; 18, с. 25]. К югу и северу от Волги распространенность ее постепенно уменьшалась. В русских районах Горьковской области она возникла в начале XIX в. [10, с. 201]. Исходя из вышесказанного, барельефная резьба, называемая также корабельной, не являлась национальной мордовской техникой, она выработалась в результате длительного общения поволжских резчиков различных национальностей на волжском судостроении [10, с. 200]. Среди артелей плотников, строивших суда, были и мордовские. Одну из таких артелей, например, возглавлял Дергачев из эрзянского села Поводимова. Артели плотничьего дела работали по деревням в свободное от судостроения время, строили крестьянские избы, переносили корабельную резьбу на оформление домов [18, с. 25]. Но пришло время, когда на Волге, как и на других судоходных реках, старинные расшивы, мокшаны, коновязи, суряки, украшенные богатой резьбой, были вытеснены паровыми судами. Оставшись не у дел, корабельные резчики уходили в деревни, расположенные вблизи рек, распространяя там искусство резьбы по дереву [10, с. 200], так, например, в села Большеигнатовского района (д. Чукалы, Андреевка, Б. Игнатово и др.) данный вид резьбы предположительно проник из соседней Горьковской области [17, с. 43].

В приалатырских и присурских районах Мордовии, особенно в селениях современных Ардатовского, Дубенского, Большеберезниковского и др. районов, корабельная резьба была распространена в 40–80-х гг. XIX в. [10, с. 200; 13, с. 300]. «Берегини» с хвостами русалок, львы с очеловеченными головами, характерные для корабельной резьбы, в местных вариантах отсутствовали, резные узоры были скромнее, а рельеф невысоким [24, с. 239]. Повсеместно в узорах наличников с ко-

рабельной резьбой преобладают растительные мотивы: волнообразная ветвь, листья, виноград, хмель, изредка в растительный орнамент вплетались фигуры птиц или животных. На многих наличниках вырезались год постройки, инициалы хозяина или мастера, выполнившего резной узор, что являлось частью орнамента [10, с. 201; 20, с. 197]. Так, например, в с. Поводимово Большеигнатовского района, где распространена старая корабельная резьба, некоторые доски фронтонов и наличников имеют датировку 1878–1879 гг. и даже более ранние. Интересно, что можно установить происхождение и дату каждого наличника или доски [17, с. 79].

В.Н. Белицер в своих исследованиях отмечала, что ни в одном мордовском селе не встречалось такого обилия старинной долбленной резьбы, как у каратаев. Резьбой украшены главным образом фронтоны и наличники окон. В орнаменте растительные мотивы переплетаются с зооморфными [3, с. 218]. Широко распространенная корабельная резьба сближает постройки каратаев и русского населения Горьковской и Владимирской областей. На многих резных досках встречается датировка – 1880, 1890, 1892, 1902 гг. Часто даты, указанные на доске, не совпадают с годами постройки дома: хозяева, высоко ценя старинную резьбу, переносили украшения со старых жилищ на новые [3, с. 218].

Орнамент барельефной резьбы на мордовских жилищах в основном тот же, что и на территории Горьковской области и Среднего Поволжья в целом, что свидетельствует о применении трафарета [20, с. 198]. Однако наряду с общими чертами в украшениях мордовских жилищ все же чувствуется проявление и самостоятельного творчества [10, с. 201]. В архитектурные украшения мордовские резчики включают новые, весьма оригинальные мотивы. Таков, например, наличник с изображением по его краям голов мужчины и женщины, искусно выполненной для среднего окна собственного дома резчиком с. Низовка Ардатовского района А.Н. Кочеваткиным. Лица, изображенные резчиком, носят мордовские черты. Богатое мастерство резчиков по дереву передавалось из поколения в поколение [10, с. 201; 20, с. 198].

Иногда барельефная резьба на наличниках сочеталась с узором, имевшим отверстия. При такой отделке практически утрачивали свое назначение ставни и служили лишь архитектурным украшением [20, с. 197].

Глухая барельефная резьба по сравнению с трехгранно-выемчатой требовала больше труда и больше ценилась. Поскольку она была довольно дорогой, то ею украшали свои дома зажиточные крестьяне. Основная же масса населения края использовала в украшении наличников несложные геометрические узоры трехгранно-выемчатой резьбы [13, с. 300].

В конце XIX – начале XX в. в декоре жилища преобладающее место стали занимать пропиловочные украшения. Это объясняется тем, что пропиловка, при достаточно усовершенствованном инструменте резьбы – лобзике и коловороте, является более легкой и быстрой техникой по сравнению с врезными работами и барельефной резьбой [10, с. 201–203; 20, с. 198]. С распространением техники пропильной резьбы в начале XX в. форма наличников все более усложнялась – навершия делались значительно шире досок очелья и вместе с накладными пропильными деталями, расположенными в его верхней части, выступали в стороны и вперед. На досках

очелья часто располагались резные накладные филенки, образующие по фасаду треугольную форму [5, с. 98].

Технология пропильной резьбы позволяла создавать криволинейные узоры. Поэтому мотивы орнамента в пропиловочных украшениях главным образом геометрические, выполненные с применением трафарета, наносимого на доску через копировальную бумагу или путем пробивания по контуру отверстий и заполнения их угольной пылью. К трафаретам прибегают обычно малоопытные плотники. Квалифицированные же мастера резного дела творчески подходят к оформлению каждого дома, создавая новые мотивы орнамента [10, с. 201].

Ажурная прорезь на наличниках, и без того разнообразная по мотивам, часто дополняется скульптурными украшениями и накладной выпилкой с современной эмблематикой. Например, в с. Новые Пиченгуши Ельниковского района была очень развита накладная фигурная резьба на оконных наличниках, орнамент стилизованный, растительный [19, с. 103]. Новые дома с. Поводимово Большеигнатовского района также украшены резьбой пропиловкой, где основные мотивы: звезды, серп, молот и другие новые элементы [17, с. 79]. Повсеместно в районах Республики Хакасия на наличниках домов, где *проживает* мордовское население, также встречаются эмблемы советского периода и узоры геометрического характера [16, с. 166]. Плотники, располагающие токарным станком, для оформления наличников и причелин обычно применяют продольно распиленные на две части затейливо отточенные столбики [10, с. 201].

В XX в. в пропиловочных и накладных украшениях мордвы по-прежнему устойчиво сохраняется зубчатый орнамент, но без сочетания с веревочкой, т. к. пропиловкой ее невозможно имитировать. Растительный и животный орнамент в пропиловке встречается реже. Это объясняется тем, что изображения растений и животных можно передать такой техникой только в сильно стилизованном виде, так что порой бывает трудно определить, что плотник хотел изобразить в выполненной им пропиловке. Встречается, однако, и человеческая фигурка, например, в с. Поводимово Большеигнатовского района [10, с. 203; 2, с. 186; 17, с. 79].

В первой половине XX в. в смежных с Мордовской АССР районах и в районах переселения мордвы почти все избы богато украшены резьбой. В основном это пропиловка и старинная корабельная резьба, часто перенесенная со старых изб на новые [3, с. 213].

Вид окраски наличников неодинаково распространены по этнографическим зонам и зависит от типа жилища, расположения его в уличной застройке и определяется социально-профессиональным статусом, составом, динамическим типом и зажиточностью семьи. У мордвы-мокши западной зоны МАССР преобладают наличники с монохромной окраской, бытуют — с полихромной и неокрашенные. У мокши западной, эрзи восточной зоны преобладают наличники с полихромной окраской, бытуют с монохромной и без окраски. Вероятно, под влиянием татар мордва стала применять полихромную раскраску жилищ: красить ставни в голубой, а наличники в белый цвет, или ставни в синий, наличники в желтый, а карнизы в зеленый цвет

[3, с. 213]. У эрзи очень редко можно встретить однотонно покрашенные наличники, и то лишь в том случае, когда они орнаментированы резьбой [10, с. 203].

В д. Афанасьева Тулунского района Иркутской области, с. Аршанов Алтайского района и с. Нижние Сиры Таштыпского района Республики Хакасия и др. населенных пунктах, заселенных мордвой, внутренняя часть ставен на старых домах расписана в виде линий, прямоугольников, а внешняя закрашена краской, сочетаясь при этом с краской внутренней стороны наличника. Чаще всего синего, зеленого и белого цвета [16, с. 166].

Полихромная окраска наличников характерна для жилищ, расположенных перпендикулярно улице. Наличники без окраски распространены в жилище, расположенном параллельно улице [5, с. 144].

Таким образом, обобщив весь материал, можно сказать, что на развитие и разнообразие форм наличников большое влияние оказали экономический и культурный уровень жизни населения той или иной территории, этнические традиции местности, а также социальное положение крестьян и направление хозяйственной деятельности мордовских семей.

Источники и литература

1. Акимова З.И. Мордва Москвы и Московской области: Ист.-этногр. исслед. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. – 542 с.
2. Белицер В.Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX в. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 161–191.
3. Белицер В.Н. Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 210–250.
4. Вавилин В.Ф. Мордовское народное зодчество: Учеб. пособие. – Саранск, 1980. – 100 с.
5. Вавилин В.Ф. Сельские поселения и жилище мордвы на территории Мордовской АССР (опыт комплексного типологического анализа): Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1976. – 200 с.
6. Даль В. Старинная русская деревянная резьба из альбома Чернцова // Зодчий. – 1872. – № 3. – С. 32.
7. Девяткина Т.П. Мифология мордвы. – Саранск: Красный Октябрь, 1998. – 333 с.
8. Жигулёва В.М. Деревянное кружево подмосковных деревень // Живая старина. – 1997. – № 3. – С. 44–46.
9. Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство: Вышивка. Шитье бисером. Узорные ткани. Резьба по дереву. – Саранск: Кн. изд-во, 1968. – 121 с.
10. Макушин Н.П. Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 192–210.
11. Мартянов В.Н. Памятники прикладного искусства мордвы. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1971. – 15 с.
12. Мордва Владимирской области / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрчёнова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2013. – 184 с.

13. Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Изд. доп. и перераб. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – 991 с.

14. Мордва Саратовской области / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2013. – 252 с.

15. Мордва Урала и Зауралья / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 464 с.

16. Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л. И. Никоновой; НИИ гуманитар., наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2010. – 268 с.

17. НА НИИГН. И – 148. Мордовская этнографическая экспедиция в 1953 году по селам Большеигнатовского района Мордовской АССР (рук. В.Н. Белицер). – 165 л.

18. НА НИИГН. И – 221/257. Оп. 1. Отчет о работе этнографической экспедиции 1955 года и этнографические карточки, составленные Макушиным и Глуховой. – 258 л.

19. НА НИИГН. И – 267. Карточки историко-этнографической экспедиции 1952 года (сост. В.П. Ежова). – 420 л.

20. Народы Мордовии: Ист.-этногр. исслед. / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрчёнкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 608 с.

21. О крае родном. Люди, история, жизнь, природа земли Владимирской. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1978. – 280 с.

22. Романова М.Н. Жилищный комплекс в традиционной культуре мордвы на территории Мордовии: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2013. – 334 с.

23. Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии: Избр. труды. – Пермь, 2002. – 384 с.

24. Юрчёнкова Н.Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. – Саранск, 2009. – 412 с.

УДК 392

С.Д. Трибушинина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия*

РОЛЬ ДОРОГИ И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ (ОБОЧИНА, ПЕРЕКРЕСТОК) В ЭТНОКУЛЬТУРЕ МОРДВЫ

Статья посвящена роли дороги и ее составляющих как одного из важных элементов традиционной мордовской культуры. Дорога рассматривается как материальный объект, обладающий собственными названиями и оказывающий влияние на формирование жизненного пространства представителей этноса, и в значении «путь», «поездка» как с рациональной точки зрения, так и с позиции их символической интерпретации в мировоззренческой системе мордвы.

Ключевые слова: этнокультура, материальная культура, духовная культура, мордва, дорога, обряды, этномедицина.

THE ROLE OF THE ROAD AND ITS COMPONENTS (CURB, INTERSECTION) IN THE ETHNOCULTURE OF THE MORDVINS

The article is devoted to the role of the road and its components as one of the important elements of the traditional Mordovian culture. The road is considered as a material object with its own names and influencing the formation of the living space of representatives of the ethnic group, and in the meaning of «the path», «the trip» both from a rational point of view and from the point of view of their symbolic interpretation in the worldview system of the Mordvins.

Keywords: ethnoculture, material culture, spiritual culture, Mordva, road, rituals, ethnomedicine.

В современных условиях процесс трансформации и утраты традиционных элементов культуры в значительной степени интенсивнее в городской среде, чем в сельской, в силу ее унифицирующего характера. Сохранность национальных культурных систем в селе способствует не только обереганию определенных этнических паттернов, но и их трансляции, которая играет большую роль как в воспитании последующих поколений, так и в обеспечении межэтнической коммуникации. В таком контексте традиционная культура может рассматриваться в качестве привлекательной составляющей туристических программ.

Традиционная этническая культура мордвы является сложной взаимосвязанной системой, где каждый элемент играет свою роль. Для построения более полной этнической картины мира мордвы и ее последующего сохранения и трансляции значение имеет изучение отдельных элементов. В данной статье рассматривается один из таких смысловых элементов — дорога (*ки* — э., м.). Дорога в рамках этнокультуры анализируется и в качестве материального объекта, как полоса земли, служащая для езды и ходьбы, место для прохода, проезда, и в значении пути, поездки, путешествия [3, с. 277]. Важность наличия дороги, как материального объекта, в этнокультуре мордвы подчеркивается большим количеством названий дорог и тропинок в местной мордовской топонимике. В них отражены направления, например, дорогу в г. Краснослободск из с. Потьма Атюрьевского района называли *ош кись* (м.) (букв. дорога в город), дорога из с. Старое Синдрово в с. Каймар называется *каймафонь ки* (м.); характеристика окружающей дорогу местности, например, *оцю лотконь кись* (м.) — дорога вдоль большого оврага, расположенная в с. Волгапино Ковылкинского района. Главную дорогу в некоторых селах, например, в с. Семилей Кочкуровского района, с. Акшов Старошайговского района и др. называли *велень ки* (э.) (сельская дорога). Встречаются топонимы, связанные с какими-либо событиями и традициями, например, в с. Мокшалай Чамзинского района дорогу в Большие Березники называли *базар киуло* (э.), т. к. на одном из перекрестков устраивали торговые ряды в базарные дни [21].

В рамках материальной культуры дорога влияет на расположение поселений мордвы. Традиционными для основания поселений у мордвы считаются берега рек,

оврагов и других водных источников. Однако, учитывая наличие в регионе крупных торговых трактов, связывавших Москву и «Ногайские земли», прикаспийскую степь и Заволжье, Москву и Симбирск и др., следует отметить, что часть населенных пунктов была построена по их сторонам, например, с. Косогоры, Атемар, г. Инсар, Темников и др. [4, с. 17–33]. Некоторые поселения, расположенные на торговых трактах, разрастались до огромных размеров, протягиваясь вдоль них на несколько километров, например, с. Новые Турдаки Кочкуровского района [14, с. 198].

Однако на самой дороге, даже заброшенной, строить жилье не рекомендовалось [14, с. 205], также для постройки дома не использовались деревья, которые растут на перекрестке [7, с. 60]. Это было связано с ирреальным представлением о дороге как о границе между «своим» и «чужим», «нечистым» пространством, способным негативно влиять на жизнь и здоровье домочадцев.

Дорога играла свою роль в отправлении хозяйственных обрядов, проводимых во время календарных праздников, представлявших собой синкретическую форму православия и традиционных мордовских языческих верований. С хозяйственной деятельностью связаны гадания об урожае, воспроизводимые мордвой в период зимних календарных праздников. Одним из традиционных мест проведения этого обряда был перекресток трех дорог (*ки рашка* (м.), *ки рашко* (э.)), на который ходили в Рождественскую ночь, падали на колени и слушали. Считалось, если год будет хороший, тогда слышится будто бы скрип, точно везут снопы, а если плохой, то слышится якобы грохот, словно куда скачут. А если будет мор на коров, тогда режут коровы, а если будет здоровый год, тогда коровы стучат рогами. Если будет людской мор, то слышится вопль, а если не будет мора, слышно пение песен [11, с. 55]. В весенне-летний календарный период ритуалы на дороге проводили сразу после Пасхи. Так, во время Пасхальной недели было принято проводить обряд огораживания, направленный на защиту населенных пунктов от нечистой силы. В некоторых селах в нем участвовали молодые девушки, которые в процессе расставляли на перекрестках деревянные кресты, например, в с. Подгорное Конаково Темниковского района, в других – старухи рисовали на перекрестках кресты и клали по крашеному яйцу (с. Старые Пичингуши Ельниковского района) [11, с. 97].

Дорога и ее компоненты (обочина, перекресток) в жизни мордвы являлись местами сакральными и при отправлении семейных обрядов. Сама дорога соотносится с жизненным путем, путем души в загробный мир, местом, где проявляется судьба, доля, удача человека [19, с. 124]. Символом дороги считался лапоть.

В с. Оркино Петровского уезда Саратовской губернии был зафиксирован свадебный обряд, в процессе которого невеста после бани ездил по селу с подругами и причитывала на каждом перекрестке, завершался обряд воспроизведением ритуальных текстов по прощанию с умершими родственниками на дороге, ведущей от церкви к кладбищу [22, с. 206]. У мордвы бытовала примета, что если по дороге в церковь свадебная кибитка опрокинется, то это не к добру. Плохой приметой также считалось, если по пути на венчание перед молодыми дорогу переходили с пустыми ведрами [6, с. 166].

Во время проведения родильных обрядов послед «обряжали» в чистую тряпку, помещали в лапоть, символизовавший дорогу, и закапывали в то место, где никто не мог его потревожить, но обязательно связанное с домом для обеспечения младенцу счастливого жизненного пути [10, с. 147]. У мордвы Дальнего Востока если после родов ребенок умирал, послед повитуха относила на перекресток дорог и там закапывала [9, с. 217].

Довольно обширна роль дороги в похоронной культуре мордвы: это и место захоронения умерших в стародавние времена, и место утилизации отходов при изготовлении гробов-колод. Например, сказка «Дуболго пачай», где братья хоронят сестру, установив гроб в развилке дерева на перекрестке или у большой дороги в кроне березы в песне, зафиксированной Шахматовым [20, с. 249; 22, с. 448]. М.С. Волкова отмечает, что повсеместно у разных народов, в том числе и у мордвы, было принято на перекрестке хоронить «заложенных» (умерших насильственной смертью, от алкоголя, обвинявшихся при жизни в колдовстве, некрещенных младенцев, самоубийц) покойников [5, с. 63]. Мордва считала, что щепа, оставшаяся послед изготовления гробов-колод, опасна для здоровья. Так как одним из способов удалить что-то опасное и вредоносное за пределы «своего» пространства и уничтожить его является выбрасывание его на дорогу, то ее выбрасывали на дорогу. В.А. Ауновский отмечал, что «по обочинам дороги около мордовских селений путешественники могли наблюдать множество корзин и щепы» [1, с. 87–107]. У. Харва писал также, что в Городищенском уезде Пензенской губернии на поле возле дороги (места, где встречается наша реальность с загробным миром) покойному оставляли несжатую полоску пшеницы, а покойнице – конопля [24, с. 93].

Практиковался ряд похоронных обрядов, связанных с выносом гроба из дома и дорогой от дома до кладбища. При выносе гроба старались «преградить смерти дорогу в этот дом». Для этого гроб выносили, не задевая косяков, непременно ногами вперед [9, с. 221]. На кладбище покойника несли также ногами вперед, чтобы он не мог «видеть» обратной дороги (с. Старая Лебежайка Хвалынского уезда Саратовской губернии) [10, с. 157]. В.А. Ауновский писал, что «если умерший стал жертвой повальной эпидемии, то его несли вперед головой, и при этом какая-нибудь женщина в окoliце или на перекрестке ударяла по дороге несколько раз «косирем», для того, чтобы пересечь путь мертвецу и тем навсегда прекратить смертоносную язву» [1, с. 105]. Сама дорога в загробный мир считалась долгой и трудной [23, с. 322], даже дорога в рай, по словам У. Харвы, была гладкой, как стекло, и душе, чтобы туда попасть, приходилось вбивать гвозди.

Традиционная культура включает в себя такую область народных знаний, как этномедицина, где дорога являлась важным пространственным элементом. Некоторые недуги мордвы связывала с недовольством высших сил или умерших предков, например, последствия падения человека на землю она считала недовольством Модавы, божества земли. При их лечении на перекрестке принято было просить прощения у Модавы, которая может дать здоровье [13, с. 40], и у недовольных предков. Этот обряд подробно описывает Н.Ф. Мокшина. Знахарка приводила больного на перекресток, ставила на колени, обязательно лбом в землю, и читала обращение к

Модаве с просьбой не обижаться на невольное причинение вреда. Здесь же оставляли пожертвования в виде хмеля, пшена и мелких монет [8, с. 50].

Через взаимодействие с дорогой происходило очищение от влияния негативных факторов на здоровье. т. к. она считается разновидностью границы между «своим» и «чужим» пространством, мифологически «нечистым» местом, служащим для удаления вредных и опасных объектов [19, с. 124]. Например, для избавления от бородавок необходимо было привязать на пораженный участок кожи кусок сырого мяса, а спустя определенный период времени снять его и закопать на перекрестке в полночь [17].

На дороге знахари совершали лечебные обряды. Она была традиционным местом воспроизведения заговоров. Например, при избавлении от приворота заговорный текст читался на перекрестке трех дорог в полночь при полной луне [18].

Использовалось в народной медицине и одно из наиболее известных растений, растущих вдоль дороги, – подорожник (*ки ванны* (м.), *ки лангонь лопа* (э.). Его применяли в качестве кровеостанавливающего средства, жевали при болях в желудке и т.д.

В этнокультуре мордвы присутствует пласт обрядов, связанных с образом дороги-пути и реальными и ирреальными представлениями о нем. В этой области зафиксировано большое количество примет, т. к. дороги были довольно опасными. Мордва нечасто уходила из дома на дальние расстояния. А.С. Лузгин отмечал, что в отхожие промыслы, особенно дальние, отправлялись только мужчины и женщины, обладающие хорошим здоровьем [7, с. 166]. Например, считалось, если беременная перешла дорогу, то идущему это предвещало неудачу [2, с. 37].

Для того чтобы избежать в пути неприятностей, перед отправлением обязательно проводили определенные ритуалы, читали заговоры. Подобные тексты зафиксированы в трудах А.А. Шахматова, Л.И. Никоновой и др. Этнограф А.А. Шахматов в своем труде писал, что при отъезде в путь мордва молилась верховному божеству так: «*Нишки Пас, Покш Пас, Вери Пас, корьменець! Пары карча, апары вакска; макст Вери Пас, алашантинь офтэнь-зярдынь вий!*» – «Нишкипаз, Покшпаз, Верипаз, кормилец! Доброе навстречу, а недоброе в сторону; дай, Верипаз, лошади силу медведя-оленя» [22, с. 145]. Со временем под влиянием унифицирующей системы православия и близкого общения с русским населением тексты заговоров изменились. Они воспроизводились на русском языке, и обращались в них к православным образам Иисуса Христа, ангелов и др. У Л.И. Никоновой зафиксирован такой обряд, воспроизводимый перед дорогой. Читающий заговор «В дорогу» должен повернуться лицом на восток, дотронуться рукой до верхнего косяка двери и произнести: «*Я иду в путь, Иисус Христос впереди, Два ангела по бокам, скрепите зубы, губы Моим врагам*» [12, с. 32]. До настоящего времени встречается и такой текст, который читается не перед дорогой, а непосредственно в пути при преодолении каких-либо сложных или вызывающих психологический дискомфорт участков дороги: «*Боже мой, пойдем со мной. Ты впереди, я позади*» [15]. В современной культуре мордвы также присутствуют такие обряды, как посидеть на дорожку. Если после выхода в

путь приходится вернуться, то нужно обязательно посмотреться в зеркало и показать язык своему отражению [16].

Таким образом, образ дороги в качестве как материального объекта, так и в значении пути, поездки является важным элементом традиционной культуры. Близость дороги оказывала влияние на расположение поселений мордвы и строительство жилья. Дорога являлась пространственным элементом при проведении ряда ритуалов в календарной и семейной обрядовой жизни, народной медицине. В этнокультуре мордвы присутствует пласт обрядов, связанных с образом дороги-пути и реальными и ирреальными представлениями о нем. Образ дороги может быть задействован в формировании этнокультурного фонда туристических программ как элемент материальной и духовной культуры в качестве непосредственного объекта посещения либо элемента обрядовой традиционной системы, транслируемой через экскурсионную, экспозиционную и фестивальную деятельность.

Источники и литература

1. Ауновский В.А. Этнографический очерк мордвы-мокши (1869 г.) // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. – Симбирск: Тип. Симбир. Губ. Правления, 1869. – С. 87–107.
2. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. – Саранск, 2001. – 260 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1534 с.
4. Воронин И.В. У больших дорог // Избранное. – Саранск, 2005. – С. 17–35.
5. Волкова М.С. Культ предков в религиозных верованиях мордвы: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2001. – С. 63.
6. Ильин Д.Ф. Венчание // Мифология мордвы. – Саранск: НИИГН, 2020. – С. 164–166.
7. Лузгин А.С. Жизнь промыслов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. – 214 с.
8. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы: Ист.-этногр. очерки. – 2-е изд., доп. и перераб. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 248 с.
9. Мордва Дальнего Востока. – Саранск, 2010. – 310 с.
10. Мордва Саратовской области. – Саранск, 2013. – 252 с.
11. Научный архив НИИГН. И-489. Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Дело № 2 Материалы Мордовской этнографической экспедиции 1959 год. – 254 л.
12. Никонова Л.И. От Адама и Евы – до наших дней (очерки народной медицины мордвы). – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2000. – 171 с.
13. Никонова Л.И. Тайны мордовского целительства: Очерки нар. медицины мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 168 с.
14. Никонова Л.И., Кандрина И.А., Щанкина Л.Н. Традиционная культура сохранения здоровья народов, проживающих в Республике Мордовия: Ист.-этногр. аспект. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 528 с.
15. Полевой материал автора (ПМА): Лапшаева С.Н., 1982 г. р., с. Чукалы Ардатовского района, записи 2017 г.
16. ПМА: Лебедева Т.А., 1974 г. р., с. Теньгушево Теньгушевского района, записи 2017 г.
17. ПМА: Мадяева Н.И., 1984 г. р., с. Мордовская Пишля Рузаевского района Республики Мордовия, записи 2016 г.

18. ПМА: Сулягина Е.Б., 1989 г. р., г. Саранск, записи 2017 г.
19. Славянские древности: Этнолингвист. словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2. – С. 124.
20. УПТМН. Т. 3. Ч. 2: Эрзянские сказки. – Саранск, 1967. – 382 с.; Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. – СПб., 1910.
21. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск: Красный Октябрь, 2005. – 429 с.
22. Шахматов А.А. Мордовский этнографический очерк. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – 848 с.
23. Юрчёнкова Н.Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. – Саранск, 2009. – 412 с.
24. Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. – Hels., 1952. – P. 93.

УДК 912.4

В.В. Филиппова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХАТАНГО-АНАБАРСКОГО РЕГИОНА

Статья посвящена выявлению и фиксации объектов историко-культурного наследия Хатанго-Анабарского региона, находящегося на территории двух субъектов: Республики Саха (Якутия) и Красноярского края. Данный регион – основной ареал расселения одного из представителей коренных малочисленных народов Арктики – долган. Выявление объектов историко-культурного наследия проводилось с привлечением официальных источников, краеведческой литературы, архивных документов и материалов, собранных в ходе экспедиций в населенные пункты Саскылах и Юрюнг-Хая Анабарского улуса, Хатанга и Попигай на Таймыре (2020–2022 гг.). Дана общая характеристика объектов историко-культурного наследия изучаемого региона.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, коренные народы Севера, Анабар, Хатанга, Якутия, Арктика.

V.V. Filippova

CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF KHATANGA-ANABAR REGION

The article is devoted to the identification and fixation of objects of the historical and cultural heritage of Khatanga-Anabar region which is on the territory of two subjects: the Republic of Sakha (Yakutia) and the Krasnoyarsk Territory. This region is the main area of settlement of one of the representatives of the indigenous peoples of the Arctic – Dolgan. The identification of objects of the historical and cultural heritage was carried out with the involvement of official sources, local history literature, archival documents and materials collected during expeditions to the settlements of Saskylakh and Yuryung-Khaya of Anabar ulus, Khatanga and Popigai on

Taimyr (2020–2022). A general description of the objects of the historical and cultural heritage of the studied region is given in it.

Keywords: historical and cultural heritage, indigenous peoples of the North, Anabar, Khatanga, Yakutia, Arctic.

Тема исследования актуализирована тем, что объекты историко-культурного наследия коренных народов, населяющих территорию Российской Арктики, представляют особую ценность. При этом они являются наиболее наглядной и убедительной основой доказательной базы приоритета России в освоении арктических островов, архипелагов и побережья, находящихся в современных границах Российской Федерации, особенно при решении спорных международно-правовых вопросов.

Хатанго-Анабарский регион полностью находится в Арктической зоне России и включает в себя территории двух районов разных субъектов России. Это Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район) и сельское поселение Хатанга (бывший Хатангский район) Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края.

В рамках реализуемого проекта при поддержке РФФИ (№20–09–00257) Хатанго-Анабарский регион рассматривается как целостное историко-культурное пространство – как основной ареал многовекового взаимодействия коренных этносов, населяющих данный район: долган, эвенков, якутов и русских.

Анализ официальных источников, включающий Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и Портал открытых данных Минкультуры России, показал отсутствие сведений об объектах историко-культурного наследия рассматриваемого региона. Следующим источником послужили документы региональных органов государственной власти, занимающихся формированием реестра объектов историко-культурного наследия: Департамента по охране объектов культурного наследия при Министерстве культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) и Службы по государственной охране объектов культурного наследия в Красноярском крае. В учетные документы объектов культурного наследия, формируемые Департаментом по охране объектов культурного наследия Якутии в Анабарском национальном (долгано-эвенкийском) улусе (районе), включено всего 3 памятника, утвержденные еще Постановлением Совета Министров Якутской АССР от 31.12.1976 г. № 484. Это археологический памятник федерального значения – неолитическая стоянка «Сэмэлдын», находящийся на правом берегу р. Анабар в 1,5–2,0 км ниже р. Сэмэлджин. Предмет охраны и границы памятника были утверждены Приказом Департамента от 08.10.2019 г. №164-ОД. Памятники истории регионального значения представлены памятным местом разгрома белобандитов красным отрядом Петрова (Халлааскы) в феврале 1931 г. и могилой А.М. Рубина – первого исследователя бассейна реки Анабар, погибшего в 1936 г. Данный памятник имеет паспорт объектов культурного наследия, утвержденный приказом Министерства культуры Российской Федерации от 02.07.2015 г. № 196. Памятник Рубину был поставлен в 1957 г. в селе Саскылах, на возвышенности, на пересечении улиц Ильи Спиридо-

нова и Нагорная. Предмет охраны и границы памятника не утверждены. Памятное место разгрома белобандитов красным отрядом Петрова (Халлааскы) в феврале 1931 г. находится в местности «Сиикэй Талах», в 40 км по р. Анабар, выше с. Саскылах. Предмет охраны и границы памятника были утверждены Приказом Департамента от 20.11.2019 г. №291-ОД.

Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноярского края, на территории сельского поселения Хатанга (бывший Хатангский район Таймырского Долгано-Ненецкого АО) включает 8 памятников истории:

- Братскую могилу десяти советско-партийных работников, погибших во время вражеской диверсии в 1932 г. (с. Хатанга);
- Место, где находилось Хатангское ясачное зимовье (с. Хатанга, 1660–1670 гг.);
- Комплекс из 3 зданий культурной базы, построенных в 1929–1939 гг. (с. Хатанга, здания утрачены);
- Зимовье Налтаново-коренное, конец XVIII в. (п. Катырык);
- Остатки базового поселка 1739 г. отряда землепроходца Лаптева Харитона Прокопьевича (устье р. Блудной в 7 км к северу от п. Новорыбное);
- Зимовье XVIII в. и часовня XIX в. (устье р. Котуйкан на р. Котуй);
- Памятник-маяк ледоколу «Сибиряков», установленный в 1942 г. (о. Белуха);
- Могила декабриста Лисовского Николая Фёдоровича (1802–1844 гг.) (с. Толстый Мыс, 20 км от с. Караул).

В Перечень также включены и археологические памятники, из которых на территории Хатангского района находятся 14:

- стоянки, датируемые I тыс. до н.э., – Боярка I, Боярка II, Хета I, Новорыбное III;
- стоянки, датируемые III–II тыс. до н.э., – Абылаах I, Новорыбное I, Новорыбное II;
- стоянки, датируемые III тыс. до н.э., – Маймече I, Маймече IV, Абылаах IV, Усть-Боярка;
- стоянки, датируемые V–III тыс. до н.э., – Лабаз I–XI, Блудная II, Усть-Попигай.

Такое малое количество памятников, зафиксированных в официальных документах, не отражает реальную картину наличия объектов историко-культурного наследия. В результате изучения опубликованных и неопубликованных источников возможно выявление неучтенных объектов. Так, автором дополнительно уточнено количество ранее выявленных и описанных археологических объектов Анабарского района: 26 стоянок и древнее захоронение [6]. Памятники истории были выявлены на основе карт «Север Красноярского края. Полуостров Таймыр» и «Северная часть Республики Саха (Якутия). Новосибирские острова» из Национального атласа Арктики [4].

Важнейшей и неотъемлемой частью мифологического пространства территории проживания малочисленных этносов являются священные места. В Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ можно включать священные места коренных малочисленных народов Севера. Хороший пример представлен в Ямало-Ненецком АО, где уже 35 священных мест в округе имеют особый

охранный статус [5]. Однако, на территории Хатанго-Анабарского региона пока не зафиксировано ни одно священное место. Выявление священных мест возможно при проведении интервью и изучении краеведческой литературы. На основе полевых работ в Анабарском улусе в 2020 и 2022 гг. удалось установить семь священных ритуальных объектов, в основном связанных с камнями. Ранее исследователи в работах, посвященных этому региону, отмечали культ священных камней. Так, И.С.Гурвич связывал камни-скалы причудливых, преимущественно антропоморфных форм с культовыми представлениями жителей с духом охоты – покровителем диких оленей [3, с. 232]. Камни-глыбы необычной формы как места избегания, нежелательности их посещения и запрета приближения были зафиксированы у сындасских долган [2, с. 134]. Во время полевых работ автором статьи у этой локальной общности долган (сындасских) и попигайских долган также был выявлен запрет восхождения на высокие холмы и горы. Неудивительно, что именно различающиеся по форме камни и орографические объекты наделяются местным населением сакральностью. Во время полевых работ в с. Попигае в октябре 2021 г. местные жители в качестве священного места указали Юттэк-Тас. Это камень с отверстием, находящийся недалеко от поселка. По рассказам, для привлечения удачи через отверстие просовывают ружье, рядом с камнем оставляют патрон или гильзу. На территории Анабарского улуса выявлено 7 сакральных мест, из которых 6 связаны с камнями:

- Сопка Куба Аяабыт в междуречье р. Уэле.
- Киси-Тас в местности р. Малый Кумах-Юрях, представляющая собой каменную глыбу, по очертаниям напоминающая человеческую фигуру. Расположена на территории общины Улахан-Кюель и занимает 4 кв. км. Другие названия – Таас-Киси (Человек-Камень).
- Туой-Киси находится в местности Халчагай Хаята на р. Уэле, площадь 5 кв. км.
- Священная Сопка на речке Салга, впадающей в р. Уэле, правый приток р. Анабар.
- Гора Эбэ-Хая находится в 80 км от с. Саскылах, в нижнем течении р. Уджа. Занимает площадь 437,5 кв. км с прилегающей территорией до устья р. Уджа (другие названия – Эбэ-Хайата (Бабушка-Гора)).
- Жертвенный камень на озере Аппыт-Кюель, в окрестностях р. Кылай-Юрях (в местности Тиистях).
- Уникальное озеро Улахан-Кюель. Создан Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 16 августа 1994 года № 836 на территории Анабарского района с целью сохранения уникальных озер в естественном состоянии, воспроизводства и восстановления, а также рационального и регулируемого использования водных биологических ресурсов. Находится на территории ООПТ «Терпяй Тумус». На уникальном озере Улахан-Кюель находятся охотпользователи: ПК КРО «Улахан-Кюель», ИП «Винокуров».

Из всех вышеперечисленных интересным является памятник Таас-Киси, представляющий собой огромную каменную глыбу, по очертаниям напоминающую человеческую фигуру. Вокруг этого камня много круглых ям. Анабарцы считают, что это

изначальные места нахождения Таас-Киси, и верят в то, что камень перемещается [1, с. 21].

Таким образом, на основе проведенного исследования общее количество объектов историко-культурного наследия на территории Хатанго-Анабарского региона составляет 40 археологических памятников (14 – на Хатанге и 26 – на Анабаре), 8 священных мест (1 и 7 соответственно), 35 памятников истории (28 и 7) (см. Приложение 3).

Источники и литература

1. Анабар. Вечные ценности / ОАО «Алмазы Анабара»; рук. проекта: М. Евсеев, И. Андреев; авт. текстов: С. Андреева, А. Гольдерова, А. Константинова. – Красноярск: Инспаер, 2012. – 381 с.

2. Васильева В.В. Мобильность и структурирование пространства у долган таймырского приграничья: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2021. – 211 с.

3. Гурвич И.С. Культ священных камней в тундровой зоне Евразии // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 230–239.

4. Национальный атлас Арктики. – М.: Роскартография, 2017. – 496 с.

5. Перечень объектов культурного наследия, расположенных на территории Ямало-Ненецкого АО, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: PERECHEN-OKN_-vkluchennykh-v-REESTR-na-29.03.2022.pdf (yanao.ru) (дата обращения: 03.04.2022).

6. Филиппова В.В., Дьяконов В.М. Географо-информационная система «Археологические памятники Анабарского улуса (района)»: содержание, структура и возможности пространственного анализа // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 62–77 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-62-77> (дата обращения: 03.04.2022).

УДК 29(=512.145)(470.4)(470.5)

Р.В. Шайдуллин

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ТРАДИЦИИ НАРОДНОГО ИСЛАМА В СЕЛЬСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

В статье рассматриваются отдельные проявления народного ислама в сельской повседневности татар Поволжья и Приуралья, анализируемые в контексте объяснения причин сохранения языческих традиций в духовной жизни татар-мусульман. В ней особое внимание уделяется таким языческим элементам народного ислама, как фетишизм – это поклонение могилам предков, паломничество (малый, локальный хадж) к святым местам (древним мусульманским святыням и современным «новоделам» Болгара, захоронениям суфийских шейхов, святым источникам и др.); магия – это лечение магией молитвенных и обрядовых действий больных и снятие сглаза, порчи и т.п. Кроме того, в статье дается краткое описание роли шейхов (ишанов) суфийского братства «Накшбандия» в духовной консолидации татарского мусульманского религиозного сообщества.

Ключевые слова: Поволжье и Приуралье, татарский народ, народный ислам, могилы суфийских шейхов, святыне источники, фетишизм, магия, порчи, сглазы.

TRADITIONS OF FOLK ISLAM IN THE RURAL EVERYDAY LIFE OF THE TATARS OF THE VOLGA AND URAL REGIONS

The article examines individual manifestations of folk Islam in the rural everyday life of the Tatars of the Volga and Ural regions, analyzed in the context of explaining the reasons for the preservation of pagan traditions in the spiritual life of the Muslim Tatars. It pays special attention to such pagan elements of popular Islam as fetishism – it is the worship of the graves of ancestors, pilgrimage (small, local Hajj) to holy places (ancient muslim shrines and modern «new models» of Bolgar, burials of sufi sheikhs, holy springs, etc.); magic is the treatment with magic of prayer and ritual actions of patients and the removal of the evil eye, damage, etc. In addition, the article gives a brief description of the role of the sheikhs (ishan) of the Sufi brotherhood «Naqshbandiya» in the spiritual consolidation of the Tatar Muslim religious community.

Keywords: Volga and Ural regions, Tatar people, folk Islam, graves of sufi sheikhs, holy springs, fetishism, magic, spoilage, evil eye.

Во всех мировых монотеистических религиях присутствуют остаточные элементы языческих верований, глубоко укоренившиеся в духовной повседневности народов, независимо от их образовательного и культурного уровня. В этом отношении мусульманское вероучение татар не является исключением. В их будничной повседневности архаичные элементы языческих верований по-прежнему остаются одними из специфичных компонентов латентной институционализации их взглядов на природные явления и жизненное бытие, придуманных в период языческой древности, отдельные сюжеты которых постоянно обновляются и тиражируются духовными аниматорами.

Будучи одним из специфических основ народно-религиозного сознания, народный ислам оказывает определенное воздействие на татар-мусульман в плане приобщения их к древним этническим пластам исламского верования тюркского населения Евразии. Формы и проявления народного ислама у татар Поволжья и Приуралья достаточно разнообразны. Наряду с догмами «нормативного» ислама у них сохраняется широкий круг представлений и обычаев, восходящих своими корнями в доисламские традиции. Это, прежде всего, культ мусульманских святых, исламизированные анимистические верования и магия.

Самым распространенным проявлением народного ислама в современном татарском обществе являются архаичные языческие суеверия, основанные на вере в сверхъестественную причинность и существование параллельного мира нечистых сил, враждебного человечеству. Этими потусторонними существами пронизано обыденное сознание значительной части татарского населения деревень Поволжья и Приуралья. Об этом наглядно свидетельствует наличие в сельском обществе древних заговоров («эшкерү»), тесно переплетенных с исламом. Причем мусульманское вероучение де-факто не запрещает отдельные магические ритуалы, такие как заговоры от порчи, сглаза, страха, обряд изгнания из человека нечистой силы

(экзорцизм), поскольку считается, что сам пророк Мухаммад совершал подобные обряды.

Заговоры, сохранившиеся в татарском обществе до наших дней, своими корнями уходят в арабскую магию, отчасти и в древнетюркское тенгрианство, которые передавались из уст в уста по семейно-родовой цепочке. Слова заговорных заклинаний, мелодика, тембр и темп звуков несут сильнейшую магическую энергию и часто материализуются. Причем, по мнению авторитетных источников, заговоры реализуются только в случае искренности намерений просящего и его уверенности в том, что это поможет ему, что потребует от него всей силы его веры, направленной на избавление от болезней и дурных знамений. Дошедшие до нас и практикуемые сейчас мусульманские магические ритуалы в татарском обществе в большинстве своем представлены заклинаниями и обрядами, используемыми для защиты от болезней и несчастных случаев, привлечения удачи в хозяйственных делах, благополучия и семейного счастья. В сознании современных татар-мусульман по-прежнему существуют и привороты, и сглазы, и порчи, вредящие людям. Татарские заговоры отличаются от славянских и финно-угорских аналогов тем, что они похожи на стандартные молитвы мусульманского вероучения. Часто в татарских заговорах используются аяты из сур Корана, применяющиеся для избавления от сглаза, порчи, различных болезней или привлечения удачи в жизни при решении проблем в различных житейских сферах. К примеру, для снятия проклятия «дурного глаза» (сглаза, порчи и др.) часто практикуются такие суры Корана, как «аль-Фатиха» («Открывающая», Сура 1-я), «аль-Ихлас» («Очищение веры», Сура 112-я), «аль-Фалак» («Рассвет», Сура 113-я), «ан-Нас» («Люди», Сура 114-я). Наиболее сильным аятом в Коране считается «Аят аль-Курси» (буквально – «Аят Престола», Аят 255-й Сура 2-я: «аль-Бакара» – «Корова»). Этот аят олицетворяет могущество и абсолютную власть Аллаха над всеми своими творениями и широко используется верующими для защиты себя и своего жилища от нечистых сил (шайтанов, джиннов, духов-хозяев жилища («ий иясе»), леса («урман иясе»), воды («су анасы») и др.). Кроме того, у татар, в отличие от марийцев, мордвы, удмуртов, чувашей и других коренных народов Поволжья и Приуралья с древнейшими языческими традициями, при совершении заговорных действий почти не применяется магия задабривания потусторонних сил в форме подношения ритуальных угощений (каши, вареных куриных яиц, хлебных и кондитерских изделий и т.п.). В татарском обществе вознаграждение за совершение заговорного ритуала, как правило, получает мусульманский священнослужитель в форме угощений и подаяния (садаки). Причем одной из особенностей заговорной магии в исламе является то, что, несмотря на упоминания в Коране различных существ, при совершении молитв-заговоров авторы обращаются только к Аллаху.

В наши дни среди татар интенсивно возрождаются такие древние народные традиции жертвоприношения, как «гакыйка корбан» – в благодарность за рождение в семье ребенка, «назер корбан» – в благодарность за выздоровление близкого человека или собственное излечение, за удачное избавление от бед или решение намеченных дел. В таких случаях по древней традиции татарин-мусульманин совер-

шает заклятие жертвенного животного и благодарит Аллаха за покровительство, милосердие и щедрость. Магия подобных жертвоприношений является одним из древнейших верований человечества, и ее действия и обряды, совершаемые с какой-либо необычной, сверхъестественной целью, используются для воздействия на явления природы, людей или животных.

Эти магические ритуалы проводились, как правило, представителями мусульманского духовенства (ишанами, шейхами, муллами и др.) в мечети или на дому. В дореволюционной татарской деревне совершение заговоров по отношению больных или обрядов с просьбой о ниспослании удачи в хозяйственных делах было обычным делом. Почти в каждой деревне были священнослужители и народные целители, которые практиковали индивидуальные, реже коллективные заговоры и обряды по отношению страждущих. И в советское время в татарских селениях наблюдались случаи совершения заговоров и обрядов с целью излечения больных. Конечно, они проводились тайно от властей, насколько это было возможно. К примеру, в татарском селе Абдреево Ново-Малыклинского района Ульяновской области примерно в 1870–1970-е гг. жил известный провидец и народный целитель, имам Гилязетдин (Гиляй) Фасхетдинов, к которому из разных регионов СССР (не говоря уже о близлежащей округе – Куйбышевской, Пензенской, Саратовской областей, Башкирской, Мордовской, Татарской, Чувашской АССР) приезжали люди со своими проблемами. К народному целителю с мольбой о помощи, как правило, приходили люди после долгих и безуспешных мытарств по медицинским учреждениям. Гиляй-бабай, как его в народе называли, редким отказывал в помощи. Пришедшим к нему людям он стремился дать не только надежду в скором выздоровлении, но и привить понимание, что первопричины болезней и излечения заключаются в них самих. Во время совершения таинства заговоров он всегда говорил: «Я помогаю только тому, кто хочет помочь самому себе». В то же время при совершении таинства заговора им часто выявлялись источники недуга, связанного с посещением больного заброшенных кладбищ, домов, колодцев, скотобоен и других «нечистых» мест или осквернением святых мест, бытовым оскорблением людей, что помогало больному как-то определиться с причинами недуга и настраивать свой организм на выздоровление [3]. Как свидетельствовала «народная молва», многие посетившие его получали облегчение и выздоровление. К нему с мольбой о помощи приходили люди и немусульманского вероисповедания. В моей памяти зафиксировался случай с тяжело больным мальчиком в начале 1970-х гг., когда его на телеге везли к Гилязетдину Фасхетдинову на заговорное исцеление. Судя по изнуренным и сумрачным лицам сопровождавших его людей, Гиляй-бабай для них оставался последней надеждой. Этот пример указывает на то, что некоторые татарские муллы прибирали к своим рукам функции шаманов и сами брались лечить больных методами шаманской магии, вычитыванием аятов и сур Корана. Во время проведения магических сеансов они дули или поплевывали в различные части тела больного. Феномен мулл-лекарей, общавшихся с духами параллельного (потустороннего) мира и пользовавшихся их помощью при лечении больных, живуч в представлениях татар.

В наши дни элементы народного ислама – это не только неотъемлемая часть национальной истории и культуры татар Поволжья и Приуралья, но и важный фактор в практической институционализации организационно-культурных структур народных святых мест. Для современного Татарстана данное обстоятельство обусловлено интенсивным возрождением древних исламских святынь, а также процессом становления и развития народных святых мест. Об этом достаточно ярко свидетельствует возрождение не только мусульманских святынь в Болгаре, но и народных святых источников Билярска, Иски-Казани и др. Все это является ни чем иным, как духовно-религиозным фетишизмом, выраженным в поклонении изначально исламским древностям и их своеобразным символическим и магическим образам.

При этом следует сказать, что в период возрождения болгарских святынь в 1990-е гг. среди мусульманского духовенства Поволжья и Приуралья не было единства в вопросе правомерности почитания г. Болгар как исламского объекта малого хаджа. Если председатель Центрального духовного управления мусульман России, Т. Таджутдин в своем письме от 28 мая 1996 г. к президенту Татарстана М.Ш. Шаймиеву просил его оказать содействие в проведении малого хаджа по случаю принятия ислама в Древнем Болгаре, то Духовное управление мусульман Татарстана, наоборот, считало, что это «нечто новое, не присущее исламу, это ширк (многобожие)». Поэтому участвующие в нем нарушают мусульманские каноны. Им было принято специальное постановление, что «поездка в г. Болгар в определенное время и с исламской точки зрения ширк, поэтому участвовать в этих мероприятиях нельзя» [7, с. 89]. Это противостояние среди духовенства в вопросе определения Болгара местом малого хаджа татар-мусульман России являлось не только следствием борьбы между двумя исламскими духовными управлениями за влияние на верующих, но и своеобразной формой политического пиара мусульманских святынь, направленного на консолидацию татарского общества на основе как светских, так и исламских ценностей. В то же время определение Болгара местом малого хаджа татар-мусульман России являлось одной из приоритетных задач укрепления политического суверенитета Татарстана.

Исследователи-религиоведы определенно выявили, что в течение более чем 1100-летнего периода бытования ислама в местах компактного проживания татар в России впитались в него не только отдельные этнические и бытовые обряды доисламских верований, но и своеобразные сакральные элементы постоянно менявшейся этнической и бытовой повседневности [4]. Фактически они особо не противоречили обычаям и правилам поведения в быту, расписанным шариатом в форме своеобразного алгоритма существования мусульманина от его рождения до «загробной жизни». В российских условиях маркером религиозности для многих татар-мусульман являлось последовательное соблюдение пяти столпов мусульманского вероучения. Однако все это не мешало им использовать в своей будничной жизни отдельные элементы древнего тенгрианства, связанные с поклонением могилам святых ходжей, суфиев и ишанов и других праведных мусульман, своих предков, получивших со временем исламизированную оболочку. Мусульманские святыне стали восприниматься в обыденном сознании верующих

как исполнители функций духов предков, духов-хозяев местности и духов-покровителей семей и родов. Одновременно доисламские святые места связывались в народном сознании с теми или иными мусульманскими праведниками. Таким образом, культ святых был одной из форм народного ислама в сельской повседневности татар Поволжья и Приуралья.

И в наши дни в сельской местности сохранились традиции почитания молитвой могил мусульманских святых или старых кладбищ, посещения могил родичей в период празднования Уразы-байрама и Курбан-байрама и совершения около их захоронений индивидуальных или коллективных молебнов. К примеру, в Татарстане среди татар распространена практика совершения паломничества к могилам мусульманских святых (ишанов, шейхов, суфиев, ходжей и др.) XV–XIX вв., в том числе к захоронениям Гайши-бике, Муллы-хаджи [6].

Известно, что некоторые захоронения, представлявшие различные суфийские братства (таррикаты), со временем стали объектами культового поклонения татар. За свои праведные дела суфии при жизни или после смерти начали почитаться как святые ишаны или шейхи. Паломничество к святым могилам суфиев продолжается и в наши дни. К примеру, такие могилы в Поволжье известны в селах Боровка Мелекесского [1] и Новые Зимницы Старокулаткинского [8] районов Ульяновской области, в которых захоронены шейхи и ишаны. Так, в Боровском кладбище имеется специальный участок, известный в народе под названием «Ишаннар каберлеге» («Могилы ишанов»). Во время первого моего посещения кладбища в начале 2010-х гг. там было обветшалое деревянное строение (молельный дом), состоявшее из двух небольших помещений, полы которых были устланы старыми коврами. Одно из помещений – старое сооружение – было снесено и на его месте построен небольшой молельный домик из камня, бетона, стекла и металла, облагорожен сам участок ишанского захоронения. Вокруг этого здания находится несколько захоронений ишанов с каменными надмогильными плитами, среди которых ишаны (шейхи) суфийского братства (тарриката) «Накшбандия»: Абдул-Джаббар бин Джагфар Абдуль бин Гафур аль-Парави (1784–1864), Валиахмад хазрат бин Мухтар (умер в 1821 г.), Шарафаддин хазрат Маляйша улы (умер в 1888 г.), Махмуд хазрат [1]. К могилам ишанов совершают паломничество жители не только д. Боровка и окружающих ее селений, но и других регионов России. Таким почитаемым местом также является могила ишана Хабибуллы Хансаварова в д. Новые Зимницы Старокулаткинского района. Так, по данным уполномоченного по делам религий Ульяновской области за 1959 г., на эту могилу приходили как местные верующие, так и мусульмане других селений и даже областей, которые возле нее читали молитвы, совершали религиозные обряды, устраивали коллективные угощения и раздавали вещи [5].

Культ мусульманских святых в большей степени, чем официальный ислам, удовлетворял эмоциональные потребности людей в непосредственной связи со сверхъестественными способностями мусульманских праведников (аулия), выполняющих своеобразные посреднические функции между Богом и ими. Одновременно окружающим населением они осознавались как покровители их деревень или родов. Возможно, ранее функциональное назначение отдельных святых было более спе-

циализированным, но со временем, в результате стандартизации и упрощения культа, могилы святых становились, главным образом, местами исцеления от душевных, отчасти и телесных болезней, к ним совершались паломничества для прошений. Возле них часто проводились различные магические обрядовые действия, сопровождавшиеся чтением отдельных сур и аятов Корана. Участники паломничества к могилам святых, как правило, совершали молитвенные обряды и приносили жертвоприношения в форме садаки, реже жертвенного животного. Кроме того, в знак преданности и благодарности им они приводили в порядок эти священные места. Паломничество к могилам святых можно рассматривать как своеобразный народно-исламский стереотип традиционно-общинного сознания.

В современных условиях они становятся атрибутами не только религиозного сознания, но и этнотерриториальной идентификации и пиара, что является следствием общей плюрализации духовной культуры. Об этом свидетельствует всевозрастающий интерес мусульманской общественности Поволжья и Приуралья к возрождению суфийских традиций и связанных с ними паломничества. С 2005 г. в с. Новые Зимницы Ульяновской области ежегодно проводятся Хансаваровские чтения, связанные с памятью суфийского шейха Хабибуллы Хансаварова. Такой же интерес к возрождению суфийских традиций наблюдается и в Татарстане: 17 августа 2013 г. в мечети «Анас» г. Чистополь прошли чтения имени известного шейха тарриката «Накшбандия» Мухаммадзакира хазрата Камалова (1818–1893) [2].

В то же время следует отметить и о некоторых специфических особенностях культа мусульманских святых в Поволжье и Приуралье. Здесь он не получил столь широкого распространения, четкой оформленности и выраженности, как в других регионах проживания приверженцев ислама. Что, скорее всего, связано с неразвитостью суфийских орденов и пресечением значительных религиозно-культурных связей между сельскими сообществами татар вследствие частых их миграций и межнационального поселенческого устройства на новых территориях Российской империи.

Однако не всегда мусульманская форма почитания святых могил или кладбищ была нужна для сохранения старых народных преданий о традиции и культуре ислама. Иногда они могли продолжить свое существование и в народных теологических преданиях, не связанных с мусульманским верованием. Что проявлялось у татар, например, в культе святых источников (родников, ключей и т.п.). Все необыкновенные родники, освященные по народным преданиям пребыванием святого, считались как святые источники. К примеру, таковыми в Татарстане считаются самые древние святые источники: «Изге Мулла-Хаджи чишмэсе» («Родник святого Муллы-Хаджи») в Высокогорском, «Хужалар тавы» («Гора Хозяев») в Алексеевском районах. Татары и их предки верили в чудесную силу и целительные свойства воды этих родников. Так, во многих местах компактного проживания татарского народа отдельные родники слывут как обиталища святых ходжей, поскольку их воды имеют определенный вкус, целебные свойства и долго не портятся. Много страждущих паломников стекались к этим родникам: пили воду, умывались водой, читали молитвы и оставляли записки со своими желаниями. Иногда паломники оставались

ночевать возле святого источника с предвкушением увидеть «благостный сон». Все видения сна, как правило, они толковали применительно причин появления болезни, а также ее излечимости и неизлечимости. Неудачность своего малого хаджа к святому источнику часто не разуверивала больного, а, напротив, он находил причину неудачи в себе, не оскорбляя при этом святыню сомнением или недоверием. К примеру, родники, находившиеся на территории Иски-Казанского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника [6], по сей день посещают много людей, в том числе бездетные женщины, поскольку среди татар распространен обычай вымаливания ребенка у святых источников. Пришедшие к святому источнику после водных и молитвенных процедур, как правило, уходя оставляют в утаенных местах возле родника письма (записки) с просьбой о помощи. Рассказы о чудесном исцелении больных и немощных, испивших святой водицы, среди татар не были редкостью. Причем в отдельных регионах свое поклонение святым могилам засвидетельствовали привязыванием лоскутков белой материи на ветках деревьев и кустарников, растущих рядом с ними (к примеру, на горе «Хужалар тавы» вблизи с. Билярска).

Таким образом, объекты народного ислама, почитаемые как святые места для паломничества, играют чрезвычайно важную роль в религиозной и этнической повседневности татар Поволжья и Приуралья. Сочетая в себе в равной степени признаки как материальной, так и духовной культур, они нередко концентрируют ключевые смыслы, общенациональные ценности, что позволяет им играть роль своеобразных духовных ориентиров для татарского народа. Одной из исторических особенностей народного ислама как духовно-религиозной составляющей является разнообразие его форм, обусловленных сплавом местных традиций. Два выделенных уровня народного ислама – это захоронения суфиев (ишанов, шейхов); святые места, как правило, своим происхождением связанные с мусульманскими святынями болгарской цивилизации (гг. Болгар, Биляр и др.) и Казанским ханством (г. Иски-Казань), надгробные памятники времен Волжской Булгарии. При этом важно понимать, что в обыденном сознании верующих мусульман все в совокупности поверья и ритуалы, вне зависимости от их реального происхождения, уже давно воспринимаются как мусульманские. Однако между этими уровнями существуют и определенные противоречия, к примеру, многие мусульманские духовные лица в целом не приветствуют народно-исламский фетишизм, связанный с культом мусульманских святых и их могил, паломничеством к святым источникам и малым (локальным) хаджем.

Источники и литература

1. Ахмедов И. Поездка в Теплый Стан [Электронный ресурс]. URL: <http://murza.ru/knigi-istati/publicistika-i-kraevedenie/20170909-poezdka-v-teplyi-stan> (дата обращения: 29.06.2022).
2. В Чистополе прошли чтения имени шейха накшбандийского тариката Мухаммедзакира Чистави // Духовное управление Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_2565.html (дата обращения: 10.12.2022).

3. Галимов Ш. Тайна «Кашмирской книги». Жизнь и судьба народного целителя Гилязетдина Фасхетдинова: первая попытка анализа // Самар татарлары. – 2019. – № 4 (25).

4. Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение / под ред. О.Н. Сенюткиной; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. – М.: ИД «Медина», 2013. – 214 с.; Идиатуллин А.К. Духовная культура татар-мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма). – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 178 с.; Новоженова И.С. Глобализация в сфере сознания и новые религиозно-духовные поиски европейцев // Актуальные вопросы Европы. – 2000. – № 4. – С. 138–169; Сибгатуллина А.Т. Суфийские тарикаты среди тюркских народов // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтническом регионе»). – Астрахань, 1995. – Ч. 1. – С. 84–86; Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края: историко-этнографический очерк. – Астрахань, 2006. – С. 28–33; Юнусова А.Б. Мобилизационный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2015. – № 3. – С. 106–115 и др.

5. Кобзев А.В. Религиозная обрядность верующих-мусульман Ульяновской области в 50–70-е гг. XX века [Электронный ресурс]. URL: http://idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/hist_kobzev.htm (дата обращения: 24.06.2022).

6. Музей Иски-Казани [Электронный ресурс]. URL: <http://komanda-k.ru> (дата обращения: 20.06.2022).

7. Мухаметгалиева С.Х. Ислам в современном социально-культурном развитии Татарстана: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999. – 204 с.

8. Святое место в Новых Зимницах [Электронный ресурс]. URL: <https://uliyanovsk.bezformata.com/listnews/svyatoye-mesto-v-novih-zimnitcah/> (дата обращения: 10.12.2022).

УДК 39(470.345)(470.41)

И.И. Шеянова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

МАТЕРИАЛЬНО-ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА МОРДВЫ ТЕТЮШСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: НА ПРИМЕРЕ СЕЛ БЕССОНОВО И УРЮМ

Статья посвящена материально-духовной культуре мордвы Тетюшского муниципального района Республики Татарстан. Рассмотрены мордовские обычаи и обряды, зафиксированные нами в 2021 г. во время фольклорно-этнографической экспедиции в мордовские сс. Бессоново и Урюм вышеназванного района РТ. Отдельное внимание уделено современному состоянию языка и национальной одежды.

Ключевые слова: фольклорно-этнографическая экспедиция, мордовский фольклор, обряд, обычай, национальные традиции, Тетюшский район.

I.I. Sheyanova

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE OF THE MORDVINS OF TETYUSHY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN: ON THE EXAMPLE OF BESSONOVO AND URYUM VILLAGES

The article is devoted to the material and spiritual culture of the Mordvins of Tetyushy municipal district of the Republic of Tatarstan. The Mordovian customs and rituals recorded by us in 2021 during the folklore and ethnographic expedition to the Mordovian villages of Bessonovo and Uryum of the above-mentioned district of the Republic of Tatarstan are considered. Special attention is paid to the current state of the language and national dress.

Keywords: folklore and ethnographic expedition, Mordovian folklore, ritual, custom, national traditions, Tetyushy district.

Летом 2021 г. сотрудники Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия приняли участие в фольклорно-этнографической экспедиции по мордовским населенным пунктам Тетюшского муниципального района Республики Татарстан, организованной Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан в рамках реализации мероприятий Года родных языков и народного единства в Республике Татарстан. По причине того, что наибольшее количество мордвы в Республике Татарстан (10%) проживает в Тетюшском районе, было принято решение посетить мордовские села, входящие в его состав. Это сс. Бессоново, Кадышево, Кильдюшево, Киртели и Урюм. Мной ранее уже были опубликованы две статьи по результатам экспедиции: «Обычаи и обряды мордвы Тетюшского района Республики Татарстан: современное состояние» [3] и «Тячи ши, ванды ши, вандыда меле – Очижи! (Обычаи и обряды мордвы Тетюшского района Республики Татарстан: на примере сел Кильдюшево и Киртели)» [2]. Я продолжаю анализировать собранные материалы. На сей раз по сс. Бессоново и Урюм. Целью посещения этих сел было подробное исследование духовной и материальной культуры проживавшей здесь мордвы. Особое внимание нами уделялось сохранности мордовского фольклора, языка, одежды, традиционной пищи, обычаев и обрядов.

Самым первым вопросом, который мы задавали нашим информаторам по приезде в села, был: «Кто вы по национальности?» Нас очень удивил ответ, который мы получили в вышеназванных мордовских населенных пунктах. Нам отвечали, что они мокша! И это несмотря на то, что в селе Бессоново говорят на эрзянском языке, а в Урюме – на мокшанском. Но это не те мокшанский и эрзянский языки, которые бытуют у нас в Республике Мордовия. Это свой язык, который функционирует у мордвы, проживающей в Тетюшском районе Республики Татарстан. Еще в 1925 г. М.Е. Евсевьев в своей статье «Мордва Татреспублики», впервые опубликованной в сборнике «Материалы по изучению Татарстана» (Вып. 2, Казань), писал: «Нагорные эрзя и мокша, живя в течение нескольких веков бок о бок и имея между собой постоянную связь как экономическую, так и семейную, перемешали свои языки: мокша внесла в свой язык множество эрзянских слов, эрзя – мокшанских» [1, с. 185]. Исследователь, приводя примеры из языка жителей сс. Урюм и Бессоновка (ныне Бессоново), отмечал: «...в Урюме (мокша) – ложка называется по-эрзянски пенч (а не куцю), бог – шкай-пас, икона – паз-ава, овца – реве и проч. В Бессоновке (эрзя), наоборот, стол называется по-мокшански ширя, цеп – теляма, веник – теньф, конопля – каньф и проч.» [1; с. 185]. Такая же ситуация здесь сохранилась и по на-

стоящее время. Так, например, бессоновцы говорят на языке, который больше понятен нашим мордовским эрзянам, а урюмцы – на языке, более понятном нашим мокшанам. Складывается такое впечатление, что термин «мокша» для них имеет такое же значение, как для жителей Мордовии – «мордва», т.е. это и мокша, и эрзя.

Говоря о женской одежде мордвы Тетюшского района, следует вновь сослаться на вышеназванное исследование М.Е. Евсевьева. Ученый обратил внимание на то, что «...в пределах Татареспублики... мокшанские женщины и девушки не имеют своих особых костюмов и головных уборов; они то и другое носят эрзянские...» [1, с. 185]. Он лишь отметил, что женский костюм на левой стороне Волги значительно отличается от костюма обитательниц правой стороны. Если у левобережной мордвы головной убор «панго» был украшен разноцветными вышитыми узорами, медными цепочками, разноцветными пуговицами, монетами, блестками, бусами и бисером, то у правобережной – шился из белого холста или красного кумача и кроме узкой полоски узора на нижней части ничем не был украшен. Также и рубашки, которые имели похожие вышивки, отличались тем, что у левобережных женщин преобладали красные цвета в узорах, а у правобережных – темные. Описывая нагрудные украшения, ученый сделал акцент на том, что здесь, наоборот, женщины с правой стороны Волги «...очень любят различные нагрудные украшения и потому носят их в изобилии», а левобережные – «менее пристрастны к ним» [1, с. 186].

Спустя столетие, во время своей поездки к мордве сс. Бессоново и Урюм Тетюшского района Республики Татарстан, мы уже не встретили ни традиционных вышитых женских рубашек, ни аутентичных головных уборов, ни нагрудных украшений. Даже наши информаторы в возрасте 70–80 лет не могли вспомнить об элементах бывшего костюма, т.е. уже их матери не только не носили такой костюм, но и не рассказывали о нем. Современный костюмный комплекс здешней мордвы состоит из платка, повязываемого поверх волосника-чехлика, кофты, юбки, нижней кофты и сорочки. Кофта и юбка не имеют никакой вышивки, лишь украшены полосками разноцветной тесьмы. В повседневной жизни такой традиционный костюм носят лишь женщины старшего поколения. Молодое поколение (в лице участниц фольклорных коллективов) шьет его для сценических выступлений.

Приступая к разговору о духовной культуре мордвы вышеназванных населенных пунктов, следует отметить, что здешняя мордва, как и весь мордовский народ, изначально была приверженцем языческой веры, позднее обращена в христианство. Но здесь еще долгое время сохранялось двоеверие, с которым боролось местное православное духовенство. Мордва же втайне почитала и поклонялась своим богам, продолжала совершать свои языческие моления (озксы) и с трепетом относиться к своим священным рошам и кереметям.

Основным занятием местного населения было сельское хозяйство. Кроме того, так как села располагались недалеко от Волги, оно еще активно занималось рыболовством. Но М.Е. Евсевьев не оставил нам ни одного описания обряда, связанного с этим занятием. Зато зафиксировал много молений, которые имели важное значение для населения в их каждодневной аграрной жизни.

В своей работе ученый обратил внимание на то, что «в Урюме совершалось до 8 языческих общественных молений и несколько семейных» [1, с. 188]. К общественным он отнес: керетыюскс – моление плуга; лифтима-сувафтэмаоскс – моление выгона скота; вельоскс – мирское моление; баламыкоскс – моление кашицы; лайма оскс – моление сенокоса; саразоскс – моление кур; айгыроскс – моление жеребца; грань оскс – моление на грани. Кроме этого выделил семейные: стакаоскс – тяжелое моление; тастаоскс – моление саранчи и случайные; куд-аваньюскс – моление богине дома; сэдьалксоскс – моление в подполе; калдазоскс – моление двора; авняоскс – моление овина и др.

В настоящее время в с. Урюм нашими информаторами, которым было уже по 75–80 лет, не был воссоздан ни один из этих языческих молянов (даже со слов своих дедушек и бабушек). Из чего мы делаем вывод о том, что уже со второй половины XX в. они здесь не совершались. Зато долгое время сохранялись (некоторые исполняются до настоящего времени) обряды, связанные с православными праздниками: Рождеством Христовым и Крещением Господним.

Так, накануне Рождества здесь дети колядуют, а на само Рождество – ходят славить. (В этом селе ходят славить и на Крещение.) По сравнению с некоторыми другими селами здесь славят и мальчики, и девочки. Но если раньше они исполняли колядки, то теперь рассказывают стихи, поют тропарь «Рождество твое, Христе Боже наш...» или кант «Ангел прилетел». За это им хозяева дают угощение или денежку. А про себя примечают, кто пришел в дом славить первым, мальчик или девочка. Если мальчик, то год для всей семьи будет удачным. Поэтому первого пришельца стараются одарить как можно больше, чем остальных.

В Урюме каждая хозяйка на Рождество пекла фигурные булочки – алашанят (айгорнят), т.е. лошадки. С этими булочками ходили ночью слушать поведение лошадей. Если лошади стояли спокойно – год будет спокойный, а если фыркали и беспокоились – то неудачный. Немного постояв за дверью хлева и послушав, заходили вовнутрь и скармливали булочку лошадям. В настоящее время этот обряд исполняется редко, т.к. мало у кого в хозяйстве есть лошадь.

Кроме того, в селе в этот праздник (накануне Рождества до 11 часов вечера или утром) принято было проводить «катание молодоженов на лошадях». Лошадей наряжали яркими лентами, сажали в сани молодоженов (молодой жене обязательно на плечи накидывали красивую шаль) и возили их по всем родственникам. Это было своего рода знакомство с новыми родственниками уже в качестве не жениха и невесты, а мужа и жены. Теперь этот обряд уже не совершается [ПМА: Е.Н. Горбунова, З.И. Данилова].

Накануне Крещения до захода солнца здесь до сих пор рисуют кресты на окнах и дверях или делают их из лучины. (Делалось это для защиты своего жилища от злых сил.) Кресты из лучины помещают на божницу и через несколько дней, оставив один, остальные снимают и сжигают. (Несут ли теперь кресты защитную функцию, никто из старожиллов однозначного ответа не дал.)

По рассказам наших информаторов, в сс. Урюм и Бессоново молодежь гадала. Только с той разницей, что в первом селе это делали обычно накануне Рождества,

а во втором – на старый Новый год. В основном это были гадания на суженого, и совершаемые в Бессонове мало чем отличались от совершаемых в Урюме. Так, в Урюме, например, на суженого гадали следующим образом: в полночь девушки раздевались до ночной рубашки, распускали волосы, делали из палочек куклу и клали ее себе под подушку. Считалось, что кто во сне приснится, за того и выйдешь замуж. Здешняя молодежь гадала при свечах перед зеркалом – смотрели, кто появится в зеркале, за того и выйдешь замуж; еще гадали на лай собаки – на какой стороне лает собака, с той стороны будет будущий муж [ПМА: В.Н. Балантаева, Н.Н. Куркова]. А в с. Бессоново девушки в полночь бросали за ворота сапог или валенок. Утром же смотрели, куда повернут носок обуви, на ту сторону девушке предстояло в скором времени выйти замуж [ПМА: Л.В. Зотова].

В с. Бессоново также исполняются обряды, приуроченные к православным праздникам. Но здесь больше сохранилось крещенских, масленичных и пасхальных обрядов. Так, здесь на Крещение в полночь ходят за крещенской водой (крещениань веть) к колодцу или просто выносят воду на улицу из дома. (У кого есть возможность, крещенскую воду берут из храма.) Эту воду хранят до следующего Крещения и в течение года используют в лечебных целях или просто пьют на голодный желудок. Сейчас молодежь уже не с таким трепетом относится к этому обряду, они в основном уже и не знают, для каких целей предназначается эта вода.

На этот праздник бессоновские хозяйки обязательно варят калиновую кулагу (калинанькуся). Она до сих пор здесь остается традиционной пищей, которую готовят в значимые дни.

По воспоминаниям информаторов, в воскресенье на Масленицу (Масенця) в этом селе было принято зятям ходить к тещам просить прощение мачкастепрощенияньвешема. Теперь этот обычай уже не имеет такое важное значение. Он исполняется больше для куража, т.к. он как бы дает повод для прихода в гости к своим родственникам со стороны жены в праздничный день.

В субботу перед Пасхой (Ине чи) в Бессонове пекли куличи (кулицят) и красили луковой шелухой яйца. Эти куличи хозяйки хранили до Радоницы и брали с собой на кладбище для поминовения умерших предков. Куличи на Пасху пекут и в настоящее время, но уже не оставляют их на столь длительное время, т.к. теперь это уже не ритуальная еда и они утратили свое первоначальное значение. На саму Пасху здесь принято было «христосоваться» (палсема). Долгое время здесь в течение трех дней на пасхальной неделе взрослые собирались на «катание яиц» (воскасалксема). Дети в этом обряде участие не принимали. Теперь этот обычай полностью забыт [ПМА: Л.П. Пелькина].

Еще один интересный обряд проводится до сих пор в с. Бессоново. Со временем он утратил свое былое ритуальное магическое значение, но сохранил дух праздника и веселья. Этот обряд в с. Бессонове носит название овтоньяряжамо («наряжание медведя», в других мордовских селах района – «вождение медведей» (офтоньякафтомат)). Здесь в течение первых трех дней Троицы совершают до сих пор данный обряд, хоть и в трансформированном упрощенном виде. Активная группа людей собирается вместе и идет туда, где растут клены. Там из кленовых веток (берё-

скат) делают одежду для «медведя» и с таким ряженым с песнями, шутками и плясками идут в село, останавливаясь на перекрестках улиц и возле домов, перед которыми хозяева устанавливают столы с угощением. Если раньше этот обряд совершался для задабривания тотемного животного, то теперь эту функцию он утратил полностью. В настоящее время это своего рода общесельский праздник, который объединяет людей и создает атмосферу веселья и непринужденности [ПМА: Л.В. Зотова, Л.П. Пелькина].

Все зафиксированные в мордовских сс. Бессоново и Урюм Тетюшского района Республики Татарстан во время экспедиции ритуалы и праздничные действия в современном своем состоянии не несут тех магических предохранительных, лечебных или продуцирующих функций, какие возлагались на них в стародавние времена. Теперь это лишь их современная реконструкция, позволяющая сохранять и популяризировать культурные и духовные ценности мордовского народа.

Делая вывод из всего вышесказанного, следует отметить, что та часть мордовского народа, которая долгие годы проживает вдали от своей республики и по естественным причинам подвергается ассимиляции, старается сохранить свою идентичность и частичку своей родной культуры, которая дает ему силы на дальнейшее свое развитие.

Источники и литература

1. Евсевьев М.Е. Мордва Татреспублики // Материалы по изучению Татарстана. — Казань, 1925. — Вып. 2. — С. 179–194.
2. Калейдоскоп культур: Сб. материалов по результатам науч. экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. — Казань: Изд-во АН РТ, 2021. — С. 145–151.
3. «Тячи ши, ванды ши, вандыда меле-очижи!» (Обычаи и обряды мордвы Тетюшского района Республики Татарстан: на примере сел Кильдюшево и Киртели) // Центр и периферия. — 2022. — № 1. — С. 69–76.

Полевой материал автора

Данилова Зинаида Ивановна, 1941 года рождения, с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан, запись 2021 г.

Горбунова Екатерина Назаровна, 1946 года рождения, с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан, запись 2021 г.

Балантаева Вера Николаевна, 1958 года рождения, с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан, запись 2021 г.

Куркова Надежда Николаевна, 1956 года рождения, с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан, запись 2021 г.

Зотова Любовь Викторовна, 1940 года рождения, с. Бессоново Тетюшского района Республики Татарстан, запись 2021 г.

Пелькина Лидия Петровна, 1954 года рождения, с. Кадышево Тетюшского района Республики Татарстан (в с. Бессоново Тетюшского района Республики Татарстан с 1972 г.), запись 2021 г.

СОСА-COLA ПО-МОРДОВСКИ: К ВОПРОСУ ОБ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИИ

Статья посвящена материальной культуре мордвы, традициям национальной мордовской кухни, которые восходят к древним временам и обычаям. При этом важную часть питания составляли напитки (симомбяльхть — мокш., симемапельть — эрз.), изготовление и употребление которых аутентично отражало самобытный колорит и исторически определившиеся ценности этноса. У мордвы особый почет получила поза — целебный безалкогольный напиток, по своим вкусовым качествам приближенный к американской Coca-Cola («Кока-Кола» — рус.).

Ключевые слова: этнос, материальная культура, традиция, поза.

COCA-COLA IN MORDOVIAN: ON THE ISSUE OF IMPORT SUBSTITUTION

The article is devoted to the material culture of the Mordovians, the traditions of the national Mordovian cuisine, which date back to ancient times and customs. At the same time, an important part of the food was drinks, the manufacture and use of which authentically reflected the original flavor and historically determined values of the ethnos. Mordvins received a special honor for pose — a healing soft drink, in its taste qualities close to the American Coca-Cola.

Keywords: ethnos, material culture, tradition, pose.

По сообщению с официального сайта американской компании безалкогольных напитков Coca-Cola Company, в начале марта 2022 г. производитель приостановил свою деятельность на территории Российской Федерации. Известный мировой бренд Coca-Cola попал под экономические санкции [14]. В этой ситуации отечественные производители приняли вызов, показав готовность предложить россиянам собственные продукты вместо ушедшего с рынка заморского. Попробуем разобраться с технологическими тонкостями приготовления старинных мордовских напитков, если выбрать их в альтернативу изобретенного в конце XIX столетия Дж. Пембертоном газированного безалкогольного напитка для замены алкоголя и предназначавшегося в качестве патентного лекарства. Возможно ли импортозамещение иностранной газированной шипучки мордовской позой? Но прежде уместным будет представить научное обоснование о генезисе позы, ее семантике и свойствах.

Мордовская традиционная пища и напитки постоянно вызывали неподдельный интерес в гуманитарной среде как со стороны историков и этнографов, так и многочисленных вояжеров по нашей необъятной стране. Первые сведения, относящиеся к описанию мордовской национальной пищи, содержатся в письменных источниках

XVII в., русских летописях, работах иностранных путешественников XVII–XVIII вв. (И. Барбаро, С. Герберштейна, И. Кампанеза, И. Кильбургера, Г. де Рубрука и др.), трудах академических экспедиций конца XVIII в. Судя по их откликам, в повседневности мордовская кухня не отличилась какими-то изысками и включала самые простые ингредиенты: овощи, корнеплоды, крупы, муку, молочные продукты и т.д.

Весьма древним напитком этноса считалась поза. Однако при этом сразу же возникает дилемма относительно того, что это – квас или брага? У мокшан данный напиток назывался позой, у эрзян – брагой. Однозначно появляется необходимость в семантическом разборе напитка.

В мокшанско-русском и эрзянско-русском словарях слово «поза» переводится как «брага» – домашний напиток, изготовленный из ржаного солода, свеклы, картошки, дрожжей и хмеля в определенных пропорциях [4, с. 503; 13, с. 89]. Однако в словаре С.И. Ожегова брага представляет собой старинный русский слабоалкогольный напиток из солода, а его второе значение – домашнее пиво [5, с. 54]. Т.е. именно по содержанию и свойствам самого названия уже можно определить терминологический аппарат рассматриваемого эликсира. Тогда получается, что брага – слабоалкогольный напиток, а поза – безалкогольный?

По мнению И. Смирнова, поза – квас [10, с. 58]. Но в этнографических источниках ученые не совсем точно интерпретируют ее свойства и терминологию. Одни исследователи считают позу слабоалкогольным напитком (Е.И. Динес), другие (И. Смирнов) – бодрящим, без алкоголя, жаждоутоляющим.

Современники Г.Р. Столярова и А.М. Фазлиев, основываясь на материалы экспедиций (записи 2000 г.) утверждают, что местное мордовское население Республики Татарстан до сих пор варят позу, которая по своим свойствам походит на хмельной квас [12, с. 58]. У исследователя-полевика Е.И. Динеса безалкогольный напиток квас идентичен в изготовлении браге, позе: «Квас приготавливают из ржаной муки, заваривая ее в чугуне, выдерживают определенное время в печи, а затем заквашивают хлебной закваской» [2, с. 120]. Такой же способ заготовки кваса приводит и П.М. Мезин [3, с. 14], в отличие от Н. Прозина, который отмечает, что «Распустят муки в горячей воде, поставят кваситься, да и пьют затем, а такого обычая парить его у мокши совсем нет» [7, с. 112]. Исходя из собранных рассуждений, создается объективная данность: поза выступает самостоятельным напитком, не имеющим совершенно никакого отношения к браге. Попробуем доказать это предположение на анализе рецептурного состава и технологии варки позы.

В частности, советский этнограф Е.И. Динес, занимавшийся изучением обрядовой пищи мордвы, на фактуре полевых материалов, собранных автором в 1957–1959 гг. привел классический рецепт приготовления позы у мордвы, используемый этим этносом повсеместно: «В старину для получения браги из ржаной муки приготавливали солод из проросших, затем пареных и высушенных в печи зерен ржи, затем перемальвали на жерновах или толкли в ступах. Солод смешивали в определенных пропорциях со ржаной мукой, заливали холодной водой и ставили в чугунках в печь на два–три дня. Полученный раствор сливали в специальную кадушку с кра-

ном внизу, добавляли в него лузги мокш. „юв“, обычно от проса или гречихи, перемешивали, вновь разливали по чугунок и ставили в жаркую печь, чтобы масса загустела, покрылась бурой коркой. Заслон печи замазывали глиной для длительного сохранения высокой температуры. Тем временем подготавливали кадущку мокш. „парня“, на дно ее опускали деревянную решетку, которую застилали ржаной соломой, а промежутки затыкали пучками ржи, колосьями вниз. Выкладывали также ржаной соломой и стенки кадущки. В эту емкость выкладывали массу из чугунок и заливали кипятком. После остывания суло спускали через кран в сосуд. Вымыв кадущку, сливали в нее всю полученную после очистки жидкость и добавляли закваску. В качестве закваски использовали осадок от старой браги или ее специально приготавливали из хмеля или дрожжей. Готовую брагу разливали в глиняные сосуды» [2, с. 118]. Другими словами, интерпретируя Е.И. Динеса, поза – слабоалкогольный напиток, входящий в состав обрядовой пищи. Но при этом следует иметь в виду, что не вся мордва придерживалась этой технологии варки напитка. Южная группа мордвы-мокши имела свой рецепт, без добавления дрожжей и закваски, от чего поза выходила безалкогольной [6].

Между прочим, в настоящее время один из самых популярных тонизирующих и сытных напитков варят из сахарной свеклы – заменителя солода. Рецепт и советы по приготовлению мордовской браги именно из этого корнеплода передается из уст в уста, от одного поколения другому, и ценятся не только местным населением, но и гостями Республики Мордовия. Настоящей позой, приготовленной по старинной рецептуре, можно насладиться в с. Лесное Цибаево Темниковского района республики. Еще в 2018 г. Дж. Уоррен со съемочной группой «НТВ» отправился в темниковскую глубинку для съемок популярной телепередачи «Поедем, поедим!». После дегустации этого национального напитка англичанин «блеснул» своими познаниями в части национальных яств, отметив при этом, что национальные «позы» есть у разных народов. В Бурятии, по его точке зрения, так называют местные манты, в Чувашии – пиво* [11]. Но бурятские позы (буузы – по-бурят., позы – по-русски), о которых упоминал Дж. Уоррен, – общемонгольское национальное блюдо, которое по сути представляет мясо, завернутое в тесто, приготовленное на пару.

Нужно отметить и то, что современная Мордовия – один из лидеров в сельскохозяйственном секторе экономики, включая производство экологически чистой продукции, например, сахарной свеклы. Этот корнеплод в региональном плане впервые начали разводить во второй половине 1820-х гг. в связи с открытием «помещичье-дворянских» (домашних) сахароваренных заводов на этой территории. После ликвидации заводов некоторые семьи (на своих огородах, приусадебных участках) продолжали выращивать сладкие корни для собственных нужд. Из-за недостатка сахара возделыванием сахарной свеклы (в незначительных масштабах) также занимались перерабатывающие предприятия, пищекомбинаты и др. [9, с. 128]. Например, в 1946 г. только по системе Министерства пищевой промышленности МАССР ее было собрано 25,7 т [8, с. 124].

---

* Возможно, Дж. Уоррен имел в виду чувашскую медовую бражку *юсё/юслёх*, схожую с мордовской позой.

Колхозы и совхозы Мордовии начали культивировать сахарную свеклу в 1949 г., с отведением под эту техническую культуру на территории Ромодановского района 250 га земли. В следующем году ее посевная площадь значительно расширилась за счет полевых угодий преимущественно северо-восточных районов республики. Подлинную прописку на мордовских полях сахарная свекла получила в 1953 г. С 1954 г. ее посевы увеличились по сравнению с предыдущим годом на 1 тыс. га [1, с. 134], хотя средняя урожайность составила 32 ц/га (на 52 ц меньше, чем в среднем по РСФСР) [1, с. 398].

Если в Мордовии выращивание сахарной свеклы стало традиционным, то почему производство позы на ее основе не попытаться вывести из статуса «домашнего» напитка, расширив горизонты и объемы его приготовления до уровня государства? Безусловно, для ее приготовления потребуется достаточно много терпения и выдержки. Хотя в некоторых мордовских селах и ресторанах г. Саранска довольно часто предлагается поза с мордовскими блинами пачат. Рецепт этого по-настоящему вкусного безалкогольного напитка складывался веками: сахарную свеклу мыли, очищали, нарезали, укладывали в чугунок (или кастрюлю) и заливали водой, чтобы она полностью закрывала нарезанные корнеплоды. Ставили посуду в протопленную печку (или, как сегодня, в духовку) на самый малый огонь, оставляя томиться на целый день (до полной мягкости и эластичности свекольных долек). После свеклу разминали, добавляли в полученное пюре ржаной муки, а после нарезки готовой массы на мелкие кусочки раскладывали их на противне и вновь отправляли в печь. Из полученных же сухариков (которые, кстати, можно хранить годами в сухом месте, в полотняном мешочке или керамической, стеклянной посуде) и готовился волшебный напиток.

Необычную заготовку свекольных сухарей удалось записать от респондента из с. Адашева Кадошкинского района Мордовии: «Корнеплод тщательно отмывают, режут кругляшами и складывают в чугунок. На дне тары должна быть ключевая вода для того, чтобы не подгорела свекла. Чугунок плотно закрывают и ставят в печь „яваньпанакуд“ (букв. истопленная печь – Т.Я.). Эту процедуру делают дважды для томления свеклы в собственном соку. Затем свекольную массу тщательно мнут деревянной мялкой, охлаждают и замешивают со ржаной мукой, чтобы получилось однородное тесто, мокш. „пяштенят“ – лепешки, которые выпекают в печи два дня подряд» [7]. Полученные лепешки также можно было хранить долги годы, независимо от температуры. Отличный полуфабрикат в дальнейшем был незаменимым ингредиентом для варки пенной позы. Смекалистые мордовочки в неурожайные периоды успешно использовали свекольную заготовку их лепешек для варки позы.

Далее, следуя рецепту, свекольные сухари заливались горячей кипяченой водой и оставались в таком состоянии на всю ночь. Утром настой сцеживался и применялся в качестве сусла^{*}, которое ставили в темное место. Остатки сгустков сухарей заливали второй раз, добавляли в полученную смесь ржаной муки и тщательно пе-

---

^{*} Сусло – самый вкусный пряный напиток, не считавшийся готовой позой, который мордовская ребятня очень любила и выжидала, когда родители угостят их таким сладким, ароматным и душистым питьем.

ремешивая погружали часа на три в истопленную печь. После этих процедур сусло смешивали со второй настойкой в общем чугуна и оставляли для томления на пять часов с лишним. Затем чугуны с позой прятали в темное место, предварительно добавив кусочек хлебного теста «кшишапакс», который и вызывал легкое брожение будущей позы, для солодования. Именно на этом этапе приготовления напитка от хозяйки требовалась стойкость, чтобы удержаться несколько часов, не попробовав манящую ароматом пряного ржаного хлеба позу.

Следующий нехитрый совет по хранению этого напитка записан также со слов респондентки из с. Адашева: «Издrevле поза была напитком без каких-либо премудростей, примесей и добавок. Пили ее и млад, и стар, никакого алкоголя не содержала она в себе. Держали позу в глиняных горшках, а нынче во флягах в погребе. В настоящее время держим позу в стеклянной таре в холодильнике, и она может так храниться очень долго, не теряя своего качества. Если же поставишь позу в тепло, то она начинает бродить, давая небольшой градус алкогольного опьянения» [7].

Изложение и анализ вышеописанного материала позволяет заключить, что мордовскую позу следует идентифицировать как безалкогольный напиток. Его варение возможно и в домашних условиях, и на производстве. Это удивительно вкусное по составу и качеству угощение, являясь визитной карточкой для приезжающих в Мордовию, может прекрасно заменить на отечественном рынке иностранную шипучую газировку под названием Coca-Cola.

Источники и литература

1. Бикейкин Е.Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг. (на материалах Мар., Мордов. и Чуваш. АССР) / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2017. – 448 с.

2. Динес Е.И. Традиционная пища и утварь мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа / Тр. ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 1963. – Т. 86. – С. 104–126.

3. Мезин П.М. Архаические черты в обрядовой пище мордвы // Этнокультурные процессы в Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – С. 3–18 (Тр. НИИ. Вып. 71).

4. Мокшень-рузоньвалкс: 41 000 слов / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Республики Мордовия; под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. – М.: Рус. яз.; ТОО «Дигора», 1998. – 920 с.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 1997. – 944 с.

6. Полевой материал автора. Янгайкина Раиса Андреевна, с. Адашево Кадошкинского района РМ, 1942 г.р. – Записи 2021 г.

7. Прозин Н. Картины мордовского быта // Пензенские губ. ведомости. – 1895. – № 30–40.

8. Пыков А.М. Пищевая промышленность Мордовской АССР в послевоенный период (1946–1950 годы) // Вестн. Саратов. гос. социально-экономического ун-та. – 2011. – № 1 (35). – С. 123–126.

9. Пыков А.М. Производство продовольствия в Мордовии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Вестн. Саратовского гос. социально-экономического ун-та. – 2011. – № 1 (35). – С. 126–128.

10. Смирнов И. Мордва: Ист.-этногр. очерк. – Саранск, 2002. – 296 с.

11. Саранск – образцовый провинциальный город [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/archives/146666> (дата обращения: 10.03.2022).

12. Столярова Г.Р., Фазлиев А.М. Этнокультурные процессы у мордвы Татарстана (на примере юго-восточных районов РМ) // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Саранск, 8–9 окт. 2020 г.). – Саранск: Изд. центр Ист.-социол. ин-та, 2020. – С. 56–59.

13. Эрзянь-рузоньвалкс: 27 000 слов / НИИ яз., лит., истории и экономики при Правительстве Мордов. ССР; под ред. Б.А. Серебренникова и др. – М.: Рус. яз.; ТОО «Дигора», 1993. – 803 с.

14. The Coca-Cola Company Suspends its Business in Russia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coca-colacompany.com/press-releases/coca-cola-company-suspend-business-russia> (дата обращения: 10.03.2022).

РАЗДЕЛ III. АГРАРНЫЙ СЕКТОР РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94(470.343)

А.Г. Акшиков

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Россия*

СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ ГЛАСНЫХ УРЖУМСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ В 1867–1912 ГОДАХ

Статья посвящена рассмотрению сословного состава Уржумского уездного земского собрания в период с 1867 по 1912 г. Отмечается тенденция к превалированию гласных от крестьянского сословия в земском собрании, формируемом по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., и ее прерывание после земской реформы 1890 г. Обращается внимание на равноправие дворян-землевладельцев уезда с представителями других сословий при участии в земском избирательном процессе и широту возможностей, предоставленных законом крестьянам, до земской реформы 1890 г., для значительного увеличения своего представительства в уездном земском распорядительном учреждении.

Ключевые слова: Уржумское уездное земское собрание, сословный состав уездных земских гласных, земские гласные крестьяне, Уржумский уезд, Вятская губерния.

A.G. Akshikov

THE ESTATE COMPOSITION OF THE VOWELS OF THE URZHUM UYEZD ZEMSTVO ASSEMBLY IN 1867–1912

The article is devoted to the consideration of the estate composition of the Urzhum uyezd zemstvo assembly in the period from 1867 to 1912. There is a tendency to the prevalence of vowels from the peasant class in the zemstvo assembly formed according to the «Regulations on provincial and uyezd zemstvo institutions» of 1864 and its interruption after the zemstvo reform of 1890. Attention is drawn to the equality of the nobility-landowners of the uyezd with representatives of other estates when participating in the zemstvo electoral process and the breadth of opportunities provided by law to peasants, before the zemstvo reform of 1890, to significantly increase their representation in the uyezd zemstvo administrative institution.

Keywords: Urzhum uyezd zemstvo assembly, estate composition of the uyezd zemstvo vowels, zemstvo vowels peasants, Urzhum uyezd, Vyatka province.

Сословная структура земских гласных в значительной мере определялась «Ведомостью о числе гласных, избираемых в земские собрания», являвшейся приложением к ст. 33 и 52 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. (далее – Положение 1864 г.), и «Расписанием числа гласных губернских и уездных земских собраний», являвшимся приложением к ст. 14 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г. (далее – Положение 1890 г.). В ведомости, а затем в расписании указывались количество уездных гласных, кото-

рое следовало избрать по каждой отдельной курии, а также численность губернских гласных, избираемых от уездных земских собраний [22, с. 6, 7; 23, с. 5–9; 24, с. 497; 25, с. 369–383].

Согласно Положению 1864 г., курий было три: от землевладельцев, городов и сельских обществ. Кандидаты в гласные по первым двум куриям формировались на основе имущественного ценза, причем без учета их сословной принадлежности. Лишь по третьей курии в основном применялся сословный ценз. В пределах этой курии избирательное право могли осуществлять прежде всего крестьяне, состоящие в сельских обществах, независимо от их материального достатка. Впрочем, законом допускалось участие в избирательных съездах от сельских обществ членов избирательного съезда землевладельцев и местных священников. Положение 1864 г. предоставляло возможность участвовать в выборах гласных земских собраний представителям всех сословий, в том числе и представителям от юридических лиц при условии, что они соответствовали цензовым требованиям закона.

При расчете количества гласных от курий власти стремились обеспечить наибольшее представительство зажиточных слоев уезда в уездных земских собраниях. Однако на деле это не всегда возможно было сделать. Были уезды, в которых численность зажиточных лиц была недостаточной, и в них трудно было игнорировать преобладание крестьянской массы, которая в основе своей хотя и являлась бедной, однако, именно крестьянские сельские общества владели значительной долей земельной собственности, и, соответственно, крестьяне оказывались одними из крупных плательщиков земских сборов. Законодателям приходилось это учитывать, и в итоге в земских собраниях таких уездов представительство от сельских обществ оказывалось относительно большим (50 и более процентов). Такие земства называли крестьянскими. К их числу относилось и Уржумское земство Вятской губернии. По Положению 1864 г. максимальное число гласных Уржумского уездного земского собрания составляло 20 человек. Из них от землевладельцев было возможно избрать 8 (40%) гласных, от города Уржума – 2 (10%) и от сельских обществ – 10 (50%).

Земская реформа 1890 г. внесла существенные изменения в численность гласных губернских и уездных земских собраний. Теперь вместо имущественного ценза был положен сословно-имущественный ценз. Новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» преследовало цель гарантированного обеспечения представительства дворян-землевладельцев в земских собраниях, при этом предполагалось, чтобы их доля в составе земских гласных как на уездном, так и на губернском уровне была как можно большей. Как и прежде, гласные уездных земских собраний избирались, как правило, по трем куриям. Однако теперь в первой курии (первое избирательное собрание) имели право участвовать только дворяне, обладавшие определенным законом имущественным цензом. Лица других сословий и представители юридических лиц составляли вторую курию. Они имели право выбирать гласных из своей среды во втором избирательном собрании. Крестьяне сельских обществ составляли третью курию. По новому Положению их право избирать гласных было ограничено. На волостных сходах они выбирали в гласные ряд лиц,

из числа которых губернатор утверждал гласных. Кроме того, крестьяне, входившие в состав сельских обществ уезда, утратили право избирать гласных и избираться гласными вне курии от сельских обществ. Это означало, что крестьянин, обладавший достаточным имущественным цензом, чтобы участвовать во втором избирательном съезде, не мог этого сделать в рамках того уезда, где находилась сельское общество, к которому он был приписан. Но при этом тому же самому крестьянину, владеющему недвижимостью, обеспечивающей необходимый имущественный ценз, за пределами уезда, где он был приписан к сельской общине, ничто не мешало принимать участие в недворянском избирательном собрании. Лишь царский указ от 5 октября 1906 г. предоставил сельским обывателям право участвовать во втором избирательном съезде, независимо от их участия в выборах гласных от сельских обществ уезда [26, с. 893]. Священно- и церковнослужители были исключены из земского избирательного процесса. Во многих случаях общее количество гласных в уездных земских собраниях было уменьшено, как правило, за счет крестьянского представительства, при этом число дворянства могло увеличиваться.

По Положению 1890 г. численность гласных Уржумского уездного земского собрания была уменьшена до 15 человек. Кроме того, законодателям пришлось учитывать тот факт, что дворянство уезда численно ничтожное и к тому же малоземельное. В итоге, в уезде было создано общее избирательное собрание. В нем могли принять участие все физические лица и представители юридических лиц уезда с определенным законом имущественным цензом. На избирательном собрании было возможно избрать 8 (53,3%) гласных, а на сельских избирательных собраниях – 7 (46,7%). Можно сказать, что численность гласных уездного земского собрания была уменьшена за счет крестьянского представительства, но при этом представители недворянских сословий наравне с дворянами боролись за право быть избранными уездными гласными.

Рассмотрим, как складывалась и со временем изменялась сословная структура состава гласных Уржумского уездного земского собрания, формируемого по Положению 1864 г., – с 1867 г., когда было сформировано земское собрание первого трехлетия, по 1888 г., когда состоялись последние выборы гласных по Положению 1864 г. Данные для анализа извлечены нами из ряда источников [1, с. 185; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 19]. Следует отметить, что не всегда удавалось избрать полный состав земского собрания. В 1873 г. на избирательных съездах от сельских обществ не смогли выбрать 2 человек, а в 1888 г. – одного человека.

В Уржумском уездном земском собрании курия уездных землевладельцев в словном отношении не отличалась однородностью, в ней, как правило, преобладали дворяне и чиновники. Однако в 1879 г. их было избрано 3 (37,5%), а в 1888 г. – один (12,5%). Возрастал удельный вес крестьян-землевладельцев. Если в 1867 г. их доля составляла всего 12,5% (один гласный), то в 1888 г. – уже 87,5% (7 гласных). Другие сословия были представлены слабо, причем мещан по курии не избирали. По городской курии в Уржумское уездное земское собрание почти всегда проходили купцы, причем с 1882 г. на избирательном съезде от города гласными выбирались только представители купечества. До этого иногда избирались гласными пред-

ставители от дворян и мещан. От сельских обществ избирались прежде всего крестьяне. До 1882 г. на одном из сельских избирательных съездов всегда выбирался один священник, а с 1885 г. представительство курии стало полностью крестьянским. В Уржумском уездном земском собрании доля крестьянского сословия была наибольшей. В 1888 г. она достигла 84,2% (16 гласных). Вторым по численности сословием являлось дворянство вместе с чиновниками, по крайней мере до 1885 г. До этого времени его доля в составе земского собрания варьировалась от 25% до 44,4%. Но в 1885 г. от дворян прошел всего один человек, и доля дворянства уменьшилась до 5,3%. Третьим по представительности сословием было купечество. Его доля в уездном земском собрании колебалась от 5,3% до 15%. Доли остальных сословий были еще более малыми.

Теперь перейдем к анализу сословной структуры гласных Уржумского уездного земского собрания, избираемого по Положению 1890 г., — с 1891 г., когда состоялись первые выборы по новому Положению, по 1912 г., когда прошли последние выборы перед Первой мировой войной. Данные для анализа извлечены нами из ряда источников [10; 11; 12; 13; 14, с. 3, 4; 15, с. 3; 16, с. 106; 20, с. 115; 21, с. 136].

Уржумское уездное земское собрание по имеющимся данным полностью комплектовалось согласно квоте, предусмотренной законом, за исключением одного раза, когда в 1906 г. на избирательном собрании не смогли избрать одного гласного. От сельских обществ все гласные были крестьянами, а вот сословная структура гласных от избирательного собрания отличалась большим разнообразием. Вначале преобладающей была доля купечества. В 1894 г. она составила 62,5% (5 гласных). Однако постепенно она уменьшалась, упав в итоге в 1912 г. до 6,7% (один гласный). Естественно, в это самое время увеличивалась доля других сословий, в частности мещан. Если по данным на 1894 г. их удельный вес составил всего 12,5% (один гласный), в 1912 г. он достиг 37,5% (3 гласных). Довольно стабильной была численность дворянства и чиновничества — 2–3 человека (25–37,5%). Крестьянство по имеющимся данным после указа 5 октября 1906 г. нестабильно выступало на избирательном собрании. Если в 1909 г. от собрания было избрано 2 крестьянина-землевладельца (25%), то в 1912 г. — ни одного. Очевидно, что социальный состав земских гласных, формировавшийся в ходе выборов в избирательном собрании, был весьма пестрым и непредсказуемым. В Уржумском уездном земском собрании наиболее представительной была группа от крестьянского собрания. По результатам выборов 1909 г. им даже удалось увеличить свое представительство до 60% (9 гласных), но обычно их доля не превышала 46,7% (7 гласных), т.е. не превышала квоты, предусмотренной Положением 1890 г. для крестьянской курии. По купцам и мещанам говорить о доле их представительства довольно сложно в виду резких колебаний их численности в составе земского собрания. Если исходить из принципа стабильности, то можно утверждать, что вторым по значимости сословием среди гласных земского собрания были дворяне вместе с чиновниками, чья доля колебалась от 13,3% до 20%.

При рассмотрении сословного состава уездных земских гласных следует иметь в виду, что в ряде случаев одно и то же лицо в течение времени могло состоять в

разных сословиях. В Уржумском уезде было несколько прецедентов, когда один и тот же гласный земского собрания в разные годы относился к различным сословиям. Наиболее ярким примером такого рода казусов стала сословная эволюция Е.И. Селюнина, который, став гласным земского собрания первого трехлетия, к 1912 г. являлся одним из старейших земских деятелей уезда. С 1867 по 1882 г. и с 1891 по 1894 г. он – крестьянин, гласный от сельских обществ. С 1882 по 1891 г. он также остается крестьянином, но выбирается гласным на избирательном съезде землевладельцев. В этот период времени в его собственности находилось 260 десятин земли (по Положению 1864 и 1890 гг. земельный ценз по Уржумскому уезду составлял не менее 250 десятин), что давало ему право относить себя к курии уездных землевладельцев [17]. В трехлетие с 1894 по 1897 г. Е.И. Селюнин предстает купцом, а с 1897 по 1906 г. – почетным гражданином. Новый сословный статус и наличие определенного законом имущественного ценза дали ему возможность участвовать в избирательном собрании. Если бы он оставался крестьянином, то при избрании его гласным от сельских обществ ему, чтобы попасть в уездное земское собрание, приходилось рассчитывать на благорасположение губернатора, за которым оставалось последнее слово в утверждении его в этом звании. Стать гласным по курии землевладельцев было проще, нежели по крестьянской курии. Наконец, на трехлетие с 1909 г. Е.И. Селюнина выбирают гласным на избирательном собрании как потомственного почетного гражданина [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 15, с. 3; 16, с. 106; 19; 20, с. 115].

Гласные Н.И. Таланцев и Н.Ф. Овчинников из мещан перешли в купеческое сословие [10; 15, с. 3; 20, с. 115; 21, с. 136]. Я.Н. Лохтин, гласный от избирательного собрания, из купечества (1897–1900 гг.) вернулся в крестьянское состояние (1900–1903 гг.). Тот факт, что он, будучи крестьянином, избирался гласным не по крестьянской курии, объясняется тем, что он имел достаточный имущественный ценз для участия в выборах в избирательном собрании, и, самое главное, не принадлежал к сельским обществам Уржумского уезда, являясь крестьянином Котельнического уезда Сервижской волости [18]. Крестьянин А.Ф. Казанцев избирался поначалу гласным от сельских обществ (в 1885 и 1888 гг.) [9; 19]. В 1903 г. он участвует в выборах избирательного собрания как купец, а в 1909 г. – как мещанин [11; 12].

Много раз гласными Уржумского уездного земского собрания избирались следующие лица: потомственный почетный гражданин, коллежский секретарь Л.П. Матвеев – 15 раз (в 1867, 1870, 1873, 1876, 1879, 1882, 1885, 1888, 1891, 1894, 1897, 1900, 1903, 1909, 1912 гг.) на избирательном съезде землевладельцев и избирательном собрании; крестьянин, затем купец, почетный гражданин, потомственный почетный гражданин Е.И. Селюнин – 14 раз (в 1867, 1870, 1873, 1876, 1879, 1882, 1885, 1888, 1891, 1894, 1897, 1900, 1903, 1909 гг.): 6 раз от сельских обществ и 8 раз на избирательном съезде землевладельцев и избирательном собрании; дворянин А.А. Садовень – 6 раз (в 1867, 1870, 1876, 1879, 1882, 1885 гг.) на избирательном съезде землевладельцев; дворянин С.Н. Депрейс – 6 раз (в 1870, 1876, 1879, 1882, 1885, 1891 гг.) на избирательном съезде землевладельцев и избирательном собрании; купец С.И. Стародубцев – 6 раз (в 1888, 1894, 1897, 1903,

1906, 1912 гг.) на городском избирательном съезде и избирательном собрании; крестьянин Д.И. Милютин – 6 раз (в 1879, 1882, 1885, 1888, 1900, 1903 гг.) от сельских обществ и один раз на избирательном съезде землевладельцев; купец М.П. Ульянов – 5 раз (в 1894, 1897, 1900, 1903, 1906 гг.) на избирательном собрании; крестьянин, затем купец и мещанин А.Ф. Казанцев – 5 раз (в 1885, 1888, 1903, 1909, 1912 гг.): 3 раза от сельских обществ и на избирательном собрании. По 4 раза гласными избирались: дворянин А.П. Данилов (в 1867, 1870, 1873, 1876 гг.) на избирательном съезде землевладельцев; купец А.А. Чернов (в 1873, 1876, 1882, 1885 гг.) на городском избирательном съезде; священник С.Н. Загуляев (в 1867, 1870, 1873, 1876 гг.) от сельских обществ и один раз на избирательном съезде землевладельцев; крестьянин Ф.И. Жмакин (в 1894, 1897, 1900, 1903 гг.) от сельских обществ.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» как 1864 г., так и 1890 г. допускало крестьянскую представительскую квоту в Уржумском уездном земском собрании равную половине (или около половины) его состава. Другим сословиям уезда приходилось обеспечивать свое представительство в земском собрании в конкурентной избирательной борьбе между собой. Причем у дворян-землевладельцев не было преимуществ перед лицами из других сословий. Кроме того, крестьяне, если они владели необходимым имущественным цензом, имели право принимать участие в избирательном процессе по другим куриям. В Уржумском уездном земском собрании, действовавшем по Положению 1864 г., наметилась явная тенденция к окрестнянванию его сословного состава. Однако она была прервана земской реформой 1890 г., ограничившей возможность крестьянам избираться гласными вне своей курии. Теперь крестьянство хоть и имело в земском собрании наибольшее представительство, все же очень редко становилось в нем доминирующим.

Источники и литература

1. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии на 1871 год. – Вятка: Тип. губ. правления, 1871. – 293 с.
2. Вятские губернские ведомости. – 1866. – № 89.
3. Вятские губернские ведомости. – 1866. – № 99.
4. Вятские губернские ведомости. – 1870. – № 58.
5. Вятские губернские ведомости. – 1873. – № 50.
6. Вятские губернские ведомости. – 1876. – № 53.
7. Вятские губернские ведомости. – 1879. – № 57.
8. Вятские губернские ведомости. – 1882. – № 57.
9. Вятские губернские ведомости. – 1885. – № 54.
10. Вятские губернские ведомости. – 1894. – № 48.
11. Вятские губернские ведомости. – 1903. – № 56.
12. Вятские губернские ведомости. – 1909. – № 75.
13. Вятские губернские ведомости. – 1912. – № 83.
14. Журналы Уржумского уездного земского собрания XL очередной сессии и экстренных сессий 18–19 мая и 1 декабря 1906 года с приложениями. – Вятка: Тип. и литограф. М.М. Шкляевой, 1907. – 698 с.

15. Журналы Уржумского уездного земского собрания XXV очередной сессии и доклады Уржумской уездной земской управы с приложениями за 1891 год. – Казань: Тип. А.Ф. Гросс, 1892. – 329 с.

16. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 год. – Вятка: Губ. тип, 1898. – 174, 282, 189, VI с.

17. Особое приложение к № 33 «Вятских губернских ведомостей» официальной части 1882 г.

18. Особое приложение к № 39 «Вятских губернских ведомостей» официальной части 1903 г.

19. Особое приложение к № 68 «Вятских губернских ведомостей» к официальной части 1888 г.

20. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 год. – Вятка: Губ. тип, 1900. VI, 195, 412, 211 с.

21. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 год. – Вятка: Губ. тип, 1907. – X, 106, 162, 211 с.

22. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. XXXIX. – Отд. 1. – № 40457. – СПб.: Тип. II отд. Собственно Е.И.В. Канцелярии, 1867.

23. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 3. №. 40457. Приложения. – СПб.: Тип. II отд. Собственно Е.И.В. Канцелярии, 1867.

24. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. X. Отд. 1. № 6927. – СПб.: Гос. тип., 1893.

25. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. X. Отд. 2. № 6927. Приложения. – СПб.: Гос. тип., 1893.

26. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVI. Отд. 1. № 28392. – СПб.: Гос. тип., 1909.

УДК 908

Р.А. Асрутдинова

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия*

ИСТОРИЯ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В АГРЫЗКОМ РАЙОНЕ ТАТАРСТАНА

Статья посвящена проблеме становления и развития колхозного строя в Татарии. В ней рассказывается о первых аграрных преобразованиях в Агрызском районе после 1917 года, о формировании различных типов хозяйствования, основанных на разных формах собственности.

Ключевые слова: Агрызский район, коллективизация, колхоз, сельское хозяйство, деревня, индустриализация.

R.A. Asrutdinova

THE HISTORY OF THE COLLECTIVE FARM MOVEMENT IN AGRYZ DISTRICT OF TATARSTAN

The article is devoted to the problem of the formation and development of the collective farm system in Tatarstan. It tells about the first agrarian transformations in Agryz district after 1917, about the formations of various types of management based on different forms of ownership.

Keywords: Agryz district, collectivization, collective farm, agriculture, village, industrialization.

Сложившийся на территории Татарстана уклад сельского хозяйства после Октябрьской революции был подвергнут коренной перестройке: была отменена частная собственность на землю, начато создание коллективных хозяйств (артели, ТОЗы, сельскохозяйственные коммуны, колхозы, совхозы). Первые колхозы начали появляться на территории республики в 20-х годах. В 1920 г. их насчитывалось 29, в 1928 г. – 231, в 1937 г. – 3847, в 1940 г. – 3893, в 1950 г. – 2445, в 1953 г. – 1913, в 1956 г. – 1832. В 1940 г. зафиксирована стопроцентная коллективизация сельского хозяйства республики. Уменьшение числа колхозов в 1950-е годы произошло в связи с укрупнением мелких колхозов.

В 1920 г. производство зерна упало в 3 раза по сравнению с 1913 г., картофеля – на одну треть. В ходе коллективизации сельского хозяйства к 1935 г., по сравнению с показателями 1929 г., поголовье лошадей сократилось на 205,7 тыс. голов (38%), коров – на 141 тыс. (30,2%), овец и коз – на 2158,5 тыс. голов (в 3 раза).

К 1940 г. в республике работали 3893 колхоза, 53 совхоза, 103 машинно-тракторные станции (МТС). Индустриализация всей страны предопределила техническое перевооружение сельского хозяйства. В 1930 г. в республике начали появляться первые МТС. В Агрызском районе первая МТС появилась в 1931 г. в с. Исенбаево. Она обслуживала близлежащие хозяйства этого региона до 1954 г. В 1941 г. организовывается Терсинская МТС, которая просуществовала до 1958 г. В 1958 г. МТС реорганизованы в РТС, которые были ликвидированы в апреле 1961 г. На их базе были образованы районные отделения Татсельхозтехники. В 1978 г. реорганизованы в объединения по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства, в 1982–1988 гг. – ремонтно-технические предприятия, в 1990–1995 гг. – районные объединения производственно-технического обеспечения сельского хозяйства, в 1995 г. акционированы.

Однако земледельческие отрасли развивались экстенсивно, урожайность сельскохозяйственных культур оставалась на уровне 1928 г. Валовой сбор зерна увеличился только на 8%.

В Агрызском районе колхозы начали появляться в 1928 г. Они первоначально организовывались в виде артелей по обработке земли, по выращиванию овощей, зерновых культур. Например, в Агрызе артель по обработке земли образовалась в 1927 г., в которую вошли 10 семей Агрыза. Каждый член артели передал в ее фонд лошадей, коров, телеги, плуги и т.д. В 1930 г. ввиду увеличения членов артели она была реорганизована в колхоз «Кызыл Йолдыз». Со временем колхоз переименовали в «III Интернационал». Колхоз занимался птицеводством, овощеводством, пушным звероводством, молочным животноводством. В 1958 г. на базе колхоза, заготскота и небольшого совхоза создано государственное сельскохозяйственное предприятие – откормочный совхоз «Агрызский».

В 1928 г. в с. Иж-Бобья крестьянами были созданы несколько сельскохозяйственных артелей по выращиванию овощей, зерновых культур. В 1929 г. мелкие артели «Красный огородник», «Красная горка» и др. объединились, организовав коллективное хозяйство «ИЗИЛ», в 1930 г. его переименовали в колхоз имени Кагановича

[3]. За колхозом было закреплено 3200 га земли, из них 1099 га пашни, 577 га сенокосных лугов, 350 га пастбища. В 1931–1937 гг. колхоз стал одним из передовых в республике. С помощью республиканских властей колхоз был электрифицирован, строились новые здания, открылся детский сад, были построены новый клуб, дом отдыха для колхозников за рекой Иж, проведено радио. В 1935 г. в селе была организована районная сельскохозяйственная выставка.

В 1929 г. в с. Исенбаево организован колхоз «Житәкче» (первый председатель – Г.Насыров). В 1931 г. он переименован в колхоз имени Яковлева. В это время в селе также организовывается МТС. Позже хозяйство разделилось на 3 колхоза: имени Фрунзе, «Комбайн», имени Микояна. В 1950 г. колхозы объединены в колхоз имени Фрунзе. В 1960 г. переименован в колхоз «Рассвет». В 1968 г. в с. Исенбаево открывается кирпичный завод.

В 1929 г. в с. Бима организовывается колхоз «Мариец» (первый председатель – И.Ишмурзин). В 1950 г. в его состав вошел колхоз имени Кирова (д. Мадык). В 1961 г. хозяйство «Мариец» объединяется с колхозом «Уйлыш» (д. Пелемеш) под названием «Россия».

3 марта 1931 г. в с. Варклед-Бодья организовывается колхоз под названием «Красная Бодья».

В 1928 г. в д. Иж-Байки организована артель «Кече урман», в 1930 г. – колхоз «Кызыл Иж», в 1933 г. переименован в колхоз «Татарстан» (занимался кролиководством), затем в колхоз «Сталин» (совместный с с. Биктово). В 1961 г. объединяется с колхозом имени Кирова (с. Терси) под названием колхоз имени XII партсъезда.

В годы коллективизации также основывались деревни. Например, в 1928 г. основывается поселок и колхоз Вольный Труд. Основали поселок несколько крестьянских хозяйств из дд. Терси, Сукман на месте бывшего имения помещика Ижболдина (первый председатель – Г.Нигматуллин). В поселок приезжали из соседних колхозов для ознокомления с жизнью нового колхоза. Колхоз в 1950 г. вошел в состав колхоза имени Ленина, объединившего населенные пункты: Варклед-Аул, Вольный Труд, Новоникольский, Новые Бизяки, Староникольский, Янга-Аул. Помимо возделывания земли колхоз производил кирпич [1].

В 1930 г. в селе Кадряково организованы 2 колхоза, именуемые «Звено» и «КИМ». В 1935 г. передовые колхозники участвовали на Всероссийском съезде колхозников. В 1937 г. в селе появился первый трактор. В 1948 г. жители сел Кадряково, Чельчи, Тоймы, Саклово на реке Кырыкмас поставили небольшую ГЭС, протянули линии электропередач в села. В том же году открылась изба-читальня.

В 1930 г. в с. Новая Чекалда организован колхоз «Красный Октябрь». В колхозе было шесть ветряных мельниц, кирпичный завод, маслобойка по производству конопляного масла, кузница, пилорама, две конюшни, ферма.

В 1929 г. в с. Терси был организован колхоз «Кызыл Тирсә», в 1935 г. переименован в колхоз имени Кирова. В 1941 г. организована Терсинская машинно-тракторная станция. В 1944 г. колхоз разделили на 2 самостоятельных хозяйства – колхоз имени Кирова и колхоз «Сигнал». В 1961 г. колхоз имени Кирова объединен с колхозом «Татарстан» (д. Иж-Байки) под названием имени XXII партсъезда.

В 1932 г. в с. Старая Чекалда организован колхоз «Якорь», в 1944 г. разделен на 2 колхоза – имени Чапаева и имени Чкалова. В 1959 г. построена электростанция, в 1960 г. проведено радио. В 1960 г. колхоз объединен с колхозом с. Кадряково под названием «Дружба».

В 1930 г. в д. Туба организован колхоз «Красная Туба». Колхозники занимались изготовлением кирпича, полеводством, животноводством.

В 1929 г. в д. Хороший Ключ организован колхоз «Хороший Ключ», или «Курашай Чишмэсе» (первый председатель – Г.Динмухаметов). Хозяйство занималось кролиководством, овцеводством, овощеводством, рыболовством. В 1950 г. вошел в состав колхоза имени Чапаева.

Периоды НЭПа, после сентябрьского (1953 г.) и мартовского (1965 г.) пленумов ЦК КПСС, 2000-е гг. обозначились подъемами в агропромышленном комплексе.

По предоставленным материалам можно подвести итог. В Агрызском районе колхозы в основном образовались в 1930 г. И во многих колхозах помимо обработки земли занимались другими видами производства разных видов продукции, которые могли принести дополнительный доход. Например, занимались пушным звероводством, рыболовством, рыбоводством, пчеловодством, овощеводством, изготовлением кирпича. А в 1950-е гг. велась подготовка к сельской электрификации, колхозы начали строить свои мини-электростанции. Строительство таких ГЭС велось в основном за счет средств колхозов. Межколхозные ГЭС были остановлены и полностью демонтированы в середине 60-х годов, а линии электропередач использовались при электрификации этих мест [2].

Источники и литература

1. Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: В 3 т. – Казань: Ин-т татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. – Т. 1. – 712 с.

2. Останки объектов малой генерации середины 20-го века облюбовали любители индустриального туризма [Электронный ресурс]. URL: <https://energobar.livejournal.com/644351.html> (дата обращения: 10.03.2022).

3. Организация колхозов сыграла огромную роль в развитии ТАССР [Электронный ресурс]. URL: <http://agryz-rt.ru/news/100-letie-tassr/organizatsiya-kolkhozov-sygralo-ogromnuyu-rol-v-razvitiit-tassr> (дата обращения: 10.03.2022).

УДК 9(908)

Х.З. Багаутдинова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ТАТАР АКТАНЬШСКОГО КРАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье дается ретроспективный анализ особенностей землевладения и землепользования татарского сельского населения северо-восточной части Мензелинского уезда Оренбургской/Уфимской губернии (современный Актанышский район Республики Татарстан) в XIX –

начале XX века. Рассмотрена сословная структура жителей и ее влияние на систему земле- владения в крае, оценены особенности хозяйственной культуры, хлебопашества и животно- водства, представлены материалы, характеризующие общественный быт, народное право- сознание и социальное устройство сельских обществ.

Ключевые слова: Актанышский край, татары-хлебопашцы, тептяри, башкирцы, землевла- дение, хозяйственная культура.

H.Z. Bagautdinova

FEATURES OF THE SYSTEM OF LAND OWNERSHIP AND LAND USE OF THE TATARS OF AKTANYSH REGION IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The article provides a retrospective analysis of the peculiarities of land ownership and land use of the Tatar rural population of the north-eastern part of Menzelinsk district of Orenburg/Ufa province (modern Aktanysh district of the Republic of Tatarstan) in the 19th – early 20th centu- ries. The class structure of the inhabitants and its influence on the system of land ownership in the region are considered, the features of economic culture, arable farming and animal husban- dry are evaluated, materials characterizing social life, national legal consciousness and the social structure of rural societies are presented in it.

Keywords: Aktanysh region, the Tatars-farmers, Teptyars, Bashkirs, land ownership, economic culture.

Актанышский край исторически являлся одним из развитых аграрных районов Восточного Закамья. Еще в раннее средневековье, в эпоху Волжской Болгарии, ме- стное население занималось земледелием, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки [8, с. 73–76]. Развитию сельского хозяйства способство- вали благоприятные природные условия – умеренный климат, черноземные почвы. Для местных жителей земля являлась главной ценностью и мерилем богатства, а земледелие – основным, а для большинства единственным занятием, от которого зависело их материальное благосостояние. Как отмечалось в одном из отчетов по- датного инспектора Мензелинского уезда: «по количеству пахотных угодий и роду занятий населения Мензелинский уезд должен быть признан исключительно земле- дельческим. Занятие земледелием служит населению единственным источником средств к жизни и для уплаты сборов и отправления повинностей, поэтому и сте- пень материального обеспечения и благосостояния населения и платежной его спо- собности находится в прямой и непосредственной зависимости от степени доход- ности сельскохозяйственных занятий» [4, л. 2].

Большое влияние на традиции землепользования и социальной организации та- тар-хлебопашцев оказала специфика сословной стратификации местного общества, окончательно оформившаяся в период существования Башкирско-мещеряцкого войска и кантонной системы управления (1798–1865 гг.). В составе местного насе- ления выделялись такие сословные группы, как: государственные крестьяне, тептя- ри, башкирцы/башкиры, служилые татары (мещеряки), дворяне.

На протяжении изучаемого времени душевые наделы татар-хлебопашцев неуклонно сокращались. С 1871 по 1912 г. размеры крестьянских наделов по Уфимской губернии сократились с 7,2 дес. до 3,5 дес., а по Мензелинскому уезду – с 4,4 до 2,3 дес. на душу мужского пола (м.п.) [13, с. 78–79]. Главным фактором уменьшения наделов был быстрый прирост сельского населения и, как следствие, аграрное перенаселение: во второй половине XIX – начале XX столетия численность населения Уфимской губернии увеличилась почти втрое: с 1395,4 тыс. до 3291,6 тыс. человек [13, с. 75].

Татары-хлебопашцы освоили паровую систему полеводства в виде трехполюя – при севе выделялись яровые, озимые и паровые поля (арышбасуы, сабан басуы, пар басуы). При разделе земли важно было, чтобы каждый член общины получил одинаковую долю на двух полях и без ущерба мог подчиниться принудительному севообороту. Что касается парового поля, то на все время нахождения под паром, оно считалось землей общего пользования и служило пастбищем. Обработка пашни, предназначенной под яровые культуры, состояла из двух вспашек и одного, реже двух, боронований [16, с. 24, 25, 29].

Сжатый и связанный в снопы хлеб укладывали для просушки и созревания на поле в следующие клады. После жатвы сырой хлеб (чаще рожь) укладывали в зигзагообразные ём или казаяк, каз юлы. Очень распространенными были клады типа островерхих суслона (сослан, маржабашы, шапка) и бабки (бэбкэ, маржа, аюкүте) из 6–12 снопов. Применялись также характерная для южных районов форма «крест» (кырла, кырлык), вид которой понятен из названия, и продолговатые клады наподобие зурата и скамы, состоявшие из 20–100 снопов. Встречалась кладь в виде копны из 25–100 снопов (чүмәлә). Перевезенные телегами-сноповозками (көлтә арбасы) на гумно в усадьбе до осеннего обмолота либо на более длительный (до 5 лет) срок снопы укладывали в большую круглую скирду (кибән), вмещавшую снопы с 5–20 возов. Нередко, особенно в северо-западных волостях, кибән помещали на помосте (кибәнаягы) из жердей, что предохраняло его от сырости и мышей. Овины, если и применялись, то были «татарского» типа, наподобие шиша (шешәвен). Это была круглая яма, обложенная камнем, деревом. Внутри нее часто сооружали печь-каменку, топившуюся чаще соломой; поверх земли устанавливали конус из 15–20 жердей, на который опирались высушиваемые снопы числом 2–4 воза. Овины устанавливали на гумне (ындыр), на задах огородов. Гумна могли размещаться и за околицей селения. Изредка зажиточные крестьяне сооружали срубные зерносушилки. Встречались каркасно-столбовые плетневые сараи, нередко с овином внутри (әвен, япмаындыр, бөркәүләәвен). На гумне же частыми были мякинники из жердей, крытых соломой (куыш, әрбәләк). Молотили все хлеба цепами (чибагач, субагач) сложного типа. Веяние зерна, когда его было не слишком много, производили лопатой либо из ведра на ветру. При больших урожаях применяли ручные веялки, появившиеся в быту во второй половине XIX века. Следующей неременной операцией была очистка зерна на больших, диаметром до метра, грохотах (иләк), подвешенных на треножнике из жердей. Для дробления зерна на крупу употреблялись ступы (киле). Часто в Приуралье это были ступы (сиртмәле киле), било которых прикреп-

лялось к гибкой жерди, что облегчало работу. Встречались и ножные ступы. Хранили муку, зерно в срубных деревянных или каменных, саманных, плетневых клетях (келэт), в ларях, мешках, бочках.

Основными аграрными культурами, выращиваемыми населением Восточного Закамья, являлись рожь, ячмень, овес, горох и пр. В озимом поле татарские крестьяне возделывали рожь (арыш), посеvy которой достигали 42–48% от общего объема выращиваемых зерновых культур. В яровом клине преобладали овес (солы), ячмень (арпа), просо (тары). Другие культуры – гречиху (кара бодай), полбу (борай), горох (борчак), чечевицу (ясмык) – высевали не везде. Коноплю (киндер) и лен (житен) сажали понемногу, чаще прикупая их на базарах. Иногда использовали и дикую коноплю. Выращивали и подсолнечник (көнбагыш) для последующей продажи на маслодельные заводы. Пшеницы (бодай) сеяли немного (от 5,5%) [16, с. 39–41, 76, 80–81].

В связи с экстенсивным характером земледелия и спецификой климатических условий региона показатели урожайности зерновых культур в разные годы различались. Весьма существенной была и разница обмолоченного хлеба по отдельным деревням. В частности, в 1913 г. средняя урожайность озимых хлебов (ржи) в деревне Старое Байсарово составила 64 пуда с десятины, в деревне Мастеево – 56 пудов с десятины, в деревне Поисево – 84 пуда с десятины, в деревне Актаныш – 50 пудов с десятины, Новое Алимово – 60 пудов с десятины, Верхний Такталачук – 120 пудов с десятины [5, л. 192 об., 193 об., 194 об.].

Крестьяне пользовались такими орудиями земледельческого труда, как упряжные плуги, ральники, сабаны, серпы. С незначительными усовершенствованиями эти орудия применялись вплоть до начала XX в. В конце XIX в. происходит повсеместное внедрение русской сохи вместо тяжелых сабанов как основного орудия обработки почвы перед посевом. Это было связано с исчерпанием целинных земель для вспашки, для которых требовались тяжелые орудия труда, а также с уменьшением количества рабочего скота – для работы с сохой могла использоваться одна лошадь [15, с. 453].

В земельном фонде сельских общин Восточного Закамья значительную долю составляли луга, использовавшиеся для сенокоса и выгона скота. Эта традиция сохранялась с кантонного периода (1798–1865 гг.), когда требовалось содержать большое количество лошадей для нужд военной службы. Благодаря наличию крупных речных пространств и обильному орошению лугов, а также благоприятным почвенным условиям местные жители имели высокие урожаи суходольных и лесных трав. В конце XIX в. средний урожай суходолов составлял 82 пуда с десятины, лесные покосы давали чуть больше – 84 пуда с десятины [15, с. 117].

Скотоводство имело пастбищно-стойловый характер – летом скот выпасался под присмотром пастухов, на зиму помещался в конюшни и хлева (абзар). Отелившуюся корову с теленком могли держать и в избе. Всего к середине 1880-х гг. жители деревни Актаныш владели 331 рабочей лошадей, 135 коровами и быками, 511 овцами, 228 козами. Более 6 рабочих лошадей имели всего 6 домохозяйств актанышцев, 5 или 4 – 18 домохозяйств, по 3 лошади – 20 домохозяйств, 2 – 301 до-

мохозяйство, по одной лошади – 64 домохозяйства, не имели лошадей – 18 домохозяйств [14, с. 97]. Схожая картина наблюдалась и в других татарских деревнях. Данные о количестве домашнего скота весьма точно отражают материальное состояние жителей. Исходя из этих показателей, можно сделать вывод, что свыше половины домохозяйств в указанных селениях являлись «бедняцкими». «Безлошадные» крестьяне были вынуждены сдавать свои участки более состоятельным соседям либо арендовать скот на сезонные работы. Маломощные хозяйства, имевшие лишь одну лошадь, часто прибегали к совместной обработке земли с использованием лошадей нескольких семей (супряге).

Наряду с выращиванием рабочего скота для ведения хозяйства местные жители разводили рысаков, а также представителей башкирской породы лошадей с целью продажи. Представителями рода Султановых, проживавших в деревне Мастеево, было открыто несколько племенных заводов. Согласно «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1873 г. штабс-ротмистр Мухаметшариф Баязитович Султанов владел заводом и табунном лошадей. Они относились к русской рысистой и башкирской породам и продавались по цене от 100 до 200 руб. Отставной сотник Шайхильислам Султанов также имел завод и табун «рысистых упряжных» лошадей, которых продавал за 150–300 руб. Есаул Шашмурат Султанов разводил лошадей башкирской породы и рысаков с продажной ценой от 60 до 140 руб. Лошадей сбывали на ярмарке в г. Мензелинске и на собственных племенных заводах [9, с. 112–113].

Почти во всех крестьянских хозяйствах края имелись огороды. Основной культурой, выращиваемой на приусадебных участках, был картофель [15, с. 118]. Получив широкое распространение во второй половине XIX века, к началу XX столетия этот корнеплод становится для татар «вторым хлебом». В значительно меньших объемах выращивали другие огородные культуры, предпочитая покупать их у русских крестьян на базарах. В связи с резким континентальным климатом, частыми засухами летом и сильными морозами зимой татары практически не разводили плодовых деревьев.

Удобрение почв носило крайне ограниченный характер, что было связано с нехваткой рабочего скота и чересполосицей. Удобрялись в основном участки, прилегавшие к усадьбам. В конце XIX в. в Мензелинском уезде общая площадь удобряемых земель составляла 13 тыс. дес., или около 8% всей площади пара [15, с. 475]. Одним из факторов, препятствовавших увеличению удобряемой площади наделов, была массовая вырубка лесов. Она приводила к тому, что крестьяне начали использовать для отопления вместо дров кизяк, на заготовку которого уходила существенная часть навоза.

Уравнительный (общинный) принцип пользования землей предполагал периодическое перераспределение наделов между членами сельской общины. После проведения петровских реформ в сфере налогообложения (переводом с подымного на подушный оклад) основной формой фискального учета становится ревизская душа мужского пола. Именно по количеству ревизских душ платили подати и распределяли наделные участки. Таким образом, периодичность переделов напрямую зави-

сала от периодичности проведения фискального учета сельского населения (государственных ревизий), в результате которого количество налогоплательщиков (ревизских душ) в поземельной общине могло как увеличиться, так и сократиться, что требовало проведения перераспределения наделов. Важно отметить, что данная практика первоначально распространялась исключительно на податные группы населения – государственных (ясачных) крестьян и тептярей, в то время как татары-вотчинники («башкирцы-асаба») платили фиксированный ясак и не учитывались в государственных ревизиях. Лишь в конце XVIII – начале XIX века, когда башкирцы начинают вноситься в ревизские сказки, эта практика распространяется и у них. После проведения Великих реформ и прекращения проведения ревизий периодичность переделов земли начинает зависеть от решения мира, принимавшегося на общем сельском сходе.

Передел являлся хлопотным, связанным с конфликтами и спорами мероприятием, так как в результате его проведения хлебопашцы получали наделы на новых участках, которые могли быть хуже по качеству почв и логистической доступности. На страницах архивных документов можно обнаружить множество таких примеров. Для иллюстрации приведем случай, имевший место в начале XX века в деревне Мастеево Байсаровской волости. 15 апреля 1907 г. местный сельский сход принял решение о проведении очередного передела земли по количеству наличных душ и сроком на 12 лет. 22 апреля 1907 г. крестьянин Мухаметдин Ибрагимов обратился к земскому начальнику 10 участка Мензелинского уезда с прошением об отмене данного приговора. По мнению просителя, решение схода не имело законной силы, так как «означенный приговор подписан 40 домохозяевами, а в дер. Мастеевой старших домохозяев числится 64 человека, из коих 15 человек доверителей его, просителя, и 9 человек, находившихся в отлучке на передел не согласных, а потому приговор этот является постановленным вопреки 66 статьи Общ. Положения. Вопреки 32 статьи того же положения, с переделом земли, доверители просителя вынуждены будут лишиться тех пахотных угодий, которые они удобряли, и подписавший приговор чиновник Шайхильзаман Султанов на сельском сходе не был и приговор подписал в своем доме» [11, л. 2–4].

В результате проверки обстоятельств дела земский начальник пришел к выводу, что за решение о переделе земли проголосовало большинство домохозяйств (38 чел.). В то же время, против передела на этих условиях выступила довольно значительная группа присутствующих (13 чел.). «Камнем преткновения» стал порядок распределения наделов. Меньшинство настаивало на сохранении прежней системы, по которой участки нарезались по количеству ревизских душ. Большинство же настаивало на распространившейся к этому времени системе распределения земли по количеству наличных душ мужского пола. При переделе «по старинке» большая группа мастеевцев, родившихся после последней ревизии (1859 г.), лишалась права на получение наделов и, как следствие, средств к существованию. Кроме того, в это время должно было производиться уравнивание вотчинных полей Чуракаевойтубы, поэтому для сельской общины деревни Мастеево было выгодно иметь как можно больше домохозяйств. Казалось бы, передел по фактическому количеству душ муж-

ского пола был выгоден всем членам общины. В чем же заключалась причина отказа части домохозяйств признавать приговор? Прояснить этот вопрос может состав «партии меньшинства». Основную часть противников передела составляла наиболее богатая и влиятельная часть жителей во главе с представителями клана Султановых. Получив привилегии и преимущества в кантонный период, пользуясь своим высоким положением, они приобрели большие земельные участки, которые могли быть перераспределены в результате передела, учитывая, что многие члены этих семей, числившиеся в десятой ревизии, давно уже не жили в родной деревне.

Несмотря на решение земского начальника о правомерности приговора, представители этой группы 18 марта 1908 г. подали жалобу в Уфимское губернское присутствие, в которой настаивали на отмене решения уездной администрации. Свою просьбу они аргументировали многочисленными нарушениями в ходе голосования, участием в решении мира лиц, не проживавших в деревне, и, напротив, отсутствием на сходе многих членов домохозяйств, выступавших против передела. Затягивая окончательное решение дела, Султановы одновременно пытались на основании указа от 9 ноября 1906 г. оформить в личную собственность землю, которой они владели до 1907 г. 12 января 1908 г. губернская администрация приняла окончательное решение по делу, признав законным приговор о переделе земли по наличным душам. Кроме того, Султановым было отказано в выделе земли в хутор, так как по указу от 9 ноября 1906 года, являвшийся основным законодательным актом Столыпинской реформы, он распространялся исключительно на государственных крестьян и не затрагивал бывших «башкир-вотчинников» [11, л. 5–6 об., 8–9 об.].

Одним из следствий уравнительного принципа распределения земли был рост чересполосицы. Наряду с некоторыми положительными чертами, которое несло в себе дробление наделов (каждый общинник получал разные по качеству почвы и доступу к водным ресурсам участки), имелись и довольно существенные недостатки – хлебопашцам приходилось параллельно обрабатывать множество небольших участков, порой находящихся в большом отдалении друг от друга.

Рост малоземелья, падение плодородия почв, экстенсивные системы земледелия вынуждали крестьян расширять запашку. К концу XIX века в Актанышевской волости в связи с нехваткой обрабатываемой земли были практически полностью вырублены леса, а значительная часть лугов превращена в выгоны для скота или стала использоваться как пашня [15, с. 117]. Это имело крайне негативные последствия для местных жителей. Лишившись леса, хлебопашцы были вынуждены в холодное время года покупать для отопления домов древесину по очень высокой цене или использовать в этих целях просушенный навоз (кизяк), дававший мало тепла. Уменьшение доли лугов, в свою очередь, способствовало снижению поголовья домашнего скота [15, с. 117]. Негативное воздействие человека на окружающую среду приводило и к другим экологическим последствиям, в частности к быстрому овраживанию земли в результате весеннего половодья. В одном из докладов Мензелинской земской управы отмечалось: «... Наделы наших крестьян из года в год уменьшаются растущими оврагами. Как на примеры таких оврагов можем указать на овраги в полях крестьян Старых и Новых Мелькены, Русского Карана, Поисево,

Светлого Озера и еще целого ряда других селений... Каждый из таких оврагов уносит ежегодно десятки сажень земли, годной под обработку; кроме того, ими же уносится и вся влага из полей» [7, с. 270].

Нарастание «земельного голода» способствовало росту социального напряжения в деревне и порождало многочисленные споры между представителями разных социальных групп – «вотчинников» (башкирцев), «припущенников» (тептярей), государственных крестьян. После принятия «Положения о башкирах» и размежевания вотчинных земель в 1870–1890-х гг. представители этих групп были поставлены в неравные условия. Наиболее чувствительной стороной данного вопроса являлось существенное различие в количестве надельной земли, предоставляемой бывшим башкирцам и тептярям. Если первые могли претендовать на 40 дес. по раскладке ревизских душ VII ревизии (1815 г.), то надел последних не мог превысить 30 дес., установленных для припущенников военного звания (тептярей и мещеряков). При этом половина их душевых наделов имела статус «запасных земель» [1, с. 340]. Учитывая, что на протяжении всего XIX – начала XX века в Восточном Закамье шел быстрый рост сельского населения, фактическая доля душевого надела у обеих групп непрерывно сокращалась, однако у бывших башкирцев она была значительно больше. Такое положение вещей, естественно, вызывало недовольство и желание лиц, записанных в припущенники, уравнивать свои права с башкирцами, благо представители этих групп не имели существенных различий как в образе жизни и быту, так и в семейно-родовой и этнокультурной идентичности. Как следствие, в пореформенный период отмечаются массовые судебные процессы, в которых тептяри стремились доказать свое «башкирское» происхождение и получить дополнительные земли. О масштабах этого движения свидетельствует тот факт, что в Уфимской, Оренбургской и Самарских губерниях в это время появляется целая группа дельцов, специализировавшихся на таких процессах и предлагавших свои услуги для положительного решения дела [3, с. 69].

Среди лиц, стремившихся «восстановить» свои вотчинные права, были и байсаровцы, числившиеся башкирами-припущенниками и ведущие свой род от Ишмета Уразметева и Кадырмета Абдуллина (всего 72 ревизские души). 2 октября 1888 г. через своего поверенного, отставного урядника деревни Сафарово Якишкула Алиева, они обратились в Правительствующий Сенат с просьбой при очередном размежевании земель Чуракаевойтюбы предоставить им равные наделы с другими жителями-вотчинниками. В своем ходатайстве просители ссылались на решение Оренбургской межевой конторы от 3 декабря 1815 г., в котором было отмечено, что «... деревни же Байсаровойтептярей 12-ю душами, согласно представленной от их поверенного... тептяря Ахмеда Бикметева 1713 года мая 16 дня записи..., оставить в одной с башкирцами окружности и именовать их общими и настоящими оной волости владельцами...» [12, л. 1–2 об.]. Основанием для решения межевой конторы стала купчая от 16 мая 1713 г. о приобретении тептярями вотчинных земель.

Несмотря на наличие документа, признающего права их потомков на совместное владение вотчинными землями, 29 июля 1871 г. Уфимское губернское присутствие признало их припущенниками военного звания. Соответственно, тептяри ли-

шались прав на вотчинные земли. Основной документ, предоставленный байсаровцами в Межевую контору – купчая 1713 г., – был утерян, а его копия не имела законной силы, что и послужило формальным основанием для отказа признания их вотчинных прав. В связи с отсутствием подтверждающих документов Сенат признал «жалобу просителя на таковое постановление оставить без последствий, о чем в разрешении рапорта 10-го октября 1888 г. за №1249 и для надлежащих распоряжений к объявлению просителю, по его жительству дер. Сафаровой, с возвращением представленных им документов, Уфимскому губернатору послать указ» [12, с. 10–10 об.]. Аналогичное решение последовало и по ходатайству другой части припущенников деревни Байсарово, предки которых поселились там в 1738 г. (514 ревизских душ) [12, л. 1–10 об.].

Земельные споры и конфликты, связанные с ними, отмечались не только внутри поземельных общин, но и между жителями соседних селений. До сих пор в народной памяти сохранялись факты открытого противостояния и «земельных войн» между сельчанами. В частности, в краеведческом очерке, посвященном истории деревни Новое Алимово, приводятся случаи столкновений алимовцев с соседями на почве земельных споров, приводивших к гибели земледельцев [2].

Некоторые коррективы в традицию общинного землепользования внесла столыпинская аграрная реформа 1906–1911 гг. Ее проведение было направлено на появление в деревне предприимчивого и независимого частного собственника, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земли, ликвидацию земельной чересполосицы. В результате нарушалась прежняя система коллективного землеустройства – община должна была предоставить крестьянам, решившим вести единоличное хозяйство, отдельный земельный участок. Таким образом, эти земли исключались из общинного фонда, на них не распространялись переделы. Это имело большое значение для собственника. Теперь он мог развивать свое хозяйство без оглядки на «мир», учитывать изменяющийся спрос и экономические реалии времени, внедрять новые агротехнические методы, не опасаясь лишиться своего участка при следующем переделе, улучшать качество земли. В то же время крестьянин лишался поддержки «мира», мог полагаться только на себя, что в условиях системы рискованного земледелия таило серьезные угрозы и риски.

Случаи закрепления земельного надела в частную собственность отмечались и среди татар. В 1909 г. жители деревни Поисево Насрулла Рахматуллин, Шайхадар Габдулхабилов, Вазитдин Камалитдинов, Шайхутдин Хабибуллин, Шарафутдин Шамсутдинов, Сайтгарей Бахтигареев, Акраметдин Асядуллин, Набиулла Асядуллин, Загритдин Бахтигареев и Сибгатула Асядуллин обратились в Мензелинскую уездную землеустроительную комиссию с просьбой выделить им наделы из общинной земли. Однако дело о выделе затянулось в связи с нежеланием основной части поисевцев предоставить заявителям участок в поле Зюбаир-як-басуы, около межи с деревней Аняково. Компромиссным решением стало предоставление хуторянам участка на речке Большая Ташлярка, находившейся около межи земельный угодий деревни Мажаровка с деревнями Ташлярка и Айманово.

Другим спорным вопросом стало распределение дохода от общинной земли, на которой проходил еженедельный базар, приносящий миру ежегодный доход в 1300 руб. Его удалось решить лишь в начале 1911 г. после вмешательства мензелинской уездной администрации, принявшей предложение землемера Лаврова: «а) взамен черезполосных участков пахотной земли удовлетворить выделяющихся отводом одного пахотного участка каждому в единоличную собственность равного по площади с участкам черезполосными в местности в Каймановской меже и даче дер. Мажаровки с деревнями по обе стороны речки Ташляярки из надела Поисевского общества в даче под названием «34 часть дер. Атрекли с деревнями»; б) взамен права пользования угодьями, не переделаемыми выгоном прирезать к пахотному участку причитающуюся долю удобной земли, согласно разверстки по передельному приговору 1900 года; в) 10 перечисленных выше домохозяев свои усадебные места в деревне оставляют за собой и им отвести отрубные участки, а остальным 14 домохозяевам нарезать хутора и взамен оставляемых в пользу общества усадеб – прирезать к отводимым участкам причитающееся количество удобной земли; г) сохранить за выделяющимися право пользования доходами с имеющейся у общества оброчной статьи «базарной площади» на равных, с остающимися в обществе домохозяевами, основаниях» [6, л. 6].

Против данного решения выступила основная часть общинников, опасавшихся, что в результате этого выдела они будут отрезаны от основных водных ресурсов. 18 октября 1911 г. тептярями деревни Поисево Мухаметгарифом Мухаметсалимом Уразаевым, Нугуманом Садыковым и Камалетдином Низамутдиновым была составлена жалоба, в которой утверждалось, что выдел был произведен по подложному прошению «от имени якобы всех выделяющихся, кои, за исключением Вазетдина Камалетдинова, привлекающего за подлог прошения, на выдел совершенно не согласны» [6, л. 10 об.]. В связи с этим просители настаивали на отмене выдела и уничтожении «межи со знаками». В результате началось расследование, в ходе которого выяснилась неосновательность жалобы. Тем не менее Мензелинская уездная землеустроительная комиссия пошла навстречу общинникам деревни Поисево, обязав хуторян сохранить на своих землях дороги и общий доступ к водою для скота [6, л. 6 об., 11].

Выдел происходил не только вследствие желания части жителей получить отдельные земельные участки, но и в результате административного решения местных властей. Такой случай произошел в 1905 г. в деревне Верхний Такталачук. Вследствие острой нехватки земли во время размежевания дачи Гарейской поземельной волости бывших «башкир-вотчинников» было принято решение переселить 76 семейств (548 чел.) данного селения, числившихся бывшими «припуштинниками военного ведомства» (тептярями). Им было предложено переселиться и получить наделы близ деревень Старое Гараево и Барсуково, находившихся в 2–3 верстах от их места жительства. Вследствие того, что переселенцы не имели собственных средств на обустройство на новом месте, им была предоставлена ссуда в размере 2390 руб. [10, л. 1–2 об.].

Источники и литература

1. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – XX в. – Уфа: Китап, 2007. – 360 с.
2. Атамалар ни сөйли // Яңа Әлем тарихы. Кулъязма. Б. 5 (ПМА, 2021 г.).
3. Багаутдинова Х.З. Землепользование и сельская община // Татарские селения Юго-Восточного Закамья: очаги просвещения и культуры: Коллективная монография / отв. ред. А.И. Ногманов. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 388 с.
4. ГА РТ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 5.
5. ГА РТ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 3.
6. ГА РТ. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 16.
7. Доклад Мензелинской управы 33 очередному уездному земскому собранию. – Уфа, 1908.
8. История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: Коллективная монография. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 464 с.
9. Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии. Ч. 1. – Уфа, 1873.
10. РГИА. Ф. 1152. Оп. 13. Д. 52.
11. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 136.
12. РГИА. Ф. 1344. Оп. 14. Д. 1707.
13. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. – 312 с.
14. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому III. Мензелинский уезд: Материалы подворного исследования 1884 года, собранные и обработанные Д.Н. Тяжелниковым. – Самара, 1900.
15. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 3. Мензелинский уезд. – Уфа, 1899.
16. Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). – Казань, 1995. – 195 с.

УДК 908

А.В. Барышников

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко, г. Глазов, Россия

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ГЛАЗОВСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена экономическому развитию русских крестьянских хозяйств Глазовского уезда. На примере двух волостей проводится анализ их отраслевой структуры. Показан комплексный характер крестьянских хозяйств, в котором отражается взаимодействие и взаимозависимость основных отраслей – земледелия, животноводства и промыслов. Уровень экономического развития деревни определялся основными факторами: природно-географическим, правовым и этническим. Наблюдалось значительное преобладание среднего и зажиточного крестьянства, определившего региональные особенности социальной дифференциации русской деревни.

Ключевые слова: пореформенный период, региональная история, комплексное крестьянское хозяйство, экономическое развитие, адаптационные механизмы, социальная дифференциация.

A.V. Baryshnikov

ECONOMIC LIFE OF RUSSIAN PEASANTS OF GLAZOV UYEZD OF VYATKA PROVINCE IN THE POST-REFORM PERIOD

The article is devoted to the economic development of Russian peasant farms of Glazov district. The analysis of their sectoral structure is carried out on the example of two municipalities. The complex nature of peasant farms is shown, which reflects the interaction and interdependence of the main branches – agriculture, animal husbandry and crafts. The level of economic development of the village was determined by the main factors: natural-geographical, legal and ethnic. A significant predominance of the middle and well-to-do peasantry, which determined the regional features of the social differentiation of the Russian village, was observed.

Keywords: post-reform period, regional history, complex peasant economy, economic development, adaptation mechanisms, social differentiation.

Пореформенный период стал для России временем вступления на путь модернизации, которая ускорила темпы аграрных преобразований и внесла изменения в структуру экономики страны. Исследование истории крестьянства в условиях определенного района страны позволяет вскрыть как общие закономерности, так и конкретно-исторические особенности развития модернизационных процессов вширь и вглубь, дать объективную картину жизнедеятельности деревни.

На региональном уровне историю социально-экономического развития крестьянства второй половины XIX в. изучали Н.Н. Латышев, Н.П. Лигенко, М.М. Мартынова, М.А. Садаков [3; 4; 5; 9]. Особое внимание уделялось вопросам развития процессов дифференциации в крестьянской среде, организации внеземледельческой занятости сельских жителей, землеустройства пореформенной деревни. Также стоит отметить исследования этнографов Л.А. Волковой, Г.А. Никитиной, Л.И. Семеновой [1; 8; 10]. Изучая удмуртское крестьянство XIX–XX вв., они выявили, что по сравнению с русским оно крепче держалось традиции, было менее готово влиться в процессы модернизации.

Крестьянское хозяйство региона в целом носило комплексный характер, включая в себя земледелие, животноводство и промыслы. На его экономическое развитие оказывала влияние совокупность факторов: природно-географических, правовых и этнических. Для сравнительного анализа были выбраны Ключевская и Рыбковская волости, находившиеся в разных природно-климатических зонах.

Ключевская волость располагалась в центрально-восточной части уезда. Основной водной артерией являлась река Убыть, служившая источником орошения. На территории волости преимущественно залегали средние серые суглинки, с небольшими вкраплениями светло-серых, бедных перегноем и недостаточно благоприятных для земледелия, суглинков и глины [7, с. 57–59]. Пластичные почвы с

достаточно хорошей водопроницаемостью удерживали минеральные вещества, но из-за слабой фильтрации были не благоприятны для удобрения.

Волость населяли государственные крестьяне – русские и удмурты. Из 1082 дворов – русских было 153 (14,1%) [6, с. 490–491]. Совокупное количество общинной земли равнялось 33 257,9 дес., из них 32 024 дес. были удобными для ведения сельского хозяйства. Около 52% (17 326,9 дес.) отводилось под пашню. В волости преобладали многоземельные (25–50 дес.) дворы зажиточных крестьян (46%), доля средних (10–25 дес.) крестьянских дворов равнялась 37,6%. Доля хозяйств с наделом более 50 дес. составляла около 10%. Безземельные и малоземельные дворы составляли 3,6% и 2,3% соответственно. Учитывая эти показатели, следует говорить о процессах дифференциации крестьянства. Однако основу слоя земледельцев составляли средние и зажиточные крестьяне, что говорит об отсутствии социального разложения и поляризации крестьянства. В пользу этого довода свидетельствует ограниченное обращение к аренде. Однообщинникам преимущественно сдавали землю под яровые, на 1 год было сдано 96,4 дес. Снято на тех же условиях было 95,7 дес. под яровые. Аренда внеадельной земли в чужих общинах ограничивалась съемом сенокоса, на 1 год было снято 319,3 дес. [6, с. 496].

Устойчивость этнических традиций в обработке земли у крестьян Ключевской волости проявлялась в системе удобрения полей. Русские крестьяне вывозили навоз сразу из хлебов, в то время как удмурты предварительно выдерживали его в кучах, давая перепреть, и лишь потом удобряли поля. Различие объяснялось тем, что русские сеяли сначала рожь, а потом ячмень, удмурты же сеяли сначала ячмень, а потом коноплю, для которой требовался более мелкий навоз [7, с. 58]. Взаимовлияние на хозяйственном уровне крестьян разных этносов здесь прослеживается слабо, русские, как и удмурты, продолжали удобрять поля на свой лад, не попадая под влияние соседей и не меняя устоявшийся способ. Преобладающим орудием была двуральная соха, удобная для использования на холмистом и овражистом ландшафте.

В Ключевской волости хорошо развивалось животноводство. Преобладающими были дворы с двумя лошадьми – 347 дворов, 335 из которых владели также коровой. Практически равными между собой были доли хозяйств с одной лошадью и с тремя лошадьми (19% и 20%). Низкие проценты дворов без лошадей и без скота вообще (5,9% и 4,7%) с одной стороны и доли хозяйств с 5 и 6 лошадьми (5,6% и 2,6%) с другой – указывают на доминирование в этом секторе, так же, как в земледелии, средних и зажиточных хозяйств [6, с. 494].

Внеземледельческие занятия получили широкое развитие. Промыслы по обработке сырья обеспечивали деревенское население одеждой, обувью, предметами быта, орудиями труда, жилищем. Занятые земледельческими работами крестьяне редко обращались к отходничеству. В нескольких селениях занимались местным извозом, не покидая пределы уезда и губернии [6, с. 492–493]. На распространение извоза повлияло развитие скотоводства в волости, обусловившее наличие большого числа хозяйств с лошадьми.

В пореформенный период с активизацией модернизационных процессов наблюдался процесс втягивания деревенского населения в рыночные отношения. Наиболее распространенным местным промыслом была торговля древесиной, ей занимались 323 человека из 157 дворов [6, с. 492–493]. Причиной популярности данного вида деятельности, вероятно, послужили обширные лесные массивы центрально-восточной зоны. Как отдельное занятие необходимо выделить торговлю и деятельность крестьян-скупщиков. Торговать крестьяне уходили в соседние уезды или в город Глазов, реже — покидали Вятскую губернию, отправляясь в Пермскую. Развитие товарно-денежных отношений в крестьянской среде Ключевской волости выразилось в устройении торжков, самые значительные из которых проходили в селе Верх-Порзинском три раза в год — 1 января, 1 июня и 22 октября [11]. Стоит отметить, что торжки проводились без санкции властей, а исключительно по устоявшемуся крестьянскому обычаю [12].

Благоприятные природно-климатические условия позволили русским крестьянам Ключевской волости удовлетворить свои нужды за счет сельского хозяйства реже обращаясь к внеземледельческим занятиям. Наличие обширных земельных угодий и, как следствие, крупных земельных наделов послужило причиной образования здесь более широкой прослойки средних и зажиточных крестьян.

Рыбаковская волость располагалась в юго-западной части уезда, примыкая к его западной границе. Данная волость не имела сколько-нибудь значимых водных артерий, что затрудняло орошение полей. Состав почв, будучи разнообразным, не изобилует сортами благоприятными для земледелия. В некоторых районах волости преобладали песчаные породы, довольно часто встречались средние серые суглинки и глина [7, с. 91–95]. Пески и супеси были подвержены эрозии, но из-за нормальной фильтрации хорошо реагировали на удобрение.

Население волости составляли русские государственные крестьяне, 10 751 человек жил в 2143 дворах [6, с. 690–691]. Из 43 774,5 дес. земли, находившейся в общинной собственности, 40 805,6 дес. являлись удобными. Пашенные сельскохозяйственные угодья составляли 19 619,9 дес. [6, с. 694–695]. Преобладали дворы средних крестьян — 53%, доля зажиточных хозяйств была значительной — 24% [6, с. 694–695]. Высоким, по сравнению с Ключевской волостью, было количество дворов, совсем не имевших земли — 280 (13%), малоземельные дворы составляли 8,1% от общего числа дворов. Доля богатого крестьянства в распределении наделов оставалась сравнительно низкой — 1,2% [6, с. 694–695]. Обозначились процессы расслоения крестьянства, однако они не носили ярко выраженного характера, смягчаясь арендными отношениями. Безземелье части крестьян, вызванное в первую очередь наличием районов, где залегали почвы совершенно не пригодные для земледелия, вынуждало их обращаться к аренде. Число дворов, снимающих земли, доходило до 456, из них 209 снимали надельную землю в своей общине, а 247 — у крестьян других общин [6, с. 696]. Важно отметить, что процессы обезземеливания происходили здесь по естественным причинам, что обусловило обращение крестьян к аренде, чтобы продолжать занятия именно сельским хозяйством.

На развитие скотоводства волости сильное влияние оказал природно-географический фактор. Далеко не все селения имели выгоны, многим приходилось пасти скот прямо на полях после уборки трав или снимать выгоны у соседей с платой 15–20 копеек за голову [7, с. 92–93]. Там же, где выгоны были, их качество оставляло желать лучшего – на сырых местах было мало растительности, корма скоту хватало лишь на короткий срок. Преобладали однолошадные хозяйства – 933 двора (43,5%), 801 из которых имел корову [6, с. 694]. Далее следовали хозяйства с двумя лошадьми – 498 (23,2%), из них 496 дворов были с коровой. Относительные доли крестьянских хозяйств с 3, 4, 5 лошадьми составляли 5,1%, 1,1%, 0,09%, а дворов, владеющих шестью и более лошадьми, не было вообще [6, с. 694]. Местное животноводство носило в основном натуральный потребительский характер. Учитывая низкий процент дворов, не имевших скота (7,6%), можно говорить о доминировании в данной отрасли хозяйства Рыбаковской волости среднего крестьянства.

Среди внеземледельческих занятий, помимо деревенской обрабатывающей промышленности, широкое распространение получили отхожие промыслы и наем. Преобладающим местным промыслом являлась поденщина, ею занимались 718 человек из 366 дворов [6, с. 692–693]. Больше половины хозяйств волости владели лошадьми, что сказалось на развитии отхожих промыслов, преобладающим из которых являлся извоз – им занимались 312 крестьян из 261 двора. Они уходили в починок Медведевский Елабужского уезда [6, с. 692–693]. Перечень занятий отходников отличался разнообразием. В качестве наемных работников крестьяне занимались деревообрабатывающими промыслами и устраивались пильщиками и плотниками. Распространение деревообработки было связано с наличием в регионе обширных лесных массивов [2, с. 70–73]. Так же, как крестьяне Ключевской волости, многие уходили на заработки в соседние уезды Вятской губернии и Пермскую губернию.

Механизмы адаптации крестьян Рыбаковской волости в условиях развития общероссийского товарного рынка можно проследить по данным торговых документов, полученных из Порезского волостного правления в 1891 г. Село Порез находилось в Порезской волости Глазовского уезда, там располагалась крупная базарная площадь, на которой открывалось множество лавок. Обращают на себя внимание несколько важных деталей торговой деятельности Рыбаковских крестьян. Во-первых, основная масса свидетельств и билетов на торговлю выдавалась в зимнее время, когда крестьяне не занимались земледелием; во-вторых, торговля в селе Порез была обусловлена наличием там базарной площади, условия реализации товара на которой устраивали крестьян; в-третьих, перечень реализуемых товаров был разнообразен, помимо продуктов земледелия преобладающими были продукты добывающих промыслов (рыба, соль и т.п.) [2, с. 70]. Помимо села Порез торжки и базары проводились в селе Святопольском, причем базары проходили еженедельно по субботам, а торжки – 6 января, в последнюю пятницу перед прощеным воскресеньем, четвертое воскресенье Великого Поста, в день Святой Троицы, 20 июля и 1 ноября [11].

Сопоставляя развитие отраслей крестьянского хозяйства Рыбаковской волости, можно заключить, что взаимодействие земледелия, животноводства и промыслов создавало устойчивость, самодостаточность комплексного крестьянского хозяйства. Преобладание среднего крестьянства, умеренные природно-географические условия обусловили стабильное развитие в секторах сельского хозяйства. Внеземледельческие занятия носили преимущественно вспомогательный характер, за исключением населенных пунктов, где земледелие было затруднено отсутствием подходящих почв.

Таким образом, основываясь на анализе развития рассмотренных волостей в пореформенный период, мы можем заключить, что хозяйство русских крестьян Глазовского уезда носило комплексный характер. В условиях активизации единого товарного рынка все отрасли, находясь в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, были подвергнуты структурным преобразованиям. Определяющее влияние на соотношение отдельных отраслей в жизнедеятельности крестьянского хозяйства имели правовой и природно-географический фактор. В селениях, где земельный надел был достаточным для обеспечения крестьянских нужд за счет сельского хозяйства, внеземледельческие занятия по-прежнему носили вспомогательный характер. В тех немногих хозяйствах, которые имели небольшие земельные наделы, внеземледельческие занятия выступали на первый план и были зависимы от конъюнктуры внутреннего капиталистического рынка. Общими со всей страной в пореформенный период были процессы втягивания крестьянства в товарно-денежные отношения, что вело к усилению дифференциации крестьянских хозяйств, которая благодаря многоземельности региона не перешла здесь в социальное разложение с поляризацией, оставшись в рамках имущественного расслоения. Многоземельность позволяла крестьянам развивать самодостаточное комплексное хозяйство и не идти на разрыв с земледельческой традицией. Чересполосное расселение способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению хозяйственных культур русских и удмуртов, однако при этом сохранялись традиционные для этносов методы хозяйствования. Результаты реформирования сельской жизни проявлялись постепенно, сопровождаясь изменением облика деревни, трансформированием ментальности крестьянского населения.

Источники и литература

1. Волкова Л.А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Ижевск, 2003. – 388 с.
2. Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1898 год. – Вятка, 1898. – 645 с.
3. Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. – Ижевск, 1939. – 181 с.
4. Лигенко Н.П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). – Ижевск, 1991. – 176 с.
5. Мартынова М.М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. – Ижевск, 1981. – С. 3–44.
6. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Ч. II. Подворная опись. – Вятка, 1892. – 895 с.

7. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Ч. I. Материалы для оценки земельных угодий: с приложением карт: почвенной и урожайности ржи. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. – Вятка, 1893. – 165 с.

8. Никитина Г.А. Сельская община бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.). – Ижевск, 1993. – 160 с.

9. Садаков М.А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.) // Вопросы истории Удмуртии. – Ижевск, 1974. – Вып. 2. – С. 91–196.

10. Семёнова Л.И. Культура и быт современной удмуртской семьи. – Ижевск, 1995. – 123 с.

11. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 957. Л. 936.

12. ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 306. Л.17.

УДК 94(47)

С.Г. Белов

*Федеральный исследовательский центр
«Казанский научный центр Российской Академии наук»,
Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

АЛЕКСАНДР СТАХЕЕВ – ИЗ ПОТОМСТВЕННЫХ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН Г. ЕЛАБУГА В КРЕСТЬЯНЕ И РАСКУЛАЧЕННЫЕ

В докладе через биографию А.Н. Стахеева, вышедшего из елабужского рода крупных купцов Стахеевых, в контексте социальных, экономических, политических процессов в России конца XIX – первой половины XX в. рассматривается жизнь деревни и судьба человека в условиях масштабных по охвату и во многом трагических исторических процессов, в т.ч. передела и обобществления земли, принудительной сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, раскулачивания; показываются методы, которыми они проводились, взаимоотношение властей и населения и т.д.

Ключевые слова: Стахеевы, Александр Николаевич Стахеев, Елабуга, потомственные почетные граждане, крестьянство, коллективизация, раскулачивание.

S.G. Belov

ALEXANDER STAKHEEV – FROM HEREDITARY HONORARY CITIZENS OF ELABUGA TO PEASANTS AND DISPOSSESSED

The report, through the biography of A.N.Stakheev, who came from the Elabuga family of large merchants Stakheev, in the context of social, economic and political processes in Russia at the end of the 19th – first half of the 20th century, examines the life of the village and the fate of man in conditions of large-scale and largely tragic historical processes, including the redistribution and socialization of the land, forced continuous collectivization of peasant farms, dispossession, the methods by which they were carried out, the relationship between the authorities and the population, etc. are shown.

Keywords: Staheev, Alexander Nikolaevich Staheev, Elabuga, hereditary honorary citizens, peasantry, collectivization, dispossession.

Традиционно предприимчивые крестьяне стремились повысить свой социальный статус путем перехода в купеческое сословие. Так и купцы, потомственные почетные граждане Стахеевы в свое время вышли из числа дворцовых крестьян с. Трехсвятское (с конца XVIII в. уездный город Елабуга) [6]. Иван Иванович Стахеев (1805–1885) вместе с братом Дмитрием Ивановичем (1818–1888) заложили основы финансового могущества династии, пройдя путь от мелких локальных торговцев до одной из известнейших и богатейших фирм Российской империи [1]. На этом фоне тем более интересна биография Александра Николаевича Стахеева, совершившего обратный путь из потомственных почетных граждан назад в крестьяне.

Он родился 1 ноября 1877 г. в д. Тогаевой Мысово-Челнинской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии в семье местного землевладельца, потомственного почетного гражданина г. Елабуга Николая Ивановича и Евдокии Егоровны Стахеевых, был крещен 12 ноября в приходской Козьмодемьянской церкви с. Орловка [2, л. 10]. Его отец, Николай Иванович, 1845 г.р., был одним из сыновей упоминавшегося выше миллионера И.И. Стахеева. При д. Тогаевой Стахеевым принадлежало 970 десятин земли, на которой выращивались рожь, овес, картофель, содержалось 645 голов различного скота [4, с. 150]. Всего в Мензелинском уезде Стахеевы владели сельхозугодьями площадью 11 тыс. га [3, с. 77]. Это свидетельствует, что они в конце XIX в. уже наряду с торговлей вкладывали деньги в сельское хозяйство, т.е. не просто оптом скупали и перепродавали сельхозпродукцию, но и приобретали у беднеющих помещиков-дворян землю и на передовых началах организовывали товарное аграрное производство, создавая таким образом вертикально интегрированные предприятия.

Позднее (по косвенным данным, в 1883 г. или, возможно, в 1885 г., получив наследство после смерти отца) Николай Стахеев приобрел, вероятно, у помещиков Терениных [5, с. 548] собственный обширный земельный участок площадью 200–250 десятин при д. Елизаветино Юматовской волости Свяжского уезда Казанской губернии. Для обработки своей земли Стахеев нанимал крестьян из этого и соседних селений. Проживал он здесь же вдвоем с сыном Александром; жена, по всей видимости, к тому времени уже умерла. Он пытался дать сыну образование, отправляя его в учебные заведения, но безуспешно; тот убегал, спускал все, чем снабжал его отец и возвращался домой. Отношения между отцом и сыном в итоге испортились настолько, что когда Александру Стахееву было лишь 15 лет, т.е. примерно в 1892–1893 гг., Н.И. Стахеев продал свою землю крестьянам д. Елизаветино и уехал в Москву, оставив сына без средств к существованию, где примерно через 3 года он покончил жизнь самоубийством. По другим свидетельствам, землю Н.И. Стахеев продал в 1895 г., а сына выгнал из дома за женитьбу на бедной крестьянке из д. Елизаветино. Так или иначе, Александр с юности, чтобы добыть пропитание, стал заниматься физическим трудом: батрачил, бурлачил на Волге, ломал камень, заготавливал лес. После смерти отца он все-таки получил какое-то наследство и в 1896 г. смог купить 16 десятин земли, в т.ч. 7 десятин пашни, и с 19 лет стал заниматься исключительно земледельческим трудом.

В ноябре 1896 г. он обвенчался в приходской церкви с. Введенская Слобода с елизаветинской крестьянкой из бедной семьи Евдокией Васильевой. После свадьбы из-за отсутствия своего жилья молодожены жили в домах его тестя и шурина. Только через пять лет Стахеев, наконец, смог накопить денег и построить свой собственный дом. В его относительно небольшом, середнячком хозяйстве были лошадь, корова, телка, 6–8 овец. При этом поскольку он был частным собственником земли и не входил в сельскую общину – «мир», ему приходилось платить за возможность пасти скот на землях елизаветинского сельского общества.

После Октябрьской революции 1917 г. в стране было ликвидировано частное землевладение: вся земля стала государственной собственностью; сельхозугодья перешли в ведение волостных и уездных крестьянских советских органов и в коллективное пользование крестьянских общин и на основе уравнильного принципа по трудовой норме и числу едоков [7, с. 383]. 8 десятин своей непахотной земли Стахеев отчислил в государственный фонд. Другую половину передал в Елизаветинское сельское общество, одновременно став его членом. И его семье обществом в 1917–1924 гг. выделялась дополнительная земля из запасного фонда, так как по установленной норме на количество едоков переданной земли им не хватало.

Стахеев после установления советской власти в течение четырех лет избирался и служил секретарем сельского совета. Это говорит о его высоком авторитете среди односельчан, лояльности советской власти и достаточно высокой грамотности, что подтверждают собственноручно написанные им документы: хороший почерк, использование «старорежимных» лексических оборотов, характерных не для крестьянской речи, а для образованных людей дореволюционного времени: «покорнейше прошу», «к сему прилагаю» и т.д.

К 1929 г. семья Стахеева насчитывала 8 членов, в том числе трех нетрудоспособных. Они проживали в доме 10,5 на 4,5 метра площадью 47,25 кв. м, стоимостью 1500 руб. Обрабатываемый ими земельный надел составлял 7 десятин, хозяйство: лошадь с жеребенком, две коровы. Дети Стахеева – дочь и два сына – также создали семьи с простыми крестьянином и крестьянками. В целом, это была обычная большая крестьянская середняцкая семья. Однако, когда в стране начались кампании по сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидация кулачества, А.Н. Стахеев в 1929 г. был лишен избирательных прав, что стало прологом к его дальнейшему раскулачиванию по 2-й категории в 1930 г.

Постановлением ЦИК и СНК ТАССР «О ликвидации в ТАССР кулачества как класса» от 16 февраля 1930 г. было выделено три категории кулаков. В отношении первой, т.н. «активных участников антисоветской и контрреволюционной борьбы» подразумевались расстрел, лишение свободы либо отправка на спецпоселения с полной конфискацией имущества, второй (крупные хозяйства полукапиталистического типа) – конфискация средств производства и высылка в отдаленные районы страны, третьей (хозяйства с наемными работниками, мелкими промышленными и торговыми предприятиями) – переселение внутри района на худшие земли. Выселяемые за пределы республики семьи раскулаченных снабжались трехмесячным запасом продовольствия муки, инструментами, одной лошадью на каждые 5 хозяйств.

Всего в ТАССР к апрелю 1930 г. были раскулачены свыше 13 тысяч дворов и более 40 тысяч человек [9, с. 28]. Таким образом, Стахеев в возрасте 53 лет и, по-видимому, проживавшие вместе с ним члены семьи были высланы из ТАССР куда-то либо в Сибирь, либо в Среднюю Азию. На этом имеющиеся данные о судьбе Александра Ивановича Стахеева пока заканчиваются, где он жил потом и как закончил жизнь, не известно.

Что же ему инкриминировали, обосновывая его якобы принадлежность к сельской буржуазии – кулачеству? Одним из обвинений было, что до Октябрьской революции А.Н. Стахеев якобы имел до 200 десятин земли, дома в Москве и Казани, что было неправдой, так как всем этим владел его отец, с которым он порвал отношения. Также бездоказательно утверждалось, что он якобы нанимал работников, продавал хлеб, штрафовался за самогонарование, не указал дополнительные доходы. Сам Стахеев отрицал все обвинения, писал, что не является противником советской власти, «родитель был землевладелец Н.И. Стахеев, но он не из той породы Стахеевых, которые считаются крупными помещиками, парходчиками и хлеботорговцами», что благодаря своему «настойчивому нежеланию быть помещиком» и желанию работать самому А.Н. Стахеев купил землю, построил дом и стал заниматься крестьянством [2, л. 4]. Он просил пояснить, почему его записали в хлеботорговцы, сказать, кому и сколько он продавал хлеба, почему его признали скрывшим побочный заработок сына, хотя тот не жил с ним 1,5 года, и снять все эти незаслуженные обвинения. Сначала сам он, а после высылки его дочь Александра пытались добиться справедливости, подавая жалобы во все инстанции: местные, районные (избирком, исполком, пленум, комиссия по рассмотрению списков лишенцев), Центральную избирательную комиссию Татарии.

В мае 1930 г. вопрос о Стахееве рассматривался на общем собрании граждан д. Елизаветино. Все выступавшие односельчане высказывались в его оправдание, исключительно положительно характеризуя его тем, что он всегда работал сам, к наемному труду не прибегал, добывал пропитание исключительно как рабочий и крестьянин, был трудолюбив, не занимался торговлей и перепродажей хлеба, очень хорошо проявил себя в качестве секретаря сельсовета, не будучи замечен ни в чем предосудительном [2, л. 5 –6].

Также было заявлено, что предыдущее собрание бедняков деревни, где ставился вопрос о раскулачивании Стахеева, было обмануто прибывшей бригадой по раскулачиванию из представителей местных советских и партийных органов. Она настаивала, что раз Стахеев лишенец, то защищать его нельзя, шантажировала собрание бедняков, что если кто не согласится раскулачить Стахеева, тот пойдет против советской власти, и конфискованные у Стахеева постройки передадут в другие селения. В итоге, собрание, чтобы удержать имущество раскулачиваемого, проголосовало за конфискацию собственности у Стахеева, которое, по утверждению бригады, якобы, уже и так было конфисковано. А оказалось, что именно общее собрание проголосовало за конфискацию. Таким образом, бригада по раскулачиванию действовала шантажом, угрозами и обманом. Второе собрание состоялось после выхода 1 марта 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» в газете «Правда», обо-

значившей некоторое смягчение политики, когда 20–30% раскулаченных крестьян были восстановлены в правах и получили назад часть конфискованного имущества. Протокол данного собрания также был отправлен в ЦИК республики. Несмотря на это, все усилия и жалобы оказались безрезультатны. Лишение избирательных прав и раскулачивание Стахеева было оставлено в силе.

По существу, Александр Стахеев был раскулачен только из-за своего происхождения и принадлежности к громкой фамилии «эксплуататоров» Стахеевых, несмотря на то, что сам уже не был ни купцом, ни землевладельцем, ни кулаком, а всю жизнь занимался самостоятельным крестьянским трудом. Крестьяне приняли Александра Стахеева в свою среду, он пользовался у них уважением, был секретарем сельсовета, т.е. представителем новой послереволюционной советской власти, но в итоге по надуманным причинам и обвинениям был объявлен ее врагом.

Этот исторический факт выразительно показывает степень противостояния в деревне между крестьянами и представителями власти при коллективизации и раскулачивании. Конечно, укрупнение сельского хозяйства в России было назревшим и объективно необходимым. Парцеллярное крестьянское землепользование, постоянные переделы и семейное дробление общинной земли делало невозможным внедрение сложных агро- и зоотехнических мероприятий, рационального землепользования, сельхозмашин. Чересполосица, мелкополосица и дальнотемье крайне негативно влияли на производительность крестьянского земледелия. К выводу о неэффективности парцеллярного крестьянского землепользования отечественные экономисты и аграрники пришли еще во второй половине XIX в. Так, А.Н. Энгельгардт отмечал, что хозяйство сможет прогрессировать, только когда земля будет находиться в общих пользовании и обработке, и если бы целые деревни вели совместное хозяйство, то крестьяне жили бы зажиточно: «Кто ясно осознает суть нашего хозяйства, тот поймет, как важно соединение землевладельцев для хозяйствования сообща и какие громадные богатства получились бы тогда. Только при хозяйстве сообща возможно травосеяние, ... заведение самых важных для хозяйства машин, ускоряющих уборку травы и хлеба; ...возможно отпускать значительное число людей на сторонние заработки» [8, с. 191]. Однако, применявшиеся на практике при коллективизации в 1920-е – 1930-е гг. методы были чрезмерно жесткими и несправедливыми, во многом обусловили ее итоговую неэффективность и крах колхозной системы.

Источники и литература

1. Валеев Н.М. Роль купеческой династии Стахеевых в судьбах России // Науч. Татарстан. – 2004. – № 12. – С. 137–145.
2. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 732. Оп. 29. Д. 6500. 15 л.
3. Дубровский А.Г. Малоизвестные страницы истории Нижнего Прикамья. – Наб. Челны: АО «Бланк-Мастер». – 126 с.
4. Ермаков В.В. Предпринимательское дело Стахеевых в Набережных Челнах и ближайшем Закамье // Третьи Стахеевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (г. Елабуга, 28–29 июня 2007 г.). – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 150–156.

5. Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь. – Казань: Гасыр, 2001. – 640 с.

6. Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых, вторая половина XIX в. – 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000. – 267 с.

7. Назипова К.А. Национализация // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4. – С. 383–384.

8. Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – 511 с.

9. Шайдуллин Р.В. Раскулачивание // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 2010. – Т. 5. – С. 27–28.

УДК 331.556.2

Ю.Г. Белоногов

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, г. Пермь, Россия*

ОТХОДНИЧЕСТВО И ИНДУСТРИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ЗАКРЕПЛЕНИЮ ОТХОДНИКОВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается эволюция государственной политики по отношению к отходничеству как одному из каналов пополнения рабочей силой строительного сектора советской экономики, который стал приоритетом в период первой пятилетки. На основе нормативно-правовых актов автор анализирует изменения и этапы в этой политике, представлявшей из себя целенаправленную деятельность по преодолению недостатков, присущих отходничеству. В частности, изучается аспект о закреплении отходников на строительном производстве. Автор прослеживает эволюцию методов поощрения за организованное на продолжительный срок отходничество, а также и мер наказания как для отходников, так и для администрации правлений колхозов за нарушения условий договоров. Государственная политика поощрения отходничества отражала реалии коллективизации и раскулачивания. Поворот в отношении отходничества автор связывает с началом голода в хлебородных регионах СССР и желанием властей решить возникшую в результате отходничества проблему дефицита рабочей силы в коллективных хозяйствах.

Ключевые слова: отходник, организованный набор, капитальное строительство, индустриализация, Наркомат труда, колхоз.

Y.G. Belonogov

SEASONAL WORK AND INDUSTRIAL CONSTRUCTION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLAN: STATE POLICY ON FIXING SEASONAL WORKERS IN PRODUCTION

The article examines the evolution of state policy in relation to seasonal management as one of the channels for replenishing the construction sector of the Soviet economy with labor, which became a priority during the first five-year plan. On the basis of normative legal acts, the author analyzes the changes and stages in this policy, which was a purposeful activity to overcome the shortcomings inherent in seasonal management. In particular, the aspect of fixing seasonal workers in construction production is being studied. The author traces the evolution of methods of encour-

agement for long-term organized seasonal management, as well as penalties for both seasonal workers and the administration of collective farm boards for violations of the terms of contracts. The state policy of encouraging seasonal work reflected the realities of collectivization and dispossession. The author connects the turn in relation to seasonal management with the beginning of famine in the grain-producing regions of the USSR and the desire of the authorities to solve the problem of labor shortage in collective farms that arose as a result of seasonal management.

Keywords: seasonal worker, organized recruitment, capital construction, industrialization, People's Commissariat of Labor, collective farm.

Курс на форсированную индустриализацию предусматривал масштабное промышленное строительство. За «доиндустриализационный» период 1918–1928 гг. было построено, восстановлено и введено в действие 2200 крупных государственных промышленных предприятий; за период 1929–1932 гг. таковых насчитывалось 1500, за 1933–1937 гг. – уже 4500, за 1938 – первое полугодие 1941 гг. – 3000 [7, с. 33]. Масштабное строительство новых предприятий в условиях отсутствия достаточного количества строительной техники значительно обострило проблему дефицита рабочей силы. Проблема «кадрового голода» на этапе реконструкции и строительства новых промышленных объектов в период первых пятилеток решалась, в основном, за счет выходцев из деревни. За 1926–1928 гг. крестьянские пополнения в приросте численности рабочего класса составляли 40%, в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.) выходцы из деревни составили уже 68%, в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) – 54% [7, с. 199].

В период первой пятилетки функционировало несколько каналов «перетока» рабочей силы из аграрного в индустриальный сектор экономики. Первый канал предусматривал индивидуальный наем предприятием трудоспособных крестьян, как правило, из числа крестьян-единоличников, перебивавшихся на постоянное место жительства в промышленные центры в целях спасения от угрозы раскулачивания [об этом аспекте коллективизации см.: 1, с. 14–15]. Второй канал предполагал традиционный (со времен дореволюционной России) метод привлечения рабочей силы в формате отходничества, т.е. временного ухода сельских жителей (как колхозников, так и единоличников) с мест постоянного жительства в районы промышленного строительства, лесозаготовок, торфоразработок и развитой промышленности для дополнительного заработка.

Проблематика отходничества как канала пополнения рабочей силой в начальный период «сталинской» индустриализации активно разрабатывалась в рамках и советской, и современной российской историографии в контексте т.н. рабочей истории и аграрной истории. Отметим, что в советской историографии при оценке отходничества как своеобразной разновидности сезонных работ господствовал классовый подход, согласно которому отходники априори рассматривались как некие «второсортные» пролетарии. Достаточно типичными были утверждения о том, что крестьяне-отходники «не были свободны от мелкособственнических привычек и нравов, распущенности и косности. Они приносили в среду рабочего класса ... мелкобуржуазную психологию» [9, с. 128].

Среди хорошо изученных по этой теме сюжетов можно отметить масштабы и причины широкого распространения отходничества, приоритетные сферы применения труда отходников, эволюцию государственной политики по отношению к отходничеству, недостатки отходничества, региональные особенности отходничества. Тем не менее, сюжет об отходничестве в контексте целенаправленной деятельности государства по закреплению кадров на производстве представляется пока малоизученным, т.к. исследователи недостаточно вовлекают в научный оборот подзаконные акты Народного Комиссариата Труда (далее – НКТ) СССР. В рамках данной статьи автор попытался проанализировать такой аспект государственной политики по развитию отходничества, как эволюция мер поддержки для более эффективного использования сезонных работников на строительном производстве. Основным источником для исследования стали нормативно-правовые акты (законы и подзаконные акты), опубликованные в бюллетене НКТ СССР.

Согласно официальной статистике, масштабы привлечения рабочей силы только в рамках отходничества постоянно увеличивались: в 1923/1924 хозяйственном году число отходников составило 1672,5 тыс. человек, в 1926/1927 г. – 3145 тыс., в 1927/1928 г. – 5451 тыс., в 1928/1929 – 4343 тыс., в 1931 календарном году (вместе с оргнабором) – 5454 тыс., в 1932 г. (вместе с оргнабором) – 3642 тыс. Со следующего года учитывался только организованный набор: 1933 г. – 1887 тыс. человек, 1934 г. – 3247 тыс., 1935 г. – 3124 тыс., 1936 г. – 3104 тыс., 1938 г. – 2011 тыс., 1939 г. – 2315 тыс. [2, с. 120]. Около половины из всех 5,454 млн сельских жителей, завербованных в 1931 г., составляли именно строительные рабочие: огромный размах капитального строительства, низкий уровень механизации строительных работ и преобладание ручного труда обусловили большую потребность в такой малоквалифицированной рабочей силе как отходники [9, с. 109–111].

Однако традиционное отходничество, предусматривавшее поиск работы непосредственно самим крестьянином, обладало с точки зрения государства очевидными минусами: сезонный характер работы части крестьян, выбор места работы по желанию отходника, нерегулируемый властями «прилив» и «отлив» отходников ставили под угрозу выполнение стройками и предприятиями напряженных планов. Представление о работе отходников может составить цитата из воспоминаний секретаря парткома строительства Сталинградского тракторного завода (одного из наиболее известных промышленных объектов периода первой пятилетки) М.И. Сучкова: «Весной 1929 г. на сталинградскую строительную площадку со всех концов Центральной России и Украины двинулись строители-сезонники. Они ехали в теплушках со своими телегами и лошадьми, со своими лопатами из Рязани и Тамбова, Курска и Орла, Нижнего Новгорода и Астрахани, Саратова и Самары, с Полтавщины,

---

* Необходимо сделать две оговорки: 1. В числе лиц, уходивших на заработки, учитываются данные по СССР без ЗСФСР, УзбССР, Туркменской ССР. 2. С 1927/1928 г. изменилась методика подсчета отходников. Под отходничеством отныне подразумевалось не только межволостной отход, но и внутриволостной, т.е. учитывались отходниками все крестьяне и колхозники, кто уходил на заработки за пределы своего села и жил это время вне дома.

Черниговщины и Волынщины – тысячи отходников грабарей, плотников, каменщиков. Они жили артелями со старостами во главе, соблюдали дедовские обычаи. Отходники ехали на временные заработки, имея в виду скопить за лето некоторую сумму, чтобы зимой вложить ее в свое хозяйство. Ехали на срок «до Покрова», т.е. до 14 октября, когда сезонники обычно бросали работу и возвращались в свои деревни» [цит. по: 11, с. 201].

Поэтому государство было заинтересовано в максимально возможном регулировании отходничества, направлении его потоков на необходимые для властей стройки и сезонные работы (лесозаготовки, лесоразработки, торфоразработки и т.д.), поощрении долговременного закрепления отходников на этих работах, создании своеобразного резерва постоянных кадров в лице отработавших несколько сезонов на одном объекте отходников [о понимании данной проблемы на высшем уровне см.: 10, с. 219].

Еще в рамках НЭП государство пыталось всячески ограничить самовольное отходничество в пользу развития централизованного (планового) отходничества. Так, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 ноября 1927 г. об обязанностях волостных и районных исполнительных комитетов сельских Советов предусматривало оказание ими содействия органам НКТ РСФСР в мероприятиях по предупреждению неорганизованного отхода крестьян на заработки [4, с. 44]. Одновременно руководители хозяйственных организаций были ориентированы на максимально возможное снижение случаев найма отходников, прибывших «самотеком». Так, особыми Циркулярами НКТ СССР и ВСНХ СССР было разрешено хозяйственным организациям произвести прикрепление рабочих, работавших у них в сезоне 1927 г., для работ в следующем году. Однако Приказ по ВСНХ РСФСР от 17 мая 1928 г. об обеспечении строительных организаций постоянными кадрами рабочей силы констатировал, что хозяйственные организации «недостаточно интенсивно проводят вызовы закрепленных рабочих, подают заявки и осуществляют наем рабочей силы из прибывшего самотека, относят вызов прикрепленных рабочих на более поздние сроки, чем ставится под угрозу развитие начатой работы по созданию постоянных кадров рабочих в строительстве». ВСНХ РСФСР директивно предлагал всем подчиненным хозяйственным организациям вызывать прикрепленных рабочих непосредственно в первую очередь [4, с. 365]. Аналогичный Циркуляр НКТ РСФСР от 31 августа 1928 г. уже требовал для сезона 1929 г. добиваться закрепления не менее 30% от средне-сезонного числа занятых в 1928 г. строительных рабочих. Прикрепление строительных рабочих к хозяйственным объектам должно было оформляться путем заключения письменного соглашения между хозорганом и прикрепляемой группой при участии местного органа профсоюза строителей. Биржи труда мест потребления рабочей силы должны были получить от хозорганов списки прикрепленных групп не позднее 1 января 1929 г. [4, с. 601].

Во многом именно 1931 г. стал переломным в переходе крестьян и колхозников к отходничеству, планируемому и организованному государством. Выступая на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. о задачах развития промышленности, И.В. Сталин отметил: «... нельзя больше рассчитывать на самотек рабочей силы. Зна-

чит, от «политики» самотека надо перейти к политике организованного набора рабочих для промышленности. Но для этого существует лишь один путь – путь договоров хозяйственных организаций с колхозами и колхозниками» [12]. Сформулированные главой партии выводы и предложения легли в основу важного нормативного акта, завершившего институциональное оформление организованного набора как способа комплектования хозяйственных объектов рабочей силой, – Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 30 июня 1931 г.

Какие документы предшествовали его принятию и последовали за его реализацией? 15 декабря 1930 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР о порядке найма и распределения рабочей силы и о борьбе с текучестью. Данный нормативно-правовой акт отражал приоритет в задачах по обеспечению производства рабочей силой: наряду с подготовкой новых рабочих кадров предполагалось «наиболее полное и плановое использование рабочей силы во всех отраслях народного хозяйства» [6, с. 3–4]. Соответственно на органы труда возлагалась обязанность обеспечить плановое распределение рабочей силы в пределах утвержденных производственных планов. При этом все предприятия и стройки должны нанимать работников (кроме ряда оговоренных случаев) только через органы труда.

4 января 1931 г. вышло Постановление НКТ СССР о плановом снабжении народного хозяйства рабочей силой. В нем определялась следующая процедура: предприятия и учреждения предоставляли планы ежегодной потребности в рабочей силе и покрытия этой потребности; на их основе органы труда составляли планы снабжения рабочей силой в данной местности (далее – по региону, затем – СССР) с указанием потребности в рабочей силе и источников ее покрытия вплоть до точной цифры переброски из одного региона в другой. Потребность в рабочей силе должна была удовлетворяться, в первую очередь, за счет местных ресурсов. Утвержденные органами труда планы снабжения рабочей силой являлись для предприятий и учреждений обязательными как в части установленной для них потребности в рабочей силе, так и в части источников покрытия этой потребности. Снабжение предприятий и учреждений рабочей силой в порядке вербовки или подготовки на курсах органов труда производилось управлениями кадров на основе особых договоров между управлениями кадров и предприятиями, при этом заключение таких договоров при наличии предложения об этом со стороны органа труда являлось обязательным для всех предприятий и учреждений [6, с. 13–15].

18 января 1931 г. вышло Постановление НКТ СССР № 18 о вербовке рабочей силы. Данный нормативно-правовой акт указывал, что «в связи с ликвидацией безработицы дополнительная рабочая сила привлекается в порядке вербовки, главным образом, из среды сельского населения как за счет выделения колхозами излишков рабочей силы, образующихся благодаря лучшей организации труда в колхозах, так и за счет отхода на сезонные заработки крестьян». Вербовка рабочей силы должна была осуществляться, в основном, органами труда (и по их планам), а хозорганы могли производить вербовочные операции только с разрешения органов труда и при том только в местностях, указанных органами труда. Органы труда обязывались предоставлять хозорганам право самостоятельной вербовки исключительно в тех

случаях, когда по планам органов труда местность была отведена только для данного хозоргана и благодаря этому была исключена возможность конкуренции между несколькими нанимателями. Разрешение хозорганам самостоятельно вербовать рабочую силу в других районах, расположенных вне территории деятельности данного органа труда, допускалось только с предварительного согласия органов труда этих районов.

В плане вербовочных операций, который составлялся исключительно районным органом труда, должна была заранее фиксироваться следующая информация: в каком селении, сколько рабочих, каких профессий и специальностей и для какого хозоргана должно быть набрано. В районном плане особо выделялась вербовка из колхозов с указанием числа рабочих, подлежащих вербовке по каждому колхозу. Устанавливался перечень лиц, не подлежащих вербовке (в частности, рабочие, уже закрепленные на ближайший сезон за каким-либо хозорганом, строительные и иные рабочие — члены промыслово-строительных и иных артелей, входящих в систему промысловой кооперации). Определялась и процедура взаимодействия органов труда и хозяйственных организаций: вербовочные операции в пределах планов должны были производиться лишь на основании договоров между органами труда и хозорганами о снабжении рабочей силой. Вместе с заданием от районного уполномоченного вербовщика сообщались все сведения по условиям вербовки, условиям найма и работы в данном хозоргане [6, с. 52–56].

Однако концентрация больших полномочий у органов труда в сфере вербовки сельской рабочей силы увеличивало срок согласований, а это препятствовало быстрому попаданию завербованных колхозников и крестьян-единоличников на стройки и предприятия. Вероятно, у хозяйственных органов были и особые претензии к качеству работы территориальных органов труда с точки зрения своевременного исполнения ими заявок о количестве и квалификационном составе вербуемой рабочей силы. А такая деятельность монополиста-посредника не могла не отразиться на выполнении хозяйственными органами своих производственных планов. Поэтому менее чем через два месяца Постановлением Совета Труда и Оборона СССР от 3 марта 1931 г. была закономерно изменена процедура вербовки сезонных работников из сельской местности: отныне данную деятельность должны были осуществлять не органы труда, а сами хозорганы. Соответственно, ответственность как за несвоевременный набор и неправильное использование рабочих кадров, так и за укомплектование рабочими кадрами и выполнение предприятиями промфинплана логично возлагалась непосредственно на руководство хозяйственных объектов [6, с. 566–568].

Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР от 28 августа 1931 г. об организации отходничества и заключении договоров хозорганов с колхозами уточняло новую процедуру: каждому хозоргану, в первую очередь, для ударныхстроек, новых заводов и важнейших предприятий союзной промышленности и транспорта (по решению органов труда) отводились определенные районы (или часть района) для набора рабочей силы. Хозорганы должны были заключать договоры только с правлениями колхозов для активного содействия последних

производимой самими хозорганами вербовке. Согласно данному подзаконному акту, договоры должны были носить характер производственной помощи с включением конкретных взаимных обязательств: запрещалось включать в договоры «коммерческие условия» в виде прописывания неустоек (за недопоставку рабочей силы, финансовая ответственность за простои предприятия из-за нехватки рабочих). Кроме договоров хозорганов с колхозами обязательным становилось заключение индивидуальных договоров предприятия и отходников, где оговаривались условия работы колхозников на предприятиях [6, с. 564–565]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 сентября 1931 г. разрешало предприятиям, учреждениям и организациям обобщественного сектора нанимать работников (как в городах, так и в сельской местности) уже без обращения в органы труда [6, с. 610].

Следует добавить, что нормативно-правовые акты 1931 г. о вербовке рабочей силы отражали «антикулацкую» государственную политику по коллективизации деревни. Рассмотренные выше постановления от 18 января и 30 марта 1931 г. предусматривали определенные ограничения для организованного отходничества: вербоваться могли только бедняки, середняки, батраки и колхозники. Поэтому отходники, которые изъявили желание поехать на работу, сначала должны были подвергаться «тщательному социально-классовому отбору» с целью недопущения на работу социально-чуждых элементов. Вербовка «кулацких элементов» категорически воспрещалась.

Усиливались и требования к учету рабочей силы, которая потенциально могла быть использована на работах в формате организованного отходничества. Постановление НКТ СССР от 26 июля 1931 г. об ежемесячной отчетности о движении сельского населения требовало от председателей колхозов информации в органы труда о том, сколько индивидов (отдельно по мужчинам, отдельно по женщинам) в данном месяце ушло на заработки за пределы своего сельсовета (с указанием видов работ), сколько лиц в возрасте 16–59 лет имелось в колхозе к концу месяца, сколько из оставшихся можно было послать на работу из колхоза в следующем месяце, сколько отходников вернулось в конце месяца. Одновременно запрашивалась информация о миграции населения в данную деревню / из данной деревни (кроме отхода на заработки) [6, с. 515–519]. При составлении производственных планов колхозов на 1932 г. предлагалось организовать учет всех колхозников – квалифицированных рабочих.

Государство всеми возможными способами «пряника и кнута» поощряло как отдельных крестьян (колхозников и единоличников), так и правления коллективных хозяйств на централизованное отходничество (в формате т.н. оргнабора). Так, согласно Постановлению Колхозцентра СССР и РСФСР, ВСНХ СССР и НКТ СССР от 11 февраля 1931 г., в целях стимулирования организованного направления колхозников на работы в сезонные отрасли народного хозяйства предполагалось снизить размер отчислений с заработка отходников до 2–5% для колхозников, направляемых на работы в организованном порядке, вместо установленных ранее 3–10% [6, с. 126]. Упомянутое Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 30 июня 1931 г. предусматривало льготы для колхозников-отходников, которые контрактировались на

работу в государственной промышленности, на транспорте, в строительстве (в частности, уже полное освобождение от всяких отчислений с заработка в общественные фонды колхоза). По данным правительственной комиссии, проверявшей тяжесть налогового обложения, средний доход одного отходника превышал доход середняка почти в два раза, доход бедняка — более чем в два с половиной раза, что стимулировало крестьян на отходничество [9, с. 14].

Однако при нарушении условий договора со стороны завербованных отходников (например, увольнение ранее обусловленного срока найма или за нарушение трудовой дисциплины; неприбытие на вербованных рабочих на работу; прибытие с опозданием по их вине, если по срочности работ опоздание повлекло за собой отмену этих работ или наем других рабочих; нежелание рабочих приступить к работе на условиях, указанных при вербовке) хозорган был обязан взыскивать с рабочих выплаченные им суточные, стоимость проезда и неотработанные авансы [6, с. 56]. Указанные выше льготы для отходников автоматически упразднялись, если завербованный отходник нарушал договор с хозорганом.

Аналогичная политика «пряника и кнута» отмечалась также в отношении колхозов и их руководства. Например, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. провозглашались меры поощрения колхозам, заключившим договоры с хозорганами о выделении рабочих-отходников или о содействии вербовке своих членов на работу в отход (в частности, преимущественно снабжение сельхозмашинами, первоочередное обустройство в деревнях и селах данных колхозов школ, яслей, культурно-просветительских учреждений) [6, с. 562–564]. Постановление НКТ СССР от 21 сентября 1931 г. об оказании хозорганами материально-технической помощи колхозам за содействие вербовке рабочих детализировало данную помощь: либо уплата колхозу специальных средств для производства (сумма уплаты определялась пропорционально числу на вербованных колхозников из расчета 3–5 рублей в зависимости от места будущей работы), либо проведение мероприятий по улучшению колхозного производства силами хозоргана (ремонт машин, устройство мастерских и кузниц, передача ненужных материалов и т.д.) [6, с. 574].

Постановление VI съезда Советов СССР от 17 марта 1931 г. о колхозном строительстве указывало в пункте 7, что «... учитывая огромный недостаток рабочей силы для промышленности ... съезд обязывает все колхозы не только не препятствовать отходничеству рабочих в промышленность, но и содействовать отходничеству» [6, с. 162]. Правления колхозов должны были привлекаться к ответственности за задержку тех колхозников, кто изъявил желание идти на заработки. В частности, в Постановлении Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР от 28 августа 1931 г. об организации отходничества и заключении договоров хозорганов с колхозами констатировались как факты задержания колхозника в колхозе, не выдачи необходимых справок, исключения из колхоза за отходничество, так и примеры

---

* Для сравнения: согласно тому же нормативно-правовому акту, для отходников-единоличников устанавливалась льгота в виде снижения наполовину стоимости налагаемого на единоличников сельскохозяйственного налога с оговоркой о ненарушении завербованным договором с хозорганом.

привлечения к судебной ответственности руководителей этих колхозов за игнорирование требований Постановления ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. [6, с. 564–566]. Правлениям колхозов также воспрещалось отзывать колхозников с работы до окончания срока договора.

В условиях дефицита кадров объективно обострилась конкуренция за рабочую силу. Хозяйственные руководители в сфере строительства для выполнения напряженных планов шли на нарушение правил, самостоятельно увеличивая оплату труда и уровень социального обеспечения для привлечения дефицитной рабочей силы. В масштабах государства это оборачивалось объективным удорожанием строительства, а также невыполнением плана строительных работ вследствие обострения «кадрового голода» на объектах, у руководства которых не было излишних материальных ресурсов. В целом, проводимый за счет больших экономических издержек плановый и централизованный оргнабор колхозных крестьян показывал: чем слабее материальная база и социальное обеспечение на стройке или предприятии для выполнения заключенного между колхозом и предприятием договора, тем выше текучесть кадров [такой вывод представлен в: 14, с. 132–133].

Не случайно, что в целях снижения текучести рабочей силы среди завербованных рабочих Постановление СНК РСФСР от 10 ноября 1931 г. об обеспечении народного хозяйства рабочей силой обязывало хозорганы при расстановке найманных рабочих на производстве укомплектовывать бригады (по мере возможности) колхозниками одного колхоза и по такому же принципу распределять их по общежитиям. Органам труда предписывалось «систематически проверять подготовленность хозорганов к приему и размещению вербуемой для них рабочей силы (жилища, снабжение, питание, оздоровительные мероприятия), а также установить систематический контроль за выполнением хозорганами взятых на себя обязательств в договорах с колхозами и колхозниками». В случаях выявления фактов необеспечения соответствующими условиями для приема и размещения завербованных рабочих, а также невыполнения договоров с колхозами и колхозниками органы труда должны были ходатайствовать перед органами юстиции о привлечении виновных хозяйственных руководителей к судебной ответственности [6, с. 651–652]. Одновременно ответом на конкуренцию хозяйственных руководителей за рабочую силу стало изменение уголовного законодательства. Согласно специальному разъяснению Пленума Верховного суда РСФСР от 8 марта 1930 г., «переманивание рабочих ... если оно носит массовый характер и вызвало нарушение плана, и равно, если оно производится путем обещания заведомо неосуществимых условий путем повышения утвержденных для строительных рабочих расценок, является действием социально-опасным и, в зависимости от последствий, должно квалифицироваться по статьям 112 ч. 2, 109 или 134 Уголовного Кодекса РСФСР» [5, с. 413].

В 1932–1933 гг. (период страшного голода в районах т.н. «сплошной коллективизации» и демографического спада в деревне) в целях укрепления колхозной системы и обеспечения ее необходимой рабочей силой власти берут курс на ограничение отходничества из сельской местности. В научной литературе отмечается, что

Постановление от 30 июня 1931 г. было серьезно ограничено в 1933 г. в интересах колхозов, которые испытывали острую нехватку рабочей силы именно в период активных сельскохозяйственных работ, когда отходники работали за пределами колхозов [подробней об эволюции отношения к отходничеству см.: 3, с. 201–202; 13, с. 541–542].

В целом, активное индустриальное строительство, развернувшееся в период первой пятилетки, в условиях отсутствия необходимой строительной техники объективно требовало притока рабочих рук из деревни. С точки зрения властей поощрение отходничества было вынужденной мерой, но позволяло заполнить нишу сезонной рабочей силой для строящихся объектов. Поэтому государственная политика в привлечении такой группы работников была направлена на преодоление присущих отходничеству недостатков (среди таковых следует выделить найм и увольнение по желанию отходника, самовольный выбор отходником места работы). Нормативно-правовые акты свидетельствовали о стремлении максимально учитывать потенциальный резерв рабочей силы, регулировать и направлять в интересах производства потоки трудовой миграции. Важной задачей было и закрепление сезонной рабочей силы за определенным объектом строительства. Данная задача решалась методами материального поощрения крестьян и колхозов, финансовых взысканий за самовольное оставление места работы и увольнением за нарушения трудовой дисциплины, усилением ответственности руководства строительных объектов за обеспечение отходников удовлетворительными жилищно-бытовыми условиями, введением уголовной ответственности за «переманивание» рабочей силы.

Источники и литература

1. Ажигулова А.И. Коллективизация как причина роста миграции и изменения численности населения на Южном Урале // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков: Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Рус. революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы: В 2 т. – Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2017. – Т. 1. – С. 13–18.
2. Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса: 1917–1940 гг. – М.: Мысль, 1976. – 264 с.
3. Вербицкая О.М. Социальные последствия советской мобилизационной экономики 1930-х годов // Тр. Ин-та рос. истории РАН. – 2013. – № 11. – С. 185–205.
4. Известия Народного Комиссариата труда СССР. – М.: Вопросы труда, 1928. – 816 с.
5. Известия Народного Комиссариата труда СССР. – М.: Гострудиздат, 1930. – 768 с.
6. Известия Народного Комиссариата труда СССР. – М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1931. – 704 с.
7. Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов). – М.: Мысль, 1979. – 343 с.
8. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юб. стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
9. Панфилова А.М. Формирование рабочего класса в годы первой пятилетки (1928–1932). – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1964. – 176 с.
10. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1936 гг.: Сб. док-ов. – М.: Россия молодая, 1995. – 303 с.

11. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. Т. 2. 1921–1937 гг. – М.: Наука, 1984. – 512 с.

12. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства: Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/t13_13.htm (дата обращения: 13.02.2022).

13. Сысов А.И. Отходничество: взгляд местных властей // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае (г. Иваново, 28–29 марта 2018 г.). – Иваново, 2018. – С. 537–542.

14. Чернокрылова Е.Н. Некоторые проблемы формирования рабочего класса в начальный период индустриализации 1926–1932 гг. (на примере рабочих Урала и Дальнего Востока) // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2015. – № 8. – С. 129–137.

УДК 314.148:94(47).084

Т.Ю. Задкова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия*

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОРДОВСКОЙ АССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 ГГ.): ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию демографических процессов среди сельского населения Мордовской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Прослеживается влияние войны на динамику и структуру населения республики.

Ключевые слова: демографические процессы, рождаемость, смертность, браки, разводы.

T.Y. Zadkova

RURAL POPULATION OF THE MORDOVIAN ASSR ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1939–1945): HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

The article is devoted to the study of demographic processes among the rural population of the Mordovian ASSR on the eve and during the Great Patriotic War. The influence of the war on the dynamics and structure of the population of the Republic is traced.

Keywords: demographic processes, fertility, mortality, marriage, divorce.

Великая Отечественная война обусловила значительные сдвиги в развитии народонаселения. Главной тенденцией динамики численности населения Мордовии в этот период стало его существенное сокращение. К сожалению, мы не располагаем полной статистикой, позволяющей судить о численности сельского населения республики в предвоенный и военный период. В нашем распоряжении имеются лишь

результаты Всесоюзной переписи населения 1939 г. и данные итогов единовременных отчетов о возрастном и половом составе сельского населения, которые начали собираться с 1 января 1943 г. Сведения о рождаемости, смертности, браках и разводах можно почерпнуть из годовых отчетов по естественному движению населения за определенные годы.

Полные и точные сведения о составе населения Мордовской АССР в довоенный период содержит Всесоюзная перепись населения 1939 г. Она дала возможность определить число мужчин и женщин в республике накануне войны и зафиксировала сложившийся к этому времени гендерный дисбаланс. Согласно переписи, в 1939 г. в сельской местности проживали 1 105 585 чел., в том числе 504 831 чел. мужского пола и 600 754 – женского, или соответственно 45,7% и 54,3%. На 1 января 1947 г. постоянное население, включая отсутствующее, составляло 890 706 чел., наличное – 793 387 чел., в том числе 308 256 чел. мужского и 485 063 чел. женского пола. Таким образом, с 1939 по 1947 г. сельское население уменьшилось на 214 879 чел., или на 19,5%. Количество мужчин сократилось на 196 757 чел., или на 38,9%, женское – на 115 691 чел., или 19,3% (см. табл. 1). Причиной столь значительного сокращения населения явились военные потери мужского населения [1, с. 9]. В основном это были сельские жители.

Таблица 1

Сельское населения в 1938, 1940–1944, 1946 гг., чел.

	17.01.1939	01.01.1941*	01.01.1942*	01.01.1943	01.01.1944	01.01.1945	01.01.1947
Все	1 105 585	1 068,8	1 137,8	1 088 901	1 039 154	993 459	890 706
в т. ч. отсутств.	...	...	...	222 822	216 422	208 278	97 387
наличное	...	...	...	866 079	822 732	785 181	793 319
в т. ч. мужское	504 831	...	...	311 786	295 579	273 154	308 256
женское	600 754	...	...	554 293	527 153	507 027	485 063

Составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – С. 25; ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1243. Л. 3; Оп. 41. Д. 123. Л. 7; Д. 126. Л. 2; Д. 129. Л. 2; Оп. 41. Д. 135. Л. 2–2 об.

* – тыс. чел.

... – нет данных.

На 1 января 1941 г. в Мордовии насчитывалось 1 068,8 тыс. сельчан. За год сельское население увеличилось до 1 137,8 тыс. чел. за счет естественного прироста (13,1 тыс. чел.) и эвакуированных (55,9 тыс. чел.) [2, л. 2]. Но при этом необходимо отметить, что учитывалось все население, без временно отсутствующих, в число которых входили лица, мобилизованные в Красную армию и уехавшие в города для работы в промышленности, на транспорте и стройках. Данные об отсутствующих появляются начиная с 1942 г. С этого же времени показываются сведения о количестве мужского и женского населения. Если взять наличное население, то на протяжении всего периода войны мы видим постепенное сокращение мужского населения как в абсо-

лютом, так и в процентном выражении. На 01.01.1943 и 01.01.1944 в деревне насчитывалось 36,0% мужчин, на 01.01.1945 – 34,8%. Увеличение количества мужского населения на 01.01.1947 до 38,9% связано с прошедшей демобилизацией.

Война еще больше деформировала половозрастную структуру населения (см. табл. 2). На 1 января 1943 г. в селах и деревнях Мордовии женское население в 1,8 раза превышало мужское, а в возрасте 18–49 лет (1893–1924 гг. рождения) – в 5 раз.

Таблица 2

Распределение населения по полу и возрасту на 01.01.1943

	Возраст								Итого
	0-7	8-13	14-15	16-17	18-24	25-49	50-54	55 лет и старше	
	Год рождения								Итого
	1935-1942	1929-1934	1927-1928	1925-1926	1918-1924	1893-1917	1888-1892	1887 и предшеств.	
мужчины	100 132	67 494	29 355	20 736	11 677	31 323	14 996	36 073	311 786
женщины	102 882	74 135	34 162	28 923	60 946	154 221	33 176	65 848	554 293

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 41. Д. 123. Л. 7.

Великая Отечественная война коренным образом изменила тенденции воспроизводства населения Мордовии (см. табл. 3). На протяжении всего периода войны сокращалась рождаемость; в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилась смертность, далее было зафиксировано ее снижение, что произошло на фоне общего уменьшения численности населения; начиная с 1942 г. все меньше мужчин и женщин вступали в брак, что было связано с призывом на военную службу; всплеск роста количества брачующихся, пришедшийся на 1945 г., объясняется начавшейся демобилизацией; число разводов также сократилось, а в 1945 г. в сельской местности не было зафиксировано ни одного развода. Естественный прирост населения в 1942 г. сменился убылью, которая постепенно увеличивалась вплоть до 1945 г., когда произошло превышение рождаемости над смертностью.

Таблица 3

Естественное движение сельского населения в 1938, 1940–1945 гг., чел.

Год	Рождаемость*	Смертность	Браки	Разводы	Естественный прирост (убыль)
1938	50 310	25 283	6806	304	25 027
1940	36 354	23 501	3756	233	12 253
1941	35 128	22 502	3508	180	12 626
1942	22 606	25 685	1722	119	-3079
1943	10 638	15 520	2149	196	-4482
1944	9917	14 476	2583	172	-4559
1945	10 414	8451	4242	-	1963

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 209. Л. 46; Оп. 41. Д. 119. Л. 11 об.; Д. 121. Л. 54–54 об.; Д. 122. Л. 12 об.; Д. 124. Л. 16 об.; Д. 127. Л. 20 об.; Д. 129. Л. 9 об.

* Без мертворожденных.

Количественные параметры смертности сельского населения Мордовской АССР в годы войны прошли в своем развитии два этапа: на первом (1941–1942 гг.) уровень смертности заметно увеличился, на втором (1943–1945 гг.) – понизился (см. табл. 4).

Таблица 4

Сведения об умерших в 1938, 1940–1945 гг., чел.

Год	Умерших – всего			В т. ч. детей до 1 года		
	мужского пола	женского пола	обоих полов	мужского пола	женского пола	обоих полов
1938	13 022	12 261	25 283	4706	4066	8772
1940	12 030	11 471	23 501	4143	3494	7637
1941	11 666	10 836	22 502	3564	2989	6553
1942	14 343	11 342	25 685	3310	2826	6136
1943	8911	6609	15 520	811	702	1513
1944	7333	7143	14 476	515	491	1006
1945	4204	4247	8451	424	370	794

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 209. Л. 46; Оп. 41. Д. 119. Л. 11 об.; Д. 121. Л. 19 об.; Д. 124. Л. 16 об.; Д. 127. Л. 20 об.; Д. 129. Л. 9 об.

С началом войны некоторые изменения претерпели и возрастные показатели смертности (см. табл. 5). Для довоенного периода и начального этапа войны была характерна резкая концентрация смертности в детских возрастах. В 1938, 1940–1941 гг. доля детей до 5 лет в составе умерших превышала 50%. Начиная с 1942 г. прослойка детей до 5 лет в общей совокупности умерших начала сокращаться, тогда как увеличился удельный вес людей, скончавшихся в рабочих и старческих возрастах.

Таблица 5

Сведения об умерших по возрасту в 1938, 1940–1945 гг., чел.

Возраст	1938	1940	1941	1942	1943	1944	1945
До 1 г.	8772	7637	6553	6136	1513	1006	794
В %	34,7	32,5	29,1	23,9	9,8	7,0	9,4
1–4 г.	6597	5895	5641	5873	2348	1627	776
В %	26,1	25,1	25,1	22,9	15,1	11,2	9,2
5–9 л.	1201	1087	1205	1526	660	766	356
В %	4,8	4,6	5,4	5,9	4,2	5,3	4,2
10–14 л.	495	430	443	469	260	286	190
В %	2,0	1,8	2,0	1,8	1,7	2,0	2,2
15–19 л.	437	369	397	526	451	334	246
В %	1,7	1,6	1,8	2,0	2,9	2,3	2,9
20–24 л.	316	251	242	434	410	265	220
В %	1,2	1,1	1,1	1,7	2,6	1,8	2,6

Возраст	1938	1940	1941	1942	1943	1944	1945
25–29 л.	412	352	337	450	425	207	159
В %	1,6	1,5	1,5	1,8	2,7	1,4	1,9
30–34 л.	451	397	448	663	615	415	245
В %	1,8	1,7	2,0	2,6	4,0	2,9	2,9
35–39 л.	479	454	434	686	660	479	288
В %	1,9	1,9	1,9	2,7	4,3	3,3	3,4
40–44 л.	367	425	461	737	703	548	321
В %	1,4	1,8	2,0	2,9	4,5	3,8	3,8
45–49 л.	375	427	488	785	776	583	356
В %	1,5	1,8	2,2	3,1	5,0	4,0	4,2
50–54 л.	531	553	499	853	803	634	371
В %	2,1	2,4	2,2	3,3	5,2	4,4	4,4
55–59 л.	642	746	788	1105	1000	1056	522
В %	2,5	3,2	3,5	4,3	6,4	7,3	6,2
60–64 л.	800	918	939	1325	1113	1230	742
В %	3,2	3,9	4,2	5,2	7,2	8,5	8,8
65–69 л.	874	973	1083	1284	1078	1361	811
В %	3,5	4,1	4,8	5,0	7,0	9,4	9,6
70–74 л.	766	934	952	1162	919	1500	771
В %	3,0	4,0	4,2	4,5	5,9	10,4	9,1
75–79 л.	603	705	707	760	627	979	544
В %	2,4	3,0	3,1	3,0	4,0	6,8	6,4
80–84 л.	374	445	480	439	442	590	311
В %	1,5	1,9	2,1	1,7	2,9	4,1	3,7
85–89 л.	176	243	215	215	159	248	151
В %	0,7	1,0	1,0	0,8	1,0	1,7	1,8
90–94 г.	74	73	93	83	93	92	41
В %	0,3	0,3	0,4	0,3	0,6	0,6	0,5
95–99 л.	29	38	41	43	25	45	22
В %	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3
100 л. и ст.	16	17	14	17	10	12	6
В %	0,06	0,07	0,06	0,07	0,06	0,08	0,07
Неизв.	496	132	42	114	430	213	208
В %	2,0	0,6	0,2	0,4	2,8	1,5	2,5
Итого	25 283	23 501	22 502	25 685	15 520	14 476	8451
В %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 209. Л. 47 – 47 об.; Оп. 41. Д. 119. Л. 14 – 14 об.; Д. 121. Л. 23 – 23 об.; Д. 122. Л. 15 – 15 об.; Д. 124. Л. 19 – 19 об.; Д. 127. Л. 38 – 38 об.; Д. 129. Л. 23 – 23 об.

Как правило, смертность среди мужчин превышает смертность среди женщин (см. табл. 6). Так было и в довоенное время, и в период войны. В годы войны увеличилась смертность мужчин и женщин в рабочем возрасте от 15 до 59 лет.

Таблица 6

Сведения об умерших по полу и возрасту в 1938, 1940–1945 гг., чел.

Возраст	1938		1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
До 1 г.	4706	4066	4143	3494	3564	2989	3310	2826	811	702	515	491	424	370
В %	36,1	33,1	34,4	30,5	30,6	27,6	23,1	24,9	9,1	10,6	7,0	6,9	10,1	8,7
1–4 г.	3404	3193	3004	2891	2859	2782	2974	2899	1193	1155	862	765	391	385
В %	26,1	26,0	25,0	25,2	24,5	25,7	20,8	25,6	13,4	17,5	11,8	10,7	9,3	9,1
5–9 л.	618	583	569	518	633	572	798	728	348	312	440	326	214	142
В %	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0	6,0	6,0	4,0	5,0	6,0	5,0	5,0	3,0
10–14 л.	260	235	213	217	230	213	226	243	121	139	147	139	110	80
В %	2,0	1,9	1,8	1,9	2,0	2,0	1,6	2,1	1,4	2,1	1,9	1,9	2,6	1,9
15–19 л.	200	237	182	187	203	194	291	235	254	197	173	161	124	122
В %	1,6	1,9	1,5	1,6	1,7	1,8	2,0	2,1	2,9	3,0	2,4	2,2	3,0	2,9
20–24 л.	136	180	115	136	122	120	242	192	281	129	114	151	112	108
В %	1,0	1,5	1,0	1,2	1,1	1,1	1,7	1,7	3,2	1,9	1,5	2,1	2,7	2,6
25–29 л.	196	216	157	195	179	158	259	191	272	153	111	96	70	89
В %	1,5	1,7	1,3	1,7	1,5	1,5	1,8	1,7	3,1	2,3	1,5	1,3	1,7	2,1
30–34 л.	221	230	199	198	230	218	417	246	421	194	210	205	110	135
В %	1,7	1,9	1,6	1,7	2,0	2,0	2,9	2,2	4,7	2,9	2,9	2,9	2,6	3,2
35–39 л.	247	232	217	237	244	190	470	216	467	193	228	251	129	159
В %	1,9	1,9	1,8	2,1	2,1	1,8	3,3	1,9	5,2	2,9	3,1	3,5	3,1	3,7
40–44 л.	186	181	216	209	269	192	521	216	485	218	264	284	163	158
В %	1,4	1,5	1,8	1,8	2,3	1,8	3,6	1,9	5,4	3,3	3,6	4,0	3,9	3,7
45–49 л.	212	163	243	184	289	199	545	240	544	232	298	285	199	157
В %	1,6	1,3	2,0	1,6	2,5	1,8	3,8	2,1	6,1	3,5	4,1	4,0	4,7	3,7
50–54 л.	299	232	311	242	290	209	618	235	580	223	351	283	223	148
В %	2,3	1,9	2,6	2,1	2,5	1,9	4,3	2,1	6,5	3,4	4,8	4,0	5,3	3,5
55–59 л.	356	286	394	352	409	379	760	345	663	337	605	451	307	215
В %	2,7	2,3	3,3	3,1	3,5	3,5	5,3	3,0	7,4	5,1	8,2	6,3	7,3	5,1
60–64 л.	395	405	476	442	498	441	842	483	680	433	680	550	391	351
В %	3,0	3,3	4,0	3,8	4,3	4,1	5,9	4,3	7,6	6,6	9,3	7,7	9,3	8,3
65–69 л.	454	420	467	506	529	554	757	527	600	478	687	674	355	456
В %	3,5	3,4	3,9	4,4	4,5	5,1	5,3	4,7	6,7	7,2	9,4	9,4	8,4	10,8
70–74 л.	349	417	431	503	441	511	585	577	419	500	706	794	349	422
В %	2,7	3,4	3,6	4,4	3,8	4,7	4,1	5,1	4,7	7,6	9,6	11,1	8,3	9,9
75–79 л.	266	337	325	380	332	375	347	413	270	357	466	513	233	311
В %	2,0	2,7	2,7	3,3	2,9	3,5	2,4	3,6	3,0	5,4	6,4	7,2	5,5	7,3
80–84 л.	144	230	171	274	190	290	186	253	186	256	253	337	118	193
В %	1,1	1,9	1,4	2,4	1,6	2,7	1,3	2,2	2,1	3,9	3,5	4,7	2,8	4,5
85–89 л.	68	108	92	151	93	122	70	145	55	104	96	152	51	100
В %	0,5	0,9	0,8	1,3	0,8	1,1	0,5	1,3	0,6	1,6	1,3	2,1	1,2	2,4
90–94 г.	28	46	23	50	18	75	26	57	31	62	27	65	10	31
В %	0,2	0,4	0,2	0,4	0,2	0,7	0,2	0,5	0,4	0,9	0,4	0,9	0,2	0,7
95–99 л.	9	20	11	27	12	29	17	26	4	21	13	32	9	13
В %	0,07	0,1	0,1	0,2	0,1	0,3	0,1	0,2	0,04	0,3	0,2	0,4	0,2	0,3
100 л. и ст.	4	12	3	14	4	10	3	14	1	9	4	8	1	5

Возраст	1938		1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
В %	0,03	0,1	0,02	0,1	0,03	0,1	0,02	0,1	0,01	0,1	0,05	0,1	0,02	0,1
Неизв.	264	232	68	64	28	14	79	35	225	205	83	130	111	97
В %	2,0	1,9	0,5	0,5	0,2	0,1	0,6	0,3	2,5	3,1	1,1	1,8	2,6	2,3
Итого	13022	12261	12030	11471	11666	10836	14343	11342	8911	6609	7333	7143	4204	4247
В %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 209. Л. 47 – 47 об.; Оп. 41. Д. 119. Л. 14 – 14 об.; Д. 121. Л. 23 – 23 об.; Д. 122. Л. 15 – 15 об.; Д. 124. Л. 19 – 19 об.; Д. 127. Л. 38 – 38 об.; Д. 129. Л. 23 – 23 об.

Перекоп половозрастной структуры населения республики в связи с мобилизацией мужчин в армию и их гибелью на фронте не мог не отразиться на динамике брачности. По сравнению с довоенным периодом количество браков резко сократилось (см. табл. 7). По-прежнему в селах преобладающее число мужчин женилось в возрасте 20–24 лет. В то же самое время увеличивается количество женихов в возрасте моложе 18 лет, 30–50 лет и старше, сокращается – в возрасте 18–19 лет. Такие же тенденции были заметны и в возрасте невест, вышедших замуж в годы войны. Как и в предвоенный период, более половины их вступало в брак в возрасте 18–24 лет. Необходимо отметить, что в 1940–1942 гг. среди невест увеличилась доля 18–19-летних.

Таблица 7

Сведения о вступивших в брак в 1938, 1940–1945 гг. по возрасту, чел.

Год	Моложе 18 лет	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50 и старше	Неизв.	Итого	В т. ч. не состоявшие в браке
<i>Мужчины</i>											
1938	15	1532	3072	1342	328	179	170	146	22	6806	5264
В %	0,2	22,5	45,2	19,7	4,8	2,6	2,5	2,2	0,3	100,0	77,3
1940	10	667	1195	1057	319	208	157	127	16	3756	2942
В %	0,3	17,8	31,8	28,1	8,5	5,5	4,2	3,4	0,4	100,0	78,3
1941	11	702	1195	889	308	151	159	91	2	3508	2854
В %	0,3	20,0	34,1	25,3	8,8	4,3	4,5	2,6	0,06	100,0	81,4
1942	20	396	605	315	137	70	84	89	6	1722	1343
В %	1,1	23,0	35,1	18,3	8,0	4,1	4,9	5,2	0,3	100,0	78,0
1943	34	234	966	410	193	87	93	112	20	2149	1540
В %	1,6	10,9	45,0	19,1	9,0	4,0	4,3	5,2	0,9	100,0	71,7
1944	38	317	1174	516	220	81	95	113	29	2583	2089
В %	1,5	12,3	45,4	20,0	8,5	3,1	3,7	4,4	1,1	100,0	80,9
1945	47	419	1949	864	457	174	152	144	36	4242	3713
В %	1,1	9,9	46,0	20,4	10,7	4,1	3,6	3,4	0,8	100,0	87,5
<i>Женщины</i>											
1938	62	2293	3053	773	220	153	154	57	41	6806	5457
В %	0,9	33,7	44,9	11,4	3,2	2,2	2,3	0,8	0,6	100,0	80,2
1940	34	955	1511	599	261	167	149	59	21	3756	3150
В %	0,9	25,4	40,2	16,0	7,0	4,4	4,0	1,6	0,5	100,0	83,9

1941	43	910	1508	519	250	104	120	48	6	3508	2981
В %	1,2	26,0	43,0	14,8	7,1	3,0	3,4	1,4	0,1	100,0	85,0
1942	19	476	737	223	97	52	69	35	14	1722	1402
В %	1,1	27,7	42,8	13,0	5,6	3,0	4,0	2,0	0,8	100,0	81,4
1943	16	449	1063	283	148	65	68	32	25	2149	1528
В %	0,7	20,9	49,5	13,2	6,9	3,0	3,2	1,5	1,1	100,0	71,1
1944	30	461	1355	348	164	62	89	37	37	2583	2164
В %	1,2	17,9	52,5	13,5	6,3	2,4	3,4	1,4	1,4	100,0	83,8
1945	27	588	2408	645	259	100	101	56	58	4242	3609
В %	0,6	13,9	56,8	15,2	6,1	2,4	2,4	1,3	1,3	100,0	85,1

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 209. Л. 52 – 52 об.; Оп. 41. Д. 119. Л. 53 – 53 об.; Д. 121. Л. 57 – 57 об.; Д. 122. Л. 40 – 40 об.; Д. 124. Л. 45 – 45 об.; Д. 127. Л. 61 – 61 об.; Д. 129. Л. 47 – 47 об.

Наряду с показателями брачности важной характеристикой происходивших в семье процессов является уровень разводимости. В целом среди сельского населения республики разводы были достаточно редким явлением. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» внес серьезные изменения в законодательство о разводах. В первые годы после опубликования указа количество разводов резко сократилось. В 1945 г. в сельской местности республики не было зафиксировано вообще ни одного развода. Большинство расторгнутых браков имело сравнительно небольшой стаж супружеской жизни – от 1 до 2 лет (см. табл. 8). Самый большой процент распавшихся коротких браков (от 1 до 5 мес.) приходится на 1941 г. К окончанию войны увеличивается доля расторгнутых браков продолжительностью от 3–4 лет и 10 лет и более.

Таблица 8

Продолжительность браков в 1938, 1940–1945 гг., чел.

Год	1–5 мес.	6–11 мес.	1–2 г.	3–4 г.	5–9 л.	10–19 л.	20 лет и более	Неизв.	Итого
1938	49	17	53	40	40	16	4	85	304
В %	16,1	5,6	17,4	13,2	13,2	5,3	1,3	27,9	100,0
1940	21	11	34	36	50	25	6	50	233
В %	9,0	4,7	14,6	15,5	21,5	10,7	2,6	21,4	100,0
1941	63	10	26	25	30	21	3	2	180
В %	34,9	5,6	14,4	13,9	16,7	11,7	1,7	1,1	100,0
1942	15	9	14	16	12	7	5	41	119
В %	12,6	7,6	11,8	13,4	10,1	5,9	4,2	34,4	100,0
1943	28	14	25	17	34	20	6	52	196
В %	14,3	7,1	12,8	8,7	17,3	10,2	3,1	26,5	100,0
1944	20	15	25	16	20	19	6	51	172
В %	11,6	8,7	14,6	9,3	11,6	11,0	3,5	29,7	100,0

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 209. Л. 53; Оп. 41. Д. 119. Л. 50; Д. 121. Л. 54; Д. 122. Л. 41; Д. 124. Л. 49; Д. 127. Л. 38.

Постепенно увеличивалось количество распавшихся первых браков (см. табл. 9). Более половины разводов приходилось на супругов в возрасте 20–29 лет. Преобладание разведенных женщин молодых возрастов (18–24 года) было следствием их более раннего вступления в брак.

Таблица 9

Сведения о возрасте разводящихся в 1938, 1940–1945 гг., чел.

Год		18–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и более	Неизв. возр.	Итого	Состоят в браке			
											1-м	2-м	3-м	Не указ.
1938	Мужчины	14	94	115	45	16	10	2	8	304	241	36	9	18
	В %	4,6	30,9	37,8	14,8	5,3	3,3	0,7	2,6	100,0	79,3	11,8	3,0	5,9
	Женщины	27	116	85	48	11	4	1	12	304	242	17	7	38
	В %	8,9	38,2	28,0	15,8	3,6	1,3	0,3	3,9	100,0	79,6	5,6	2,3	12,5
1940	Мужчины	5	47	78	60	14	3	2	24	233	200	27	6	–
	В %	2,1	20,2	33,5	25,8	6,0	1,3	0,9	10,3	100,0	85,8	11,6	2,6	–
	Женщины	8	59	75	52	13	1	2	23	233	208	22	3	–
	В %	3,4	25,3	32,2	22,3	5,6	0,4	0,8	9,9	100,0	89,3	9,4	1,3	–
1941	Мужчины	9	38	68	39	14	4	1	7	180	153	21	6	–
	В %	4,9	21,1	37,8	21,7	7,8	2,2	0,6	3,9	100,0	85,0	11,7	3,3	–
	Женщины	15	57	53	36	8	3	1	7	180	158	21	1	–
	В %	8,3	31,7	29,4	20,1	4,4	1,7	0,5	3,9	100,0	87,8	11,7	0,5	–
1942	Мужчины	5	30	35	21	12	6	6	4	119	99	19	1	–
	В %	4,2	25,2	29,4	17,7	10,1	5,0	5,0	3,4	100,0	83,2	16,0	0,8	–
	Женщины	10	35	31	16	13	5	3	6	119	102	15	2	–
	В %	8,4	29,4	26,1	13,5	10,9	4,2	2,5	5,0	100,0	85,7	12,6	1,7	–
1943	Мужчины	3	50	54	59	14	5	3	8	196	161	32	3	–
	В %	1,5	25,5	27,6	30,1	7,1	2,6	1,5	4,1	100,0	82,1	16,3	1,6	–
	Женщины	9	61	54	38	19	4	1	10	196	164	20	4	–
	В %	4,6	31,1	27,6	19,4	9,7	2,0	0,5	5,1	100,0	83,8	10,2	2,0	–
1944	Мужчины	6	47	44	42	16	5	5	7	172	141	29	2	–
	В %	3,5	27,3	25,6	24,4	9,3	2,9	2,9	4,1	100,0	82,0	16,8	1,2	–
	Женщины	8	54	37	43	16	4	–	10	172	149	20	3	–
	В %	4,6	31,4	21,5	25,1	9,3	2,3	–	5,8	100,0	86,6	11,6	1,8	–

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9. Д. 209. Л. 53–53 об.; Оп. 41. Д. 119. Л. 50–50 об.; Д. 121. Л. 54–54 об.; Д. 122. Л. 41–41 об.; Д. 124. Л. 49–49 об.; Д. 127. Л. 64–64 об.

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на демографические процессы в Мордовской АССР. Сократилась общая численность населения, значительные изменения претерпели смертность и рождаемость, снизилась брачность населения. Для трех военных лет (1942–1944 гг.) была характерна депопуляция населения. Война еще более усугубила диспропорцию половозрастной структуры сельского населения, явившуюся последствием людских потерь Первой мировой и Гражданской войн.

Источники и литература

1. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. / под общ. ред. В.А. Юрчёнкова; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2005. – Т. 1
2. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1243. Л. 2.

УДК 94:322.2.021.8 (470.345)

Н.Н. Зоркова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕМНИКОВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Статья посвящена реализации Столыпинской аграрной реформы на территории современного Темниковского района Республики Мордовия, границы которого включают волости Темниковского уезда Тамбовской губернии и Краснослободского уезда Пензенской губернии. В статье предпринята попытка оценить успешность проведения реформы на рассматриваемой территории в хронологических рамках 1906–1914 гг.

Ключевые слова: аграрная реформа П.А. Столыпина, община, хутора, отруба, Землеустроительные комиссии, Крестьянский банк, переселенческая политика.

N.N. Zorkova

STOLYPIN AGRARIAN REFORM ON THE TERRITORY OF MODERN TEMNIKOV DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

The article is devoted to the implementation of the Stolypin Agrarian Reform on the territory of modern Temnikov district of the Republic of Mordovia, whose borders include the volosts of Temnikov district of Tambov province and Krasnoslobodsk district of Penza province. The article attempts to assess the success of the reform in the territory under consideration in the chronological framework of 1906–1914.

Keywords: P.A. Stolypin's agrarian reform, community, farms, cuts, Land management commissions, Peasant bank, resettlement policy.

Реформы П.А. Столыпина стали попыткой царского правительства остановить кризисные тенденции в развитии российской экономики и общественной сферы, при этом главная роль отводилась реформированию сельского хозяйства. Указ 9 ноября 1906 г. вносил существенные изменения в крестьянское землевладение и землепользование, он получил окончательное утверждение в законе 14 июня 1910 г.

Необходимо отметить, что мощным толчком, побудившим правительство к активным действиям в решении аграрного вопроса, стала революция 1905–1907 гг. Внутренним механизмом крестьянских волнений и погромов признавалось неуважение крестьян к институту частной собственности. «Разрешение этих двух вопросов: о признании наделных земель собственностью владельцев и об установлении порядка выхода крестьян из обществ в связи с выделом отдельных участков из состоящей в общем владении земли может иметь, по мнению Совета, благотворное влияние на крестьянское правосознание, внушив крестьянам и более здоровые взгляды на чужое право собственности» [13, с. 57], – говорилось в докладе председателя Совета министров С.Ю. Витте по аграрному вопросу (10 января 1906 г.). Одним из гласных Тамбовского губернского земского собрания прямо было заявлено, что «...реформа имеет значение борьбы с социалистической пропагандой» [5, с. 20].

Территория современного Темниковского района Республики Мордовия сложилась в основном из большей части Темниковского уезда Тамбовской губернии и некоторых областей Краснослободского уезда Пензенской губернии.

Согласно «Статистике землевладения 1905 г.» Темниковский уезд в сравнении с другими уездами губернии имел наименьший процент крестьянской наделной земли в отношении общей площади земли уезда (28,7%), но в то же время отличался высокой долей земли, принадлежавшей государству и церкви (45,5%). Дворянам принадлежало 44,8% всей земли, находившейся в частной личной собственности (39 157 дес.). У крестьян (общества, товарищества, отдельные хозяева) в частной собственности находилось 33 171 дес. земли, из них 14 812 дес. – у отдельных хозяев. Подавляющее количество наделной земли находилось в общинном владении. В числе бывших государственных крестьян было 27% подворников с 26% земли. Почти при равном числе дворов бывшие государственные крестьяне владели почти вдвое большим количеством земли, чем бывшие владельческие. При грубом подсчете в среднем у бывших владельческих крестьян имелось по 4 дес. на двор, у бывших государственных – по 7,7 дес. [16, с. 10–11, 32–33, 35]. Темниковский уезд славился своими лесами, но крестьянам здесь принадлежало меньше лесных угодий, чем в других уездах, менее обеспеченных лесом [12, с. 9]. По сравнению с Темниковским в Краснослободском уезде процент наделной земли был больше – 75,4% от общего количества земли. Из всей земли, находившейся в частной личной собственности, дворянам принадлежало 7477 дес., отдельным крестьянам – 8807 дес. (у крестьянских обществ и товариществ – 17 328 дес.). В Краснослободском уезде также преобладали бывшие государственные крестьяне, которые имели в среднем в два раза больше земли на двор, чем бывшие владельческие. Наделная земля сосредотачивалась в общинном владении. Среди бывших государственных

крестьян 11% – подворники с 6,5% земли. В среднем на двор у бывших владельческих приходилось по 4,5 дес., у бывших государственных – по 10,6 дес. [15, с. 10–13, 18–19, 28–29, 34]. Качество земли у обеих категорий было разным.

В 1901 г. в Темниковском уезде числилось 137 297 человек, из них крестьян, владевших землей, – 131 732 чел. Крестьянской земли в уезде насчитывалось 143 436 дес. Таким образом, за вычетом неудобной и усадебной земли, на ревизскую душу приходилось не более 1 дес. Малоземелье вынуждало крестьян арендовать землю у частных владельцев и монастырей. В сравнении с другими уездами губернии качество земли темниковских крестьян было плохое, урожаи низкие. Если Тамбовская губерния находилась в лидерах по количеству производимого хлеба в России, то Темниковский уезд производил лишь 1/20 часть от этого количества [20, с. 402]. При средней необходимой норме в 14 пудов ржи в год на человека в уезде на человека приходилось около 10 пудов [20, с. 399]. Темниковский уезд отличался богатством рогатого скота, но не лошадей. По статистике земской управы за 1901 г., безлошадных дворов в уезде было 24,7%, бескоровных – 13% [20, с. 397–400]. Наибольший процент безлошадных дворов был в волостях, где имелись безземельные крестьяне – бывшие горнозаводские, а также где у крестьян имелся фабрично-заводской заработок или лесной промысел (Ермишинская, Вознесенская, Широ-масовская, Теньгушевская, Кушкинская, Спасско-Раменская, Стрелецкая волости). Бескоровных дворов больше всего было в волостях с безземельными крестьянами и в волостях с неудобной землей и недостатком лугов (Ермишинская, Стрелецкая, Кушкинская, Барашевская) [20, с. 401]. Из волостей, вошедших в последствии в Темниковский район, наибольший процент безлошадных дворов приходился на Кушкинскую волость (33,5%), наименьший – на Бабеевскую (15,7%), соответственно бескоровных дворов – на Стрелецкую (30,7%), Кушкинскую (28,5%) и Бабеевскую (8,5%) [20, с. 417]. Главным заработком темниковских крестьян были работы, связанные с лесом и деревообработкой.

Таким образом, накануне реформы в Темниковском крае имелось достаточно проблем, требовавших скорейшего разрешения. Проблема малоземелья в регионе касалась главным образом бывших владельческих крестьян. Развитию сельского хозяйства мешали чересполосица, низкий уровень агротехники. Важной региональной особенностью было широкое распространение общинного землевладения и землепользования.

Аграрная реформа реализовывалась по трем тесно взаимосвязанным друг с другом направлениям: землеустройство, деятельность Крестьянского поземельного банка, переселенческая политика.

Землеустроительные комиссии в Тамбовской губернии открывались в две очереди: осенью 1906 г. в шести уездах губернии, весной и летом 1907 г. в остальных шести уездах, в том числе в Темниковском [1, с. 30]. В Краснослободском уезде комиссия открылась также в 1907 г. Приступив к землеустройству, комиссии столкнулись с целым рядом трудностей, крестьянское землевладение во многих местах имело очень запутанный характер и в каждом конкретном случае землеустроителям приходилось разрешать множество вопросов. Фронт работ землеустроительных

комиссий был очень обширным и с учетом опубликованной статистики, предоставившей данные в основном по губерниям и уездам, установление точного количества землеустроенных крестьянских хозяйств на территории современного Темниковского района представляется довольно затруднительным.

Тем не менее некоторые данные о количестве укрепивших землю крестьянских хозяйств и размерах укрепленной земельной площади можно почерпнуть из правительственной и земской статистики.

За период с момента издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 ноября 1909 г. в Темниковском уезде укрепили землю 293 домохозяина, площадь укрепленной земли составляла 1292 дес. На банковской земле не было образовано ни одного хутора или отруба, на надельной земле – 35 отрубов и ни одного хутора [2, с. 108–109]. За этот же период в других уездах Тамбовской губернии (за исключением Спасского) укрепление земли в собственность имело больший размах, особенно это касалось Тамбовского уезда [2, с. 108–109]. Спасский и Темниковский уезды значительно отставали и в групповом, и в единоличном землеустройстве относительно других уездов губернии [14, с. 5].

К началу 1910 г. в Темниковском уезде на банковской и казенной земле было образовано 10 хуторов и 80 отрубов на банковской, казенной и надельной земле [3, с. 12].

Советский исследователь Столыпинской аграрной реформы в мордовском крае И.И. Фирстов, опираясь на документы из фондов ЦГИАЛ (ныне РГИА), приводит следующие данные. За период от 9 ноября 1906 г. до 1 января 1917 г. в Темниковском уезде было отмечено 2793 домохозяина, заявившего требования об укреплении земли, укрепили землю 1822 домохозяина (6,8% к общему количеству домохозяев), укрепленной земли – 6619 дес. (4% от всей крестьянской земли уезда) [22, с. 89]. Что же касается Краснослободского уезда, то здесь на 1 января 1917 г. 5649 домохозяев заявили требования об укреплении земли, укрепили землю 3421 домохозяин (9,7% к общему количеству домохозяев), укрепленной земли – 14099 дес. (5% от всей крестьянской земли уезда) [22, с. 89]. В Краснослободском уезде получило наибольшее распространение групповое землеустройство [14, с. 2].

В целом Тамбовская и Пензенская губернии не входили в число губерний, отличавшихся высокой долей единоличных хозяйств. Среди 47 губерний Европейской России Тамбовская губерния по площади законченных землеустроительных работ занимала 14-е место, по числу образованных единоличных хозяйств – 20-е. Пензенская губерния соответственно занимала 17-е и 23-е места (на 1 января 1915 г.) [8, с. 97].

Несомненным положительным фактором реформы было то, что некоторые сельские общества получили возможность точно разграничить между собой свои земли. Так, например, в августе 1911 г. землемером Землеустроительных комиссий Тамбовской губернии М.М. Спириным было успешно, с согласия крестьян обоих селений, закончено дело о разделе однопланых селений Лесное Ардашево (Бабеевская волость Темниковского уезда) и Польское Ардашево (Барашевская волость Темниковского уезда) [24].

Непосредственное участие в аграрной реформе принимал Крестьянский поземельный банк. Крестьяне Темниковского и Краснослободского уездов чаще всего пользовались содействием банка при покупке земли и меньше прибегали к покупке земли из имений банка с назначением ссуд [17, с. 382, 386–387; 18, с. 383, 385, 389, 390]. Кроме того, крестьяне этих уездов приобретали землю у банка в подавляющем числе для отрубов, а не хуторов, и при этом мордовские крестьяне проявляли наименьшую активность по сравнению с русскими [11, с. 19–21].

Средние цены на землю, купленную через Крестьянский банк за период с 1906 по 1914 г., росли, не опускаясь в целом ниже уровня 1906 г., пик роста цен приходился на 1909 г. [7, с. 17]. Так, например, средняя покупная цена за десятину земли в Темниковском уезде выросла с 90 руб. в 1908 г. до 160 руб. в 1914 г. [17, с. 382, 386–387; 18, с. 383, 385, 389, 390].

В годы аграрной реформы правительство много внимания уделяло переселенческому движению. Ввиду несовершенства статистики переселения очень трудно определить точное число переселенцев из Темниковского края в период аграрной реформы. Более или менее определенные цифры можно получить лишь для губерний. В целом Тамбовская губерния принадлежала к числу тех губерний, что дали большое число переселенцев. В 1912 г. из Тамбовской губернии вышло 12,3 тыс. переселенцев и ходоков, из Пензенской губернии – 12,8 тыс. В 1913 г. Тамбовская губерния дала 18 255 чел. переселенцев и ходоков, Пензенская – 14 584 чел., в 1914 г. из Тамбовской губернии вышло 20 315 переселенцев и ходоков, из Пензенской – 14 613 чел. В среднем за 1909–1913 гг. из Тамбовской губернии уходило 13 915 чел., из Пензенской – 9731 чел. [19, с. 3–4, 14]. В основном поток переселенцев направлялся в Томскую, Тобольскую, Енисейскую губернии. В 1909 г. в четырех таежных поселках Томской губернии был проведен опрос переселенцев из Пензенской и Тамбовской губерний, в результате которого выяснилось, что среди переселенцев преобладали выходцы из лесных уездов. В Пензенской губернии к таким относился Краснослободский, а в Тамбовской – Темниковский и Спасский уезды [9, с. 18].

Переселение крестьян из Темниковского уезда было обусловлено малоземельем. О том, что в уезде мало земли, сообщали сами крестьяне. Так, например, двое крестьян из Бедишевской волости, проживавших в Челябинском уезде, просили Темниковский уездный съезд разрешения переселиться на казенные земли и в прошении писали: «Проживая в Челябинском уезде 7 лет, но земельного надела не имеем, а между тем ныне в Челябинском уезде все казенные оброчные статьи разрешены под водворение переселенцев, то и мы как в нашем Темниковском уезде малоземельно желали бы переселиться...» [23, л. 2].

Для того чтобы двинуться в путь и обустроиться на новом месте, крестьянской семье нужны были деньги. И тогда в большинстве случаев укрепленный надел продавался. В Тамбовской губернии переселенческая семья от продажи наделной земли в среднем выручала по 230 руб. за дес. и 76 руб. за дес. при аренде [21, с. 261]. С учетом плохого качества земли в Темниковском уезде можно предположить, что темниковские крестьяне получали за свои наделы меньше.

Исследуя переселенческую тему, Е.И. Кривяков показал, что переселенцы из Мордовского края, в том числе из Темниковского уезда, в подавляющем числе относились к крестьянской бедноте [9, с. 11–37].

Часто ходоки возвращались обратно не удовлетворенные качеством зачисленных долей. На земельных участках для переселенцев часто отсутствовали вода, лесные угодья. О такой ситуации, например, сообщалось в отчете Краснослободской землеустроительной комиссии за 1908 г. [25, л. 13]. Тамбовский губернатор в своем всеподданнейшем отчете за 1910 г. также писал, что многие участки, отведенные переселенцам, оказались неудобными: «...по заявлению крестьян, отказавшихся от посылки ходоков, а также по словам ходоков, возвратившихся не зачислив долей, земля, назначенная в Томской губернии, очень гористая и для распашки не пригодная; в местности, назначенной под переселение в Енисейской губернии, плохой климат и земля неудобная для обработки; в Тобольской губернии – поселение оказалось неудобным, ввиду отсутствия вблизи строевого леса и недостатка воды, а в Акмолинской области земля оказалась сплошь солончаковая» [10, л. 23].

В ходе реализации аграрной реформы в деревне возникало множество конфликтов, при этом самыми распространенными были столкновения крестьян-общинников и крестьян, решивших укрепить свою землю. Крестьяне деревни Потьма в 1913 г., вопреки требованиям волостного правления, земского начальника и уездного исправника, а также вопреки утвержденному земским начальником приговору о переделе их общественной земли, собрали сельский сход, на котором решили разделить землю крестьянки Домны Кузьминой, укрепившей свою землю в собственность. Указывалось, что подобный случай раздела укрепленных земель имел место быть весной 1912 г. в мордовском с. Ардашево [6, с. 157–158]. Учитывая, что в обоих селах Лесное Ардашево и Польское Ардашево проживало мордовское население, это могло быть одно из этих сел.

Исследователь З.П. Есенина отмечала, что в Спасском и Темниковском уездах многие крестьяне укрепляли свои наделы по постановлению земских начальников, а не по приговорам сходов и процент укрепившихся в этих уездах был наименьшим среди других уездов Тамбовской губернии [4, с. 139]. Тамбовский губернатор Н.П. Муратов отмечал особо упорное нежелание крестьян северных уездов губернии (Спасский, Темниковский, Елатомский, Шацкий) переходить к новой форме пользования землей [13, с. 260].

Таким образом, на реализацию Столыпинской аграрной реформы в Темниковском крае большое влияние оказали местные географические, исторические и хозяйственные условия, которые в значительной степени тормозили ее. Надельная земля в крае, довольно плохого качества, преимущественно находилась в общинном владении. Мордовские крестьяне проявляли заметно меньшую активность в землеустройстве, чем русские. Землеустройство в Темниковском уезде, сравнительно с другими уездами губернии, шло медленно, число хуторов и отрубов прирастало незначительно. В Краснослободском уезде довольно активно шло групповое землеустройство. Многие темниковские крестьяне переселялись в Сибирь, среди

переселенцев преобладала сельская беднота. Имелись не единичные случаи сопротивления реформе среди крестьян-общинников.

Источники и литература

1. Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии 1913 г. – Тамбов: Изд. Тамбов. губ. правления, 1913. – 772 с.
2. Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1910 г. – Тамбов: Изд. Тамбов. губ. правления, 1910. – 213 с.
3. Доклады и отчеты Тамбовской губернской земской управы по агрономической части Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1910 г. – Тамбов: Тамбов. губ. земство, 1911. – 242 с.
4. Есенина З.П. Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907–1914): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954. – 311 с.
5. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1909 года с приложениями. – Тамбов: Тамбовское губернное земство, 1910. – 312 с.
6. Захаркина А.Е., Фирстов И.И. Мордовия в годы трех народных революций. Хроника революционных событий. 1895 – май 1918. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1957. – Ч. 1. – 334 с.
7. Клепиков С.А. Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу. – М.: Универ. б-ка, 1917. – 40 с.
8. Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие: 1906–1916 гг. – П.: Тов. Р. Годике и А. Вильборг, 1916. – 122 с.
9. Кривяков Е.И. Социально-экономическое положение переселенцев на родине // Исследования по истории Мордовской АССР. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. – 122 с.
10. НА НИИГН. И – 1405.
11. НА НИИГН. И – 1389.
12. Обзор Тамбовской губернии за 1905 г. – Тамбов, 1907. – 125 с.
13. Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1973. – 335 с.
14. Справочные сведения о ходе землеустройства и развитии агрономической помощи единоличным владельцам. – СПб., 1911. – Вып. 4. – 31 с.
15. Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. – Вып. 22. Пензенская губерния. – 52 с.
16. Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. – Вып. 20. Тамбовская губерния. – 53 с.
17. Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка за 1908 г. – СПб., 1911. – 270 с.
18. Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка за 1914 г. – СПб., 1916. – 240 с.
19. Статистический ежегодник России. 1914 г. – П.: Центр. стат. комитет МВД, 1915. – 630 с.
20. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – XLI. Тамбовская губерния. – 475 с.
21. Турчанинов Н. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине // Вопр. колонизации. – 1913. – № 12. – С. 244–265.
22. Фирстов И.И. Аграрная реформа Столыпина на территории Мордовии // Записки МНИИЯЛИ. – Саранск, 1952. – Вып. 15. – С. 82–100.
23. ЦГА РМ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7.
24. ЦГА РМ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 18.
25. ЦГА РМ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 53.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ НЭПа (НА ПРИМЕРЕ ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДА)

Статья посвящена особенностям реализации новой экономической политики в зоне Нечерноземья на примере Темниковского уезда Тамбовской (с 1923 г. – Пензенской) губернии.

Ключевые слова: Темниковский уезд, НЭП, крестьянство, Нечерноземье, заработки, Советская власть, кулачество.

S.A. Ivliev

PROVINCIAL REALITIES OF THE NEW ECONOMIC POLICY (ON THE EXAMPLE OF TEMNIKOV DISTRICT)

The article is devoted to the peculiarities of the implementation of the new economic policy (NEP) in the Non-Chernozem region zone on the example of Temnikov uyezd of Tambov (since 1923 – Penza) province.

Keywords: Temnikov uyezd, NEP, peasantry, Nechernozemye region, earnings, Soviet power, kulaks.

В результате Первой мировой и Гражданской войн, введения системы «военного коммунизма» производительные силы страны, в том числе и Темниковского уезда Тамбовской (с 1923 г. – Пензенской) губернии (включавшего в себя Жегаловскую, Бабеевскую, Старогородскую, Пурдошанскую, Аксельскую, Урейскую и Кушкинскую волости), были основательно подорваны: значительно снизилась урожайность сельскохозяйственных культур, быстро стали сокращаться посевные площади. Наблюдался определенный застой в развитии производительных сил: господствующей системой полеводства в уезде по-прежнему оставалось трехполье, преобладающим орудием обработки почвы в крестьянском хозяйстве являлась соха. Плуги применялись редко [1].

За период 1914–1921 гг. в уезде существенно поменялась структура сельскохозяйственного производства: заметно сократились посевы ржи и овса и существенно увеличились посевы картофеля (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Динамика структуры сельскохозяйственного производства
в Темниковском уезде (1912–1921 гг.)**

Посевы	Темниковский уезд	
	1912 г.	1921 г.
Рожь	50	29
Овес	19	10

Просо	10	18
Картофель	10	39
Прочие	11	4
Итого	100	100

Таблица составлена по: Терняев А.П. Социально-экономическое развитие Мордовии в период новой экономической политики: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. – С. 49.

Заметная трансформация структуры посевов была связана с введением продразверстки в годы Гражданской войны. Значительное сокращение посевов ржи и овса было следствием того, что зерновые культуры по продразверстке забирались в первую очередь. В результате, в Темниковском уезде почти в четыре раза возросли посадки картофеля – культуры менее калорийной, но и менее «забираемой»: из-за большого объема и плохой сохраняемости продорганы брали его неохотно. Почти в два раза увеличились посевы проса. Этот злак более трудоемок для возделывания, чем остальные, но при равных урожаях он требует в пять раз меньше нормы высева, чем рожь. Кроме того, в Темниковском уезде в три–четыре раза упали посевы прочих культур, главным образом технических и масляничных, так как они ранее выращивались преимущественно на продажу [3, с. 50].

В непрестом положении оказалось и животноводство уезда (см. таблицу 2).

Таблица 2

Динамика поголовья скота в Темниковском уезде (1917–1920 гг.)

	1917 г.	1920 г.	в % к 1917 г.
Поголовье коров	28212	26284	93,1
Поголовье КРС	54350	34276	63,0
Поголовье овец	109709	59417	54,1
Поголовье свиней	45021	22656	50,3
Поголовье лошадей	29247	21989	75,1

Таблица составлена по: Терняев А.П. Социально-экономическое развитие Мордовии в период новой экономической политики: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. – С. 51–54.

Как видно из таблицы 2, произошло существенное снижение всех видов скота в крестьянских хозяйствах. Относительным исключением стало лишь поголовье коров, уменьшившееся незначительно.

Таким образом, положение в сельском хозяйстве уезда к началу 1920-х гг. было весьма сложным. Во всех его отраслях наблюдался упадок.

С окончанием Гражданской войны появилась возможность приступить к восстановлению разрушенной экономики. При этом властью все более осознавался факт, что чрезвычайными методами «военного коммунизма» достичь этого невозможно. Требовалась принципиально иная модель хозяйственной организации, рассчитанная на мирное поступательное развитие социума, сочетающая в себе как командные, так и рыночные механизмы регулирования. Она и была провозглашена на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. и получила название «новой экономической политики» (или, сокращенно, НЭП).

Главное содержание НЭПа – замена продразверстки продналогом в деревне (при продразверстке изымали до 70% зерна, при продналоге – около 30%), использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы (1922–1924), в результате которой рубль стал свободно конвертируемой валютой.

Рассмотрим реализацию и итоги данной политики в отношении сельского хозяйства Темниковского уезда. В аграрном секторе, в соответствии с декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г. продовольственная разверстка была заменена единым натуральным налогом. Он стал исчисляться в единой весовой мере (в пудах ржи или пшеницы) в зависимости от площади пашни и сенокоса, «высоты» урожая, наличия крупного рогатого скота и числа едоков в семье. Натуральный налог на 1921–1922 хозяйственный год по уездам будущей Мордовии (в частности, Темниковскому) был вдвое меньше в сравнении с продовольственной разверсткой времен Гражданской войны [1]. Наибольшее значение для крестьянства имело введение декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. единого сельскохозяйственного налога, который заменил множество до этого взывавшихся налогов и значительно повысил заинтересованность крестьян в увеличении товарности своего хозяйства [3, с. 66].

Реальные результаты от введения НЭПа стали ощутимы только после голода 1921–1922 гг. Особенности климата Поволжья, в частности Примокшанья, способствовали периодическому возникновению засух в летние месяцы. Сильные засухи в Темниковском уезде наблюдались в среднем раз в десятилетие и привыкшие к ним крестьяне обычно имели в запасе необходимое количество продовольствия и семян. Но вследствие реализации политики «военного коммунизма» эти запасы к началу 1920-х гг. довольно быстро иссякли (были реквизированы). Из-за недостатка семян весной 1921 г. провалилась посевная кампания, что стало печальным результатом чрезвычайных мероприятий. В итоге 1921 – середина 1922 гг. оказались «голодными». Властью отмечалось, что «в уезде очень плохо с продовольствием» [5, л. 95].

Уездные руководители, среди которых секретарь укома партии П.И. Шестакова, председатель уездного исполкома В.Е. Куникеев, председатель усельпрома В.И. Киреев, зав. агитпромомукомом Е.И. Бочкарева, председатель уездной ЧК К.М. Новиков, зав. здравотделом З.М. Зейре, зав. отделом народного образования З.Ф. Дорофеев и др., всеми силами пытались стабилизировать ситуацию [9, с. 104]. Заместитель ответственного секретаря Темниковского уездного комитета партии тов. Кочкарева летом 1922 г. писала: «Касаясь состояния Темниковского уезда, нужно отметить крайнее истощение продресурсов в последние месяцы до снятия нового урожая. Хлеба у крестьян нет. Цена дошла до 13–14 млн. за пуд, превышая цену в других голодающих уездах [Тамбовской] губернии. Крестьянство питается хлебом с суррогатами, есть единичные случаи голодных смертей». В то же время партийной чиновницей констатируется отсутствие каких-либо «нестроений и волнений» в крестьянской среде: «настроение крестьянства вполне спокойное, особенно с хорошими видами на будущий урожай трав и хлебов», – подчеркивает она. Подобное спокойствие сельских масс, в первую очередь, было связано с фактом отхода от чрез-

вычайных практик военного коммунизма и началом реализации НЭПа, на который крестьянами возлагались большие надежды. Как видно из этого же документа, крестьянство готовилось к сельхозработам и было занято целиком земельными проблемами: разделом лугов, земли, переделами, мелкими конфликтами, связанными с этими вопросами. Занималась «некоторая часть» уездного крестьянства и кустарным промыслом, но кустари, как констатировала Кочкарева, «не объединены и работают в одиночку. Необходимость развертывания работы Кооперации чувствуется на каждом шагу. Эта работа есть основная, главная», — следуя общей партийной линии, подчеркивала она [5, л. 95–96].

Однако состояние и работа кооперации в уезде еще долгие годы оставались неудовлетворительными. Причиной того были не только последствия экономической разрухи и плохое качество земель (для создания устойчиво работающих сельхозкооперативов), но и весомая криминальная составляющая. Как отмечал весной 1925 г. секретарь Темниковского уездного комитета партии Шабалин, растраты в первых создаваемых в уезде кооперативах сильно ударяли потребкооперацию, а общая сумма разграбленного и расхищенного имущества достигала лишь за январь – март этого года 5000 руб. Попытки же кооперации регулировать хлебный рынок уезда, по оценке партийного начальника, также «не дали положительных результатов, главным образом благодаря отсутствию средств» [6, л. 12].

Кроме того, проведение мероприятий кооперации было задержано реализацией денежной реформы 1923–1924 гг. и рецидивом голода в 1923–1924 гг., повлиявших на экономическое состояние населения. Денежная реформа была направлена на обмен старых обесцененных рублей – «совзнаков» – путем деноминации на новые и внедрения твердой, обеспеченной золотом валюты – червонца. В соответствии с декретом в обращение выпускались государственные денежные знаки РСФСР образца 1923 г. 1 рубль 1923 г. был равен 100 рублям дензнаками 1922 г. или 1 млн рублей дензнаками, выпускавшимися до 1922 г. Но данное мероприятие не привело к стабилизации совзнака. Поэтому весной 1924 г. в обращение поступили казначейские билеты. Совзнаки образца 1923 г. выкупались у населения из расчета один золотой рубль в казначейских билетах за 50 тысяч старых. В итоге всех деноминаций в стране возник советский рубль, равный 50 миллиардам рублей периода до 1922 г. Событие вызвало в обществе, в том числе в крестьянской среде Темниковского уезда, одобрительный отклик, однако его затянутость во времени привела к определенным затруднениям в денежных расчетах и не способствовала стабильной экономической динамике сельских хозяйств [6, л. 11].

Экономической стабилизации не способствовал и рецидив голода. Официально голод в Поволжье прекратился в августе – сентябре 1922 г., когда крестьяне смогли воспользоваться продуктами нового урожая. На самом же деле закончился лишь период питания суррогатами и массовой смертности голодающих, но хроническое недоедание продолжалось и в 1922–1923 г., а 1924 г. вновь оказался недостаточно урожайным. Положение отчасти спасли накопленные запасы. Кроме того, комиссия по борьбе с недородом и его последствиями в Пензенской губернии 26 февраля 1925 г. приняла решение направить в Темниковский, Инсарский, Краснослобод-

ский, Наровчатский, Рузаевский, Саранский и Спасский уезды 805,5 тыс. пудов продовольствия и 200,6 тыс. пудов фуража. При этом 55% продовольствия продавалось населению по льготным ценам и в кредит, 2% передавалось в фонд бесплатного детского питания и 20% – в фонд оплаты общественных работ. Подобная помощь государства дала возможность крестьянам Темниковского уезда не только ликвидировать последствия недорода 1924 г., но и увеличить размеры посевов [2, л. 185]. Кроме того, для облегчения засева полей безлошадных хозяйств, которых в уезде насчитывалось до 30%, в весенней кампании 1925 г. уездным комитетом крестьянских обществ взаимопомощи (Укресткомом) принимались меры к общественной запашке [6, л. 11].

«Настроение крестьянства удовлетворительное, – отмечалось в закрытом письме ответственного секретаря Темниковского уездного комитета партии тов. Шабалина в марте 1925 г., – но в нем заметны некоторые черты беспокойства в связи с неудовлетворительным экономическим состоянием – влияние прошлогоднего недорода и беспокойство за судьбу озимых. Последнее несколько сглажено полученной семссудой в количестве 27 тыс. пудов, каковая уже вся выдана волостями. Часть крестьянства высказывает мысль, что процент по этой семссуде (22%) несколько высок» [6, л. 11]. Показательно при этом, что выполнение сельхозналога на 1 апреля 1925 г. достигало 94,2%, что говорило об относительной устойчивости вышедших из кризиса крестьянских хозяйств [6, л. 11].

Таким образом, мероприятия Советской власти по реализации новой экономической политики в деревне (замена продразверстки продналогом, отмена чрезвычайных повинностей времен «военного коммунизма» и др.) имели в целом положительный итог: крестьянство успокоилось. Однако осуществление мер, связанных с хозяйственной кооперацией, было существенно замедлено из-за ряда негативных факторов, повлиявших на динамику регионального социума: голода, неурожаев, затянутости во времени денежной реформы, сказавшихся на благосостоянии крестьянства.

Кроме того, определенное негативное воздействие на местное сообщество оказала и административная перекройка, связанная с укрупнением уездов и волостей и приведшая к некоторой временной хаотизации в управлении. В апреле 1925 г., вследствие реформы по укрупнению волостей, Темниковский уезд Пензенской губернии был ликвидирован и вошел в состав Краснослободского уезда Пензенской губернии, а г. Темников из уездного центра превратился в волостной. Другой крупной волостью данного уезда, территории которой в значительной степени войдут в состав будущего Темниковского района Мордовской АССР (в 1928 г.), стала Пурдоская волость [2, л. 185].

Впрочем, по окончании административных пертурбаций были приняты дополнительные меры по улучшению положения крестьянства, выделены новые семссуды. Урожай 1925 г. оказался хорошим. Стабилизировались цены на рынке. Как следует из отчетного доклада Темниковского волкома РКП(б) за последний квартал 1925 г., «спрос рынка местности не удовлетворяется, но спрос стал развиваться, ибо крестьянин производит реализацию хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, по-

лучает подсобный заработок». Цены на продукты крестьянского хозяйства были «приемлемыми и составляли: пшено (пуд) – от 1 руб. 90 коп. до 2 руб. 00 коп.; овес (пуд) – от 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 90 коп.; картофель (пуд) – 50 коп.; сено (пуд) – 70 коп.» [7, л. 17 об.].

Тем не менее на протяжении всего исследуемого периода крестьянство в значительной степени продолжало оставаться бедным и нуждающимся. Причиной тому были не только последствия минувшего «военного и революционного лихолетья», но и преимущественно песчаные нечерноземные почвы края, дававшие скудные урожаи. К концу 1925 г. крестьянских хозяйств по Темниковской волости насчитывалось 5704, из них безлошадных – 30%, с одной лошадей – 60%, с двумя – 7%, с тремя – 2%, с четырьмя – 1%. Такое «бедняцкое» состояние большинства хозяйств не давало многим крестьянам возможности обеспечить необходимых запасов хлеба на год, что заставляло их идти на заработки. Среди крестьян волости, по оценке местных властей, большинство относилось к беднякам и середнякам, зажиточных и тем более кулаков – незначительное количество, около 1%. Улучшение середняцких хозяйств шло медленно, за счет лишних рабочих рук, заработков на лошадях, бедняк же старался поднять свое хозяйство за счет государственной помощи и отъезда на заработки. Беднейших крестьян-батраков (безлошадных, нанимавшихся к кулакам) всего по Темниковской волости на конец 1925 г. было учтено 212 чел., из них 23 чел. были подростками. Подобное относительно небольшое их число говорит о том, что население в сельскохозяйственных работах мало прибегало к наемному труду, используя в основном значительную группу помогающих членов семьи [7, л. 17].

В общем, большинство крестьян нуждалось в заработках, если последних не было, то для бедняка очень трудно приходилось существовать. По данным за 1925 г., в Темниковской волости население на 50–75% занято было лесоразработкой, производимой госорганами [4, л. 2 об.]. «В данный момент в районе волости происходят лесоразработки, на каковые используются 2800 рабочих, в настоящее время работают 1300 человек», – отмечалось в отчетном докладе Темниковского волкома РКП(б) за последний квартал 1925 г. [7, л. 17]. Иногда при поездке на заработки имели место и весьма трагические инциденты, связанные с обманом работников. Так, по возмущенным и весьма эмоциональным высказываниям крестьян Темниковской волости о Нижегородских торфоразработках, куда они ездили на заработки: «администрация торфоразработки состоит из лиц привилегированного царями сословия». Приехав туда, крестьяне «увидели, что условия труда не такие, какие им обещали, а намного тяжелее». В итоге многие из них «отказались работать в подобных каторжных условиях, за что им администрация не дала денег на обратную дорогу, из-за чего вынуждены были продавать вещи – одежду и т.п., чтобы вернуться. При этом, некоторые заболели и даже умерли». И подобные инциденты были не редки [4, л. 3].

Тем не менее, в результате реализации мероприятий НЭПа аграрный сектор Темниковского края постепенно восстанавливался. Интересно, что первые успехи этого восстановления стали предметом показа на губернских и уездных сельскохозяйственных выставках. Первая такая выставка открылась в Темникове в октябре 1925 г.

Она прошла (как и последующие) под девизом: «Вырастим два колоса там, где растет один». Эти слова были написаны над входной аркой на выставку. В экспозиции большое место занимали так называемые «образцовые» хозяйства зажиточных крестьян. Охотно посещавшие выставки крестьяне-бедняки и середняки наглядно видели, как лучше вести хозяйство. Большой интерес у посетителей выставки 1926 г. вызвал трактор «Фордзон–Путиловец» из коммуны в деревне Дягиловке. Это был первый трактор на темниковских полях. Партийные и советские органы активно помогали устройству сельхозвыставок, проходивших в Бучумовом переулке (теперь улица Пушкина) г. Темников. Первыми их организаторами были агрономы Л.И. Алелеков и И.И. Ненюков. Кроме показа образцов зерновых культур, сельскохозяйственных машин на выставках экспонировался породистый скот. С показом своих достижений выступали отдельные садоводы, пчеловоды, огородники. Выставки демонстрировали рост просвещения, культуры в экономике края [9, с. 105–107].

Определенное негативное воздействие на динамику сельскохозяйственного развития оказывало укрепившееся за время НЭПа кулачество, наживавшееся на негласном арендовании земли у бедняков и заинтересованное в их разобщенности. Также основными средствами «эксплуатации» кулаками бедняков в исследуемое время стали ссуда, рабочий скот, орудия и машины [3, с. 166]. Это находило отражение в документах Темниковского волкома и в ходе волостных крестьянских конференций, где часто звучало требование об «обуздании мироедов» [4, л. 3]. Крестьянство в массе выражало недовольство против кустарей (мельников, круподральщиков и др., часто на деле оказывавшихся теми же кулаками), с которых были сложены налоги, но при этом последние продолжали взимать с них за помол ту же плату, что и раньше, и высказывались за установление таксы за работу [4, л. 3]. Зажиточная же часть крестьянства, напротив, была недовольна представленными льготами для бедноты. Так, например, как отмечал один из волостных руководителей тов. Бодрин, при распределении ссуд, лесного материала и пр., ими часто высказывалась претензия: «все нуждаются и всем надо дать». Трудно поспорить с мнением данного руководителя, что «в деревне по-прежнему имеет место социальное напряжение» [4, л. 3].

Как следует из документов эпохи, местными властями предпринимались действенные попытки не допустить кулачество к руководству в сельсоветах. А для этого, по мнению партийных руководителей, следовало сплотить бедноту – основную часть крестьянского населения. В письме, датированном 9 ноября 1926 г., один из местных партийных руководителей пояснял другому (их имена в документе не сохранились): «организовать бедноту – это не значит создать организации бедноты. Что значит организовать бедноту:

- 1) Организовать – это сплотить бедноту вокруг партячек, подготовить ее к организованному или дружному выступлению во время предвыборной и выборной кампаний, организовать таким образом, чтобы беднота выступала под руководством партячек и в тесном союзе с середняком, чтобы последний в главной своей массе пошел за бедняком, а следовательно и за партией и под руководством по-

следней, а не за кулаком. Как это сделать. Для этого необходимо проведение отдельных собраний по вопросам задач в предвыборную и выборную кампанию.

2) Не создавать организаций бедноты – это проводить такие формы организации, при которых не могло бы быть постановки вопроса о создании комбедов или крестьянских союзов бедноты» [4, л. 34].

Как видно из этого документа, укоренившаяся в период «военного коммунизма» практика комбедов уходила в прошлое. Партия все более консолидировала полноту власти в своих руках, исключая какие-либо организации-посредники, что было заметно не только на общегосударственном и региональном уровнях, но и, не в меньшей степени, в местных условиях.

Как следствие «усиливающегося наступления на буржуазный элемент», в среде самих кулаков и нэпманов тоже происходило заметное оживление антисоветских настроений. Документы того времени фиксируют «усиление классовой борьбы», например, «многочисленные попытки кулачества пробраться в руководство сельскими советами». «Отмечены факты "стремления к власти" в сельских Советах некоторых подозрительных личностей, на этой почве спаивание отдельных групп крестьян», – отмечалось в бумагах Темниковского волисполкома [4, л. 2 об.]. Для этого кулаками, как правило, использовались привлеченные на свою сторону крестьяне из числа середняков и бедняков, так называемые «подкулачники», часть из которых занимали определенные руководящие должности в местной иерархии. Речь, по сути, шла о подкупе представителями «сельской буржуазии» должностных лиц низового, а иногда и среднего управленческого звена [8, л. 6].

Показательный в этом плане случай имел место в 1928 г. в с. Лесное Ардашево Темниковского района (в 1928 г. на базе Темниковской волости был создан Темниковский район). Член партии крестьянин-середняк Семен Александрович Рогожкин, будучи председателем избирательной комиссии, в ходе отчетно-перевыборной кампании сельского совета обеспечил восстановление местных кулаков в избирательных правах, что в итоге привело к созданию в селе «кулацкого сельсовета». За свою «услугу» «несознательный партиец» получил следующее вознаграждение: вместе с кулацко-зажиточной частью села через Волкрестком (или ВККОВ – волостной комитет крестьянской общественной взаимопомощи) ему были выделены лесосеки из Барашевского лесничества на постройку нового дома. При этом оставшийся лесоматериал возвращен не был. С поощрения С.А. Рогожкина, он оказался распродан на рынке его отцом [8, л. 6].

Партийные власти, однако, очень жестко отслеживали подобные нарушения и карали за них. Тот же С.А. Рогожкин, например, был с позором исключен из партии, обсуждался вопрос о наложении на него штрафных санкций. А созданный при его участии «кулацкий сельсовет» оказался в итоге разогнан как незаконный. В ходе состоявшихся перевыборов был избран новый состав сельсовета, куда вошли бедняки и середняки, кулаки же вновь были лишены избирательных прав. Показательно, что этот и подобные ему случаи в местных партийных документах рассматривались как типичные, связанные «с обострением классовой борьбы в советской деревне» [8, л. 6].

Таким образом, для крестьянства новая экономическая политика, в первую очередь, – замена продразверстки продналогом, означала значительное облегчение его материального и социального положения. Не товарно-рыночная, а именно натурально-потребительская основа крестьянского хозяйства явилась фундаментом его относительно стабильного развития и сохранялась вплоть до конца 1920-х гг. (до коллективизации). В то же время особенность Темниковской земли – Нечерноземье, песчаные почвы – во многом способствовала замедлению темпов внедрения реформ НЭПа, прежде всего сельхозкооперации, их непоследовательному осуществлению в этой местности. В итоге, подавляющая бедность большинства сельчан не была преодолена, многие из них по-прежнему нуждались в заработках на стороне, зависели от «кулацкого элемента», а продуктивность местного среднестатистического крестьянского хозяйства повышалась крайне медленно.

Источники и литература

1. Мордовия в эпоху НЭПа [Электронный ресурс]. URL: <https://w.histrf.ru/> (дата обращения: 12.06.2020).
2. Рукописный фонд НИИГН. И-545.
3. Терняев А.П. Социально-экономическое развитие Мордовии в период новой экономической политики: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004. – 259 с.
4. ЦГА РМ. Ф. 16-П. Оп. 1. Д. 178.
5. ЦГА РМ. Ф. 26-П. Оп. 1. Д. 13.
6. ЦГА РМ. Ф. 26-П. Оп. 1. Д. 63.
7. ЦГА РМ. Ф. 26-П. Оп. 1. Д. 65.
8. ЦГА РМ. Ф. 769-П. Оп. 1. Д. 153.
9. Чернухин А. А. Темников. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. – 205 с.

УДК 94(47)"17": 631.1.017.3

Т.Н. Кадерова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДА В XVIII В.

В статье на примере населенных пунктов современного Темниковского района Республики Мордовия, входивших в состав Темниковского уезда, рассматриваются особенности развития крестьянского хозяйства в XVIII в.

Ключевые слова: Темниковский уезд, крестьянство, земледелие, промыслы, подати и повинности.

T.N. Kaderova

DEVELOPMENT OF THE PEASANT ECONOMY OF TEMNIKOV UYEZD IN THE 18th CENTURY

The article, using the example of settlements of modern Temnikov district of the Republic of Mordovia, which were part of Temnikov uyezd, examines the peculiarities of the development of peasant farming in the 18th century.

Keywords: Temnikov uyezd, peasantry, agriculture, crafts, taxes and duties.

В 1708 г. после губернской реформы Петра I Темниковский уезд был включен в Азовскую губернию, в 1719 г. – в Шацкую провинцию Азовской губернии (в 1725 г. она была переименована в Воронежскую), во второй половине XVIII в. – в состав Тамбовской губернии. Уезд делился на 4 стана и 3 дворцовые волости.

В XVIII в. Темниковский уезд занимал почти полностью территории современного Темниковского, Ельниковского, Торбеевского, частично Ковылкинского, Краснослободского, Теньгушевского и полностью Атюрьевского районов Республики Мордовия.

Основное население уезда – русские, татары и мордва. Численность русских с 1721 по 1746 гг. увеличилась и составляла больше половины населения уезда, количество мордвы снизилось, как и татар. Так, по сведениям 1746 г., русское население преобладало на всей территории уезда – 68% (13 115 д.м.п.), более 20% составляли татары (3989 д.м.п.), мордвы было 11% (2125 д.м.п.) [2, с. 155]. В XVIII в. большинство селений оставались однонациональными, хотя случаи совместного проживания мордвы, русских и татар встречались. Например, русско-татарских деревень в Темниковском уезде насчитывалось 23 из 57 татарских населенных пунктов [4, с. 54]. После отказа принять православие многие татарские князья и мурзы были лишены крепостных крестьян. Произошло обособление русского и татарского населения. Так, из татарской и русской общин д. Адаево возникли дд. Русское Адаево и Татарское Адаево; д. Русское Караево основана в составе татарской д. Караево, Русское Тювеево как русская община в татарском населенном пункте Тювеево.

Темниковский край был аграрным регионом. Русские крестьяне относились к помещичьим, небольшая часть к дворцовым, татарские – к государственным, мордовские – к дворцовым и государственным [2, с. 158]. Из общей численности крестьянского населения Темниковского уезда в 1779 г. владельческие составляли 40,03% (6175 д.м.п.), государственные – 46,91% (7236 д.м.п.), дворцовые 11,51% (1775 д.м.п.), однодворцы – 1,55% (240 д.м.п.) [9, с. 202].

Крестьяне всех категорий подчинялись воеводской канцелярии; помещичьи – своим помещикам, дворцовые – волостной дворцовой канцелярии, государственные – специальным чиновникам воеводских канцелярий [4, с. 59].

В дворцовых, как и в государственных деревнях, помимо уездной и волостной администрации большую роль играло низшее звено управления – старосты сел, деревень, целовальники и т.д. Они собирали подати, распределяли повинности, вели розыск беглых общинников и т.д.

Крестьянское самоуправление находилось под контролем воеводской администрации. К середине XVIII в. староста села имел подтверждающий документ, из которого следовало, что он обязан защищать интересы общины, подчинявшейся ему и

материально поддерживавшей его. Например, мордва из д. Польское Ардашево Степан Остафьев «с товарищи всею своею деревнею выбрали... в старосту той же деревни новокрещена мордвина Якова Никифорова в том, что ему Никифорову за сим нашим выбором за нашими делами ходит, а нам в харчах ево не выдавать и ничем нам ево не прикословить» [4, с. 61].

Ведущей отраслью хозяйства населения Темниковского уезда было земледелие. У русских, мордовских и татарских крестьян господствовала трехпольная система земледелия. Основными зерновыми культурами были рожь и овес, возделывали просо, полбу, ячмень.

Обеспеченность земель разных категорий крестьян была различной даже в одном населенном пункте. Например, по данным переписи 1725 г., двор Вешняка Рузаева из деревни Конаково владел 9 дес., а двор Вешка Адушева из этой же деревни — только 4,5 дес. В д. Старое Ардашево 3 двора имели по 22,5 дес. пашни, 1 — 15 дес.; в д. Конаково из 10 мордовских дворов: 1 двор имел 9 дес., 2 — по 7,5, 1 — 6, 5 — по 4,5, 1 — 3 дес. Во многих общинах все тягловые дворы обрабатывали одинаковое количество пашни. Так, в д. Авкиманово, Борки дворы имели по 4,5 дес. пахотной земли; Плуксово, Сияльская Выставка — по 15 дес. [4, с. 158]. Следует отметить, что у дворцовой мордвы как на один двор, так и на одну душу мужского пола приходилось больше земли, чем у русских дворцовых крестьян.

В рассматриваемый период с увеличением численности населения и введением подушного обложения участились случаи столкновения жителей мордовских, татарских и русских деревень между собой и с помещиками из-за сельскохозяйственных угодий. Об этом свидетельствуют многочисленные челобитные. Так, в 1710 г. в Темниковскую приказную канцелярию обратился с челобитной мурза Буделей Кутыев из д. Вирясы на мурзу той же деревни Обдея Тохтарова. Суть жалобы состояла в следующем: мурза Обдей Тохтаров «с товарищи» завладели санными покосами мурзы Буделея Кутыева. Мурза Тохтаров «с товарищи были сысканы в приказную избу и выслушав челобитную истца в допрос не пошли и за упрямство посажены под караул с запискою, чтоб им стать в назначенный срок и отвечать» [6, с. 37], то есть ответчики свою вину не признали. Сено между тем было отписано на царя. Истец вновь подает челобитную, где пишет о том, что «отписанное сено Тохтаров с товарищи самовольством своим с тех санных покосов свезли в дома свои» [6, с. 37].

Мордва из д. Барашево Любимка Маляшев «с товарищи» жаловался на мордовских крестьян д. Польское Цибаево, которые «оставя свою крепостную межу отгородили ... пашню паханную сеянным нашим хлебом, метали они навоз и делают по то нашу земле и по оржаному хлебу дорогу...». 8 июня 1719 г. подьячий Матвей Анферов и солдат Михаил Астраханцев были на осмотре «потолоченного посеянного хлеба». Они подтвердили факт захвата земли «загонных пять концов по мере сажени конец и до межи озимого хлеба и городьбы назем метан», что же касается последнего факта, «потолоченного хлеба ничего не явилось» [4, с. 162].

В некоторых случаях в эти споры втягивалась целая группа деревень и дело нередко доходило до драки. Приведем характерный пример. В 1752 г. священник

с. Проказна от имени всех крестьян обратился с челобитной на крестьян с. Пурдошки «о приезде их в Проказну с рогатины, заступы и лопатами. ... Они измерили саженами землю и сказали крестьянам и священнику, что ...со всеми обывателями жительство имеете на нашей земле, но теперь и дворов ваших ничего не останется и вас всех собьем, ежели не сойдете добром, то всех до полусмерти побьем» [7, с. 110]. В жалобе указывалось также, что ежегодно пурдошанские крестьяне перепахивали землю, принадлежавшую проказинцам [7, с. 110].

Подавались также прошения о возвращении значительных земельных участков, давно уже используемых жителями соседних деревень. Из «челобитной 1763 г. новокрещен д. Старой Ардашевы Темниковского уезда о насильном завладении 50 десятин стариной крепостной земли их да сенных покосов на 150 копен, на Большом Окселе, новокрещенной мордвой деревни Плуковсы того же уезда». Просители приложили к челобитной копии с выписи 1625 г. из темниковских книг Степана Хрущова 1621 г. и 1622 г. Плуковские крестьяне представили к делу копию с выписи 1712 г., выданную им из Темниковской приказной избы комендантом Астафьевым. Для осмотра земли на месте были посланы подканцелярист и солдат с инструкцией, которую они и объявили при понятых плуковским. Они сказали, что «на ту землю и сенные покосы они не поедут и сторонних людей им стало собирать не для чего, а ардашевские, что де плуковские с ними в поля для разбирательства той земли и сенных покосов не поехали, то де они возмут на кабаке ведра с два вина и напьются пьяные и поедут ту землю пахать, а ежели де они, плуковские, будут спорить и до владения допускать не станут, то они их, плуковских, побьют до смерти, о чем сим и рапортуют» [5, с. 32–33]. Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют об острой борьбе крестьян между собой за сельскохозяйственные угодья.

Крестьянское хозяйство в XVIII в. не могло нормально функционировать без развития различных видов промыслов. Жители Темниковского края занимались бурлачеством, торговлей, бортничеством.

Каждый крестьянский двор был связан с рынком. В небольших количествах продавали хлеб, изделия промысла и ремесла. Так, в 1732 г. мордвин д. Польское Ардашево Семай Родионов был на базаре в с. Аксел «для продажи хлеб, ржи, пшеницы и овса, по цене на один рубль». Это все вместе с лошадью у него отняли крестьяне гоф-юнкера Мошкова Антипов и Поляк [1, с. 249].

Одним из крупных торговых сел Темниковского уезда в XVIII в. являлось с. Пурдошки. Пурдошанские крестьяне наравне с купцами заключали торговые сделки. Так, Федор Шлыков в 1767 г. заключил с мордвином Никитой Васильевым из д. Старое Ардашево договор, по которому он обязался заготовить ему 10 тыс. лубков «в длину трех аршин, а в ширину одного аршина» [4, с. 217].

Пурдошанская пристань стала своеобразным центром строительства судов, и «отпуска водяным путем в разные места» хлеба, соли, леса, вина и т.д. Она служила перевалочным пунктом при транспортировке соли из Саратова в центральные и верхневолжские уезды. В с. Пурдошки имелся крупный рынок найма бурлаков. Крестьяне нанимались кормщиками, водоливами, бурлаками. Например, из «Книги

сбора струговых денег в с. Пурдошки 1718 и 1719 гг.» следует, что в 1718 г. посадский человек из Елатымы Иван Милованов нанял бурлаков из д. Тювеево Темниковского уезда в количестве 26 человек. Кормщиком был елатомец Семен Васильев, водоливом Захар Петров. Самая высокая плата полагалась кормщику – 5 рублей, бурлакам – 3 рубля, водоливу – 2 рубля. Груз крестьяне должны были доставить «внис Мокшею и Акаю и вверх Волгою до Рыбной слободы» [8, л. 29].

В мае того же года дворцовый крестьянин из с. Дедилово Коломенского уезда Григорий Меляков нанял группу крестьян из с. Пурдышки для доставки груза до «Нищевских заводов. Плыть на две стругах реками внис Мокшею и Акою». Кормщиком согласился быть крестьянин из с. Дедилово Иван Миронов. По договору кормщику полагалось 5 рублей, бурлакам «по рублю по 30 алтын» [8, л. 32].

Приведем еще примеры из «Книги сбора струговых денег в с. Пурдошки 1718 и 1719 гг.»: «1719 году мая в 1 день з две записей села Дедилово крестьянина Григорья Мелякова что дали кормщик села Дедилово Петр Горшков, Сава Власов, работные люди Темниковского уезду деревни Канаковой Кирила Борщуков, Константин Борщуков с товарищи, всего 64 человека. По уговору кормщиком по 3 рубли, работным людям по 2 рубля по 6 алтын по 4 денги. Плыть на две стругах реками внис Мокшею и Акою до Селецкого винокуренного заводу [8, л. 36]. Мая в 6 день з записи елатомцев Ивана Серапионова да Ивана Милованова, что дали кормщик елатомец Афонасей Дмитриев, работные люди Темниковского уезду деревни Чижиковой Ерофей Дмитриев, Михаила Дмитриев с товарищи, всего 30 человек. Кормщик за 8 рублей, водоливу за 3 рубли, работникам по 2 рубли по 25 алтын» [8, л. 37].

В 1736 г. 16 крестьян из с. Пурдошки во главе с кормщиком из Елатымы Петром Бобкиным взялись доставить до Ярославля винные припасы генерал-адъютанта В.Ф. Салтыкова за 3 коп. в сутки. Это «путешествие» бурлаки проделали, судя по оплате (2 руб. 34 коп.), за 78 дней [4, с. 216].

В мае 1736 г. кормщик дворцового с. Дедилово Коломенского уезда Дементий Кириллов оформил в Темниковской крепостной конторе договор на имя елатыминского посадского человека Тимофея Кирпишника о найме в бурлаки 5 мордвинов д. Авкиманово, одного из д. Шалы, 5 монастырских крестьян с. Пурдошки, чтобы везти его коломенку, нагруженную «хлебом, рожью и лубем до села Павлова, что на Оке, всяким ходом». За это бурлаки брали с купца по 3 коп. на человека в сутки. В общей сложности за этот рейс кормщик должен был получить 1 руб. 20 коп., а бурлаки – по 75 коп. Этот груз они должны были доставить за 25 дней [3, с. 103].

14 марта 1771 г. темниковский купец Андрей Федоров взялся доставить из Саратова до с. Пурдошки и далее в Переяславль-Залесский Стародубскую волость 26 815 пудов соли за 3312 руб. и для этого нанял группу крестьян. Кормщиком согласился быть экономический крестьянин с. Пурдышки Анисим Алексеев, водоливами – мордвин Дмитрий Иванов из д. Конаково и татарин Кадорша Ардеев из д. Дашкино. Из разных селений Темниковского уезда было нанято бурлаков 75 чел. [4, с. 74].

С середины XVIII в. дворцовые крестьяне могли наниматься в бурлаки только с согласия деревенского начальства – десятников, сотников. Из владельческих деревень – по разрешению своих помещиков.

Крестьяне занимались заготовкой луба и бревен, основными покупателями которых являлись темниковские купцы. Так, купцу М.С. Власову мордва из д. Польское Ардашево, Конаково, Сиялы, Лесное Цибаево, Лесное Ардашево и русские крестьяне помещика с. Старого Городища князя И.Л. Еникеева заготовили 12 050 лубков и 510 бревен, Петру Смолкину соответственно 9900 и 531, Алексею Струнникову – 1900 и 53, Василию Максимову – 1500 и 115, Федорову Кузнецову – 1200 лубков, Степану Антипову – 533 [4, с. 75]. Для 8 подрядчиков мордва из 9 селений и русские крестьяне 2 помещиков с. Старого Городища заготовили 32 933 лубка и 1736 бревен [4, с. 76].

По данным таможенной книги г. Темникова 1711 г., главными статьями экспорта из русских, мордовских и татарских деревень являлись хлеб, кожи, воск. Основные продавцы и покупатели были из Елатымы, Арзамаса, Нижнего Новгорода. Так, на имя Г.Д. Строганова в 1711 г. в сс. Аксел и Дубровки агентом Иваном Истоминым было приобретено «розницею хлеба ржи 200 четвертей, пшена 30 четвертей, да семя конопного 15 четвертей» [8, л. 117]. В этом же году посадский человек из г. Елатыма Алексей Милованов купил в г. Темникове 225 кож «ценою десяток по 3 рубли с полтиною» [8, л. 118].

Мордва Темниковского края занимались пчеловодством. В 1724 г. в деревнях Старое Ардашево насчитывалось 7 дворов и 85 ульев, Старое Цибаево – 8 и 71, Ардашевская Выставка – 7 и 45, Сияльская Выставка – 2 и 28, Цибаевская Выставка – 14 и 105, Борки – 11 и 157, Плуksово – 14 и 54, Авкиманово – 10 и 152, Конаково – 22 и 292 [3, с. 95].

Таким образом, неземледельческие занятия играли важную роль в жизнедеятельности крестьян Темниковского края. Они позволяли крестьянину пополнить доход от земледелия, рассчитаться с податями, а также являлись важным фактором, создавшим предпосылки для зарождения капиталистических тенденций в экономике.

Модернизация страны Петром I потребовала существенных финансовых затрат. С 1680 по 1724 гг. прямые и косвенные налоги возросли в 5,5 раз, и к концу царствования Петра I крестьянин и посадский платили в казну в среднем втрое больше, чем в начале.

Благодаря исследованиям ученого Н.В. Заварюхина мы можем составить представление о видах и размерах налогов, взимаемых с населения Темниковского уезда в XVIII в. Например, в 1714 г. с населения собрали с двора окладных по 50 коп. за рекрутов, по 1 руб. 50 коп. на хлеб Санкт-Петербургским рабочим, 378 руб. 75 коп. «драгунских», 176 руб. 32 коп. «корабельных», 90 руб. 90 коп. армейским извозчикам, 90 руб. 90 коп. на наем подвод, 75 руб. 75 коп. ямских и полоняничных, 212 руб. 45 коп. «конской канцелярии» и т.д. [3, с. 116]. Кроме того, в 1714 г. собирали сверх табеля: 39 руб. 87 коп. «с темниковских мостов и перевозов с проезду»; 1428 руб. «с Темникова Посада, с помещиковых и вотчинниковых крестьян, яшаш-

ных людей на поставку в Ригу и на Украину на полки провианта и на фураж, и на Котлинск остров и на протчие расходы» (со 130 посадских дворов, 1238 дворов помещичьих крестьян и 417 мордовских дворов – всего с 1785 дворов по 80 коп. с двора) [3, с. 116]. В 1715 г. сборы со всех крестьян были следующими: ржаной муки – по 6 четвериков, овса и крупы – по 1; в 1718 г.: ржаной муки – по 9 четвериков, овса – «по полуосмине». В эти же годы дополнительно взимался хлеб на содержание администрации. Например, в 1715 г. все крестьяне уезда должны были собрать для ландрата, комиссара, подьячих и рассыльщиков «хлеба, ржи по полчетверика, овса потому ж з двора» [4, с. 187].

Кроме сбора денег и хлеба практиковались сборы сена, мочала и т.д. Так, в Темниковском уезде в 1715 г. с одного крестьянского двора взимали по 20 пудов сена, который они должны были на своих подводах отвозить в Темников [4, с. 190].

Крестьяне привлекались на все крупные общероссийские стройки. В 1716 г. из Темниковского ландратства требовалось выслать 2595 чел. на работу в Кронштадтскую гавань. Каждый из них, по предписанию, должен был иметь «по топору, по долоту, по бурову». На их содержание с каждого двора взималось по 8 алтын 2 деньги. В 1723 г. из селений Темниковского уезда предписывалось отправить в Усманские леса 55 лесорубов «с лошадьми и с полными запасами на перемены их прежде посланным людям» [4, с. 191].

Тяжелым бременем на плечи крестьян ложилась рекрутская повинность. Рекрут навсегда выбывал из общины как тяглая единица.

После введения подушного обложения произошло резкое возрастание налога, взимаемого с одного двора. В 1725 г. в Темниковском уезде налог с одного двора равнялся 8 руб. 95 коп. Если же учесть, что подати взимались и за умерших крестьян, то на один мордовский двор приходилось по 17 руб. 74 коп., на одного взрослого мужчину – 2 руб. 27 коп. [4, с. 184].

Таким образом, крестьянское хозяйство Темниковского уезда в XVIII в. развивалось в условиях усиления крепостничества, возрастания различных податей и повинностей. Все это оказывало влияние на состояние крестьянского двора, которое зависело от численности работников, площади земельного надела, поголовья скота, наличия лесов и сенокосных угодий. В этот период усилилась эксплуатация крестьянства, вызвавшая разорение части дворов, которые уже не могли платить налоги и нести повинности в полном объеме.

Источники и литература

1. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Саранск, 1950. – Т. 1. – Ч. 2. – 580 с.
2. Заварюхин Н.В. К вопросу о положении крепостного крестьянства Темниковского уезда в последней трети XVII – первой половине XVIII в. (по переписным книгам) // Исследования по истории Мордовской АССР. – Саранск, 1975. – С. 151–159.
3. Заварюхин Н.В., Феклина Л.А. Государева вотчина на Мокше. – Саранск, 2006. – 172 с.
4. Заварюхин Н.В. Очерки по истории мордовского края периода феодализма. – Саранск, 1993. – 296 с.
5. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1886. – Вып. XI. – 129 с.

6. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1890. – Вып. XXVII. – 138 с.

7. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1899. – Вып. XLIII. – 166 с.

8. Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – И-1176. – 130 л.

9. Очерки истории Мордовской АССР / под. ред. В.Н. Бочкарева, К.В. Кудряшова, В.И. Лебедева и др. – Саранск, 1955. – Т. 1. – 574 с.

УДК 94:336.71

И.Г. Кильдюшкина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

А.Ю. Яковлева

*Татарская государственная филармония
им. Габдуллы Тукая, г. Казань, Россия*

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНК РУССКОГО ЗЕМСТВА: ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ФИНАНСОВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (1866 г.)

Статья посвящена проблемам ведения в Российской империи помещичьей экономики без крепостных после вступления в силу Земской реформы (1864), Закона о поземельном устройстве государственных крестьян (1866), вызванным платежным дефицитом, спровоцированным старыми кредитными обязательствами Заемного банка, Приказов общественного призрения и Сохранной казны, и проектам их решения на основе организации новых банковских структур. В работе приводится проект создания Поземельного банка русского земства (1866) как альтернативы старых сословных банков (Сохранной казны, Приказов общественного призрения) и Общества взаимного поземельного кредита, представленный Московскому земскому собранию его разработчиком, перейским уездным предводителем дворянства князем А.В. Мещерским.

Ключевые слова: поземельное устройство, банковское учреждение, Поземельный банк, русское земство, поземельно-закладное отделение, кредитно-торговое отделение.

I.G. Kildyushkina, A.Yu. Yakovleva

THE LAND BANK OF THE RUSSIAN ZEMSTVO: A PROJECT FOR THE CREATION OF A FINANCIAL INSTITUTION (1866)

The article is devoted to the problems of conducting a landlord economy in the Russian Empire without serfs after the entry into force of the zemstvo reform (1864), the Law on the land arrangement of state peasants (1866) caused by the payment deficit triggered by the old loan obligations of the Borrowed bank, Orders of public charity and the Safe treasury, and projects to solve them based on the organization of new banking structures. The publication presents a project for the creation of the Land bank of the Russian zemstvo (1866), as an alternative to the old estate banks (Safe treasury, Orders of public charity) and the Mutual land loan society, pre-

sented to the Moscow zemstvo Assembly by its developer, the Pereysky district leader of the nobility, prince A.V. Meshchersky.

Keywords: land-based device, banking institution, Land bank, Russian zemstvo, land-mortgage department, credit and trade department.

Накануне Реформы 1861 г., повергшей всю систему мировоззрений благородного сословия суровому испытанию, было немало споров об устройстве поместий в Российской империи. Спустя два года со вступления Земской реформы (1864) в силу, эстафету продолжили Закон о поземельном устройстве государственных крестьян (1866) и проекты создания банковских учреждений. Полемика рассуждений помещичьего дворянства в первые пореформенные десятилетия вращалась вокруг главного вопроса: как вести хозяйство без крепостных? Наиболее приемлемым показалось предложение правительства о временном сохранении обязательного труда. Полосу транзитного состояния помещичьего хозяйства предопределяла нерешенность проблем основного капитала и наемных рабочих в контурах романтиков предреформенной эпохи.

Дробление вотчины на два типа хозяйств ударило по помещичьей экономике сильнее, чем по крестьянской, которой не нужны были орудия производства, тягловая сила, рабочие руки и капиталы. По подсчетам, произведенным до реформы, на каждую губернию Российской империи требовалось 2 637 915 руб. Но в этом случае помещичье хозяйство обременялось громадным платежным дефицитом, спровоцированным старыми кредитными обязательствами Заемного банка, Приказов общественного призрения и Сохранной казны на общую сумму 4 211 607 руб. По данным С. Глушкова и Ю. Табакова, рассчитывать на скорую ликвидацию задолженности помещиков частным лицам не следовало, так как не все долги уравнивались с оброком, сократился сбор товарного хлеба вследствие снижения барской запашки, отсутствовала выкупная сумма в активе казны, преимущественно выдаваемая не наличными, а быстро упавшими в цене выкупными свидетельствами [4].

Московское общество сельского хозяйства, во избежание надвигавшегося финансового краха, призывало реанимировать старые сословные банки (Сохранные казны и Приказы общественного призрения), чего сделать, к сожалению, не удалось. В условиях инфантильности ипотечных кредитов частных кампаний 1865 г., о чем констатировалось на съезде сельских хозяев в Санкт-Петербурге, предлагалось с 1 июля 1866 г. возложить эту миссию на Общество взаимного поземельного кредита (ОВПК), ставшего для помещиков предтечей всероссийских владельческих долговых обязательств [2].

Однако на фоне нестабильности курса рубля ОВПК при выдаче ссуд в золотой валюте превратилось в объект спекуляции, что бумерангом обернулось к только что созданному Государственному банку России, которому предстояло предоставить искусственные меры поддержки. Русские экономисты в организационно-финансовые ограничители успеха и процветания новой структуры также включили смешение принципов централизации, взаимной ответственности и самоуправления заемщиков, разбросанность их на громадной территории империи, отсутствие заин-

тересованных в ведении дела лиц и бесконтрольность действий центрального финансового ведомства [4].

В прессе широко муссировался в связи с этим проект создания Поземельного банка русского земства, капитал которого (2 млн руб.) складывался из дворянских пожертвований со времен Екатерины II. Отдельные выдержки из него, представленные Московскому земскому собранию его разработчиком, перейским уездным предводителем дворянства князем А.В. Мещерским, нашли отражение в неофициальной рубрике «Симбирских губернских ведомостей» за 1866 г. [5].

Согласно этому варианту, в структурном плане Поземельный банк должен распадаться на два отделения: поземельно-закладное и кредитно-торговое.

В частности, *поземельно-закладное отделение Банка* будет заниматься выдачей ссуды сроком на 37 лет и выпускать закладные листы под залог поземельной собственности, приносящие 5% со взиманием с закладчиков (6 и 1/8%, а именно: 5% — роста, 1% — на погашение и 1/8% — на расходы по управлению).

Отсюда следует, что капитал, служащий обеспечением всех обязательств Банка, составляется из следующей совокупности товаров, имущества, активов, используемых финансовым учреждением для получения прибыли:

- все заложенные в него недвижимости;
- денежные капиталы, отчисляемые дворянскими обществами и губернскими земскими собраниями в соответствии с капиталом в виде денежных средств Банка.

Оценка закладываемых имений должна производиться в каждом уезде особой Комиссией, состоящей из уездного предводителя дворянства, двух членов заемщиков и одного мирового судьи (почетного или участкового, когда он заемщик).

Исправность взноса процентов со стороны закладчиков банковского учреждения предполагалось обеспечить по всем уездам Великой России на принципе круговой поруки друг за друга. Исправность уплаты финансовым учреждением процентов по закладным листам и изъятие последних из обращения гарантировалась всем достоянием Банка и круговой ответственностью всех имуществ, заложенных в нем. Закладные листы должны закупаться Банком по тиражу, а приниматься по нарицательной цене в срочных платежах и в уплату капитального долга при продаже с торгов имущества, заложенного в финансовом учреждении.

Кредитно-торговое отделение Банка будет выпускать собственные мелкие кредитные билеты по кредитно-срочным ссудам, а также выполнять следующие финансовые операции:

- принимать вклады (на определенный срок и бессрочные) с целью приращения процентов с них или на хранение;
- оформлять вклады на текущий счет;
- выдавать краткосрочные ссуды под залог (золота, серебра и процентных бумаг, преимущественно, своих);
- производить учет векселей.

При оформлении текущих счетов в Банке должны вводиться в употребление расчетные книжки и чеки (т. е. ассигнования на другое лицо), производиться переводы со счета одного лица на счет другого и переводы денег по текущим счетам из

одного города в другой, где будут находиться конторы или комиссионеры, взимая за данную операцию комиссию, определенную Правлением финансового учреждения. К счетам от торговых лиц банковское учреждение должно принимать только такие векселя, которые будут выдаваться землевладельцам за купленные у них земледельческие «произведения».

Для усиления оборотных средств Банка требовалось предусмотреть выпуск специальных банковских билетов – «Кредитных билетов русского земства», принимаемых казною во все виды платежей с условием неременного и немедленного их размена на государственные кредитные билеты. Отказ в таком размене признается торговой несостоятельностью и влечет за собой не только потерю права выпуска банковских билетов, безвозвратное закрытие кредитно-торгового отделения Банка, но и ликвидацию всех его финансовых дел с оборотов.

Делами Банка должны заведовать: во-первых, его Правление; во-вторых, совет; в-третьих, общее собрание поверенных, выбираемых для этой цели земскими собраниями, дворянскими обществами и владельцами земель, заложенных в Банке.

Для идентификации количества поверенных в Российской империи должен был применяться индивидуальный подход: устанавливался общий размер капитала участия каждой губернии в Банке посредством сложения сумм в общий итог:

1) сумм, отчисленных земскими собраниями и дворянскими обществами, на учреждение Банка;

2) ценности земель, заложенных в Банк (по банковской оценке), которые будут обеспечивать все его обязательства на собственном рынке денежных капиталов финансового учреждения.

Примечательно, что на каждые 25 000 руб. настоящего сложного капитала полагался лишь один поверенный. Открытие губернских контор являлось обязательным условием для Поземельного банка русского земства в тех из 28 губерний Российской империи, где для образования окладочного капитала банковского учреждения будет отчислено в общей схематичности не менее 150 000 руб. наличных средств (в соответствии с постановлением дворянского общества или земского собрания, одним из них или обеими институциональными структурами). По усмотрению общего собрания поверенных из ежегодной чистой прибыли Банка от всех его оборотов каждый год отчислялось в его резервный капитал от 10 до 20%. Вся остающаяся впоследствии прибыль должна была распределяться между земскими собраниями, дворянскими обществами и владельцами земель, заложенных в финансовом учреждении (соразмерно капиталам, с которыми они принимают участие в данной банковской операции). В таком же соотношении делится, в случае ликвидации, и сам резервный капитал Банка.

При выборе поверенных владельцы земель, заложенных в Банке, пользуются правом голоса в следующей соразмерности:

- получившие в ссуду от 1000 до 5000 руб. имеют один голос;
- получившие в ссуду от 5000 до 15 000 руб. – два голоса;
- получившие в ссуду свыше 15 000 руб. – три голоса.

Согласно Уставу финансового учреждения никому не разрешалось иметь более трех голосов [5].

В г. Алатыре, например, по такому случаю открылась Временная Комиссия Товарищества Поземельного банка русского земства. Приведем некоторые фрагменты с сохранением орфографии и пунктуации 1866 г., изложенные М.В. Арнольдовым в одном из объявлений на страницах «Симбирских губернских ведомостей»: *«Управленіе дѣлами Комиссіи сосредоточится въ Алатырской Земской Управѣ. На основаніи Высочайше утвержденнаго 5 мая 1866 года Устава Товарищества Поземельнаго Банка § 5, Товарищество приступаетъ къ выдачѣ ссудъ не прежде, какъ по предъявленіи къ залогу имѣній, на сумму не менее 500,000 руб. в одной и той же губерніи. — По § 27 ссуды могутъ быть выдаваемы и под залогъ имуществъ, заложенныхъ уже въ Государственныхъ Кредитныхъ Установленіяхъ. — Желающій получить ссуду под залогъ имѣнія долженъ представить въ Комиссію заявку по нижеслѣдующему образцу. Заявки принимаются отъ владѣльцевъ недвижимыхъ именій всѣхъ уездовъ Симбирской губерніи, присылать можно по почтѣ — простой корреспонденціей.*

Товарищество Поземельнаго Банка для знакомства съ своимъ Уставомъ, разослало экземпляры его во все Уѣздныя Управы и всѣмъ подписчикамъ Биржѣвыхъ и Московскихъ Вѣдомостей. — Извлеченіе же изъ Устава въ непродолжительномъ времени будетъ приложено при губернскихъ вѣдомостяхъ» [1]. В этом же номере газеты для владельцев земельных участков предлагались образцы заявок для вступления в эту организацию (основатель — Н.И. Отрышков, учредители — К. Попов, Н. Крылов), а также Опись недвижимого имущества, которое может быть представлено в залог для получения паев первого выпуска Товарищества Поземельного банка русского земства.

Особый интерес, по нашему мнению, вызывает второй документ, в котором от владельцев заложенного недвижимого имущества неукоснительно требовалось сопроводить пакет соответствующих деловых бумаг не только информацией и данными о месте нахождения их недвижимости (в губернии, уезде, стане), наименовании имения (в селе, деревне, пустоши и проч.), принадлежности владельца (его звание, имя), числе душ мужского пола (м. п.), поселенных в имении, но и о количестве земли, в том числе усадебной, пахотной (по категориям: лучшая, средняя, худшая), луговой (поемной, обыкновенной), пастбищной и переложной, под лесом (строевым, дровяным, мешанным), ее итоговой площади (удобная, неудобная земля), ну и всей земли вообще [1].

По земельному недвижимому имуществу должна была в том числе приводиться специальная таблица, в которую требовалось внести и сведения о земле, состоящей на правах собственности (в дес., с.), ее средней стоимости по десятинам; земле, состоящей в пользовании крестьян (в дес., с.); прочей земле (т. е. церковной, или состоящей в споре, проч.). В заключительной графе следовало указать итоговые сведения по земельной недвижимости, как-то: собственной земли (в дес., с.), по оценке на общую сумму (в руб., коп.) [1].

Обобщая вышеизложенное, следует заключить, что аграрный менталитет дворянства испытал серьезные потрясения в эпоху падения крепостного права. XIX век втянул дворян в общий водоворот нового, буржуазного миропорядка, последствия которого ощущались и в следующем столетии. Наряду с неизбежностью ведения хозяйства благородному сословию пришлось отказаться от привычных для него стереотипов мышления и поведения, создав личное пространство благополучия не на экономических расчетах, а на сословно-привилегированных привычках. Концепт благотворительного кредита вел к росту новой задолженности, плодил субарендаторство от земельных пожалований на клочках земли. Яростно поднимавшиеся конкуренты из числа купцов, крестьян, мещан, скупавших дворянские земли и переходивших от хищнического выпаживания к планомерному сельскохозяйственному производству, оттесняли дворян-помещиков на хлебном рынке и в промышленности. В условиях социально-экономических и агрокультурных новаций в поместьях новое поколение дворян должно было как-то поладить со старопомещичьей традицией либо вступить с ним в смертельную схватку.

Источники и литература

1. Арнольдов М.В. Объявление // Симбирскія губернскаія вѣдомости. — 1866. — № 82. — 30 июня.
2. Гуркин В.А. Симбирскоеведение. Основные этапы истории изучения Симбирского Поволжья: Учеб. пособие. — Ульяновск: УлГТУ, 2009. — 164 с.
3. Мещерский А.В. Очерк представленного Московскому земскому собранию в марте 1866 года проекта поземельного «банка» русского земства [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_295039 (дата обращения: 05.03.2022).
4. Глушков С., Табаков Ю. От поместья к экономии // История Среднего Поволжья / ГОУ ДПО ЦПК «Ресурсный Центр с. Красный Яр». Т1 Web Studio [Электронный ресурс]. URL: <http://povolzje.yartel.ru/biblioteka/samarskaya-letopis/274-2010-11-05-15-27-24> (дата обращения: 02.03.2022).
5. Проект Поземельного банка русского земства // Симбирскія губернскаія вѣдомости. — 1866. — № 68. — 28 июня.

УДК 94(470.343)

О.А. Кошкина

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Россия*

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО МАРИЙСКОЙ АССР В СЕРЕДИНЕ 1950-х — СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.

Статья посвящена развитию сельского хозяйства Марийской АССР в середине 1950-х — середине 1960-х гг. Рассмотрены изменения в административно-территориальном делении региона, аграрной сфере в связи с принятием новых постановлений и планов: движение «тридцатитысячников», реорганизация МТС, распространение школ передового опыта, обра-

зование территориальных производственных колхозно-совхозных управлений, специализация хозяйств.

Ключевые слова: Марийская АССР, сельское хозяйство, «тридцатитысячники», устав сельскохозяйственной артели, специализация.

O.A. Koshkina

AGRICULTURE OF THE MARI ASSR IN THE MID-1950s – MID-1960s

The article is devoted to the development of agriculture of the Mari ASSR in the mid-1950s – mid-1960s. The changes in the administrative-territorial division of the region are considered. Changes in the agricultural sector were noted in connection with the adoption of new resolutions and plans: the movement of «thirty thousand people», the reorganization of MTS, the spread of schools of excellence, the formation of territorial production collective farm and state farm administrations, the specialization of farms.

Keywords: Mari ASSR, agriculture, «thirty thousand people», the charter of the agricultural artel, specialization.

В 1959 г. в стране прошла Всесоюзная перепись населения. По переписи 1959 г. в Марийской АССР насчитывалось 647,7 тыс. человек. 28% населения составляли городские жители, 72% – сельские [25, с. 6].

В начале 1959 г. произошли изменения в административно-территориальном делении Марийской АССР. 23 февраля 1959 г. было подписано постановление Верховного Совета Марийской АССР об упразднении ряда районов республики «в целях улучшения руководства хозяйственным и культурным строительством, сокращения и удешевления административно-управленческого аппарата». Данным постановлением были упразднены следующие районы Марийской АССР: Еласовский (территория передана в состав Горномарийского района); Казанский (территория передана в состав Сернурского района); Косолаповский (территория передана в состав Сернурского и Мари-Турекского районов); Пектубаевский (территория передана в состав Новоторъяльского и Оршанского районов); Семеновский (территория передана в состав Медведевского, Ронгинского и Звениговского районов); Хлебниковский (территория передана в состав Мари-Турекского и Параньгинского районов) [15, л. 126–127].

В 1962 г. вновь произошли изменения в административно-территориальном делении республики. Согласно постановлению Президиума Верховного Совета Марийской АССР от 19 декабря 1962 г. в республике вместо существующих 14 районов было образовано 7 сельских и 1 промышленный район: Горномарийский, Звениговский, Мари-Турекский, Медведевский, Моркинский, Сернурский, Советский сельские районы и Звениговский промышленный район [16, л. 9–11].

25 декабря 1962 г. по указу Президиума Верховного Совета РСФСР были образованы экономические районы. Марийский экономический административный район вошел в Волго-Вятский экономический район вместе с Горьковским, Кировским, Мордовским и Чувашским экономическими административными районами [24].

Во второй половине 1950-х гг. в СССР принимались меры, направленные на подъем сельского хозяйства страны. 25 марта 1955 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами». Согласно постановлению предлагалось подобрать не менее 30 тысяч добровольцев для работы в колхозах. Из общего количества желающих были отобраны опытные работники, хозяйственники, которые направлялись для работы в колхозах по всей стране. Так появилось движение «тридцатитысячников». Марийский обком КПСС направил на работу в колхозы 261 человека, из них 50 человек с руководящей партийной работы и 49 человек, направленных из Московской и Ивановской областей. В результате в составе председателей колхозов увеличилось количество людей с высшим образованием. В 212 колхозах Марийской АССР работали «тридцатитысячники». Это стало важным фактором в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Так, в августе 1955 г. председателем колхоза «Большевик» Семеновского района был избран «тридцатитысячник» С.Н. Дианов, ранее работавший заместителем председателя правления Марпромосвета. Под руководством нового председателя в колхозе укрепилась трудовая дисциплина и повысилась производительность труда. По итогам 1956 г. колхоз «Большевик» значительно увеличил производство продуктов животноводства [13, л. 57–58].

6 марта 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели». Колхозы получали право изменять и дополнять отдельные положения устава с учетом местных условий – определять размеры приусадебных участков, количество скота, находящегося в личном владении колхозников, устанавливать минимум трудовой и т.д. [12, л. 26–30].

22 мая 1957 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, выступая на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР, произнес ставшую впоследствии крылатой фразу о том, что в ближайшее время перед СССР стоит задача догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения. По мнению Н.С. Хрущева, уже в 1957 г. в СССР имелись все возможности, чтобы по итогам года получить столько же сливочного масла, как и США, в 1958 г. превзойти США по производству молока на душу населения, а к 1960–1961 гг. догнать Америку по производству мяса [23].

В Марийской АССР в 1957 г. был досрочно выполнен план по заготовкам и закупкам молока. Лучших результатов добились работники животноводства Медведевского, Килемарского, Волжского и Горномарийского районов. В целом по республике за 1957 г. поголовье крупного рогатого скота в колхозах по сравнению с 1956 г. увеличилось на 8,1%, свиней – на 12,6%, средний удой молока на одну фуражную корову составил 1532 килограмма. Но ни один район не выполнил обязательств по производству мяса: если по плану было предусмотрено получить по 17,5 центнера мяса на 100 гектаров сельхозугодий, то по итогам года было произведено в среднем 12,5 центнера, а некоторые районы даже сократили производст-

во мяса. На 1958 г. в колхозах были пересмотрены меры материального поощрения для работников животноводства – установлена выдача молока и выплата денежных средств за перевыполнение планов [14, л. 100].

В начале 1958 г. Марийский обком КПСС одобрил инициативу работников животноводства Пектубаевского района по увеличению надоев молока и рекомендовал обсудить ее в каждом колхозе, на каждой ферме, добиться всех имеющихся возможностей по увеличению производства молока. Эта проблема была тем более актуальна, когда в Йошкар-Оле, Козьмодемьянске, рабочих поселках и на лесных участках в государственных и кооперативных магазинах перестали торговать молоком и молочными продуктами. Молоко перестали выдавать в достаточном количестве на предприятиях в качестве спецпитания, в медицинских учреждениях, детских садах и яслях. Йошкар-Олинский молочно-маслодельный завод прекратил выработку кефира и простокваши. Отсутствовало молоко и в ассортименте общепита. Закупки молока у колхозов в первой декаде января 1958 г. были выполнены лишь на 37%. Трест «Росглавмаслопром» не смог закупить молоко и у индивидуальных владельцев коров.

В целях дальнейшего развития сельского хозяйства и укрепления колхозов сельскохозяйственной техникой в 1958 г. начала проводиться работа по реорганизации машинно-тракторных станций (МТС). Машинно-тракторные станции реорганизовывались в ремонтно-технические станции, а тракторы и другая сельскохозяйственная техника продавались колхозам. Отмечалось, что форма обслуживания колхозов через МТС уже не соответствует задачам развития производительных сил сельского хозяйства, а продажа сельхозмашин колхозам позволит эффективнее использовать технику, повысить производительность труда, увеличить производство продукции и снизить ее себестоимость. В 1958 г. от Помарской, Сотнурской, Звениговской, Мари-Турекской, Мари-Билямурской и Ляльпанской МТС поступили запросы о продаже всей имевшейся у них техники. Вопрос продажи сельхозмашин колхозам обсуждался на заседаниях Пленума Марийского обкома КПСС. Пленум принял предложения райкомов и райисполкомов по продаже тракторов и других сельскохозяйственных машин колхозам в рассрочку с оплатой в два-три года, но не более пяти лет. Также рассматривались вопросы оплаты труда механизаторов и трактористов с тем, чтобы обеспечить специалистам достойный заработок, не ниже того, который они получали в МТС [1, л. 5–6, 28–29].

5 сентября 1958 г. министр сельского хозяйства Марийской АССР Д.И. Никеев подписал приказ «О реорганизации машинно-тракторных станций республики в ремонтно-технические станции». Ронгинская и Новоторъяльская машинно-тракторные станции были реорганизованы в ремонтно-технические станции (РТС); Алексеевская МТС была реорганизована в отделение Ронгинской РТС, Йошкар-Памашская и Ожигановская МТС – в отделения Новоторъяльской РТС, Кугушенская МТС – в отделение Косолаповской РТС, Сотнурская МТС – в отделение Помарской РТС. На ремонтно-технические станции возлагался ремонт тракторов и других сельскохозяйственных машин, техническое обслуживание колхозов, продажа колхозам и совхозам новой техники, запасных частей, организация проката машин, которыми

колхозы не располагали, выполнение по договорам с колхозами отдельных видов специализированных работ, оказание помощи по внедрению новой техники [20, л. 129–130].

По данным на начало 1959 г., в колхозах республики не хватало специалистов сельского хозяйства. Так, в колхозах республики работало 606 специалистов сельского хозяйства, из них 297 – агрономы и 217 – зоотехники. В 24 колхозах не было ни одного специалиста. По рекомендации Министерства сельского хозяйства республики в каждом колхозе были проведены технико-экономические совещания, на которых рассматривались вопросы оплаты труда специалистов сельского хозяйства. С целью повышения заинтересованности в ряде колхозов были установлены фиксированные выплаты, в других – надбавки пропорционально сверхплановой прибыли. В колхозах Звениговского, Казанского, Медведевского, Новоторъяльского, Оршанского, Пектубаевского и Семеновского районов было принято решение оплачивать труд специалистов в размере от 60 до 90% оплаты труда председателей колхозов в зависимости от образования и стажа работы, но не ниже 400 руб. для специалистов со средним образованием и 600 руб. для специалистов с высшим образованием. В колхозах Косолаповского, Куженерского и Мари-Турекского районов была установлена оплата специалистам по 1–1,5 руб. с 1000 руб. дохода колхоза от растениеводства и животноводства. В колхозах Волжского, Горномарийского, Моркинского, Параньгинского, Ронгинского, Хлебниковского районов были установлены выплаты специалистам в зависимости от стажа работы от 500 до 800 руб. в месяц [4, л. 24–25].

С 27 января по 5 февраля 1959 г. проходил XXI съезд КПСС. На съезде был принят новый, семилетний (1959–1965 гг.) план развития народного хозяйства. В плане было предусмотрено развитие экономики, промышленности и сельского хозяйства. Решающим условием в развитии животноводства и повышении продуктивности скота являлось укрепление кормовой базы. На республиканских собраниях и совещаниях обсуждали проблемы увеличения посевов кукурузы. В частности, отмечалось, что кукурузный силос хорошо поедается всеми видами скота и птицы, сохраняется в течение нескольких лет, его можно использовать на корм зимой, весной и летом, что должно способствовать высокой урожайности скота в течение всего года. Ряд колхозов республики по итогам 1958 г. добились высоких урожаев зеленой массы кукурузы. Это колхозы «Заветы Ильича» Семеновского района, имени Мосолова Мари-Турекского района, «Элнет» Волжского района. Тем не менее во многих колхозах республики были получены низкие урожаи кукурузы. Приказом по Министерству сельского хозяйства от 16 февраля 1959 г. предписывалось всем начальникам и главным агрономам райсельхозинспекций организовать во всех колхозах изучение агротехники возделывания кукурузы, в срок до 1 марта разработать планы агротехнических мероприятий, установить меры материального поощрения за получение высоких урожаев кукурузы. На республиканских собраниях и совещаниях заслушивались доклады передовиков по выращиванию кукурузы. Отмечалось, что урожайность кукурузы зависит в первую очередь от выбора участков для посе-

ва, также важна правильная обработка почвы, удобрение и сроки сева [21, л. 57–61].

В целом по республике урожайность зерновых и кормовых культур оставалась низкой. Несмотря на то что некоторые колхозы добились увеличения урожаев, значительная часть колхозов получала низкие урожаи зерна, картофеля, кукурузы, корнеплодов, не обеспечивая в полной мере потребность в семенах и кормах. Так, за период с 1954 по 1958 г. в среднем по республике урожай зерновых культур составил 6,8 центнера, валовые сборы зерна в 1958 г. значительно сократились по сравнению с 1940 г. Колхозы Килемарского, Параньгинского, Моркинского, Мари-Турекского, Юринского районов в течение ряда лет получали урожаи зерновых культур значительно ниже, чем в среднем по республике, а в некоторых колхозах урожаи зерновых не превышали 2–3 центнеров [3, л. 14–16].

В 1959 г. завершилась реорганизация МТС. Всего колхозам было продано техники на 86,7 млн руб. Одновременно с реорганизацией МТС проводилась работа по объединению колхозов. Только за 4 месяца 1959 г. 110 отстающих колхозов были реорганизованы, что позволило укрепить их руководящий состав [2, л. 82–83].

В 1960 г. на базе 42 экономически слабых колхозов было организовано вновь 6 совхозов и 1 совхоз был укрупнен. В 1961 г. были внесены изменения в структуру посевных площадей, в 2 раза увеличились посевы зернобобовых культур, в том числе посевы гороха, кукурузы, картофеля, овощей. Сократились посевы однолетних трав и зерна. Впервые в совхозах были посеяны сахарная свекла и кормовые бобы. Особое внимание обращалось на выращивание озимых культур, площадь которых в 1960 г. оставила 34,3 тыс. гектаров, в 1961 г. – 38,6 тыс. гектаров. По данным на 1 октября 1961 г., совхозы республики выполнили план по росту поголовья крупного рогатого скота на 103%, коров – на 90%, свиней – на 99,2%, птицы – на 175%. Однако за 9 месяцев 1961 г. в совхозах республики сократилось поголовье овец на 300 голов. Урожайность сельскохозяйственных культур по-прежнему оставалась низкой [5, л. 92–93].

С целью улучшения снабжения колхозов и совхозов техникой и машинами постановлением бюро Марийского обкома КПСС и Совета министров Марийской АССР от 26 апреля 1961 г. было образовано Марийское республиканское объединение «Сельхозтехника» и 13 районных отделений. На объединение «Сельхозтехника» было возложено выявление потребностей колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных организаций в тракторах, автомашинах, комбайнах и другой технике, а также в запасных частях, оборудовании и удобрениях, организация ремонта сельхозтехники, внедрение в сельское хозяйство новой техники и оказание помощи колхозам и совхозам в ее освоении, осуществление надзора за техническим состоянием машинно-тракторного парка в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях и др. При отделениях «Сельхозтехники» были созданы станции технического обслуживания тракторов, автомашин. Снабжение колхозов и совхозов республики машинами, удобрениями через отделения «Сельхозтехники» улучшило внутривозвращенное использование автотранспорта [18, л. 224–226; 5, л. 69–70].

В рамках проведения мероприятий, направленных на развитие сельского хозяйства в Марийской АССР, в начале 1960-х гг. начали распространяться школы передового опыта. 7 июня 1961 г. бюро Марийского обкома КПСС и Совет министров Марийской АССР приняли постановление «Об организации школ передового опыта в сельском хозяйстве Марийской АССР». Согласно постановлению, были образованы школы передового опыта: по выращиванию кукурузы, льна, картофеля, овощей, выращиванию и откорму свиней, выращиванию кроликов, водоплавающей птицы, по молочному животноводству. Обучение в школах планировалось проводить непосредственно в поле и на фермах в процессе работы, направлять в школы передового опыта рядовых колхозников, бригадиров, заведующих фермами, председателей колхозов, директоров совхозов и специалистов сельского хозяйства [18, л. 278–281].

Мартовский (1962 г.) Пленум ЦК КПСС признал необходимым перестроить управление сельским хозяйством с тем, чтобы приблизить его к производству, создав такие органы управления сельским хозяйством, которые бы занимались планированием, осуществляли систематический контроль за состоянием производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Основным звеном для осуществления руководства сельскохозяйственным производством колхозов и совхозов должны были стать территориальные производственные колхозно-совхозные управления. Совет министров Марийской АССР 20 апреля 1962 г. принял постановление об образовании в республике четырех территориальных производственных колхозно-совхозных управлений: Медведевского – с районами: Медведевский, Волжский, Звениговский, Оршанский; Советского – с районами: Моркинский, Новоторъяльский, Советский; Сернурского – с районами: Мари-Турекский, Куженерский, Параньгинский, Сернурский; Горномарийского – с районами: Горномарийский, Килемарский, Юринский. На практике территориальная разбросанность хозяйств, входивших в управления, большое количество населенных пунктов сделали их трудноуправляемыми, в связи с чем Марийский обком КПСС обратился в бюро ЦК КПСС по РСФСР с предложением о разукрупнении производственных колхозно-совхозных управлений. В соответствии с постановлением бюро Марийского обкома КПСС и Совета министров Марийской АССР от 4 декабря 1962 г. в республике было образовано 7 производственных колхозно-совхозных управлений: Горномарийское с подчинением колхозов и совхозов Горномарийского и Юринского районов; Звениговское – колхозы Звениговского и Волжского районов; Мари-Турекское – колхозы и совхозы Мари-Турекского и Параньгинского районов; Медведевское – колхозы и совхозы Медведевского, Оршанского и Килемарского районов; Моркинское – колхозы Моркинского района и колхоз имени XXII партсъезда Куженерского района; Сернурское – колхозы и совхозы Сернурского района и 15 колхозов (кроме колхоза имени XXII партсъезда) Куженерского района; Советское – колхозы и совхоз Советского и Новоторъяльского районов. В 1962 г. было образовано Министерство производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Марийской АССР [22, л. 17–19; 17, л. 264–265].

За три года семилетки колхозы и совхозы Марийской республики добились некоторых результатов в подъеме сельского хозяйства. Так, посевная площадь по сравнению с 1958 г. увеличилась на 135,7 тыс. гектаров, производство мяса в 1,4 раза, молока – в 1,2 раза, яиц – в 4,9 раза. Однако вследствие неблагоприятных метеорологических условий 1960 и 1961 гг. колхозы и совхозы получили низкие урожаи сельскохозяйственных культур. Урожайность зерновых и зернобобовых составила в 1960 г. 7 центнеров с гектара, в 1961 г. – 4,3 центнера с гектара. В ряде колхозов посевы зерновых и зернобобовых, кормовых культур и льна погибли. Значительное количество грубых кормов колхозы и совхозы вынуждены были заготавливать за пределами республики.

Только 1962 г. стал самым урожайным за последние пять лет, валовой сбор зерна вырос на 158 тыс. тонн по сравнению с 1961 г., республика досрочно выполнила свои обязательства по продаже хлеба государству. Производство молока и шерсти по сравнению с 1961 г. возросло на 14%, яиц – в 1,9 раза. Тем не менее в 1963 г. из-за неблагоприятных погодных условий колхозы и совхозы республики вновь не выполнили план продажи хлеба государству (77%). 1963 г. сельское хозяйство Марийской АССР окончено крайне неудачно, в республике были введены карточки на продукты, хлеб отпускался по нормам – по буханке (400–450 г) в день на двух человек [6, л. 53; 8, л. 9].

В соответствии с постановлением бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР от 26 сентября 1963 г. «О мероприятиях по выполнению указаний тов. Хрущева Н.С., изложенных им в Записке от 31 июля 1963 г. «О некоторых вопросах подъема экономики отстающих колхозов и совхозов» бюро Марийского обкома КПСС и Совет министров Марийской АССР разработали ряд мероприятий для подъема экономики отстающих колхозов и совхозов. В республике к числу отстающих было отнесено 58 колхозов и 2 совхоза – «Кугушенский» и «Юринский». В течение 1963 г. в 20 отстающих колхозах были заменены председатели, вместо них было избрано 8 председателей с высшим образованием, 10 специалистов, имеющих большой опыт практической работы, также были назначены новые директора в отстающих совхозах. В колхозах было заменено 55 бригадиров производственных бригад и 11 заведующих фермами. Также в отстающие колхозы было направлено 30 специалистов сельского хозяйства. В совхозах внедрялась аккордно-премиальная система оплаты труда, при которой специалисты премировались в зависимости от качества работ и экономии сил и средств. В колхозах сократили более 300 человек непроизводительного персонала. Особое внимание уделялось повышению квалификации бригадиров и заведующих фермами, в колхозах и совхозах было организовано 330 агрозоотехнических кружков и 47 школ механизаторского всеобуча. В 1964 г. в рамках помощи экономически слабым хозяйствам колхозам было выделено 79 гусеничных и колесных тракторов, 60 комбайнов, 56 грузовых автомобилей, 160 зерновых сеялок и другая техника, а также минеральные удобрения. Отстающим хозяйствам была увеличена кредитная помощь – за 8 месяцев 1964 г. было выделено 804 тыс. руб. на электрификацию и радиофикацию, 631 тыс. руб. на покупку сельскохозяйственной техники. В отстающих колхозах и совхозах были

проведены мероприятия по улучшению использования земель, пересмотрена структура посевных площадей. За счет сокращения посевов малоурожайных культур были расширены площади под озимыми, зернобобовыми культурами и картофелем, также колхозам была оказана помощь сортавыми семенами. Благодаря оказанной помощи экономически слабые колхозы организованно провели весенние полевые работы, в срок завершили уборку урожая [9, л. 8–9; 7, л. 139–142].

Во многих отстающих колхозах началась работа по специализации хозяйств. Так, до 1964 г. в республике имелось одно птицеводческое хозяйство – совхоз «Азановский». Летом 1964 г. в республике было создано 17 специализированных птицеводческих хозяйств, в которых насчитывалось 246 тыс. кур-несушек. Это позволило значительно увеличить производство яиц. Четыре отстающих колхоза: «Тушнур» и «Новая жизнь» Новоторьяльского производственного управления, имени Тукая Мари-Турекского и имени Жданова Сернурского производственного управления – также были ориентированы на производство яиц. В целях улучшения снабжения населения города Йошкар-Олы молоком, картофелем и овощами было пересмотрено направление пригородного совхоза «Семеновский», это хозяйство было ориентировано на производство молока, картофеля и овощей [9, л. 197–198].

Тем не менее тяжелые климатические условия и засуха в весенне-летний период привели к тому, что многие хозяйства получили низкий урожай зерновых и зернобобовых культур, не выполнили план производства продуктов животноводства и продажи их государству. Так, за первое полугодие 1964 г. в экономически слабых колхозах денежный доход составил 1225 тыс. руб., что было на 401 тыс. руб. меньше по сравнению с аналогичным периодом 1963 г. [9, л. 186–188].

Несмотря на принимаемые меры, к середине 1960-х гг. в сельском хозяйстве республики наблюдался упадок, снижались объемы сбора урожая и продуктивность животноводства. Так, по контрольным цифрам плана валовая продукция сельского хозяйства за шесть лет семилетки (1959–1964 гг.) должна была возрасти на 66%, фактически в 1965 г. наблюдалось снижение объемов заготовок сельхозпродуктов на 10,4% по сравнению с 1958 г. Если за период с 1955 по 1958 г. объем валовой продукции сельского хозяйства вырос в среднем на 4,2%, то в первой половине 1960-х гг. объем валовой продукции ежегодно снижался в среднем на 0,9%. Произошло падение уровня экономики колхозов. За 1964 г. колхозы получили денежных доходов на сумму 24 млн руб. или по 4,8 тысячи на 100 гектаров пашни, а задолженность на 1 января 1965 г. государственному банку, заготовительным организациям и бюджету составила 42 млн руб. Расширение посевов кукурузы и сахарной свеклы при ликвидации чистых паров привело к тому, что колхозы и совхозы республики получали низкие урожаи сельскохозяйственных культур, что не обеспечивало потребности животноводства в кормах. Несмотря на низкие урожаи кукурузы (ниже среднего уровня), под посевы этой сельхозкультуры вносилось большое количество удобрений. В республике внедрялась пропашная система, значительные площади многолетних трав были распаханы. В 1960–1964 гг. средний урожай озимой ржи не превышал 7 центнеров с гектара (в 1953 г. – 11 центнеров).

Средний урожай зерновых и зернобобовых культур за десять лет составил 6,7 центнера с гектара, часть колхозов практически не продавала зерно государству, поэтому другим хозяйствам направлялись дополнительные задания. На заседании пленума Марийского обкома КПСС была поставлена задача довести урожайность зерновых культур до 9 центнеров с гектара, картофеля – до 150 центнеров с гектара. В качестве основных условий повышения урожайности называлось удобрение полей и известкование кислых почв [11, л. 23–25].

Середина 1950-х – первая половина 1960-х гг. – период поиска эффективных путей развития народного хозяйства, время противоречивых и непоследовательных решений. По-прежнему сохраняется перекос в развитии экономики в пользу промышленного производства. Попытки реформирования, особенно в области сельского хозяйства, не дали положительных результатов. Качественных изменений добиться не удалось. Сказались и неблагоприятные климатические условия начала 1960-х гг.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 161.
2. ГА РМЭ. П-1. Оп. 18. Д. 24.
3. ГА РМЭ. П-1. Оп. 18. Д. 55.
4. ГА РМЭ. П-1. Оп. 18. Д. 75.
5. ГА РМЭ. П-1. Оп. 18. Д. 270.
6. ГА РМЭ. П-1. Оп. 18. Д. 406.
7. ГА РМЭ. П-1. Оп. 23. Д. 7.
8. ГА РМЭ. П-1. Оп. 23. Д. 12.
9. ГА РМЭ. П-1. Оп. 23. Д. 96.
10. ГА РМЭ. П-1. Оп. 26. Д. 4.
11. ГА РМЭ. П-1. Оп. 26. Д. 44.
12. ГА РМЭ. П-1. Оп. 7. Д. 955.
13. ГА РМЭ. П-1. Оп. 8. Д. 1.
14. ГА РМЭ. П-1. Оп. 8. Д. 161.
15. ГА РМЭ. Р-471. Оп. 2. Д. 322.
16. ГА РМЭ. Р-471. Оп. 2. Д. 441.
17. ГА РМЭ. Р-542. Оп. 6. Л. 1498.
18. ГА РМЭ. Р-542. Оп. 7. Д. 108.
19. ГА РМЭ. Р-542. Оп. 8. Д. 162.
20. ГА РМЭ. Р-644. Оп. 4. Д. 237.
21. ГА РМЭ. Р-644. Оп. 4. Д. 636.
22. ГА РМЭ. Р-644. Оп. 4. Д. 1259.
23. Марийская правда. – 1957. – 26 мая.
24. Марийская правда. – 1962. – 28 дек.
25. Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. – 123 с.

Л.Н. Липатова

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Н.А. Пруель

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ПРОЕКЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

В статье на основе анализа данных официальной статистики выявлена степень обеспеченности продовольственного рынка Республики Мордовия товарами местного производства. Оценка проводилась на основе рациональных норм потребления пищевых продуктов. Установлено, что основные продукты питания производятся в регионе в достаточном количестве. Исключение составляют овощи, производство и потребление которых в регионе значительно ниже не только рациональных норм, но и среднероссийского уровня. Выделение овощеводства в качестве приоритетного направления развития сельского хозяйства в Мордовии позволит создать условия для удовлетворения потребности населения в овощах за счет собственного производства, что будет способствовать стабилизации продовольственного рынка, а главное – улучшению здоровья людей.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрно-промышленный центр, сельское хозяйство, рынок продовольствия, рациональные нормы потребления.

L.N. Lipatova, N.A. Pruel

CHARACTERISTICS OF THE CURRENT STATE OF THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN THE PROJECTION OF FOOD SECURITY OF THE REGION

Based on the analysis of official statistics data, the article reveals the degree of provision of the food market of the Republic of Mordovia with locally produced goods. The assessment was carried out on the basis of rational norms of food consumption. It has been established that the main food products are produced in sufficient quantities in the region. The exception is vegetables, the production and consumption of which in the region is significantly below not only rational norms, but also the average Russian level. The allocation of vegetable growing as a priority direction for the development of agriculture in Mordovia will create conditions to meet the needs of the population for vegetables at the expense of its own production, which will contribute to the stabilization of the food market, and most importantly – to improve people's health.

Keywords: food security, agricultural and industrial center, agriculture, food market, rational consumption norms.

Российские аграрии вносят огромный вклад в развитие государства, не только обеспечивая россиян продуктами питания, но и укрепляя экспортный потенциал нашей страны. По данным статистики, главная статья несырьевого экспорта – сель-

скохозйственное сырье и продовольственные товары. Заметим также, что именно удельный вес этой группы товаров устойчиво и довольно быстро увеличивается – в 2000–2020 гг. показатель вырос в 4 раза (таблица 1).

Таблица 1

**Товарная структура экспорта РФ,
в процентах к итогу [5, с. 575–576]**

Наименование	2000	2010	2018	2019	2020
Экспорт – всего	100	100	100	100	100
<i>в том числе:</i> продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	1,6	2,2	5,5	5,9	8,8
минеральные продукты	53,8	68,5	64,9	63,3	51,3
продукция химической промышленности, каучук	7,2	6,2	6,1	6,4	7,1
кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,3	0,1	0,1	0,0	0,0
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,3	2,4	3,1	3,0	3,7
текстиль, текстильные изделия и обувь	0,8	0,2	0,3	0,3	0,4
металлы, драгоценные камни и изделия из них	21,7	12,7	12,0	12,5	19,3
машины, оборудование и транспортные средства	8,8	5,4	6,5	6,6	7,5
другие товары	1,5	...	1,5	2,0	1,9

Данные, приведенные в таблице 2, показывают, как быстро Россия смогла избавиться от зависимости от других государств в части продовольствия. Еще в 2010 г. даже в большинстве аграрных центров (их в стране 15) импорт сельскохозяйственного сырья и продуктов питания значительно превышал экспорт.

Таблица 2

**Соотношения экспорта и импорта по группе продовольственных товаров и
сельскохозяйственного сырья в агропромышленных центрах России,
миллионов долларов США [3, с. 1098–1099]**

Регион	2010		2020	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Российская Федерация, млн долл. США	9365	36482	29585,1	29519,9
Белгородская область	123,3	724,0	647,9	138,6
Брянская область	5,7	347,8	146,1	295,7
Воронежская область	84,5	157,3	502,3	169,1
Курская область	30,8	134,5	208,4	48,3

Липецкая область	70,4	335,5	531,9	112,4
Тамбовская область	7,3	190,0	337,4	45,6
Краснодарский край	929,6	2066,4	2835,2	2541,2
Волгоградская область	92,2	80,1	149,4	41,2
Ростовская область	990,0	292,2	5864,8	337,5
Ставропольский край	98,3	97,2	374,3	36,6
Республика Башкортостан	5,4	21,8	177,9	71,7
Республика Мордовия	5,0	11,3	30,9	5,4
Республика Татарстан	32,3	49,6	283,6	67,5
Пензенская область	11,4	44,7	130,4	39,0
Алтайский край	62,4	152,8	343,4	110,4

В 2020 г. во всех регионах с высокоразвитым сельским хозяйством, за исключением Брянской области, экспорт продовольствия в разы превышал его импорт. Даже Краснодарский край, где зарегистрирован один из крупнейших продуктовых ритейлеров и на который приходится около 10% ввозимого в страну продовольствия, продавал за рубеж товаров этой группы больше, чем покупал в других странах. Активно торгуют продовольствием с иностранными государствами и далекие от государственных границ регионы, например, Республика Татарстан поставляет в другие страны продовольствия в 4 раза больше, чем сама покупает за рубежом, а Республика Мордовия – почти в 6 раз больше.

В свете геополитических событий 2022 г. с особой остротой встал вопрос о достаточности производства продуктов питания внутри страны, поскольку из-за введенных санкций поставки продовольствия из других стран будут сокращены и / или затруднены. Поэтому возникла необходимость не только проанализировать развитие аграрного сектора в динамике, но и оценить достаточность внутреннего производства. В рамках одной статьи провести анализ по всем аграрно-промышленным центрам не представляется возможным. Объектом данного исследования стал небольшой приволжский регион – Республика Мордовия, занимающая 0,2% территории страны, – в котором на 1 января 2021 г. проживало 779 тыс. чел. (0,5% общей численности населения РФ) [3, с. 19, 30].

Цель данного исследования – оценить состояние сельского хозяйства Республики Мордовия в проекции продовольственной безопасности. Утвержденная Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации методика оценки продовольственной безопасности включает более 100 показателей [1]. Ограниченные рамки жанра, применить данную методику не сможем, поэтому для реализации поставленной цели дана оценка достаточности местного производства путем сравнения душевого производства с рекомендованными нормами потребления основных продуктов питания. Приоритетные направления развития аграрного сектора в Мордовии выявлены на основе анализа структуры питания жителей региона.

На рисунке 1 приведена динамика производства основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров в расчете на душу населения Мордовии: в 2011–2020 гг. почти в 3 раза возросло душевое производство скота и птицы, в 1,7 раза – зерна, на 23% – яиц и овощей, на 5% – молока. В рассматри-

ваемый период в регионе резко сократилось душевое производство сахарной свеклы (в 2,2 раза), снизилось и душевое производство картофеля – на 5,5%. (Сравнение проведено с 2011 г., потому что в сравнении с аномально жарким и засушливым 2010 г. изменения были бы еще более значительными.)

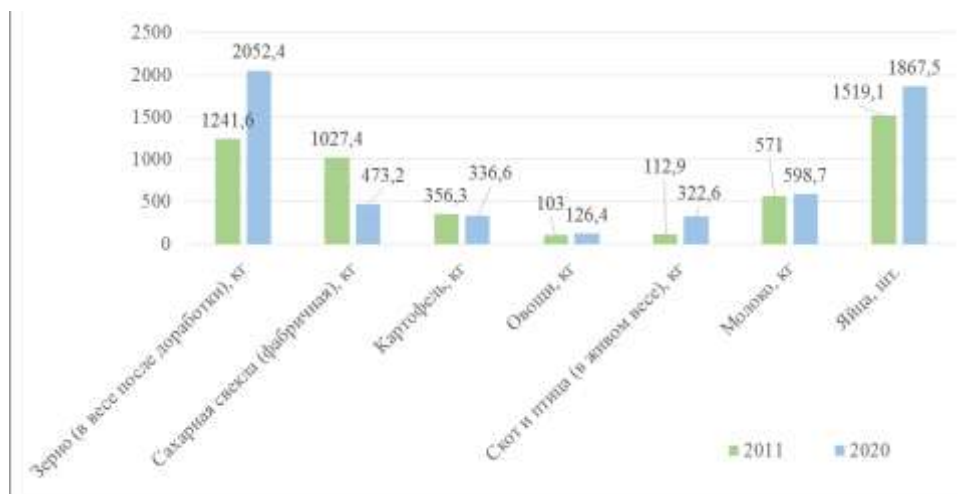

Рисунок 1 – Продукция сельского хозяйства на душу населения в Республике Мордовия в 2011–2020 гг. [2, с. 50, 248, 260]

Сравнение душевого производства с нормами рационального потребления основных продуктов питания (рисунок 2) показывает, что производимых в Мордовии мяса и картошки хватит еще на 2–3 небольших региона, мордовскими яйцами можно обеспечить еще 6 небольших субъектов. Душевое производство молока также превышает рациональные потребности местного населения.

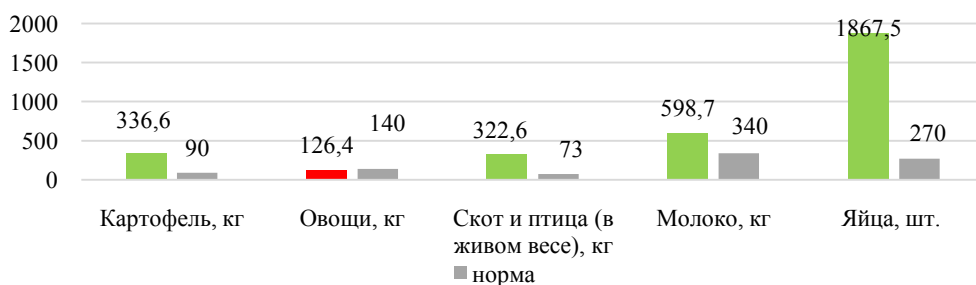

Рисунок 2 – Соотношение душевого производства основных видов продовольственной продукции с рекомендованными нормами потребления [2, с. 50, 248, 260; 4]

Этих данных достаточно, чтобы утверждать, что дефицит основных видов продуктов питания из-за сокращения импорта Республике Мордовия не угрожает. Из-за возможного вследствие введенных экономических санкций снижения урожайности и продуктивности скота могут ухудшиться финансовые показатели сельскохозяйст-

венных организаций и объемы продаж за пределы региона, но для дестабилизации регионального продовольственного рынка объективных причин нет.

Все известные методики оценки продовольственной безопасности оценивают и экономическую доступность продовольствия. Ведь может сложиться ситуация, при которой производится товаров достаточно, но население не может их приобрести в необходимом для семьи количестве из-за отсутствия денежных средств. И объект данного исследования – Республика Мордовия – относится к числу регионов с низким уровнем жизни: в 2020 г. по величине среднедушевых денежных доходов регион занимал 81-е место в РФ, по размеру среднемесячной начисленной заработной платы – 77-е место, по обороту розничной торговли в расчете на душу населения – 80-е место [3, с. 35].

В таблице 3 приведены данные о потреблении населением Мордовии основных продуктов питания в сравнении с медицинскими нормами и средними в стране показателями. Как видим, фактическое потребление по большинству основных продуктов питания заметно превышает рациональные нормы. Сильно занижено потребление картофеля и овощей. Не может не вызывать вопросы ситуация, когда в регионе, специализирующемся на сельском хозяйстве, картофеля и овощей потребляется даже меньше, чем в среднем в стране.

Если в части потребления овощей сложившаяся ситуация не стала неожиданной, поскольку приведенные выше (см. рис. 2) данные свидетельствуют о нехватке овощей собственного производства, то значительное расхождение показателей душевого производства и потребления картофеля говорят о недостоверности статистических данных или / и недостатках региональной системы продовольственного обеспечения, не создавшей условия для встречи производителя и потребителя. Это требует корректировки региональной агропродовольственной политики.

Таблица 3

Потребление продуктов питания населением Российской Федерации и Республики Мордовия, 2020 г. [3, с. 260–266; 4]

Продукты питания	Рекомендованная норма потребления пищевых продуктов, кг на человека в год	Российская Федерация		Республика Мордовия	
		фактическое потребление кг	соотношение фактического потребления с величиной рациональной нормы, процентов	фактическое потребление кг	соотношение фактического потребления с величиной рациональной нормы, процентов
Хлебные продукты	96	116	120,8	109	113,5
Картофель	90	86	95,6	41	45,6
Овощи и бахчевые	140	107	76,4	91	65,0
Мясо и мясопродукты	73	76	104,1	96	131,5

Яйца (штук)	260	283	108,9	255	98,1
Рыба и рыбопродукты	22	22,2	100,9	29	131,8
Сахар	8	39	487,5	43	537,5
Масло растительное и другие жиры	7	13,9	198,6	13	185,7
Молоко и молочные продукты	340	240	70,6	298	87,6

Кроме того, населением Мордовии молока потребляется значительно ниже нормы. Но учитывая то обстоятельство, что местное производство полностью покрывает рациональные нормы и уровень потребления молочных продуктов в Мордовии выше, чем в стране в целом, сложившаяся ситуация в значительной степени объясняется потребительскими предпочтениями.

Как и все простые средние, показатель душевого потребления не учитывает различий в уровне доходов населения, что, безусловно, сказывается на потреблении. Но поскольку подоходная дифференциация населения в Республике Мордовия в 1,5 раза ниже, чем в РФ (соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами 9,9 раза против 14,8 раза в РФ [3, с. 233]), показатели, характеризующие потребление в Мордовии, ближе к истине, чем среднероссийские значения.

Заметим также, что низкий уровень жизни в рассматриваемом регионе практически не отражается на потреблении: дорогостоящие продукты (мясо, молоко и рыбу) жители Мордовии потребляют в большем количестве, чем среднестатистический россиянин.

Таким образом, оценивая состояние агропродовольственной системы Республики Мордовия с позиции продовольственной безопасности, следует отметить, что основные продукты питания производятся в регионе в достаточном количестве. Исключение составляют овощи. Поэтому приоритетом региональной агропродовольственной политики должно стать овощеводство. Однако в развитии этой отрасли сельского хозяйства серьезным ограничением является отсутствие необходимой инфраструктуры. Наличие такой проблемы в стране в целом признано на высшем уровне государственного управления. На ее решение направлена программа по созданию на территории страны сети современных аграрных оптово-распределительных центров, это поможет снять возникшие логистические ограничения, насытить местный рынок картофелем, овощами, фруктами, ягодами, а самое главное – будет способствовать повышению качества питания, а значит, улучшению здоровья людей. Многие регионы уже активно включились в ее реализацию. Результаты проведенного исследования, свидетельствующие о дефиците производства и потребления овощей в Мордовии, говорят о необходимости участия в этой программе и Республики Мордовия.

Источники и литература

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6752> (дата обращения: 11.04.2022).
2. Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2021. – 421 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.
4. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения: 10.04.2022).
5. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 692 с.

УДК 338.436.33

Ф.Г. Миниханов

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС В СССР: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ

Статья посвящена анализу деятельности аграрно-промышленного комплекса СССР и его региональных структур на примере АПК Татарской АССР. В работе подробно изложена аграрная политика государства на различных этапах развития страны. Значительное место уделено истории становления и развития агропромышленного комплекса, вопросам развития межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Подробно раскрывается процесс формирования, структура, управление аграрно-промышленным комплексом, а также рассматриваются организационные формы агропромышленной интеграции (агропромышленные предприятия, объединения, хозрасчетные объединения разных уровней), взаимоотношения на агропромышленных предприятиях и в объединениях.

Ключевые слова: СССР, ТАССР, аграрная политика, агропромышленный комплекс, научно-технический прогресс, научно-производственное объединение, сельское хозяйство, промышленность, кооперация, интеграция, механизация, мелиорация, химизация.

F.G. Minikhanov

AGRARIAN-INDUSTRIAL COMPLEX IN THE USSR: THEORY AND PRACTICE OF DEVELOPMENT

The article is devoted to the analysis of the activity of the agrarian-industrial complex of the USSR and its regional structures on the example of the agrarian-industrial complex of the Tatar ASSR. The present work describes the agrarian policy of the state at various stages of the country's development in detail. A significant place is given to the history of the formation and development of the agrarian-industrial complex, the issues of development of inter-farm cooperation and agrarian-industrial integration. The process of formation, structure, management of the agrarian-industrial complex is disclosed in detail, also organizational forms of agro-industrial integration (agro-industrial enterprises, associations, self-supporting associations of different levels), relationships at agro-industrial enterprises and associations are considered.

Keywords: USSR, TASSR, agrarian policy, agro-industrial complex, scientific and technological progress, scientific and production association, agriculture, industry, cooperation, integration, mechanization, land reclamation, chemicalization.

Понятие «агропромышленный комплекс» вошло в обиход в середине 1970-х гг. Хотя в экономической науке, по мнению большинства авторов, занимающихся аграрными проблемами, оно было введено в оборот социалистами-утопистами конца XVIII – начала XIX в., затем К. Марксом и Ф. Энгельсом. Агропромышленный комплекс представляет собой совокупность взаимосвязанных отраслей производства, организаций и учреждений, занятых производством, заготовками, хранением, переработкой и сбытом сельскохозяйственной продукции, включая отрасли, производящие для сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности необходимые современные средства производства (технику, электроэнергию, топливо, удобрения и т.д.).

В процессе формирования интегрированных форм в СССР можно выделить два периода: первый – конец 1920-х – середина 1930-х гг. – создание коллективных хозяйств; второй – развитие АПК в условиях успешного развития производительных сил и межотраслевых связей в экономике (вторая половина XX в.). В первый период определяющей социальной предпосылкой, обусловившей развитие и преобразование сельского хозяйства, являлась, несмотря на серьезные издержки, коллективизация, послужившая основой индустриализации отрасли. По мнению многих ученых-аграриев, развитие агропромышленной интеграции в СССР началось на рубеже 1920–1930-х гг. В результате коллективизации на селе были образованы крупные сельскохозяйственные предприятия и тем самым созданы основные условия для технического перевооружения отрасли, ускоренной специализации и концентрации производства, расширения на этой основе связей сельского хозяйства с отраслями промышленности. Уже тогда руководством страны неоднократно ставились и достаточно глубоко прорабатывались вопросы создания аграрно-промышленных образований, о чем свидетельствуют программные материалы партии и правительства того времени. Так, в решениях ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б) говорилось: «Необходимо поощрять инициативу в деле установления непосредственной хозяйственной связи между государственными промышленными предприятиями (сахарными и льнообрабатывающими, хлопкоочистительными заводами т.д.) и совхозами, с одной стороны, и окружающими колхозами, с другой стороны, создавая во всех возможных случаях под общим руководством этих промышленных предприятий и совхозов смешанные совхозно-колхозные объединения с согласованным хозяйственным планом, с общей технической базой (тракторными колоннами, ремонтными мастерскими и т.п.), с общими предприятиями по переработке сельскохозяйственных продуктов (маслодельными, сыроваренными, льнообрабатывающими заводами, мельницами и т.п.) [9, с. 354]. На рубеже 1920–1930-х гг. началось формирование агроиндустриальных комбинатов, производящих, перерабатывающих и реализующих сельскохозяйственную продукцию [4, с. 3–5]. В Сибири была предпринята попытка создать агропромышленные объединения.

Так, в Новосибирской области (в то время – Новосибирский округ) предполагалось образовать аграрно-индустриальные комбинаты (АИК): Маслянинский, Еланский, Шипуновский, Прокопьевский, Огундайский. АИК рассматривались как форма соединения сельского хозяйства с промышленностью, где производство сельскохозяйственного сырья и его переработка в готовую продукцию составляли единое целое. Задачами аграрно-индустриальных комбинатов были: рациональное осуществление перспективного планирования районов; уменьшение издержек производства; ликвидация излишних потерь сельскохозяйственной продукции; упрощение управления комбинатом и т.д. В 1930-е гг. интеграционные процессы в области аграрной экономики не получили широкого распространения вследствие ряда причин, важнейшими из которых были недостаточно высокий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве, слабая концентрация производства и несовершенство связей с перерабатывающими отраслями промышленности. Слабая материально-техническая база, неблагоприятная экономическая ситуация не способствовали дальнейшему развитию интеграции [7, с. 4], которая лишь в 1970-е гг. получила новый импульс и имела более качественную основу.

Второй этап развития интегрированных процессов имел более качественную основу. Основным фактором интеграции хозяйственной деятельности явилось ускорение темпов развития научно-технического прогресса (НТП) во второй половине XX в. В числе других факторов можно назвать механизацию и электрификацию сельскохозяйственного производства, его химизацию и мелиорацию земель. Стало очевидным, что существующие формы и методы ведения хозяйства не могут обеспечить достаточно эффективного использования результатов НТП [7, с. 4–5]. Происходящие во второй половине 1970-х и в 1980-е гг. изменения в технологии производства продукции предопределили создание условий для формирования интегрированных образований, где имелись большие возможности для реализации достижений НТП в новых видах продукции и улучшения структуры производства.

Агропромышленная интеграция в 1960–1980 гг. по оценке ряда советских и российских ученых-аграриев прошла несколько этапов. Так, С.Ю. Вайнштейн и А.А. Степанов рассматривают агропромышленную интеграцию как одну из составляющих процесса глобализации мировой экономики. По их мнению, в СССР – России процесс агропромышленной интеграции начался в 1960-е гг. и прошел ряд этапов. На первом этапе («землеориентирование», 1960–1970-е гг.) в СССР происходило развитие земледелия и сельхозмашиностроения при их ориентировании на «рост урожайности в земледелии, прирост поголовья и увеличении производства мяса и молока» [2]. На втором («технологическое ориентирование», 1970–1980-е гг.) к развитию земледелия и сельскохозяйственного машиностроения добавилось третье направление – «производство готовых продуктов». В 1990-е гг. в результате рыночных преобразований и законодательного закрепления равноправия всех форм собственности в России наступил третий этап – «институциональное ориентирование» (когда «снизу» началось восстановление агропромышленной интеграции) [2].

Отметим также, что со стороны высшей власти страны процесс агропромышленной интеграции в СССР получил признание лишь в начале 1980-х гг. На майском (1982 г.) пленуме ЦК КПСС была принята Продовольственная программа СССР. В качестве ее основной задачи декларировалось повышение благосостояния народа и, прежде всего, улучшение снабжения населения продуктами питания, улучшение его структуры и качества за счет наиболее ценных продуктов. Государственное управление сельскохозяйственным производством в советское время рассматривалось как составная часть хозяйственного механизма агропромышленного комплекса [5, с. 30–38]. В целях дальнейшего совершенствования управления агропромышленным комплексом в 1985 г. на базе пяти министерств СССР (сельского хозяйства; плодоовощного хозяйства; мясной и молочной продукции; пищевой промышленности; сельского строительства) и Государственного комитета СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства был образован Государственный агропромышленный комитет СССР, центральный орган управления агропромышленным комплексом страны. Одновременно были упразднены вышеуказанные министерства и ведомства.

Совместно с Госпланом СССР Госагропром СССР определял развитие агропромышленных комплексов союзных республик, разрабатывал соответствующие показатели по союзным республикам, министерствам и ведомствам СССР, входящим в систему агропромышленного комплекса страны, а также по объединениям, организациям и предприятиям непосредственного подчинения и наделял их необходимыми ресурсами.

В структуру АПК входят три основные сферы или три звена, связанные между собой как экономически, так и технологически. *Первая сфера* включает в себя совокупность отраслей народного хозяйства, которые обеспечивают сельское хозяйство, пищевую и легкую промышленность средствами производства, а также оказывают им производственные услуги. К этим отраслям относятся тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, машиностроение для легкой и пищевой промышленности; химическая промышленность, выпускающая минеральные удобрения и пестициды; комбикормовая и микробиологическая промышленность, а также отрасли, связанные с обеспечением сельского хозяйства материально-техническими и энергетическими средствами, занятые строительством, мелиорацией, ремонтом сельскохозяйственных машин, оборудования. *Вторая сфера* АПК – это сельское хозяйство, объединяющее колхозы, совхозы, межхозяйственные и аграрно-промышленные предприятия и объединения, личные подсобные хозяйства населения, племенные, селекционные хозяйства, различные организации по защите растений, ветеринарные учреждения и др. Сельское хозяйство является центральным ведущим звеном в аграрно-промышленном комплексе. Здесь производятся продукты питания для населения и сельскохозяйственное сырье для промышленности. В соответствии с потребностями сельского хозяйства и с учетом реальной возможности делаются заказы промышленности на поставку селу средств производства и оказание определенных услуг. Будучи органически составной частью всего общественного производства, сельское хозяйство обладает и сугубо характерными черта-

ми, которые определяются не только социально-экономическими, но и природными факторами. В *третью сферу* АПК входит совокупность отраслей и производств, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья, его хранением и заготовкой, транспортировкой готовой продукции и доведением ее до потребителя. К ним относятся пищевая промышленность и некоторые подотрасли легкой промышленности; организации материально-технического снабжения, имеющие современную материальную базу – холодильные установки, складские сооружения и др.; транспортные организации, доставляющие сельскохозяйственную продукцию к местам ее промышленной доработки, переработки, хранения и осуществляющие перевозку готовой продукции [6, с. 5–7, 8–10].

В процессе становления и развития АПК в Советском Союзе в 1970–1980 гг. сложились крупные специализированные зоны по производству зерна, хлопка, сахарной свеклы, льна-долгунца, овощей, плодов, чая и других культур, а также обширные районы тонкорунного овцеводства, каракулеводства, молочного скотоводства. По всей стране возникли специализированные совхозы, затем специализация широко развивалась внутри отраслей сельского хозяйства. Из общего технологического цикла обособились отдельные производственные направления, на этой основе создавались самостоятельные специализированные предприятия. Повсеместно на средства государства и колхозов строились крупные птицефабрики, комплексы по промышленному производству свинины, говядины, молока, и таким образом стали развиваться межхозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция. По отраслевому признаку сформировались научно-производственные объединения по селекции и семеноводству и племенному делу. Новые масштабы обрело кооперирование в сфере производственного обслуживания, а также вне производства, например в организации совместных оздоровительных и культурно-бытовых учреждений и т.п. В результате к 1987 г. в СССР образовалось около 7,6 тыс. межхозяйственных предприятий и организаций, созданных на долевом участии колхозов и совхозов. Участниками межхозяйственной кооперации являлись почти все колхозы и свыше трети совхозов, причем многие из них входили в состав двух и более межхозяйственных предприятий [1, с. 111–130].

В середине 1980–х гг. более широкие масштабы обрела форма агропромышленного кооперирования, как образование комбинатов. Классическим примером агропромышленного комплекса является подобный комбинат, образованный в 1984 г. в Тимашевском районе Краснодарского края, названный «Кубань». Он представлял собой единый производственно-экономический комплекс. В нем органически переплетались сельскохозяйственное производство, заготовки, хранение и глубокая, разнообразная, безотходная переработка всех видов продукции земледелия и животноводства, ее реализация. В состав комбината вошли 58 предприятий, в том числе восемь колхозов и шесть совхозов, межхозяйственные организации, техническая служба, подразделения агропромхимии, строительные, снабженческие, перерабатывающие, транспортные, проектные и другие предприятия, находящиеся на территории района [11, с. 114]. Это строительный трест, который осуществлял капитальное строительство, реконструкцию и ремонт, автотранспортное предпри-

ятие со специальной колонной авторефрижераторов для перевозки овощей, плодов, молока, мяса и других скоропортящихся продуктов. Структурным звеном комбината также являлись совхозы сочинского производственного объединения «Краснодарский чай», Дагомысская и Адлерская чайные фабрики и другие предприятия общественного питания. Примечательным для советского строя было то, что производственная деятельность комбината в целом и каждого предприятия в отдельности велась на основе полного хозрасчета. Все предприятия и организации сохраняли свою юридическую и финансовую самостоятельность. Возглавлял и координировал их работу Совет комбината.

Учитывая положительный опыт «Кубани», партийные и государственные органы приняли решение о создании большого числа таких комбинатов. Так, под Тулой начал работать комбинат «Новомосковский», под Москвой – «Москва», «Раменское» и др.

Агропромышленные объединения типа «Новомосковский» функционировали по другому принципу. Их задачи, функции были те же, что и у других комбинатов, но организация и управление производством строились на другой – кооперативной основе. Здесь было создано четыре отраслевых кооператива: растениеводческий, мясо-молочный, производственно-технический и проектно-строительный. В них на добровольной основе входили колхозы и совхозы района, им были переданы производственные фонды прежде независимых предприятий по переработке и обслуживанию сельского хозяйства. А управление осуществлялось представителями хозяйств в совете объединения и в советах кооперативов, которым был подчинен сравнительно немногочисленный аппарат.

Позднее эта форма довольно широко использовалась в различных регионах страны. Опыт показал, что она позволяет создать действенный противозатратный механизм, внедрить экономические методы управления, значительно сократить (на 30–40%) административно-управленческий персонал [11, с. 115].

Одной из разновидностей интегрированных агропромышленных формирований нового типа стали агрофирмы, созданные на базе экономически крепких хозяйств, включающие в свой состав предприятия переработки, сферы услуг и др. Широкую известность получила, в частности, агрофирма «Адажи» Рижского района Латвийской ССР. В ней была освоена индустриальная технология производства картофеля и выработки картофелепродуктов. Хозяйства-участники кооперации на договорной основе получали высококачественный семенной материал, полностью укомплектованную систему машин, снабжались минеральными удобрениями и другими химикатами. Аналогичные индустриальные системы были созданы фирмой в производстве рапса и в молочном скотоводстве.

Во второй половине 1980-х гг. широкое распространение получили производственные и научно-производственные системы. Они обеспечивали внедрение достижений научно-технического прогресса, передовых технологий путем прямой кооперации участников на взаимовыгодной основе. Такие системы представляли собой сформированную на добровольной основе группу предприятий и организаций, осуществляющих скоординированную деятельность по производству под организа-

ционным и технологическим руководством головного предприятия. Типичным примером такой формы являлась научно-производственная система «Кукуруза», созданная в Курганской области на базе НПО «Элита». Решение о вступлении предприятий и организаций в систему принималось в соответствии с их уставами (положениями). Колхозы делали это с согласия общего собрания колхозников, совхозы – по решению их руководства. Между головным предприятием и каждым хозяйством-участником заключался договор, в котором фиксировались права и обязанности сторон. Головное предприятие гарантировало высокоэффективное производство кормов на предприятии системы, разрабатывало и внедряло интенсивные технологии возделывания кукурузы, заготовки, хранения и приготовления кормов, снабжало хозяйства-участников техническими средствами. Совместно с участниками системы определялась их потребность в семенах кукурузы, сеялках, комбайнах, оборудовании, минеральных удобрениях, гербицидах и других ресурсах. В свою очередь колхозы и совхозы обязались строго соблюдать технологические требования, использовать полученную технику в соответствии с имеющимися правилами, обеспечивать фронт работ постоянными квалифицированными кадрами, представлять головному предприятию данные, связанные с внедрением и оценкой рекомендованной технологии, и пр. По штатному расписанию системы в каждом районе имелся агроном-организатор, отвечающий за соблюдение всех правил посева, обработки полей и уборки. В течение года они следили за выполнением всех рекомендаций головного предприятия, давали консультации специалистам хозяйств, а нерешенные вопросы согласовывали с НПО. Такая организация работы приносила большую пользу хозяйствам, резко повышала отдачу от вложений в научные разработки. Позднее в различных регионах страны были созданы такие системы по рапсу, пшенице, производству свинины и многим другим видам продукции. Они взяли на себя значительную часть технологических функций областных агропромышленных комитетов и выполняли их более эффективно. При этом научные разработки, новые технологии внедрялись намного быстрее и с большей отдачей.

Отраслевые производственные системы в СССР создавались и на других принципах. Например, на Украине ряд экономически сильных хозяйств заключали со слабыми колхозами и совхозами договоры на выращивание высокого урожая на подряде. Связанные договором хозяйства составляли как бы временную производственную систему. Небольшая бригада трактористов вместе с агрономом выезжала в другое хозяйство на подъем зяби, затем в весенне-летний период – для сева и обработки посевов и, наконец, для уборки урожая. Технику и удобрения выделял партнер. Все то, что арендованная земля давала сверх гарантированного уровня, передавалось арендатору. Для улучшения использования сельскохозяйственных угодий, находящихся у низкорентабельных и убыточных колхозов и совхозов, такая практика была полезна и выгодна обеим сторонам.

Одновременно общесоюзным АПК в СССР складывалась агропромышленная интеграция на местах. Одним из типичных региональных комплексов в стране являлся АПК Татарии. 24 мая 1982 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление «Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного

комплекса». Впервые агропромышленный комплекс был выделен как самостоятельный объект планирования, включавший в себя районные агропромышленные объединения (РАПО), областные, краевые, республиканские (АССР) АПО, АПО союзных республик. 25 ноября 1982 г. было издано типовое положение «О агропромышленных объединениях», по которому республиканские (АССР) АПО создавались решением Совмина АССР.

Как было сказано выше, в структуру АПК входили три основные сферы или три звена, связанные между собой как экономически, так и технологически. Все сказанное о структуре агропромышленного комплекса страны предопределяло и структуру АПК нашей республики.

Из *первого звена* АПК на территории ТАССР действовали ряд крупных электростанций, КамАЗ, заводы по производству шин для тракторов и автомобилей, железобетонных изделий, некоторых видов минеральных удобрений и ядохимикатов, отдельных видов оборудования для ферм, поливных систем, кормоуборочной техники, строительных материалов и т.д. Однако объединения и предприятия, занятые производством указанной выше продукции, были подчинены профильным министерствам и в структуру АПК страны и республики не входили.

Вместе с тем АПК республики имел и собственные подразделения, создающие средства производства для него: это кооперативно-государственное строительное объединение «Татагропромстрой», проектно-промышленное, ремонтно-строительное объединение «Агропромдорстрой», Казанское экспериментальное механическое производство, Казанский завод полимерной тары и ряд ремонтных заводов, выпускавших кормоуборочную технику и оборудование для животноводческих ферм и колхозов.

Второе звено – сельскохозяйственное производство. На начало 1990 г. в республике насчитывалось 628 колхозов, 324 совхоза. Значительное их количество входило в различные агропромышленные объединения: «9 хозяйств – в ПО «Татпушнина» по звероводству; 39 – в ПО «Татарское» по птицеводству; 30 – в ПО «Татплодоовощпром»; 7 – в НПО «Семеновод»; 8 – в ПО «Татарское» по племенной работе; 12 – в ПО «Татарское» племенных хозяйств; 4 – в НПО «Татрапс»; 17 – в ПО «Татарское» по пчеловодству»; 29 хозяйств входили в состав АПК «Идель» [3, с. 18].

Концентрация производства в Татарии сопровождалась превращением колхозов и совхозов в крупные специализированные хозяйства: количество отраслей, дающих продукцию, сокращалось, а их размеры возрастали. Наиболее яркое выражение это нашло в создании специализированных совхозов, в первую очередь птицеводческих, звероводческих, овощеводческих, племенных и др. Если раньше большинство колхозов республики производило по 5–6 товарных продуктов в растениеводстве и столько же в животноводстве, то во второй половине 1980-х гг. их номенклатура сократилась до двух-трех [3, с. 10].

Новым направлением концентрации и специализации сельскохозяйственного производства являлось создание крупных узкоспециализированных высокомеханизированных государственных предприятий – птицефабрик, тепличных предпри-

ятей, свиноводческих и скотооткормочных комплексов. К их числу относились: девять прицефабрик по производству яиц, в том числе «Юбилейная» на 1 млн кур-несушек, три бройлерных; комплекс по откорму крупного рогатого скота «50 лет Татарии» на 10 тыс. голов; комплекс «Татарстан» по откорму свиней на 55 тыс. голов; тепличные совхозы «Майский» и «Весенний» [3, с. 10].

В 1980-е гг. в Татарской АССР, как и во всей стране, широкое развитие получила межхозяйственная кооперация. К концу 1989 г. в республике было 80 межхозяйственных формирований, в том числе по производству сельскохозяйственной продукции – 5, включая Заинское и Октябрьское предприятия по откорму крупного рогатого скота, Аксубаевское, Муслюмовское, Октябрьское предприятия по откорму свиней. Остальные межхозяйственные формирования относились к сфере производственного обслуживания сельского хозяйства.

Третье звено агропромышленного комплекса ТАССР представляли промышленные отрасли, занятые переработкой молока, мяса, сахарной свеклы, картофеля, хлеба, овощей и производством различных пищевых продуктов. Организационно они были представлены семью производственными объединениями и одним комбинатом. Эти объединения включали:

«Татмолагропром» – 16 молочных комбинатов, 2 молочных завода, 3 завода сухого молока, 5 маслосыркомбинатов, 5 маслозаводов и одну маслосырбазу;

«Татмясоагропром» – 7 мясокомбинатов, 2 комбината мяса птицы и один мясоконсервный комбинат;

«Татсахарагропром» – три сахарных завода;

«Татспиртагропром» – 4 спиртовых, 3 ликерно-водочных и уксусный завод;

«Татаркрахмалопатока» – 3 завода по производству крахмала и 4 паточных заводов;

объединение пивобезалкогольной промышленности «Красный Восток» – 4 завода и завод минеральных вод;

кондитерское производственное объединение «Заря» включало 3 кондитерские фабрики (Казань, Альметьевск, Заинск);

пищевой комбинат «Татарский» – основными его подразделениями являлись 14 городских и районных пищевых комбинатов, Чистопольская и Зеленодольская кондитерские фабрики.

Переработкой овощей занимались три консервных цеха при объединении «Татплодоовощпром». К этому звену относилась Казанская фабрика по первичной обработке шерсти [3, с. 19–20].

К 1990 г. в агропромышленном комплексе республики работали в общей сложности около 400 тыс. человек, в т.ч. непосредственно в сельском хозяйстве – почти 300 тыс., пищевой и перерабатывающей промышленности – 40–42 тыс. Комплекс располагал огромным производственным потенциалом. В его распоряжении было 4,6 млн гектаров сельскохозяйственных угодий. Основные производственные фонды составляли 7,2 млрд руб. Предприятиями АПК Татарии производилось валовой продукции более чем на 4 млрд руб., в том числе сельским хозяйством – около 3 млрд руб. [11, с. 22–23].

Вся эта социально-производственная система была подчинена решению главной задачи — обеспечению надежного снабжения населения продовольствием, а промышленности — сельскохозяйственным сырьем. К сожалению, по разным, объективным и субъективным, причинам решить ее не удалось (см. ниже).

В заключительной части статьи отметим, что к моменту распада СССР появилось множество новых форм управления агропромышленным производством. В ряде мест, например, в прибалтийских республиках, Украинской и Молдавской ССР, в ряде сельскохозяйственных регионов России удалось преодолеть ведомственную разобщенность отраслей, перейти к новым методам управления, заметно расширить экономическую самостоятельность колхозов и совхозов. Тем не менее в целом по стране решающего сдвига не произошло. Госагропром СССР так и не стал целостной организацией. Несмотря на начало перестройки всех сфер социально-экономической жизни страны, взаимоотношения между структурными подразделениями Госагропрома не претерпели существенных изменений. Во многих случаях произошло лишь механическое упразднение одних и создание других служб. Вплоть до начала 90-х гг. в стране все еще сохранялся громадный управленческий аппарат, значительная часть которого изо всех сил старалась удержать свои позиции. Госагропром, другие ведомства всячески препятствовали включению в состав новых интегрированных формирований своих предприятий и организаций, сдерживая становление новых, более прогрессивных форм организации производства, труда и управления.

Это стало одной из главных причин отсутствия реального прогресса в развитии АПК. Принимаемые решения не срабатывали еще и потому, что **не были запущены механизмы товарно-денежных, рыночных отношений, не был создан целостный, эффективно функционирующий хозяйственный механизм, отвечающий радикально изменившимся условиям и потребностям общества** (выделено нами. — Ф.М.). Одни его элементы еще не были разработаны, другие — не доведены до логического завершения. Ситуация осложнялась тем, что одновременно действовали старые и новые подходы. Например, хозрасчет, самофинансирование, аренда сосуществовали со старой системой закупочных цен и надбавок, с централизованными методами распределения материальных ресурсов. Сохранилось отчужденность крестьян от земли; мощная техника, удобрения, другие ресурсы в руках незаинтересованного работника использовались неэффективно. Одно из основных направлений перестройки хозяйственного механизма в аграрном секторе экономики — перевод всех колхозов, совхозов и других звеньев АПК на полный хозрасчет, на самокупаемость и самофинансирование — не было осуществлено. Хотя условия для перехода на полный хозрасчет, по мнению многих ученых-аграриев, были созданы Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе» (1986 г.). Отметим, что этим постановлением были значительно расширены права колхозов и совхозов, их самостоятельность и ответственность за конечные результаты производства [8, с. 9–10]. Однако его положения сплошь и рядом нарушались. Доходило до того, что партийные и советские органы вынуждали на местах колхозы и совхозы, часто в ущерб

своим экономическим интересам, сдавать продукцию даже после выполнения плана заготовок государству. Конечно, в таких условиях хозяйства не хотели ракрывать своих возможностей и не стремились увеличивать производство [11, с. 20–21]. Отсутствие рыночных, товарно-денежных отношений еще глубже усугубляло положение отрасли. Вследствие этого попытки реформирования аграрного сектора в конце 1980-х гг. не принесли каких-либо положительных сдвигов, напротив, продовольственная проблема все более обострялась.

В апреле 1989 г. был принят первый за многие десятилетия разумный шаг, разрешавший аренду земли, согласно которому уже в начале 1990 г. стали возникать семейные фермы как один из видов аграрного хозяйства. Но ввиду их малочисленности они также не обеспечили страну продовольствием, несмотря на то, что в том же 1990 г. по Закону о крестьянском хозяйстве и Закону о земельной реформе крестьянам разрешали выходить из колхозов и совхозов со своей долей общественной земли. В декабре 1991 г. правительство приняло еще одно постановление «О реорганизации колхозов и совхозов в любую стандартную форму ассоциации», и уже через два года 95% колхозов были преобразованы в товарищества, которые получили юридическую и экономическую самостоятельность без подчинения Министерству сельского хозяйства. На практике применение названных законов часто приводило к произволу местных властей. Таким образом, реформирование аграрного сектора в 1989–1990 гг. не принесло каких-либо положительных сдвигов, напротив, продовольственная проблема в стране все более обострялась. В 1990 г. по всей стране, включая Москву, были введены талоны на основные виды продуктов, а через год распался Советский Союз.

Источники и литература

1. Агропромышленный комплекс СССР: Стат. сб. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 207 с.
2. Агропромышленный комплекс СССР: формирование понятия, структуры и системы управления [Электронный ресурс]. URL: https://studexpo.net/963468/igp/agropromyshlennyy_kompleks_sssr_formirovanie_ponyatiya_struktury_sistemy_upravleniya/ (дата обращения: 28.04.2022).
3. Агропромышленный комплекс Татарии: проблемы и пути решения / М.И. Куркина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 128 с.
4. Аллов–Ланскер А. Аграрно-индустриальные комбинаты. – М.: Сельхозиздат, 1931. – 95 с.
5. Богуш Г.М., Шайкин В.Г. Агропромышленный комплекс СССР. – М.: Агропромиздат, 1987. – 256 с.
6. Душин Б.В. Структура аграрно-промышленного комплекса: Текст лекций. – Днепропетровск: Днепропетров. с.-х. ин-т, 1986. – 20 с.
7. Ильешонок С.Е., Вайнштейн С.Ю. Социальные и экономические предпосылки аграрно-промышленной интеграции // Вопросы формирования и развития аграрно-промышленного комплекса. – Новосибир.: ИЗИОПП АН СССР, 1984. – 127 с.
8. Кагункин С.И. Хозрасчетные отношения в АПК и дальнейшее их совершенствование // Респ. науч.-произв. конф. «Основные направления совершенствования хозяйственного механизма регионального АПК». – Казань: Казан. с.-х. ин-т, 1988. – 126 с.

9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 4: 1926–1929. – 575 с.

10. Кузнецов А.И. Экономические рычаги и стимулы в развитии АПК: Текст лекций. – Днепропетровск: Днепропетров. с.-х. ин-т, 1986. – 30 с.

11. Миросердов В.В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. – М.: Агропромиздат, 1990. – 296 с.

УДК 33(470.41)“18/19”

Г.М.Мустафина

*Институт международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Р.З.Юсупова

*МБОУ «Сабинская средняя общеобразовательная школа
Сабинского муниципального района РТ»,
пгт Богатые Сабы, Республика Татарстан*

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАМАДЫШСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА В ОБЛАСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

В статье рассматриваются меры Мамадышского уездного земства Казанской губернии в области земледелия, восприятие их сельским населением.

Ключевые слова: Мамадышское уездное земство, земледелие, сельскохозяйственные орудия, агрономическое совещание, агрономический персонал.

G.M. Mustafina, R.Z. Yusupova

ECONOMIC ACTIVITY OF MAMADYSH UYEZD ZEMSTVO IN THE SPHERE OF AGRICULTURE

The article discusses the measures of Mamadysh uyezd zemstvo of Kazan province in the sphere of agriculture, their perception by the rural population.

Keywords: Mamadysh uyezd zemstvo, farming, agricultural implements, agromomic conference, agronomic staff.

Рассмотрение деятельности органов местного самоуправления, введенных Положением 1864 г., в контексте региональной истории помогает воссоздать интересную и непростую историю земских органов на местах. Важнейшим направлением деятельности земств было хозяйственное-экономическое. Рассмотрим некоторые ее особенности на примере одного из крупных уездов Казанской губернии – Мамадышского, абсолютное большинство населения которого составляли государственные крестьяне.

В опубликованных ежегодных отчетах Мамадышской земской управы о состоянии уездного земского хозяйства, наряду с разделами, посвященными земскому бюджету, земским повинностям, земскому имуществу, народному образованию, «народному здравью», взаимному земскому страхованию и др., нашла отражение и хозяйственно-экономическая деятельность, включающая, наряду с благоустройст-

вом и т.н. народным продовольствием, меры, связанные с основным занятием населения – сельским хозяйством. Рассмотреть сельскохозяйственные мероприятия Мамадышского уездного земства на фоне общегубернских мероприятий позволяют специальные выпуски Казанского губернского земства по определенным направлениям [4].

Земледелие было главным занятием, от которого зависело благосостояние сельского населения Мамадышского уезда. Не случайно еще земское собрание 1865 г. обратило внимание на состояние земледелия, в последующие десятилетия из-за постоянного роста крестьянского населения ощущалось все более острая нехватка отведенной в надел земли. Доходность земли не могла удовлетворить даже необходимые нужды крестьян, не говоря уже о каких-либо сельскохозяйственных улучшениях, на которые крестьянин мог выделить средства.

Как известно, с первых лет земские органы были поставлены перед необходимостью решения многих насущных задач, и лишь со временем были сделаны первые попытки решения агрономических вопросов. Так, на XII очередном уездном земском собрании в 1876 г. был поставлен вопрос о снабжении сельского населения уезда улучшенными земледельческими орудиями. Но на практике в то время это не идет дальше благих намерений. Земское собрание поручило управе выяснить, откуда можно получить орудия, во сколько их покупка обойдется земству, определить «продажную цену» орудий и опубликовать по всем селениям, а также собрать сведения о числе желающих купить орудия за наличные деньги. Однако в следующем году XIII очередное уездное земское собрание отклонило вопрос о приобретении орудий вследствие выраженных некоторыми гласными мнения о том, что земледельческие приспособления как плуг и косуля не пригодны для здешней почвы, а молотилки и другие машины дороги [5, с. 42]. На первое время в виде опыта решили выписать несколько экземпляров ручных молотилок, ручных веялок, борон, кос и серпов, а также улучшенные семена, подходящие к климатическим и почвенным условиям Мамадышского уезда.

Более предметно на земских собраниях эти вопросы начали обсуждаться с 1886 г. после учреждения Казанским губернским земским собранием продовольственно-экономической комиссии [5, с. 48], которая в свою очередь «для более правильного и целесообразного принятия мер к развитию сельскохозяйственной промышленности в губернии сочла необходимой проявление в этом направлении инициативы со стороны уездных земств» и предложила поставить перед уездными земствами ряд вопросов, в том числе – в какой мере могло бы быть осуществимо снабжение хозяев хорошими семенами, каким образом можно было бы способствовать обзаведению улучшенными орудиями труда, а также – какие меры должны быть предприняты для распространения садоводства и огородничества.

Отметим, что конкретно об агрономической помощи в отчетах Мамадышской уездной управы говорится лишь начиная с 1895 г., а отдельная часть отчетов, именуемая как «сельскохозяйственная», появится начиная с 1901 г., а «агрономическая» – в 1906 г. [2, с. 10].

Следующим этапом стало предложение земской управы об устройстве склада земледельческих орудий и улучшенных семян с целью их продажи. Своим решением от 17 сентября 1895 г. земское собрание поручило управе «устройство склада наиболее используемых земледельческих орудий и семян в г. Мамадыш, ассигновав на это 1000 рублей» [3, с. 59], а постановлением чрезвычайного Мамадышского уездного земского собрания, состоявшегося 11 января 1896 г., при управе был учрежден Экономический совет.

Итак, предварительно выписав орудия и машины, 9 февраля 1896 г. земская управа предложила всем волостным правлениям уезда опросить сельские общества и землевладельцев об их согласии приобрести со склада земледельческие орудия и улучшенные семена, какие именно и в каком количестве. Из доставленных волостными правлениями сведений перед управой предстала следующая картина: 12 отозвались, что нет желающих на приобретение из склада орудий и семян, а из остальных 7 волостей получили ответы, определяемые управой как «и не положительные, но и не вполне отрицательные» [3, с. 59].

И все же склад был открыт. Предварительно созданный управой Экономический совет предложил выписать со склада серпы и косы, более подходящие к местным условиям, а также молотилки с приспособлением конного привода на железной станине и с приспособлением конного привода на деревянной станине, три вида бороны. Что касается семян, из Сельскохозяйственного склада Казанской губернского земства были выписаны овес Шатиловский местный, рожь Альпийская. О получении семян и земледельческих орудий управа известила жителей уезда через волостные правления и просила земских начальников оказать содействие к распространению их среди населения. Однако желающих купить семена оказалось лишь двое: бывший член управы из крестьян с. Красной Горки В.А. Просквиряков, взявший 3 пуда овса, и мамадышский купец Токишин (также 3 пуда). За покупкой земледельческих орудий, как было отмечено в отчете [3, с. 61], никто не обратился. Это свидетельствует о том, что крестьяне с недоверием относились к нововведениям и продолжали придерживаться старинной системы обработки земли. Однако были и другие причины: отсутствие у крестьян наличных средств на такие орудия, которые не составляли для них безусловной необходимости; цена, казавшаяся крестьянам слишком высокой.

Только в начале XX века в губернии складывается система учреждений, направленных на приобщение населения к агрономии. Агрономическая помощь осуществлялась Главным управлением землеустройства и земледелия (в лице его представителя – Инспектора сельского хозяйства), губернским земством и уездными земствами. Ставилась задача разграничить круг вопросов, за которые они были ответственны. Если в компетенцию губернского земства входило проведение мероприятий общегубернского значения (общегубернские курсы для агрономов, выделение средств на улучшение скота и т.д.), то уездные земства проводили мероприятия на местах (демонстрация сельскохозяйственных машин, прокатные станции).

С целью координации деятельности, выработки общего плана губернской и уездных управ создавались совещательные органы, на которых обсуждались важ-

ные агрономические вопросы. Центральным совещательным органом было губернское агрономическое совещание, которое включало губернскую управу, председателей уездных земских управ, лиц, избранных в его состав губернским земским собранием, Инспектора сельского хозяйства, губернского земского агронома, правительственного губернского аэродрома, уездных агрономов и агрономический персонал губернской управы. При уездных земских управах создавались уездные агрономические совещания [4, с. 10].

С 1902 г. земская управа расширяет свой склад земледельческих орудий в г. Мамадыш — наряду с выписанными разными плугами в ассортименте появляются «разные железные и медные товары», необходимые в садоводстве, огородничестве, пчеловодстве и пр. Более дорогие земледельческие орудия продавались по заготовительной стоимости и в кредит (сроком до двух лет), а косы, серпы и другие мелкие орудия направлялись волостные правления для продажи на местах.

В 1904–1905 отчетном году сельскохозяйственный склад приобретает для продажи населению сеялки, льномялки, молотилки и веялки сортировки. Кроме того, были взяты на комиссию жатки, затем по ходатайству земства Министерством земледелия для очистки семян был предоставлен куколеотборник «Гейда». Во время его демонстрации в уезде производилась очистка семян каждому желающему до 10 пудов бесплатно, а свыше 10 пудов по 1 копейке с пуда. Всего очистили 1949 пудов семян, из которых бесплатно — 1559 пудов [1, с. 41–42].

В этот период среди крестьян распространяется травосеяние, что поддерживается земством, которое выписывает семена костра безостого, клевера, тимофеевки и люцерны, часть которых раздается населению бесплатно.

Как отмечалось выше, впервые в отчете Мамадышской уездной земской управы агрономическая часть выделяется в 1906 г. Именно в ней впервые упоминается должность агронома, в обязанности которого входило ознакомление населения с улучшенными орудиями, способами ведения полевого хозяйства, садоводства и огородничества. В том же 1906 г. уездная управа выписывает искусственные удобрения, такие как суперфосфат, калийная соль, селитра.

Как же строилась работа агрономического персонала? Уезд был разделен на 4 агрономических участка. В первый участок были объединены следующие волости: Нижне-Сунская, Красногорская, Омарская, Мало-Кирменская Секинская и Старо-Кумызановская. Во второй участок входили четыре волости: Сатышевская, Шеморбашская, Абдинская и Елышевская. Третий участок был образован также из четырех волостей: Букмышевской, Старо-Юмьянской, Ново-Чурилинской и Ядыгерской. Четвертый участок составляло пять волостей: Зюринская, Кляушская, Асан-Илгинская, Петропавловская и Кабык-Куперская.

Наряду с должностью уездного агронома назначались агрономы каждого участка, вводились также должности сельскохозяйственных старост. Реорганизация деятельности по оказанию агрономической помощи, приглашение специального персонала, разделение на участки, выделение средств на специальные мероприятия позволили, наконец, начать активные перемены в сельском хозяйстве уезда.

Таким образом, при всем понимании необходимости мер для развития земледелия в уезде определенная система в этой области сложилась лишь в начале XX века. Это было связано как с организационными и материальными трудностями, преодоленными в том числе благодаря сотрудничеству с государственными структурами, так и в значительной степени благодаря инерции и предрассудкам сельского населения (что проявлялось по отношению к мерам уездного земства не только в области земледелия, но и скотоводства и пчеловодства). Не случайно уже в первые десятилетия ставился вопрос о привлечении к работе среди крестьян духовенства, землевладельцев, учителей, земских медицинских чинов, чтобы «своим теплым словом выяснять крестьянам неприглядное состояние их хозяйств и развивать в них охоту к улучшениям и воспользоваться предлагаемыми мерами» [5, с. 49].

Однако следует признать, что по силе воздействия на крестьян успешнее были не частные беседы, наглядные мероприятия, бесплатная раздача брошюр и пр., а показательные участки, на которых использовались новые сельскохозяйственные приемы и наглядно доказывались рациональности и выгоды тех или иных способов, ранее не использованных местным населением.

Источники и литература

1. Отчет Мамадышской Уездной Земской Управы о ее действиях и о состоянии уездного земского хозяйства. За время с 1-го июля 1904 г. по 1-е июля 1905 г. – Мамадыш: Типография П. М. Серебрякова, 1906. – 94 с.

2. Отчет Мамадышской Уездной Земской Управы о ее действиях и о состоянии уездного земского хозяйства. За время с 1-го июля 1905 г. по 1-е июля 1906 г. – Чистополь: Типография Н. Я. Улыбина, 1906. – 176 с.

3. Отчет Мамадышской Уездной Земской Управы о ее деятельности по управлению делами, подлежащими ведению земства и о состоянии уездного земского хозяйства. За время с 1 июля 1895 года по 1 июля 1896 года. – Казань: Типография Губернского Правления, 1896. – 196 с.

4. Обзор сельскохозяйственных мероприятий земств Казанской губернии / Казан. губ. земство. – Казань: Тип. Губ. правл., 1912–1914 (обл. 1915). – Вып. 4: За 1912–13 год. – Казань: Лито-тип. И. Н. Харитоновна, 1914 (обл. 1915). – 216 с.

5. Постановления Мамадышского Уездного Земского Собрания. XXII очередного, состоявшегося 19-го октября 1886 года. – Казань: Типография и литография А. А. Родионова, 1887. – 229 с.

УДК 947 1 (9) 0 66

В.В. Орлов

*Институт государственного администрирования,
Москва, Россия*

АГРАРНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ В ПРОГРАММАХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Статья посвящена рассмотрению роли и места сельского хозяйства в программах выхода из кризиса Республики Марий Эл и Чувашской Республики. Установле-

но, что без масштабной и продуманной инвестиционной политики государства, направленной на помощь слабым и бедным регионам, отстающие национальные республики Приволжского федерального округа вряд ли способны перейти на рельсы устойчивого развития, обеспечить рост сельскохозяйственного производства, население качественными продуктами питания, промышленность – сырьем.

Ключевые слова: индивидуальные программы социально-экономического развития, сельское хозяйство, структура производства, инфраструктура села, инвестиции, рост доходов, сокращение бедности.

V.V. Orlov

THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE ECONOMY IN CRISIS RECOVERY PROGRAMS IN THE NATIONAL REPUBLICS OF THE VOLGA FEDERAL REGION

The article is devoted to the role and place of agriculture in the programs of overcoming the crisis of the Republic of Mari El and the Chuvash Republic. It has been established that without a large-scale and well-thought-out investment policy of the state aimed at helping weak and poor regions, the lagging national Republics of the Volga Federal Region are unlikely to be able to switch to sustainable development, ensure the growth of agricultural production, the population with high-quality food products and industry with raw materials.

Keywords: individual programs of socio-economic development, agriculture, production structure, rural infrastructure, investments, income growth, poverty reduction.

Как известно, мощь и благополучие страны определяется по уровню развития самых отсталых регионов, а не самых передовых. В апреле 2019 г. по итогам отчета Правительства РФ в Государственной Думе РФ две из шести национальных республик ПФО оказались в числе регионов с наиболее низким уровнем социально-экономического развития. Всего в стране 10 самых слабых регионов, среди них – Республика Марий Эл и Чувашская Республика из ПФО, наряду с республиками Адыгея, Алтай, Тыва, Калмыкия, Карелия, а также с Курганской и Псковской областями и Алтайским краем. Они заняли наихудшие позиции по таким показателям, как среднедушевые доходы жителей региона, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, безработица и инвестиции в основной капитал.

Имеется немало причин и факторов перехода национальных республик из крепкого «средняка» советских лет в число аутсайдеров при капитализме. Среди них слабое стимулирование инвестиционной активности с использованием частно-государственного партнерства и механизмов софинансирования из федерального бюджета; замедление (или прекращение) реализации инфраструктурных проектов, в т.ч. в сельском хозяйстве и строительстве жилья; снижение качества бюджетного администрирования и бюджетной прозрачности на всех уровнях, отсутствие должной требовательности к обеспечению экономного использования бюджетных расходов; низкий уровень менеджмента в государственных структурах и т.д.

Отставание в социально-экономическом развитии национальных республик приняло угрожающие размеры и требовало оперативного вмешательства центра.

Поэтому за каждым слабым субъектом федерации был закреплен руководитель и администратор программы на уровне федерального министра. Министр строительства и ЖКХ России Владимир Якушев стал куратором Республики Марий Эл, а министр промышленности и торговли РФ Денис Мантуров – Республики Чувашия. Основная задача внешних управляющих – разработка индивидуальных программ развития депрессивных регионов, поиск внутренних источников их роста, а также недопущение «превращения отстающих регионов в бюджетное учреждение, финансируемое из центра».

Цель статьи – рассмотреть роль аграрного сектора экономики в программах выхода из кризиса национальных республик Марий Эл (РМЭ) и Чувашия (ЧР). В качестве источников использованы материалы Росстата, научная литература, а также интернет-ресурсы.

В национальных республиках при кураторстве федеральных министров были разработаны индивидуальные программы социально-экономического развития (ИПСЭР). Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 865-р утверждена индивидуальная программа социально-экономического развития Чувашской Республики на 2020–2024 гг., а распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 927-р – индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Марий Эл на 2020–2024 гг. В этих программах немало места уделено подъему сельского хозяйства. Это вовсе не удивительно, поскольку в республиках аграрный сектор экономики занимает важное место, а абсолютное большинство сельских жителей РМЭ и ЧР, как в целом и страны, относятся к категории бедных и малоимущих.

Индивидуальные программы социально-экономического развития национальных республик отличаются по целям, задачам, направлениям и мероприятиям по выходу из кризиса. В частности, стратегической целью социально-экономического развития РМЭ считается достижение устойчивого повышения качества и уровня жизни населения, темпов экономического развития за счет эффективности использования экономического потенциала республики. Стратегической целью социально-экономического развития Чувашии является создание эффективной экономики, способствующей развитию человеческого капитала.

Основные направления социально-экономического развития РМЭ – обеспечение опережающих темпов экономического развития, создание условий для реализации инвестиционных проектов, развитие потенциала обрабатывающих производств и агропромышленного комплекса. В числе задач – ослабление факторов, сдерживающих развитие в сфере промышленности и сельского хозяйства, повышение инвестиционной привлекательности региона. Основные направления социально-экономического развития Чувашии – создание условий для реализации крупных инвестиционных проектов, привлекательных условий для развития малого и среднего предпринимательства, рост объемов производства и производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве, повышение качества жизни населения, сокращение бедности за счет оказания государственной социальной помощи на

основании социального контракта, расширения категорий получателей выплат на третьего ребенка, роста занятости населения.

Достижение целевых показателей социально-экономического развития обеспечивается за счет реализации основных мероприятий индивидуальной программы. В Республике Марий Эл предусмотрено наиболее полное стимулирование производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия за счет развития молочного скотоводства, птицеводства, строительства нового корпуса республиканской ветеринарной лаборатории для оценки качества животноводческой продукции, в том числе экспортно ориентированной, а также развития семеноводства и льноводства. Общий объем инвестиций на эти цели за 2020–2024 гг. составит 4525,8 млн руб., в т.ч. за счет средств федерального бюджета – 930 млн руб., бюджета республики Марий Эл – 9,4 млн руб. Основная часть средств – 3474,5 млн руб., или 76,7% общей суммы ассигнований, – направляется на развитие молочного скотоводства и птицеводства, включающее строительство молочных комплексов и птицеводческих помещений, оснащение их современным оборудованием и техникой [2].

Для повышения конкурентоспособности предприятий перерабатывающей промышленности и увеличения объемов экспортно-ориентированной продукции АПК запланировано строительство, реконструкция и модернизация перерабатывающих производств, приобретение оборудования для их оснащения на общую сумму 2688,1 млн руб., в т.ч. за счет федерального бюджета – 266,8 млн руб. и бюджета Республики Марий Эл – 2,7 млн руб. В результате будет создано 170 новых рабочих мест, увеличение налогов составит 36,5 млн руб. [2].

В целом на реализацию всех мероприятий по стимулированию сельскохозяйственного производства, сырья и продовольствия, а также развитию перерабатывающих производств предусмотрено направить за пять лет 7213,9 млн руб., из них из федерального бюджета – 1196,8 млн руб., или 16,6%, из бюджета Республики Марий Эл – 12,1 млн руб., или 0,16%, остальные 6005,0 млн руб. (83,3%) – внебюджетные средства. По расчетам, реализация всех мероприятий позволит увеличить налоговые поступления на 195 млн руб. и создать 630 новых технологичных рабочих мест [2].

Что касается Чувашии, то в ней список мероприятий по выходу экономики села из кризиса гораздо скромнее при полном отсутствии финансовых вливаний из федерального бюджета и бюджета Чувашской Республики. Для достижения целевых показателей социально-экономического развития в аграрной сфере предусмотрено создание агропромышленного парка в Батыревском районе, а также участие в конкурсных отборах на возмещение прямых понесенных затрат на создание и модернизацию объектов АПК (молочные животноводческие комплексы). По этой статье – строительство молочных животноводческих комплексов – предусмотрено создание 300 рабочих мест и привлечение внебюджетных инвестиций на 3,5 млрд руб. [1].

Сразу необходимо отметить, что РМЭ и Чувашия относятся к числу регионов, где относительно высокой является доля сельского населения и АПК занимает значимое место в валовом региональном продукте (ВРП). На начало января 2020 г.

в Марий Эл в сельской местности проживало 226,9 тыс. человек, или 32,5% от общей численности населения, в Чувашии – 438,4 тыс. человек, или 36,3%. Удельный вес сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в валовой добавленной стоимости по итогам 2019 г. составлял 18,1% и 8,2 % соответственно [8, с. 5, 20, 44, 48, 464].

Имеются общие причины отставания сельскохозяйственной отрасли, характерные для всех субъектов федерации. Не секрет, что в переходный к рынку период произошло сокращение объемов производства сельскохозяйственной продукции из-за разрушения производственного потенциала и социальной инфраструктуры села, снижения плодородия почв, сокращения объемов инвестиций, нарушения эквивалентного обмена: в 2006 г. по сравнению с 1990 г. цены на промышленную продукцию выросли в 55 тыс. раз, а на сельскохозяйственную – лишь в 13,5 раза [8, с. 22]. Безработица на селе приобрела застойный и латентный характер. Низкая оплата труда, отсутствие государственной поддержки проектов комплексного развития сельских территорий сопровождалась бегством молодежи, оттоком населения из села и старением кадров.

Что касается национальных республик и областей ПФО, то в них за 1990–2014 гг. посевные площади в хозяйствах всех категорий сократились на 12 с лишним млн гектаров, применение минеральных удобрений уменьшилось в 3–4 раза, а органических в 7–10 раз. Хозяйства перестали заниматься известкованием, фосфорированием и гипсованием почв, что сопровождалось истощением и деградацией сельскохозяйственных земель, консервацией урожайности и валового сбора зерновых и зернобобовых культур на относительно низких значениях. Намного сократилось поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец и коз [3, с. 627–630].

Реформирование аграрной сферы экономики на рыночных началах привело к ухудшению социально-экономического положения работников отрасли, трудом которых производится товарная продукция, сохраняется сельский уклад жизни. Неспособность обеспечить занятых в отрасли работников достойной заработной платой обусловлена низким уровнем государственной поддержки сельского хозяйства, выкачиванием средств из отрасли за счет диспропорции цен на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию, повышения тарифов государственных монополий на горюче-смазочные материалы, газ, электроэнергию, а также через механизм налогообложения и агрострахования. При таких макроэкономических условиях не может быть речи об инвестиционно-инновационном развитии сельского хозяйства региона, а лишь о существовании отрасли в режиме выживания [3, с. 627–637].

В Республике Марий Эл и Чувашской Республике имеются также специфические причины отставания аграрного сектора экономики. Так, к числу самых острых проблем АПК Чувашской Республики относятся:

- наличие необрабатываемых пахотных земель, их площадь на начало 2020 г. составляла 30,7 тыс. га; очевидна задача вовлечения в оборот заброшенных земель;
- в республике 26% площади пашни составляют на кислые почвы, по расчетам ежегодный объем известкования почв должен составлять не менее 40 тыс. га.

В 2019 г. было произведено всего 2,3 тыс. га, или 5,7% площади. Проблема усугубляется сокращением парка специализированной техники для внесения мелиорантов;

– банкротство и разорение в 2020 г. крупного агрохолдинга «Юрма», доля которого в сельскохозяйственных организациях республики составляла более 50% от общего объема производства мяса и более 80% производства мяса птицы. Предприятие занималось производством комбикормов, птицеводством, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции. По итогам 2019 г. в компании работало свыше 1,2 тыс. человек, а выручка составила более 3,7 млрд руб.;

– отсутствие собственного селекционно-семеноводческого центра, отсюда высокая зависимость рынка семян овощных культур от внешних поставщиков (импорта);

– до 90-х гг. XX столетия Чувашия на карте страны позиционировалась как основной регион-производитель российского хмеля, республика обеспечивала почти $\frac{3}{4}$ его производства в стране. В советский период хмелеводство было одной из самых успешных отраслей сельского хозяйства, площади под хмеленасажениями в автономии составляли 4,8 тыс. га, а валовой сбор достигал 3,8 тыс. тонн при урожайности 8 ц/га. В переходный период хмелеводство пришло в упадок;

– в 1980-е гг. в республике были сданы в эксплуатацию кондитерская фабрика, два хлебозавода, сыродельный комбинат в Канаше, цеха по выпуску макаронных изделий на Новочебоксарском хлебозаводе, введены мощности по выпуску колбасных и кондитерских изделий, цельномолочной продукции на действующих предприятиях, практически в каждом районе республики имелись пищекомбинаты, занятые выпуском товарной продукции [9, с. 67]. В переходный период были ликвидированы практически все райпищекомбинаты и многие предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Оставшиеся предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции (мясокомбинаты, молокозаводы) были приватизированы и фактически превратились в монополистов, разоряющих сельское хозяйство. В настоящее время каждый четвертый килограмм мяса, каждый четвертый литр молока, треть от объемов производства картофеля реализуются за пределами республики;

– в 90-е гг. XX столетия в Чувашии была сделана ставка на развитие личного подсобного хозяйства (ЛПХ) за счет ликвидации колхозов и совхозов (крупных сельскохозяйственных организаций). В результате весьма высокой оказалась доля ЛПХ в производстве мяса, молока, картофеля и овощей. Однако за четверть века выяснилось, что ликвидация колхозов и совхозов, в целом отказ от социалистического хозяйственного механизма не прервали кризисную линию развития экономики села, не дали импульса для ее возрождения на рыночных началах. Оказалось, что личные подсобные хозяйства – пример малоэффективной трудовой деятельности, они не способны обеспечить развитие АПК республики, а ведут его к постепенной деградации.

В последние годы сокращение поголовья скота в ЛПХ привело к уменьшению объемов производства молока и мяса. Низкая компетенция, затрудненность в полу-

чении кредитов, неспособность обеспечить бесперебойную поставку качественной продукции на рынок, отсутствие отчетности, невозможность найма работников и специалистов, высокая доля ручного труда, скрытая занятость, нежелание объединяться в сельскохозяйственную кооперацию усугубляют ситуацию в экономике села. К тому же товарность в хозяйствах населения в 2,5–5 с лишним раза меньше, чем в сельскохозяйственных организациях. Это актуализирует задачу изменения структуры сельскохозяйственного производства в республике в пользу сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств;

- отсутствие программ подъема экономики села на муниципальном уровне. Все муниципальные районы Чувашии имеют высокую зависимость от сельского хозяйства: в 14 районах из 21 доля АПК в экономике составляет свыше 50%, а в каждом третьем районе она превышает 70%;

- неразвитость экологически чистого производства. Чувашия, где в среднем вносится по 40 кг удобрений на гектар в год против около 200 кг в странах Европы, могла бы стать одним из поставщиков экологически чистой продукции на рынок. Однако сертификация продукции по европейским стандартам, которая является затратной, долгой и сложной процедурой, является тормозящим фактором [7].

Что касается Республики Марий Эл, то здесь к числу острых проблем аграрной экономики относятся:

- заброшенность свыше 253 тыс. га, или 36% сельскохозяйственных угодий, эти площади зарастают древесной и кустарниковой растительностью, борщевиком, снижают свой потенциал в качестве земель сельскохозяйственного назначения;

- наличие земельных участков из не востребованных земельных долей, на которые зарегистрировано право муниципальной собственности;

- низкая вовлеченность субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в сфере сельского хозяйства;

- технико-технологическое отставание отрасли, недостаток оборотных средств и закредитованность сельских товаропроизводителей;

- ограниченный доступ сельских товаропроизводителей к внутреннему рынку в виду возрастающей монополизации торговых сетей [8].

Разумеется, на этом не исчерпывается перечень острых проблем развития экономики села в национальных республиках. Их список может быть продолжен, расширен и дополнен. Очевидно, необходимо преодолеть инерцию спада в АПК и привыкание к нему сельского населения, освободиться от рыночных иллюзий («невидимая рука» рынка обеспечит рост и процветание), отказаться от стихийного саморазвития отрасли, а делать ставку на активную государственную поддержку села.

Таким образом, в индивидуальных программах социально-экономического развития Республики Марий Эл и Чувашской Республики значительное место отводится развитию аграрной отрасли. Причем в РМЭ предусмотрено использование государственных бюджетных средств на эти цели при отсутствии такового в ЧР. Однако реализация мероприятий, предусмотренных в программах выхода из кризиса, не способна хотя бы частично снять острые проблемы функционирования аграрной экономики в национальных республиках, радикально изменить устаревшую струк-

туру сельскохозяйственного производства, поскольку глубина кризиса в АПК в них намного глубже и острее, нежели в соседних национальных республиках и субъектах ПФО. Без масштабной и продуманной инвестиционной политики государства, направленной на помощь слабым и бедным регионам, а не только богатым и успешным, отстающие национальные республики ПФО вряд ли способны перейти на траекторию устойчивого развития.

Источники и литература

1. Индивидуальная программа социально-экономического развития Чувашской Республики на 2020–2024 годы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 03 апреля 2020 г. № 865-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564624530> (дата обращения: 05.04.2022).

2. Индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Марий Эл на 2020–2024 годы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 апреля 2020 г. № 927-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564641706?section=tex> (дата обращения: 05.04.2022).

3. Орлов В.В. Сельскохозяйственное производство в Приволжском федеральном округе: основные особенности и проблемы развития // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 627–637.

4. Павлова Г. Импортзамещение надо начинать с земли // Экономист. – 2016. – № 1. – С. 46–52.

5. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. – М., 2021.

6. Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 г. Утверждена постановлением Правительства Республики Марий Эл от 17 января 2018 г. (в редакции постановлений правительства Республики Марий Эл от 5 ноября 2019 г. № 339, от 14 ноября 2019 № 351) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446647066> (дата обращения: 05.04.2022).

7. Стратегия социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 г. Закон Чувашской Республики № 102, принят Государственным Советом Чувашской Республики 26 ноября 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://cap.ru/doc/laws/2020/11/26/laws-102> (дата обращения: 05.04.2022).

8. Статистические материалы и результаты исследований развития агропромышленного производства России. – М.: РАСХН, 2008.

9. Чувашская АССР за 70 лет. Стат. сб. – Чебоксары, 1990.

УДК 947(470)

А.Г. Ошаев

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО МАРИЙСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена изучению состояния крестьянского хозяйства Марийского края в начале XX в. Главной материальной базой крестьянского хозяйства в изучаемый период оставалось наделное землевладение. Вместе с ростом численности крестьянского населения сокращалась площадь крестьянского землевладения в расчете на один двор и наличную душу.

Преобладающая часть крестьянской земли оставалась в общинном землевладении. При решающей роли общины в перераспределении наделных земель в начале XX в. заметна тенденция к уравниванию крестьянского надела. Крестьянское хозяйство края носило преимущественно экстенсивный характер. Сельскохозяйственное производство имело направленность на воспроизводство традиционных методов хозяйствования.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, община, экстенсивное земледелие, сельскохозяйственное производство, крестьянский надел, землепользование, орудия труда, земства.

A.G. Oshaev

THE PEASANT ECONOMY OF MARI REGION IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article is devoted to the study of the state of the peasant economy of Mari region in the beginning of the twentieth century. The main material base of the peasant economy in the studied period remained allotment land ownership. Together with the growth of the peasant population, the area of peasant land ownership per yard and available soul decreased. The predominant part of the peasant land remained in communal land ownership. With the decisive role of the community in the redistribution of allotment lands in the beginning of the twentieth century, there is a noticeable tendency to equalize the peasant allotment. The peasant economy of the region was mainly extensive in nature. Agricultural production was focused on the reproduction of traditional methods of management.

Keywords: peasant economy, community, extensive agriculture, agricultural production, peasant allotment, land use, tools, zemstvos.

Изучение аграрной истории России занимает важное место в отечественной историографии. Исследование истории крестьянства начала XX в. с учетом особенностей отдельных регионов может существенно облегчить решение актуальных вопросов, связанных с аграрными преобразованиями, глубже понять общие закономерности развития рыночных отношений в сельском хозяйстве.

В начале XX в. Марийский край представлял собой аграрный регион. Преобладающая часть населения была занята в сельскохозяйственном производстве. По сословной принадлежности в Царевококшайском уезде крестьянство составляло 97,7% населения, в Козьмодемьянском – 93,9% [13, с. 1]. В Яранском уезде крестьяне составляли 94,6% всего населения уезда [12, с. 2–3]. Главным занятием населения являлось экстенсивное земледелие и животноводство.

Особенностью Марийского края была незначительность помещичьего землевладения. К началу XX в. оно составляло 2% пашни. 98% пахотной земли находилось в руках общин [10, с. 9]. Община представляла собою союз по владению наделной землей. Сущность общинного землевладения заключалась в том, что право распоряжения землей, хотя и неполное, принадлежало общине. Основной чертой общины являлась уравнительность землепользования.

Положение крестьян Марийского края находилось в прямой зависимости от обеспеченности их земель. В Яранском и Уржумском уездах обеспеченность крестьянских хозяйств удобной землей была примерно в 1,5 раза выше, чем в Царево-

кокшайском. Неравномерное распределение наделной земли среди крестьян отчасти объясняется географическими условиями. В лесных уездах: Царевококшайском и Козьмодемьянском, в отличие от земледельческих волостей Уржумского и Яранского уездов, ввиду маломощности крестьянских хозяйств, возможностей расширения пахотных земель было мало.

По данным земельной переписи 1907 г., в Козьмодемьянском уезде владели землей: до 2 дес. – 4,2% душ мужского пола, от 2 до 4 дес. – 93,0%, свыше 4 дес. – лишь 2,8% душ мужского пола. Малоземелье было характерно и для крестьян Царевококшайского уезда, где удобной общинной землей до 2 дес. владело 6% душ мужского пола, от 2 до 4 дес. – 72,9% и свыше 4 дес. 21,1% [11, с. 37]. Малоземелье заставляло крестьян выкорчевывать леса, расчищать кустарники.

Несмотря на относительное увеличение количества угодий, крестьянские хозяйства продолжали испытывать аграрное перенаселение. Так, например, в Козьмодемьянском уезде с 1871 по 1907 г. земельные общины приобрели 502,8 дес., в Царевококшайском – 527,3 дес. [7, с. 252–253, 264–265]. Тем временем крестьянское население этих уездов за указанный период увеличилось почти в два раза.

Материалы показывают, что в уездах с марийским населением к 1905 г. имелась определенная неравномерность распределения земель между крестьянами. Если по Козьмодемьянскому уезду 1,6% крестьянских хозяйств имели земли до 5 дес., то 2,1% – свыше 15 дес. В Царевококшайском уезде 0,8% деревенских дворов имели до 5 дес., а 2,8% – свыше 15 дес. При этом в Козьмодемьянском уезде 65,3% крестьянских дворов владели землей от 8 до 15 дес., в Царевококшайском уезде 72,4% крестьянских хозяйств имели столько же земли [17, с. 10–11]. Эти данные позволяют говорить о том, что значительная часть крестьянства края относилась к категории среднеобеспеченных хозяйств. При определяющей роли общины в перераспределении земли между хозяевами к началу XX в. заметно проявилась тенденция к уравниванию размеров крестьянского землевладения и землепользования исходя из трудовых возможностей семьи. Происходило сокращение низших и высших по посевам групп дворов.

Господствующей системой земледелия в крае была трехпольная, при которой посевная площадь засеивалась почти исключительно зерновыми культурами, а это вело к быстрому истощению почвы. Крестьяне даже при желании вести многополье не могли. Трехполье было принудительным севооборотом.

Основной тягловой силой в Марийском крае была лошадь. О степени расслоения крестьян свидетельствуют данные распределения скота между крестьянскими дворами Вятской губернии, где указывается, что безлошадных – 18,5%, с 1 лошадью – 49,2%, с 2 лошадьми – 22,6%, с 3 лошадьми – 6,4%, с 4 лошадьми – 3,3% [6, с. 11].

При сравнительно небольших земельных наделах крестьяне Марийского края обходились одной лошадью. Достаток крестьянских хозяйств определялся не наличием лошадей, а обработкой своей земли (для чего хватало одной лошади), наличием скота, а также побочными заработками. Крестьяне, не имевшие рабочего скота, практиковали сдачу наделной земли в аренду. Арендные отношения были особен-

но характерны для Уржумского и Яранского уездов. В Царевококшайском уезде 2873 наделных безлошадных хозяйства, постоянно проживавших в своих селениях, обрабатывали поля, прибегая к найму лошадей у соседей [11, с. 22–24].

Воссоздать некоторые характерные черты уклада жизни крестьянства позволяет рассказ крестьянки Яранского уезда А.П. Хлыбовой [1, с. 11–14]. Деревня, в которой она жила, являлась середняцкой. Она указывала, что в хозяйстве хватало одной лошади. Описывая положение крестьян соседней деревни, она отмечала, что там жили хуже потому, что плохо работали. В ее родной деревне проживало двое «богатеев», которых односельчане недолюбливали. Однако, в отличие от других, работали они не покладая рук, не жалея ни себя, ни детей, улучшая таким образом, благодаря упорному кропотливому труду, свое благосостояние.

Хроническим явлением в Марийском крае были неурожаи и недороды хлебов и трав. В начале XX в. было несколько лет неурожайных, которые сильно подрывали крестьянское хозяйство. Выпадавшие, крайне редко, урожайные года не могли изменить общую ситуацию. В 1901 г. недобор хлебов в Уржумском уезде составил 71% по отношению к потребности, в Яранском – 68% [14, с. 68–69]. Таким образом, даже земледельческие уезды испытывали недостаток в хлебе.

Природно-климатические условия оказывали заметное влияние на развитие сельского хозяйства. В отчетах Козьмодемьянской уездной земской управы отмечалось, что «урожай яровых – ниже среднего», «урожай ржи получился ниже среднего, местами даже плохой». Показатели урожайности в среднем составляли: озимые – сам-3, яровые – сам-2 [9, с. 9]. В 1904–1905 гг. урожайность понизилась ввиду наступившей дождливой погоды во время уборки хлеба. Таким образом, урожай хлебов и трав в изучаемый период находился в тесной связи с климатическими условиями и количеством внесенного удобрения. Погодные условия оказывали серьезное влияние на экономическое положение крестьян [8, с. 565]. Из-за низкого плодородия почв, неблагоприятных климатических условий и нехватки удобрений средняя урожайность хлебов не превышала 35–50 пудов с дес. [16, с. 61].

Значительную часть посевной площади крестьянской наделной земли края занимала рожь. В Уржумском уезде рожь составляла более половины посевной площади в крестьянском наделе. В указанном уезде также была высокая доля овса. Пшеницу (яровую) относительно много сеяли в Яранском уезде. Посев семян производился обычно вручную. Сеяли самые опытные крестьяне – мужчины. Зерна разбрасывали горстями.

Плодородие почвы при трехпольной системе земледелия в значительной мере зависело от внесения удобрений. Основным видом удобрения в крае в рассматриваемый период оставался навоз. Плодородие пашни находилось в тесной связи от количества скота в хозяйстве и полученного от него навоза. Нехватка сенокосных угодий сдерживала рост численности крестьянского скота, главного источника удобрения крестьянских полей. Так, лишь от 1/12 до 1/4 пахотной земли удобрялось в селениях Токтабелякской и Пилинской волостей Уржумского уезда [16, с. 150].

Одной из причин тяжелого положения крестьян были большие налоги. В целом по сравнению с крепостным состоянием, налогообложение крестьян Вятской губернии к началу XX в. увеличилось на 45% [3, с. 172]. Крестьянство несло на себе всю тяжесть натуральных повинностей. В дополнение к прямым налогам крестьяне платили косвенные налоги на предметы первой необходимости. На крестьян налагали непосильные подати, в результате чего на них накапливались многочисленные недоимки. В 1901 г. за крестьянами Козьмодемьянского уезда только по продовольственным капиталам числилось 12823 руб. 10 коп. [9, с. 9].

Хотя земледелие и считалось основным занятием крестьянина Марийского края, оно не везде обеспечивало население хлебом. Поэтому крестьяне, особенно безлошадные, были вынуждены заниматься различными промыслами. В Козьмодемьянском уезде кустарными промыслами занималось 11,2% населения, в Царевкокшайском – 11,2%, в Чебоксарском – 10,4% [1, с. 246–247]. Отходничество, как и местные промыслы, не способствовало улучшению положения крестьян. Число отходников заметно увеличивалось в неурожайные годы. 1901 г. оказался неблагоприятным для земледелия, так как многие районы России охватила засуха. В Уржумском уезде документов на отлучку в этот год было выдано на 5871 больше по сравнению с прошлым [15, с. 192]. Бедные крестьяне вынуждены были оставлять или продавать свои наделы и уходить на заработки.

Аграрный сектор края был слабо вовлечен в рыночные отношения. Главной причиной этого была община. Урожайность на этих землях была, как правило, ниже частновладельческих. Общинное землевладение стало тормозом для развития производственных сил, не отвечало потребностям товарного хозяйства. Вместе с тем крестьянская община давно превратилась в институт выживания на основе экстенсивного хозяйствования. Общинное землевладение из-за узости и удаленности полос делало почти невозможным использование жнейки, рядовой сеялки и других применявшихся к тому времени сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий.

В отличие от других окраинных регионов страны, условия для развития аграрного капитализма в крае были менее благоприятными. Сельскохозяйственное производство, хотя и приобрело некоторые черты капиталистической эволюции, в целом имело направленность на воспроизводство традиционных методов хозяйствования.

Вместе с тем следует отметить, что по мере проникновения товарно-денежных отношений часть крестьянства стала принимать активное участие в поиске новых средств и приемов возделывания, уборки урожая и распространении севооборота. Распространенными пахотными орудиями труда были соха, косуля, плуг. Так, например, в Уржумском уезде косули доминировали в таких волостях, как Рождественская, Лебяжская, Сердежская, Петровская. Плуги чаще встречались в Рождественской, Больше-Шурминской, Кузнецовской и Токтай-Белякской волостях. В удмуртских и русских хозяйствах уезда преобладали бороны с железными зубьями, в марийских и татарских – с деревянными [16, с. 163–164].

Определенную помощь в распространении агрономических знаний оказывали земские агрономические службы. О поиске новых, оригинальных способов агротех-

ники свидетельствует следующий пример: «...Весной 1903 г. крестьянин (с. Помар) Д. Васильев в складе губернского земства в г. Казани... Взял двухлемешный стальной плуг «Пионер» стоящий 21 руб.» [6, с. 3–4]. Плуги являлись устойчивыми и удобными в обращении, выдерживали равномерную глубину вспахивания. Земства распространяли среди крестьян сельскохозяйственные машины и орудия на льготных условиях, создавали прокатные станции, снабжали село улучшенными семенами. Крестьяне лично или в складчину стремились приобрести более совершенные сельскохозяйственные орудия [2, с. 52–53].

Пропаганде и распространению новых методов и приемов агротехники и агрикультуры способствовали сельскохозяйственные выставки. Так, в 1905 г. губернское земство устроило выставку в Казани [4, с. 37]. Практические рекомендации по ведению хозяйства содержались в земских календарях, земско-статистических справочниках и сборниках.

В целом же эта помощь была незначительной. Поэтому изменения по ведению сельского хозяйства в сторону улучшения культуры земледелия и повышения урожайности не могли улучшить благосостояние населения.

В начале XX в. Марийский край оставался крестьянским, земледельческим регионом, с вековыми традициями совместного хозяйственного освоения различными народами его природных богатств. Главной материальной базой крестьянского хозяйства в изучаемый период оставалось наделное землевладение. Вместе с ростом численности крестьянского населения сокращалась площадь крестьянского землевладения в расчете на один двор и наличную душу. Преобладающая часть крестьянской земли оставалась в общинном землевладении. При решающей роли общины в перераспределении наделных земель в начале XX в. заметна тенденция к уравниванию крестьянского надела. Происходило укрепление средних по посеву групп дворов. Основной полевой культурой продолжали оставаться озимая рожь и овес. Крестьянское хозяйство края носило по преимуществу экстенсивный характер. Наряду с применением в повседневной деятельности хозяйственных приемов, унаследованных от предыдущих поколений, крестьяне стали охотнее применять агротехнические новации.

Источники и литература

1. Балыбердин Ю.А. Возникновение и деятельность политических партий в Вятской губернии в период первой русской революции (1905–1907 гг.). – М., 1994. – 207 с.

2. Безгин В.Б. Модернизация аграрного сектора и состояние крестьянских хозяйств в начале XX в. // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всерос. (XI Межрегиональной) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Ижевск, 17–19 октября 2010 г.) / Отв. ред. Г.Н. Никитина. – Ижевск: Удмуртский университет, 2010. – С. 52–58.

3. Долбилова Л.П. Вятская пореформенная деревня // История и культура Волго-Вятского края. – Киров, 1994. – С. 170–173.

4. Кабытов П.С. Земская агрономия как фактор модернизации аграрного строя Поволжья // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: История, экономика, право: Сб. материалов IV Всерос. (XII Межрегиональной) конф. историков-аграрников Среднего По-

волжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 2012. – С. 35–42.

5. Коробов С.А. Революционное движение в Марийском крае в период первой буржуазно-демократической революции в России (1905–1907 гг.). – Йошкар-Ола, 1952. – 208 с.

6. Коробов С.А., Рейнфельдт Б.К., Фокин И.М. Что дала советская власть марийскому народу. – Йошкар-Ола, 1957. – 67 с.

7. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 13. Свод по губернии. – Казань, 1909. – 305 с.

8. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998. – С. 565, 568.

9. Отчет Козьмодемьянской уездной Земской управы за 1900–1901 гг. – Козьмодемьянск, 1902. – 395 с.

10. Очерки истории Марийской организации КПСС. – Йошкар-Ола, 1968. – 484 с.

11. Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. – Йошкар-Ола, 1974. – 272 с.

12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. X. Вятская губ. – СПб., 1904. – 267 с.

13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. IV. Казанская губ. – СПб., 1904. – 282 с.

14. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г. – Вятка, 1901. – 124 с.

15. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 г. – Вятка, 1902. – 288 с.

16. Соловьёв А.А. Вятская деревня на рубеже XIX–XX веков. – Йошкар-Ола, 2013. – 252 с.

17. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 7. Казанская губерния. – СПб., 1906.

УДК 93(470.43)338.43

А.В. Столяров

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В УЛЬЯНОВСКОМ КРАЕ (30-Е ГОДЫ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ)

В статье предпринята попытка раскрыть актуальность проблематики, которая состоит прежде всего в том, что в настоящее время правительство Российской Федерации вынуждено в реалиях систематически нарастающего санкционного давления со стороны целого ряда европейских государств предпринимать усилия и заниматься разработкой программного курса реформ в области сельского хозяйства. А также на примере колхозов, входящих в районы будущей Ульяновской области, показано качественное состояние новообразованных сельскохозяйственных производств – коллективных хозяйств, также проанализирована готовность к посевной кампании 1930 г.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сплошная коллективизация, Ульяновский край, коллективизация, сельское хозяйство, колхоз, индустриализация, СССР, пропаганда, информационный голод, крестьянин, середняки, Поволжье, колхоз, посевная, председатель, оттепель.

CONCEPTUALIZATION OF A NEW PARADIGM OF COLLECTIVIZATION IN ULYANOVSK REGION (THE THIRTIES OF THE LAST CENTURY)

The article attempts to reveal the relevance of the problem, which consists primarily in the fact that at present, when the government of the Russian Federation is forced in the realities of systematically increasing sanctions pressure from a number of European states to make efforts and develop a program course of reforms in the sphere of agriculture. And also on the example of collective farms of the districts of future Ulyanovsk region, the qualitative state of newly formed agricultural productions – collective farms is shown, and an analysis of readiness for the sowing campaign of 1930 is also made.

Keywords: agriculture, continuous collectivization, Ulyanovsk region, collectivization, agriculture, collective farm, industrialization, the USSR, propaganda, information hunger, peasant, middle peasants, Volga region, sowing, chairman, thaw.

Анализ накопленного опыта советского правительства при реализации аграрного курса реформ в период коллективизации представляется важным, т.к. именно он способен дать интенсивный толчок развитию отрасли сельского хозяйства [9].

Деятельность колхозов в изучаемый период была слишком перегружена планами и экстенсивным хозяйствованием, когда постоянно распаивались новые площади и было необходимо сдать достаточно большой объем сельскохозяйственного налога. Сельскохозяйственный налог не был сдан в полном объеме по ряду причин: перегруженность сил и средств, слишком большой план, ранние сроки сдачи, ошибки в учете объектов обложения и распределении налоговой нагрузки. В историографии процесса коллективизации можно выделить несколько периодов, отличных друг от друга по акцентам в исследованиях и политическому фону, влиявшему на оценки этих событий [8].

В первые годы нахождения у власти И.В. Сталина практически процессы коллективизации отсутствуют, поскольку это еще недалекое прошлое, хотя единый – сугубо положительный взгляд на создание колхозов был утвержден и неоспорим. С середины 1950-х гг. ситуация резко изменилась. Историографический жанр стал широко востребованным среди историков советской деревни. Этому есть свои объяснения. Советская аграрная историография второй половины 1950-х – конца 1980-х гг. была весьма сложным явлением. В фокусе осмысления коллективизации сталкивались как научные подходы к изучению темы, так и общественно политические взгляды самих исследователей. Очевидно, что на изучение «великого перелома» существенное влияние оказали противоречия политического развития эпохи «оттепели» [1].

Представляется, что концептуализацией новой парадигмы коллективизации следует считать рубеж 1990–2000-х гг., после чего вновь началось ветвление и усложнение дискурса по проблеме. Так, в исследовании событий и процессов, предшествовавших коллективизации, приоритет был отдан поиску так называемых альтернатив, то есть возможностей для осуществления стоявших на повестке дня задач по

интенсификации сельскохозяйственного производства иными методами, чем это было сделано на практике. При анализе собственно «великого перелома» важнейшее значение имели два сюжета: описание насильственных методов его осуществления и форм крестьянского сопротивления. В исследовании последствий процесса акцент был сделан на его негативных итогах.

Решение о проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. Основной этап пришелся на 1929–1930 гг. К 1930 г. в Поволжье большинство крестьян уже было объединено в колхозы. Наступила весна, и новообразованным хозяйствам нужно было засеять поля. 9 апреля 1930 г. на совещании председатели колхозов Старо-Майнского района докладывали о готовности к посевной. Председатель колхоза «Содовка» Новиковский отмечал нехватку семян: «...подсолнуха, гороха, кукурузы – нет совершенно, есть остаток семян проса», хотя с рабочей силой, техникой, инвентарем и лошадьми в целом все в порядке. Председатели колхозов «Память Ильича» и «Путь к социализму» отмечали нехватку лошадей: 10 не доставало в «Памяти...» и 3 – в «Пути...». В колхозе «Красный Бор» при намеченном плане по посеву овса не доставало семян: «Предполагаем засеять овса – 605 га, семян овса не хватает 212 цент.». Кроме овса не хватало семян проса, кукурузы и конопли. Рабочей силы и необходимой техники, инструментов было достаточно. Председатель колхоза «Плуг» Сергиенко отчитался о полной готовности к севу, а в хозяйстве «Им. Калинина» отмечалась нехватка фуража (как и во многих других колхозах) [2].

Если подводить промежуточный итог, то можно утверждать на примерах, приведенных выше, что в целом совсем недавно созданные колхозы весной 1930 г. были в целом готовы к посевной кампании.

В отчетах 1930 г. отмечается рост за последние два года (1928–1930 гг.) поголовья скота: «лошадей рабочих на 12%, коров на 11,6%, овец на 23,4%», и только поголовье свиней уменьшилось на 4% [3]. Несмотря на готовность к посевной с точки зрения отчетов председателей колхозов, в то же время был произведен перерасчет нагрузки на 1 тягловую силу, и оказалось, что силы работников, техники и животных перенапряжены: «Нагрузка на 1 тягловую силу в среднем приходилась до 15,1 га, а в некоторых районах доходила до 22 га (Ульяновский, Тагаевский, Мелекесский, Чердаклинский) и даже до 28 га (Карсунский и др.). ...сев шел с большим напряжением и изнурением колхозных лошадей» [4]. Нужно отметить, что эти цифры приводятся уже с учетом тракторов. Также одновременно велась непрерывная работа по расширению посевных площадей, поиску новых земель под посев культур. Со сдачей сельхозналога возник ряд трудностей. Можно выделить следующие: уклонение от уплаты (согласны отчетам) со стороны зажиточных крестьян, слишком ранние сроки сдачи налога, освобождение от уплаты налога 35% бедноты и переложение этой части на середняков и зажиточных. Итого на 7 октября 1930 г. «за все время с начала кампании поступило 993350 р., или 52,7% от общего задания» [5].

Как сообщают все райкомы: «Впереди по платежу сельхоз. налога стоит беднота и часть середнячества, тогда как зажиточные и часть кулака задерживают сдачу сельхоз налога» [6].

Выявляются при проверке комиссий неправильности в учете объектов обложения, а также сокрытие объектов обложения от учета [7].

Как недочет приходится отмечать слабость разъяснительной и практической работы партийных ячеек [8].

Тема коллективизации в СССР в 1930-е гг. остается неоднозначной и вызывает споры как в публицистике, так и в профессиональном историческом сообществе. В основном мнения расходятся в оценках необходимости коллективизации, методов ее проведения и результатов и последствий. В заключение следует отметить, что возрождение российского сельского хозяйства в настоящее время правительство видит через фермерскую деревню. Главным условием этого процесса является всесторонняя помощь государства. Однако не стоит исключать и другие формы организации производства на селе. Важно, чтобы при любых формах собственности не ущемлялись чувства человеческого достоинства. Нужно совершенно новое видение развития села, необходимо строить объекты образования (садики, школы, центры развития и т.д.), объекты здравоохранения и культуры, что даст возможность решить кадровую проблему. Однако попытки перехода от экстенсивных методов ведения хозяйств к индустриализации всего сельскохозяйственного производства через укрупнение колхозов не дали ожидаемых результатов, а только усилили миграцию сельского населения, резко обозначили проблему «неперспективных» деревень, хотя на первых порах были определенные успехи [9].

Следует отметить, что в изучаемый период одним из направлений аграрной политики стало укрупнение колхозов и совхозов, реорганизация МТС, в ходе которой принудительная продажа техники по высоким ценам подорвала экономику хозяйств.

В заключение можно сделать вывод о том, что в целом созданные колхозы к своей первой посевной кампании были готовы, они были достаточно оснащены техникой, лошадьми, инвентарем, семенами, фуражом и другими материалами, т.е. какого-либо дефицита, из-за которого работа невозможна, мы не наблюдаем, хоть и отмечается нехватка где-то фуража, где-то семян, где-то лошадей. Отдельно можно отметить такой положительный момент, как рост поголовья животных, как крупного, так и мелкого рогатого скота.

Источники и литература

1. Бойко Н.С., Столяров А.Н., Шадышков А.А. Особенности модернизации сельского хозяйства России в сфере социальных реформ XX века // Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка: I Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и преподавателей (15–16 октября 2021 г.). – Армавир, 2021. – С. 186–189.

2. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 2.

3. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 41.

4. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 54.

5. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 60.

6. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 61.

7. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. Л. 62.

8. Кедров Н.Г. Российская историография коллективизации крестьянства: проблемы изучения [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28379599.pdf. (дата обращения: 14.04.2022).

9. Столяров А.В. Коллективизация сельского хозяйства в 1928–1930 гг. (на материалах Ульяновского округа) // Вестн. Марийского гос. ун-та. Сер. Исторические науки. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 364–372.

УДК 332.2.021.8

Д.А. Субботин

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1960–1970-Е ГГ.)

В статье предпринята попытка раскрыть основные направления развития в области сельского хозяйства и интенсификации сельскохозяйственного производства в 1960–1970-е гг. Вопросы, исследуемые в статье, актуальны как никогда, т.к. невыполнение заготовок важнейших сельскохозяйственных продуктов, просчеты, ошибки в финансировании аграрного сектора не потеряли своей остроты, а в условиях санкций получили свое новое значение.

Ключевые слова: аграрный сектор, планирование, производство, экономика, хозяйственно-организационные формы, государственная политика, деревня, сельское хозяйство, технико-экономический прогресс, социальные реформы, ошибки, просчеты.

D.A. Subbotin

THE MAIN DIRECTIONS OF THE AGRARIAN POLICY IN THE AGRICULTURE OF THE USSR (ON THE EXAMPLE OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1960s-1970s)

The article attempts to reveal the main directions of development in the sphere of agriculture and intensification of agricultural production in the 1960s – 1970s. The issues investigated in the article are more relevant than ever, because the failure to procure the most important agricultural products, miscalculations, mistakes in financing the agricultural sector have not lost their sharpness, and in the conditions of sanctions, they have gained their new meaning.

Keywords: agricultural sector, planning, production, economy, economic and organizational forms, state policy, village, agriculture, technical and economic progress, social reforms, mistakes, miscalculations.

На июльском пленуме ЦК КПСС (1953 г.) было впервые не только представлено истинное кризисное состояние сельского хозяйства страны, но и выработана реальная программа его преодоления. В последующие годы принимались многочисленные решения и меры, которые, по мнению партийно-государственного руководства страны, должны были изменить ситуацию с обеспечением населения продовольствием, а промышленности – сельскохозяйственным сырьем. К ним относились: увеличение закупочных цен на колхозную продукцию, списание задолженности с хо-

зьяств, снижение налогов и ставки натуроплаты за работу МТС, введение госзакупок, изменение практики планирования сельского хозяйства и т. д. [2].

Одним из направлений аграрной политики стало укрупнение колхозов и совхозов, реорганизация МТС, в ходе которой принудительная продажа техники по высоким ценам подорвала экономику хозяйств. Однако попытки перехода от экстенсивных методов ведения хозяйств к индустриализации всего сельскохозяйственного производства через укрупнение колхозов не дали ожидаемых результатов, а только усилили миграцию сельского населения, резко обозначили проблему «неперспективных» деревень, хотя на первых порах были определенные успехи [1].

Так, в 1954–1958 гг. среднегодовые темпы роста валовой продукции сельского хозяйства возросли до 8,6% против 1,3% в предыдущем пятилетии. Однако в 1959–1964 гг. положение в сельском хозяйстве характеризовалось резким снижением среднегодовых темпов развития сельскохозяйственного производства. Вместо запланированных 7,9%, среднегодовой прирост валовой продукции фактически составил 1,7%. В 1964 г. было выполнено только задание по производству сахарной свеклы (101%) и по закупкам зерна. Особенно неудовлетворительно выполнялась семилетка по производству и закупкам мяса, молока и других продуктов животноводства. В этот период урожайность зерновых, технических и кормовых культур повышалась в незначительных размерах, а продуктивность животноводства даже падала [2].

Невыполнение планов производства и заготовок важнейших сельскохозяйственных продуктов сдерживало развитие производства товаров народного потребления. Были допущены серьезные ошибки и просчеты в планировании потребностей хозяйств в сельскохозяйственной технике, финансировании аграрного сектора экономики. Начиная с 1958 г. в соответствии с семилетним планом (1959–1965 гг.), сокращением финансирования было фактически заложено снижение производства сельскохозяйственных машин. Например, в 1957 г. выпускалось 265 тыс. сеялок, в 1960 г. – 112 тыс.; культиваторов – 208 и 85 тыс. соответственно. Только в 1961–1962 гг. объем производства сельскохозяйственных машин был установлен выше уровня 1957 г. [13].

Планирование сокращения производства техники объяснялось тем, что она будет в колхозах использоваться бережнее, прослужит более длительный срок, а значит, ее требуется намного меньше производить. Из-за их незагруженности целый ряд предприятий сельскохозяйственного машиностроения был передан в другие отрасли народного хозяйства и стал выпускать иную продукцию. В результате повышения цен на запасные части в 2–2,2 раза резко повысились цены на сельскохозяйственные машины. Ориентация на преимущественное выращивание кукурузы привела к увеличению выпуска техники для ее производства за счет сокращения машин для других технологических процессов. Резкий отказ от повсеместного культивирования «царицы полей» привел к тому, что на базах «Сельхозтехники» оказались невостребованными, непроданными хозяйствам 80 тыс. единиц кукурузных сеялок, культиваторов для возделывания кукурузы, кукурузоуборочных комбайнов и другой техники. В то же время сельское хозяйство остро нуждалось в культиваторах для сплошной обработки земли, не хватало борон и другой техники.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР (май 1960 г. № 563) на 1961–1965 гг. было установлено задание по увеличению производства тракторов и их поставки сельскому хозяйству. Однако начиная с 1962 г. это задание не выполнялось. В итоге за 1961–1965 гг. колхозы и совхозы недополучили 207 тыс. тракторов [11].

«Прошло уже немало времени (после войны), и за это время капиталистические страны, тоже пострадавшие от войны, к примеру Франция и ФРГ, не только восстановили сельское хозяйство, но и так его развили, что имеют излишки, которые (к стыду нашему) продают даже нам. А наши совхозы и колхозы, потенциально имеющие несомненные преимущества перед их частным сельским хозяйством, почти не развиваются» [8].

Так, например, аграрная отрасль Пензенской области подошла к 1964 г. в крайне плачевном состоянии. В 1963 г. колхозы и совхозы не выполнили государственные задания ни по одному из видов животноводческой продукции. Растениеводство в 1963 г. в целом по области дало прибыль в сумме 16 млн руб., а животноводство – убыток в 36 млн руб., из чего сложился сальдированный убыток в сумме 25,4 млн руб. [6]. Сокращение числа хозяйств, имеющих сельскохозяйственные доходы, происходило параллельно с увеличением числа совхозов. На места из центра «полетели» необоснованные планы сдачи сельскохозяйственной продукции, которые местные власти всеми силами пытались выполнить [3].

В середине XX в. в сельской экономике сложились и взаимодействовали различные хозяйственно-организационные формы, которые при условии грамотной государственной политики могли конкурировать и дополнять друг друга. Однако партийная политика в деревне перечеркнула эту уникальную возможность. Недалековидное управление, как правило оборачивавшееся для регионального сельского хозяйства огромными экономическими и моральными издержками, было довольно-таки часто [3].

Так, например, прием в Пензенскую сельскохозяйственную школу по подготовке председателей колхозов на второй курс производился без приемных испытаний, а поступившим гарантировалась выплата стипендии в размере 200 руб. в месяц [4].

Руководство страны понимало необходимость социальных реформ в сельской местности как платформы для дальнейшего экономического развития. Данный период характеризуется оттоком населения из села в города. Причины этого кроются в низкой оплате труда, отсутствии перспектив, также элементарных бытовых условий. Волна оттока из сельской местности во второй половине 1950-х гг. была связана с «новым накатом» на личное крестьянское хозяйство [5].

Постепенно бегство из деревни приобретало разрешенные законом формы. Постоянно производившиеся наборы на работы в другие области срывали крестьян с места, нарушая семейно-крестьянский уклад, нанося вред сельскому хозяйству.

Планы на отпуск людей из района спускались «сверху» без учета реальной ситуации. При крайне низкой механизации, когда из 540 га на условный трактор в среднем по Пензенской области нагрузка составляла 630 га и ручной труд являлся основным средством производства в сельском хозяйстве, а масса колхозов имела

чрезмерную нагрузку, непродуманная переселенческая политика являлась одной из причин напряженности в выполнении сельскохозяйственных планов.

Например, развернув кампанию по укрупнению населенных пунктов, т. е. увеличению числа поселков городского типа, которые не предусматривали наличия частного хозяйства. В результате сельские жители, теряя связь с землей, лишались дополнительного источника дохода [7].

Из письма члена-корреспондента ВАСХНИЛ М. Маисеева первому секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу о состоянии дел в сельском хозяйстве от 1964 г.: «В деревне нарастание нездоровых политических настроений выражается в большом уходе работников из сельскохозяйственного производства. И в этом нет ничего удивительного, если учесть, что средний заработок совхозных рабочих составляет около 2/3 среднего заработка промышленного рабочего, а заработок колхозника и того меньше» [12].

Так, например, в Пензенской области, которая была одним из инициаторов развития концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, в середине 1970-х гг. действовало 11 межрайонных и районных объединений по доращиванию и откорму скота, 5 межрайонных и районных колхозно-совхозных объединений по промышленному производству свинины, 4 районных межхозяйственных объединения по откорму овец и т.д. [6].

Важнейшим фактором интенсификации сельскохозяйственного производства в 1960–1970-е гг. стала химизация, включающая широкое применение минеральных удобрений, химических средств защиты растений, кормовых добавок. В решение этой задачи значительный вклад внесло Воскресенское производственное объединение «Минудобрения», расположенное в Подмосковье. В течение 1960–1970-х гг. здесь были реконструированы действующие, введены новые крупные комплексы по производству минеральных удобрений, эффективных средств защиты растений. Только производство минеральных удобрений составило 109 млн т в условных единицах, или 26 млн т питательных веществ, т. е. увеличилось более чем в три раза по сравнению с 1965 г. Нарастание мощностей по производству минеральных удобрений на Воскресенском и других химических предприятиях страны позволило увеличивать их поставки сельскому хозяйству. Если в 1970 г. в расчете на 1 га пашни было внесено 46,8 кг действующего вещества, то в 1985 г. – 113,2 кг, или в 2,4 раза больше [10].

В 1980-е гг. сохранялась тенденция по ускоренному обеспечению техникой столичного региона. В 1981–1985 гг. сельское хозяйство Московской области получило 13 тыс. тракторов, 1,5 тыс. зерноуборочных комбайнов, 15,6 тыс. грузовых автомобилей и много другой техники. В итоге энерговооруженность на одного работающего в сельскохозяйственном производстве возросла на 19% и достигла 41,7 л. с. Это позволило создать в Подмосковье мощный сельскохозяйственный комплекс, состоящий из 409 хозяйств, которые за 1981–1985 гг. получили в целом по области 2,4 млрд руб. прибыли, что было в два раза больше, чем в 1976–1980 гг. Совокупная рентабельность поднялась до 31,6%. Производительность труда за пять лет выросла на 21,7% и

составила в 1985 г. 8054 руб. на одного работающего. Как рапортовали в ЦК КПСС областные руководители, значительное число хозяйств работало без убытков [9].

О подобных успехах в развитии экономики сельского хозяйства, его эффективности не могли «рапортовать» многие другие субъекты РСФСР, как и в целом республика. И это несмотря на то, что в 1960–1970-е гг. в РФ значительно укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства.

Следует отметить, что возрождение российского сельского хозяйства в настоящее время правительство видит через фермерскую деревню. Главным условием этого процесса является всесторонняя помощь государства. Однако не стоит исключать и другие формы организации производства на селе. Важно, чтобы при любых формах собственности не ущемлялись чувства человеческого достоинства [2]. В заключение следует отметить, что в современной России продолжают поиски более совершенных моделей экономического развития, в связи с чем, как уже отмечалось выше, исторический опыт является теоретической и методологической базой для их разработки.

Источники и литература

1. Бойко Н.С., Столяров А.Н., Шадышков А.А. Особенности модернизации сельского хозяйства России в сфере социальных реформ XX века // Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка: I Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и преподавателей (15–16 октября 2021 г.). – Армавир, 2021. – С. 186–189.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 17. Д. 1062. Л. 16.
3. ГАРФ. Ф. А-621. Оп. 2. Д. 744. Л. 24.
4. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5892. Оп. 1. Д. 131. Л. 126–134.
5. ГАПО. Ф. 5892. Оп. 1. Д. 131. Л. 121.
6. ГАПО. Ф. 5892. Оп. 1. Д. 131. Л. 149.
7. ГАПО. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 2212. Л. 31; Д. 1988. Л. 36; Д. 3745. Л. 34; Д. 1740. Л. 6; Ф. Р-1882. Оп. 1. Д. 3025. Л. 1, 84, 141.
8. ГАПО. Ф. 5892. Оп. 1. Д. 131. Л. 127.
9. Курсом интенсификации в сельскохозяйственном производстве. – М., 1987. – С. 7.
10. Новое в партийной работе. – М., 1979. – С. 214.
11. Российский государственный архив Новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 766. Л. 114, 115.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9476. Оп. 1. Д. 148. Л. 82.
13. Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г.: Стеногр. отчет. – М., 1965. – С. 148, 149.

Е.Е. Тарандо,
*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*
В.Н. Градусова,
*Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург, Россия*

РАЗВИТИЕ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье на основе данных официальной статистики анализируется достаточность производства продуктов питания, степень зависимости российского продовольственного рынка от импорта. Установлено, что в стране в достаточном количестве производится хлеб, мясо, картофель, яйца, сахар; зависимость от импорта по говядине, сыру, животным жирам остается высокой. Значительно ниже рациональной потребности производится рыбы, овощей, фруктов, ягод, молока. Развитие этих направлений сельского хозяйства должно стать государственным приоритетом. Это позволит минимизировать влияние экономических санкций на население страны, создаст условия для повышения качества питания россиян и улучшения их здоровья.

Ключевые слова: пандемия, санкции, сельское хозяйство, продовольственный рынок, продовольственная безопасность, импорт, норма потребления.

E.E. Tarando, V.N. Gradusova

DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF FOOD SECURITY

The article analyzes the sufficiency of food production, the degree of dependence of the Russian food market on imports on the basis of official statistics. It has been established that bread, meat, potatoes, eggs and sugar are produced in sufficient quantities in the country; dependence on imports for beef, cheese and animal fats remains high. Fish, vegetables, fruits, berries, and milk are produced significantly below the rational demand. The development of these areas of agriculture should become a state priority. This will minimize the impact of economic sanctions on the population of the country, create conditions for improving the quality of nutrition of the Russians and improving their health.

Keywords: pandemic, sanctions, agriculture, food market, food security, import, consumption rate.

Зависимость мировой экономической динамики от конъюнктуры продовольственных рынков с самого начала пандемии COVID-19 значительно усилилась. Произошло это вследствие того, что были нарушены логистические цепочки, увеличились сроки поставки, сильно сократился приток сезонных иностранных рабочих, а самые строгие ограничительные меры пришлось на начало посевных работ в европейских странах. Все это привело к нарушению равновесия на продовольственном рынке. Это объясняется тем, что реализуемые на этом рынке товары относятся к

категории товаров первой необходимости, и рынок реагирует мгновенно не только в случае реального дефицита товаров, но и под воздействием потребительских ожиданий. Что и произошло: во многих странах даже с высоко развитым сельским хозяйством (что дает основание предположить невысокую степень независимости от внешнего рынка) ощутили дефицит продовольствия. О возможной угрозе голода заговорили даже в Австралии [1].

Продовольственный рынок серьезно повлиял и на общий уровень инфляции в разных странах, поскольку рост цен на продукты питания был очень значительным [4]. В России цены на продовольственном рынке тоже возросли. На это повлияли и колебания на мировом продовольственном рынке, и жесткие санитарные меры, и ограничения на миграционные перемещения. Банк России считает, что во многом рост цен в период пандемии был связан с повысившимися в условиях значительной неопределенности инфляционными ожиданиями населения [5].

В 2022 г., несмотря на ослабление ограничительных мер в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции, российский продовольственный рынок вновь испытал серьезные колебания из-за беспрецедентных экономических санкций, введенных многими странами мира в отношении нашей страны после начала специальной военной операции по защите Донбасса. Определенное влияние на уровень цен оказало ослабление национальной валюты, которое в конце февраля – начале марта 2022 г. было весьма существенным, вследствие чего финансовый регулятор пошел на жесткие меры, которые позволили стабилизировать валютный рынок. Но большее влияние на ситуацию на рынке продовольствия оказало то, что люди устремились в супермаркеты, чтобы пополнить свои запасы, и повышенный спрос неизбежно оказал повышающее влияние на уровень цен.

Цель данной статьи – оценить достаточность производства основных продуктов питания в России и зависимость национального продовольственного рынка от импорта. Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют, что в период с 2005 по 2020 г. удельный вес импортных продуктов питания на российском рынке сильно сократился практически по всем основным видам продуктов. Исключение составляет мука, но доля импорта в структуре товарных ресурсов этого продукта питания, хотя и возросла в 2 раза, не достигает и 1%, что не вызывает опасений, и может быть без особого труда замещена продукцией собственного производства.

Таблица 1

Удельный вес импорта в составе ресурсов основных продуктов питания, в процентах [8, с. 439]

Наименование	2005	2010	2020
Мясо и птица	45,9	33,7	5,6
из них:			
птица	47,4	18,2	4,3
говядина	48,9	64,5	28,4
свинина	56,7	46,8	0,2
Консервы мясные	24,3	17,1	6,9
Масла животные	35,8	32,3	29,6

Растительные масла	31,9	23,9	13,9
Сыры	46,5	47,4	29,9
Сахар	10,0	5,4	2,4
Мука	0,3	0,9	0,6
Крупа	3,2	2,2	0,4

Доктриной продовольственной безопасности России установлены пороговые значения, сравнение с которыми показало, что в 2020 г. по большинству основных продовольственных товаров Россия достигла безопасного уровня (рисунок 1).

Наибольшая доля импорта зафиксирована в составе товарных ресурсов говядины, сыра, животного масла. Если недостающая часть говядины с хорошим запасом компенсируется свининой и птицей, то почти 30% товарных запасов животного масла и сыра в 2020 г. поставлялось из-за рубежа. Немного превышено пороговое значение и по растительному маслу (13% при пороге в 10%).

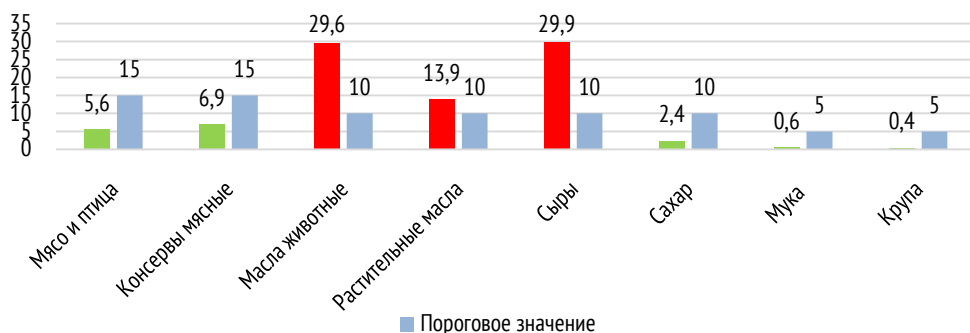

Рисунок 1 – Зависимость российского продовольственного рынка от импортных поставок основных продуктов питания с позиции продовольственной безопасности, 2020 г., в процентах [7; 8, с. 439]

О степени зависимости продовольственного обеспечения от импорта говорят данные о соотношении экспорта и импорта сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров. Статистические данные, характеризующие изменения, произошедшие в этой сфере за последние 10 лет, показывают, что если в 2010 г. в РФ импортировалось сельскохозяйственного сырья и продовольствия почти в 4 раза больше, чем поставлялось за рубеж, то в последние годы Россия продает на внешних рынках больше продовольствия, чем покупает.

Основная часть импорта продовольствия приходится на столичные агломерации, Краснодарский край и Калининградскую область: доля г. Москвы – 37%, Московской области – 11%, Санкт-Петербурга – 13%, Краснодарского края – 9%, Калининградской области – 7%, Ленинградской области – 3,5%. В эти 6 субъектов поступает более 80% импортного продовольствия [6, с. 1098–1099].

Но это не значит, что все поступающее по импорту продовольствие потребляется населением этих регионов. В столицах могут быть зарегистрированы организации-импортеры, в Краснодарском крае – компания «Магнит». А значит, боль-

шая часть поступающих в названные регионы продовольственных товаров распределяется по всей стране. Тем не менее особое внимание должно быть уделено организации продовольственного обеспечения именно в перечисленных регионах, а также приграничных субъектах, поскольку, как правило, некоторая часть товарных ресурсов продовольствия окраинных территорий, согласно принципу экономической целесообразности, формируется за счет его приобретения у ближайших соседей.

Итак, статистика свидетельствует, что зависимость российского продовольственного рынка от импорта не высока. Но это еще не свидетельствует о том, что дефицита продуктов питания в стране нет. Для того, чтобы убедиться в этом, необходимо сравнить душевое производство с рекомендованными Министерством здравоохранения РФ нормами потребления продуктов питания.

Душевое производство зерна в России в 2010–2020 гг. возросло более чем в 2 раза. При норме потребления хлебопродуктов 96 кг на человека в год зерна в расчете на душу населения производится в 9,5 раза больше. О том, что этого более чем достаточно, говорит тот факт, что Россия стала крупнейшим поставщиком зерна на мировой рынок [3].

Душевое производство картофеля увеличилось за последние 10 лет на 2,5% и почти в 1,5 раза превышает рациональную норму потребления. Хотя овощей и бахчевых культур в расчете на душу населения в 2020 г. в сравнении с 2010 г. было произведено на 22% больше, этого недостаточно – показатель меньше медицинской нормы почти на 1/3 (таблица 2). Это означает, что для полного самообеспечения россиян овощами их производство должно быть увеличено не менее чем в 1,5 раза.

Таблица 2

Производство сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в Российской Федерации, на душу населения [7; 8, с. 93, 395, 402]

Продукты питания	Рекомендованная норма потребления пищевых продуктов, кг на человека в год	Производство в расчете на душу населения, кг в год	
		2010	2020
Зерно в весе после доработки	Хлебные продукты – 96	429,84	909,72
Картофель	90	130,36	133,56
Овощи и бахчевые	140	77,51	94,72
Мясо и мясопродукты	73	50,49	76,47
Яйца (штук)	260	287,21	306,03
Рыба и рыбопродукты	22	8,42	8,7
Сахарная свекла	Сахар – 8	156,43	231
Семена подсолнечника	Масло растительное и другие жиры – 7	35,09	90,73
Молоко и молочные продукты	340	222,02	219,60

Душевое производство мяса в России в 2010–2020 гг. возросло в 1,5 раза, и показатель превысил медицинскую норму на 5%. Хотя душевое производство яиц превышало рациональную норму уже в 2010 г., к 2020 г. показатель увеличился еще на 7% и превысил рекомендованную норму почти на 18%.

А вот с рыбой в морской державе совсем плохо: в 2010 г. душевое производство (добыча) этой ценной пищевой продукции было в 2,6 раза ниже медицинской нормы потребления, и за последующие 10 лет ситуация практически не изменилась (душевое производство увеличилось только на 3%). Из числа основных продуктов питания животного происхождения именно по рыбе отмечается самый большой дефицит, что требует от государства принятия неотложных мер по обеспечению россиян этим ценным продуктом питания.

Производство сахарной свеклы в 2010–2020 гг. возросло в 1,5 раза, семян подсолнечника – в 2,6 раза. Незначительно (на 1,1%), но снизилось производство молока в расчете на душу населения, и это еще более ухудшило соотношение с рациональной нормой потребления, которая в 2020 г. была значительно больше душевого производства этого ценного пищевого продукта. Это означает, что для обеспечения продовольственной безопасности и укрепления здоровья россиян молока необходимо производить в 1,5 раза больше.

Очень мало производится в нашей стране плодов и ягод: в 2010 г. в расчете на душу населения во всех категориях хозяйств было произведено 14,62 кг (или 1,2 кг в месяц), в 2020 г. – 24,95 кг (или 2,1 кг в месяц). Хотя медики рекомендуют ежедневно включать в рацион 274 г свежих фруктов [7]. А значит, каждый россиянин должен съедать за год не менее 100 кг свежих фруктов и ягод. То есть для полного самообеспечения фруктов необходимо производить раза в 4 больше, чем сейчас. Понятно, что не все виды фруктов можно вырастить в нашей стране, но ведь в наших магазинах редко продаются даже российские яблоки.

Таким образом, проведенный анализ показал, что российские аграрии своим трудом вносят серьезный вклад в укрепление продовольственной безопасности страны, обеспечивая население необходимым продовольствием. В стране производится в достаточном количестве хлеб, мясо, картофель, яйца, сахар. Но по некоторым продуктам питания (говядине, сыру, животным жирам) зависимость от импорта по-прежнему высока. Значительно ниже рациональной нормы потребления производится рыбы, овощей, фруктов, ягод, молока. Именно эти направления сельского хозяйства должны стать приоритетными, стимулирование производства недостающих видов сельскохозяйственной продукции позволит минимизировать влияние экономических санкций на население страны, создаст условия для повышения качества питания россиян, а значит, и улучшения их здоровья, что является главной задачей государства.

Источники и литература

1. Австралии и Британии грозит голод. Коронавирус нарушил поставки продуктов // Вести.ру. 04 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2436714> (дата обращения: 11.04.2022).
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6752> (дата обращения: 11.04.2022).
3. Лидер по экспорту мягкой пшеницы. Сможет ли Россия остаться на первом месте в списке крупнейших экспортеров // Агроинвестор. 10 января 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/37327-lider-po-eksportu-myaagkoj-pshenitsy-smozhet-li-rossiya-ostatsya-na-pervom-meste-v-spiske-krupneyshikh/> (дата обращения: 10.04.2022).
4. Мировые цены на продовольствие побили десятилетний рекорд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59177788> (дата обращения: 10.04.2022).
5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (утв. Банком России) [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2022).
6. Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.
7. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения: 10.04.2022).
8. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 692 с.

УДК 94(47).084:353"1937/1953"

П.С. Учватов

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия*

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ В 1937–1953 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АССР)

В статье рассматриваются органы государственного управления сельским хозяйством АССР в 1937–1953 гг. Центральное положение в системе управления занимал Совет Народных Комиссаров / Совет Министров АССР, в подчинении которого находились профильные наркоматы (с 1946 г. – министерства), отвечавшие за развитие аграрной сферы. В качестве примера выбраны исполнительные и распорядительные органы власти схожих по социально-экономическим показателям республик Поволжья – Мордовии и Чувашии, в экономике которых в указанный период преобладала сельскохозяйственная отрасль.

Ключевые слова: автономная республика в составе РСФСР, управление сельским хозяйством, исполнительные и распорядительные органы власти, Совет Министров, Совет Народных Комиссаров, наркомат земледелия, Министерство сельского хозяйства, Мордовская АССР, Чувашская АССР.

CENTRAL AGRICULTURAL MANAGEMENT BODIES OF THE AUTONOMOUS REPUBLICS OF THE VOLGA REGION IN 1937–1953 (ON THE EXAMPLE OF THE MORDOVIAN AND CHUVASH ASSR)

The article deals with the bodies of the state administration of agriculture of the ASSR in 1937–1953. The central position in the management system was occupied by the Council of People's Commissars / Council of Ministers of the ASSR, subordinate to which were the profile people's commissariats (since 1946 – ministries) responsible for the development of the agrarian sphere. As an example, the executive and administrative authorities of similar socio-economic indicators of the Volga Republics – Mordovia and Chuvashia, whose economy was dominated by the agricultural sector during this period, were selected.

Keywords: Autonomous Republic within the RSFSR, agriculture management, executive and administrative authorities, Council of Ministers, Council of People's Commissars, people's commissariat of agriculture, Ministry of agriculture, the Mordovian ASSR, the Chuvash ASSR.

Система управления сельским хозяйством в советскую эпоху неоднократно подвергалась различным изменениям и трансформациям. Попытки проведения как масштабной модернизации, так и менее значительных реформ в данной области осуществлялись неоднократно и в различные хронологические периоды. При этом особенный интерес представляет исследование состояния и развития органов управления на региональном уровне. Стоит отметить, что за последние годы историками Мордовии и Чувашии были опубликованы отдельные труды, посвященные состоянию государственных и партийных органов управления в предвоенное время и в годы Великой Отечественной войны [8; 18; 19], а также в период восстановления народного хозяйства во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. [9; 15; 20]. Однако содержащиеся в подобных работах сведения, как правило, касаются состояния общественно-политической системы региона в целом, либо в центре внимания исследователей оказываются другие вопросы, в то время как непосредственно деятельность и состояние органов управления аграрной сферой затрагивается вскользь. Можно выделить труды чувашских историков С.В. Охотниковой (Гончаровой) и Е.В. Касимова, посвященные организации органов управления сельским хозяйством и колхозным строительством Чувашской АССР, однако в них охватывается лишь период 1920-х – начала 1930-х гг. [10; 21]. Таким образом, на уровне двух республик указанная тематика все еще остается недостаточно изученной и требует проведения дальнейших исследований.

Кроме того, следует отметить ряд работ ученых-историков из соседних регионов Поволжья. Так, проблемы развития аграрной сферы в рассматриваемый хронологический период затрагивались марийскими исследователями [1; 14], вопросов государственного управления в условиях мобилизационной экономики касаются историки Пензенской области [11; 22; 23]. Интерес представляет справочник «Центральные органы власти и управления Татарстана», который в сжатом, систематизи-

рованном виде содержит сведения о Правительстве, Наркомате земледелия, Министерстве сельского хозяйства Татарской АССР [30].

Необходимо также сделать оговорку, что в данной статье приводится характеристика центральных органов государственного управления АССР – Совнаркомов (Советов Министров) и непосредственно подчиненных им наркоматов (министерств), руководители которых входили в состав региональных правительств. Действовавшие в данный период колхозы, а также различные сельскохозяйственные организации, конторы, предприятия, земельные отделы и отделы сельского хозяйства райисполкомов в данной статье не затрагиваются.

В конце 1930-х гг. в стране утвердилась система управления, ставшая итогом «формирования государства тоталитарного типа» [8, с. 174]. Государственные органы, отвечавшие за развитие народного хозяйства как на федеральном уровне, так и в регионах, действовали в условиях быстрого роста партийного аппарата, бюрократизации и сверхцентрализации власти. В автономных республиках их структура, функции и полномочия были официально закреплены в конституциях, принятых в 1937 г. [12, с. 15–17; 13, с. 19–24]. Поскольку регионы не обладали возможностями проводить сколько-нибудь существенные реформы без инициативы сверху, устройство органов власти и управления в республиках фактически не имело существенных различий.

Центральное положение среди исполнительных и распорядительных органов власти занимал Совет Народных Комиссаров (СНК) – Правительство АССР. Согласно конституциям автономных республик, СНК объединял и направлял работу народных комиссариатов, других подведомственных ему государственных органов, хозяйственных и культурных учреждений, объединял и направлял работу уполномоченных общесоюзных и союзно-республиканских народных комиссариатов. Ключевыми полномочиями, определявшими очень широкий спектр вопросов, которыми занимался СНК, являлось принятие мер по осуществлению народнохозяйственного плана, а также по осуществлению республиканского и местного бюджетов. Кроме того, Правительство отвечало за обеспечение общественного порядка, защиту интересов государства и охрану прав граждан; оно также руководило и проверяло работу исполкомов районных (городских) Советов депутатов [12, с. 15–16; 13, с. 19–21]. Таким образом, полномочия СНК были закреплены кратко и довольно схематично, хотя на практике этот орган государственной власти имел очень широкие функции и занимался всеми отраслями народного хозяйства. В 1946 г. он был преобразован в Совет Министров, хотя в реальности речь шла скорее о простом переименовании, так как его роль и полномочия остались прежними.

Сельскохозяйственную отрасль курировал один из заместителей Председателя СНК, который в некоторых документах назывался первым заместителем. Помимо собственно наркомата земледелия (Министерства сельского хозяйства) этот руководитель курировал работу других ведомств и государственных структур: например, в июне 1944 г. после распределения обязанностей между Председателем СНК Мордовской АССР и его заместителями к ведению первого заместителя были также отнесены вопросы уполномоченного Наркомата СССР по заготовкам (в части загото-

вок сельскохозяйственной продукции), республиканских контор «Сельхозснабжение», «Заготзерно», «Заготсено», «Сортсемовощ» и некоторых других учреждений. При этом развитием животноводства в годы войны занимался отдельный заместитель Председателя СНК [29, оп. 1, д. 989, л. 456–458].

В 1938 г., когда в республиках были сформированы составы правительств, в Мордовской АССР на должность первого заместителя Председателя был назначен И.Н. Куприянов [5, с. 55], ранее работавший первым секретарем Торбеевского райкома ВКП(б). На рубеже 1930-х и 1940-х гг., а также в первые годы войны заместители Председателя СНК Мордовской АССР, курировавшие сельское хозяйство, неоднократно менялись. В 1945 г. эту должность занял приехавший в республику из Молотовской области хозяйственный руководитель И.И. Белобородов, который проработал на ней до 1952 г. [16, с. 155]. С 1952 г. за развитие сельского хозяйства в Совете Министров Мордовской АССР отвечал С.М. Шорохов, прежде занимавший должности наркома земледелия Мордовской АССР и заведующего сельскохозяйственным отделом Мордовского обкома ВКП(б) [17, с. 533].

В Чувашии в 1938 г. заместителем СНК, отвечавшим за сельскохозяйственную отрасль, был назначен А.В. Сомов [2, оп. 1, д. 1, л. 3], до этого занимавший должность первого секретаря Кувакинского райкома партии. После его перевода на должность руководителя СНК Чувашской АССР с 1942 по 1951 г. первым заместителем Председателя Правительства был Ф.Т. Семёнов, опытный советский и финансовый управленец, ранее работавший наркомом финансов Чувашской АССР [26]. В 1952 г. его сменил на этом посту советско-партийный руководитель И.В. Заикин, работавший на ответственных постах в различных областях страны [24].

В силу своего особого положения в системе исполнительных и распорядительных органов власти СНК (Совет Министров) рассматривал практически любые вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства, а также с организацией и деятельностью подведомственных государственных органов. В протоколах заседаний высших органов государственного управления отразились самые разнообразные проблемы развития этой отрасли, по которым принимались решения: колхозное строительство, посевные и уборочные кампании, рассмотрение жалоб колхозников, утверждение нормативов обязательных поставок продуктов государству и контроль над проведением заготовок сельскохозяйственной продукции, борьба с инфекционными заболеваниями в животноводстве, подготовка кадров для работы в аграрной сфере и т.д. На заседаниях Правительства регулярно заслушивались отчеты ответственных работников Наркомата земледелия (Министерства сельского хозяйства), председателей исполкомов районных Советов, руководителей иных ведомств и сельскохозяйственных организаций.

Для обеспечения слаженной работы Правительства и осуществления контроля над принятыми решениями действовал довольно разветвленный аппарат, в котором существовали отдельные должности референтов по сельскому хозяйству и животноводству [29, оп. 13, д. 12, л. 30]. Контрольные мероприятия часто предполагали выезд референтов и других сотрудников аппарата в районы, где проверки органи-

зовывались непосредственно на местах с последующим вызовом ответственных лиц в СНК (Совет Министров).

Повседневную деятельность по управлению сельским хозяйством осуществляли республиканские наркоматы земледелия (с 1946 г. — Министерства земледелия, с 1947 г. — Министерства сельского хозяйства). Они разрабатывали и осуществляли основные направления государственной политики в аграрной сфере, несли ответственность за обеспечение роста урожайности, организацию посевных работ, развитие отдельных сельскохозяйственных отраслей, механизацию сельского хозяйства и т.д. Особенностью наркоматов (министерств) было их двойное подчинение — с одной стороны, они подчинялись СНК (Совету Министров) автономной республики, с другой — соответствующим вышестоящим органам государственного управления РСФСР [12, с. 17; 13, с. 23–24].

В силу большого объема и разносторонности работы по управлению столь сложной отраслью народного хозяйства, наркоматы земледелия (Министерства сельского хозяйства) являлись одними из самых крупных ведомств в автономных республиках. Например, в Наркомземе Мордовской АССР накануне войны насчитывалось 17 различных производственных управлений, отделов и секторов. Наиболее значимыми из них, отвечавшими непосредственно за развитие отдельных отраслей сельского хозяйства, были Управление северо-восточного территориального производства, Управление западного территориального производства, Управление животноводства, Управление коневодства, Ветеринарное управление, Управление агротехники и механизации сельского хозяйства, Сортовое управление, Управление плодовоовощеводства [29, оп. 13, д. 12, л. 40 об.]. Однако структура ведомства не была устойчивой, часто подвергалась различным внутренним изменениям. Так, в августе 1941 г. производственно-территориальные управления и ряд отделов в структуре Наркомата земледелия Мордовской АССР были объединены, одновременно были созданы Управление агротехники и Управление механизации как самостоятельные подразделения [29, оп. 1, д. 826, л. 22].

Народными комиссарами земледелия Мордовской АССР работали М.И. Кулаков (1937–1938), С.Д. Карпов (1938–1944), С.М. Шорохов (1944–1946). В Чувашской АССР эту должность занимали С.К. Коротков (1937–1939), А.С. Степанов (1939–1940), В.Г. Григорьев (1940–1941), Н.Г. Малов (1941–1945). Нарком земледелия в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг. играл особую роль как руководитель одного из ведущих органов государственного управления АССР. Безусловно, его работа, связанная с одной из наиболее проблемных отраслей, требовала высоких управленческих навыков и знаний своей отрасли, при этом последние в основном нарабатывались через практику. Должность советского руководителя, а тем более наркома земледелия, не была кабинетной, требовала постоянных командировок, выездов в колхозы, умения жестко добиваться от подчиненных организаций выполнения директив и т.д. Как отмечает западный советолог Ш. Фицпатрик, «идеальный руководитель 1930-х гг., смоделированный по образцу реальных директоров промышленности, героев первой пятилетки... не боялся месить грязь на стройке, был суров к себе и другим, если надо — безжалостен, неутомим и практичен» [27, с. 43].

Это высказывание можно применить и в отношении региональных наркомов земледелия и их заместителей. В условиях, когда получить профильное высшее (а часто и среднее специальное образование) было очень сложно, многие руководители, становление которых пришлось на 1920–1930-е гг., компенсировали пробелы в образовательном уровне своей энергией, работоспособностью и жизненным опытом. Образование наркома земледелия Мордовской АССР С.Д. Карпова ограничивалось несколькими классами земской сельской школы, что не помешало ему выдвинуться во второй половине 1920-х гг. на ответственную работу, где он сменил более 10 различных должностей, прежде чем возглавил в 1938 г. республиканский Наркомат земледелия [28, оп. 32, д. 524, л. 4–8 об.]. Практиком был и нарком земледелия Чувашской АССР С.К. Коротков: получивший лишь начальное образование, после работы председателем колхоза в родном селе он стал сначала заместителем Председателя ЦИК, а затем — народным комиссаром земледелия [25].

О большом значении, которое имел руководитель Наркомата земледелия автономной республики в конце 1930-х гг., свидетельствует и то, что именно этот чиновник избирался депутатом Верховного Совета СССР. Например, от Мордовии в 1937 г. депутатом Верховного Совета СССР первого созыва стал М.И. Кулаков, на тот момент занимавший пост наркома земледелия. Руководитель чувашского наркомата земледелия С.К. Коротков также был избран депутатом высшего союзного органа государственной власти от Чувашской АССР [4].

В 1946 г., одновременно с преобразованием Советов Народных Комиссаров в Советы Министров, наркоматы были преобразованы в министерства. В этом же году в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1946 г. в стране была осуществлена реорганизация системы управления сельским хозяйством, в результате которой из структуры министерств земледелия выделились самостоятельные ведомства — министерства животноводства. Тогда же были созданы новые органы государственного управления — министерства технических культур. Например, в Мордовской АССР эта реформа была проведена в течение мая — июля 1946 г. и получила оформление на 8-й сессии Верховного Совета Мордовской АССР первого созыва (25–26 июля 1946 г.). Министром технических культур был назначен М.М. Кузнецов, министром животноводства — А.С. Исеев [6, с. 120–121, 135–140]. Аналогичные трансформации, спущенные сверху, происходили и в других автономных республиках.

Однако новая структура с несколькими самостоятельными государственными органами не оправдала себя, и уже в следующем году было принято решение о возвращении к традиционной схеме управления. В марте 1947 г. в результате объединения нескольких ведомств были образованы единые министерства сельского хозяйства, просуществовавшие до конца рассматриваемого периода. В Мордовской АССР министром сельского хозяйства стал М.Ф. Чернов (1947–1952), затем С.И. Митякин (1952–1956). В Чувашской АССР эту должность занимали И.Н. Широков (1947–1950) и Г.А. Мартынов (1950–1956).

Касаясь исполнительных и распорядительных органов власти АССР, занимавшихся сельскохозяйственной отраслью, следует отметить также уполномоченного

Народного комиссариата заготовок СССР, который входил в состав СНК (Советов Министров). Помимо самого уполномоченного на республиканском уровне действовал его аппарат (например, в Мордовской АССР в 1941 г. он включал в себя 12 ответственных работников) [29, оп. 13, д. 12, л. 40]. Уполномоченными Народного комиссариата заготовок СССР по Мордовской АССР работали В.Ф. Силаев (1938–1939), А.И. Фадеев (1939–1943), Никулин (1943), Т.В. Владимиров (1944–1948); по Чувашской АССР – Д.Я. Митьков (1938–1942), Т.Г. Герасимов (1942–1944), Г.С. Федотов (с 1944). Значение заготовок сельскохозяйственных продуктов особенно возросло в годы Великой Отечественной войны, что выражалось в том числе в участившихся проверках деятельности заготовительного аппарата со стороны СНК [29, оп. 1, д. 883, л. 315–316 об.; д. 935, л. 136–137 об.].

Завершая краткий обзор центральных органов управления сельским хозяйством АССР, необходимо коснуться также некоторых проблем, с которыми данные органы власти сталкивались в своей повседневной деятельности. Многие из таких проблем были связаны не только с объективными сложностями, но и с плохой организованностью аппарата, формализмом, отсутствием грамотных, квалифицированных управленцев и другими изъянами системы. Выступая на первой сессии второго созыва Верховного Совета Чувашской АССР в 1947 г., один из депутатов так оценивал государственные органы управления сельским хозяйством республики: «В работе Министерства земледелия, Министерства технических культур, Министерства животноводства проявлялись факты бюрократизма и канцелярщины, отрыва от жизни, неоперативности в руководстве... Многие специалисты сельского хозяйства – агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи оседают в аппаратах, канцеляриях, в то время как колхозное производство испытывает в них острую нужду» [2, оп. 1, д. 878, л. 27 об. – 28]. Подобные этому критические мнения высказывались довольно часто. О бюрократизме и чрезмерно раздутым делопроизводственным оборотом свидетельствует, например, такой факт: по словам первого секретаря Торбеевского райкома ВКП(б) Мордовской АССР П.И. Куколина, только за 1948 г. Совет Министров республики направил в Торбеевский райисполком 1047 различных бумаг, и это не считая тех постановлений, «которые райисполкомы не получали» [7, с. 55]. На каждую из них исполком районного Совета депутатов должен был соответствующим образом отреагировать.

Но и самим органам государственного управления республиканского уровня мешала излишняя «опека», исходившая со стороны партийных структур. Когда молодой руководитель С.М. Шорохов приехал в 1944 г. в Мордовию на должность наркома земледелия, то быстро столкнулся с давлением со стороны обкома ВКП(б), которое оказало на него неприятное впечатление. «Я был удивлен, – говорил Шорохов. – Когда поступил на работу, получал по 10 звонков в день из Обкома: дайте столько-то горячего, столько-то запасных частей... Имеем Наркома, 4 его заместителей, а все вопросы разрешаются в Обкоме ВКП(б)? Я считаю, что надо сделать так, что может разрешить Наркомзем сам, Обкому вмешиваться не следует» [28, оп. 3, д. 859, л. 144]. Одновременно в условиях кадрового дефицита обком забирал себе

наиболее подготовленных и опытных специалистов из системы СНК республики [28, оп. 3, д. 859, л. 133].

Таково было состояние установившейся системы управления, продолжавшей сохраняться вплоть до смерти И.В. Сталина и лишь после этого подвергшейся достаточно масштабным изменениям. Республиканские Советы Народных Комиссаров (Советы Министров), а также подведомственные им наркоматы земледелия (министерства сельского хозяйства) в своей повседневной деятельности рассматривали самые разнообразные вопросы, касавшиеся сельскохозяйственной отрасли, и играли значимую роль в ее развитии. Однако, не умаляя значения региональных органов власти, нужно отметить, что они не обладали самостоятельностью в принятии решений. Об этом свидетельствует и структура исполнительных и распорядительных органов государственной власти, которая могла различаться в соседних республиках лишь незначительно. Правительства АССР и подведомственные им наркоматы (министерства) в конечном итоге служили проводниками политики союзного центра и реализовывали на местах исходящие из него импульсы.

Источники и литература

1. Васенин Д.В., Кошкина О.А. Трудовые отношения в промышленности и сельском хозяйстве Марийской АССР накануне Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // SocioTime / Социальное время. – 2019. – № 1 (17). – С. 119–124.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1041.
3. Гончарова С.В. Структура, функции и деятельность Народного комиссариата земледелия Чувашской АССР в 1925–1929 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6–2 (12). – С. 30–32.
4. Депутаты Верховного Совета СССР I созыва, избранные 12.12.1937 // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза. 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: http://www.knowbysight.info/1_SSSR/07705.asp (дата обращения: 18.04.2022).
5. Заседания Верховного Совета Мордовской АССР. Первая сессия I созыва. 25–27 июня 1938 г.: Стеногр. отчет. – Саранск: Мордгиз, 1938. – 70 с.
6. Заседания Верховного Совета Мордовской АССР. Восьмая сессия I созыва. 25–26 июля 1946 г.: Стеногр. отчет. – Саранск: Издание Верховного Совета Мордовской АССР, 1946. – 144 с.
7. Заседания Верховного Совета Мордовской АССР. Пятая сессия Верховного II созыва. 3–4 июня 1949 г.: Стеногр. отчет. – Саранск: Издание Верховного Совета Мордовской АССР, 1949. – 204 с.
8. История Чувашии новейшего времени: В 2 кн. Кн. 1: 1917–1945. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. – 261 с.
9. История Чувашии новейшего времени: В 2 кн. Кн. 2: 1945–2005. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 398 с.
10. Касимов Е.В. Система управления колхозным строительством в Чувашии в 1928–1932 гг. // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Всерос. науч. конф., посвящ. Году земледельца в Чувашской Республике. – Чебоксары, 2010. – С. 146–151.

11. Кондрашин В.В., Сухова О.А. Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х–1950-х гг. // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 979–992.
12. Конституция (Основной Закон) Мордовской АССР. – Саранск: Мордгиз, 1937. – 32 с.
13. Конституция (Основной Закон) Чувашской АССР. – Чебоксары: Чувашгиз, 1937. – 51 с.
14. Кошкина О.А. Колхозы Марийской АССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Региональное измерение аграрной модернизации в России: Материалы VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 16–17 сентября 2020 г.). – Саранск, 2020. – С. 420–427.
15. Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. – 376 с.
16. Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – Т. 1. – 576 с.
17. Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – Т. 2. – 704 с.
18. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. – Т. 1. – 384 с.
19. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. – Т. 2. – 424 с.
20. Мордовия в послевоенный период. 1945–1953 гг.: В 2 т. – Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2012. – Т. 1. – 468 с.
21. Охотникова С.В. Кадровая структура органов управления сельским хозяйством Чувашии (1921–1929 гг.) // Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории: Сб. научных статей. – Чебоксары, 2012. – С. 208–212.
22. Сухова О.А. Колхозы в практике государственно-политического управления в СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. архивиста. – 2020. – № 3. – С. 810–823.
23. Сухова О.А. Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг. // Экономическая история: ежегодник. – 2020. – Т. 2019. – С. 345–353.
24. Фёдоров Ф.Ф. Заикин Иван Васильевич // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=1443> (дата обращения: 18.04.2022).
25. Фёдоров Ф.Ф. Коротков Сергей Ксенофонтович // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=493> (дата обращения: 18.04.2022).
26. Фёдоров Ф.Ф. Семёнов Федор Тимофеевич // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=4195> (дата обращения: 18.04.2022).
27. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – 2-е изд. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. – 336 с.
28. ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 269-П.
29. ЦГА РМ. Ф. Р-228.
30. Центральные органы власти и управления Татарстана (1920–2020 гг.): Науч.-справ. изд. – Казань: Ин-т татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. – 400 с.

АДАПТАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ТАТАР БАШКОРТОСТАНА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье на основе данных этносоциологического опроса рассматривается проблема адаптации татарского населения Башкортостана в условиях социально-экономической трансформации к рыночной экономике. Отмечается, что население республики, несмотря на 30-летний период экономических преобразований, неоднозначно воспринимает их. Этим по-видимому, объясняется слабая вовлеченность населения, в том числе татар в рыночные структуры. Несмотря на низкую активность вовлечения в рыночные структуры, по данным этносоциологических исследований установлено, что татарское население республики успешно преодолевает трудности переходного периода и адаптируется к рыночным условиям. Около одной трети татар также позитивно оценивает свои возможности включения в структуры с рыночной ориентацией.

Ключевые слова: татарское население, адаптация, рыночная экономика, Башкортостан, предпринимательство, частная собственность.

R.R. Fattahova

ADAPTIVE BEHAVIOR OF THE TATARS OF BASHKORTOSTAN TO THE MARKET ECONOMY

The article, based on the data of an ethnosociological survey, examines a problem of adaptation of the Tatar population of Bashkortostan in the conditions of socio-economic transformation to a market economy. It is noted that the population of the Republic, despite the past 30 years of the market economy, ambiguously perceives it. Apparently, therefore, the involvement of the population in market structures, including the Tatars, seems insignificant. Despite the low activity of involvement in market structures, according to ethnosociological studies, it has been established that the Tatar population of the Republic successfully overcomes the difficulties of the transition period and adapts to market conditions. About one third of the Tatars also positively assesses their opportunities for inclusion in market-oriented structures.

Keywords: Tatar population, adaptation, market economy, Bashkortostan, entrepreneurship, private property.

Уже 30 лет Республика Башкортостан развивается в условиях рыночной экономики. Однако население республики неоднозначно оценивает результаты перехода к рынку. В начале 1990-х гг. более двух третьих населения с одобрением отнеслись к рыночной системе хозяйствования, выступая при этом за постепенный переход к ней [3, с. 23]. Этносоциологический опрос, проведенный в Башкортостане в рамках исследовательского проекта «Современные этносоциальные

процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» [4], показал, что к концу первого десятилетия преобразований лишь более четверти татар (26,5%) и 19,6% русских считали переход к рынку единственным верным путем развития экономики. Доля представителей башкир и иных национальностей, разделявших эту позицию, была значительно выше – около одной трети опрошенных. Часть респондентов, в том числе 15,3% татар, 18,3% башкир, 17,3% русских, вообще полагала, что переход к рыночной экономике был ошибочным и следовало идти по пути планового развития. Каждый двенадцатый респондент татарской и башкирской национальности, 16,2% русских считали, что переход к рынку себя не оправдал. Определенная группа участников опроса, независимо от этнической принадлежности, выступила против рыночной экономики.

Таблица 1

Что вы думаете о переходе к рыночной экономике в России? (в %)*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Переход к рынку был единственным верным путем развития экономики	31,7	26,5	19,6	34,7
Переход к рынку был ошибочным, надо было идти по пути планового развития	18,3	15,3	17,3	13,9
Я против рыночной экономики	7,1	8,2	10,6	12,5
Переход к рынку себя не оправдал	12,7	12,2	16,2	11,1
Затрудняюсь ответить	30,2	37,8	36,3	27,8

* Таблица составлена по данным опроса «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.)

Опрос показал, что население, в том числе и татары, не особо вовлечено в рыночную экономику. Хотя в начале 1990-х гг. каждый десятый респондент, независимо от национальной принадлежности, хотел организовать свое дело. А среди татар каждый второй из пяти опрошенных был ориентирован на создание своего частного дела [1, с. 95]. Однако по прошествии более 25 лет, как выяснилось в ходе опроса 2018 г., лишь по 8,2% татар и башкир, а также 10,1% русских признались, что заняты предпринимательской деятельностью. О своем желании им заняться заявили 21,9% татар, 21,2% русских, более четверти башкир (27,0%) и представителей иных национальностей (29,2%). При этом около половины татар (46,4%) отмечали, что они не заняты предпринимательством, и были уверены, что не собираются им заниматься.

Таблица 2

Заняты ли вы в предпринимательстве и ориентированы на предпринимательскую деятельность? (в %)*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Занят предпринимательской деятельностью	8,7	8,2	10,1	2,8
Не занят, но собираюсь заняться	27,0	21,9	21,2	29,2
Не занят и не собираюсь заниматься	35,7	46,4	50,3	44,4
Затрудняюсь ответить	28,6	23,5	18,5	23,6

* Таблица составлена по данным опроса «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.)

Несмотря на столь низкие показатели приобщенности к предпринимательской деятельности, более одной третьей татар уверенно заявили, что они смогли преодолеть трудности переходного периода и адаптироваться к рыночным условиям. С ними согласились менее трети башкир, четверть русских и каждый второй из пяти опрошенных респондентов иных национальностей. Четверть татар выразила надежду, что все же сумеет приспособиться к рыночным отношениям. Лишь малая группа татар, а также других национальностей считала, что не приспособилась и никогда не сможет приспособиться. При этом четверть татар, 27,8% башкир и 30,2% русских данный вопрос поставил в затруднительное положение.

Таблица 3

Смогли ли вы преодолеть трудности переходного периода и адаптироваться к рыночным условиям? (в %)*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Считаю, что полностью приспособился(ась) к рынку	31,0	35,2	26,3	44,4
Надеюсь приспособиться	28,6	25,5	29,1	19,4
Считаю, что никогда не смогу приспособиться	6,3	6,6	8,4	9,7
Нет, не приспособился(ась)	6,3	6,1	6,1	6,9
Затрудняюсь ответить	27,8	25,5	30,2	19,4

* Таблица составлена по данным опроса «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.)

Размышляя над проблемой более быстрого решения продовольственного вопроса, треть татар (31,1%) и башкир (34,9%), а также четверть русских (26,8%) и представителей иных национальностей (25,0%) выступали за сохранение колхозов и совхозов, при этом разрешая им продавать часть продуктов по рыночным

ценам. Почти такая же доля опрошенных, за исключением представителей иных национальностей, при сохранении колхозов и совхозов выступала за развитие фермерства. Незначительная группа респондентов, в том числе и татары, высказалась за создание сельскохозяйственных кооперативов для выполнения государственных заданий по производству сельхозпродуктов. Другая, также незначительная группа вообще выступила за расформирование колхозов, совхозов и развитие фермерства.

Таблица 4

Каким образом, по вашему мнению, можно быстрее всего решить продовольственную проблему в Башкортостане? (в %)*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Создать с/х кооперативы для выполнения госзаданий	6,3	8,7	11,2	8,3
Сохранить колхозы, совхозы и разрешить им продавать, по крайней мере, половину продуктов по рыночным ценам	34,9	31,1	26,8	25,0
При сохранении колхозов и совхозов развивать фермерство	28,6	30,6	32,4	18,1
Расформировать колхозы, совхозы и развивать фермерство	12,7	7,7	10,1	11,1
Ввозить продукты из-за границы	2,4	2,6	3,4	5,6
Затрудняюсь ответить	15,1	19,4	16,2	31,9

* Таблица составлена по данным опроса «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.)

Иными словами, менталитет сельских жителей все еще остается более консервативным. Во-первых, среди них по-прежнему преобладает стереотип относительно сохранения коллективных форм хозяйствования в виде колхозов и совхозов, которые практически изжили себя и в прежней форме не сохранились. Как показали данные опроса, из всех респондентов лишь 1,5% работают в колхозе. Во-вторых, статистические данные и результаты опроса свидетельствуют, что в сфере сельского хозяйства осталась очень небольшая доля работников (около 1,0%), которые трудятся в коллективных фермерских хозяйствах с сельскохозяйственным производством рыночной ориентации. В-третьих, фермерские хозяйства в своем большинстве не стали основными производителями сельхозпродуктов, т.к. их доля в общем объеме производства продукции остается весьма незначительной. Лишь около 1,0% респондентов отметили, что они работают в собственном фермерском хозяйстве. Около 7,0% татар, 11,9% башкир, 5,6% русских и 13,9% представителей иных национальностей отмечали, что они работают в личном подсобном хозяйстве [4].

По-видимому, поэтому в ряде регионов Российской Федерации наиболее привлекательной формой производства сельхозпродуктов выступают крупные агрофирмы.

В связи с этим основной проблемой становится вопрос собственности на землю. Несмотря на все спекуляции по поводу частной собственности на землю, 40,5% татар, 45,8% иных национальностей, а также более трети башкир (36,5%) и русских (34,1%) выразили свое безусловное согласие с тем, чтобы земля была в частной собственности.

Таблица 5

Согласны ли вы, чтобы земля была в частной собственности? (в %)*

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	другие
Безусловно, согласен	36,5	40,3	34,1	45,8
Согласен, если на земле будет производиться сельскохозяйственная продукция	29,4	25,0	31,3	25,0
Скорее, не согласен	9,5	17,3	13,4	11,1
Безусловно, не согласен	7,9	6,6	5,6	2,8
Затрудняюсь ответить	16,7	10,7	15,6	15,3

* Таблица составлена по данным опроса «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.)

При этом четверть татар (25,0%), около трети башкир (29,4%) и русских (31,3%) не были против, чтобы земля была в частной собственности, если на ней будет производиться сельскохозяйственная продукция. Татары чаще (23,9%), чем представители других этнических групп, выступали против передачи земли в частную собственность.

Значительная часть респондентов для получения дополнительного дохода занимается индивидуальной трудовой деятельностью. Среди представителей этой группы на наибольшую занятость указали татары (15,3%) и респонденты иных национальностей (13,9%). Татары также чаще, чем остальные участники опроса, отмечали, что получают дополнительный доход от банковских вкладов, при этом их число в три раза больше количества башкир, придерживавшихся аналогичной стратегии (4,0%) [4].

Таким образом, несмотря на жесткие условия рыночной экономики, население Башкортостана сумело в значительной степени интегрироваться в рыночные механизмы. В этом отношении татары, численность которых в составе населения республики превышает 1 млн человек [2, с. 60], заняли определенную нишу в структуре рыночных отраслей экономики и успешно адаптируются к ней.

Источники и литература

1. Алексеенко С.С., Абрамова С.Р., Сафин Ф.Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). – Уфа: Первая типография, 2018. – 188 с.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистический сборник: В 2 ч. Ч. II. – Уфа: Башкортостанстат, 2013. – 189 с.

3. Сафин Ф.Г., Ишемгулов М.Н., Кульшарипов Ф.Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2021. – №4. – С. 20–27.

4. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» проводился в ноябре 2018 г. Опрошено 573 респондента, в том числе: русских – 179 чел., башкир – 126, татар – 196, других национальностей – 72 чел. Авторы проекта – д. и. н., проф. Ф.Г. Сафин, к. и. н. А.И. Халиулина. В проведении опроса принимала участие и автор статьи.

УДК 908(470.343)

А.А. Филонов

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия*

РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО СМОЛОКУРЕНИЯ В МАРИЙСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается состояние и развитие крестьянского смолокурения в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX в. Раскрывается техника смолокурного производства, приводятся сведения о динамике численности смолокурных заведений, количестве занятых на производстве рабочих, объемах и рынках сбыта изготовленной продукции.

Ключевые слова: крестьяне, смолокурение, Марийский край, лесные промыслы, обработка древесины.

A.A. Filonov

THE DEVELOPMENT OF PEASANT SMOLDERING IN MARI REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The article examines the state and development of peasant smoldering in Mari region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The technique of smoldering production is revealed, information on the dynamics of the number of smoldering establishments, the number of workers employed in production, the volumes and sales markets of manufactured products are given in it.

Keywords: peasants, smoldering, Mari region, forestry, wood processing.

Во второй половине XIX – начале XX в. более 60% территории Марийского края занимали хвойные и лиственные леса. Наличие богатой сырьевой базы способствовало широкому распространению в крае лесных промыслов, имевших важное значение в хозяйственной деятельности местного населения, в том числе крестьян. Свою роль в этом сыграла и необходимость своевременной уплаты крестьянами казенных податей, выполнения повинностей, а также недостаточный уровень материального благосостояния сельских жителей.

Среди крестьянских лесных промыслов в Марийском крае важное место занимало смолокурение как один из видов химической обработки древесины. Заявленная проблематика не являлась предметом специального исторического исследования. Вместе с тем отдельные ее аспекты нашли определенное освещение в научной литературе. В дореволюционный период ценные фактические данные о числе смолокурных заведений на территории Царевококшайского, Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии, рынках сбыта произведенной смолы и скипидара, а также количестве отправленной на эти рынки продукции содержались в работе А.А. Овчинникова [26]. Интерес представляют специальные работы, посвященные развитию кустарной промышленности, и обобщающие труды по истории Казанской, Вятской и Нижегородской губерний, уезды которых частично составляли территорию Марийского края [8, с. 58–59, 63; 23, с. 19–20; 29, с. 107–110; 30, с. 6, 28, 157, 344–345].

В советский период значительный вклад в изучение крестьянского смолокурения в Марийском крае внесли исследователи А.А. Першаков [28], Т.А. Крюкова [14, с. 73–75], К.В. Данилович [6, с. 32–48; 7, с. 114–116], А.Н. Чимаев [37, с. 98]. Сведения об основных центрах развития смолокурения в крае, количестве смолокурных заведений, числе занятых на производстве рабочих и объемах изготавливаемой продукции представлены в обобщающих трудах, посвященных истории Марийской АССР дореволюционного периода [13, с. 180–181; 27, с. 229–232].

На современном этапе вышла из печати серия публикаций [11, с. 233–234; 33, с. 152–157; 34, с. 211–212; 35, с. 49; 36, с. 89], появился ряд обобщающих работ по истории Марий Эл, в которых уделено внимание различным аспектам крестьянского смолокурения в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX в. [10, с. 160; 12, с. 378–379, 425]. В целом в изучении заявленной проблематики накоплен большой объем фактического материала, который в совокупности с опубликованными источниками, в частности статистическими данными и периодической печатью, а также архивными документами позволяют охарактеризовать и проанализировать состояние и важнейшие тенденции развития крестьянского смолокурения в Марийском крае изучаемого периода.

Во второй половине XIX в. любой желающий заниматься смолокурением в казенном лесу подавал об этом в первой половине смолокурного года местному лесничему объявление, в котором прописывалось подробно, где и какое смолокурное заведение планировалось устроить. Лесничий, ознакомившись с поступившим объявлением, назначал соответственной величины лесное пространство, с которого можно было заготавливать осмол и топливо. При выдаче лесорубочного билета лесничий взыскивал со смолокура $\frac{1}{3}$ от причитавшейся с заведения годичной платы. По такому билету смолокур допускался к заготовке производственного сырья и топлива. Перед началом собственно смолокурения, то есть с 15 сентября, смолокур был обязан внести лесничему вторую треть от причитавшейся годичной платы. Получив эти деньги, лесничий давал приказ лесной страже о допущении смолокурения. Ввиду опасности пожаров при летнем смолокурении необходимым условием являлось функционирование смолокурных предприятий только

в течение 7 месяцев в году – с 15 сентября по 15 апреля. Остальные денежные средства смолокур должен был выплатить к 15 декабря. Если к этому сроку деньги не были внесены, то лесничий принимал решение приостановить работу смолокурного заведения и конфисковывал сырье для производства, дрова и готовую смолу до уплаты оставшихся денег. Если оплата не поступала до конца смолокурного года, то секвестрованный материал продавался, а деньги, вырученные от этого, поступали в казну.

За смолокурный год в начале 70-х гг. XIX в. назначалась следующая годовичная плата: с каждой железной или чугунной корчаги емкостью в $\frac{3}{4}$ куб. аршина – 21 руб.; с каждого котла с верхним диаметром 7–8 четвертей и емкостью в 2 куб. аршина – 37 руб.; с каждого котла с верхним диаметром 9–10 четвертей и емкостью в 4 куб. аршина – 49 руб.; с каждой печи емкостью в $\frac{1}{3}$ куб. сажени – 55 рублей. Как правило, смолокурный завод состоял из кирпичной печи и помещенного в нее железного котла, в который укладывался осмол в виде пней и корней. Они использовались для смолокурения не сразу после заготовки дерева, а спустя 5–10 лет. За это время верхняя часть древесины, содержащая мало смолистых веществ, отгнивала, а в сердцевинных частях таких веществ, наоборот, накапливалось больше. В то же время и корчевание пней, спустя значительный период после рубки, было более удобным, так как к этому времени многочисленные мелкие корни успевали отгнить. Однако не весь сосновый лес был одинаково богат смолистыми веществами. Это зависело от места и почвы, в которых произрастали деревья. Сосны, выросшие на высоких сухих местах с песчаной боровой почвой, содержали больше смолистых веществ, чем сосны, произраставшие на низких и влажных местах с более мягкой почвой. В нижней части котла делалось отверстие, куда вставлялась трубка для выпуска смолы. В трубку смола входила в газообразном виде и сгущалась в жидкость уже в конце ее. В углубление, делаемое в земле, ставилось ведро или бочка, служившая приемником продукта перегонки. Отопление печи производилось дровами из сухостойного и валежного леса [20, с. 51; 33, с. 152–153].

Главным центром смолокурного производства в Марийском крае являлся Царевококшайский уезд. Наибольшее количество крестьян, занятых смолокурением, встречалось в Моркинской, Себеусадской, Шиньшинской и Большешигаковской волостях [17, с. 59]. По данным исследователя К.В. Даниловича, в 1868–1869 гг. на казенных землях Царевококшайского уезда действовало 183 смологонных аппарата. В последующие годы смолокурение в уезде продолжило развиваться. Так, в 1878–1879 гг. число смологонных установок увеличилось до 304, из которых 234 (76,9%) находились на казенных, а 70 (23,1%) – на крестьянских землях. В это время смолокурением, изготовлением скипидара и вара были заняты крестьяне из 1246 дворов. Производство смолы в Царевококшайском уезде в конце 70-х гг. XIX в. составляло около 300 тыс. пудов, а общий размер вырученных от продажи смолы, угля и скипидара средств – не менее 170 тыс. рублей [6, с. 33–34, 37; 15, с. 35].

подавляющее большинство смологонных аппаратов, расположенных на крестьянских землях Царевококшайского уезда, принадлежало небольшим коллективам

от 2 до 10 человек. В конце 70-х гг. XIX в. из общего числа действовавших в уезде смолокурных заводов только 20 имели по одному хозяину. Остальные заведения принадлежали крестьянским артелям. Это обуславливалось тем, что для большинства смолокуров было непосильно приобрести котел в индивидуальное владение. В артелях общие интересы пайщиков включали коллективное владение смологонными аппаратами и совместную уплату пошлин в казну. Смолокурными члены артели пользовались поочередно. Время такого пользования распределялось пропорционально внесенному паю. Заготовка сырья и сбыт произведенной продукции осуществлялись пайщиками индивидуально [6, с. 34–35; 16, с. 171–172].

В Чебоксарском уезде смолокурение получило наибольшее распространение в тех частях Чебоксарской, Посадско-Сотниковской, Помарской и Помьяльской волостей, которые располагались на левом берегу реки Волги. По данным 1884 г., в Чебоксарской волости смолокурением было занято 39 крестьян. Каждый из них за сезон изготавливал 250–300 пудов смолы. В Посадско-Сотниковской волости смолокурным производством занимались крестьяне д. Сидельниково Федор Васильев, Иван Павлов и Роман Петров, а также крестьянин д. Кокшамары Василий Матюков [4, л. 158–158 об., л. 161–161 об.; 33, с. 154]. В 1889 г. смолокурением в Чебоксарском уезде было занято около 120 человек. В этом году 2 смолокурных завода имелись в Помарской волости и 59 – в Чебоксарской волости. Крестьяне-смолокуры здесь также объединялись в артели в среднем по 5 чел. и заключали договор с купцами или другими лицами. По этому договору купец обязан был выдать крестьянам в течение смолокурного периода по частям на каждую печь 84 руб., а крестьяне обязывались предоставить ему в конце сезона не менее 300 пудов смолы с каждой печи. За каждый недостающий пуд вычиталась неустойка в 28 коп., но и за каждый лишний пуд крестьянам выплачивалась такая же сумма. Деньги в сумме 72 руб. выдавались по частям в течение 6 месяцев, а остальные – в конце сезона [18, с. 68].

В Козьмодемьянском уезде смолокурный промысел был организован достаточно примитивным корчажным способом. По данным лесного ревизора Грауэрта, смолокурные заводы здесь устраивались вблизи озер, рек или болот и имели вид навеса, который делался на 4 столбах с односкатной крышей. Возле навеса ставилась «зимница» для проживания смолокуров. Внутри навеса устраивалась печь, в которую устанавливали чугунную корчагу с отверстием на дне. Под землей на глубине 1 аршина прокладывался желоб длиной 5–8 саженьей. С одной стороны он был связан с отверстием в корчаге, а с другой стороны желоба вырывалась яма высотой в человеческий рост, и ставилось ведро для смолы. Сырьем для ее производства являлись пни и корни срубленных деревьев. Они раскалывались на мелкие части и плотно укладывались в корчагу, что называлось «зарядом». Затем корчага закрывалась крышкой и под ней разводился огонь. Действие корчаги продолжалось от 7 до 10 часов. Таким образом, в сутки делалось 2–3 «заряда». С каждого из них получалось до 1,5 пуда чистой смолы, а с 3 «выкурков» выходил 1 четвертной куль угля. Чугунная корчага стоила 20 руб. и использовалась в течение 2 лет. Принимая в расчет минимальное количество «выкурной» смолы, то есть от 2 «зарядов» в сутки, и время действия завода с 1 ноября по 20 марта, исключая при этом приблизитель-

но 20 нерабочих дней, оказывалось, что за этот период могло быть произведено около 360 пудов смолы по 40 коп. за пуд на 144 руб. и 80 кулей угля по 25 коп. за куль на 20 руб., а всего на сумму 164 руб. Расход на производство смолокурения составлял около 48 руб. в год, в том числе 10 руб. за корчагу, 22 руб. пошлины в казну и 16 руб. за бочки и кули. Таким образом, чистый доход от смолокурения с 1 корчаги за сезон составлял по приблизительным подсчетам 116 рублей [17, с. 73–74; 34, с. 211].

В 1868–1869 гг. в 1-м Козьмодемьянском лесничестве насчитывалось 21 смолокуренное заведение с 61 корчагой. Они принадлежали крестьянам деревни Луговой Кушерги Козьмодемьянского уезда Афанасию Федорову, Федору Яковлеву, Даниле Андрееву, Матвею Андрееву, Николаю Федорову, Алексею Егорову; деревни Апаево того же уезда Матвею Данилову, Игнатию Петрову, Алексею Петрову, Илье Сергееву и другим. В целом за вышеотмеченный период в этих смолокурнях было произведено около 15 345 пудов смолы и 1400 четвертей угля [1, л. 1–12]. К 1 января 1872 г. здесь была уже 71 смолокуренная установка со 112 корчагами емкостью в 3/4 куб. сажени. Годовая плата с заведений поступала в казну в сумме 2352 руб. [2, л. 33; 33, с. 155]. В течение 1872 г. было закрыто 7 заведений, а вновь открыто 31. Таким образом, к концу 1872 г. в 1-м Козьмодемьянском лесничестве функционировали 95 смолокуренных заводов, на которых числилось 195 корчаг емкостью в 3/4 куб. аршина. Сумма годовой оплаты с этих заведений составляла 4095 руб. [3, л. 3; 33, с. 155]. По данным 1886 г., в уезде насчитывалось 90 смолокуренных заводов. Примечательно, что весь этот промысел находился здесь в руках марийского населения [19, с. 86]. В Козьмодемьянском уезде, как и в Царевококшайском, мелкие смолокуры объединялись в артели, но только по 2–3 человека [17, с. 61].

Значительного развития смолокуренное производство достигло в тех частях Яранского и Уржумского уездов Вятской губернии, которые относились к территории Марийского края. В 1870 г. в Яранском уезде было 6 смолокуренных заведений с 17 рабочими и годовым оборотом в 2472 руб. [9]. В 1882 г. здесь действовала уже 61 смолокурня. Наибольшее распространение это производство получило в Ернурской, Кадамской, Юкшумской, Великореченской и Притыкинской волостях [20, с. 81; 33, с. 155]. По данным подворной описи 1891 г., в Яранском уезде смолокурением и дегтекурением занимались 711 человек, проживавших в 433 дворах, в том числе 182 (25,6%) марийца в 111 дворах [22, с. 119; 33, с. 155].

В 1870 г. в Уржумском уезде насчитывалось 87 смолокуренных предприятий. На производстве было занято 228 рабочих, а годовой оборот составлял 4910 руб. [9]. По данным земского статистика Н.Н. Романова, в уезде в 1876 г. на казенных землях действовало 148 смолокуренных заводов с 547 казанами и котлами. К этому следует прибавить еще несколько десятков смолокурен, располагавшихся на крестьянских землях. В основном это были мелкие предприятия, на каждом из которых насчитывалось в среднем не более 4 казанов. Заводы устраивались товариществами из нескольких лиц. Так, у 45 смолокурен в 1-м Уржумском лесничестве значилось официально 80 владельцев, а 103 завода, находившиеся во 2-м Уржумском лесничестве, принадлежали 124 владельцам [31, с. 182–183]. В 1880 г. в Уржумском уезде насчи-

тывалось уже 255 смолокуренных заведений, из которых большая часть принадлежала крестьянам Теребиловской, Сендинской, Турекской, Ирмучашской и Кораксолинской волостей [24]. В 1882 г. в Уржумском уезде функционировало 277 смолодегтярных предприятий. В течение года было произведено 10 108 пудов дегтя, 365 100 пудов смолы и 134 600 кулей угля [32, с. 710]. В 1884 г. число смолокуренных предприятий в этом уезде достигло 392, причем 253 (64,5%) из них работали на территории, относившейся к Марийскому краю [7, с. 114].

Изготовление смолы в Уржумском уезде производилось в чугунных котлах, казанах или же в кирпичных ямах. Котел представлял собой усеченный конус высотой в 5 четвертей и 7 четвертей в диаметре. Он вкладывался в печь так, чтобы пламя при ее топке охватывало $\frac{3}{4}$ его поверхности. В нижней части котла делалось отверстие, куда вставлялась трубка для выпуска смолы. Осмол укладывался в котел, который плотно закрывался крышкой. Ее тщательно промазывали глиной, чтобы исключить возможность доступа воздуха и не допустить воспламенения находившегося там осмола. Гонка смолы в котлах продолжалась 12–18 часов в зависимости от времени года. В сутки на четырехкотельном заводе «выкуривалось» до 5 пудов смолы, а за весь период смолокурения – до 40 бочек. После каждой выгонки смолы оставался уголь, который впоследствии использовался для топки печей, продавался кузнецам по 20–30 коп. за куль или сплавлялся по реке Вятке. Котельная смола имела красноватый цвет, была достаточно густой и вследствие ее невысокого качества продавалась на месте по 30–35 коп. за пуд. Смола более высокого качества (жидкая, черного цвета, без запаха и гари) получалась при производстве в казанах и продавалась в Казани по 60–70 коп. за пуд. Казан также вкладывался в печь так, чтобы пламя охватывало всю его поверхность. При этом один бок казана должен был находиться на вершок ниже другого. В нижней части казана устраивалось отверстие, куда вставлялась трубка для выхода смолы. Если с каждого казана смолокур производил менее 400 пудов, то получал по 5 коп. с пуда, если больше 400 пудов, то по 6 коп., а если больше 450 пудов – по 7 коп. Общий заработок смолокура в месяц составлял от 8 до 10 руб. Худшая по качеству смола получалась при ямном способе производства. Длина и ширина такой ямы составляла 2 аршина, а высота – $1\frac{1}{2}$ аршина. Для обкладки ямы необходимо было 500–700 кирпичей. Перед началом смолокурения яма закрывалась железной крышкой [21, с. 61–62].

В Уржумском и Яранском уездах крупные смолокуренные предприятия принадлежали, как правило, лесопромышленникам. Предприятия средних размеров чаще всего находились в собственности зажиточных крестьян, которые вели производство с использованием наемной рабочей силы. Лично участвовали в изготовлении смолы только самые мелкие предприниматели [27, с. 230].

В конце 80-х гг. XIX в. в Макарьевском уезде Нижегородской губернии смолокурением занимались около 700 человек. Эта работа велась преимущественно в 3-м и 4-м Макарьевских казенных лесничествах, а также в некоторых частновладельческих лесах. Производство смолы осуществлялось в железных казанах, кирпичных печах или чугунных котлах. Последний тип выработки постепенно исчезал. Наиболее совершенным приемом являлась комбинация кирпичной печи и казана,

в которых за 7 месяцев вырабатывалось около 1500 пудов смолы и 500 пудов скипидара. Смолокурный промысел в уезде был организован следующим образом. Трое или пятеро смолокуров договаривались весной с кем-либо из крупных скупщиков смолы относительно предстоящего сезона смолокурения. При заключении договора «хозяин» предоставлял артели средства для устройства завода в арендованном им у казны квартале лесной дачи и в течение 7 месяцев снабжал их всем необходимым. По окончании полевых работ начиналась подготовка производственного материала — осмолы, а также дров для выгонки смолы. Корчевание пней, как работа, требовавшая недюжинной физической силы и специальных умений, поручалась особым рабочим, которым платилось в неделю на хозяйских харчах от 2 до 3 рублей. Перед заготовкой пня рабочий окапывал и очищал его корни, обрубал их и затем ломом выворачивал пень.

С Михайлова дня (8 ноября) в Макарьевском уезде начиналось собственно смолокурение. На высоком берегу реки или просто на возвышенном холме ставился завод, т.е. обыкновенный сарай с крышей. Внутри его ставился сруб, в котором помещался массивный чугунный котел с печкой («смольник»). Под землей на протяжении 10–20 саженей прокладывались трубы, изготовленные из просверленной осины. Они выходили к скату холма или берега, где ставился шалаш с деревянным чаном. На смолокурном заведении зачастую было занято двое рабочих: один из них подготовлял топливо, раскалывал пни, выгребал угли из котла, а другой непосредственно следил за выработкой смолы и непрерывным поддержанием огня. Гонка смолы шла непрерывно. При этом рабочий «спал и ел урывками». В нескольких шагах от места работы устраивалась небольшая избушка — зимница для размещения рабочих. В летнее время смолокуры, спасаясь от комаров, спали на «подкурах», когда в землю вкапывались толстые жерди высотой в три сажени. На них устраивались полаты из ветвей. Под этими полатами раскладывали на земле огонь, что отгоняло комаров, которыми так изобиловали болотистые места и поросшие лесом берега Ветлуги.

Вся продукция сухой перегонки древесины в Макарьевском уезде по мере выработки доставлялась скупщикам. Окончательный расчет за нее производился лишь весной. Иногда смолокурам за покрытием текущих расходов оставалась весьма незначительная сумма. В связи с этим они нередко говорили про свою зимнюю работу: «Сохнешь, сохнешь на работе целую зиму, а из-за чего — и сам не знаешь». В среднем, однако, можно считать, что рабочий, получая 1½ – 2 руб. в неделю за зиму на хозяйских харчах, зарабатывал 40–60 руб., а смолокур при хорошем работнике и одной лошади выручал около 100 руб. чистого дохода. Иногда при окончательном расчете со скупщиком смолокур не получал и этой суммы. Принимая смолу, скупщики настолько занижали ее цену и, наоборот, повышали цены на все продукты, выданные в течение зимы смолокуру по книжке, что разница бывала для смолокура абсолютно неожиданной. Скидывая в цене, скупщики объясняли это тем, что в каждой бочке смолы содержался значительный отстой воды, а при продаже от скупщика принималась только чистая смола. Произведенная в частновладельческих и казенных лесах Макарьевского уезда продукция смолокурения сухопутным путем доставлялась для продажи в Воротынец, Лысково, Нижний Новгород, и незначительная часть вес-

ной вместе с лесом сплавлялась в Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии [25, с. 75–77; 29, с. 107–110].

Крестьянам, желавшим заниматься смолокурением, выдавались ссуды, для получения которых нужно было сначала предоставить «ручательство благонадежных лиц». Нередко у крестьян-кустарей возникали опасения каких-либо неблагоприятных результатов производства или убытков, в результате чего они могли стать несостоятельными в уплате долга. Для облегчения условий займа 6 октября 1887 г. было принято решение предоставлять ссуду по удостоверению, выдаваемому волостными правлениями о том, что лицо, желавшее ею воспользоваться, занималось кустарным производством. Деньги планировалось выдавать под личное обязательство заемщика в сумме не более $\frac{2}{3}$ ценности производства [4, л. 162–162 об., 182, 184; 33, с. 156]. 22 сентября 1894 г. крестьянин с. Алексеевское Помарской волости Чебоксарского уезда Осип Павлов обратился в уездную земскую управу с ходатайством о выдаче ему ссуды в размере 30 руб. Он занимался смолокурением в Алексеевской сборной даче 2-го Чебоксарского лесничества. В итоге просьба О. Павлова была удовлетворена. Деньги следовало вернуть к 1 мая 1895 года. До возврата ссуды он не имел права убирать с места производства оборудование смолокурного завода. Это имущество служило залогом в обеспечение своевременной уплаты долга. В случае невыплаты положенной суммы управа могла продать приспособления для смолокурения, а если вырученной от продажи суммы не хватало для выплаты долга, то в продажу поступало и другое имущество заемщика [5, л. 115–115 об.; 33, с. 156].

Вплоть до конца XIX в. смола и деготь были главными продуктами сухой перегонки дерева. Однако с начала 80-х гг. темпы развития смолокурного производства замедлились. С этого времени смола как смазочный материал для осмолки судов и рыболовных снастей начала вытесняться с рынков Нижнего Поволжья продукцией быстро растущей нефтяной промышленности. Постепенно понижалась цена на смолу. Так, стоимость 1 пуда смолы уменьшилась с 40 коп. в 1886 г. до 23 коп. в 1890 г. Свою роль сыграло и повышение казенных пошлин за право производить смолокурение – с 22 руб. в 1886 г. до 28 руб. в 1890 г. Все это привело к тому, что смолокурный промысел со временем становился невыгодным, а количество заводов в этой сфере с каждым годом уменьшалось. Значительно сокращался и размер производства [19, с. 87–88]. По подсчетам А.А. Овчинникова, в 1886 г. в одном Царевококшайском уезде было получено 242 тыс. пудов смолы, а в 1904 г. в Царевококшайском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах было выработано только 224 тыс. пудов. В то же время росло производство скипидара. Если в 1886 г. во всех смолокурных заведениях Царевококшайского уезда было выработано 9400 пудов скипидара, то в 1904 г. только за пределы края было отправлено в 10 раз больше – 96 тыс. пудов. Это было вызвано повышением спроса на скипидар в Центральной России и даже за границей. К концу XIX в. почти все смолокуры Марийского края стали улавливать пары скипидара. В конце 70-х гг. XIX в. в Царевококшайском уезде скипидар добывало только 14% смолокурных предприятий, а в 1901 г. таких заведений насчитывалось уже 92%. Общее количество

лиц, связанных со смолокурением, в вышеупомянутых трех уездах Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. составляло около 3 тыс. чел. с учетом не только смолокуров и смольекопов, но и крестьян, занятых транспортировкой продуктов сухой перегонки древесины [26, с. 30–32, 148; 27, с. 230].

Смолокуренное производство в Марийском крае имело товарный характер. Сбыт произведенной продукции осуществлялся преимущественно на отдаленных рынках – в Казани, Нижнем Новгороде, низовьях Волги, Москве, Петербурге и даже за границей [14, с. 75]. Осуществление таких торговых операций требовало наличия крупного капитала. Это создало условия для появления скупщиков. В итоге крупные скупщики подчинили себе массу мелких смолокуров Марийского края, которым зачастую, вследствие безденежья, приходилось сдавать скупщикам произведенную продукцию по заниженной цене. В Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах смолокуры работали преимущественно на крупных скупщиков. Так, в начале XX в. 2/3 смолокурных предприятий Козьмодемьянского уезда были оборудованы за счет торгового дома Тихомирновых в Казани и должны были поставлять ему продукцию своего производства. Норма поставки для каждого предприятия была установлена в размере 2000 пудов смолы и 700 пудов скипидара. За продажу произведенной продукции другому адресату предусматривалась уплата неустойки. Смолокуры Ардинской волости Козьмодемьянского уезда сбывали смолу и скипидар оптовым торговцам братьям И.А. и А.А. Зуевым, у которых здесь же находились заводы по производству скипидара и вара. В Царевококшайском уезде ситуация была иной. Здесь не менее половины смолокуров сдавали смолу и скипидар владельцам мелких скипидароочистительных и вароваренных заводов, в роли которых чаще всего выступали зажиточные крестьяне, которые затем поставляли товар крупным фирмам [6, с. 41–42]. Сбыт сухой перегонки дерева Царевококшайского, Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов сосредотачивался в руках всего 5 крупных скупщиков-экспортеров. Помимо упомянутых Тихомирновых и братьев Зуевых к их числу относились также С.И. Хлебников и Д.Ф. Сотнев. В Вятской губернии средние и мелкие производители также вынуждены были сбывать изготовленную продукцию крупным или мелким скупщикам [6, с. 45].

В целом во второй половине XIX – начале XX в. смолокурение получило достаточно широкое распространение среди крестьянского населения Марийского края. В 70–80-е гг. XIX в. здесь наблюдалась устойчивая тенденция по увеличению количества смолокурных предприятий и росту объемов производимой продукции. Однако уже с конца XIX в. ситуация начала меняться. Размеры заработка крестьян от занятия смолокурением стали сокращаться. На это оказали влияние снижение цен на продукцию, вследствие сокращения спроса на нее на рынках страны, уменьшение площади лесов, дороговизна билетов на право смолокурения в казенных лесах, увеличение стоимости лесного материала. Крестьяне-смолокуры Марийского края работали на скупщиков и в большинстве своем находились на положении наемных рабочих.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 154. Оп. 1. Д. 324. Л. 1–27.
2. ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 330. Л. 1–35.
3. ГА РМЭ. Ф. 154. Оп. 1. Д. 338. Л. 1–56.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 15. Оп. 1. Д. 512. Л. 1–194.
5. ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1000. Л. 1–178.
6. Данилович К.В. Кустарные промыслы Марийского края и их экономическая организация в пореформенный период // Тр. МарНИИ. – 1961. – Вып. 16. – С. 31–65.
7. Данилович К.В. Торговый капитал в мелких промыслах Марийского края в пореформенный период // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: дооктябрьский период. – Йошкар-Ола, 1978. – С. 112–117.
8. Емельянов В.Д. Родиноведение: география Вятской губернии. – Вятка, 1917. – 151 с.
9. Залесский П.М. Смолокурное производство в Вятской губернии и рациональные способы его развития // Вятские губернские ведомости. – 1872. – № 18. – 1 марта. – С. 3–4.
10. Иванов А.Г., Сануков К.Н. История Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2015. – 300 с.
11. Иванов А.Г., Филонов А.А. Развитие крестьянских лесных промыслов в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX века // Региональное измерение аграрной модернизации в России: Материалы VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 16–17 сентября 2020 г.) / отв. ред. Г.А. Куршева. – Саранск, 2020. – С. 231–240.
12. История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX века / отв. ред. А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола, 2020. – 543 с.
13. История Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1986. – Т. 1. – 300 с.
14. Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. – Йошкар-Ола, 1956. – 160 с.
15. Левитский И. Лесные промыслы Царевококшайского уезда // Лесной журнал. – СПб., 1881. – № 1. – С. 24–37.
16. Левитский И. Лесные промыслы Царевококшайского уезда // Лесной журнал. – СПб., 1881. – № 2–3. – С. 163–174.
17. Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. – Казань, 1887. – 295 с.
18. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 8. Уезд Чебоксарский. – Казань, 1890. – 123 с.
19. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 10. Уезд Козьмодемьянский. – Казань, 1891. – 147 с.
20. Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. – Вятка, 1891. – Вып. 3. – 252 с.
21. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 2. Уржумский уезд. – Ч. 2. Подворная опись. – Вятка, 1887. – 654 с.
22. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 9. Яранский уезд. – Ч. 2. Подворная опись. – Вятка, 1893. – 739 с.
23. Моисеев В.Е. Кустарная промышленность в Уржумском уезде Вятской губернии. – Уржум, 1913. – 78 с.
24. Народное хозяйство и экономическая деятельность населения в Уржумском уезде // Вятские губернские ведомости. – 1880. – № 27. – 2 апр. – С. 3–4.
25. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. 2. Кустарные промыслы Нижегородской губернии / сост. М.А. Плотников. – СПб., 1896. – 133 с.

26. Овчинников А.А. Смолокурение в Царевококшайском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии. – Казань, 1905. – 219 с.
27. Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции). – Йошкар-Ола, 1965. – 363 с.
28. Першаков А.А. Смолокурение и положение химической переработки дерева в Казанском крае. – Казань, 1923. – 397 с.
29. Плотников М.А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. – Н. Новгород, 1894. – 280 с.
30. Спасский Н.А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. – Казань, 1912. – 376 с.
31. Статистическое описание Уржумского уезда Вятской губернии / сост. Н. Романов. – Вятка, 1879. – 316 с.
32. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – СПб., 1884. – Вып. 12.
33. Филонов А.А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков. – Йошкар-Ола, 2014. – 296 с.
34. Филонов А.А. Развитие крестьянских лесных промыслов в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: Материалы VII Всерос. (XV региональной) с междунар. участием конф. ист.-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2018. – С. 208–217.
35. Филонов А.А. Развитие крестьянских лесных промыслов в Царевококшайском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Марийского гос. ун-та. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – № 3 (11). – С. 47–54.
36. Чимаев А.Н. О предпринимательстве крестьян на территории Марийского края в конце XIX – начале XX вв. // Марийский археогр. вестн. – 2005. – Вып. 15. – С. 72–97.
37. Чимаев А.Н. Развитие крестьянской промышленности на территории Марийского края в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: дооктябрьский период. – Йошкар-Ола, 1978. – С. 91–102.

УДК 94(47)

А.А. Шадышков

*Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова
г. Ульяновск, Россия*

ПРИНЦИП ПЛАНИРОВАНИЯ «СНИЗУ» И ПРАКТИКА АДМИНИСТРАТИВНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЛА КОЛХОЗОВ В ПЕРИОД С 1953 ПО 1964 Г. (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

В статье предпринята попытка рассмотреть нестабильное состояние аграрной отрасли и сельскохозяйственного быта, которое продолжает оставаться нерешенной проблемой и сегодня. В середине XX в. в сельской экономике сложились и взаимодействовали различные хозяйственно-организационные формы, которые при условии грамотной государственной политики могли конкурировать и дополнять друг друга, но партийная политика в деревне перечеркнула эту уникальную возможность.

Ключевые слова: страна, совершенные модели экономического развития, исторический опыт, сельскохозяйственная школа, председатель колхоза, приемные испытания, стипендии, сельское хозяйство.

A.A. Shadyshkov

**THE PRINCIPLE OF PLANNING «FROM BELOW» AND THE PRACTICE
OF ADMINISTRATIVE INTERFERENCE IN THE AFFAIRS OF COLLECTIVE FARMS
IN THE PERIOD FROM 1953 TO 1964
(ON THE EXAMPLE OF THE MIDDLE VOLGA REGION)**

The article attempts to consider the unstable state of the agricultural sector and agricultural life, which continues to be an unsolved problem today. In the middle of the 20th century, various economic and organizational forms developed and interacted in the rural economy, which, subject to competent state policy, could compete and complement each other, but party politics in the countryside crossed out this unique opportunity

Keywords: country, perfect models of economic development, historical experience, agricultural school, chairman of the collective farm, admission tests, scholarships, agriculture.

Особенности модернизации сельского хозяйства России в сфере социальных реформ XX в., несомненно, актуальный материал, особенно если учитывать реформы, происходящие в нашем государстве, в данной сфере с 1953 г., который стал знаменательным в истории СССР [1].

Поворот в аграрной политике начался с принятия мер экономической поддержки колхозов, совхозов и хозяйств сельских жителей. Провозглашался принцип планирования «снизу», осуждалась практика административного вмешательства в дела колхозов [3]. Однако ни в хозяйственном, ни в организационном плане эти преобразования не дали ожидаемого результата. «Прошло уже немало времени (после войны), и за это время капиталистические страны, тоже пострадавшие от войны, к примеру Франция и ФРГ, не только восстановили сельское хозяйство, но и так его развили, что имеют излишки, которые (к стыду нашему) продают даже нам. А наши совхозы и колхозы, потенциально имеющие несомненные преимущества перед их частным сельским хозяйством, почти не развиваются» [6].

Примеры уродливого администрирования, оборачивавшегося для регионального сельского хозяйства огромными экономическими и моральными издержками, были довольно-таки часты. В итоге аграрная отрасль Пензенской области подошла к 1964 г. в крайне плачевном состоянии. В 1963 г. колхозы и совхозы не выполнили государственные задания ни по одному из видов животноводческой продукции.

Растениеводство в 1963 г. в целом по области дало прибыль в сумме 16 млн руб., а животноводство – убыток в 36 млн руб., из чего сложился сальдированный убыток в сумме 25,4 млн руб. [2].

Таблица 1

Динамика изменения числа хозяйств, имеющих сельскохозяйственные доходы, облагаемые налогом, по Пензенской области [4]

Годы	1952 г.	1953 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Колхозники	194 105	186 754	183 022	182 742	182 900	161 933	150 135
Единоличники	1 630	1 276	1 084	1 143	1 275	759	208

Сокращение числа хозяйств, имеющих сельскохозяйственные доходы, происходило параллельно с увеличением числа совхозов.

На места из центра «полетели» необоснованные планы сдачи сельскохозяйственной продукции, которые местные власти всеми силами пытались выполнить.

Многие частные владельцы лишились домашних животных, в результате чего количество хозяйств колхозников, имеющих сельскохозяйственные доходы, по сравнению с 1958 г., сократилось в 1959 г. с 161933 до 150135, а количество хозяйств единоличников – с 759 до 208 [4].

Это один из примеров того, что многие решения в отношении сельского хозяйства были приняты как сопутствующие в контексте решения других важных проблем.

Таблица 2

Выполнение плана сдачи государству яиц и мяса

Виды хозяйств	Яйца, %	Мясо, %
Колхозы	30,4	85,6
Индивидуальные хозяйства	109,1	91,2
Совхозы	100,3	67,6

Владельцы индивидуальных хозяйств не только выполняли, но и перевыполняли планы государственных поставок. В середине XX в. в сельской экономике сложились и взаимодействовали различные хозяйственно-организационные формы, которые при условии грамотной государственной политики могли конкурировать и дополнять друг друга. Однако партийная политика в деревне перечеркнула эту уникальную возможность. Так, например, прием на второй курс в Пензенскую сельскохозяйственную школу по подготовке председателей колхозов производился без приемных испытаний, а поступившим гарантировалась выплата стипендии в размере 200 руб. в месяц. Руководство страны понимало необходимость социальных реформ в сельской местности как платформы для дальнейшего экономического развития [7].

Постепенно бегство из деревни приобретало разрешенные законом формы. Постоянно производившиеся наборы на работы в другие области срывали крестьян с места, нарушая семейно-крестьянский уклад, нанося вред сельскому хозяйству. Планы на отпуск людей из района спускались сверху без учета реальной ситуации.

Следует отметить, что, например, при крайне низкой механизации, когда из 540 гектаров на условный трактор в среднем по Пензенской области нагрузка составляла 630 гектаров, ручной труд являлся основным средством производства в сельском

хозяйстве [5], а масса колхозов имела чрезмерную нагрузку, непродуманная переселенческая политика являлась одной из причин напряженности в выполнении сельскохозяйственных планов.

В заключение следует отметить, что данный период характеризуется оттоком населения из села в города. Причины этого кроются в низкой оплате труда, отсутствии перспектив, также элементарных бытовых условий. Волна оттока из сельской местности во второй половине 1950-х гг. была связана с «новым накатом» на личное крестьянское хозяйство.

Источники и литература

1. Бойко Н.С., Столяров А.Н., Шадышков А.А. Особенности модернизации сельского хозяйства России в сфере социальных реформ XX века // I Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и преподавателей «Российская цивилизация в эпоху глобальной эволюции: обеспечение безопасности и поиск путей решения проблем в условиях меняющегося миропорядка» (15–16 октября 2021 г.). – Армавир, 2021. – С. 186–189.

2. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5892. Оп. 1. Д. 131. Л. 127.

3. ГАПО. Ф. 5892. Оп. 1. Д. 131. Л. 126–134.

4. ГАПО. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 2212. Л. 31; Д. 1988. Л. 36; Д. 3745. Л. 34; Д. 1740. Л. 6; Ф. Р-1882. Оп. 1. Д. 3025. Л. 1. 84, 141, 196.

5. ГАПО. Ф. Р-1882. Д. 3025. Л. 43.

6. Российский государственный архив экономики (ГРАЭ). Ф. 4372. Оп. 66. Д. 344. Л. 2.

7. Свет и тени «великого десятилетия»: Н.С. Хрущев и его время. – Л., 1989. – С. 117–119; Сталинское знамя. – 1959. – 27 мая.

РАЗДЕЛ IV. АГРОКУЛЬТУРНЫЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

УДК 37.011.31(470.343)

И.В. Алметева

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия*

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В МАРИЙСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена проблеме подготовки учительских кадров для начальных школ на территории Марийского края во второй половине XIX – начале XX века. Автор рассматривает основные учебные заведения, подготавливающие квалифицированные педагогические кадры для школ края, описывает деятельность педагогических курсов, которые являлись важным компонентом передачи педагогических теорий и опыта преподавания в рассматриваемый период времени.

Ключевые слова: Марийский край, Казань, Козьмодемьянск, Царевококшайск, учительская семинария, институт, гимназия, педагогические курсы, начальные школы, учителя.

I.V. Almeteva

PREPARING OF TEACHING STAFF IN MARI REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The article is devoted to the problem of teacher training for primary schools in Mari region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author examines the main educational institutions that prepare qualified teaching staff for the schools of the region, describes the activities of pedagogical courses, which were an important component for the transfer of pedagogical theories and teaching experience in the period under review.

Keywords: Mari region, Kazan, Kozmodemyansk, Tsarevokokshaysk, teachers' seminary, institute, gymnasium, pedagogical courses, primary schools, teachers.

Первые учебные заведения в Марийском крае появились во второй половине XVIII в.: это Царевококшайская новокрещенская школа (1749 г.) и Козьмодемьянское малое народное училище (1791 г.). Их открытие было связано с политикой христианизации и русификации. В первой половине XIX в. количество учебных заведений увеличилось незначительно, всего насчитывалось 26 начальных школ, принадлежавших различным ведомствам. Учителями в этот период времени в основном являлись священнослужители.

Система начального школьного образования в крае возникла во второй половине XIX в. и была представлена различными типами школ светского и духовного ведомств. Численность начальных школ светского ведомства в 1865 г. составляла

36 земских школ, а в 1915 г. соответственно она возросла до 355 школ различного типа (324 земские, 29 училищ Министерства народного просвещения, 2 начальные профессиональные школы). Количество светских школ за эти годы увеличилось почти в десять раз. По удельному весу преобладали земские училища (91,3% от численности светских школ).

Численность начальных школ духовного ведомства в 1865 г. составляла 26 церковно-приходских школ, а в 1915 г. соответственно она возросла до 202 школ различного типа (116 церковно-приходских, в том числе две при монастырях, 36 школы грамоты, 14 школ Братства святителя Гурия, 26 миссионерских, 10 школ Братства святителя и чудотворца Николая). Количество церковных школ за эти годы увеличилось почти в восемь раз. По удельному весу преобладали церковно-приходские школы (48,8% от численности духовных школ), занимавшие второе место (24,4%) вслед за земскими в системе начального народного образования в крае в начале XX в. [1, с. 454–455].

С увеличением количества учебных заведений встал вопрос об обеспечении их подготовленными педагогическими кадрами. Приходские священники потеряли, в отличие от предшествующего времени, монопольное право быть учителями начальной школы. Приток свежих сил в учительский состав пришелся на 70–80-е гг. за счет выходцев из крестьянского и мещанского сословий, различных слоев разночинцев и других групп населения. В это же время среди учителей края заметно увеличилось число выходцев из числа марийских крестьян, а также женщин-учительниц.

Общее и специальное педагогическое образование учителя начальных школ Марийского края получали в Казани, Вятке, Козьмодемьянске, Царевококшайске, Уржуме, Уньже. Казань, как губернский центр и центр учебного округа, являлась основной кузницей преподавательских кадров всех типов школ Марийского края.

Одним из главных учебных заведений, пользовавшихся большой популярностью, считалась Казанская учительская семинария, открытая 26 октября 1872 г. В ней обучались 240 казенных воспитанников, одну половину которых составляли русские, а другую крещеные «инородцы»: татары, чуваша, марийцы, мордва, вотяки и др. В семинарию могли поступать также стипендиаты разных учреждений и частные лица.

Курс обучения в семинарии длился три года. Преподавались Закон Божий, русский и церковно-славянский языки, наглядное объяснение местных произведений и явлений природы, арифметика, начало геометрии и землемерие, русская история и география, основания педагогики и дидактики, письмо и черчение, церковное пение, игра на скрипке, гимнастика, ремесла. Для практических занятий при семинарии были учреждены четыре «инородческие» начальные школы (мордовская, чувашская, марийская, вотякская). Татары проходили практику в Казанской центральной крещено-татарской школе, русские – в одной из начальных школ Казани. Со второго полугодия воспитанники семинарии II курса начинали посещать уроки в начальных школах, а в III классе сами поочередно давали уроки, занимаясь сначала

с одним отделением, а в последнем полугодии – с тремя группами. С сентября 1877 г. при семинарии существовал подготовительный класс.

В первые годы после открытия семинарии было трудно набрать в нее хорошо подготовленных инородцев, число их было довольно ограничено, и они с большим трудом доводились до конца курса. За период со дня основания семинарии до 1890 г. «инородцев», окончивших курс, было меньше, чем русских. По данным С. Чичериной, за 1872–1905 гг. семинарию окончили 88 марийцев [10, с. 14]. За все время существования Казанской учительской семинарии с 1872 по 1919 гг. в ее стенах выучились 128 марийцев [7, с. 91].

В числе первых выпускников Казанской учительской семинарии был Василий Захарович Захаров, сын марийского крестьянина д. Другой Юльшудермар Козьмодемьянского уезда, ставший учителем-миссионером в Царевококшайском уезде. Выпускник 1884 г. Тимофей Семёнов, сын крестьянина д. Нурбели Уржумского уезда Вятской губернии, был принят на работу в качестве учителя марийского училища при семинарии [6, л. 22]. Выпускниками данной семинарии были: основоположник марийской литературы Сергей Григорьевич Чавайн, а также видные общественные деятели и просветители Владимир Алексеевич Мухин (Сави), Сергей Гаврилович Гаврилов (Эпин), Петр Васильевич Малышев, Александр Иванович Кидалашев и др.

Важную роль в подготовке учителей сыграли также учительские институты. Казанский учительский институт был открыт 24 октября 1876 г. Курс обучения в них продолжался три года и разделялся на три класса. При нем для практики студентов имелось городское училище. В институте и училище изучались следующие предметы: Закон Божий, педагогика, русский язык и церковно-славянское чтение, математика, геометрия, естествоведение и физика, история и география, рисование, черчение, чистописание, пение, гимнастика, ручной труд, с 1897 г. – анатомия, физиология, гигиена. Учительские институты окончили небольшое количество марийцев, но среди них были такие известные просветители, как Игнатий Трофимович Митюк и Михаил Иванович Веткин.

На рубеже XIX–XX вв. большую популярность среди девушек получает Казанская земская школа для образования народных учительниц, открытая 2 ноября 1871 г. Курс учения был четырехгодичный, а с начала XX в. – пятилетний. При учительской школе существовало одноклассное училище для практических занятий. Выпускницам присваивалось звание учительниц начальных городских и сельских народных училищ. Преимущественно принимали в это учебное заведение девушек «из крестьянок и преимущественно из инородок». Однако нередко в числе обучающихся в школе земских стипендиаток находились дочери чиновников, мещан и других сословий. Поэтому XXVIII очередное Казанское губернское земское собрание на заседании своем 17 декабря 1892 г. постановило: 1) обязать уездные управы представлять кандидаток на земские стипендии в школу исключительно из дочерей крестьян и солдат и преимущественно из инородок и 2) просить уездные управы и уездные училищные советы предоставлять вакантные учительские места воспитанницам женской школы и только за недостатком их определять на места учительниц воспитанниц других учебных заведений [5, л. 3].

С 1875 по 1917 г. Казанскую земскую школу для образования народных учительниц окончили 27 девушек-мариек [8, с. 31–32]. Выпускницы данного учебного заведения: Евдокия Андреева, Валентина Яковлева (Ишпайкина), Прасковья Кириллова и др. — впоследствии стали известными педагогами, сыграли значительную роль в просвещении Марийского края.

Представители марийского народа Вятской губернии получали образование в Кукарской учительской семинарии, открытой 1 июля 1903 г. На учебу принимались только юноши всех сословий в возрасте от 15 до 18 лет, окончившие полный курс двухклассных сельских или городских училищ. В учебный план учительской семинарии входили такие предметы, как Закон Божий, церковно-славянский язык, русский язык, педагогика, арифметика, геометрия, история, география, естествознание, физика, пение, чистописание, черчение, рисование [9, с. 68]. Ее окончили и педагог, прозаик, организатор народного образования Иван Ефимович Романов, Александр Федорович Конаков и др. [4, с. 173].

Несомненно, важное значение в деле подготовки преподавательских кадров для марийских школ в начале XX в. стали играть средние учебные заведения, открытые в уездных городах Марийского края: Козьмодемьянская и Царевококшайская женские гимназии (1905 г.), Козьмодемьянская мужская гимназия (1911 г.), Царевококшайская учительская семинария (1917 г.).

Большой вклад в подготовку учителей начальных школ внесли женские гимназии. Учебная программа состояла из обязательных предметов: Закон Божий, русский язык, география, арифметика, геометрия, история, чистописание и рукоделие и необязательных предметов: французский язык, пение, рисование. Об их популярности говорит увеличение числа воспитанниц. Так, в первый год деятельности Царевококшайской гимназии обучалось 70 учениц, в 1906 г. — 90, в 1907 г. — 89, в 1908 г. — 95, в 1909 г. — 114, в 1910 г. — 143, в 1911 г. — 219, в 1912 г. — 233, в 1913 г. — 248, в 1914 г. — 273, в 1915 г. — 302, в 1916 г. — 331, в 1917 г. — 364. Обучались девочки различных сословий, но удельный вес учащихся из крестьян был больше остальных. В Козьмодемьянской женской гимназии, согласно отчету за 1905 г., к 1 января число учениц составляло 142 девочки, а к концу года — 172, в 1908 г. — 141, в 1909 г. — 172 [3, с. 10, 11].

Со второй половины XIX в. развитие получили краткосрочные педагогические курсы, цель которых по «Положению» 1875 г. определялась следующим образом: «Ознакомление мало подготовленных учителей и учительниц начальных народных училищ с лучшими способами обучения, а также обновление и пополнение сведений в преподаваемых ими предметах и вообще усовершенствование их в деле начального обучения» [2, с. 164]. Курсы проводились в летнее каникулярное время, в течение четырех–шести недель. Слушателями могли быть как учителя, так и кандидаты на учительские должности по усмотрению инспектора народных училищ, причем земства могли выдвигать своих претендентов. По окончании курсов они получали свидетельство об аттестации. Все материальные расходы (проезд и содержание учителей, покупка учебных пособий, вознаграждение руководителей и др.) несли земства или те лица, по желанию которых устраивались курсы.

В 1907 г. при Царевококшайской женской прогимназии были открыты одногодичные педагогические курсы по подготовке учителей для начальных сельских школ Царевококшайского уезда. В 1909 г. одногодичные педагогические курсы были преобразованы в двухгодичные. Занятия на этих курсах вели преподаватели данного учебного заведения. Слушательницами курсов в первую очередь становились ученицы прогимназии. Учителя и учительницы Марийского края были участниками не только различных уездных и губернских, а также и столичных учительских курсов. Например, с 1913 по 1917 г. наблюдается значительный интерес среди молодых преподавателей к различным двух- и трехгодичным курсам, устраиваемым в Петербурге. Некоторые земства отправляли своих представителей и в другие города. Например, Козьмодемьянское земство командировало четырех преподавателей в июне 1913 г. на Киевские учительские курсы.

Таким образом, преподавательский состав начальных школ Марийского края в рассматриваемое время получал образование в средних и высших учебных заведениях. Кузницей педагогических кадров стал губернский центр и центр учебного округа города Казань. В начале XX в. средние учебные заведения появились на территории Марийского края: женская и мужская гимназии, учительская семинария. Данные учебные заведения не только давали среднее образование своим выпускникам, готовили их к поступлению в высшие учебные заведения, но и сыграли заметную роль в подготовке педагогических кадров для школ и народных училищ, что было прогрессивным достижением. Одним из способов передачи педагогических теорий и опыта преподавания стали педагогические курсы, по прохождении которых слушатели, выдержав испытание, получали свидетельство, дававшее им возможность работать в школе.

Источники и литература

1. Алметева И.В. Просвещение и образование // История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX века / отв. ред. А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, 2020. – С. 454–465.

2. Алметева И.В. Роль педагогических курсов в повышении квалификации учителей в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX в. // Региональное измерение аграрной модернизации в России: Материалы VIII Всерос. (XVI регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 16–17 сентября 2020 г.). – Саранск, 2020. – С. 163–168.

3. Алметева И.В., Иванов А.Г., Алметева А.Ю. Женское образование в светской школе Марийского края во второй половине XIX – начале XX веков // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 5–11.

4. Апакаев П.А. Просветители Марийского края. – Йошкар-Ола, 1990. – 179 с.

5. Государственный архив Республики Марий Эл. – Ф. 49. Оп. 1. Д. 841.

6. Государственный архив Республики Татарстан. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 242.

7. Исламов Ф.Ф. Роль Казани в просвещении народов Поволжья (на примере марийского народа) // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 88–95.

8. Москвина Л.П. Подготовка учительских кадров из числа девушек мари в Казани во второй половине XIX века // Марийский археогр. вестн. – Йошкар-Ола, 2001. – Вып. 11. – С. 26–32.

9. Помелов В.Б. Кукарское (Советское) учительское училище – первая кузница педагогических кадров в Вятском крае (К 110-летию со времени основания учебного заведения) // Вестн. Вятского гос. гуманитарного ун-та. – 2014. – № 1. – С. 67–73.

10. Чичерина С.В. У приволжских инородцев: Путевые заметки. – СПб., 1905. – X1, 427, 210 с.

УДК 638.1 (470.57)

А.В. Ахтямова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКОГО ЗЕМСТВА ПО РАЗВИТИЮ ПЧЕЛОВОДСТВА СРЕДИ МУСУЛЬМАН В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена изучению земского опыта в области пчеловодства в начале XX столетия. На примере Уфимской губернии показана роль земских учреждений в развитии отрасли. Земские деятели старались учитывать местную специфику. Особенностью региона была многочисленность представителей мусульман. Автор характеризует мероприятия органов земского самоуправления по внедрению передового опыта, отмечает, что таким образом они содействовали укреплению взаимодействия с мусульманскими общинами. Исследование показало, что Уфимское земство использовало разнообразные формы популяризации сельскохозяйственных знаний: издание журнала «Уфимский сельскохозяйственный листок» на русском и татарском языках; распространение книг по пчеловодству, переведенных на татарский язык; проведение курсов пчеловодства; участие в организации сельскохозяйственных выставок и др.

Ключевые слова: Уфимская губерния, пчеловодство, земские учреждения, земские агрономы, сельскохозяйственное просвещение, мусульманское население.

A.V. Akhtyamova

ACTIVITIES OF UFA ZEMSTVO FOR THE DEVELOPMENT OF BEEKEEPING AMONG MUSLIMS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article is devoted to the study of the zemstvo experience in the sphere of beekeeping at the beginning of the 20th century. The role of zemstvo institutions in the development of the industry is shown on the example of Ufa province. Zemstvo officials tried to take into account local specifics. The peculiarity of the region was the large number of representatives of Muslims. The author characterizes the activities of the zemstvo self-government bodies to introduce best practices, notes that in this way they contributed to strengthening interaction with Muslim communities. The study showed that Ufa zemstvo used various forms of popularization of agricultural knowledge: publication of Ufa Agricultural Leaflet magazine in Russian and Tatar; distribution of books on beekeeping translated into Tatar; conducting beekeeping courses; participation in the organization of agricultural exhibitions, etc.

Keywords: Ufa province, beekeeping, zemstvo institutions, zemstvo agronomists, agricultural education, Muslim population.

Земские учреждения, появившиеся в России в результате либеральных реформ 1860–1870-х гг., стали важным институтом демократического обновления страны. В условиях непрерывного реформирования местного самоуправления на современном этапе развития российского общества земский опыт приобретает новое актуальное звучание.

Деятельность органов местного самоуправления обуславливалась местными особенностями края. В этой связи большой интерес представляет изучение земского движения в одном из полиэтничных и поликонфессиональных регионов России – Уфимской губернии. В России земства были введены в 1864 г. («Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 (13) января 1864 г.), в Уфимской губернии – в 1874 г.

Уфимское земство, став важным инструментом при решении социально-экономических и культурно-просветительских задач местного значения, стремилось реализовать комплекс мероприятий по улучшению жизненных условий крестьян. Хозяйственная деятельность земств была многогранна, а одним из важных направлений земской агрономии стало распространение сельскохозяйственных знаний. В данной статье рассматривается опыт организации мероприятий работниками земской службы по развитию пчеловодства среди мусульманского населения Уфимской губернии в начале XX в.

Отметим, что за последние десятилетия сформировался устойчивый интерес к данной научной проблеме. Агрономическая деятельность земских учреждений Уфимской губернии рассмотрена в трудах Г.Б. Азаматовой [3], Н.С. Мысляевой [10], С.А. Севастьянова [20], П.Н. Алешина [4] и др. Некоторые материалы о земских мероприятиях по внедрению передового опыта в пчеловодстве представлены в книге Е.М. Петрова [16]. В рамках заявленной темы особый интерес вызывают исследования Р.З. Янгузина, в частности сведения о лесных промыслах и предметах пчеловодства [28]. Исключительный интерес представляют работы М.И. Роднова [18]. В них содержатся сведения по различным аспектам социальной структуры сельского населения Уфимской губернии в начале XX столетия, освещена также история уфимской земской статистики (1895–1917 гг.). В последнее время история и современное состояние пчеловодства в регионе стали объектом изучения не только историков, но также биологов и экологов. К примеру, в коллективной монографии сотрудников научных центров Республики Башкортостан представлен краткий экскурс в историю бортничества и пчеловодства региона, изучены его климатические особенности, проанализировано состояние генофонда темной лесной пчелы башкирской популяции [23].

Уфимская губерния была образована указом от 5 мая 1865 г. путем выделения из Оренбургской губернии. Площадь Уфимской губернии составляла тогда 104 297,5 квадратной версты, или 118 697 км², численность населения 1 291 018 чел. (642 572 лица мужского пола и 648 446 лиц женского пола) [19, с. 2]. В состав

губернии вошло шесть уездов: Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский и Златоустовский (создан в 1865 г.).

Период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX в., насыщен глубокими переменами, наложившими отпечаток на все сферы общественной жизни, и отмечен быстрым ростом населения. С 1867 по 1913 г. население 50 губерний Европейской России увеличилось почти на 59,2 млн чел., или на 94,7%, на 1 января 1914 г. его численность составляла 127,8 млн чел. [17, с. 44–47]. Прирост населения в Уфимской губернии значительно превышал общероссийский показатель. Однако удельный вес горожан в крае в рассматриваемый период оставался низким. Если в 1865 г. уровень урбанизации губернии составлял 4%, то к 1897 г. он достиг 4,9% [19, с. 2; 15, с. 4]. Между тем в Европейской части России, по данным переписи 1897 г., доля городского населения составляла 12,9% [14, с. 37].

Примечательно, что миграция в регионе на рубеже веков носила преимущественно аграрный характер, доля прибывших в города была незначительной. В литературе отмечается, что «основной причиной являлось нарастающее перенаселение, демографический кризис в губерниях Европейской России, откуда избыточное население выталкивалось на окраины» [7, с. 12].

По данным 1897 г., в Уфимской губернии насчитывалось 2 196 642 чел. (1 089 801 лицо мужского пола и 1 106 841 лицо женского пола) [15, с. 3]. Особенностью региона был высокий удельный вес мусульман. Согласно сведениям 1897 г., в губернии мусульмане составляли 49,9% всего населения, или 1 095 706 чел. В конце XIX столетия абсолютное большинство мусульманского населения Уфимской губернии проживало в сельской местности (98,7%). В этой связи перед земством стояла задача организации пропаганды сельскохозяйственных знаний среди мусульман, и одним из важных направлений в этой области было содействие развитию пчеловодства.

Климатические условия региона издавна позволяли развиваться данной отрасли сельского хозяйства. В частности, этому способствовали девственные леса, изобилие медоносных кустарников и деревьев (липа, клен и т.д.). Краткое описание пчеловодства в крае приведено, в частности, в «Справочной книжке Уфимской губернии» (1883). В ней сообщалось о том, что ввиду благоприятных условий «сельские жители, особенно из русского населения, башкир, татар, занимаются значительным разведением» пчел «как весьма выгодным промыслом [...] Пчеловодство в Уфимской губернии ведется *пасечное, огородное и бортевое* (курсив авторов. – А.А.), последнее довольно редко и преимущественно у башкир, мещеряков и у некоторых крестьян, как например, в Златоустовском уезде» [22, с. 69]. Согласно сведениям Уфимского губернского статистического комитета (по данным 1909 г.), из 192 волостей губернии пчеловодство существовало в 145 волостях, а именно: в Уфимском (в 29 волостях), Бирском (14), Мензелинском (31), Белебеевском (27), Златоустовском (21), Стерлитамакском уездах (23) [11, с. 7].

Однако в то же время в регионе периодически отмечались случаи массовой гибели пчел (1873, 1881, 1892, 1899 гг.), в большинстве случаев вследствие неблагоприятных факторов окружающей среды. Очевидно, что данное обстоятельство ак-

туализировало необходимость выработки мер по развитию пчеловодства в крае: по некоторым источникам, именно в 1900 г. Уфимское губернское земство «обратило внимание на эту отрасль», и «первые шаги» были направлены на выяснение общего состояния и степени развития пчеловодства в губернии, однако лишь в 1911 г. были учреждены должности двух инструкторов при губернской земской управе [12, с. 46]. В результате обследования состояния отрасли в Уфимской губернии в 1900 г. был опубликован «Отчет по исследованию состояния пчеловодства Уфимской губернии летом 1900 года», составленный пчеловодом А.А. Юрьевым (Отдельный оттиск из протоколов Экономического Совета Уфимского губернского земства, вып. XIII) [13]. Следует отметить, что подобные случаи падежа пчел отмечались и позднее. С другой стороны, это обуславливалось отсталостью технологии ведения пчеловодного промысла в колодных ульях и бортях, где трудно оказать пчелам какую-либо помощь [16, с. 21].

В условиях этноконфессионального многообразия в Уфимской губернии земства придавали большое значение распространению полезной для населения литературы на родном языке. Так, например, были переведены на татарский язык и изданы труды инструкторов по пчеловодству: «О перегоне пчел из колодных в рамочный улей» (Ф.И. Рымшо, 1915), «Значение сахара в пчеловодстве», «О медовых росах и о замене розового меда», «Общие правила ухода за пчелами в одностенном улье Дадана-Квинби американской конструкции», «Уборка пчел» (А.А. Юрьев, 1915) [21].

Распространению сельскохозяйственных знаний способствовало иллюстрированное издание Уфимского губернского земства «Уфимский сельско-хозяйственный листок» (в 1908–1912 гг. «Сельскохозяйственный листок», в год 36 номеров), выходившее на русском и татарском языках. Журнал содержал также новости пчеловодства и полезные идеи. Первый и второй (сдвоенный) номер на татарском языке под названием «Уфаның авыл көнкүреше журналы» увидел свет 28 апреля 1914 г. В качестве переводчика в редакцию журнала был приглашен Сагит Рамиев (1880–1926) – талантливый поэт, известный публицист и редактор эсеровских газет, издававшихся в Казани в годы Первой российской революции.

Помимо печатной продукции земские деятели в деле распространения рационального пчеловодства использовали устную и наглядную форму пропаганды, как то: публичные лекции, народные чтения, беседы, курсы, показательные пасеки, выставки. Уфимское земство при этом стремилось привлечь различные этнические и социальные группы населения. Некоторые интересные сюжеты земской деятельности нашли отражение на страницах местных периодических печатных изданий.

Деятельность земских учреждений довольно широко освещала одна из популярных газет на татарском языке дореволюционной эпохи – газета «Тормыш»^{*}. На страницах издания нередко помещались объявления о тех или иных земских мероприятиях и проектах, нацеленных на повышение уровня жизненно необходимых

---

^{*} «Тормыш» («Жизнь») – политическая, общественная и литературная газета. Издавалась в Уфе (18.10.1913 – 12.04.1918).

знаний и навыков, а значит, качества жизни населения. Обратимся к материалам газеты, освещающим роль земств в развитии пчеловодства.

Так, например, газета в одном из январских номеров за 1915 г. известила о том, что 8–10 января 1915 г. в медресе «Галия»^{*} губернским инструктором по пчеловодству, членом Совета Общества пчеловодства, садоводства и огородничества Александром Юрьевым, о котором мы упоминали выше, была прочитана лекция по пчеловодству. Выступление инструктора на татарский язык для некоторых шакирдов переводил преподаватель русского языка Хайривара Гисматуллин. В итоге учащаяся молодежь была очень довольна программой трехдневного курса. «Проведение подобных лекций в таком заведении, как медресе «Галия», в котором обучаются шакирды из разных регионов, несомненно, принесет пользу», – писала газета «Тормыш» [8, б. 3].

Уже во 2-м номере газеты «Тормыш» была помещена заметка, которая не могла не заинтересовать пчеловодов. В ней сообщалось, что Уфимская губернская земская управа в конце октября 1913 г. устраивает курсы по пчеловодству в нескольких населенных пунктах Старо-Калмашевской волости Белебеевского уезда [5, б. 4]. 14 декабря 1913 г. Уфимская губернская земская управа открыла бесплатные двухдневные курсы по пчеловодству в деревне Новые Карамалы Миркиглинской волости Стерлитамакского уезда [6, б. 3].

1 апреля 1916 г. газета информировала своих читателей о том, что с 1 мая по 1 августа близ деревни Кандры-Кутуй Чукадытамакской волости Белебеевского уезда^{**} будут проведены курсы по пчеловодству, организованные Уфимским уездным земством совместно с Белебеевским уездным земством. Отмечалось, что на эти курсы принимаются лица не моложе 17 лет и любого сословия, причем те, кто непрерывно будет посещать занятия, получают ежемесячную материальную помощь в размере 8 руб. [26, б. 3]. Позднее газета дополнила информацию о пчеловодных курсах в Белебеевском уезде. В ней было отмечено, что на курсы в первую очередь принимаются лица, ставшие нетрудоспособными в результате ранений, полученных в бою. И на этих курсах, писала газета, научат изготавливать рамочные улья одной рукой. Кроме того, земство планировало оплатить расходы на проживание и транспорт (ежемесячно 7 руб.) [27, б. 3].

В ряду материалов, повествующих о земских мероприятиях, обращает на себя внимание объявление, помещенное в номере газеты «Тормыш» за 23 сентября 1915 г. Оно оповещало читателей о том, что Белебеевское уездное земство в текущем году организует краткосрочные курсы по пчеловодству в четырех населенных пунктах (с. Бижбулак, 1–2 декабря; с. Каменка, 4–5 декабря; с. Сулли^{***}, 7–8 декабря; с. Кожай-Икские Вершины, 10–11 декабря). Мероприятие было Примеча-

---

* «Галия» – медресе, существовавшее в Уфе с 1906 по 1919 г. при второй соборной мечети. Инициатором создания медресе и его бессменным руководителем был Зия Камали.

** С 1912 г. функционировало Кандры-Кутуевское пчеловодное товарищество. Председатель Правления – ахунд Кандры-Кутуй Габдуллатиф Габдулзарифов [2, с. 111].

*** Какое именно, не уточняется.

тельно тем, что его организаторы намеревались сопровождать лекции демонстрацией картин с помощью волшебного фонаря [24, б. 3].

Как свидетельствуют газетные публикации, география мест проведения пчеловодных курсов была довольно широка. Например, в заметке «Уфада» («В Уфе») с подзаголовком «Умартачылык курслары» («Курсы пчеловодства»), опубликованной в газете «Тормыш» от 24 декабря 1915 г., сообщалось о том, что губернская земская управа инициировала проведение курсов по пчеловодству с 23 января по 3 февраля 1916 г. в ряде деревень Бирского и Стерлитамакского уездов [25, б. 3].

По сведениям газеты «Тормыш», Бирское уездное земство в 1916 г. в летний период организовало пчеловодные курсы при Айбулякском пчеловодном товариществе (Байгузинская волость), на которые записались 40 чел., из них регулярно посещали занятия в течение одного месяца 12 чел. Девять человек работали в мастерских, изготавливали рамочные улья, позднее эти изделия подарили пчеловодам. 14 июня состоялся так называемый итоговый контроль («имтихан») по курсам. По окончании экзамена лица, продолжившие обучение, получили свидетельство («шаһәдәтнамә») об окончании курсов. Среди курсистов было много представителей мусульманского духовенства разного возраста. Возраст некоторых хазратам, как отметила газета, приближался к шестому десятку [1, б. 4].

Большой популярностью среди местного населения пользовались сельскохозяйственные выставки, на которых экспонировались предметы пчеловодства. К примеру, Чишминская выставка (Уфимский уезд) (28–30 августа 1913 г.), Бирская выставка (31 августа – 4 сентября 1913 г.), Мензелинская выставка (8–15 сентября 1913 г.), на которых были представлены экспонаты земства, частных лиц, сельских кооперативов и др. Примечательно, что ежедневное число посетителей Мензелинской выставки составило 5–6 тыс. [12, с. 32]. Очевидно, что присутствие на мероприятии добровольных переводчиков положительно сказалось на его посещаемости. «...Почти во всех отделах были доброхотные переводчики, и это немало способствовало посещаемости выставки инородческим татарским населением уезда», – отмечалось в «Отчете о содействии развитию пчеловодства в губернии», составленном инструкторами по пчеловодству А.А. Юрьевым и Ф.И. Рымшо-Клыбко. В частности, за оказанную помощь переводчику, председателю Старо-Ахмет-Абызовского пчеловодного товарищества Фахразы Хайруллину было вручено денежное вознаграждение в размере 25 руб. Показательно, что пчеловодное товарищество д. Старое Ахмет-Абызово, представившее на Мензелинской выставке изделия – улей Дадана-Квинбиодностенный, центробежный мед, приборы для новейших рамок и искусственной вошины, было удостоено бронзовой медали Департамента земледелия [12, с. 36].

Заведующий отделом народного образования Уфимской губернской земской управы Г.Х. Терегулов, учитывая языковой барьер, на одном из собраний агрономического отдела, которое состоялось в конце 1916 г., поднял вопрос о привлечении агронома-лектора из мусульман. Его предложение нашло положительный отклик, а кроме того, собрание признало необходимым назначить на каждый уезд по одному земскому агроному (трое из них – мусульмане). Ранее отдел народного образо-

вания на собрании по вопросу внешкольного просвещения населения также принял решение о приглашении шести лекторов (по одному на каждый уезд). Таким образом, во всей губернии, сообщала газета «Тормыш», будет десять лекторов из мусульман [9, б. 4].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что Уфимское земство при внедрении новейших знаний в области пчеловодства, учитывая специфику края, проводило планомерную работу по сельскохозяйственному просвещению мусульманского населения и стремилось к укреплению взаимодействия с мусульманскими общинами. Использовало разнообразные формы популяризации сельскохозяйственных знаний: издание «Уфаның авыл көнкуреше журналы», распространение книг по пчеловодству на татарском языке, проведение пчеловодных курсов (краткосрочных либо продолжительных) и лекций, участие в организации сельскохозяйственных выставок и др.

Источники и литература

1. Авылларда // Тормыш. – 1916. – 6 июль. – Б. 4.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год / изд. Уфимского губ. стат. ком. – Уфа: Электр. губ. тип., 1913. – 314 с.
3. Азаматова Г.Б. Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Уфа, 2018. – 586 с.
4. Алешин П.Н. Деятельность Уфимского губернского земства в развитии агрономии края: 1875–1917: Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2011. – 241 с.
5. Земство хәбәрләре // Тормыш. – 1913. – 27 окт. – Б. 4.
6. Земство хәбәрләре. Умартачыларга // Тормыш. – 1913. – 8 дек. – Б. 3.
7. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX в. В 2 т. – Уфа: Гилем, 2006. Т.1. – 240 с.
8. Мәдрәсәи Галиядә лекция // Тормыш. – 1915. – 13 гыйн. – Б. 3.
9. Мөселман лекторлар. Вилять земствосы // Тормыш. – 1916. – 11 дек. – Б. 4.
10. Мысляева Н.С. Исторический анализ земского самоуправления в России (на материалах Уфимской губернии 1875–1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2004. – 236 с.
11. Обзор Уфимской губернии за 1909 год. – Уфа: Губ. электр. тип., 1911. – II, 61 с.
12. Отчет о содействии развитию пчеловодства в губернии / сост.: А.А. Юрьев, Ф.И. Рымшо-Клыбко. – Уфа: Губ. электр. тип., 1913. – 56 с.
13. Отчет по исследованию состояния пчеловодства Уфимской губернии летом 1900 года / сост. А.А. Юрьев. – Уфа, 1900. – 58 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. 6: Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Паровая типо-литография Н.Л.Ныркина, 1905.– 60 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / под ред. Н.А.Тройницкого. Т.XLV: Уфимская губерния. Тетр. 2. – СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1904. – 189 с.
16. Петров Е.М. Башкирская бортевая пчела / под ред. А.М. Ковалева. – 3-е изд., доп. и перераб. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1983. – 200 с.
17. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки / под ред. акад. С.Г. Струмилина. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.

18. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения: Дис. ... д-ра ист. наук. – Уфа, 2003. – 443 с.

19. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. / под ред. Н.А. Гурвича. – Уфа: Уфим. губ. стат. ком., 1868. – 196 с.

20. Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии: 1874–1917: Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2005. – 178 с.

21. Список книг, изданных Уфимским губернским земством на инородческих языках // Бюл. Отд. народного образования Уфимской губернской земской управы. – 1915. – № 2 (2 июня). – С. 2–3.

22. Справочная книжка Уфимской губернии: сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам / сост. Н.А. Гурвич. – Уфа: Изд. Н.К. Блохина, 1883. – 869 с.

23. Темная лесная пчела *Apismelliferamellifera* L. Республики Башкортостан / отв. ред.: Р.А. Ильясов, А.Г. Николенко, Н.М. Сайфуллина. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2015. – 308 с.

24. Уфада // Тормыш. – 1915. – 23 сент. – Б. 3.

25. Уфада // Тормыш. – 1915. – 24 дек. – Б. 3.

26. Уфада // Тормыш. – 1916. – 1 апр. – Б. 3.

27. Уфада // Тормыш. – 1916. – 24 апр. – Б. 3.

28. Янгузин. Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. – 2-е изд., испр. – Уфа: Китап, 2016. – 164 с.

УДК93/94.093.371

В.А. Баландин

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

РУКОВОДСТВО ОБКОМА И РАЙОННЫХ КОМИТЕТОВ ВКП(Б) ПО ОРГАНИЗАЦИИ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ В ДЕРЕВНЕ

В статье рассматривается агитационно-пропагандистская работа в деревне в период Великой Отечественной войны. Автором предпринята попытка реконструкции деятельности партийного руководства обкома партии и районных комитетов ВКП(б) Ульяновской области среди сельского населения. Мобилизация страны на решение военных задач и превращение ее в единый военный лагерь была неразрывно связана с пониманием ее сути как освободительной. Руководство страны должно было обеспечить работу по глубокому разъяснению справедливого характера войны населению страны через беседы, брошюры, книги, агитационный материал.

Ключевые слова: Обком ВКП(б), колхоз, райком ВКП(б), война, агитация, пропаганда, радио и газета.

V.A. Balandin

THE LEADERSHIP OF THE REGIONAL COMMITTEE AND DISTRICT COMMITTEES OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF THE BOLSHEVIKS ON THE ORGANIZATION OF PROPAGANDA WORK IN THE VILLAGE

The article discusses the propaganda work in the village during the Great Patriotic War. The author attempts to reconstruct the activities of the party leadership of the regional party committee and the district committees of the All-union Communist Party of the Bolsheviks of Ulyanovsk region among the rural population. The mobilization of the country to solve military tasks and its transformation into a single military camp was inextricably linked with the understanding of its essence as liberating. The leadership of the country had to provide work on in-depth explanation of the just nature of the war to the population of the country through conversations, pamphlets, books, propaganda material.

Keywords: Regional Committee of the All-union Communist Party of the Bolsheviks, collective farm, district committee of the All-union Communist Party of the Bolsheviks, war, agitation, propaganda, radio and newspaper.

Великая Отечественная война против фашистской Германии стала еще и битвой двух идеологий. В военные годы СССР использовал широкие возможности пропаганды с целью направления общественной мысли в русло патриотического восприятия войны и обострения потребности сделать все возможное для достижения победы.

А.С. Горлов выделяет 2 важнейшие функции пропаганды в государстве в 1941–1945 гг. – это мобилизация общественного мнения и политическая социализация населения [1].

10 июля 1941 г. было проведено совещание руководителей агитколлективов Барановского райкома ВКП(б) по вопросу перестройки работы на военный лад. Партийными организациями вместо отправленных на фронт агитаторов были выдвинуты работники из числа учителей и актива села. 1 августа 1941 г. была составлена докладная записка Барановского райкома ВКП(б) Обкому ВКП(б) о состоянии партийной пропаганды и политической агитации за июль 1941 г. В ней приводились примеры успешной деятельности агитаторов. По району насчитывалось 29 руководителей агитколлективов и 360 агитаторов. Так, учитель Л.И. Чивакова «ежедневно читает газеты и проводит беседы с колхозниками в поле», М.В. Никитин «ежедневно ведет агитационно-массовую работу среди колхозников в Холстовском колхозе», учитель Н.П. Лепешкина «ежедневно проводит беседы в колхозе «Пролетарий» и т. д. [2].

Секретари первичных парторганизаций обязывались «коренным образом улучшить массово-политическую работу среди населения по разъяснению сложившейся международной обстановки и стоящих задач перед каждым трудящимся в смысле укрепления обороны нашей социалистической Родины» [3].

Массово тиражируемые газеты уделяли данному аспекту значительное место [4]. В качестве примера можно привести газету «Красная жатва» (Карсун), которая 25 июня 1941 г. сообщала о митинге колхозников и интеллигенции в колхозе «Пламя революции» Карсунского района, на котором присутствовало более 200 человек: «колхозники и служащие села в своих выступлениях с огромным негодованием и ненавистью высказывались по поводу неслыханных действий шайки германских фашистов-бандитов во главе с Гитлером по отношению к Советскому Союзу».

В газете приводились слова молодого колхозника Кудрявцева: «Мы, молодые колхозники, по первому зову партии и правительства встанем на защиту нашей социалистической Родины. Советский Союз никогда и никому не позволит топтать советскую землю, она неприкосновенна!» [5].

П.С. Денисюк – редактор газеты «Ульяновская правда» в 1943–1949 гг., в 1944 г. подчеркнул необходимость «превратить наши газеты в важнейший центр политической работы в массах», что обязывает отбирать самый существенный материал, вести работу над улучшением языка и установить тесные связи с передовыми людьми области [6].

Партийный кабинет Майнского района, который в начале войны был переименован в районный агитпункт, получал по 1–2 экземпляра следующих газет: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Труд», «Учительская газета», «Военное обучение», «Социалистическое земледелие», «Совхозная газета», а также ряд журналов: «Спутник агитатора», «Пропагандист», «Партийное строительство» и др. Приходили и журналы для детей, такие как «Огонек» и «Крокодил» [7].

Первые месяцы Великой Отечественной войны вызвали существенное сокращение коммунистов и комсомольцев, а также функционирующих в сельском хозяйстве партийных организаций. Партийный актив села значительно поредел с началом войны в связи с мобилизациями. Например, 12 ноября 1941 г. вышло постановление бюро Кузоватовского райкома ВКП(б) об отборе коммунистов на политическую работу в Красную Армию. Название постановления уже дает понять, что отбирались лучшие кадры, и действительно, характеристика членов ВКП(б), попавших в этот список, позволяет судить об этом. Выбранные люди являлись секретарями первичных партийных организаций, заведующими отделами пропаганды и агитации райкома партии, председателями колхозов и др. и имели большой опыт партийно-политической работы [8].

Вместе с тем наблюдалась тенденция, что и оставшиеся партийные деятели переориентировали свою работу на решение административно-хозяйственных задач. «Увлечение хозяйственной деятельностью» шло в ущерб политической, в т. ч. по вовлечению в партию новых членов. Данная ситуация становилась типичной по стране. Например, в Ярославской области прием в партию во второй половине 1941 г. сократился более чем на 70% относительно первой половины. В особенной степени это касалось колхозников, которые практически не пополняли ряды ВКП(б) [9].

Постепенно положение стало меняться. Так, за 1943 г. по районам Ульяновской области в ряды ВКП(б) было принято 6020 человек (1556 человек – в члены ВКП(б), 4464 – в кандидаты). С января по декабрь 1944 г. в партию был принят 6221 человек (2506 человек – в члены ВКП(б), 3715 – в кандидаты). Рост партийных рядов повлек за собой расширение сети партийных организаций. В 1944 году появилось около 100 новых первичных организаций [10].

В 1941–1945 гг. пристальное внимание было обращено на грамотную расстановку кадров. С целью повышения эффективности организационной деятельности и укрепления трудовой дисциплины в ноябре 1941 г. были созданы политотделы при

совхозах и машинно-тракторных станциях как чрезвычайные политические органы. Просуществовали они до мая 1943 г. Данная мера позволила централизованно руководить аграрным сектором. В работе политотделов использовался весь спектр методов агитационной работы [11].

В начале 1944 г. в Ульяновской области насчитывалось 11 670 агитаторов, объединенных в 1150 агитколлективов. Агитколлективы тесно связывали политическую агитацию с конкретными задачами, стоящими перед предприятиями, колхозами. В 1943 г. значительно возросло количество докладчиков из числа руководящих партийных работников, выступающих с докладами на предприятиях и в колхозах. Ими прочитано за 1943 г. более 12 500 тысяч докладов с охватом населения около одного миллиона человек [12].

Успеха достигали те политотделы, которые сумели организовать вокруг себя широкий актив, грамотно расставить коммунистов и комсомольцев на решающих участках сельскохозяйственных работ, организовать работу с людьми непосредственно в поле, в колхозных и тракторных бригадах. Политотделы организовывали социалистическое соревнование и руководили им [13].

В годы Великой Отечественной войны газетами неоднократно отмечалось, что «партийно-политическая работа на селе – это работа прежде всего с людьми», и от организации партийно-массовой работы зависят успехи сельского хозяйства. «Именно работа с людьми, воспитание их является основной работой политотдела». На страницах газеты «Социалистическое земледелие» нередко освещались вопросы, связанные с организацией деятельности агитаторов на всех этапах сельскохозяйственных работ. 7 июля 1942 г. газета «Социалистическое земледелие» так обозначила роль большевика: «Большевик не только неустанный агитатор и пропагандист, но и организатор масс. Политотделы МТС, сельские коммунисты и комсомольцы, агитаторы и пропагандисты не только должны разъяснять политику партии в деревне, постановления нашего правительства, но и оказывать повседневную помощь в организации и проведении уборочных работ» [14].

В течение 1942 г. в Сурском районе силами районного партийного актива и работников райкома ВКП(б) в колхозах, МТС, совхозах, на предприятиях было сделано 614 докладов, на которых присутствовало почти 60 тыс. человек. Из них 53 доклада по изучению доклада И.В. Сталина, 32 доклада по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.», но преимущественно – о текущем моменте и стоящих задачах.

Успех сельскохозяйственных работ во многом определяется правильной организацией труда в них. Из организованных весной 1943 г. 11 311 звеньев к концу года сохранилось меньше половины. Некоторые из созданных звеньев на практике оказывались неэффективными, т. к. число членов в них либо количество закрепленных за ними культур превышало оптимальное (7–9 человек, 3–4 культуры). Практика показала, что громоздкие звенья с большим количеством закрепленных культур не могут быть жизненными. В 1943 г. только 53 звена получили дополнительную оплату, что было связано с ослаблением парторганизациями политической работы по прояснению и проведению в жизнь закона о дополнительной оплате труда [15].

В газете «Социалистическое земледелие» от 9 июля 1942 г. в статье «Большевистским словом воодушевлять колхозные массы на новые трудовые подвиги» выделялись следующие задачи агитаторов на селе:

1) борьба «с дезорганизаторами тыла, с паникерами, шпионами и диверсантами, засылаемыми фашистами в наш тыл»;

2) широкая агитация «в полевых станах, тракторных и полеводческих бригадах – там, где решается судьба урожая»;

3) разъяснение трудящимся опасности, «которую несет нашей родине фашистское зверье»;

4) увлечение личным примером колхозников «на героические трудовые подвиги»;

5) развитие социалистического соревнования и придача гласности его ходу. «Все люди, работающие на полях, – участники соревнования!» [16].

«Место агитатора – в полеводческой и тракторной бригадах», – гласит очередной заголовок «Социалистического земледелия». Еще до начала уборки хлебов агитатор должен был развернуть массово-политическую работу, разъяснить важнейшие постановления партии и правительства по сельскому хозяйству, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 г. Необходимо было «воспитать в каждом колхознике, работнике совхоза и МТС чувство ответственности за своевременность и высокое качество уборки хлебов» [17].

Пропагандистская работа имела огромное значение и в области весеннего сева, который ежегодно затягивался. На партийной конференции в марте 1944 г. особенно подчеркивалось, что «на эту работу должен быть поднят и стар и млад во главе с коммунистами и комсомольцами». В 1944 г. перед партийной организацией ставилась важнейшая задача ликвидации отставания сельского хозяйства и вывод Ульяновской области в число передовых областей Советского Союза [18].

Особое внимание агитаторы обращали на борьбу с потерями при уборке урожая. В обязанности агитатора входило проведение бесед с колхозниками о качестве работы, привести в пример тех, кто справлялся с возложенными на него обязанностями успешнее. Большое значение в массово-политической работе на уборке имели стенная газета и «боевой листок» [19]. Они знакомили читателей со сводками Совинформбюро (которые были пропитаны пропагандистским содержанием), героизмом солдат и тружеников тыла. Важным оружием выступали и газеты, но при условии, что они вовремя доставлялись в полеводческие и тракторные бригады.

Рост эффективности сельскохозяйственных работ ставился в прямую зависимость от грамотной расстановки коммунистов и комсомольцев на сельскохозяйственных работах, ставилась цель, «чтобы за каждой беседой агитатора следовали конкретные дела, повышалась производительность труда» [20]. В выполнении хозяйственно-политических задач значительная роль принадлежала комсомолу. Однако к 1944 г. более чем в 300 колхозах Ульяновской области не имелось комсомольских организаций, что можно отнести к недостаткам работы областного комитета комсомола [6].

В 1944 г. на партийной конференции в Ульяновской области было констатировано, что «за последнее время партийные, советские и земельные органы ослабили внимание к вопросам организационно-хозяйственного укрепления колхозов». Это выразилось в том, что руководящие кадры не в полной мере изучают экономику колхозов, не следят за трудовой дисциплиной в колхозах и не оказывают своевременной помощи при возникновении острой необходимости в ней. Это приводит к тому, что «районные организации оказываются перед фактом, что колхоз из передового превратился в отстающий», и этот процесс затрагивает крупные колхозы, оказывающие решающее значение в выполнении плановых показателей. Колхоз «Пролетарский путь» Николо-Черемшанского района в течение длительного времени входил в число передовых, но к началу 1944 г. попал в ряды отстающих [17].

Отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) не позднее декабря 1944 г. отмечал следующие недостатки в состоянии массово-политической работы в Теренгульской МТС:

- 1) неудовлетворительная массово-политическая работа среди ремонтников;
- 2) отсутствие агитколлектива;

3) неорганизованность политической информации среди работников (в т. ч. не производилась читка газет и оперативных сводок Совинформбюро, отсутствовали выступления руководящих работников с лекциями, докладами о военно-политическом и международном положении).

Кроме того, отмечалось, что парторганизацией не были созданы кружки и не организовано изучение доклада Сталина о 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Среди ремонтников не было развернуто социалистическое соревнование, более того, не были назначены даже ответственные за него. Нерегулярность заполнения доски показателей и отсутствие производственных совещаний по итогам дня дополняли и так неблагоприятную картину.

Таким образом, партийное руководство в годы Великой Отечественной войны смогло организовать пропагандистскую и агитационную деятельность на достаточном уровне, что обеспечило спокойную производственную деятельность в деревне, а сплоченность народа является исключительным фактором его непобедимости в сложных условиях военного времени. Советская пропаганда была комплексной и систематической. Она находила свою аудиторию, о чем свидетельствует массовый трудовой подъем в тылу. Несомненным достижением партии в годы Великой Отечественной войны стало то, что, используя различные методы, она смогла уже в 1941 г. активизировать все силы Советского Союза на борьбу с фашистами, что впоследствии стало импульсом к перелому как на полях сражений, так и в тыловой части в пользу СССР.

Источники и литература

1. Вакурова О.А. Военно-политические мероприятия по направлению ресурсов страны для достижения победы в Великой Отечественной войне // Быть достойным поколения победителей. Ч. 1. – СПб.; Пушкин, 2010. – С. 128.

2. Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Советский период. – Йошкар-Ола, 1978. – С. 105–106.
3. Горлов А.С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 26 с.
4. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО). – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 90
5. ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 239. – Л. 4.
6. ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 248.
7. ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 28.
8. ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 16.
9. ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 1012. – Л. 20.
10. ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 132. – Л. 106.
11. ГАНИ УО. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 27.
12. Маслехин В.Л. Политотделы МТС и совхозов как форма осуществления руководящей роли рабочего класса в развитии общественно-политической активности крестьянства в годы Великой Отечественной войны // Борьба КПСС за укрепление Союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции (1941–1985 гг.): Сб. науч. трудов. – Ярославль, 1987. – С. 18–19.
13. Мухамедов Р.А., Пашкин А.Г. Формирование и деятельность комсомола в Симбирско-Ульяновском регионе в 1918–50-е годы // Вопр. национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 2 (83). – С. 324–330.
14. Мухамедов Р.А., Пашкин А.Г. Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 – январь 1942 годов) // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 477–493.
15. Мухамедов Р.А., Пашкин А.Г. Комсомольская организация Ульяновского региона: ист. аспект // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. – 2022. – № 28. – С. 16–18.
16. Мухамедов Р.А. Роль ВКП(б) по организации социальной защиты населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ульяновской области) // Начало Великой Отечественной войны: военно-геополитические и экономические уроки: сб. науч. трудов по материалам Всерос. науч.-практ. on-line конф. – Ульяновск, 2021. – С. 100–103.
17. Социалистическое земледелие. – 1942. – 25 июля. – С. 3.
18. Социалистическое земледелие. – 1942. – 16 июля. – С. 2.
19. Социалистическое земледелие. – 1942. – 2 ноября. – С. 3.
20. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Док. и материалы. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1974. – С. 33–34.

УДК 94(470)

Р.Р. Батыршин

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ КРЕСТЬЯНСКИМ ХОЗЯЙСТВАМ В ГОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена изучению деятельности правительственных аграрных учреждений и земств по оказанию агрономической помощи крестьянским хозяйствам в годы реализации

столыпинской реформы. На примере Казанской губернии раскрываются основные направления агрономической помощи: финансовая и техническая поддержка крестьянского населения, организация опытных и демонстративных мероприятий, проведение курсов повышения сельскохозяйственной квалификации и т.д.

Ключевые слова: столыпинская аграрная реформа, агрономическая помощь, крестьянские хозяйства, земства, Главное управление землеустройства и земледелия, Казанская губерния.

R.R. Batyrshin

AGRONOMIC ASSISTANCE TO PEASANT FARMS DURING THE IMPLEMENTATION OF THE STOLYPIN AGRARIAN REFORM (ON THE MATERIALS OF KAZAN PROVINCE)

The article is devoted to the study of the activities of government agrarian institutions and zemstvos to provide agronomic assistance to peasant farms during the implementation of the Stolypin reform. On the example of Kazan province, the main directions of agronomic assistance are revealed: financial and technical support of the peasant population, organization of experimental and demonstrative events, conducting courses to improve agricultural qualifications, etc.

Keywords: Stolypin agrarian reform, agronomic assistance, peasant farms, zemstvos, Main Directorate of Land Management and Agriculture, Kazan province.

Одним из основных направлений столыпинской аграрной реформы было содействие выделившимся из общины крестьянам в улучшении условий землевладения и порядка землепользования. Деревня начала XX века крепко держалась за прадедовскую систему земледелия и относилась с большой опаской к любым нововведениям. Уровень земледельческой культуры в крестьянских хозяйствах России был весьма низким. Так, согласно статистическим данным Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), в 1906–1910 гг. российские крестьяне получали урожай зерном в среднем с десятины не более 50–55 пудов, в то время как в других государствах (Бельгия, Великобритания, Германия, Голландия и др.) крестьяне получали до 100 и более пудов зерна с десятины [1, с. 27].

В условиях России переходу к многопольному севообороту мешали общинные земельные традиции: во-первых, чересполосица и многополосица сделали невозможным переход крестьянских хозяйств к многополью; во-вторых, этот вопрос был тесно связан с многовековыми устоями крестьянской жизнедеятельности. Прежде чем решиться на какое-либо усовершенствование, крестьянин ориентировался на опыт других хозяйств. Но, как правило, любое новое агротехническое мероприятие в системе крестьянского землепользования давало положительный результат через определенный промежуток времени. В этой ситуации крестьянину, привыкшему получать за счет хищнической эксплуатации земли сиюминутные экономические блага, элементарно не доставало терпения. Большинство крестьян не владело элементарными агрономическими знаниями. Так, одними из немногих способов улучшения плодородия земли по-прежнему оставались унавоживание и севооборот.

Данную проблему столыпинское правительство прекрасно осознавало, считая делом государственной важности насаждение в образованных единоличных хозяйствах улучшенных приемов ведения сельского хозяйства. От этих мер зависело будущее землеустроительной политики, поскольку без интенсивного хозяйства прочность и устойчивость единоличной собственности была немислима.

Агрономическую помощь сельскому хозяйству в годы столыпинской реформы оказывало правительство (ГУЗиЗ), земства и сельскохозяйственные общества, а с течением времени и многочисленные сельские кооперативные организации. Главным действующим лицом было ГУЗиЗ, ставшее основным проводником столыпинской аграрной реформы, а среди его подразделений – Департамент земледелия, Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики и Отдел земельных улучшений. На местах ГУЗиЗ имело своих представителей в лице уполномоченных, инспекторов сельского хозяйства или правительственных агрономов, а также специалистов, инструкторов и техников по отдельным отраслям сельского хозяйства. Особое место в агрономической деятельности ведомства занимали мероприятия, проводимые землеустроительными комиссиями и их агрономическим персоналом в районах землеустройства.

У земств не было единой для всей страны структуры агрономических организаций. Одни мероприятия могли проводиться отдельно губернскими земствами, другие – только уездными, а нередко они действовали совместно. Последний – промежуточный [1, с. 147] – вариант был характерен для Казанской губернии. В 1911 г. губернским земским собранием было утверждено «Положение о губернской агрономической организации». Оно имело целью: «...объединить деятельность губернского и уездных земств по сельскохозяйственным мероприятиям, быстрому проведению в жизнь этих мер, как имеющих общегосударственное или районное значение, так и касающихся интересов отдельных уездов» [1, с. 149]. К числу мероприятий относились: распространение сельскохозяйственных знаний, организация справочного сельскохозяйственного бюро, метеорологической сети, опытных учреждений, массовое улучшение скота, проведение специальных курсов по разным отраслям сельского хозяйства, устройство плодовых и деревенских питомников, выставок и т. д.

Основная роль по оказанию агрономической помощи землеустроенным хозяйствам была возложена на земства. Еще 13 апреля 1906 г. Казанское губернское земство приняло план помощи крестьянам, получавшим собственные участки и желавшим переселиться на хутора. Согласно плану, предполагалось устройство колодцев и водоемов за счет выдачи крестьянским хозяйствам беспроцентных ссуд и безвозвратных пособий из земского страхового капитала [13, с. 179].

Начало агрономической помощи хозяйствам единоличного владения в России было положено циркуляром ГУЗиЗ от 25 апреля 1908 г. за № 15 «О показательных хуторских хозяйствах». Этим предписанием правительство обратилось к земским учреждениям страны с предложением о сотрудничестве в проведении аграрной реформы. Земствам рекомендовалось устройство показательных хуторов, главным предназначением которых являлось бы улучшение системы полеводства. Для общего руководства этой работой при губернских землеустроительных комиссиях были

созданы особые агрономические совещания, в состав которых входили члены самих комиссий, земских управ, местный агрономический персонал [10]. Также была учреждена должность заведующего агрономической помощью единоличным хозяйствам. В его компетенцию входило общее руководство этой сферой в данной губернии, разработка всего комплекса проблем агрономической помощи и контроль за его реализацией на местах.

В 1909 г. для дальнейшего развития агрономической помощи крестьянскому населению правительство снова обратилось за содействием к земским учреждениям России. 19 сентября того же года губернаторам и органам местного самоуправления была направлена телеграмма П.А. Столыпина, в которой он предлагал принять все меры для организации агрономической помощи хуторянам и отрубникам [14]. С этого момента масштабы предоставления агрономической помощи населению стали значительно расширяться. Если в 1895 г. общая сумма затрат всех земств на различные сельскохозяйственные и экономические мероприятия едва превышала 0,9 млн рублей, то в 1913 г. она уже достигла 16 млн рублей (расходы земств Казанской губернии к 1914 г. выросли в 14 раз: с 28,5 тыс. рублей в 1899 г. до 418,4 тыс. рублей в 1913 г.). Затраты Департамента земледелия за тот же период возросли в 12 раз. Число постоянных сельскохозяйственных опытных учреждений возросло с 32 до 264, в том числе научных опытных станций – с 10 до 77, опытных полей – с 13 до 125 и т.д. [1, с. 1].

Земская помощь в период реализации столыпинской аграрной реформы осуществлялась по двум направлениям: показательные мероприятия, которые выражались в организации показательных хуторских хозяйств, участков, полей, и мероприятия общего характера – организация прокатных станций сельскохозяйственных орудий и машин, приглашение агрономов на средства уездного и губернского земства, создание сети агрономических участков, выдача предметных ссуд, строительных материалов, сельскохозяйственного инвентаря, семян, удобрений на льготных условиях, а также выпуск необходимых брошюр о способах перехода к улучшенным формам землепользования, создание опытных станций и т.д.

В Казанской губернии земские учреждения с осторожностью отнеслись к инициативам правительства об оказании агрономической помощи единоличным хозяйствам. Это объяснялось, прежде всего, неравным количественным соотношением единоличных владельцев и общинных дворов, которое было явно в пользу последних. Между тем все крестьянское население в одинаковой мере являлось земскими плательщиками. В этой ситуации земства не торопились форсировать ломку традиционных форм общинного землепользования. Кроме того, органы местного самоуправления указывали на ограниченные возможности в собственных финансах, не позволяющие расширить уездную агрономическую организацию. Например, Мамадышское уездное земство откровенно признавало, что «...хуторянам пока может быть оказана помощь лишь частичного характера» [5, лл. 6–10]. В 1909 г. П.А. Меркулов, чиновник ГУЗиЗ, в своем докладе о деятельности землеустроительных комиссий Казанской губернии, сетовал: «...Оказание материальной помощи при землеустройстве страдает весьма существенными недостатками и нуждается в коренной реорганизации на начальном этапе...» [2]. Несмотря на рост денежных средств, выделяемых правительством на агрономию и агротехнику

(в 1909 г. — 620 тыс., в 1910 г. — 2 млн руб., в 1911 г. — 4 млн руб., в 1912 г. — 5,3 млн руб., в 1913 г. — 6 млн руб., в 1914 г. — 6,5 млн руб. [12, с. 31–32]), денег все равно не хватало. Заведующий агрономической помощью единоличным хозяйствам Казанской губернии А.П. Горталов в докладе губернатору от 1913 г. отмечал, что губернское земство на данный момент способно выплачивать лишь половину жалованья уездным агрономам (12 человек). Содержанием же участков агрономов (35 человек) занимается Департамент земледелия, который оплачивает их работу «...из специального кредита, выделяемого на оказание агрономической помощи единоличным владельцам...» [4].

Другой большой проблемой в организации агрономической помощи населению была нехватка квалифицированных кадров. Правительство и земства всячески старались увеличить численность агрономов и специалистов, оказывающих помощь крестьянам, перешедшим к единоличному владению. Так, к 1910 г., согласно общероссийским данным, в составе агрономического персонала насчитывалось 932 человека, в том числе 708 агрономов с высшим и средним образованием [11, с. 66]. Тем не менее персонала все равно катастрофически не хватало. В начале 1911 г. в агрономическом штате Спасского уездного земства состоял 1 агроном и 3 «агрономических» старосты [8]. Всего в Казанской губернии в 1913 г. насчитывалось 38 земских агрономов, при этом лишь 2 из них имели высшее образование. Практически все агрономы были молодыми и неопытными людьми, что существенно осложняло и замедляло работу. Также наблюдалась частая смена агрономов: в 1913 г. сменилось 11 агрономов (30% от общего числа) [3].

В конце 1909–1910 гг. в большинстве земств Казанской губернии развернулись дискуссии по поводу реализации предложенных главой правительства аграрных мероприятий. Некоторые из земств считали, что необходимо оказывать агрономическую помощь крестьянам в целом, безотносительно к условиям их землепользования. Так, председатель Казанского уездного земского собрания А.Н. Боратынский заявил: «У земства не может быть пасынков... противопоставлениям здесь нет места» [7]. Член Спасской уездной землеустроительной комиссии М.П. Горлов высказал мнение, что «...переселять на хутора необходимо не только богатых, но и недостаточных крестьян» [5, лл.22–23]. Его коллега А.А. Булыгин, в свою очередь, доказывал обратное: «Бесполезно разоренного, безлошадного, безденежного человека опутывать массой пособий, не дающих никаких гарантий, что он справится с новой формой хозяйства» [5, лл. 22–23].

Ряд уездных земств был готов оказывать единоличникам целевую помощь, опираясь на поддержку со стороны центральной власти. Так, представители Тетюшского уездного земства соглашались оказывать агрономическую помощь и меры показательного характера лишь при получении правительственной субсидии. Цивильские земские учреждения вообще признавали деление агрономической помощи между земством и правительством вредным явлением [5, лл. 6–10].

Одну из наиболее последовательных позиций в русле поддержки реализуемой правительством аграрной реформы занимало Спасское уездное земство. Еще в 1907 г. в уезде стали открываться сельскохозяйственные классы. Весной 1910 г. на предвари-

тельном совещании губернской земской управы с главами уездных управ по вопросам организации агрономической помощи единоличным владельцам председателем Спасской земской управы было высказано мнение о необходимости оказания планомерной агрономической помощи хуторянам. Программа по «улучшению хуторского дела», принятая местным земством, предусматривала следующие направления деятельности:

- 1) разрешение расчистки вырубов и лесов с выдачей ссуд;
- 2) рассрочка выкупных платежей;
- 3) содействие в приобретении строительных материалов;
- 4) выдача ссуд на закупку лошадей (с дальнейшим увеличением правительственных ссуд до 10 тыс. руб.);
- 5) введение обязательного земского страхования;
- 6) снабжение хозяев улучшенными орудиями труда, семенами и пр.;
- 7) приглашение квалифицированных агрономов и специалистов и т.д. [5, лл. 6–10].

На экстренном земском собрании, предводитель Спасского уездного дворянства П.А. Демидов отмечал: «Помощь хуторянам – будет производительна и целесообразна лишь в том случае, когда руководящие указания для нее будут почерпнуты из жизни и когда она будет осуществляема своевременно и в надлежащей форме» [5, лл. 19–21]. Его план организации агрономической помощи населению предусматривал: «...законный дешевый кредит, возможность (непрерывно возвратной) ссуды, научно обоснованные указания и справки (по осуществлению землеустроительных работ – Р.Б.)» [5, лл. 19–21]. В начале 1910 г. на одном из совещаний, с участием Спасского земства, было принято решение осуществлять страхование усадебных построек крестьян, в зависимости от формы селения, с введением добровольного страхования для хуторян. Агрономическими службами уезда был устроен один показательный хутор (местное земство выделило под это 3200 руб.) [5, лл. 19–21].

Одним из ключевых направлений агрономической помощи крестьянским хозяйствам было сельскохозяйственное просвещение. Внешкольное распространение знаний играло заметную роль в приобщении крестьян к агрикультуре, особенно на начальном этапе, когда очень важно было преодолеть их недоверие к агрономам. В 1913 г. земствами Казанской губернии было устроено 32 сельскохозяйственных курса, проведено 466 чтений (лекций) и бесед, на которых присутствовало 24,5 тыс. слушателей [9, с. 291]. Преобладающими темами лекций и бесед были вопросы организации земледелия, полеводства, животноводства, молочного хозяйства и сельскохозяйственной кооперации. По отзывам агрономов Казанской губернии, «в большинстве случаев беседам уделялось даже большее внимание, нежели чтениям, так как крестьяне легче усваивали живую разговорную речь, чем систематическое изложение на определенную тему» [9, с. 25].

Агрономическими службами была разработана целая система опытных и демонстративных мероприятий для содействия крестьянам в улучшении своего хозяйства, которая включала создание опытных и показательных полей, показательных участков и хозяйств. К 1913 г. в Казанской губернии было устроено показательных хозяйств – 8, полей – 26, участков – 570, на общей площади в 868 дес. [9, с. 258–259]. По количеству показательных полей Казанская губерния заметно уступала соседним Нижегород-

ской, Самарской и Симбирской губерниям. Во многом это было связано с нехваткой агрономического персонала и запоздалым началом индивидуального обслуживания крестьянских хозяйств.

Земства практиковали и покупку у Крестьянского Поземельного банка земель для организации на них образцовых участков. Такие показательные участки, по мысли землеустроителей, находясь среди других крестьянских хозяйств различных типов и являясь для них образцовыми, должны были оказать благотворное влияние на широкое и прочное развитие нового сельскохозяйственного уклада. Крестьяне должны были увидеть приемы, которые без особых затрат могли в короткий срок повысить доходность земли.

По согласованию с агрономическими службами землеустроительных комиссий показательные участки продавали крестьянам, обнаружившим желание и способности вести культурное хозяйство. С момента покупки они переходили под опеку землеустроительных комиссий. Крестьянам, перешедшим к участковым формам хозяйствования, предлагалась программа развития их хозяйства, которой они должны были неукоснительно следовать.

В качестве примера приведем условия, на которых крестьянин И.Волков на своем хуторском участке в 10,7 дес., купленном в 1907 г. у Крестьянского банка в Лаишевском уезде Казанской губернии, образовал хозяйство. И.Волков получил от уездной землеустроительной комиссии беспроцентную ссуду (142 руб. 35 коп.) для покупки лошади, материалов и инструментов. Совместно с агрономом Лаишевского уездного земства был разработан организационный план ведения хозяйства, где предполагались: четырехпольный севооборот, внедрение современных методов ведения земледелия и разнообразных отраслей сельского хозяйства – садоводство, огородничество и пчеловодство. При полном соблюдении плана крестьянин должен был получить доход уже через четыре года [6].

Таким образом, в годы реализации столыпинской аграрной реформы агрономическая помощь крестьянским хозяйствам заняла одно из центральных мест в деятельности органов местного самоуправления Казанской губернии. Агрономическими службами региона была выработана целая программа мероприятий помощи крестьянам в улучшении их хозяйства. Несмотря на трудности и проблемы, которые возникали при реализации опытно-показательного дела, местным земствам и правительственным органам в сфере землеустройства удалось добиться существенного прогресса в деле преодоления архаичной земледельческой культуры крестьянства.

Источники и литература

1. Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. – П.: Деп. Земледелия, 1914. – 653 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1. Оп. 4. Д. 2995. Л. 30.
3. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 7400. Л. 2.
4. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 7401. Л. 2.
5. ГА РТ. Ф. 81. Оп. 2. Д. 831.
6. ГА РТ. Ф. 256. Оп. 3. Д. 14. Лл. 1-11.
7. ГА РТ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 673. Л. 105.

8. ГА РТ. Ф. 712. Оп. 7. Д. 14. Л. 34.
9. Губский Н.М. Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 год / сост. Н.М. Губский. – П.: АО тип. Дело, 1915. – 298 с.
10. Ефременко А.В. Агрономический аспект столыпинской земельной реформы // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 8–10.
11. Землеустройство (1907–1910 гг.). – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. – 120 с.
12. Кофод А.А. Русское землеустройство. – СПб.: Сельский вестник, 1914. – 172 с.
13. Сидорова И.Б. Земства Казанской губернии в начале XX века: взаимодействие с государственной властью // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 4. – Т. 148. – С. 172–184.
14. Циркулярная телеграмма министра внутренних дел губернским и уездным предводителям дворянства от 19 сентября 1909 г. за № 1565 // Изв. ГУЗиЗ. – 1909. – № 44. – С. 979–980.

УДК 94(470.4):631.11

Т.М. Гусева

*Научно– исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»,
г. Саранск, Россия*

ПРОПАГАНДА АГРОКУЛЬТУРНЫХ НОВАЦИЙ СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена проблеме распространения среди населения новых знаний и достижений в области сельского хозяйства. На примере проведения сельскохозяйственных выставок в Среднем Поволжье в работе сделана попытка доказать, что данная деятельность занимала важное место в просветительской и популяризаторской работе и способствовала поискам рациональных приемов ведения земледелия и животноводства, совершенствования сельскохозяйственных машин и орудий труда.

Ключевые слова: выставки сельских произведений, выставки-конкурсы сельскохозяйственных орудий, конные выставки, беговые испытания.

T.M. Guseva

PROPAGANDA OF AGRICULTURAL INNOVATIONS AMONG THE RURAL POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

The article is devoted to the problem of spreading new knowledge and achievements in the sphere of agriculture among the population. Using the example of agricultural exhibitions in the Middle Volga region, the scientific work attempts to prove that this activity occupied an important place in educational and popularization work and contributed to the search for rational methods of farming and animal husbandry, the improvement of agricultural machinery and tools.

Keywords: exhibitions of rural works, exhibitions-contests of agricultural implements, horse shows, running tests.

Во второй половине XIX – начале XX в. 85% населения России составляли сельские жители, которые занимались аграрным производством. Данные обстоятельства способствовали появлению в обществе повышенного интереса к распространению сельскохозяйственных знаний. В этот период создавались различные экономические общества, которые ставили перед собой цель способствовать улучшению сельскохозяйственного производства. Большую работу по распространению новых знаний в области сельского хозяйства проводили земства. Данная статья посвящена одному из важнейших направлений просветительской и популяризаторской работы среди населения – организации сельскохозяйственных выставок, которые в тот период назывались выставками сельских произведений. Сельскохозяйственными, в широком смысле этого слова, признавались выставки, охватывавшие собою все отрасли сельского хозяйства или большинство их. Выставки, посвященные отдельной отрасли хозяйства, носили соответствующее наименование: семенные, конные и т.п.; некоторые из них назывались иногда «конкурсами». Необходимыми условиями устройства сельскохозяйственных выставок являлось выполнение на них экспертизы (испытания) выставленных предметов и оценка последних путем присуждения за них наград.

В 1837 г. во время путешествия по России наследника престола Александра Николаевича (будущего императора Александра II) на пути его следования организовывали выставки, чтобы познакомить его с повседневной жизнью россиян. План проведения данных мероприятий был разработан Николаем I.

Министерство государственных имуществ, убедившись в пользе выставок, установило порядок их устройства и в 1842 г. впервые издало правила проведения этих выставок. Особенностью этих правил, которые подвергались неоднократным изменениям, вплоть до 1869 г. было то, что организация выставок признавалась делом исключительно Министерства государственных имуществ. Данное министерство устанавливало определенное чередование выставок для целых районов (с 1849 по 1861 гг.) или отдельных губерний (с 1861 по 1869 гг.). С введением в стране земских учреждений, получивших по закону право самостоятельно устраивать выставки местных произведений, принцип обязательного очередного открытия выставок министерством был отменен в 1869 г. В этом же году были изданы правила, подробно регламентировавшие устройство как «общих» выставок, на которые принимались всевозможные предметы сельскохозяйственной промышленности в сыром виде и в домашней обработке, так и выставок «специальных», т. е. предназначенных для какой-либо отдельной отрасли сельского хозяйства или для какого-либо отдельного сельскохозяйственного продукта.

Все губернии России по большому или меньшему сходству между собой в сельскохозяйственном отношении были разделены на семь округов. На территории округа выставки проходили ежегодно, организаторами их выступали поочередно все губернские города, входящие в округ [8, с. 116]. Губернские и уездные земства становились их непосредственными организаторами. Общие сельскохозяйственные выставки, соответственно с размерами района, для которого они устраивались, носили название «всероссийских», «областных» (для нескольких губерний или целого края) и «губернских» (для одной губернии). Выставки, устраиваемые в уездных го-

родах или селениях, если они приурочивались к ярмаркам, получали название «ярмарочных».

В Симбирской губернии первые охотничьи и сельскохозяйственные выставки состоялись еще в начале XIX в. Там экспонировались охотничьи трофеи, оружие и снаряжение, образцы саженцев, выращенных плодов, овощей и злаков, образцы привозных сельскохозяйственных орудий.

В Пензенской губернии первая сельскохозяйственная выставка состоялась в 1874 г. в г. Пензе [4]. При организации на выставку допускались произведения всех местностей соседних губерний; но преимущество отдавалось произведениям того уезда, где она проходила. Размещались выставки, как правило, на базарной площади. Все предметы сельского хозяйства, которые в этот день привозили на базарную площадь, считались входящими в состав выставки, а их владельцы – экспонентами.

Специально для подведения итогов создавалась распорядительная комиссия, которая состояла из членов общества сельского хозяйства и гласных земства по назначению собрания. В сопровождении экспертов они осматривали выставку и назначали награды, которые, как правило, состояли из серебряных и бронзовых медалей, похвальных листов и денежных средств, если последние были ассигнованы земством. Часто были и дополнительные призы. Отзыв экспертов рассматривался на заседании земского собрания, которое делало выводы по улучшению местного сельского хозяйства. 1 октября 1879 г. во время проведения земского собрания в г. Городище Пензенской губернии была открыта 2-я выставка сельских произведений. При подведении итогов этой выставки были назначены: а) от президента общества сельского хозяйства юго-восточной России кубок в 100 руб., исключительно за племенных домашних птиц улучшенных пород; б) за 3 коллекции огородных семян – несколько плужков одноконных и усовершенствованных ручных орудий [5].

В 1911 г. на проведение выставки и на выдачу денежных наград в г. Керенске земское собрание выделило 500 руб. Кроме того, со стороны правительственных учреждений были отпущены пособия, а именно: 1) от Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики на устройство кустарного отдела 100 руб. и назначены к выдаче две малые серебряные медали, 5 бронзовых и 10 похвальных листов для присуждения их кустарям за лучшие экспонаты на выставке и 2) от Главного управления земледелия и землеустройства ассигновано 500 руб., из них 300 руб. – на выдачу денежных наград, а 200 руб. – на устройство выставки и, кроме того, отпущено почетных премий в количестве одного свидетельства на большую серебряную медаль, 2 малые и 5 бронзовых и 10 похвальных листов. Все награды присуждались исключительно по сельскохозяйственному отделу выставки и только на местные экспонаты, а денежные – исключительно только для крестьян [7]. Для устройства выставки управа приглашала принять участие специалистов в области сельского хозяйства, помимо своего ученого агронома.

Для внедрения в сельское хозяйство новых образцов техники большое значение имели выставки-конкурсы земледельческих орудий, устраивавшиеся в разных местностях России (в 1860-х и 1870-х гг.) Императорским Московским обществом сельского хозяйства, возобновившим эти выставки в 1895 г. при Бутырском хуторе обще-

ства. Для этих выставок обществом был намечен трехлетний срок, причем они должны были чередоваться в следующей последовательности: в первый год — выставка керосиновых двигателей, сливкоотделителей, сеялок, сажалок и сортировок; во второй год — жней и жнеесноповязалок, сложных молотилок, локобилей, машин для приготовления кормов и машин для удобрения почвы, а в третий год — всех прочих земледельческих орудий (косилок, плугов и пр.). Проведение первого трехлетнего цикла таких выставок, сопровождавшихся полевым испытанием представленных земледельческих орудий, позволило обществу собрать данные о сравнительных достоинствах земледельческих машин и орудий разных заводов, которые были опубликованы в изданных обществом подробных отчетах об этих выставках.

В конце XIX — начале XX в. сельскохозяйственные выставки проводились практически во всех уездных городах и приобретали все большее значение для жителей городов и деревень. С каждым годом они становились все масштабнее.

Так, с 31 мая по 9 июня 1899 г. в г. Карсуне была устроена ярмарочная выставка предметов сельского хозяйства и кустарной промышленности. Выставка была общая, т. е. на нее допускались экспонаты по всем отраслям сельского хозяйства. Особенный интерес вызывали среди крестьян и землевладельцев демонстративные испытания земледельческих орудий и сельскохозяйственных машин, работы передвижной маслодельни (начиная с пробного удоя до формовки сливочного масла при употреблении для этого необходимых приборов усовершенствованной конструкции.)

Министерство земледелия и государственных имуществ командировало на выставку своего представителя — специалиста по садоводству и огородничеству В.В. Пашкевича, который, кроме своего участия в работах распорядительного комитета, прочел несколько публичных лекций с демонстрацией соответствующих приборов и работ по садоводству и огородничеству и приготовлению консервов из плодов и ягод. Симбирское Общество сельского хозяйства для ознакомления местных хозяев с усовершенствованными приемами по переработке молока на масло отправило на Карсунскую выставку передвижную маслодельню со всем ее инвентарем и руководителем — инструктором от Министерства земледелия и государственных имуществ М.А. Суворовым.

Наибольшим числом экспонатов на Карсунской выставке отличался отдел коневодства и кустарной промышленности. Новинкой по сравнению с предыдущими выставками были школьный отдел (здесь благодаря участию местного инспектора народных училищ А.И. Червяковского были собраны работы по ремеслам учеников и учителей уезда, письменные работы, учебные пособия, женское рукоделье и школьное садоводство и огородничество) и модели огнеупорных построек, сделанных крестьянином с. Белозерье Карсунского уезда Калашновым, занимавшимся их распространением среди местных крестьян. Кроме того, обращали на себя внимание по своему интересу экспонаты лесного отдела (образцы деревьев, распространенных в Карсунском уезде, болезни и повреждения деревьев и лесной гербарий), представленные управляющим удельным имением Г.Р. Шидловским. На Карсунской выставке свои экспонаты — 832 предмета — представили 186 человек. Во время

выставки было произведено испытание двухлемешных безрычажных плугов крестьянского типа, произведенных на различных заводах, наилучшим из которых оказался плуг акционерного общества «Эккерт» в Берлине и плужки Карсунского земского ремесленного училища [1, с. 198–206].

В 1902 г. была устроена сельскохозяйственная выставка в г. Сызрани, которая продолжалась с 7 по 12 сентября. Устройство выставки обошлось приблизительно в 2000 руб., губернским земством было отпущено 850 руб., Министерством земледелия – 400 руб. (и сверх того 250 руб. на награды), Сенгилеевским земством – 100 руб., и около 200 руб. предполагалось выручить от продажи оставшегося лесного материала. Кроме денежных сумм для выставки были предоставлены различные почетные награды в виде медалей и похвальных листов от Министерства земледелия и разных сельскохозяйственных обществ. Выставка делилась на 9 отделов, которые включали в себя: 1) скотоводство; 2) молочное хозяйство; 3) полеводство, лесоводство и технические в имениях производства; 4) садоводство; 5) птицеводство; 6) кустарный; 7) школьный; 8) машинно-технический и 9) пчеловодство. Каждым отделом заведовали особо назначенные для того лица, которые размещали экспонаты и давали по ним объяснения [2, с. 121].

Отдел животноводства по числу экспонатов был небольшим: в нем насчитывалось всего 12 лошадей и 13 коров; незначительное число последних объяснялось распространением в этот период в г. Сызрани эпизоотии ящура. Большим вниманием пользовался отдел молочного хозяйства, в нем было много машин по переработке молока, которые демонстрировались командированным Министерством земледелия инструктором по молочному хозяйству. В отделе полеводства было представлено много разнообразных семян, поэтому отдел признали довольно удачным. Отдел садоводства обращал на себя внимание качеством выставленных продуктов, но по числу экспонатов был незначителен. В отделе птицеводства экспонировали своих питомцев преимущественно жители г. Сызрани. Наиболее полными были кустарный и машинно-технический отделы. Первый представлял картину современного положения кустарных промыслов; во втором можно было видеть улучшенные виды сельскохозяйственных машин и орудий и частично представить состояние заводской промышленности в уезде. В техническом отделе значительный интерес вызвала маслобойная гарнитура, выставленная фирмой «Эльворти». В школьном отделе экспонаты представили земства и почти все учебные заведения г. Сызрани; здесь преобладали ученические работы. Уездной управой были выставлены введенные в сельских школах учебники, образцы учебных и канцелярских пособий, предметы рукоделия из Никулинской и Ново-Розадеевской сельских школ. Попечителем Костычевской читальни И.К. Липинским была выставлена таблица с цифровыми данными за все время существования читальни. Сызранское реальное училище заинтересовало публику метеорологическими инструментами и наглядными пособиями. Общество народных чайных, столовых и библиотек, кроме отчетов о своей деятельности, предоставило в распоряжение публики газеты, журналы и разные брошюры по сельскому хозяйству. В отделе пчеловодства особое внимание привлекали показательные ульи учителя Андропова и крестьянина Березина [2, с. 122].

Кроме выставок сельских произведений большой интерес представляли конные выставки, которые устраивались на основании особых правил, изданных государственным коннозаводством. Последнее назначало время и место этих выставок, приурочивая их преимущественно ко времени производства различных конных испытаний, а где таких испытаний не было – ко времени значительных ярмарок, особенно конных. На выставки эти допускались жеребцы и кобылы 3, 4 и 5 лет; кроме того, на выставках крестьянских лошадей удостоивались премий породистые, хорошо кормленные годовые жеребята. Присуждаемые на выставках награды заключались в денежных премиях, бронзовых медалях и похвальных листах. Высшая премия для лошадей верхового сорта полагалась: для жеребцов в 300 руб. и для кобыл в 250 руб., вторая премия: для жеребцов в 250 руб. и для кобыл в 200 руб. Высшая премия для лошадей крестьянского сорта: для жеребцов в 75 руб. и для кобыл в 50 руб., вторая для жеребцов в 40 руб. и для кобыл в 25 руб. По желанию владельца лошади, удостоенной 1-й премии, ему могла быть выдана в счет денежной премии медаль: за верховую лошадь золотая в 100 руб. и за крестьянскую – серебряная в 10 руб. Высшую премию, как на выставках верховых лошадей, так и на выставках сельско-рабочих крестьянских лошадей, лошадь могла получить только один раз, вторую премию – не более двух раз. Размер премий для годовых жеребят установлен в размере не более 30 руб. и не менее 5 руб. за каждый отдельный экземпляр. Все распоряжения по выставкам возлагались на особых лиц, назначаемых Главным управлением государственного коннозаводства. Старшие из распорядителей составляли на месте для производства выставок временные, в составе не менее пяти членов комитеты из лиц, назначенных главноуправляющим государственным коннозаводством, и из местных коннозаводчиков и охотников. Распорядительный комитет определял количество и размер денежных премий; он же производил суждение о лошадях и присуждал премии. Ежегодно в разных местностях России устраивалось свыше 150 конных выставок. Выставки эти делились на четыре типа: 1) выставки крестьянских лошадей сельско-рабочего сорта; 2) выставки такого же сорта лошадей землевладельческих; 3) выставки верхового сорта лошадей и 4) выставки киргизских лошадей. Преобладающими являлись выставки первых двух типов.

Проводимые в уездных городах выставки и премирование лошадей также были очень популярны среди жителей городов и сел. Главная цель таких выставок заключалась в улучшении породы лошадей. В 1877 г. подобные выставки прошли в Чембаре, Краснослободске, Нижнем Ломове, в 1878 г. – в Наровчате, Керенске, в 1879 г. – в Мокшане. Проведению данных мероприятий предшествовала определенная подготовка. Прежде всего уездное земское собрание на основании постановления принимало решение об открытии выставки, при этом выделялись определенные суммы денег на выдачу премий победителям. Главное управление государственного коннозаводства также выделяло небольшие средства для выдачи премий по 15 руб. за жеребца и жеребенка. 29 июня 1887 г. в г. Наровчате, накануне Петровско-Павловской ярмарки, была открыта выставка случных общественных жеребцов и молодых жеребят. На ней было представлено 30 жеребцов-производителей и 123 жеребенка. По результатам выставки высшие премии были вы-

даны: в 30 руб. – крестьянину с. Лячи Андрею Васильевиче Каляскину, в 25 руб. – отставному фельдфебелю из с. Колояра Дмитрию Тимофеевичу Гришаеву и в 15 руб. (от управления государственного коннозаводства) – крестьянину с. Крутой Студенец Ивану Егоровичу Кочеткову [6]. Комиссия, производившая обзор выставки, пришла к заключению, что лучшими лошадьми, как и на прежних выставках, является приплод от кобыл, случаемых с казенными жеребцами, а потому открытие в Наровчатском уезде случных пунктов из казенных жеребцов Починковской заводской конюшни есть самая лучшая мера к улучшению в уезде коневодства, в особенности среди крестьянского населения, а учреждение выставок приобщает крестьян к разведению лошадей от казенных жеребцов [6].

Кроме выставок лошадей устраивали и беговые испытания, которые собирали большое количество зрителей. Ипподромов в небольших уездных городах не было, поэтому город выделял место, часто недалеко от ярмарочной площади. Там устраивали круг (верста в окружности) и строили небольшую беседку для публики. Для небольших состязаний этого было достаточно. Инициатором проведения таких мероприятий часто становился губернатор. Так, Саранское общество купцов и окрестных помещиков долго собиралось устроить беговые испытания в своем городе, но только на словах, на самом деле не было, потому что отсутствовало лицо, которое бы дало общему настроению толчок. В 1873 г., незадолго до ярмарки, пензенский губернатор А.А. Татищев предложил составить подписку для устройства ипподрома с назначением призов для беговых испытаний. Подписка была быстро организована, бега назначены на 5 и 6 сентября, так как в эти дни Саранская ярмарка бывала в полном разгаре. Место для бега выбрали близко от ярмарки и от города, ровное на всем протяжении, без пригорков. Но так как испытания устраивались впервые, недостатки все же были: дорога бега была с немалым количеством ямок и кочек; их засыпали песком, но его разбросали во время бега по всей дороге и она стала еще тяжелее, поэтому лошади не могли ехать свободно, как по твердому грунту, и должны были везти все время в упор, без малейшего наката. Наездники потом говорили, что ямки не позволяли им посылать лошадь на полный ход, так как, оступившись на неровностях круга, она легко могла сделать сбой [3]. Резвых лошадей на этих соревнованиях не оказалось, участники объясняли это тем, что дело было организовано незадолго до бегов и никто не готовил лошадей заранее, так что записывались лошади невыдержанные, прямо из конюшни [3]. Тем не менее проводимые испытания были зрелищными и привлекли большое количество зрителей и участников.

Почти ни одна из сельскохозяйственных выставок не обходилась без содействия со стороны Министерства земледелия. Содействие это выражалось в назначении на устройство выставки пособий, в предоставлении почетных, вещественных (в виде сельскохозяйственных машин и орудий) и денежных наград и в командировании на выставки для участия в экспертизе и устройства чтений и бесед соответствующих специалистов. Отпускаемые от министерства на выставки пособия колебались в зависимости от характера, значения и объема выставки от нескольких сот до десятков тысяч рублей. Поэтому награды в виде медалей и похвальных листов предоставля-

лись на выставки, кроме министерства, также многими сельскохозяйственными обществами (Императорским Вольным экономическим Московским обществом сельского хозяйства, Российскими обществами садоводства и плодоводства, Петербургским собранием сельских хозяев и пр.), а также для соответствующих отделов выставок Министерством финансов и Государственным коннозаводством. Отпускаемые Министерством земледелия денежные и вещественные премии предназначались исключительно для экспонентов – крестьян и кустарей.

Проводимые выставки приносили много пользы сельскому хозяйству уезда, привлекая внимание сельских жителей всей округи. Чиновники, желая поддержать инициативу снизу, стимулировали проведение выставок дополнительными средствами. Так, в Керенске после проведения выставки земством в дополнение к своим средствам были получены пособия: 1) от Департамента земледелия на устройство прокатной станции и зерноочистительных пунктов 450 руб.; 2) на устройство показательных полей 300 руб. и 3) на меры привития культуры кормовых растений 250 руб. [3].

Проведение окружных сельскохозяйственных съездов в уездных городах также имело большое значение для развития сельскохозяйственного производства. На них рассматривались самые разнообразные вопросы, касающиеся сельского хозяйства: о распространении агрономических знаний, способствующих усовершенствованию сельских хозяйств; об организации земледельческих выставок и др. В 1881 г. такой съезд проходил в Саранске, активное участие в нем приняли землевладельцы, земские гласные не только Саранского, но и других уездов Пензенской губернии.

Источники и литература

1. Журнал Симбирского Губернского Земского собрания очередной сессии 1899 года. – Симбирск: Тип. О.В. Мураховской, 1900. – 722 с.
2. Журнал Симбирского Губернского Земского собрания очередной сессии 1902 года. – Симбирск: Губ. тип., 1903. – 910 с.
3. Пензенские губернские ведомости (далее – ПГВ). – 1873. – № 443.
4. ПГВ. – 1874. – № 36, 59.
5. ПГВ. – 1879. – № 193.
6. ПГВ. – 1887. – № 150.
7. ПГВ. – 1911. – № 158.
8. Ульяновская–Симбирская энциклопедия: В 2 т. – Ульяновск, 2000. – Т. 1. – 400 с.

УДК 29[(470.41)+(574)]”1960/1980”

Р.Р. Ибрагимов

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет, г. Казань, Россия*

ИСЛАМ В ЖИЗНИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ТАТАРСКОЙ АССР В 1960–1980-Е ГОДЫ

В статье рассмотрены факторы, обеспечившие сохранение мусульманских традиций среди сельского населения Татарской АССР в условиях господства атеистической идеологии

в 1960–1980-х гг. Показана роль официально действовавших мечетей и нелегально функционировавших мусульманских объединений как центров мусульманской жизни в данный период, рассмотрены способы и методы осуществления контроля властей в данной сфере.

Ключевые слова: мечети, ислам, неофициальные религиозные объединения, атеизм, Советское государство, Татарская АССР.

R.R. Ibragimov

ISLAM IN THE LIFE OF RURAL RESIDENTS OF THE TATAR ASSR IN THE 1960s-1980s

The article considers the factors that ensured the preservation of Muslim traditions among the rural population of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic under the dominance of atheistic ideology in the 1960s-1980s. The role of officially operating mosques and illegally functioning Muslim associations as centers of Muslim life in this period is shown, ways and methods of exercising control of the authorities in this area are considered in it.

Keywords: mosques, Islam, unofficial religious associations, atheism, Soviet state, Tatar ASSR.

Политика Советского государства в отношении религии имела цель полностью искоренить ее из жизни советских людей. В этой связи проводились комплексные мероприятия, в рамках которых была фактически разрушена система религиозного образования, верующие и духовенство подвергались репрессиям, гонениям и общественному осуждению, проводилась массированная атеистическая пропаганда.

Среди причин, обеспечивших выживание религии в условиях крайне агрессивной внешней среды, стало ее сохранение в социокультурной жизни общества. Ее значимость как фактора сохранения религиозно-духовных ценностей в условиях, когда практически отсутствовали легальные возможности их ретрансляции, можно проследить на примере верующих и духовенства Татарстана 1960-х — середины 1980-х гг. Специфика данного периода обусловлена тем, что в эти годы, ввиду естественной убыли, численность священнослужителей, получивших полноценное религиозное образование в дооктябрьский период, значительно сократилась. В этой связи власти ожидали значительного снижения влияния ислама.

Несмотря на то, что СМИ постоянно декларировалась одна из догм советской идеологии об «угасании деятельности религиозных объединений», такой показатель религиозной активности, как доходы религиозных общин и групп, говорил об обратном. Так, если по мусульманским объединениям Татарской АССР за 1967 г. они составили 120 тысяч рублей, то за 1968 г. — более 140 тысяч [3, л. 17–38]. Характерно, что основной статьей доходов были добровольные пожертвования мусульман.

Помимо действующих мечетей центрами притяжения религиозной жизни мусульман были пустующие мечети. В период антирелигиозных кампаний в конце 1920-х – 1930-е гг. большинство закрытых мечетей либо были разобраны, либо переоборудованы под хозяйственно-культурные нужды. Власти инициировали эти действия, исходя из стремления полностью ликвидировать наглядные свидетельства религиозного прошлого. Однако относительная нормализация государственно-конфессиональных отношений в годы Великой Отечественной войны снизила

уровень религиозной нетерпимости в действиях власти. В основном именно из селений, в которых еще сохранились здания мечетей, и поступали ходатайства о возобновлении деятельности ранее закрытых религиозных объединений [6, л. 60].

Большое значение имели правила исполнения мусульманских обрядов, которые, в отличие от православных, можно было отправлять в домах и квартирах, что позволяло в меньшей мере находиться в поле зрения контролирующих органов власти. Поэтому одним из самых важных обстоятельств выживания ислама в условиях атеистической идеологии стало его сохранение в быту многих татарских семей.

Интересно, что со стороны властей инициировались утопичные планы, призванные способствовать улучшению контроля за мусульманской обрядностью. Так, в начале 1960-х гг. в официальных документах контролирующие органы критиковались за факты совершения мусульманами своих обрядов в домах. В этой связи уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Татарской АССР были проведены беседы со многими верующими и муллами по поводу возможности перенесения совершения мусульманских обрядов из квартир и домов верующих в здания культа или другие специальные помещения, но, разумеется, он встретил с их стороны резкий отпор. В итоге, по словам уполномоченного, было решено, что «...ставить вопрос в мусульманстве об обязательном перенесении исполнения религиозных обрядов из квартир верующих в храм пока преждевременно» [1, л. 178]. В своем стремлении покончить с религией государство пыталось вмешиваться и устанавливать свои нормы и правила даже в такой исключительно духовной сфере, как религиозная обрядность.

Показателем уровня религиозности населения страны для власти долгое время являлось количество официально действующих религиозных объединений. Несостоятельность и иллюзорность вышеупомянутого постулата продемонстрировал проведенный в 1961 г. единовременный учет религиозных объединений и духовенства. Следует заметить, что в Советском Союзе подобное мероприятие проводилось впервые. В его рамках предполагалось взять на учет все реально функционирующие религиозные общины и группы. По итогам данной кампании в Татарской АССР было выявлено 646 неофициально действующих мусульманских объединений, а также 366 нелегально работающих мулл [1, л. 107; 2, л. 88].

Результаты учета, выявившие на территории Татарской АССР значительное число фактически действующих религиозных объединений и служителей культа, вынудили власти признать, что количество зарегистрированных религиозных объединений не адекватно отражало уровень религиозности в стране. По словам заместителя Председателя Совета Министров Татарской АССР Д.С. Шакирзяновой, «абсолютное большинство верующих свои культовые потребности удовлетворяют через незарегистрированные религиозные общества, группы верующих и служителей культа» [1, л. 47]. Таким образом, признавался и факт сосредоточения всей религиозной жизни республики на нелегальном уровне. С этого времени на территории республики стали проводиться социологические опросы населения, призванные способствовать получению более объективных данных об уровне религиозности граждан.

В начале 1960-х гг. в одном из своих отчетов Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Татарской АССР главной проблемой в борьбе с влиянием религии назвал незарегистрированные общины и группы верующих, а также служителей культа [1, л. 6]. Итоги деятельности мусульманских объединений в Татарской АССР за 1960–1962 гг. действительно показали, что уровень влияния ислама на население республики оставался достаточно высоким. В другом отчете Уполномоченного Совета по делам религиозных культов отмечалось: «Значительная часть взрослого мужского населения продолжает ходить в мечеть для совершения намазов, обращается к служителям культа за совершением религиозных обрядов и поддерживает их материально... По-прежнему не наблюдается заметного отхода верующих от мечети и спада активности духовенства» [1, л. 110].

Такие обряды, как исем кушу (наречение имени), суннат (обрезание), никах (венчание), дженаза (отпевание), были весьма распространены, особенно на селе. Так, в 1961 г. среди жителей села Старые Киязлы Октябрьского района, где действовала зарегистрированная мечеть, обряд наречения имени выполнялся в 48%, никах – в 86,6%, отпевания – в 92% случаев; в селах Курманаево, Степное Озеро и Кривое Озеро, в которых также функционировали зарегистрированные мечети, эти цифры соответственно составили 54%, 82% и 100% [1, л. 11]. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее практикуемым обрядом являлась дженаза. Видимо, мало кто решался проводить в последний путь близкого человека без соблюдения этого обряда. В такие моменты даже люди, имевшие до этого достаточно твердые атеистические убеждения, обращались к религии и не считали конечность человеческой жизни бесспорным фактом.

В советский период кладбища в местах традиционного распространения ислама стали местом, где религиозные проявления населения были весьма сильны. Как правило, процессом похорон руководили либо незарегистрированные муллы, либо активисты нелегально действующих религиозных объединений. Они не только следили за правильностью исполнения соответствующих обрядовых действий, но и определяли место захоронения, тем самым выполняя и административное руководство похоронами. На некоторых кладбищах, при входе, устанавливались религиозные эмблемы, изречения из Корана. К примеру, на входе в кладбище города Арска значилось его название как «Арское мусульманское кладбище» и висело изречение на арабском языке «Нет Бога, кроме Аллаха» [5, л. 18]. Были факты, когда руководители местного уровня негласно разрешали верующим отправлять обряды на кладбищах, в частности в селе Большие Берези Арского района верующие с неофициального согласия председателя местного сельсовета на территории кладбища возводили большое здание мечети, которую намеревались открыть к празднику Курбан-байрам 27 февраля 1969 г. [3, л. 37].

Помимо пустующих мечетей, домов верующих и кладбищ местами нелегальных собраний мусульман были святые места, как правило представлявшие собой «ключи» и «святые могилы». Паломничества в такие места проходили только в теплые, летние месяцы, обычно в пятничные дни. Как и в вышеперечисленных местах несанкциони-

рованных собраний мусульман, здесь местные власти также всячески препятствовали собраниям верующих. В этой связи интересен пример из других регионов традиционного распространения ислама. Например, в Казахской ССР, чтобы прекратить паломничество верующих к этим местам, власти создавали здесь какие-либо светские учреждения. Так, святой источник «Аяк-Калкан» стал курортом, мавзолеей Укач-Ата – лагерем для пионеров, «Узун-Ата» – ветеринарным пунктом [4].

В 1970-е гг. некоторой частью граждан Советского государства осознается очевидная декларативность провозглашаемых КПСС ценностей, утопичность целей и задач, намечаемых ею. Коммунистическая идеология и пропагандируемое ею атеистическое мировоззрение оказались несостоятельны в решении многих вопросов, возникающих перед человеком на разных этапах его жизни. В этой связи религия для многих предстала как альтернатива официальной идеологии, системой нравственно-этических ценностей, способной заполнить духовный вакуум, образовавшийся у многих людей после разочарования в идеях коммунизма.

Одной из характерных черт положения ислама в Татарстане в первой половине 1980-х гг. стало усиление роли женщин в жизни мусульманских объединений. Учитывая то, что в татарском обществе именно им принадлежала главная роль в воспитании детей в условиях семьи, значимость данного факта в осуществлении преемственности между поколениями татар духовных ценностей ислама очевидна. По данным социологических исследований, проведенных в республике в середине 1980-х гг., 80% мусульман получили религиозное воспитание именно в семье [7, л. 13]. В этой связи красноречиво звучат слова сотрудника отдела пропаганды и агитации Татарского Обкома КПСС: «Несмотря на усилия, которые прилагает партия в борьбе с религиозным мировоззрением, ощутимых результатов мы пока не видим...» [7, л. 13].

Явлениями из разряда уникальных перестали быть посещения мечетей верующими из числа рабочих и интеллигенции в возрасте 30–40 лет, нередко среди них встречались даже комсомольцы и коммунисты. Так, за 1981–1984 гг. в ТАССР таковых оказалось 6 коммунистов и 19 комсомольцев, все они получили различные взыскания.

Таким образом, в условиях почти разрушенной системы мусульманского образования и административного давления властей передача религиозных ценностей от поколения к поколению происходила в основном на семейно-бытовом уровне, когда на личном примере и на основе рассказов старшего поколения о прошлом к данным ценностям приобщалась молодежь.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–214.
2. ГА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–133.
3. ГА РТ. Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 40. Л. 1–77.
4. Мустафаева А.А. Этапы демусульманизации в Казахстане (на материале 50–60-х годов XX века) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/34_VPEK_2012/Istoria/2_120407.doc.htm (дата обращения: 27.07.2022).

5. Центральный государственный архив историко-политической документации (ЦГАИПД). Ф. 15. Оп. 8. Д. 1275. Л. 1–176.
6. ЦГАИПД. Ф. 15. Оп. 12. Д. 241. Л. 1–106.
7. ЦГАИПД. Ф. 15. Оп. 14. Д. 401. Л. 1–233.

УДК 94(47)+37

Т.И. Кильдюшкина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия*

УЧАСТИЕ ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОРДОВСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Статья посвящена описанию роли земских учреждений в становлении и развитии народного образования на территории мордовского края после реформы 1861 г. Важным социально-педагогическим условием появления народных школ была инициатива крестьянских обществ, земствам же отводилась роль организующего и руководящего органа. С 1868 г. все народные училища находились в ведении земства, которое в меру сил стремилось их обеспечить как кадрами, так и средствами. К концу XIX в. земства изменили отношение к вопросам народного образования, стали заниматься ими более активно, и эта практическая деятельность вскоре положительно отразилась на школьном образовании.

Ключевые слова: мордовский край, земство, народное образование, крестьянское общество, народные школы.

T.I. Kildyushkina

PARTICIPATION OF THE ZEMSTVO IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION IN MORDOVIAN REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

The article is devoted to the description of the role of zemstvo institutions in the formation and development of public education in the territory of Mordovian region after the reform of 1861. An important social and pedagogical condition for the emergence of folk schools was the initiative of peasant societies, while the zemstvos were assigned the role of organizing and governing body. Since 1868, all public schools were under the jurisdiction of the zemstvo, which, to the best of its ability, sought to provide them with both personnel and funds. By the end of the 19th century the zemstvos changed their attitude to the issues of public education, began to engage in them more actively, and this practical activity soon had a positive impact on school education.

Keywords: Mordovian region, zemstvo, public education, peasant society, public schools.

К середине XIX в. были созданы определенные условия для развития народного образования. Педагог К.Д. Ушинский указывал на два момента, необходимых для этого: требовалось пробудить у народа потребность учиться и найти средства и учителей для удовлетворения этой потребности [19, с. 70]. Рассмотрим этот вопрос на примере земств мордовского края. Так как край не имел своей государственности,

будем ссылаться на материалы губерний, часть уездов которых полностью или частично впоследствии вошла в состав Мордовии.

Итак, потребность в приобретении первоначальных знаний и овладения основами грамотности возникла после реформы 1861 г., когда крестьяне получили свободу от крепостной зависимости и оказались перед необходимостью готовить детей к новым условиям жизни. «Вот почему... все дело народного образования основывается у нас единственно на сочувствии крестьян этому делу, — подчеркивал К.Д. Ушинский, — весьма опасно было бы подорвать это сочувствие или помешать ему развиваться далее. Только одно земство, находясь в ближайшем отношении к народу, и имеет в своей среде и образованных людей, может содействовать делу народной школы...» [18, с. 294].

Анализ имеющихся материалов по народному образованию в 60-е гг. XIX в. показал малочисленность училищ в большинстве уездов мордовского края. Многие из них, как и в дореформенную эпоху, числились только в отчетах. Например, рассмотрим статистические данные 1866 г. по трем уездам Симбирской губернии, впоследствии вошедших полностью или частично в состав Мордовии (характеризующих состояние образования на достаточно большой территории края): в Алатырском уезде числились 63 училища, в Ардатовском — 92, в Карсунском — 126 училищ [1, с. 85]. Эти данные указали в свое время члены Симбирского статистического комитета, мировые посредники, директора училищ и др., а в 1866 г. их опубликовали в Симбирске [7]. Указанные сведения давали бы повод для оптимизма, если бы были правдивыми. Сравнив их с соответствующими сведениями, собранными в 1869 г. И.Н. Ульяновым, можно получить большую разницу в количестве училищ: в Алатырском уезде их оказалось на 46 меньше, чем в 1866 г. (всего 17 училищ), а в Ардатовском уезде — на 58 училищ меньше, и только в Карсунском уезде разница составила 2 училища [1, с. 85].

Сложившееся положение с уменьшением количества училищ обуславливалось, главным образом, тем, что к ним иногда причислялись церковно-приходские школы, которых в 1866 г. в губернии насчитывалось до 450. Сколько же их было на самом деле, сегодня трудно определить, поскольку многие священнослужители, числившиеся учителями и заведующими церковно-приходскими школами, часто для показа большего охвата детей обучением приписывали как количество школ, так и число учащихся в них.

Каково было наследство, полученное земством, можно судить по отчетам уездных учреждений в первые годы существования: в ряде из них указывалось, что в школах занимался каждый 200-й ребенок школьного возраста [4, с. 29].

В первые годы становления народного образования открытие, постройка и содержание школ лежали в основном на сельских обществах и уездных земствах, и доля участия последних с течением времени, когда школы стали открываться в большинстве селений, постепенно увеличивалась.

По замечанию В.И. Никулина, земские учреждения начинали деятельность в области народного образования в неблагоприятных условиях и подходили к этому вопросу без должной инициативы и настойчивости, поскольку земские расходы на

образование были необязательными, к тому же открытие земствами собственных школ Положением 1864 г. не предусматривалось, что в конечном счете и влияло на развитие народного образования в уездах.

Первые два года земства занимались организационными вопросами. В докладе Пензенской губернской земской управы земскому собранию по осмотру училищ в 1865 г. указывалось, что школы не имели ни классных принадлежностей, ни учебных пособий, «кроме немногих букварей, небольшого количества часословов, псалтырей и других книжек, набранных родителями учеников и учителями без всякого единства содержания» [3, с. 98].

С 1868 г. все народные училища были приняты земством в свое ведение.

Важным социально-педагогическим условием появления народных школ стала инициатива крестьянских обществ (движение снизу). Однако, вспоминая слова К.Д. Ушинского, обязательным при устройстве народных школ было и второе условие – средства, чтобы удовлетворить потребность народа учиться. Педагог отмечал, что «эта потребность, спавшая так долго, пробуждается, наконец, и пробуждается с необыкновенной быстротой и силой» [18, с. 69]. Как удовлетворялась «пробуждавшаяся потребность» к образованию, можно проследить на примере народных училищ в уездах Пензенской губернии, позднее вошедших полностью или частично в состав Мордовии (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о начальных народных училищах в уездах Пензенской губернии в 1865 г.

Уезд	Количество начальных училищ					Число учащихся				
	городских	сельских			Всего	в городских училищах		в сельских училищах		Всего
		мужских	женских	для обоого пола		мальчики	девочки	мальчики	девочки	
Инсарский	1	10	–	7	18	60	–	461	27	548
Краснослободский	2	13	2	4	21	112	58	690	40	900
Наровчатский	2	7	–	4	13	60	28	329	51	468
Саранский	2	9	–	3	14	70	53	460	19	602
Итого	7	39	2	18	66	302	133	1 940	137	2 518

Таблица составлена по: Никулин В.И. Пензенское земство. 1865–1917 гг. – Пенза, 1996. – С. 158; Очерки истории народного образования Пензенского края. – Пенза, 1997. – С. 133.

Если в целом по Пензенской губернии процесс создания новых школ ускорился примерно в 1,7 раза, то в Саранском уезде произошел обратный процесс: школ было введено в 2 раза меньше, чем в пятилетие до образования земств. Таким обра-

зом, связывать развитие народной школы с земством в тот период было бы преждевременно, а соответственно просвещение народных масс исключительно с земскими учреждениями, как это делала либеральная историография, – неправомерно.

В первые годы деятельности уездных земств их роль в развитии народного образования была почти не заметна. Хотя в первый год существования Саранское уездное земство ассигновало на содержание народных училищ 1000 руб., но уже в следующем году, «по заявлению большинства гласных о нежелании определять эту сумму», таковая была исключена из сметы [3, с. 106]. Подобная ситуация в первые годы деятельности земских школ наблюдалась повсюду.

Несмотря на трудности становления, земские школы набирали обороты, расширяли свое влияние на развитие образования в мордовском крае. К 1866 г., по данным Инсарского уездного училищного совета, училищ Министерства государственных имуществ насчитывалось 8, в том числе в сс. Шувары, Ямская Слобода, Арбузовка, Шишкеево, Мордовская Пишля, Сиалеевская Пятина, Лемдяйский Майдан. В Краснослободском уезде училищ – 8, в сс. Тенишево, Пурдошки, Никольское, Слободские Дубровки, Девичий Рукав, Карьга, Веденское (мужское и женское) и в г. Краснослободске [2, л. 9–13, 24]. В 1868 г. в Саранском уезде функционировали сельские училища в Больших Ремезенках, Зыкове, Кочкурове, Напольной Тавле и одно магометанское училище в Татарском Умысе [17].

Развитие школьного дела в уездах мордовского края первые пять лет деятельности земства шло медленно. Главную причину этого следует отнести к недостаточности средств земства, которыми оно располагало. С другой стороны, недостаточно было грамотных и подготовленных в педагогическом смысле учительских кадров. Однако последнее уездные земства сами не в силах были решать, поэтому «приготовление учителей и учительниц народных школ и улучшение методов преподавания» взяла на себя губернские земства.

Состояние народного образования в мордовском крае на первоначальном этапе было в плачевном состоянии. Первые шаги земств в отношении школьного образования были нерешительны, ибо повсюду господствовало мнение, что развитие начального образования должно идти по запросу и почину крестьянского населения. Это мнение очень ясно прозвучало в высказывании публициста князя А.И. Васильчикова, который говорил, что «...обществам или волостям оставляется вся инициатива открытия школ и установление сборов на их содержание», так как «за всякое благо и за всякую пользу должен платить только тот, кто имеет возможность участвовать в выгодах вещественных или нравственных, охраняемых известными мероприятиями» [14, с. 100].

Таков взгляд на развитие школы был и у руководящего земского общественного элемента.

Следовательно, роль земства, правительства, высших сословий и государственной казны должна была сводиться лишь к тому, чтобы «приходить на помощь тем местностям, где по рассеянности и одиночеству поселений жители не могут скопиться для устройства и содержания общественных учреждений», в данном случае школ. При этом «степень богатства или бедности отдельных обществ» должна опре-

деляться земскими учреждениями, и «земския пособия ассигнуются по соображению этих средств: там, где общество состоит из малолюдных деревень или из бедных домохозяев; там уездное или губернское земство должно помочь» [14, с. 100].

Как правило, содержание школ ложилось на сельские общества. Вследствие такого взгляда, который долгие годы держался в общественном мнении, школа 1860-х гг. своим существованием и развитием обязана, прежде всего, самому населению.

Конечно, сельские общества без большой помощи земства как организующей силы, не смогли бы в широком масштабе развернуть школьное образование. Только благодаря земствам как указывал В.И. Лаптун, вторая половина XIX в. в области народного образования в большей степени была связана с деятельностью земских организаций, и «...среди начальных училищ, существовавших в России в конце XIX века, наиболее распространенными типами учебных заведений являлись земские школы» [6, с. 24].

Пензенское губернское земское собрание в 1871 г. для всестороннего изучения вопросов устройства народных школ образовало специальную комиссию. В подготовленном ею отчете отмечалось, что учение должно быть обязательно для мальчиков и девочек от 8 до 12-летнего возраста, по крайней мере в тех селениях, в которых есть училища. Указала комиссия, какие расходы должно нести земство, а какие – сельские общества. Отмечалось, что на обязанности уездного земства должны лежать: снабжение училищ книгами, обеспечение жалованием учителей. Сельские же общества обязаны были давать школам классную мебель, отопление, нанимать сторожа, ремонтировать здание училища и в случае надобности строить новые помещения, обеспечивать учителей квартирами.

Кроме того, комиссия указывала, что необходимо соблюдать при этом два условия: чтобы приговоры сельских обществ об открытии и содержании училищ с пособием от земства могли быть отменяемы или изменяемы не иначе, как с разрешения земского собрания, а однажды назначенные оклады учителю и законоучителю должны быть обязательными для уездного земства [5].

Комиссия проанализировала состояние народных школ в уездах. За прошедшие пять лет в организации школьного образования в уездах, вошедших в состав Мордовии, существенных изменений не произошло, если не считать некоторого увеличения числа учащихся в училищах. В городе эта разница составила 88 человек (16,8%), в сельской местности – 367 человек (14,9%).

Основными направлениями деятельности земских органов самоуправления являлись финансирование народного образования, создание новых народных училищ, подготовка учительских кадров. Таким образом, земские учреждения занимались не только организацией школ, но и их финансированием, взяв на себя часть финансового бремени. Однако большая часть расходов на развитие народной школы по-прежнему ложилась на долю сельских обществ.

Тем не менее, выделяя средства на нужды народного образования, губернское земство относилось к уездам избирательно. Так, в 1871 г. на нужды образования Буинскому уезду оно выделило 3390 руб., Карсунскому – 1447 руб., а Алатырскому и Ардатскому уездам – по 500 руб. [16, с. 93].

Следует указать, что в ряде уездов мало обращалось внимания на развитие школьного образования среди нерусских народов, не учитывались ни их язык, ни культура, инородческих школ в крае было мало. Как отмечал В.И. Никулин, имелись случаи формального существования мордовских училищ из-за отсутствия учителей, владеющих мордовским языком [9, с. 88]. При этом некоторые земства, например Краснослободское, принимали участие в финансировании как русских, так и мордовских сельских школ. Так, для функционирования мордовской школы в с. Рыбкине Краснослободское земство выделяло 365 руб. на жалованье учителю и приобретение учебных пособий и ученических принадлежностей, а сельское общество на содержание помещения школы, отопление, освещение и наем сторожа – 101 руб. [13].

Что же касается качества постановки школьного обучения в народных школах, то оно оставалось на достаточно низком уровне. Это отмечалось в отчетах министра народного просвещения в начале 1870-х гг. В частности, в отчете за 1871 г. говорилось: «Если... принять во внимание, что за исключением сравнительно небольшого числа училищ, все остальные начальные народные училища стоят на низкой ступени простых школ механической грамоты... то нельзя не придти к печальному заключению о том, что наша народная школа находится вообще еще в младенческом состоянии» [10, л. 61].

Еще конкретнее и полнее о качественной стороне школьного обучения выразился министр в отчете за 1872 г.: «...Наша народная школа представляет сравнительно мало утешительного и в качественном отношении. Успехи начального народного образования находятся в тесной зависимости от достаточного числа хорошо подготовленных учителей, от материального обеспечения школ и от постоянного правильного контроля за ходом их развития. Между тем огромное число наших народных училищ должно довольствоваться пока... полуграмотными учителями; полное обеспечение в материальном отношении, кроме школ министерства народного просвещения, имеют только сравнительно немногие училища, содержимые земствами, обществами и частными лицами; в значительном же большинстве земские, общественные и другие школы получают весьма ограниченное содержание, а церковно-приходские школы нередко остаются и без всякого содержания. Поэтому школы этого рода, составляющие большинство, не могут иметь ни хороших учителей, ни необходимых учебных пособий, ни даже сколько-нибудь сносного помещения» [11, л. 61].

Высказывание министра относительно качества обучения детей в малой степени может относиться к Карсунскому уезду. Здесь только 3,5% выпускников были отнесены к тем, кто получил неудовлетворительную оценку по славянскому чтению, и 1,9% учеников – по русскому чтению, «и при том исключительно таких, которые, по окончании курса школьного обучения вследствие крайней бедности и некоторых других неблагоприятных условий не имели возможности хоть когда-либо раскрыть и прочесть книжку» [11, л. 61].

Таким образом, результаты проверки знаний выпускников в Карсунском уезде показали, что пореформенная начальная школа дает учащимся навыки в чтении, письме, арифметике, «настолько твердые, что они не утрачиваются ими впоследствии

вии, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку жизни крестьянина; при обстановке же более благоприятной эти навыки развиваются и совершенствуются» [11, л. 78].

Отметим, что эта оценка относится только к тем детям, которые оканчивали полный школьный курс, а таковых было меньшинство; большинство же вышедших из школы не имели прочных знаний и навыков, поскольку не проходили полного школьного курса.

Тем не менее определенные изменения в школьном строительстве произошли (см. табл. 2). К 1889 г. увеличилось количество училищ и число учащихся в них. Так, в Наровчатском уезде училищ стало более чем в 3 раза с лишним, в Инсарском – в 2, в Саранском – в 2,4 и в Краснослободском – в 1,3 раза. В целом по четырем уездам количество училищ выросло в 2 раза, а учащихся в них – в 2,8 раза.

В среднем на одно городское училище в 1889 г. приходилось 91,5 учащихся, а на одно сельское – 51,7 учащихся (или в 1,7 раза меньше). Рост учащихся из числа мальчиков за 17 лет составил 3650 человек (или в 2,3 раза), а девочек – 884 человека (в 4 раза). Следовательно, в рассматриваемые годы шел интенсивный прирост учениц.

Таблица 2

Сведения о начальных народных училищах в уездах Пензенской губернии в 1889 г.

Уезд	Количество школ		Сколько селений приходится на 1 училище	Одна школа на число душ населения	
	городских	сельских		городских	сельских
Инсарский	2	32	7	4187	5632
Краснослободский	3	34	8	4696	4629
Наровчатский	4	26	6	1155	4778
Саранский	2	32	6	6968	4251
Итого по 4 уездам	11	124	6,7	4251	4822
Всего по губернии	32	346	5,4	4238	4008

Таблица составлена по: Очерки истории народного образования Пензенского края. – С. 135.

К концу XIX в. земства несколько изменили отношение к вопросам народного образования, более активно стали ими заниматься, и их практическая деятельность вскоре принесла положительные результаты.

Несмотря на увеличение количества, учебных заведений недоставало. В Краснослободском уезде одно училище приходилось на 8 селений, в Инсарском – на 7, в Саранском и Наровчатском уездах – на 6 селений [12, с. 135].

Если в сельской местности по числу душ Саранский уезд приближался к средним показателям по губернии, то по городу Саранску в 1,6 раза приходилось больше населения на одну школу, чем в среднем по Пензенской губернии. Причина в том, что

в Саранске было мало городских училищ, в губернии на города в среднем приходилось по 3,2 училища, или в 1,6 раза больше.

Несколько увеличилось число обучающихся детей в городской и сельской местности, хотя в городе в расчете на число проживающих в нем людей по-прежнему учащихся было больше, чем в селе. Число девочек в числе учащихся городских школ было больше, чем в сельской местности. В городе они составляли 44,1%, а в сельской местности – только 9,7%. Следовательно, имелась необходимость привлечь к обучению сельских девочек.

В 1889 г. одна школа в уезде приходилась на 4410 жителей, в городе – на 6968, а в сельской местности – на 4251, один же учащийся в городском училище на 52 человека, а на селе – на 76. Число учащихся в училищах составляло 1,4% всего населения уезда, а девочек – 0,4% женского населения, одна девочка приходилась на 239 женщин.

Таким образом, по отношению школ к количеству селений и числу учащихся можно сделать вывод, что в уездах народное образование по отношению к предыдущим годам получило большое развитие.

Рассмотрение состояния низших, одноклассных, училищ по ведомственной принадлежности, по месту функционирования, а также училищ для детей нехристиан показало, что наибольшее число их было земскими (354), следом шли училища духовного ведомства (234). Наибольшее число земских училищ находилось в Карсунском (87), Алатырском (60) и Лукояновском (43) уездах, одноклассные земские училища для нехристиан действовали в Инсарском (8), Саранском (8), Краснослободском (3) и Наровчатском (1) уездах [8, с. 6–9].

Согласно статистическим данным, сельские и волостные общества имели самое малое число одноклассных училищ, и они составляли всего 2,3%, земские училища – 52,4, городские – 4,43, земские училища для нехристиан – 2,6, частные и прочие – менее 1,0%. Таким образом, 354 училища являлись земскими, и 20 земских училищ были предназначены для детей нехристиан, 30 училищ обоих типов располагались в городах и уездных центрах, 18 – являлись волостными. Духовное ведомство обладало 234 училищами, три училища были частными и четыре принадлежали другим ведомствам.

Анализ финансирования народных школ в Саранском уезде показал, что земским собранием по смете 1892 г. было назначено: пособие Саранскому городскому 4-классному училищу – 1112 руб., Саранской женской прогимназии – 500, Атемарскому образцовому училищу – 400, Кочкуровскому образцовому училищу – 200; на содержание сельских народных училищ – 7846; на разъезды членов училищного совета – 100; на пособие церковно-приходским школам – 300 руб.

В последующие годы финансирование народной школы несколько увеличилось. Например, в 1896 г. по смете было назначено по-прежнему пособие 4-классному городскому училищу – 1112 руб., женской прогимназии – 500, образцовым училищам – 600 руб. А вот на содержание сельских училищ было ассигновано 8620 руб., церковно-приходских школ – 525, на разъезды членам училищного совета – 100; всего – 11 457 руб.

Анализ архивных документов по Пензенской губернии показал, что в ряде уездов губернии функционировало достаточное количество инородческих школ. В 1890-е гг. в Пензенской губернии работали 78 мордовских школ: 36 подчинялись училищным советам и 42 – Министерству народного просвещения, в том числе 9 мордовских школ функционировали в Саранском уезде, 11 – в Инсарском, 4 – в Краснослободском, 1 – в Наровчатском уезде. Конечно, отсутствие учебной литературы и нехватка учителей со знанием мордовского языка затрудняли обучение в мордовских школах на родном языке, однако земство предпринимало меры по устранению этих недостатков. Вопрос о преподавании в национальных школах на родном языке учащихся, о равном образовании для всех: русских и нерусских, о совместном обучении мальчиков и девочек в начальной школе обсуждался в земских учреждениях, поскольку национальные школы играли немаловажную роль в жизни мордовского населения, повышая его культурный уровень.

Большое значение имело содержание образования в школах уезда. Этот процесс постоянно трансформировался, использовались новые методы и приемы работы с детьми, совершенствовались программы, расширялось количество предметов, которые изучались в училищах. Причем «изменения эти становились понятными только в тесной связи со всеми политическими и общественными процессами, происходившими в России» [12, с. 160]. Действительно, в начале XIX в. дети низшего сословия могли учиться в приходских училищах, где учебными предметами являлись Закон Божий, церковно-славянская грамота, русский язык, чистописание, арифметика и церковное пение [16, с. 178]. Срок обучения ограничивался годом.

В 1860-е гг. приходские училища были преобразованы в начальные народные училища с сохранением фактически той же программы обучения. Единые программы преподавания в начальных училищах до 1877 г. отсутствовали, и только в том году они были опубликованы с указанием количества часов в неделю на каждый предмет. В этих программах указывалось, что предполагалось для первого, второго, третьего классов. Несколько иная была программа для уездных и городских училищ. В учебный план городских училищ 1872 г. были включены Закон Божий, чтение и письмо, русский язык и церковнославянское чтение, арифметика, практическая геометрия и черчение, рисование, отечественная история и география, естественная физика. Последние семь предметов начинали изучать со второго года обучения по 2–6 часов в неделю. Кроме указанных предметов преподавались пение, гимнастика и ремесла.

Вся большая работа, проведенная к концу XIX в. по развитию и расширению народного образования, приблизила земство к решению задачи перехода ко всеобщему начальному образованию.

Источники и литература

1. Вестник Симбирского земства. – 1906. – № 3.
2. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4696.
3. Двадцатипятилетняя деятельность земских учреждений Пензенской губернии 1865–1889 годы / [сост. Н. Евграфов]. – Пенза: Типо-лит. В. Н. Умнова, 1894. – 394 с.

4. Житаев В.Л., Кадакин В.В. Культурно-просветительская деятельность земства Ардатовского уезда Симбирской губернии. – Саранск, 2011. – 131 с.
5. Журналы Пензенского губернского земского собрания 1871 г. / Пенз. губ. земство. – Пенза, 1872.
6. Лаптун В.И. Развитие народного образования на территории Мордовии в конце XIX века. – Саранск, 2009. – 92 с.
7. Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. – Симбирск, 1866. – Вып. 1. – 105 с.
8. Начальное народное образование в России. Т. 1. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям Империи / под ред. [и с предисл.] Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого. – СПб.: Тип. товарищества «Народная польза», 1900. – 431 с.
9. Никулин В.И. Пензенское земство. 1865–1917 гг. – Пенза, 1996. – 189 с.
10. Отчет министра народного просвещения за 1871 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 61. Л. 1–285.
11. Отчет министра народного просвещения за 1872 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 62. Л. 1–359.
12. Очерки истории народного образования Пензенского края / [под ред. В.И. Никулина]. – Пенза: Изд-во ИПКИПРО, 1997. – 398 с.
13. Пензенские губернские ведомости. – 1878. – № 254.
14. 50 лет жизни Нижегородского земства: Очерки развития земск. хозяйства 1861–1914 г. – Н. Новгород: Типо-лит. «Нижегородское печатное дело», 1914. – 228 с.
15. Россия в конце XIX века / под общ. ред. В.И. Ковалевского. – СПб.: Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1900. – [2], XVI, – 968 с.
16. Симбирское губернское земство: Юб. сб. 1864–1914 гг. – Симбирск: Тип. Балакиршикова, 1914. – [2], 12, – 213 с.
17. Списки населенных мест Российской империи (Пензенская губерния). – СПб., 1869. – С. 82–91.
18. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. Т. 2. Проблемы русской школы. – М., 1974. – 438 с.

УДК 930.253+94(470)

Н.А. Кореева

*Институт Татарской энциклопедии и
регионоведения Академии наук
Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

АГРОКУЛЬТУРНЫЕ НОВАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЯХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ»)

В статье предпринята попытка систематизации материалов, связанных с социально-экономической историей Казанской губернии и напечатанных в «Земледельческой газете» — официальном органе Министерства государственных имуществ. Опубликованные сведения являются ценными историческими источниками, которые иллюстрируют экономические процессы, происходившие в России в первой половине XIX века. Анализ и изучение материалов газеты позволят заполнить лакуны, связанные с историей населенных пунктов, входивших в состав губернии (как помещичьих, так и государственных).

Ключевые слова: «Земледельческая газета», социально-экономическое развитие, Казанская губерния, история населенных пунктов, помещики, купцы, учебная ферма, выставка.

**AGRICULTURAL INNOVATIONS OF THE FIRST HALF XIX CENTURY
IN THE LANDLORDS' ESTATES KAZAN PROVINCE
(BASED ON THE MATERIALS OF THE «AGRICULTURAL NEWSPAPER»)**

The article attempts to systematize materials related to the socio-economic history of the Kazan province and published in the «Agricultural Gazette» – the official organ of the Ministry of State Property. The published information is valuable historical sources that illustrate the economic processes that took place in Russia in the first half of the XIX century. The analysis and study of the newspaper's materials will fill in the gaps related to the history of settlements that were part of the province (both landlords and state).

Keywords: «Agricultural newspaper», socio-economic development, Kazan province, history of settlements, landowners, merchants, educational farm, exhibition.

К постановке проблемы. В отечественной историографии – как дореволюционной, так и советской – исследователями неоднократно предпринимались попытки выявить особенности хозяйственной деятельности помещиков, основные направления развития помещичьих имений, некоторое внимание при этом уделялось проблеме внедрения в них агрокультурных новаций.

О новациях в имениях Казанской губернии, происходивших в первой половине XIX в., одним из первых в советское время писал известный историк Е.И. Чернышев в своей диссертации (подготовлена в 1952 г., успешно защищена в 1954 г.). Он отмечал, что помещичье хозяйство в этот период существовало для создания товарного хлеба и товарной продукции сельского хозяйства – леса, дров, меда, воска, сукон, пряжи и т.д., поэтому некоторые помещики стали интересоваться агротехническими новшествами – использовали навоз в качестве удобрения полей, внедряли улучшенные семена ржи («муравьевка», «американская ярица»), масличного растения «мадия» и т.д. [34, с. 160].

Но все же в науке господствовала точка зрения о «паразитической природе» частного помещичьего землевладения, о том, что «помещичье хозяйство, связанное с самой отсталой, полукрепостнической формой землевладения, было консервативно по самой своей природе, что в XVIII – первой половине XIX века происходило увеличение оброка, возможности крестьянского хозяйства были исчерпаны как в промыслах, так и в земледелии. Такой позиции придерживались, в частности, И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов [1, с. 160–168].

В современной исторической литературе господствует мнение о том, что именно реформа 1861 г. обусловила изменение всей системы воззрений российского дворянства, благодаря чему стала возможной перестройка экономической деятельности на территории помещичьих усадеб, адаптация хозяйства к требованиям капиталистического рынка, и пока мало работ, освещающих эти процессы в дореформенную эпоху.

Среди таких работ – исследования доктора исторических наук В.М. Арсентьева, в которых он приводит данные о том, что на территории Среднего Поволжья в вотчинной промышленности уже в первой половине XIX века активно использовалась оплата труда крепостных. Дворяне–промышленники стремились увеличить производительность труда и трудовую активность рабочих. Арсентьев пишет: «При сохранении связи с землей и юридической зависимости от владельца положение рабочего вотчинной мануфактуры приобретало двойственный характер: с одной стороны, присутствовали элементы договорных отношений найма на рыночной основе, с другой – сохранялись феодальные черты принудительного рекрутирования» [2]. Денежные формы оплаты труда сочетались с натуральными формами (выдача продуктов питания из заводских магазинов).

Огромный комплекс исторических источников по проблемам внедрения агрокультурных новаций в помещичьи хозяйства еще ждет своих исследователей. Среди таких источников – центральные ведомственные периодические издания. Размещенная в них информация была предназначена для современников событий и с высокой степенью достоверности отражает процессы, происходившие в стране и, в частности, в Казанской губернии, позволяет ответить на многие вопросы, поставленные исторической наукой.

Одним из органов ведомственной периодической печати была «Земледельческая газета». В историографии редко встречается обращение к ней, отметим лишь некоторые научные статьи: исследователь С.А. Козлов поднял проблему аграрной модернизации в Центрально-Нечерноземной России в 1860-х гг., т.е. в пореформенную эпоху; он провел свое исследование в границах Московской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской и других губерний, показал особенности процесса сельскохозяйственной модернизации, нашедшие отражение в газете [16, с. 344–381]. С.А. Маркелов обратился к вопросу о периодизации истории «Земледельческой газеты» в 1901–1917 гг., полагая, что «на начальном этапе существования газета исполняла роль “аграрной энциклопедии”, помогая сельским хозяйствам в вопросе организации хозяйства и поиска необходимого оборудования» [19, с. 401–402]. Б.М. Романов использовал материалы газеты в контексте изучения инновационной деятельности смоленских помещиков в 1830–1850-е гг., справедливо полагая, на наш взгляд, что именно в этот период происходило «распространение новейших методов и форм ведения сельского хозяйства», по причине проникновения в существующий экономический уклад товарно-денежных отношений, формирования вольнонаемного рынка труда, увеличения количества предприятий [29, с. 218].

История создания «Земледельческой газеты» и ее структура. В 1833 г. был учрежден Комитет для усовершенствования земледелия в России, в который входили председатель Государственного Совета В.П. Кочубей, член Госсовета И.В. Васильчиков, председатель Департамента гражданских и духовных дел, адмирал Н.С. Мордвинов, министр финансов Е.Ф. Канкрин, министр внутренних дел Д.Н. Блудов, обер-гофмаршал К.А. Нарышкин, Д.В. Васильчиков. Комитет обсуждал тяжелое положение крестьян вследствие неурожая 1833 г. в 23 губерниях и в каче-

стве одной из мер улучшения положения в сельском хозяйстве предложил издание «Земледельческой газеты». Целью газеты стало распространение сведений об агротехнических новшествах и способах их применения в России [17]. 23 февраля 1834 г. план издания «Земледельческой газеты» был утвержден императором, и вскоре состоялся первый выпуск. Издержки на издание газеты покрывались в основном за счет казны и только частично – за счет подписки. Так, например, в 1849–1852 гг. ежегодно затраты на издание составляли 13 500 рублей серебром, из них только сумма 6000 рублей покрывалась подпиской (стоимость ее составляла 2 рубля серебром) [17, с. 5]. С 1853 г. выпуск газеты стал осуществляться на коммерческой основе.

Первоначально газета находилась в ведомстве Министерства финансов. 26 декабря 1837 г. именованным указом Сената было учреждено особое Министерство государственных имуществ, и с 1838 г. «Земледельческая газета» стала выпускаться Третьим департаментом этого министерства (в 1845 г. он получил название Департамент сельского хозяйства) [28, с. 1039–1053]. При нем находились ученый комитет, типография, лаборатория, корпус гражданских топографов. Именно он выпускал «Земледельческую газету», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Лесной журнал» [31, с. 6]. К его ведению относились дела по управлению учреждениями, которые были предназначены для распространения сведений о сельском хозяйстве, выработка мер для устранения препятствий к внутренней торговле хлебом, награждения отличившихся в сельской промышленности и др. [28, с. 1048–1049].

«Земледельческая газета» издавалась на русском языке в Санкт-Петербурге в 1834–1905 и 1913–1917 гг. Первоначально выходила дважды в неделю, с 1860 г. – один раз. Предусматривалась бесплатная рассылка духовным консисториям, предводителям дворянства, начальникам сибирских губерний. Обязательная подписка осуществлялась палатами государственных имуществ, волостными правлениями, окружными управлениями государственных имуществ. В 1837 г. в Казанскую губернию поступило 155 экземпляров [15, с. 840–841]. Газета имела наибольшее распространение среди помещиков: в 1837 г. редакцией был произведен подсчет подписчиков: дворян, известных редакции, оказалось 2378 человек (не считая предводителей дворянства), крестьян (вместе с волостными правлениями) – 1856, купцов – 138, мещан – 88, духовных лиц – 21 [15, с. 842]. Таким образом, читательская аудитория была представлена практически всеми сословиями.

Задачи, поставленные перед Министерством государственных имуществ, обусловили и предопределили структуру газеты. Среди основных разделов – «Правительственные постановления», «Теория сельского хозяйства», «Полеводство», «Орудия», «Статистические сведения о нынешнем положении сельского хозяйства», «Сделанные в России предприятия и опыты», «Судоходство в отношении сельских произведений», «Разведение животных», «Лесоводство» и другие. Пользоваться газетой удобно, поскольку уже в XIX веке номера за каждое полугодие (или год) были сведены в одну книгу, снабженную систематическим указателем.

В газете имеются рубрики, которые интересны с точки зрения характеристики социально-экономических процессов и явлений в России и различных губерниях, например «Сбыт сельских произведений». В некоторых номерах газеты в рамках этого раздела обнаружены сведения о Казани, ее роли во всероссийской торговле. В статье «О хлебной торговле в Рыбинске» (№ 22 от 14 сентября 1834 г.) отмечено: «По открытии судоходства подошли караваны: Нижегородский, Лысковский и Сурский; хлеба поступило не много, но цены на него оставались почти прежние. В половине июня собрался караван Моршанский, очень незначительный. В это время торговля пошла гораздо живее... Потом, когда стал подходить Низовый караван, от Казани и далее, цены стали упадать...».

Рубрика «Произрастание, урожай и цены хлеба» содержит сводные таблицы цен на хлеб (муку, рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречневую крупу, пшено, горох) в различных губернских городах по месяцам.

Отметим, что сведения, опубликованные в «Земледельческой газете», обладают различной степенью полноты и информативности. Так, например, в рубрике «Внутренние текущие известия» в № 22 за 1834 г. помещены заметки из губерний об уборке хлебов. Авторы этих сводок констатировали: «В губерниях Новгородской, <...> Казанской <...> жатва окончена или продолжается благополучно. О достоинстве урожая не упомянуто».

В 1837 г. в газете нашла отклик выставка мануфактурных и естественных произведений, проходившая в Казани, в девяти залах «Казанского градского общества». В газетной заметке дан краткий обзор выставки и отзыв на соответствующий указатель. Внимание автора привлекли «земледельческие предметы», экспонировавшиеся на выставке – «Одноконная косуля», изготовленная крепостными крестьянами поручика Перцова в с. Кокшар Мамадышского уезда (вероятно, Кошкара, а ныне Кашкара в Кукморском районе); соха, кули, рогожи, конские сбруи – изделия черемисов Царевококшайского уезда; английский многоплодный овес урожаем сам-7, выросший у помещика – коллежского асессора Перцова; миндальный картофель помещика Панаева, вывезенный из Полтавской губернии, достигший урожая сам-12 [32]. В газете публиковались также анонсы губернских выставок – так, например, было сделано объявление о предстоящей с 10 мая по 10 июня 1852 г. выставке сельскохозяйственных произведений в Казани для жителей Казанской, Вятской, Пензенской, Нижегородской, Саратовской, Самарской и Симбирской губерний [26].

«Земледельческая газета» стала своеобразной площадкой для коммуникации помещиков и фабрикантов: в 1837 г. казанский помещик Я.И. Дорогов, о котором будет сказано ниже, просил редакцию и «господ помещиков», живущих вблизи Волги, Оки и Камы, указать ему место добычи асбеста или горного льна для «некоторого технологического производства», чтобы можно было отправить его водным путем до Казани. И в том же номере газеты получил ответ редакции: «Богатое добывание асбеста находится в златоустовских заводах Оренбургской губернии. Если обратиться с требованием к начальнику заводов, г. полковнику Амосову, то, вероятно, требование асбеста будет удовлетворено. Ред[акция]» [23].

В 1850 г. помещик Спасского уезда из с. Юртуки П.И. Осипов обратился в «Земледельческую газету» с просьбой сообщить ему адрес, по которому он мог бы заказать для своего имения аппарат доктора Гросса под названием «Неосожен» для выведения цыплят (стоимостью 30 рублей серебром). Помещик планировал выводить одновременно до 400 цыплят на своем птичьем дворе с целью получения дохода, об аппарате узнал из «Трудов императорского вольного экономического общества», однако адреса, по которому можно было бы обратиться, не нашел, а других периодических изданий, в которых бы содержалась подобная информация, ни помещик, ни его соседи не выписывали [25].

В 1852 г. на страницах газеты был опубликован вопрос читателя (подписался инициалами В.И.В.), присланный в редакцию из Казани, об отоплении печей сырым торфом. Автор заметки имел огромные, по его словам, запасы торфа в неразработанном состоянии, но не имел «ни хлыста леса» для отопления. Прочитав в «Трудах императорского вольного экономического общества» статью о возможности отопления печей сырым торфом после незначительного изменения их устройства, он собрался приступить к разработке торфа и обучению лучшего печника, но после прочтения статьи в «Московских ведомостях», опровергавшую выгоды от такого отопления, пришел в недоумение и, чтобы разрешить его, обратился через «Земледельческую газету» к опытным хозяевам [5].

Некоторые разделы газеты посвящены экологическим проблемам. Дело в том, что Казанская и Вятская губернии, будучи важнейшими поставщиками хлеба, испытывали потребность в большом количестве упаковочного материала – рогожных кулей (в Казанской губернии требуемое число кулей доходило до 1 миллиона). В процессе их производства происходило истребление липового леса: «<...> срубленные деревья по снятии с них коры, по причине отдаленности от селений и неудобству вывозки, оставляются на местах вырубки валежником, который, пропадая без пользы, сверх того заглушает собою рост молодых лесных побегов» [22]. Автор этой статьи (к сожалению, его фамилия не указана) предлагал заменить кули плотными мешками из посконного холста величиной в половину рогожного куля. Если в рогожном куле стандартно помещалось 9 пудов муки, то в холщовом мешке – всего 5. Мешки шили в Тверской губернии (Бежецкий уезд), отправляли в Рыбинск, также их можно было купить в белорусских и прилегающих к ним губерниях. Стоимость их составляла от 40 до 50 коп. за штуку, в то время как кули продавались по 60 коп. Достоинством новой упаковки была возможность многократного использования. Указанная мера должна была способствовать сбережению лесов и увеличению посевов конопли, что авторам статьи представлялось важным для государственного хозяйства. Однако на практике в ближайшие десятилетия отказа от привычного способа упаковки хлеба в кули так и не произошло.

Газета содержит заметки о промышленном производстве, связанном с лесным хозяйством. Так, например, в статье «Сведения о жжении золы и приготовлении шадрика, вообще в России, и особенно в Казанской губернии», принадлежавшей автору под псевдонимом Л.Ж., раскрыты особенности приготовления разных видов шадрика – из вязового, овинного, травного сырья и печной золы; обозначены раз-

личия в составе и потребительских качествах золы из татарских и русских печей, указана рыночная стоимость этого товара [30]. Автор ссылается на авторитетный источник – сообщение фон Гребнера, подпоручика Корпуса лесничих.

«Земледельческая газета» знакомила читателей с передовыми методами ведения сельского хозяйства и одной из первых стала помещать рисунки и чертежи машин, орудий и зданий, изображения животных, растений, птиц [14, с. 152]. В ней размещалась информация о специализированной литературе, выпускаемой в России. Так, например, в 1836 г. Департаментом уделов в Санкт-Петербурге была выпущена книга «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах», на 158 страницах, с чертежами. Составитель книги – директор Земледельческого училища М.А. Байков. Первый раздел этой книги был посвящен описанию российских имений, в том числе расположенных на территории Казанской губернии [20].

Агрономические новшества в имениях Казанской губернии. Бесспорным достоинством «Земледельческой газеты» являлось размещение в ней документов личного происхождения (так называемых эго-документов), которые оставляли читатели и подписчики. Одним из них был казанский помещик Яков Иванович Дорогов из сельца Шигалеево Казанского уезда (ныне Пестречинского района РТ), опубликовавший в газете несколько статей о себе и своих хозяйственных опытах в имении. Автор писал, что он человек новый в деревне, не знавший всей тяжести деревенских работ. В юности жил в Малороссии, затем находился на службе, а в деревню приезжал, чтобы «отвести душу от городской суетности, насладиться природою, порадоваться безмятежным <...> счастьем скромных поселян и самому с ними посчастливить», но вместо того «с горестью видел, что кровавый пот омывал хлеб, добываемый ими от земли» [12]. Я.И. Дорогова, по его же словам, удручало тяжелое положение крестьян, особенно женщин, все делавших вручную, и он поставил перед собой цель облегчить их труд.

В 1834 г. дворянин оставил службу и переехал в свое имение, стал внедрять агротехнические новшества (в 1837 г. ему исполнился 31 год). Среди первого своего мероприятия – попытка культивировать сорт ржи «ваза» ростом 3 аршина (более 2 м), который он взял у соседа; она трудно давалась при уборке: «<...> мужчина дюжий, здоровый, пожав эту рожь три дня, не может долее продолжать работы; на руках делаются нарывы, а если кто и спасется от них, то взамен этого у того вытягиваются жилы в левой руке <...> и он не может сгибать пальцев». Число работников при этом уменьшалось, хлеб переставался и осыпался, приводя к существенным потерям.

В 1835 г. помещику на глаза случайно попался листок «Земледельческой газеты», он выписал ее, также оформил подписку и за предыдущий год, и с тех пор стал постоянным читателем. Яков Иванович писал: «Спасибо, тысячу раз спасибо “Земледельческой газете” за ее наставления» [12, с. 298]. Многие из того, что прочел молодой помещик в газете, стало воплощаться им в жизнь. В 1836 г. он стал культивировать у себя гималайский ячмень, выписанный у князя Волконского в Орловской губернии, шестисторонний (шестирядный) ячмень, феррарскую коноплю. Землевла-

делец, имея у себя как водяные, так и конные заведения для обдирки разного рода круп, планировал еще изготавливать перловую крупу из гималайского ячменя, сурепное масло по английскому методу, а потому просил других читателей газеты сообщить ему способ [9].

В детстве Дорогов видел, что в Малороссии хлеб скашивают как траву. Приняв решение использовать методы кошения ржи г. Прокоповича, муравьевский способ, сам взялся за косу, чтобы научить крестьян, но вынужден был отказаться от таких новшеств, поскольку они не удовлетворяли главному требованию – сокращению потерь зерна и не облегчали труда женщин-крестьянок. Тогда он обратился к автору статьи об этом способе уборки урожая А.И. Кореневу и даже получил от него приспособления для сбора зерна, но скоро убедился в его неэффективности и бросил, «перепортив-таки изрядное количество хлеба».

На страницах «Земледельческой газеты» Дорогов приводит упоминание тех помещиков, которые внедряли агротехнические новшества в своих имениях. Среди них – полковник Якоби, который велел своим крестьянам жать рожь необычным способом: «<...> у него отделяют горсть как обыкновенно, но срезают ее не наклоняясь и срезанные горсти, или лучше сказать колосья, жнец кладет в привешанный через плечо кузов, который по наполнении высыпает в телегу». Преимуществами такого способа, по мнению помещика, была легкость в работе, сохранение зерна, экономия на перевозке, сушке, сбережение колоса [12, с. 299].

В 1837 г. Дорогов стал автором-изобретателем малой молотильной машины, которая впоследствии была изготовлена по его рисункам машинистами Императорского московского общества сельского хозяйства, братьями Бутеноп^{*} и испытана в присутствии членов Императорского московского общества сельского хозяйства [4]. В 1830-е гг. он использовал в своем имении одноконные плужки профессора Павлова, легкий американский плуг, а также кривые бороны Роджера и скоропашник Мейера.

Большой ценностью для историков является опубликованная 7 января 1838 г. (в № 2) заметка Якова Ивановича Дорогова о конной молотильной машине, которая была установлена в его имении братьями Бутеноп вместе с другими улучшениями. Помещик был в восторге от новой машины, в которой можно было молотить даже сырое зерно, и вместо 2–3 недель работы «всю барщину» у него уходило 4 дня, при использовании 4 лошадей и 8 работников (ранее, до использования машины, требовался труд 20 работников). Остальные же крепостные были направлены на сенокос, и помещик радовался, что успел собрать сено в стога до дождей (в то время как у соседей оно сгнило), вовремя обмолотить хлеб (оставшийся в кладях после зимы) [21, с. 10]. В этой заметке – анализ всей хозяйственной деятельности крестьян

---

* Бутенопы (братья Николай и Иоганн) – родом из Голштинии; приехав в 1832 г. в Москву, они устроили завод для изготовления земледельческих орудий и машин, принятый Московским обществом сельского хозяйства под свое покровительство, в котором начали изготавливать веялки нового типа и молотилки, распространившиеся с течением времени повсюду в центральных губерниях. В «Земледельческой газете» (1843 г., № 3) они именовали себя московскими купцами 2-й гильдии, а также машинистами Московского общества сельского хозяйства и Казанского экономического общества.

ян помещичьего имения, их положение, рабочий день, проведенный самим помещиком. Яков Иванович планировал обмолотить хлеб к Рождеству (а не к апрелю, как было раньше), чтобы перевезти его в Казань для продажи по первому зимнему хорошему пути, а не по распутице и грязи. Примеру Дорогова, по его словам, последовали другие дворяне, и новшество появилось в имениях Лакреевой-Пановой, Нееловой, Останкова: «Многие из соседей приезжали ко мне смотреть на работу моей машины, и все без исключения любовались ею» [12, с. 300].

В объявлении братьев Бутеноп в «Земледельческой газете» в 1836 г. был размещен прејскурант, и дано такое объявление: «Для установления всех конных машин посылаются от нас мастера, которые обязаны поставить машины на месте, пустить в ход, сделать пробу и объяснить как с ними обходиться. Для установки мастеру надлежит придать, со стороны господ покупателей, несколько плотников или столяров» [13, с. 3]. Отправка машин, проезд мастеров, их содержание в дороге и на месте установления машин ложились на плечи покупателя. Стоимость четырехконной молотильной машины в 1836 г. составляла 1000 руб. серебром, а двухконной – 750 рублей. Первая обмолачивала от 60 до 70 копен, вторая – от 40 до 50 копен. Главная контора братьев Бутеноп находилась в Москве, на Мясницкой улице, в доме № 703 – там продавались готовые машины и принимались заказы [24]. Позже появились депо в Симбирске, Харькове, Киеве. В случае неисправности машин и своевременного уведомления об этом со стороны помещика компания обещала осуществить их ремонт за свой счет.

Альтернативой конной машине была ручная молотильная машина, которая приводилась в движение одним человеком. Изобрел ее крестьянин Тимофей Данилов Воронов, живший в Казани, на Проломной улице, в доме мещанина Бурлакова. В 1845 г. на страницах «Земледельческой газеты» он опубликовал статью рекламного характера, призывая желающих заказывать у него изобретенные машины. Стоимость молотильной машины составляла 70 рублей серебром, механизм мог быть перевезен на одной лошади, производительность в один час составляла: 120 снопов сухой ржи, сыромолотной ржи – в летнее время 100, в зимнее время из кладей – 70 снопов, сушеных овса и прочих яровых хлебов – 150 снопов. Машина, по словам ее создателя, хорошо трепала лен, коноплю, посконь, придавая им отличный лоск [6]. Воронов создал также картофельную терку, которая в 1 час истирала 3 четверти картофеля, и конную молотилку. Исследование, проведенное Е.И. Чернышевым, показало, что молотилки Воронова использовались в хозяйстве помещика князя А.С. Хованского в сельце Лобовка Спасского уезда [34, с. 155]. Положительные отклики на эти изобретения поступили от Казанского экономического общества и некоторых помещиков и были опубликованы в 1843 г. в газете.

---

* Чтобы установить конную молотильную машину (как двухконную, так и четырехконную), требовалось заранее заготовить бревно для стоячего вала (длина 5,5 аршин, толщина от 10 до 11 вершков), бревно для лежачего вала (длина 7 аршин, толщина 8 вершков), 14 брусков и 80 досок разной величины, а для установки привода требовалось 3 балки, 6 бревен, жерди.

Одной из проблем сельского хозяйства была правильная сушка снопов. Хозяева использовали для этого простые овины, часто без печей. Сушка нередко приводила к пожарам, из-за которых выгорали целые деревни. Яков Дорогов построил в своем имении сушильню по рисунку г. Панова (для этого была сложена особым образом печь) и стал сушить в ней в качестве эксперимента мокрый после дождя хлеб. В дальнейшем в этой сушильне ежедневно высушивалось 1000 снопов ржи, 2000 снопов овса и ощущалась существенная экономия дров по сравнению с прежним способом сушки в овинах [12, с. 301]. Дрова и огонь к топке вносились снаружи под каменный свод, в само помещение сушильни проникали только дым и жар, попадание искр было исключено, и это являлось гарантией пожарной безопасности. На работу сушильни приезжал смотреть помещик из с. Шихазда и д. Дюртили, подполковник Пыхачев, который внедрил впоследствии это новшество у себя. О сушильне Панова в газете были опубликованы положительные отзывы ржевского помещика Е. Ланского, управляющего князя И.Л. Шаховского, и других [18, с. 93].

Купечество, учитывая конъюнктуру рынка, не отставало от помещиков и также работало над внедрением новых технологий с целью получения прибыли. Упомянутый нами помещик Дорогов написал в газету статью о казанском купце Василии Ивановиче Бахране, который изобрел способ производства из картофеля сахара в сухом и кристаллическом виде и готов был за плату поделиться рецептом, описанием изобретенных им приборов с приложением рисунков и чертежей. Стоимость рецепта составляла 1 рубль с каждого пуда картофельной муки или крахмала, которые предполагалось перерабатывать в сахар ежегодно. Яков Дорогов в этой ситуации являлся лишь посредником между купцом и производителями картофельной патоки, которые обращались к нему, поскольку сам купец не владел русским языком и Россия для него была вторым отечеством [11]. Из той же газеты мы узнаем, что купец являлся изобретателем нового способа беления воска, добычи крон-кали (краски желтого или оранжевого цвета, устойчивой к свету и влаге) для ситцевых фабрик, «яшмовой штукатурки» для каменных и деревянных строений [10]. Согласно «Алфавиту домовладельцам 3-й части г. Казани», составленного в 1846 г., купец Василий Бахран проживал в 3-й части Казани, населенной преимущественно мусульманами, во 2-м квартале [8, л. 4]. Изобретения Бахрана вызвали живой интерес читателей газеты, через которую они задавали ему вопросы, просили прислать образцы продукции.

Я.И. Дорогов пытался улучшить свое хозяйство при помощи образованных и опытных крепостных крестьян. С этой целью он отправил несколько человек на обучение плодосеменному полеводству, патоковарению и разным улучшениям в хозяйстве: одного крестьянина — к члену Императорского московского общества сельского хозяйства И.А. Решетникову, двух крестьянских мальчиков — в школу графини Строгоновой*, одного — в школу известного в тот период пчеловода П.И. Прокоповича; один из его крепостных учился находить и «резать» торф у члена

---

* Вероятно, речь идет о С.В. Строгановой (1775–1845), вдове П.А. Строганова, основательнице земледельческой школы для крестьян в Марьине и частной горнозаводской школы.

упоминаемого нами общества А.И. Коренева. В планах помещика было отправить сына крепостного крестьянина в Ярославскую губернию, к члену общества Е.С. Карновичу, для изучения основ обработки льна и изготовления из него пряжи для полотен по фламандскому способу. В 1837 г. Дорогов опубликовал свои планы – открыть в имении школу по обучению крестьянских детей основам сельского хозяйства, в которой преподавались бы также и Закон Божий, и чтение, и письмо [21, с. 13–14]. Вскоре такое учебное заведение появилось в губернии, но по инициативе правительства, и ориентировано оно было на обучение государственных крестьян.

В газете несколько раз упоминалась Северо-восточная учебная ферма, находившаяся вблизи Казани (в 9 верстах от города, около озера Дальний Кабан). Это было учебно-показательное хозяйство Министерства государственных имуществ, созданное в соответствии с распоряжением Николая I от 1841 г. и начавшее свою работу в 1846 г. Ферма была организована по образцу западноевропейских учебных сельскохозяйственных ферм для совершенствования сельского хозяйства в стране, обучения государственных крестьян ведению хозяйства на научной основе, являлась экспериментальной научной базой Казанского университета и Казанского экономического общества. Первым ее управляющим был агроном А.И. Горнборг, выпускник Дерптского университета. В 1849 г. при ферме было организовано семенное депо. В 1864 г. на ее базе было открыто Казанское земледельческое училище (ныне Казанский аграрный университет) [3, с. 365].

Согласно данным «Земледельческой газеты», 15 декабря 1851 г. произошло публичное испытание 49 воспитанников Казанской учебной фермы – первого выпуска. Среди них – 14 государственных крестьян Казанской губернии, 16 – Вятской, 9 – Костромской, 7 – Пермской, 3 – Нижегородской. Они сдавали экзамены по 4 предметам: 1) Закон Божий (краткий катехизис и священная история Ветхого и Нового Заветов), 2) Русская грамота – чтение и письмо под диктовку, 3) Арифметика («раздробление, превращение и практическое счисление на счетах») и 4) Сельское хозяйство – общие и частные правила полеводства, луговодства, скотоводства и проч. В зависимости от успехов и поведения выпускники были разделены на 4 разряда; относившиеся к первым трем разрядам получили в награду одежду, теплую обувь, земледельческие орудия (всего было роздано 38 ярославских косуль, 5 обыкновенных сох, 6 железных борон, 43 деревянных брабантских борон), ремесленные инструменты (столярные, тележные, плотничные, бондарные, кузнечные), семена различных хлебов, а впоследствии выпускникам обещали дать породистый скот. Общая сумма такого вознаграждения составляла 1197 рублей $\frac{3}{4}$ коп. [7].

Кроме учебной деятельности Северо-восточная учебная ферма изготавливала земледельческие машины, орудия и модели машин. В «Земледельческой газете» был опубликован соответствующий прејскурант. Все работы производились в зимнее время, поэтому к заказчикам, желавшим весной получить свои машины, была просьба направлять заказы управляющему фермой заблаговременно, с августа по октябрь. Требовалась предоплата в размере половины стоимости машины. Ферма

не могла изготавливать машины «многосложной конструкции» и такие, «которые требовали много литых чугунных или медных частей». Чтобы расширить ассортимент выпускаемой продукции, ферма бралась за производство машин по рисункам или моделям заказчика. Обращает на себя внимание видовой ассортимент изготовлявшихся принадлежностей для пчеловодства – на учебной ферме производили: 1) втулочный улей для пчел по системе г. Прокоповича (стоимость 3 руб. 50 коп. серебром), 2) колокольный улей по системе г. Витвицкого, 3) горизонтальный улей Нудта, 4) линейный улей Костенецкого, 5) учебный стеклянный улей. Из самых дорогих орудий в прејскуранте были обозначены: веялка ручная с передачей движения посредством ремней, заменяющих чугунные колеса (стоимостью 40 руб.); сортировка цилиндрическая, разделяющая хлеб на 4 сорта (30 руб.); экстирпатор – вид культиватора для глубокого разрыхления почвы (20 руб.), а также «распашники», бороны, соломорезки [27]. Изделия фермы неоднократно выставлялись на казанских выставках – так, в 1852 г. за выставленные образцы зерновых (рожь, ранний горох) ферма была удостоена похвальных листов, на выставках 1860, 1866 гг. получила признание, а за представленные семена сельскохозяйственных культур и изготовленный в мастерской фермы пароконный американский плуг и «сортировку системы Вараксина» – большую серебряную медаль [3, с. 363].

На страницах «Земледельческой газеты» нашла отражение деятельность Казанского экономического общества. Из нее мы узнаем, что Казанское экономическое общество оказало содействие г. Осипову, открывшему в Казани комиссионерскую контору, в установлении отношений с Пензенским обществом сельского хозяйства, а также г. Чернову в исследовании пуха, собранного с кипрейника, в изобилии растущего в Казанской губернии. Общество обладало своим депо, из которого выдавались семена и машины хозяевам, но заказов было так много, поэтому ему пришлось задействовать труд комиссионеров из лучших торговцев семенами и машинистов для удовлетворения спроса [33]. С 1860 г. «Записки» общества, выходявшие ранее еженедельно, стали выпускаться по мере накопления материалов. Испытывая острый недостаток статей, общество обратилось к священникам, которые должны были собирать сведения по одинаковой для всех программе. В первую очередь, по данным «Земледельческой газеты», откликнулось Самарское епархиальное начальство.

Е.И. Чернышев, подняв документы Казанского экономического общества, проанализировал деятельность нескольких помещичьих хозяйств Казанской губернии и пришел к интересным выводам о том, почему помещики сопротивлялись нововведениям: плохое качество семян (низкая всхожесть), их дороговизна, отсутствие свободной земли для внедрения новых сортов, неудобство использования машин на практике (высокая стоимость их содержания), отсутствие гарантий хорошего урожая при использовании сортовых семян и машин, низкие цены на зерно в годы обильного урожая и другие [34, с. 158–160].

Выборочно изучив материалы «Земледельческой газеты», мы можем констатировать: только небольшая, экономически активная прослойка помещиков могла создать самодостаточные капиталистические хозяйства, применяя агрокультурные

новации. Уровень распространения усовершенствований в рассматриваемый период еще не был достаточно высоким. Изучение опыта этих хозяйств – задача исторической науки, которую можно решить как при помощи архивных источников, так и «Земледельческой газеты».

Источники и литература

1. Анфимов А.М. Некоторые вопросы организации и экономики крупного помещичьего хозяйства в России (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. – 1967. – № 3. – С. 160–168.

2. Арсентьев В.М. Денежные формы оплаты труда в вотчинной промышленности России в первой половине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Экономическая история. – 2018. – Т. 14, № 3. – С. 263–275.

3. Асрутдинова Р.А., Белов С.Г. Северо-восточная казанская учебная ферма. История создания и деятельность // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 24–25 июня 2012 г.) / Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования» (редакционно-издательский отдел), 2012. – С. 357–365.

4. Бутенюп. Объявления. О новой молотильной машине // Земледельческая газета. – 1837. – № 95. – С. 759–760.

5. Вопрос об отоплении печей сырым торфом // Земледельческая газета. – 1852. – № 19. – С. 152.

6. Воронов Т.Д. О молотильных машинах // Земледельческая газета. – 1845. – № 17. – С. 134–135.

7. Выпуск воспитанников с Казанской учебной фермы // Земледельческая газета. – 1852. – № 36. – С. 287.

8. ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 107.

9. Дорогов Я.И. Замечания о Гималайском ячмене и сурепном масле // Земледельческая газета. – 1836. – № 87. – С. 694–695.

10. Дорогов Я.И. О картофельном сахаре // Земледельческая газета. – 1837. – № 90. – С. 717–718.

11. Дорогов Я.И. О картофельном сахаре // Земледельческая газета. – 1838. – № 3. – С. 17–19.

12. Дорогов Я.И. Хозяйственные опыты в Казанской губернии // Земледельческая газета. – 1837. – № 38. – С. 297–302.

13. Императорского московского общества сельского хозяйства машинистов братьев Бутенюп преискурант // Земледельческая газета. – 1836. – № 104, Приложение. – С. 1–4.

14. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / Под ред. проф. А.В. Западова. – М.: Высшая школа, 1973. – 518 с.

15. К читателям Земледельческой газеты // Земледельческая газета. – 1837. – № 105. – С. 840–842.

16. Козлов С.А. Аграрная рационализация Центрально-Нечерноземной России на страницах отечественной экономической печати 60-х гг. XIX в. // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сборник статей / Отв. ред. А.В. Семенова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 446 с.

17. Краткий исторический обзор «Земледельческой газеты» за пятидесятилетие (с 1834 по 1884 г.) // Земледельческая газета. – 1884. – № 39, Приложение. – С. 1–30.

18. Ланской Е. Испытание на деле сушильни г. Панова // Земледельческая газета. 1838. – № 12. – С. 93.

19. Маркелов С.А. Периодизация истории «Земледельческой газеты» 1901–1917 гг.: на материалах программных статей // Ноябрьские чтения – 2021: Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2021 г. / Отв. ред. А.Д. Муратбакиева. – СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. – 693 с.

20. Новые книги // Земледельческая газета. – 1836. – № 21. – С. 167.

21. О пользе введения машин в хозяйстве вообще, о достоинстве молотильных машин г.Бутенюп в особенности, и о разных улучшениях в одном имении Казанской губернии // Земледельческая газета. – 1838. – № 2. – С. 9–14.

22. О пользе замены в торговле рогожных кулей для хлеба холстинными мешками // Земледельческая газета. – 1837. – № 69. – С. 549.

23. Об азбесте или горном льне // Земледельческая газета. – 1837. – № 90. – С. 720.

24. Объявление. О новом депо земледельческих орудий // Земледельческая газета. – 1837. – № 58. – С. 464.

25. Осипов П.И. Вопрос о неосожене // Земледельческая газета. – 1850. – № 56. – С. 446.

26. Открытие выставки сельских произведений в Казани // Земледельческая газета. – 1852. – № 22. – С. 176.

27. Преискурант земледельческим машинам, орудиям и моделям, а также принадлежностям пчеловодства, изготовляемым на Северо-восточной учебной ферме, близ г. Казани // Земледельческая газета. – 1860. – № 39. – С. 624.

28. ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 2. Отделение 2-е. – СПб.: Типография II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1838. – Т. 12. – № 10834. – С. 1039–1053.

29. Романов Б.М. Приходно-расходные книги имений и российская периодическая печать как источники по изучению новационной деятельности смоленских помещиков в 1830–1850-е годы // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 1 (41). – С. 217–229.

30. Сведения о жжении золы и приготовлении шадрика, вообще в России, и особенно в Казанской губернии // Земледельческая газета. – 1845. – № 12. – С. 92–95.

31. Сельскохозяйственное ведомство за семьдесят пять лет его деятельности. 1837–1912 / [Сост. Гинс Г.К., Шафранов П.А.]. – Пг.: Содружество, 1914 (2017). – 474 с.

32. Смесь. Выставка мануфактурных и естественных произведений в Казани // Земледельческая газета. – 1837. – № 75. – С. 599–600.

33. Хозяйственная летопись // Земледельческая газета. – 1860. – № 33. – С. 522–523.

34. Чернышёв Е.И. Социально-экономические очерки по истории Казанского края в XIX веке (дореформенный период) / Сост., автор предисл., прим. и указателей Н.А. Кореева; под ред. И.К. Загидуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2022. – 383 с.

УДК 93/94.093.371

Р.А. Мухамедов

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА В ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы повседневного культурного обслуживания жителей села Ульяновской области. Культурная сфера деревни в годы войны не оставалась без вни-

мания советского руководства, т. к. одной из функций, возложенных на нее, была агитация и пропаганда. Несмотря на все сложности и тяжелое социально-экономическое положение в колхозах, значительное внимание уделялось работе клубов, библиотек, показу кинофильмов и обеспечению печатной продукцией – газетами и плакатами.

Ключевые слова: культура, колхоз, МТС, деревня, война, театр, библиотека, музей.

R.A. Mukhamedov

CULTURAL AND MASS WORK IN THE VILLAGE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the issues of everyday cultural services for residents of the village of Ulyanovsk region. The cultural sphere of the village during the war did not remain without the attention of the Soviet leadership, because one of the functions assigned to it was agitation and propaganda. Despite all the difficulties and the difficult socio-economic situation in the collective farms, considerable attention was paid to the work of clubs, libraries, the screening of films and the provision of printed products such as newspapers and posters.

Keywords: culture, collective farm, MTS, village, war, theater, library, museum.

Духовная жизнь советского общества в годы Великой Отечественной войны была переплетена с идеологией и была призвана воспитать в населении волю к победе и стремление мобилизовать свои усилия для ее достижения. На углубление чувства ненависти к врагу и формирование образа советского героя, который проявляет стойкость и героизм на фронте, а также включен в соцсоревнование в тылу, в годы Великой Отечественной войны ориентировалось творчество писателей, художников, режиссеров. Для поднятия духа колхозников издавались разнообразные плакаты-листовки, посвященные посевной кампании.

В условиях Великой Отечественной войны проходило развитие деятельности учреждений искусств Ульяновской области. В 1943 г. были воссозданы Мелекесский городской драматический театр, областная филармония, театр кукол, Ульяновская и Мелекесская музыкальные школы. Была восстановлена деятельность Художественного музея, помещение которого с 1941 г. было занято другими организациями, ввиду чего музей не работал. Ульяновский городской театр был реорганизован в областной, что сопровождалось повышением требований к режиссерскому и актерскому составам. Были показаны спектакли «Кремлевские куранты», «Сказка об Иване-царевиче», «Великий государь», «Горе от ума», «Волки и овцы» и др. Ежегодно весной и осенью учреждениями культуры Ульяновской области проводилось обслуживание колхозов, совхозов и МТС. К примеру, в военные 1943–1945 гг. Ульяновская областная филармония провела более 1,5 тысячи концертов, причем половину из них – в колхозах и совхозах области [1].

Созданные в конце 1941 г. политотделы МТС и совхозов способствовали организации радиовещания и кинообслуживания в советской деревне, т.к. одной из задач, стоявших перед ними, стала культурно-массовая работа. Одной из важнейших духовных ценностей становится патриотизм. Библиотеки, клубы и избы-читальни при-

званы были сосредотачивать вокруг себя просветительскую деятельность на селе. Для активизации их работы были необходимы кадры [2].

Наряду с техническим обслуживанием МТС, колхозов и совхозов областной комитет ставил задачу их художественного обслуживания в полевых условиях. На период весенней посевной кампании 1942 г. Куйбышевским областным комитетом было решено:

1. Направить для художественного обслуживания МТС, совхозов и колхозов 19 концертных бригад (они обеспечивались средствами передвижения);

2. Прикрепить к наиболее крупным МТС и совхозам следующие учреждения культуры: Ульяновский и Сызранский драматические коллективы, государственную филармонию, театр музыкальной комедии, драматический театр им. Горького;

3. Используя «лучшие артистические силы г. Куйбышева», направить в районы области организаторов-массовиков, а также художников, композиторов и писателей для оказания помощи силам местной самодеятельности [3].

Однако на практике многие районы области не имели хорошо организованного радиовещания и кинообслуживания. Например, Вешкаймский районный центр в 1943 г. жаловался на недостатки в работе областных организаций, призванных обслуживать этот район. Те кинокартины, которые показывались, являлись устаревшими и не вызывали интереса. В 1943 г. ожидался показ фильма «Секретарь Райкома», но фильм так и не был привезен в район [4]. Тем не менее, хотя стационарной установки в районе и не было, в 1943 г. ему были предоставлены звуковая и немая кинопередвижки [5].

В начале 1944 г. по Ульяновской области насчитывалось 30 действующих радиоузлов Народного комиссариата связи. В 1943 г. в Вешкаймском районе был построен радиоузел мощностью 8 ватт. Общая протяженность линий дирекции радиотрансляционной сети (ДРТС) составляла почти 830 км. Линии и столбы были в удовлетворительном состоянии, за исключением Павловского района.

Среднесуточный объем работы радиоузлов варьировал между 5 и 7 часами. Всего несколько узлов работали меньше указанного времени: Николаевский радиоузел (не более 3 часов в сутки), Барановский (4 часа), Вешкаймский (4–5 часов). Как правило, объем работы радиоузлов, располагавших только собственной энергобазой, лимитировало имевшееся горючее.

На 1 января 1944 г. сеть радиоузлов Наркомата связи насчитывала 22302 точки. В 1943 г. количество радиоточек возросло примерно на 1,5 тысячи, в основном этот прирост был связан с инициативой абонентов и осуществлялся самотеком. Однако облрадиокомитет, как и дирекция радиотрансляционной сети, не располагал необходимыми материалами – проводом, репродукторами и т.д. Со времени организации Ульяновской области в Управление связи поступило лишь две партии репродукторов общим количеством 300 шт.

На август 1943 г. по Ульяновской области был радиофицирован 721 населенный пункт, на 1 января 1944 г. – 749 населенных пунктов. Всего радиовещанием обслуживались все 28 районов области, 81% сельсоветов (448 из 553), 90% МТС (65 из 72), 42% колхозов (518 из 1236), все совхозы (32 из 32). Обществен-

но-политические передачи включали в себя: обзоры областной газеты, областные последние известия, сельскохозяйственные передачи, для молодежи, «По страницам районных газет», выступления у микрофона лучших людей и руководителей области. С 15 апреля 1943 г. по 1 января 1944 г. было организовано 1050 передач, из них: обзоры газет – 247, областные последние известия – 247, для молодежи – 69. Во всех общественно-политических передачах участвовало около 600 авторов. Постоянных корреспондентов в областном вещании радиокomiteта насчитывалось 68 человек, в т.ч. 43 являлись членами ВКП(б) и 10 – членами ВЛКСМ. Наиболее хорошо была налажена связь со следующими районами: Чердаклинским, Ульяновским, Старомайным, Сенгилеевским, Мелекесским, Тагайским, Тереньгульским, Майнским, Карсунским, Радищевским [6].

Кинообслуживание в селах было организовано плохо. Подавляющая часть киноаппаратуры на момент образования Ульяновской области в районах вышла из строя, а ремонтная база по ее восстановлению была ликвидирована в Ульяновске еще в начале войны. К 1944 г. было восстановлено только 10 киноустановок, что определялось необеспеченностью оборудованием и квалифицированными кадрами. Областное управление кинофикации не принимало серьезных мер по созданию ремонтной базы.

В постановлениях Бюро обкома ВКП(б) звучало предписание давать по 20 киносеансов в месяц, отремонтировать и утеплить помещения для зрительного зала. На практике данные предписания зачастую не выполнялись, и население не обслуживалось киносетью. К концу 1944 г. бюро Ульяновского обкома ВКП(б) констатировало, что «Ульяновский РК ВКП(б) не придавал должного значения кино как важнейшему средству идейно-политического воспитания трудящихся и не руководил работой районного отдела кинофикации». Работа киномеханика практически не контролировалась, и он сам решал, какие колхозы обслуживать. Были факты обслуживания колхозов тех районов, за которыми он не был закреплен.

В районном центре не имелось исправной киноаппаратуры и не были созданы условия для стационарной работы (отсутствовала кинокамера для аппаратуры, не отапливался зрительный зал, да и вообще не был оборудован и др.) [7].

Были и примеры более успешной деятельности киносети в районах Ульяновской области. 1 мая 1944 г. был образован Николо-Черемшанский районный отдел кинофикации, который получил стационар и кинопередвижку. С 1 мая по 31 декабря 1944 г. было показано 68 кинокартин на стационаре: проведено 102 взрослых и 12 детских киносеансов, которые охватили 11625 человек. Кинопередвижкой за тот же период было продемонстрировано 11 кинокартин: проведено 57 взрослых и 27 детских киносеансов, которые охватили 5116 человек [8].

Недостатки работы ульяновских органов кинофикации осенью 1944 г. были отмечены Центральным комитетом партии. 8 сентября 1944 г. ЦК ВКП(б) принял решение «О работе кинотеатров и кинопередвижек в Ульяновской области», в котором было указано, что областной комитет партии недооценивал значения кино «как важнейшего средства воспитания трудящихся». Из 79 киноаппаратов 33 не использовались (из них 17 аппаратов находились в исправном состоянии).

Был констатирован факт, что в половине районов Ульяновской области не действовали кинопередвижки, но и в других они работали нерегулярно, охватывали малую аудиторию.

Данное решение способствовало оживлению кинообслуживания населения Ульяновской области. На 64% возросло количество обслуженных колхозов Ульяновской области в октябре 1944 г. (297 колхозов). Наметилась положительная тенденция в работе киносети Тагайского и Богдашкинского районов. Однако коренного улучшения работы киносети Ульяновской области не произошло [9].

Роль книг как средства патриотического воспитания еще более возросла в военные годы. Поэтому издательское дело в СССР в 1941–1945 гг. ориентировалось на укрепление в общественном сознании образа справедливой войны и желания достичь скорейшей победы. И книги, разоблачающие суть фашизма, имели значительный спрос у читателей. То же касалось и книг, обращенных к военной теме и силе духа людей на фронте и в тылу [10]. Даже научные работы философов и историков в этот период рассказывали о героизме народа как на фронте, так и в тылу, показывали его стойкость, раскрывали суть фашизма, были направлены на борьбу с изменниками и шпионами, вдохновляли на труд.

Существенно увеличилось значение местных издательств, причем многие из них печатали издания небольших объемов, которые были направлены на решение задач военного времени. Свет увидели различные брошюры агитационного характера, с речами и докладами И.В. Сталина, книги, разъяснявшие аспекты оборонной работы, и др. В меньшем количестве издавались художественные книги и книги по сельскому хозяйству [11].

На страницах газет публиковалась информация о новых книгах, имеющих отношение к организации сельскохозяйственных работ. Например, в 1941 г. свет увидела книга «Организация труда в полеводческих бригадах», которая была написана научными сотрудниками Ростовского института экономики сельского хозяйства по материалам колхозов Сталинградской области. Она состояла из следующих основных частей: постоянная производственная бригада – основная форма организации труда в колхозах; сочетание работы полеводческих и тракторных бригад; организация звеньев в колхозах; организация работы бригады в основные рабочие периоды; планирование урожайности и нормирование труда в полеводстве. Требовалось дать специализированную информацию новым кадрам аграрного сектора экономики, а также научить действовать в экстремальных условиях военного времени. В 1942 г. свет увидела книга О.В. Рычина «Вредители овощных культур и борьба с ними». В первой части книги были приведены основные сведения по анатомии и биологии вредителей овощных культур, о главнейших инсектицидах, об аппаратах для опрыскивания и опыливания вредителей. Во второй части книги описывались главные огородные вредители [12].

В помощь индивидуальному огородничеству Сельхозгиз в 1942 г. выпустил серию брошюр: «Баклажаны и перцы», «Томаты», «Как вырастить ранние овощи без теплиц и парников», «Как получить высокий урожай картофеля», «Агротехника вы-

сокого урожая огурцов», «Выращивание моркови и свеклы», «Выращивание капусты» и др. [13].

По Куйбышевскому областному издательству наибольшее количество названий книг политмассового характера приходится на 1942 г. (32 названия, для сравнения: в 1941 г. — 2, 1943 г. — 20, 1944 г. — 14, 1945 г. — 22). То же характерно и для сельскохозяйственной и художественной литературы, а также плакатов. Общий тираж в 1942 г. (более 1600 тыс. экземпляров) более чем в 2 раза превышал тираж 1941 г., что можно связать с пониманием важности силы печатного слова, а также уменьшением выпуска литературы центральными издательствами в начальный период войны.

В первые месяцы войны Куйбышевским издательством было издано более 220 тысяч лозунгов на тему обороны, еще около 15 тысяч прислано из столицы [14].

В 1941–1945 гг. по всей стране сократилась сеть библиотек, по отношению к довоенному уровню. Однако ко второй половине 1945 г. постепенно количество библиотек увеличилось. И если начало войны вызвало резкое сокращение (например, в 1942 г. в Ульяновской области функционировало чуть больше четверти библиотек, действующих в 1940 г.), то к концу войны прогрессивная тенденция стала очевидной (в той же Ульяновской области — уже почти две трети) [15]. По всей стране появлялись библиотеки-передвижки, которые могли функционировать и в полевых условиях, и в военных частях [16]. Библиотекари продолжали работать и в условиях приближения линии фронта, причем читательский спрос в такой обстановке зачастую возрастал. В пример можно привести Димитровградскую библиотеку, которая в мае 1941 г. предоставила читателям примерно 350 книг, а в августе — почти 700 [4, л. 72].

Фундаментом, на который опирался труд библиотекарей, стал приказ Наркомпроса РСФСР «О работе массовых библиотек в военное время» [3, л. 21]. Перед библиотеками также с началом войны была поставлена задача так реорганизовать свою работу, чтобы обратить фонды литературы на трансляцию населению той информации, которая требовалась для защиты Родины, превращения страны в единый боевой лагерь. В 1941–1945 гг. сфера деятельности библиотек существенно расширилась. Библиотеки Ульяновской области ориентировали свою деятельность на полевые станы, предприятия, госпитали. Библиотеки держали селян в курсе сводок Советского Информбюро, организовывали прочтение газет, руководили приготовлением передач на фронт, предоставляли справочную литературу. Они являлись центрами культурной жизни селян, а зачастую и единственным ее источником.

Деятельность библиотек была направлена и на работу с молодежью, которая приступала к сельскохозяйственной и производственной работе в суровые годы войны. Они должны были найти в библиотеках литературу не только специализированную, но и патристическую, которая оказывала бы значительное влияние на их воспитание.

Библиотеки имелись при районных партийных кабинетах. Например, в Майнском районе книжный фонд библиотеки составлял 3326 экземпляров книг и 3613 брошюр. При партийном кабинете были организованы выставки с фотогра-

фиями и плакатами на темы: «Историческое прошлое Красной Армии», «Изучайте военное дело», «На фронтах Великой Отечественной» и др. [8, с. 404].

Осенью 1944 г. ЦК ВКП(б) обязал тыловые районы «организовать сбор политической, художественной и сельскохозяйственной литературы для районов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков». В этой связи, например, Мелекескому району было рекомендовано выделить 150 книг, 10 географических атласов, комплект за 1941–1944 гг. одной из центральных газет из фондов райпарткабинета, районной библиотеки и других культурных учреждений [16, с. 221].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны местные органы власти совместно с руководителями МТС и колхозов смогли не только сохранить очаги культурных центров – клубов, библиотек, радиоточек и т.д., но и развивать их. Такие центры были востребованы местными сельскими жителями как единственные пункты, где они могли получать информацию о событиях в стране и о ситуации на фронте. Культурно-массовая работа в деревне в годы Великой Отечественной войны внесла свой огромный вклад в общую Великую победу над фашизмом.

Источники и литература

1. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 598. Л. 212.

2. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 86. Л. 34–35.

3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 242. Л. 23–25.

4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 239. Л. 4.

5. Здесь ковалась победа...: Сб. док-тов / Авт.-сост. Р.В. Ильязова; под ред. канд. ист. наук А.Г. Пашкина. – Ульяновск: ООО «Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2015. – С. 81.

6. Костюкова Е.И. Эволюция читательских интересов в годы Великой Отечественной войны на материалах Куйбышевской, Ульяновской, Пензенской и Саратовской областей // Изв. Самар. научного центра Рос. академии наук. – 2011. – Т. 13. – №3. – С. 444–448.

7. Костюкова Е.И. Книжное дело Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2005. – С. 41–42.

8. Мухамедов Р.А., Пашкин А.Г. Формирование и деятельность комсомола в Симбирско-Ульяновском регионе в 1918–50-е годы // Вопр. национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 2 (83). – С. 324–330.

9. Мухамедов Р.А., Пашкин А.Г. Комсомольская организация Ульяновского региона: Исторический аспект // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. – 2022. – № 28. – С. 16–18.

10. Мухамедов Р.А., Пашкин А.Г. Участие органов НКВД и прокуратуры в обеспечении строительства Куйбышевского оборонительного рубежа (ноябрь 1941 – январь 1942 годов) // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 477–493.

11. Маслехин В.Л. Политотделы МТС и совхозов как форма осуществления руководящей роли рабочего класса в развитии общественно-политической активности крестьянства в годы Великой Отечественной войны // Борьба КПСС за укрепление Союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции (1941–1985 гг.): Сб. науч. тр. / под ред. В.Т. Анискова. – Ярославль, 1987. – С. 25–26.

12. Павленко В.Д., Павленко Г.К. Библиотеки Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Челябинской гос. академии культуры и искусств. – 2005. – № 1 (7). – С. 20.

13. Панарина Е.В. Деятельность библиотек на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3 (32). – С. 14.

14. Рыбалка А.В. Культурно-просветительная работа библиотек Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 87–90.

15. Социалистическое земледелие. – 1942. – 2 июля.

16. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Сост. Н.И. Хренов, Г.И. Белов и др. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1974.

УДК 39 (392)

А.А. Хохлов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕСТЕ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОРЕФОРМЕННОГО СЕЛА

Статья посвящена особенностям экономического положения православного приходского духовенства Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Учитывая тот факт, что большая часть епархиального приходского духовенства в указанный период была сосредоточена в сельской местности, речь идет прежде всего о взаимоотношениях клира и крестьянства. Анализ источников показывает, что эти отношения выстраивались отнюдь не на равной основе и латентно носили иерархический характер. Взаимодействие причтов и крестьянства является частной иллюстрацией многогранного и глубокого кризиса пореформенной церкви, основа которого уходила корнями во всестороннюю зависимость рядового духовенства от его паствы.

Ключевые слова: приходское духовенство, пореформенное время, кризис, экономическое положение, крестьянство.

A.A. Khokhlov

A FEW WORDS ABOUT THE PLACE OF THE ORTHODOX PARISH CLERGY OF KAZAN PROVINCE IN THE ECONOMIC SPACE OF THE POST-REFORM VILLAGE

The article is devoted to the peculiarities of the economic situation of the Orthodox parish clergy of Kazan province in the second half of the 19th–early 20th centuries. Given the fact that the most of the diocesan parish clergy in this period were concentrated in rural areas, we are talking primarily about the relationship between the clergy and the peasantry. Analysis of the sources shows that these relations were not built on an equal basis and latently had a hierarchical character. The interaction of the clergy and the peasantry is a particular illustration of the multifaceted and deep crisis of the post-reform church, the basis of which was rooted in the comprehensive dependence of the ordinary clergy on their flock.

Keywords: parish clergy, post-reform period, crisis, economic situation, peasantry.

Преобразования Александра II оказали значительное влияние на все стороны жизни российского общества. Среди ключевых нерешенных проблем царствования

Николая I был «крестьянский вопрос», обнажавший глубокие социальные, политические и культурные противоречия в империи. Но назревший и перезревший вопрос о земле, правах и правовом статусе землепашцев, за энергичное решение которого взялся новый царь, неминуемо влек за собой целый комплекс последствий, затрагивавших все сословия. Сложность ситуации заключалась в том, что, несмотря на активное развитие капитализма и промышленности, Россия продолжала оставаться страной с тотальным преобладанием сельского хозяйства в его традиционных формах, а подавляющая часть населения была сосредоточена в сельской местности.

По данным Б.Н. Миронова, опирающегося на сведения 10-й ревизии, население Российской империи накануне реформы составляло 60 млн 188 тыс. чел. [10, с. 511]. Как отмечает А. Бушен, крестьянство составляло до четырех пятых всего населения страны – 52 млн 315 тыс. 628 чел. (в совокупности по всем категориям сельских жителей) [21, с. 306]. В Казанской губернии в начале рассматриваемого периода на 100 человек приходилось 90,76 крестьян – один из самых высоких показателей в стране [21, с. 306]. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 г., этот показатель был скорректирован в большую сторону – 94,3% [14, с. 14].

Закономерен вопрос, какое место в социальной структуре общества занимало православное духовенство. Обратимся к имеющимся данным. В 1863 г. лица духовного звания в Казанской губернии составляли 0,88 на 100 чел., или 0,9% от общего количества жителей [22, с. 298]. К концу XIX в. данный показатель снизился до 0,4% [14, с. 14]. Это произошло, по всей видимости, не столько в силу сокращения численности сословия, сколько роста населения губернии. К 1860 г. собственно священников в составе епархиального духовенства насчитывалось всего 534, и к 1913 г. эта цифра изменилась незначительно – 818 [9, с. 19; 7, с. 24]. Немногим более 30 чел. были диаконами, а половину клира (около 740 чел.) составляли причетники.

Для нас имеет принципиальное значение, что, в отличие от центральных, северных и северо-западных губерний (Владимирской, Костромской, Тверской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской и ряда других), в которых городское духовенство нередко вдвое превышало сельское, в Казанской оно если не абсолютно, то однозначно большей частью сосредотачивалось именно в деревне, сохраняя эту особенность на протяжении всего пореформенного периода, – 62,1% [6, с. 24]. Таким образом, казанский православный священнослужитель пореформенного времени – это прежде всего священнослужитель сельский.

Между тем еще одной немаловажной особенностью Казанской губернии следует считать этнокультурную специфику региона. Край имел пестрый национальный состав со значительным процентом нерусского населения. По данным А.Ф. Ритиха, к третьей четверти XIX в. православных в губернии насчитывалось 72,06%, из которых русские составляли только 41,71% [9, с. 107]. Нерусские, но к тому времени уже формально христианизированные народы были представлены чувашами, черемисами (марийцами), крещеными татарами, удмуртами и мордвой.

По данным на 1910 г., в Казанской епархии значилось 323 «инородческих» прихода: 201 – чувашский, 60 – марийских, 43 – крещено-татарских, 8 – мордовских, 5 – удмуртских, 5 – татарских, 2 – смешанных, что в совокупности составляло около 50% всех приходов епархии [6, с. 290–293]. При этом в изданном в 1878 г. обзоре духовенства Казанской епархии фигурируют только 12 фамилий нерусских священников, из которых приходских было только 7 [11]. Исходя из этого, при назначении в нерусские приходы правящие архиереи отдавали предпочтение священнослужителям, владевшим местными языками. Духовное окормление «инородцев» длительное время было закреплено за русским духовенством, поскольку национальное, как явление, начало проявлять себя только в последней четверти XIX в. Результатом такого взаимодействия становилось глубокое межкультурное взаимопроникновение пастырей и паствы с присущими ему эффектами.

Приходское духовенство, без сомнения, прочнее других социальных групп было связано с крестьянством. И не только общностью территории проживания. Эта связь носила также четко выраженный экономический характер. Однако здесь проявлял себя довольно странный парадокс: обладая более высоким правовым статусом, священно- и церковнослужители находились в тотальной материальной и, как следствие, психологической зависимости от своих менее социально привилегированных прихожан. Иными словами, пропитание сельских причтов ложилось в значительной степени на крестьянские плечи и полностью зависело от настроений последних. В периоды мощных социально-экономических трансформаций настроения народных масс закономерно менялись, а имевшие место противоречия приобретали особенно резкое звучание. Так, архивные фонды Казанской духовной консистории пестрят сообщениями о росте саботажных настроений в крестьянстве после 1861 г., ширившейся практике неуплаты им приходскому духовенству руги*, нежелании жертвовать частью своего скудного урожая в пользу причтов, спорах с последними об актуальности этого старинного обычая в новых условиях. *«Два последних источника содержания – руга и доходы, – докладывал в 1871 г. в духовную консисторию мамадышский благочинный священник Евгений Антеноров, – непостоянны и по разным обстоятельствам уменьшаются и даже иногда, например, ныне по случаю неурожая хлебов, совсем прекращаются. Вообще же священно-церковнослужители жалуются, что руга собирается ими с прихожан с великими затруднениями и неприятностями от прихожан, из коих многие не отдадут оной и затем она остается в недоимке и со временем пропадает окончательно»* [17, л. 217 об.].

---

* Современник священника А. Розанов даже видел в этом своеобразную форму крепостничества (См.: Розанов А. И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб.: Русская старина, 1882. С. 152).

** Руга – первоначально означала отсыпной хлеб, выдававшийся духовенству вместо жалованья. Были приходы, как сельские, так и городские, в которых сами прихожане назначали церковным причтам ежегодную ругу хлебом или деньгами, о чем и заключали с причтами «порядные записи». Церковь, получавшая ругу, называлась ружной.

Попытки епархиального начальства организовать попечительства, кассы помощи терпящему нужду духовенству и выдачу ему ссуд на устройство приходского хозяйства ожидаемого эффекта не приносили [5]. При сравнительной многочисленности клира и ограниченности ресурсов духовного ведомства эта поддержка могла быть только адресной, спорадической и, как следствие, малоэффективной. Конструктивные экономические инициативы архиереев и консисторий, кроме прочего, наткнулись на местные реалии, поскольку выделение причтам земель, с которых духовенство могло бы кормиться своими трудами, находилось в руках тех же сельских общин. Кризисные процессы в аграрной сфере не способствовали передаче крестьянами духовенству добротных и плодородных участков, при случае располагавшихся вблизи храмов. Так что земельный вопрос становился камнем преткновения не только между помещиками и крестьянами, как это принято считать, но и между причтами и прихожанами. К тому же последние в качестве нехитрой мести все чаще пускали в ход неправомерное изъятие ранее выделенных церквям наделов, на которых духовенство трудилось подобно своей пастве.

К замене натуральных выплат в пользу духовенства денежными суммами после реформы 1861 г. и без того задавленное налогами крестьянство оказалось неготовым. Примечательно, что эта схема была предложена самими священнослужителями, окончательно прижатые недоимками и нуждой и надеявшимися таким образом хоть как-то поправить свое положение. В 1873 г. священник Петр Сартов писал в Казань: *«Духовенство озабочено в вопросах своего материального обеспечения на более прочных и рациональных основах. Так, на благотворительном съезде, бывшем 5 марта сего 1873 года, общим мнением было постановлено, по добровольном соглашении с прихожанами, обложить последних в пользу духовенства взамен всех сборов по одному рублю с ревизской души, на что в настоящее время духовенство ждет содействия и утверждения со стороны Епархиальной власти»* [15, л. 53].

Благословение сверху было получено, но инициатива пришлась не ко времени. Казавшаяся спасительной, идея вскоре наткнулась на жестокую реальность. *«Так как ружный сбор есть важный источник к обеспечению духовенства, то оно первые свои надежды возлагает на ружное содержание. И надобно сознаться, что эти виды духовенства до 1876 года удовлетворялись, хотя сбор руги и сопровождался нравственным унижением и усиленными трудами. Но, с переложением руги на денежный сбор, этот источник содержания так изменился, что духовенство стало положительно голодать. Крестьяне и хлеба не дают, и денег не платят. Если духовенство просит хлеба, крестьяне отвечают, что такое положение изменено, а если оно требует деньги, то крестьяне отзываются, что они казенные подати и разные земские сборы еще не уплатили»*, – жаловался в 1879 г. в духовную консисторию священник казанской Духосошественской церкви Иоанн Черкасов [16, л. 203].

В судорожном поиске путей решения набравшей остроту и масштабы проблемы дело доходило до курьезов, когда духовные власти разыскивали в архивах данные, подтверждающие древность, а следовательно, обоснованность ружного сбора, рассчитывая на этом основании на правительственное принуждение при-

жимистых крестьян. Но эта наивная ретроспективность свидетельствовала лишь о растерянности и отсутствии ресурсов для организации системной и удовлетворительной поддержки служащих духовного ведомства. Государство же, вопреки ожиданиям иерархов, поспешило самоустраниться от насущных проблем церкви, тогда как воздействия на обозленных крестьян архивная аргументация закономерно не возымела.

По мере распространения капиталистических отношений в разность хозяйственных возможностей и усиление имущественной дифференциации сельского клира стала вносить вклад экономическая специализация поселений: земледельческие, торговые, фабричные [18, л. 12 об.]. Вследствие оттока части крестьян в поисках лучшей доли в немногочисленные крупные и богатые промышленные и торговые центры редеевшее трудоспособное сельское население все менее было в силах содержать свое духовенство [12, л. 133 об.]. Постоянный же рост потребительских цен, продовольственная инфляция и усиление налогового гнета тягловых сословий превращали для него ситуацию в безвыходную [13, л. 70]. Периодические неурожаи и голод 1891, 1899, 1901–1902, 1905 гг., эпидемии холеры 1871 и 1892 гг. также вносили свою лепту в общее обнищание епархиальных причтов.

В нашем распоряжении имеется примечательный документ – рапорт одного из благочинных Лаишевского уезда священника Александра Скворцова, датированный 1871 г., раскрывающий бедственное положение сельского клира. *«Считаю нелишним коснуться материального положения духовенства и домашней его обстанов-*

---

* Обоснованно возникает вопрос: готовилась ли церковь к крестьянской реформе? Принимая во внимание степень ее зависимости от крестьянства, ответ должен казаться очевидным. Однако не все так однозначно. Действительно, церковь выступала одним из авторов преобразований. Авторитетный иерарх Филарет (Дроздов), обладавший широко известным литературным и проповедническим талантом, без особой инициативности, но выполнил-таки поручение властей о составлении текста манифеста. Митрополит также стал автором и специальной инструкции для священнослужителей на предмет грядущей реформы, лейтмотивом которой явилось вменение в обязанность последних убеждать крестьян не выходить за границы повиновения властям и землевладельцам. Этим внешне ориентированным актом подготовка иерархии, в целом, и ограничивалась. Иными словами, в эпоху реформ Российская церковь внутренне вступала без четкого плана, прежде всего, в вопросе экономических перспектив рядовой и наиболее многочисленной части клира. Исследователи отмечают ее непоследовательность и по ряду неэкономических направлений (Яковлев И.А. Митрополит Филарет (Дроздов) // Вопросы истории. – М., 2008. – № 8. – С. 37). Довольно скоро стало очевидным, что опустошенная Крымской войной государственная казна стремится переложить бремя преобразований на плечи податных сословий. Однако, по стечению обстоятельств, те же являлись и главным источником доходов для духовенства. Очевидно, что ресурсы населения были не безграничны, а в условиях ухудшавшейся экономической ситуации имели тенденцию и к критическому сокращению. Как отмечает С.В. Римский, ключевой ориентацией церкви в этих тяжелых условиях оставалась необоснованная надежда на государственную финансовую поддержку при косметической шлифовке старых методов получения доходов с населения. (Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. – С. 274). Однако даже эта насущная активность стала проявлять себя только к 1863 г. – спустя два (!) года после начала реформы. Да и та, по признанию министра внутренних дел П.А. Валуева, на плечи которого легла вся тяжесть церковных преобразований, выглядела «жалко» (Валуев П.А. Дневник: в 2 т. Т.1. 1861–1864. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1861. – С. 209). Не удивительно, что крестьянская реформа очень скоро чрезвычайно больно ударила по приходскому духовенству. Исключение составлял, пожалуй, епископат, статусное монашество и часть городского соборного клира.

ки, – писал отец Скворцов. – Домашний быт духовенства при нынешней дороговизне на все необходимое для жизни вообще весьма неудовлетворителен. В лучшее время духовенство пользуется жалованием от казны, землю, ругую, хлебными сборами и денежными доходами от прихожан за разные требоисправления. О недостаточности жалования, на которое, между прочим, указывают прихожане как достаточное обеспечение, мною было говорено и писано. Всякий сельский писарь жалование получает большее, чем сельский священник в первоклассном приходе...» [19, л. 185].

Таким образом, экономическое положение подавляющей части пореформенного сельского причта имело депрессивный оттенок. При этом оно напрямую коррелировало с экономическими возможностями окружавших их крестьян-прихожан, которые постоянно сокращались. На этом фоне неизбежно проступали слабые социальные и нравственные стороны клира, оттеняя его несомненные достоинства и заслуги. Нелишним будет вспомнить, что противоречивость образа приходского священно- и церковнослужителя становится объектом пристального внимания российской журналистики, беллетристики и искусства именно в рассматриваемый период [2; 8]. В этом видится отнюдь не только следствие либерализации общественного творчества, сделавшей доступными ранее табуированные темы, но и неприглядное положение рядового духовенства, перманентно стоявшего перед крестьянином с протянутой рукой и не пробуждавшего чувство уважения и почтения. *«Грустно и больно смотреть, до чего унижено и подавлено у нас сельское духовенство»,* – писал современник [1, с. 3].

Обозначенная ситуация предопределила кризис духовного сословия задолго до революционных событий 1917 г. При том уровне экономической зависимости от паствы православный приходской клир попросту не мог претендовать на статус духовно-нравственного авторитета и успешно решать идеологические задачи, возложенные на него государством. Поэтому постепенно лидерство в этом плане переходило иным «властителям дум» – молодой сельской интеллигенции, не отличавшейся религиозностью и трепетным отношением к народным традициям благочестия. И если в «инородческих» приходах в силу их сравнительно более низкого культурного и образовательного уровня статусность духовного лица в глазах паствы еще как-то удавалось поддерживать, то в русских с течением времени на лояльное отношение рассчитывать приходилось все реже и реже. Так экономические трансформации российского села второй половины XIX – начала XX в. влияли на элементы его социальной структуры и культурного облика, предопределяя отмирание устаревших и не сумевших выдержать модернизацию явлений.

Источники и литература

1. Белюстин И., священник. Описание сельского духовенства. – В.: А. Asher et C°, 1858. – 166 с.
2. Бик-Булатов А.Ш. Образы и типы русского духовенства в русской журналистике XIX–XX века. – СПб.: ООО «Дмитрий Буланин», 2018. – 304 с.

3. Валуев П.А. Дневник: В 2 т. Том 1. 1861–1864. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1861. – 421 с.
4. Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. – П., 1915. – 86 с.
5. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5658. Дело о выдаче сельским священникам пособия на обзаведение сельским хозяйством (1862). Начато 31 января 1861 г., завершено 12 января 1862 г. Л. 1–32.
6. Известия по Казанской епархии. – Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1910. – № 2. – С. 290–293.
7. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. – СПб., 1864. – 140 с.
8. Леонтьева Т.Г. Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени: вторая половина XIX – начало XX в. // Вестн. ТвГУ. – 2010. – Вып. 1. – С. 32–44.
9. Материалы для этнографии России: Казанская губерния. – Казань: Имп. Казан. ун-т, 1870. – 111 с.
10. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. – СПб.: ООО «Дмитрий Буланин», 2014. – Т. 1. – 896 с.
11. Обзор духовенства из инородцев в Казанской епархии. – Казань: Губ. тип., 1878. – 9 с.
12. Отчет благочинного Свяжских городских и сельских уезда одного благочиннических церквей протоиерея Петра Фалькова (1874) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 130–139.
13. Отчет по ведомству благочинного города Тетюш протоиерея Михаила Ястребского за 1879 год // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 5. Л. 71–86.
14. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – XVI. – С. 14. – 284 с.
15. Покорнейший рапорт 2-го благочиннического округа Ядринского уезда благочинного села Убеева Петра Сартова (1873) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 53.
16. Покорнейший рапорт благочинного сельских церквей Казанской Духосошестввенской церкви священника Иоанна Черкасова (1879) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 111. Д. 5. Л. 203.
17. Рапорт благочинного Мамадышского уезда села Красной Горки священника Евгения Антенорова (1871) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 217–217 об.
18. Рапорт благочинного 2-го округа Мамадышского уезда священника Константина Богоявленского (1899) // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. Л. 8–15.
19. Рапорт благочинного 1-го округа Лаишевского уезда села Зюзина священника Александра Скворцова // ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6568. Л. 185.
20. Розанов А.И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. – СПб.: Русская старина, 1882. – 184 с.
21. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. – 567 с.
22. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министра Внутренних Дел Центральным статистическим кабинетом. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. – 330 с.
23. Яковлев И.А. Митрополит Филарет (Дроздов) // Вопросы истории. – 2008. – № 8. – С. 24–41.

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ 1950-Х – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

В статье анализируются особенности интеграции государственной политики школы и жизни государства. Рассматриваются положительные и отрицательные моменты, которые повлияли на дальнейшее развитие школьной системы в Татарстане. Значительное внимание уделяется вопросам профессиональной ориентации школьников.

Ключевые слова: школьная система Татарстана, политика сближения школы с жизнью, производственное обучение.

D.Z. Shamsutdinov

SCHOOL EDUCATION IN A TATAR VILLAGE IN THE LATE 1950s – EARLY 1960s

The article analyzes the features of the integration of the state policy of the school and the life of the state. It examines the positive and negative aspects that influenced the further development of the school system in Tatarstan. Considerable attention is paid to the issues of professional orientation of schoolchildren.

Keywords: school system of Tatarstan, policy of rapprochement of school with life, industrial training.

В середине 1950-х гг. в крайне запущенном положении в Татарстане находилось сельское хозяйство. Планы по земледелию, животноводству и другим отраслям аграрного сектора не всегда выполнялись. Одной из острых проблем по-прежнему оставалось обеспечение сельского хозяйства высококвалифицированными кадрами. В 1950–1960-е гг. специалисты с высшим образованием требовались и в городе. Поэтому в деревню работать возвращались немногие. Особенно тяжелая ситуация была в татарской деревне, потому что доля татар в общей численности кадров высшей квалификации была значительно меньше, чем русских.

К концу 1950-х гг. в Татарстане началось расширение машинно-тракторного парка. Это позволило к 1959–1965 гг. полностью механизировать пахотные, посевные и уборочные работы. Постоянно растущее количество тракторов, комбайнов, а также механизация и автоматизация производственных процессов в животноводстве, птицеводстве и других отраслях сельского хозяйства все больше увеличивали потребность аграрного сектора в высококвалифицированных кадрах механизаторов, инженеров и др. Все это дало толчок к новой всесоюзной политической кампании по сближению школы с жизнью, проводимой под лозунгом политехнизации учебного процесса в общеобразовательных школах. Реформа образования должна была решить возникшие проблемы и снять противоречия между всеобщим стрем-

лением к высшему образованию и потребностями экстенсивной экономики в новых рабочих руках.

В целях придания новой политической кампании общесоюзного характера ЦК КПСС была разработана программа дальнейшего совершенствования системы народного образования в СССР. Сущность ее и конкретные пути перестройки советской школы были изложены в выступлении Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС, в его записке Президиуму ЦК, в тезисах ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» [9, с. 2]. Все эти документы легли в основу «Проекта тезисов по вопросу укрепления связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране», принятого 12 ноября 1958 г. «Проект тезисов...» был опубликован в печати и передан для обсуждения в Верховный Совет СССР [7, с. 2–4].

В ходе его всенародного рассмотрения было высказано множество предложений. Так, например, одни предлагали начинать обучение в школах не с семилетнего, а с восьмилетнего возраста, другие – начинать учебный год в сельских школах не с первого сентября, а позднее и заканчивать его раньше, с тем чтобы учащиеся побольше работали на севе и уборке урожая в дни летних каникул [10, с. 3], третьи – наоборот, уменьшить трудовой день школьников [1, с. 3].

После получения всеобщего обязательного восьмилетнего образования молодежь должна была «включаться в посильный общественно полезный труд», и все дальнейшее обучение связывалось с производительным трудом в народном хозяйстве. Вместо 7-летнего образования вводилась всеобщая обязательная 8-летняя система обучения. Срок полного среднего образования был увеличен с 10 до 11 лет, его предусматривалось осуществлять на основе соединения обучения в дневной или вечерней школе либо в техникуме с трудом. Таким образом, перед школьной системой была поставлена конкретная задача: каждый учащийся, наряду с аттестатом об окончании учебного заведения, должен был получить производственную специальность, чтобы стать «культурным тружеником социалистического сельского хозяйства».

Кампания профессиональной ориентации школьников охватила все города и села Татарстана. Наибольшего размаха работа по подготовке к определенной профессии получила в Агрызской татарской школе №10. В 1957/58 учебном году из 249 учащихся 9–10-х классов 145 получили квалификацию токаря и слесаря. В этом же районе в школе № 34 квалификация связиста железнодорожного транспорта была присвоена 50 учащимся, в школе № 35 различную производственную специальность получили 46 человек [11, с. 2]. Одновременно с этим начали складываться и другие формы производственного обучения молодежи – ученические производственные бригады, учебно-опытные хозяйства, школьные МТС. В качестве примера можно привести опыт ученической бригады Средне-Балтаевской средней школы Апастовского района. Правление колхоза имени Крупской закрепило за ней 20 га земли, установило учащимся нормы оплаты труда по трудодням [6, с. 2]. Так, ученикам 5–7-х классов оплачивался трудодень при выработке 50% нормы взрослого, 8–

10-классникам – 70%. В учебное время члены школьной бригады работали по 2 часа в сутки, в период летних каникул – по 6 часов.

В сельской местности для ученических опытных хозяйств колхозы и совхозы выделяли школам десятки гектаров земли [5, с. 3]. К началу 1960-х гг. в Татарстане было создано 194 учебных опытных хозяйства на площади 8 тыс. га. В 14 татарских школах в сельских районах обучение велось на базе колхозно-совхозного производства. В них все работы проводились школьниками – от весенних агрикультурных мероприятий до осенней обработки почвы. В ряде случаев учащиеся школ добивались определенных производственных результатов. Так, ученики Старо-Дрожжановской средней школы в колхозе «Татарстан» с 34 га собрали по 315 ц кукурузы и вырастили 1500 цыплят [4, с. 2]. Урожайность кукурузы в отдельных школах доходила до 750 ц зеленой массы с гектара. На школьных фермах и в колхозах учащимися было выращено 200 тыс. кроликов, 450 тыс. голов домашней птицы. Кроме того, школьники выработали 1 млн 700 тыс. трудодней [8, с. 1].

Связь школы с жизнью осуществлялась и через работу учащихся на уроках труда, в специальных кружках и на факультативных занятиях. В республике была организована станция юных техников. В 122 школах созданы кружки агрохимиков-почвоведов, которыми были охвачены 3000 учащихся [3, л. 37]. Учащиеся Азнакаевской средней школы № 2 в течение всего учебного года в мастерской конторы бурения № 3 изучали слесарное и токарное дело. Многие школьники получили квалификацию маляров, штукатуров, каменщиков и плотников. Учащиеся 8-х классов этой же школы получили специальность электросварщика 3-го разряда [3, л. 87–91]. Ученики Казани изучали автомобиль, а в сельских школах учились работать на тракторе и комбайне. В учебных мастерских учащиеся также изготавливали огородно-хозяйственный инвентарь для работы на пришкольных опытных участках, крольчатники и вольеры для школьных и колхозных кроликоферм, клетки и кормушки для выращивания цыплят и т.д.

Говоря о положительных аспектах кампании укрепления «связи школы с жизнью», следует заметить, что она значительно усилила профориентационную работу школ, многие старшеклассники, наряду с аттестатом, получили различные рабочие специальности. Все это усилило тягу учащихся к повышению своего профессионального уровня в профессионально-технических училищах и других специальных учебных заведениях. Это открывало новые возможности для повышения профессиональной квалификации молодежи, которая, наряду с рабочей специальностью, получала в них и среднее образование.

Однако, характеризуя реформации периода хрущевской «оттепели», нельзя забывать и о негативных сторонах этой кампании. Решая задачу соединения школьного обучения с производительным трудом, на местах часто игнорировалось главное назначение школ – обучение и воспитание подрастающего поколения. Количество медалистов в республике значительно уменьшилось. Если в 1957/58 учебном году выпускников, награжденных золотыми и серебряными медалями, было 368, то в 1958/59 учебном году – 235 человек [2]. Снизилась заинтересованность некоторой части выпускников в отличной учебе. Другим негативным моментом политики

сближения школы с жизнью стала подготовка невостребованных специалистов для народного хозяйства.

Таким образом, подводя итог, отметим, что в 1960–1970-е гг., в период интенсивного социально-экономического развития и связанного с ним форсированного освоения достижений научно-технической революции, произошли значительные изменения в системе народного образования Татарстана. В этот период главной целевой установкой образовательной системы СССР и Татарстана стали производственная ориентация школьников и подготовка на их основе высококвалифицированных специалистов для различных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Источники и литература

1. Гарифуллин У. Разгрузить трудовой день школьников // Советская Татария. – 1958. – 21 дек.
2. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 15. Оп. 6. Д. 5632. Л. 10.
3. ГА РТ. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 134.
4. Ерусланов А. Хорошие дела школьников // Советская Татария. – 1959. – 19 февр.
5. Зарипов Р. Укрепляем содружество школ и колхозов // Советская Татария. – 1959. – 24 янв.
6. Рушников И. Сельская школа и колхоз // Советская Татария. – 1958. – 21 янв.
7. Тезисы по вопросу укрепления связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране // Советская Татария. – 1958. – 16 нояб.
8. Учение и труд вместе живут // Советская Татария. – 1960. – 23 марта.
9. Хрущев Н.С. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране // Советская Татария. – 1958. – 23 сент.
10. Школы – ближе к жизни // Советская Татария. – 1958. – 20 дек.
11. Ясницкая А. Готовим школьников к определенным профессиям // Советская Татария. – 1958. – 13 авг.

РАЗДЕЛ V. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА

УДК 94:631(470.345)

А.А. Артемьев

*Мордовский НИИСХ – филиал ФГБНУ «ФАНЦ
Северо-Востока имени Н.В. Рудницкого», г. Саранск, Россия*

И.В. Лаптева

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АГРАРНОЙ НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

В статье описываются основные этапы становления аграрной науки в Республике Мордовия. Внимание уделяется образованию Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики, созданию первой Мордовской овощной зональной опытной станции (с 1996 г. – Научно-исследовательский институт сельского хозяйства), Мордовского агропедвуза (с 1957 г. – Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева), Мордовского комвуза, Научно-исследовательского института мордовской национальной культуры (с 1951 г. – НИИ языка, литературы, истории при Совете Министров Мордовской АССР, с 2001 г. – НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ), республиканской школы по подготовке и повышению квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов и пр. На современном этапе руководство России предприняло и предпринимает действенные меры по поддержке отраслей народного хозяйства и бизнеса. Очевидно, что история аграрной науки будет актуальной и востребованной в современном обществе.

Ключевые слова: аграрная наука, Мордовский НИИСХ, НИИГН, история, модернизация, региональное измерение, востребованность.

A.A. Artemyev

I.V. Lapteva

THE HISTORY OF THE FORMATION OF AGRICULTURAL SCIENCE IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

The article describes the main stages of the formation of agricultural science in the Republic of Moravia. Attention is paid to the formation of the Moravian Autonomous Soviet Socialist Republic, the creation of the first Moravian vegetable zonal experimental station (since 1996 – the Research Institute of Agriculture), Moravian Agricultural Pedagogical University (since 1957 – N.P. Ogarev Moravian State University), Moravian communist higher education institution, the Research Institute of Moravian National Culture (since 1951 – Research Institute of Language, Literature, History under the Council of Ministers of the Moravian ASSR, since 2001 – Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Moravia,), republican school for preparing and advanced training of senior staff of collective farms and

state farms, etc. At the present stage, the Russian leadership has taken and is taking effective measures to support the sectors of the national economy and business. It is obvious that the history of agricultural science will be relevant and in demand in modern society.

Keywords: agrarian science, Mordovian Research Institute, NIIGN, history, modernization, regional dimension, demand.

В судьбе Российского государства аграрная наука сыграла огромную роль [4]. Без ее участия не могли быть реализованы модернизация, урбанизация и индустриализация, так как на старте они были тесно увязаны с интенсификацией сельского хозяйства, решением проблем достаточного производства продуктов питания, высвобождения из села избыточной рабочей силы. В отличие от других научных направлений, которые могли развиваться в столицах, аграрная наука могла функционировать только в сетевой структуре, поскольку климатическое и почвенное разнообразие страны не позволяло штамповать единые рецепты повышения продуктивности растениеводства и животноводства. Агрономов, зоотехников и ветеринаров требовалось почти так же много, как учителей в школы, и задача подготовки необходимых специалистов носила стратегический характер.

Бурное развитие российской аграрной науки началось на рубеже XIX–XX вв. и было связано со стремлением увеличить доходы от сельского, в том числе крестьянского хозяйства, которое в значительной степени оставалось низкопродуктивным [1; 8; 7; 9]. Началось создание организаций агрономической помощи населению. На местах вводились должности земских агрономов, открывались склады для продажи населению улучшенных сельскохозяйственных машин, встал вопрос об открытии опытных учреждений. В это время началась активная работа по разработке и внедрению в производство научных основ агрономии. Количество казенных опытных учреждений быстро росло и к 1915 г. составило 287 единиц. Опытные учреждения дореволюционной России подразделялись на опытные станции, опытные поля, опытные хозяйства, а также лаборатории и питомники. Опытные станции должны были проводить научные исследования по выведению сортов, по почвам, удобрениям, приемам возделывания культур. Их было мало, так как они представляли собой крупные научные учреждения и требовали значительного финансирования. Преобладающей формой опытных учреждений в России являлись опытные поля. Они использовались для проведения различных экспериментов применительно к климату, почвам и другим объективным условиям конкретной местности. Аналогичную задачу решали опытные хозяйства. Что касается лабораторий и питомников, то они занимались производством посадочного материала. Одновременно высокими темпами в России росло число сельскохозяйственных учебных заведений, достигнув цифры 341 к 1915 г.

Набирающая силу тенденция развития аграрной науки проявилась и на территории современной Республики Мордовия – так называемого мордовского края, где к 1913 г. располагались 27 агрономических участков, на каждом из которых работали по одному агроному и одному агрономическому старосте. Работа служб агрономической помощи осложнялась из-за недостатка специалистов, отсутствия опыт-

ных и показательных полей. Сельскохозяйственных учебных заведений на территории края не было, что пагубно отражалось на развитии агрономии и как следствие – на продуктивности крестьянских хозяйств.

Первая мировая, а затем Гражданская войны резко ухудшили положение в отрасли: уменьшились посевные площади, резко упала обеспеченность инвентарем, сократилось поголовье скота. Валовые сборы зерна в Тамбовской, Пензенской, Нижегородской губерниях (куда входили уезды, составляющие сегодня Республику Мордовия) снизились в два и более раз. Катастрофическое положение в сельском хозяйстве было связано не только с объективно негативными последствиями войн, но и с конфискационной политикой, проводимой большевиками и направленной на безвозмездные изъятия хлеба. Завершение Гражданской войны заставило большевиков задуматься не только об изменении политического курса, но и о мерах по улучшению положения в сельском хозяйстве.

Развитие аграрной науки в СССР значительно интенсифицировалось с 1929 г., когда была учреждена Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ). Под ее руководством в стране началось создание широкой сети научно-исследовательских учреждений.

К началу 1920-х гг. территория современной Республики Мордовия была отсталым сельскохозяйственным краем. 95% всей продукции региона давало сельское хозяйство, в котором было занято 92% населения. Крестьянское хозяйство носило все черты оскудения: многопольные севообороты отсутствовали, удобрений вносилось крайне мало, повсеместно царила примитивная агротехника. Скот был изнуренным, малопродуктивным. Недостаток кормов препятствовал увеличению поголовья. Однолетних и многолетних трав в посевах практически не было.

По докладам местных властей в структуре крестьянских хозяйств 51% составляли бедняки, 40% – середняки, 8,5% – зажиточные крестьяне и кулаки. Уровень технической оснащенности сельского хозяйства был низким: на 100 хозяйств приходились 52 сохи и 24 плуга. Более сложных машин было ничтожное количество. Большая плотность населения, малоземелье, слабая промышленность создавали избыток рабочей силы в деревне, аграрное перенаселение, которое тяжелым грузом ложилось на хозяйство, усиливало бедность крестьянства. Стремясь повысить доходность хозяйства, население занималось кустарными промыслами и отходничеством, спасаясь от малоземелья, переселялось в Заволжье и Сибирь. Сложившаяся ситуация создавала крайне невыгодные условия для развития территории, состояние экономики которой определялось уровнем развития сельского хозяйства.

В национальном плане регион представлял собой этническую родину и место компактного проживания мордовского народа. 1920-е гг. являлись периодом не только государственного строительства СССР, но и его национального строительства [4]. В Поволжье одна за другой образовывались автономные республики, призванные ускорить развитие нерусских народов. Вопрос о форме национального определения мордвы тоже активно обсуждался, но его решение затруднялось сложностями в выделении территории компактного проживания мордовского народа, где он со-

ставлял бы большинство населения. Первым шагом на пути создания национальной мордовской автономии стало создание в 1928 г. в составе Средне-Волжского края Мордовского автономного округа. Такая форма государственности не решала проблем социально-экономического и культурного развития мордовского народа, и в 1930 г. округ был преобразован в Мордовскую автономную область. В 1934 г. была создана Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Руководство автономии самым энергичным образом стало требовать создания в ней сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений и разработки научно-обоснованной системы ведения хозяйства. Областные органы власти выразили неудовлетворенность проектом системы научно-исследовательских учреждений, разработанным ВАСХНИЛ, считая предложенную систему недостаточной. В качестве «более энергичных мер» для развития научно-исследовательской работы руководство Мордовской автономной области предлагало создать контрольно-семенную станцию с филиалами в колхозах, организовать Мордовское отделение краевого научно-исследовательского института экономики и организации социалистического земледелия, учредить областную опытную станцию. Опытная станция рассматривалась как необходимый и важнейший элемент повышения продуктивности сельского хозяйства автономии.

Следует отметить, что планы местных властей противоречили проектам развития Средне-Волжского края, руководители которого стремились построить единую систему краевой экономики, невзирая при этом на то, что уровень развития подчиненных им территорий очень отличался. Именно власти Средне-Волжского края, вопреки мнению Мордовской автономной области, приняли решение о формировании в области не комплексной, а специализированной овощной зональной опытной станции, которая и была образована 17 июля 1930 г. по решению президиума Наркомата земледелия СССР и президиума ВАСХНИЛ в районе г. Саранска, в поселке Ялга. Создание Мордовской овощной зональной опытной станции стало первым шагом на пути развития аграрной науки в регионе. С этого учреждения начала свое развитие Мордовская сельскохозяйственная опытная станция, преобразованная в 1996 г. в научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

Вторым шагом на пути развития аграрной науки стало открытие в 1931 г. в Саранске Мордовского агропедвуза и Мордовского комвуза, реорганизованного в 1933 г. в Мордовскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. Деятельность первых вузов республики была направлена на подготовку учителей и агрономов, являясь прямым свидетельством приоритетов руководства республики.

В 1957 г. эта деятельность вышла на новый уровень в связи с открытием Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. С момента основания в структуру университета входил сельскохозяйственный факультет. В 1960 г. при сельскохозяйственном факультете было создано учебно-опытное хозяйство, или учхоз, которое стало важной базой исследовательской деятельности. На факультете развернулась научно-исследовательская работа. Кафедра земледелия занималась исследованием путей и методов повышения плодородия почв Мордовии. Кафедра общей зоотехнии работала над направлением «Изучение и разработка методов по-

вышения продуктивности сельскохозяйственных животных». Кафедра анатомии, физиологии животных и ветеринарии занималась изучением наиболее распространенных болезней сельскохозяйственных животных и птиц Мордовии. Исследования проводились не только в лабораториях университета, но и на полях передовых хозяйств, на опытной станции, на конезаводе. В 1991 г. сельскохозяйственный факультет был преобразован в Аграрный институт университета.

В 1962 г. из сельскохозяйственного факультета выделился факультет механизации сельского хозяйства, который в 1996 г. был преобразован в институт механики и энергетики.

В 1932 г. был открыт Научно-исследовательский институт мордовской национальной культуры (с 2001 г. НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ). В институте проводились исследования экономики региона, в том числе экономики сельского хозяйства. В 1951 г. институт был переименован в НИИ языка, литературы, истории при Совете Министров Мордовской АССР, а с 1953 г., в связи с необходимостью активизации усилий по изучению экономики, стал называться НИИ языка, литературы, истории и экономики. В 1954 г. в аспирантуре института появилась специальность «Экономика сельского хозяйства», а с 1956 г. институт начал издание научных трудов серии «Экономика», где наряду с проблемами промышленности освещались вопросы экономики сельского хозяйства. Изучение проблем развития сельского хозяйства Мордовии являлось одним из приоритетных научных направлений НИИ на протяжении всей его истории [3].

Важнейшим механизмом внедрения достижений сельскохозяйственной науки в практику остается республиканская структура по повышению квалификации руководящих кадров [5]. Она была создана в 1961 г. как Мордовская республиканская школа с шестимесячными курсами подготовки и повышения квалификации руководящих кадров колхозов и совхозов. В своем дальнейшем развитии эта структура пережила многочисленные реорганизации, вызванные в том числе развитием сельского хозяйства и повышением требований к квалификации руководителей хозяйств. В 1963 г. на базе школы был организован Мордовский учебный комбинат повышения квалификации специалистов сельского хозяйства. В 1966 г., в условиях перехода к повышению квалификации специалистов со средним специальным и высшим образованием, было принято решение о создании на базе учебного комбината школы повышения квалификации сельскохозяйственных кадров. В 1980-е гг. она была переименована в Мордовскую школу управления сельским хозяйством, которая была преобразована в 1986 г. в Мордовскую школу управления агропромышленным комплексом. В 1994 г. школа была реорганизована в Мордовский учебный центр по подготовке и переподготовке кадров агропромышленного комплекса, а уже в 1995 г. на базе центра было сформировано государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования специалистов «Мордовский институт переподготовки кадров агробизнеса». На базе школы с момента ее основания читали лекции по проблемам земледелия, механизации, животноводства, экономики сельского хозяйства все ведущие ученые республики – сотрудники опытной станции, сельскохозяйственного факультета, фа-

культета механики и энергетики, а также НИИЯЛИЭ. От слушателей школы зависело, насколько успешно достижения сельскохозяйственной науки будут внедрены в производство.

В советское время учреждения, представляющие аграрную науку, могли существовать автономно, а научные работники встречались на конференциях и совместных республиканских мероприятиях. Более того, там, где исследователи занимались разработкой близких научных направлений, между ними возникала конкуренция, базой для которой являлась полная самостоятельность учреждений. В 1990 г., затем в 2000-е гг. положение науки резко ухудшилось, заставив учреждения аграрной науки активно взаимодействовать. В значительной степени базой сотрудничества сегодня является первое научное учреждение республики – Мордовский НИИ сельского хозяйства [10]. В условиях ликвидации учебного хозяйства университета институт предоставляет свои поля сотрудникам, аспирантам и студентам Аграрного института для проведения опытов. Между Аграрным институтом и НИИ происходит взаимное перемещение кадров. Из МНИИСХ в университет приходят специалисты с практическим опытом работы, способные объяснить студентам особенности их будущей профессии. Из университета в НИИ переходят специалисты, стремящиеся видеть практические результаты своей работы. Институту механики и энергетики МНИИСХ предоставляет сельскохозяйственную технику для обучения студентов.

Ученые оказывают друг другу поддержку, являясь рецензентами монографий, диссертаций, статей в рецензируемые издания. Для аграриев и механиков МНИИСХ выполняет функции экспертной организации при защитах диссертаций. В рецензируемых журналах НИИ ГН публикуются исследования по проблемам развития сельского хозяйства Мордовии. Важнейшей площадкой для встреч специалистов всех отраслей аграрной науки является Мордовский институт переподготовки кадров агробизнеса [11], где проводятся встречи, семинары, конференции, круглые столы, на которых также присутствуют руководители хозяйств и специалисты Минсельхоза РМ.

В условиях трудностей, переживаемых наукой, сотрудничество, взаимодействие и взаимная поддержка научных организаций позволяют снижать ущерб от потерь в материальном обеспечении, препятствуют уменьшению качества научных исследований, сохранять кадры, привлекать молодежь.

В 2020 г. Мордовский научно-исследовательский институт сельского хозяйства отметил 90-летний юбилей. Институт возник как результат последовательных реорганизаций Мордовской овощной зональной опытной станции, которая является первым научным учреждением Мордовии. В 2022 г. 90-летний юбилей отмечает НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, который имеет богатый опыт по организации (1978, 2003, 2020) и участию в научных форумах историков-аграрников, определяя актуальные темы научных изысканий и перспективы научных трудов по аграрной истории Среднего Поволжья.

Последние 20 лет Россия делала все возможное, чтобы оживить производство и экспортный потенциал экономики АПК [2]. Впечатляющими являются успехи в раз-

вители сельского хозяйства и в Республике Мордовия. Однако некоторые технологии производства сельскохозяйственной продукции российские сельхозпроизводители покупают за рубежом, не задумываясь о том, будут ли они доступны в будущем. Санкции, введенные против нашей страны в 2014 г., подвели руководство России к действенным мерам по поддержке отраслей народного хозяйства и бизнеса, и за 8 последних лет Российская Федерация вошла в число лидеров по экспорту основной сельскохозяйственной продукции и энергоресурсов. Сегодняшняя реальность (вирусные пандемии, новые санкции и т.д.) заставила российское сообщество всерьез задуматься над проблемой продовольственной безопасности страны, и на этом фоне верится, что аграрная наука, после тяжелейшего провала 1990-х годов и двадцати лет выживания, вновь обретет бывалое величие и станет востребованной в обществе.

Источники и литература

1. 85 лет Мордовскому научно-исследовательскому институту сельского хозяйства // Достижения науки техники АПК. – 2015. – № 3.
2. Артемьев А.А., Лаптева И.В. Информационные технологии в агропроизводстве (на примере точного земледелия) // Региональное измерение аграрной модернизации в России: Материалы VIII Всерос. (XVI регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Саранск, 2020. – С. 494–500.
3. Задкова Т.Ю. История становления школы историков-аграрников НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (1932–2001 гг.) // Региональное измерение аграрной модернизации в России: материалы VIII Всерос. (XVI регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Саранск, 2020. – С. 41–47 (в соавт.).
4. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект: Монография – М.; Саранск, 2017. – 1048 с.
5. Куршева Г.А. Модернизационные процессы и региональный социум // Региональное измерение аграрной модернизации в России: Материалы VIII Всерос. (XVI регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Саранск, 2020. – С. 5–18.
6. Лаптева И.В. Квалифицированные специалисты сельскохозяйственного производства – залог будущих успехов Республики Мордовия // Современные сельскохозяйственные технологии в Республике Мордовия. – Саранск, 2004. – С. 103–109.
7. Мордовский НИИСХ: 80 лет в истории Мордовии. – Саранск, 2010. – 168 с.
8. Мордовскому НИИСХ 90 лет // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2020. – Т.21, № 3. – С. 332–333.
9. Основные этапы становления аграрной науки в Мордовии // Ресурсосберегающие экологически безопасные технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции: Материалы XVI междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию становления и развития аграрной науки в Республике Мордовия (г. Саранск, 15–16 октября 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://mrsu.ru/ru/university/institute/agr/activity/22407/> (дата обращения: 07.03.2022).
10. Сысуйев В.А. Мордовский НИИСХ – один из лидеров научного обеспечения Евро-Северо-Востока России // Научное обеспечение АПК Евро-Северо-Востока России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Саранск, 2010. – С. 21–29.
11. Пахмутова Е.Д. Формирование культурного капитала специалистов Республики Мордовия посредством дистанционного обучения // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – Т. 24. – № 4. – С. 227–233 (в соавт.).

**ПРИХОДНАЯ КНИГА О СБОРЕ ПОШЛИН С «ЕЗДОВЫХ ПАМЯТЕЙ» СВИЯЖСКОЙ
ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ КАК ИСТОЧНИК ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ УЕЗДНОГО
НАСЕЛЕНИЯ НАЧАЛА XVIII ВЕКА**

В статье проанализирована приходная книга о сборе пошлин с «ездовых памятей» Свияжской приказной избы 1700–1701 гг. В ней рассмотрены произошедшие в уезде основные конфликтные ситуации и правонарушения, которые проливают свет на различные стороны повседневной жизни населения. Особое внимание уделено семейно-бытовым сюжетам и хозяйственному укладу многонационального крестьянства Свияжского уезда начала XVIII в.

Ключевые слова: повседневность, «ездовая память», Печатный приказ, конфликты, правонарушения, Свияжский уезд, источниковедение.

D.V. Basmantsev

**THE RECEIPT BOOK ON THE COLLECTION OF DUTIES FROM THE «RIDING MEMORIES»
OF THE SVIYAZHISK COMMAND HUT AS A SOURCE OF EVERYDAY LIFE OF THE UYEZD
POPULATION IN THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY**

The article analyzes the receipt book on the collection of duties from the «riding memories» of the Sviyazhsk command hut of 1700–1701. It examines the main conflict situations and offenses that occurred in the county which shed light on various aspects of the daily life of the population. Special attention is paid to family and household plots and the economic structure of the multinational peasantry of Sviyazhsk uyezd in the beginning of the 18th century.

Keywords: everyday life, «driving memory», Printed order, conflicts, offenses, Sviyazhsk uyezd, source studies.

История повседневности населения XVIII столетия содержит немало «белых пятен». Всестороннее изучение ее узловых вопросов сопряжено с различными причинами. В этом деле важная роль отводится сохранности архивных документальных материалов. В современной отечественной историографии наметились положительные сдвиги в решении многих актуальных проблем повседневной жизни городских и уездных жителей. Исследователи вводят в научный оборот массовые источники, а также отличающиеся по составу и информативности документы XVIII в. [см.: 1–4; 6; 8 и др.].

В настоящей научной статье поставлена цель – провести анализ приходной книги о сборе пошлин с «ездовых памятей» Свияжской приказной избы 1700–1701 гг. Она сохранилась в Российском государственном архиве древних актов в фонде Печатного приказа. Книга, несмотря на то что была создана в стенах местного учреждения, подведомственного приказу Казанского дворца, вошла в состав Печатно-

го приказа. Известно, что данное центральное учреждение в XVII – начале XVIII в. путем приложения печати придавало юридическую силу различным актам, сведения о которых сохранились в записных пошлинных и беспошлинных книгах. По утверждению исследователей, в Печатный приказ также поступали печатные пошлины, взимаемые за регистрацию частных актов в приказных избах на всей территории страны [5, с. 5]. Видимо, это обстоятельство сыграло решающую роль в передаче приходной книги о сборе пошлин с «ездовых памятей» Свяжской приказной избы в Печатный приказ.

В Свяжской приказной избе велась пошлинная книга с «ездовых памятей», в которую записывались поездки приставов учреждения по судебным делам, сформированным из челобитных уездного населения. В начале приходной книги сохранилась следующая запись: «На нынешней 1700 год тех пошлинных денег собрано. И то писано помесечно в сей записной книге порзнь по статьям имянно» [7, л. 2 об.]. Как правило, каждая запись регистрировалась и имела конкретную дату с указанием года, месяца и числа дня. Она начиналась со следующей формулы, например: «Сентября в 11 день с ездовой памяти...» [7, л. 3]. Далее в запись заносились сведения об истце и лице или группе лиц, нарушивших его права, с указанием их мест проживания, причины обращения в Свяжскую приказную избу и суммы ущерба. В конце записи подьячие приказной избы указывали факт поступления пошлины и ответственного пристава, получавшего «ездовую память». Так, 4 апреля 1701 г. в одной записи читаем: «...С ездовой памяти у чувашенина Починка Климова у Чиденки Ситувова, что он бил челом тоеж деревни на чуваш на Мукунка Тынбаева с товарищи на трех человек в ыску в грабежу в пяти рублех да в безчестье. Пошлин полполтины. Платил. Пристав Андрюшка Ломтев» [7, л. 105]. По завершении каждого месяца подводились итоги о собранных суммах. Например, за февраль 1701 г. написано: «Всего сем месяце в феврале по записке приказные избы подьячих в зборе пошлинных денег девятнатцеть рублев восемь алтын две деньги» [7, л. 86].

В приходной книге записи сохранились с сентября 1700 г. по май 1701 г. На первый взгляд, изучаемые записи довольно лаконичны и содержат ограниченный круг информации. Исследователь А.Б. Каменский в своей монографической работе обращает внимание на следующие моменты: «Во все века люди ссорились, говорили друг другу обидные и оскорбительные слова, обманывали, дрались, становились жертвами уличных хулиганов и мелких грабителей. Однако более внимательное прочтение подобных документов, а также их комплексное изучение позволяют выявить целый ряд обусловленных исторической эпохой особенностей, причем не только отражающих исторические реалии, подчас представляющие особую ценность с точки зрения изучения повседневности, но и особенности поведения, реакции людей на те или иные ситуации, их восприятие» [6, с. 141–142]. Озвученные автором особенности были характерны не только для городских обывателей, но и для сельского населения.

Общая картина повседневности жителей провинции, в особенности крестьянства, наиболее отчетливо прослеживается из сведений, представленных в таблице 1. Для определения основных групп правонарушений, содержащихся в челобитных

населения Свяжского уезда, нами проанализированы записи с сентября по ноябрь 1700 г. В 237 записях отразились межличностные конфликты, семейно-бытовые сюжеты, а также вопросы, связанные с социально-экономической и хозяйственной жизнью крестьян и выполнением ими государственных повинностей. Следует оговориться, что нередко подьячие Свяжской приказной избы одновременно записывали несколько требований истца. Получалось, что они изложенные в челобитной действия правонарушителей, видимо, должны были квалифицировать под определенные статьи Соборного уложения 1649 г. и «новоуказные статьи». В таких случаях, исходя из тяжести или схожести состава правонарушения, нам пришлось исковые требования условно объединять в одну графу.

Таблица 1

**Записи в приходной книге о сборе пошлин с «ездовых памятей»
Свяжской приказной избы за сентябрь – ноябрь 1700 г.**

Исковые требования населения Свяжского уезда	Кол-во	Процент
«в проторях и в убытках»	32	13,5
«в бою и в увечье и безчестье и в брани...»	30	12,7
«в безчестье да в брани да в убытках...»	22	9,3
«в ыску в деньгах...», «бескабальных деньгах», «в недоплатных деньгах»	17	7,2
«за корову», «за быка», «за кобылу»...	17	7,2
«за дельное дерево», «за дельной дуб», «за дельной улей со пчелами», «за батман меду»	15	6,3
«в насильном владенье», «за ползагона ржи», «во владенье земли»...	14	5,9
«за солому, сено, овин...», за копны...	12	5,1
«за хлеб да за рожь да за овес...», «за полбу»	11	4,6
за драгоценности, одежду и обуви: «за перстень сребреной да сапоги», «за кашпов з деньгами»...	9	3,8
«по заемной кабале», «по кабале»	8	3,3
за конскую упряжь: «за хомут да шлею...»	4	1,7
«в грабежу»	4	1,7
«в краже», «в хлебном воровстве», «в отъеме лошадей»...	4	1,7
«в калымных деньгах» и приданом	3	1,3
«в мировых гривнах», «не дают мировой гривны»	3	1,3
«по поруке»	3	1,3
«в наемных камышинских деньгах», «за камышенскую работу»	3	1,3
«потавре в заемных деньгах», «по тавре»	2	0,8
«за потравной загон овса», «потоптали сенных ево покосов»	2	0,8
«за подможные деньги...»	2	0,8
разные единичные случаи	20	8,4
Всего	237	100

Составлено по: 7, л. 1–50.

Судя по данным, наиболее распространенными являлись исковые заявления о «проторях и убытках» (13,5%) и драках с различными сопутствующими правонарушениями (12,7%). В первом случае речь шла о конкретных издержках и расходах,

понесенных потерпевшими по вине обвиняемых. Суммы ущерба составляли от 50–60 коп. до 45 руб. Например, в сентябре 1700 г. против сельчан было заведено дело о «проторях в сороке в пяти рублех, что де те протори учинились им (истцам. — Д.Б.) в Синбирску в неотводном конском следу». В другой записи отмечалось, что чуваш д. Янситово Васка Бибахтин «бьет челом на чувашенина ж деревни Янтиковы Байтемирка, отцу ево имени в челобитной не написано, в ыскуево в проторях и в убытках в полуторе рубле». В октябре же татары д. Ураспугины Савальдейка Уразметов и Акбулатка Ишеев спорили о «проторях и убытках» в размере 3 руб. 11 ноября 1700 г. чувашский крестьянин д. Полевые Пинеры Байменек Ешменеев требовал взыскать с чуваша д. Шаймурзино Алменешки Байбулатова 8 руб. [7, л. 6, об., 14, 28, 36 об.]. Подобные случаи часто встречаются в числе других обращений уездных жителей. Скажем, в феврале 1701 г. чуваш д. Большие Тимерчеи Ахтейка Бихтемиров заявил, что его однодеревенцы «Савинко с товарищи по договору не поставил на Камышенке запасу да в проторях в трех рублех» [7, л. 75].

Ссоры с применением физической силы фиксировались в Свяжской приказной избе в среднем по десять раз в месяц. Подавая иски «в бою и увечье», потерпевшая сторона указывала на то, что побои сопровождалась «безчестием, бранью, проторями, убытками» и т.д. Так, в сентябре 1700 г. чуваш д. Старые Урмаи Хозерка Кучеев жаловался на чувашского крестьянина д. Малые Кошелеи Серельдейку «в бою и в увечье да в срыв мошны з денгами трех рублев да ножа ножанами и с мусатом да шапки по цене всего в десети алтынех». В это же время произошла драка между ясачным татаринном д. Белой Волошки Камышелги Сулейманкой Байметевым и Ялдаркой Янбулатовым. Истец, заявив о побоях, также хотел взыскать две гривны за рубаху. 7 октября 1700 г. по рассказу чувашского крестьянина д. Большие Полевые Яльчики Тимошки Батметева к ответственности должны были привлечь соплеменника из д. Старое Янашево Бикбулатку. Обвинения были следующими: «в бою и в увечье да в брани и в безчестье, и что называл ево вором». О побоях матери и брата в Свяжскую приказную избу донес татарин д. Большое Тярбердино Байметко Иряшев. Под подозрением оказались однодеревенцы Ишкайка Ишкин со своим братом. Последствия «боев» были разными, иногда участники получали тяжкий вред здоровью. К примеру, во время драки одному селянину палкой вышибли глаз [7, л. 9 об., 11 об., 16 об., 22 об., 23 об.].

Словесные перепалки между жителями, как свидетельствуют приведенные данные, в уезде происходили регулярно, нередко они случались при драках. В челобитных потерпевшими являлись также члены семьи истца. Чувашский крестьянин д. Аккозино Каки Казаков подал иск на Биктубайку Тинчюрина с товарищами, которые обесчестили его жену и сноху. По мнению Кияшки Бикбулатова, Пиенка Ишменев из д. Бишево, совершивший «безчестье и брань» в отношении жены и дочери, должен понести наказание. В 1701 г. свияжского иноземца Алексея Озембловского оскорбили ясачные чуваша д. Чюраково, а свияжского рейтарского строя солдата Никиту Оставьева — татары д. Була [7, л. 12 об., 30 об., 45 об., 72 об.]. В данную категорию следует отнести также записи, в которых обидчики во время конфликта использовали слова «вор» или «разбойник». Так, 30 сентября 1700 г.

чуваш д. Юмашево Бурнайка Яшбарысов называл сына Шемерденки Кулбоева «вором и разбойником». Подобный случай произошел в декабре того же года между чувашами д. Янишево Семельдейкой Явкаевым и д. Мачисово Алменеем Айдаровым, когда последний первого обесчестил и бранил, а также «называл его вором» [7, л. 15, 58].

Особый научный интерес представляет семейная жизнь отдельно взятого жителя многонационального Свияжского уезда, его социальное положение и род деятельности. Из приведенных выше сведений становится очевидным, что в записях приходной книги фигурируют ясачные чуваша и татары, служилые люди. В этой связи полезно было бы обратить внимание на некоторые социальные, этнические и гендерные аспекты, присущие изучаемой локальной территории.

Записи, касающиеся семьи и брака, в отличие от данных таблицы 1, в большей степени уникальны, как и судьбы конкретных лиц. Приведем несколько примеров. В январе 1701 г. татарин д. Верхние Лащи Мостайка Алексеев собирался жениться на татарке Янае Исаевой из д. Боряшево. Однако она, несмотря на брачное соглашение, вышла замуж за другого жениха: «она зговорилась за него замуж, а вышла за инова» [7, л. 71]. Нормой того времени считалась кража невест. В сентябре 1700 г. со слов татарина Апкейки Баймеева (д. Исаково) Томашка (д. «Анкабей, что на Большой Буле») выкрал его дочь Ишсалтанку [7, л. 4 об.].

Выплата женихом калыма за невесту была повсеместно распространена среди нерусского населения Свияжского уезда. Его размер, судя по искам, варьировался от 1,5 до 6 руб. Татарка д. Тярбердино Акешка Емкеева била челом на однопородного чуваша Иштерячку Уразбаева «в калымных деньгах» в 2 руб. с 2 батманами меда и кобылой [7, л. 13]. В д. Старые Кармалы Тойдерячка Шаймурзин и Бикейка Маметов договорились, что калым составит 6 руб. и вдобавок родителям невесты будут переданы батман меда и жеребенок. Другие вместе с медом и жеребенком отдавали быка [7, л. 22, 25 об., 79, 103]. Состоятельные родители жениха соглашались на щедрый калым. Так, татарин Килмаметка Уразмаметев (д. Старый Кокуз) просил от Кадряковых (д. Чирки Янаев Починок тож), как условились, калымных денег 6 руб. 10 алтын, серебряный «блязик» (20 алтын), на 6 руб. меда, быка, аршина ткани («дорога») да шубу. Татарин Андресячка Енеев жаловался на жителей татарской деревни Биково «в неотдаточном жеребье жены ево в деньгах в жемчужной кузни и выной рухледи» [7, л. 38 об., 68].

Несмотря на традиции, видимо, к началу XVIII в. произошли изменения семейных ценностей, заметнее стала роль женщины в повседневной жизни. Косвенное подтверждение сказанному находим в записях приходной книги. Так, в 1700 г. в Свияжскую приказную избу обратилась чувашка Савнячка Чюрсенеева (д. Биболдино) с исковым заявлением на своего мужа, Кункейку Ирбулатова (д. Полевое Атаево). Женщина оказалась в сложной ситуации: «в замужестве, что он, Кункейка, взял ее, Савнячку, за себя замуж с пожитками, и не поит и не кормит, и пожитков не отдает по цене на пять рублей» [7, л. 6]. В феврале 1701 г. татарка д. Ахмыметево Айманка Байбулатова заявила, что ее дети насильно удерживаются у соплеменников Янтайки Утеева (д. Чалбаш) и Катейки Утеева (д. Именлибаш) [7,

л. 76 об.]. Запись, составленная по челобитной татарина Ишки Шиганакова из с. Ишеево, содержит следующие сведения: «бил челом на прежнюю свою жену на татарку деревни Тураевы на Канку Ишееву в вьску, что де она держит насильно дочь ево, девку Бескасалтан» [7, л. 84].

Основу торгово-экономической жизни крестьянского населения Свияжского уезда, как иллюстрируют представленные в таблице 1 показатели, составляло сельское хозяйство. Не удивительно, что земельные владения и сенные уголья постоянно становились яблоком раздора между селянами. С сентября по ноябрь 1700 г. в приказной избе рассматривали 14 челобитных о захвате земельных участков и их использовании. Нехватка земли заставляла крестьян расширять ее площади путем расчистки леса. К примеру, у чувашского крестьянина Сармандайки Саматкина из д. Мачисово имелась новорасчищенная земля, которая была захвачена однодеревенцем. Между чувашскими крестьянами д. Беловолошка учинилась драка. Причиной стало то, что один из них не дал другому в пределах своего «повытья росчищать лесу». Половина загона земли, по рассказу чуваша Чюрабайки Чюракова (д. Тогаево), находилась 15 лет во владении чуваша Козалбайки Токсубаева (д. Елборсово) [7, л. 9, 35, 37 об.].

Шли споры за поместные земли. В ноябре 1700 г. мурза Иштерьяка Кобяков сын Темеев подал иск на татарина Московку Алеева д. Старое Барышево о незаконном владении 30 загонами поместной земли [7, л. 40]. 2 декабря 1700 г. пристав Свияжской приказной избы Сережка Крашенников с «ездовой памятью» выехал в д. Кляшево по челобитной служилого татарина Асанки Емекеева. Оказалось, поместной дворовой усадьбой истца завладел служилый татарин Чильмет Досаев [7, л. 50 об.].

В хозяйствах крестьян и служилых людей возделывали рожь, овес, полбу, выращивали крупный рогатый скот, держали лошадей, овец (см. табл. 1). Важным занятием являлось бортничество (пчеловодство). В сентябре – ноябре 1700 г. 6,3% от общего числа обращений приходилось на долю правонарушений, связанных с «дельными деревьями». Так, татарин Ютка из д. Апастово подозревался в поджоге бортных («дельных») деревьев татарина Ильметки Курмякова из д. Кульситово [7, л. 10 об.]. «За дельный дуб со пчелами», оцененный истцом в размере 3 руб. из д. Старое Бахтеярово, к ответственности привлекли чуваша д. Уты Камаево поля Шайбулатку Ишакова [7, л. 13]. В одном иске ответчика преследовали всего лишь за то, что тот «подходил под дельное дерево» [7, л. 21 об.]. Другими занятиями были охота и рыболовство [6, л. 39, 48 об., 94 об.]. Чуваша также занимались сбором лесного хмеля. Скажем, чуваш Петрушка Ильбарысов из д. Шаймурзино причинил истцу ущерб «за хмель в полтину» [7, л. 49 об.].

Приходная книга о сборе пошлин с «ездовых памятей» содержит немало ценных материалов о несении жителями уезда различных государевых повинностей, а также вопросы, связанные с интересами правительства. Например, в трех случаях потерпевшие связывали свои иски с выполнением повинности на реке Камышенке (см. табл. 1). Подобные сведения встречаются и в 1701 г. В них челобитчики, как правило, требовали возместить убытки. Например, крестьянин Ходяшка Айтуганов

сообщал о том, что крестьяне д. Исламово причинили ему и его пасынку издержки. В приходной книге написано: «доведетца пасынку ево, Темеску, взять с них со шти ясаков с четью рубль денег да хлебного запасу. И тот ево пасынок за скудостью ныне остался на Камышенке и в том де их неплатеже учинилось ему, Ходяшке, убытку шесть рублей» [7, л. 60]. Аналогичные сюжеты содержала «наказная память», в которой житель д. Апонасово Матюшка Московов просил взыскать с крестьян д. Малые Яльчики 8 гривен [7, л. 61]. Со слов чуваша Тойтерячки Сибетова (д. Байгулово) к следствию привлекли соплеменника Иваниска с товарищами из д. Багильдино за то, что «вместо работника их ездил на Камышенку в конные работники сын ево, а прежние же работники спрашивают на нем всякого запасу и денег» [7, л. 67 об.]. В приходной книге за 1701 г. имеются следующие схожие иски: «по договору не поставил на Камышине запасу да в проторях в трех рублей», «в камышенских подможных денгах» [7, л. 75, 79]. Здесь же следует отметить, что чуваша д. Шимкусы не заплатили 1 руб. работнику, находившемуся на «селитерном деле» [7, л. 70 об.].

В нескольких записях поднимается вопрос о ясаке и ясачном положении ряда крестьян. В октябре 1700 г. татарин А. Баймеев д. Исаково представил иск против жителей той же татарской деревни Казачки Утяшева с братьями, что они «живут в той их деревне безясачно и сенные покосы косят насильно» [7, л. 18 об.]. В Свяжскую приказную избу поступило обращение, в котором обвиняется служилый чуваш д. Бисубино Тохметка Степанов в том, что «он у переписи вместо себя написал на сына ево (истца. — Д.Б.) заочно целой ясак, а землю и сенными покосы владеет и донине он, Тохметко» [7, л. 21]. Важно было также заявить, что татары-соплеменники не помогают «платить медвеного оброку за полбатмана меду» на 1701 г. [7, л. 105 об.].

Денежные операции по займам совершались согласно «таврам» и кабалам, а также без кабалы (см. табл. 1). По истечению сроков заимодавцы обращались к представителям власти, чтобы вернуть свои денежные средства. Так, жители д. Бикмурзино «по тавре» заняли у чуваша Якимки Савальева из д. Быбыть 2 руб. Уразкильда Костровов (д. Атиково) должен был возвратить Тохташке Чюрачикову (д. Алчиково) 9 руб. кабальных денег. Крестьянин Салтубайка Бикбулатов хотел вернуть свои «бескабальные» 40 алтын. В декабре 1700 г. мурза Иштерячка Кобяков сын Темеев подал иск на татарина Рыску д. Большие Буртасы на 30 алтын «бескабальных» денег. Татарин Алмекейка Алалышев из д. Мамадыш кабально «по поруке» занял 15 руб. у соплеменника Аски Емякова из д. Ширдан [7, л. 3, 7, 45, 51 об., 63 об.]. При заключении сделки по займам этнические и социальные отличия не играли особой роли и уходили на второй план. Например, посадский человек Прокофей Гаврилов выдал заем чувашам д. Янсубино в размере 31 руб., а татарин д. Еметево Байгок Иштеряков — чувашскому крестьянину д. Ахташево Ортюшке Янбулатову 3 руб. [7, л. 19 об., 20].

Таким образом, записи приходной книги о сборе пошлин с «ездовых памятей» являются ценным источником по вопросам повседневности многонационального населения Свяжского уезда. Они позволяют представить всю многогранность со-

циальной, экономической и хозяйственной жизни, культуры и быта сельского общества начала XVIII в.

Источники и литература

1. Басманцев Д.В. Бытовые конфликты и правонарушения в практике хозяйственной жизни Волжско-Сурской полиэтнической среды XVIII века // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 224–232.

2. Басманцев Д.В. Поведенческий стереотип волжского крестьянства в XVIII веке: социально-нравственный аспект // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождению Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (г. Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 43–48.

3. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., вводная ст. и коммент. Н.В. Козловой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 608 с.

4. Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов) / под ред. П.П. Епифанова. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 532 с.

5. Документы Печатного приказа / сост. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1994. – 477 с.

6. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. – М.: РГГУ, 2006. – 403 с.

7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 233. Оп. 1. Д. 761.

8. Чебоксары во второй половине XVI – XVIII веке: Док. и материалы из фондов Рос. гос. архива древних актов / сост., авт. предисл., коммент. и примеч. Д.В. Басманцев. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. – 676 с.

УДК 94(47).046

С.В. Видяйкин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

РАССЕЛЕНИЕ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХАЛАТЫРСКОГО И ВЕРХОСУРСКОГО СТАНОВ АЛАТЫРСКОГО УЕЗДА 1620-Х ГГ.: СОПОСТАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов расселения инородческого населения (мордвы и татар) в двух станах Алатырского уезда на основе сопоставления материалов писцовых книг Д.Ю. Пушечникова 1620-х гг. и данных археологии. Данное сопоставление позволяет уточнить вопросы расселения и миграционных процессов населения данного региона в первой половине XVII столетия.

Ключевые слова: уезд, стан, татары, мордва, буртасы, деревня, выставка, река, могильник, поселение.

SETTLEMENT OF THE NON-NATIVE POPULATION OF VERKHALATYR AND VERKHOSURSK CAMPS OF ALATYR UYEZD IN THE 1620s: COMPARISON OF MATERIALS FROM WRITTEN SOURCES AND ARCHAEOLOGICAL DATA

The article is devoted to the consideration of the issues of settlement of the non-native population (the Mordvins and the Tatars) in the two camps of Alatyry uyezd on the basis of a comparison of the materials of D.Y. Pushechnikov's scribal books of the 1620s and archaeological data. This comparison makes it possible to clarify the issues of settlement and migration processes of the population of this region in the first half of the 17th century.

Keywords: uyezd, camp, the Tatars, the Mordvins, the Burtas, village, exhibition, river, burial ground, settlement.

С середины XVI столетия ведет свою историю один из крупнейших уездов Присурского региона – Алатырский. Полтора века с момента его основания Алатырь имел стратегическое значение как важный узел обороны юго-восточной границы государства. В 1578 г. было завершено сооружение засечной черты по линии Темников – Алатырь, проходившей лесной полосой от Кадомской засеки через Мокшу, затем лесом вдоль реки Алатырь до соединения с Тетюшской засекой. В течение второй половины XVI – первой половины XVIII в. все Среднее Поволжье выступало частью фронта Российского государства, обращенным на юг – к кочевому степному миру.

Засечная черта рассекала Алатырский уезд на две половины – северную и южную. В северной части уезда, на так называемой Русской стороне, располагались два стана дворцовой мордвы – Верхоянский и Верхопьянский и два стана служилых татар и мордвы – Верхоянский и Пьянский. В южной части – Завальной – находились два стана дворцовой мордвы – Верхалатырский и Верхосурский и два стана служилых татар и мордвы – Верхалатырский и Верхосурский. Таким образом, именно Завальная – южная часть уезда являлась ядром Присурского фронта, что предопределило выбор именно ее в качестве объекта рассмотрения данной статьи.

В 1624 г. в Алатырский уезд были направлены писцы Дмитрий Юрьевич Пушечников и подьячий Афанасий Давыдов сын Костяев. Огромная территория уезда потребовала многолетнего труда писцов. В течение трех лет писцы составили по уезду четыре книги: первая была посвящена поместьям и вотчинам русских владельцев (книга до сих пор не обнаружена историками); вторая – татарским поместным землям, то есть землям служилых татар и мордвы; третья – мордовским и бургасским землям; четвертая – их бортным ухояям [5]. Для сопоставления материалов письменных источников с данными археологии в статье будут использоваться материалы второй и третьей писцовой книги Пушечникова. Кроме того, в данной статье будут рассмотрены только те деревни из этих писцовых книг, вблизи которых известны памятники археологии XVI–XVII вв.

В описании Верхалатырского стана писцовой книги, посвященной мордовским и буртасским землям, упоминается от деревни Тарханова «выставка на речке на Урончеи» [6, л. 58 об. – 61 об.]. По мнению автора статьи, исходя из построения межевых границ деревни Тарханова с выставками на карте, можно предположить, что данная выставка на речке Урончеи располагалась в западной части современного села Чукалы-на-Вежне Атяшевского района Республики Мордовия.

По свидетельству П.Д. Степанова, при земляных работах жители села Чукалы-на-Вежне находили к югу от села бусы, раковины каури, застежки-сьюльгамы, перстни, керамические сосуды. Это позволило исследователю включить данный объект в каталог памятников Мордовии как грунтовый могильник XVII–XVIII вв. [1, с. 159]. Есть некоторая вероятность, что данный могильник мог быть оставлен населением выставки из деревни Тархановой. В последующих писцовых и переписных описаниях данная выставка уже не упоминается, но встречается информация о существовании на том же месте деревни «Чукалы на речке Вежнуге». Впервые она упоминается в переписной книге И. Путятна 1671 г. Населенный пункт существует до сих пор. Соответственно, вероятность, что данный могильник использовался населением Чукал, гораздо выше.

В низовьях реки Нуя по писцовой книге мордовских и буртасских земель находились деревни «Полдасева на речке на Силеи» и «Папулева на реке на Алаторе» [6, л. 67–69]. Обе деревни идентифицируются с современными селами Болдасево и Папулево Ичалковского района Республики Мордовия.

В ходе разведок 1941 и 1946 гг. П.Д. Степанов провел обследование селища у с. Болдасева. Селище расположено в 1,5 км к северо-северо-западу от села, в урочище Попонь лисьма, на левом берегу речки Лычинейки. Была найдена лепная неорнаментированная керамика, датировка которой не определена [1, с. 273]. Есть некоторая вероятность, что данное селище может быть связано с деревней Полдасевой из писцовой книги.

При земляных работах в 1941 г. в центре села Папулево около церкви были найдены отдельные предметы. Часть находок была передана П.Д. Степанову, который датировал грунтовый могильник XVII–XVIII вв. и отнес его к мордовской культуре [1, с. 279]. В данном случае несомненно, что памятник оставлен жителями деревни, упоминаемой в писцовой книге.

С еще двумя мордовскими деревнями Верхалатырского уезда не возникает проблем с определением их местонахождения – «Баева усть реки Инзоры» и «Ичалы на Кислом озере» [6, л. 70 – 71 об.]. Они идентифицируются с современными селами Баево и Ичалки Ичалковского района Республики Мордовия. В описании их сельхозугодий упоминаются гидронимы Алатырь, Инзера (Инзора), Мокрая Кемня, Сухая Кемня. Из них на современной карте присутствуют только реки Алатырь и Инсар, но благодаря «Генеральному плану Лукояновского уезда» мы можем идентифицировать и остальные географические объекты. Речка Мокрая Кемня – это речка Кемля на карте 1785 г. и речка Кемлятка на современной карте; речка Сухая Кемня – речка Сухая Кемля и речка Татар-Веленлей.

В 1973 г. в ходе археологической разведки Ю.А. Зеленеевым в 0,1 км от южной окраины с. Ичалки, рядом с улицей Мира, на небольшой возвышенности на левом берегу речки Татар-Веленлей был открыт памятник селище 2. Исследователем было найдено несколько фрагментов лепной керамики [1, с. 274]. Существует вероятность того, что данный памятник связан с деревней Ичалы, упоминаемой в писцовой книге, посвященной мордовским и буртасским землям.

Не возникает вопросов и с местоположением деревни «Коласева Тетингеева тож на реке на Алаторе» [6, л. 71 об.]. В настоящее время это село Каласево Ардатовского района Республики Мордовия. В 1981 г. в ходе разведки В.А. Ломшин в 1,5 км к юго-востоку от села Каласева обнаружил отдельные фрагменты лепной неорнаментированной керамики, датировка которой не определена [1, с. 129]. Возможно, данная находка связана с деревней, упоминаемой в писцовой книге.

В писцовой книге, посвященной мордовским и буртасским землям, в описании Верхосурского стана упоминается деревня «Кобаева на речке на Евлейке» [6, л. 80 об. – 81 об.]. В отчете П.Д. Степанова разведочной экспедиции 1945 г. упоминается, что, по сведениям жителей села Кабаево Дубёнского района Республики Мордовия, при рытье котлована под церковь в 1892 г. находили много старинных мордовских вещей: браслетов, сьюлгам, колец и бус [1, с. 189]. Михайло-Архангельская церковь, достроенная в 1893 г., сохранилась до нашего времени и находится в центральной части села, на берегу речки Явлейка. По всей видимости, в районе церкви существовал мордовский грунтовый могильник.

Примечателен факт, что вблизи деревни «Сабанчеева на речке Чеберчинке» [6, л. 81 об. – 82] находятся сразу три грунтовых могильника. В центральной части современного села Сабанчеево Атяшевского района Республики Мордовия, недалеко от бывшей церкви, находится грунтовый могильник XIV–XVIII вв. Памятник обследовался В.Н. Поливановым в 1896 г., П.Д. Степановым в 1945 г. В.Н. Поливановым в 1896 г. было вскрыто 56 могил с северной ориентировкой. В погребениях были найдены бусы, раковины-каури, застежки-сьюлгамы, медные и серебряные русские монеты XVII–XVIII вв., западноевропейские счетные жетоны XVI–XVIII вв., перстни, кольца, браслеты и керамические сосуды. В 0,6 км к северо-западу-западу от деревни Мордовские Дубровки (в настоящее время деревня и село представляют собой территориально единое поселение) находится грунтовый могильник 1 XVII–XVIII вв. Могильник был обследован П.Д. Степановым в 1945 г. При земляных работах здесь местными жителями были обнаружены раковины-каури и застежка-сьюлгама, характерная для мордовского костюма XVII–XVIII вв. В 0,8 км к юго-юго-востоку от деревни Мордовские Дубровки находится грунтовый могильник 2. Он был исследован В.Н. Поливановым в 1896 г. Было вскрыто несколько безынвентарных погребений на большой глубине и в деревянных колодах [1, с. 156, 158]. Сабанчеевский могильник однозначно оставлен жителями деревни из писцовой книги. Относительно двух других могильников эта связь под вопросом, так как с 1637 г. источники фиксируют существование деревни Новая Дубровка на речке Мекшовке.

Деревня «Олововы выставка из деревни Пичевельской» [6, л. 82 об.] так же «богата» археологическими памятниками. Деревня располагалась на правом притоке реки Большая Сарка – речке Тразовка. В настоящее время это село Алово Атяшевского района Республики Мордовия. Более точно местоположение деревни в начале XVII в. описали исследователи И.С. и О.И. Марискины. Согласно им первое поселение аловцев до 1630-х гг. находилось южнее современного села Алово на лесной поляне, в урочище «Ташто юрт». Здесь было обнаружено селище – остатки древнего поселения (размеры 200х500 м), множество обломков глиняной посуды, в том числе округлые детские игрушки из черепков. Особую историческую ценность представляет клад, состоящий из более чем 200 серебряных монет-чешуек чеканки царя Михаила Федоровича. Монеты хранились в небольшом глиняном горшочке из местной черной глины. Клад пролежал в земле более трех столетий, пока не был обнаружен в 1975 г. [4, с. 53, 54]. Кроме того, по сведениям П.Д. Степанова 1945 г., в селе Алово, в районе ветряной мельницы, в 1 км к юго-западу от села, а также в 3 км к юго-западу от села находились три грунтовых могильника [1, с. 148]. К сожалению, иных сведений об этих могильниках нет.

Согласно писцовой книге, посвященной мордовским и буртасским землям, значительной массив мордовских деревень располагался в верхнем течении реки Чеберчинка – «Поводимово выставка из деревни Кобаевские на речке на Посканлее», «Ардатово», «Старая Морга на речке на Пиртаноземир» и «Чиндянова на речке на Корцеталее», а также три деревни посопных буртас – «Ногаева, Чюлпаново тож, на реке на Чючерме», выставка из нее – «Тетьякова» и «Беремкино, на речке Беремше» [6, л. 83–89].

По сведениям В.Н. Поливанова 1900 г. и П.Д. Степанова 1945 г., на северной окраине современного села Поводимово Дубенского района Республики Мордовия расположен грунтовый могильник. Иных сведений о памятнике нет [1, с. 193]. Есть вероятность, что этот могильник мог быть оставлен жителями деревни Поводимово из писцовой книги.

В 0,5 км к северу от современного села Ардатово, того же района, в урочище «Пиче алкс» расположен грунтовый могильник XVII–XVIII вв. Памятник был обследован и частично исследован П.Д. Степановым в 1945 г. Им было вскрыто два погребения. В мужском погребении были найдены железный топор, застежка-сюльгама, железное кресало, железный нож, несколько перстней и серебряная монета царя Петра I. В женском погребении была обнаружена монета XVII в. Погребение принадлежало мордве-эрзе [1, с. 187]. Данный памятник, несомненно, соотносится с деревней Ардатово из писцовой книги.

В районе современного села Дубёнки, того же района, расположены два грунтовых могильника. Грунтовый могильник 1, по сведениям П.Д. Степанова, расположен в центральной части села. Иных сведений о памятнике нет. Грунтовый могильник 2, по сведениям П.Д. Степанова, находится в 4 км к западу от села, в урочище Калмонь Потмо. Иных сведений о памятнике нет [1, с. 187]. Есть определенная вероятность, что первый могильник мог быть оставлен буртасским населением деревень Ногаева или Тетьякова. Либо же он использовался жителями более позднего поселе-

ния мордвы – деревни Дубёнки, впервые упоминаемой в письменных источниках в 1671 г. Второй могильник, с большой долей вероятности, мог принадлежать жителям буртасской деревни Тетякова. В пользу чего говорит тот факт, что после исчезновения этой деревни других поселений на ее месте не существовало.

В писцовой книге, посвященной мордовским и буртасским землям, встречается также упоминание о посопных татарах. Проживали они в деревне «Алемешева на речке на Лаше, что ниже Жолтово болота» [6, л. 89 об. – 90]. Исходя из данных письменных источников, с большой долей уверенности можно предполагать, что она находилась в районе современного поселка Осиповка Дубёнского района Республики Мордовия.

Примечательно, что в 3 км к востоку от поселка Осиповка в урочище Буртасская гора находится грунтовый могильник XVI–XVII вв. Памятник обследовался П.Д. Степановым в 1945 г. и В.А. Ломшиным в 1982 г. В 1993 г. Г.Н. Белорыбкин осуществил раскопки памятника. Было вскрыто 68,5 кв. м, исследовано 12 человеческих и одно конское погребение. Все погребения могильника безынвентарны. Г.Н. Белорыбкин, основываясь на письменных источниках и местной топонимике, высказал предположение, что кладбище является мусульманским и оставлено тюркоязычными буртасами. Однако анализ черепов из погребений могильника, проведенный И.Р. Газимзяновым, показал, что серия черепов по антропологическому типу не отличается от мордовского населения [1, с. 192, 193]. Несомненно, что данные письменных источников и этот памятник археологии связаны между собой и данная взаимосвязь требует дальнейшего изучения.

Значительное число мордовских деревень в рассматриваемое время находилось в бассейне реки Штырма. Среди них необходимо выделить две деревни – «Поракина на речке на Кштырме» и «Тотаева» [6, л. 91 об. – 96]. В районе современного села Паракино Большеберезниковского района Республики Мордовия находится одно поселение, два селища и три могильника. Все памятники были открыты В.Д. Артёмовой в 1973 г. В 0,1 км к северу от села находится поселение. Была найдена лепная керамика эпохи бронзы и XVI–XVII вв. В 0,2 км к северу от села по обе стороны оврага Коське латко расположено селище 1. Была найдена круговая керамика болгарского типа XI–XIII вв. и позднесредневековая XVI–XVII вв. В 0,3 км к северу от села находится селище 2. Была найдена круговая керамика XI–XIII вв. и позднесредневековая XVI–XVII вв. [1, с. 166]. Безусловно, все три памятника соотносятся с деревней Поракина из писцовой книги.

В 1,5 км в восток-юго-восточном направлении от села на мысу правого берега реки Штырма расположен грунтовый могильник 1. По словам местных жителей, за колхозным садом было расположено старое татарское кладбище. Предпринятый В.Д. Артёмовой осмотр ничего не выявил. Грунтовый могильник 2 находится в 0,3 км к северу от села, на левом берегу реки Штырма. По словам местных жителей, при строительстве дороги Большие Березники – Дубёнки в 1930-х гг. находили перстни, браслеты, застежки-сьюльгамы, бусы. При обследовании в 1973 г. в шурфе был обнаружен счетный западноевропейский жетон XVII–XVIII в. Грунтовый могильник 3 расположен в центральной части села, на правом берегу реки

Штырма. По словам местных жителей, при строительстве клуба находили старинные мордовские украшения. Предпринятый осмотр памятника ничего не дал [1, с. 166, 167]. Существование первого могильника представляется нам достаточно спорным. Второй могильник, по всей видимости, был связан с деревней Поракина так же, как и поселенческие памятники. В пользу этого говорит то, что на картах XIX в. центральная часть села находилась на левом берегу реки Штырма. Деревня Тотаева, по данным письменных источников, располагалась между деревнями Поракина и Чорново Порамзы. И эти данные говорили о том, что деревня Тотаева находилась также по левую сторону от реки Штырма. Но существование грунтового могильника 3, по-видимому, свидетельствует в пользу того, что эта деревня находилась по правую часть от реки Штырма, т.е. в центральной части современного села Паракино.

К западу от этих деревень располагалась деревня «Шугурова, а Малые Нейманы тож» [6, л. 92 об. – 93 об.]. По сведениям И.Н. Смирнова, близ села, на правом берегу речки Тошага, находится грунтовой могильник. Иной информации о памятнике нет [1, с. 169]. Существует некоторая вероятность, что данный памятник связан с деревней из писцовой книги, посвященной мордовским и буртасским землям.

В нижнем течении речки Нерлейка находилось поселение служилых татар – деревня «Новые Турдоманы, выставка и[с] Старых Турдоман, на речке на Урлее» [3, л. 82 об. – 86 об.]. Анализ письменных источников позволяет с большой долей вероятности предполагать, что деревня находилась в районе современного села Марьяновка Большеберезниковского района Республики Мордовия. Служилые татары деревни Новые Турдоманы были «темниковские приходцы», но в рассматриваемое время числились уже в Алатырском уезде.

На северо-восточной окраине села Марьяновка, на пологом мысу правого берега речки Нерлейка, находится поселение 9. Памятник обследовался в 1971 г. В.Д. Артёмовой. Предполагаемые размеры 150х30 м. Были найдены фрагменты лепной керамики алтатинского типа раннего энеолита и гончарной позднесредневековой [1, с. 165]. Последующее исследование данного памятника могло бы подтвердить предположение о существовании на данном месте деревни служилых татар в начале XVII в., полученное по материалам писцовых книг.

Рядом с уездным центром – Алатырем находилась очень большая деревня служилых мордовских мурз – «Иванкова на реке на Суре» [3, л. 97 об. – 102]. С соотношением деревни не возникает проблем. Это, бесспорно, современное село Иваново-Ленино Алатырского района Чувашской Республики. На территории села расположено значительное количество памятников археологии. Среди них, в рамках интересующего нас периода, необходимо выделить грунтовой могильник 1. В 1956 г. в селе при рытье котлована под фундамент здания правления колхоза были обнаружены человеческие кости. П.Г. Григорьевым были проведены раскопки, вскрыто более 20 погребений. Костяки лежали вытянуто в положении запад – восток. Найдены фрагменты сосудов, железный нож. Исследователь относил могильник к концу I тыс. н. э. и полагал, что здесь были захоронены язычники-мордва. В 2013 г. разведочной экспедицией ЧГИГН между зданиями Дома куль-

туры и сельской администрации с магазином были проведены небольшие раскопки (около 7 кв. м). Было изучено три погребения. В результате было установлено, что могильник православный XVII–XVIII вв. [2, с. 47].

Согласно писцовой книге, посвященной описанию земель служилых людей, в начале XVII в. население деревни состояло из служилых и неслужилых мордовских мурз (у большинства из них мордовские имена) и русских крестьян (с христианскими именами). Таким образом, данные письменных источников косвенно свидетельствуют, что захоронения на этом могильнике могли совершаться как по языческой, так и по православной обрядности.

В целом использование метода сопоставления материалов письменных источников с данными археологии даже на примере небольшого региона и на протяжении непродолжительного хронологического периода представляется весьма результативным. Имеющаяся на данный момент информация о памятниках археологии Присурья и Приалатырья XVI–XVII вв. позволила уточнить ряд вопросов расселения и миграционных процессов инородческого населения двух станов Алатырского уезда в первой половине XVII столетия.

Источники и литература

1. Археологическая карта России. Республика Мордовия / сост. А.А. Беговаткин. — М.: Коломенская тип., 2017. — 488 с.
2. Археологическая карта Чувашской Республики: Науч.-справ. изд. / сост. Е.П. Михайлов и др. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. — 304 с.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. К. 115. Д. 1237.
4. Марискин И.С., Марискин О.И. Село на Трезовке. — Саранск: Красный Октябрь, 2001. — 336 с.
5. Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века). — Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2017. — 400 с.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3535.

УДК 908

А.В. Гуляев

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Россия*

ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ВЫХОДА ИХ НА ПРОМЫШЛЕННЫЙ УРОВЕНЬ В МАРИЙСКОЙ АССР В 1945–1985 ГГ.

Статья посвящена историографии публикаций о лесной промышленности Марийской АССР во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Произведен историографический обзор литературы, отмечающей этот период. Представителями различных наук изучался и подвергался глубокому исследованию индустриальный подъем Марийской АССР. Механизация и повышение производительности труда, как на участках лесозаготовок, так и в цехах бумажной промышленности. Сформирован вывод, в котором определено, что авторы провели огромную исследовательскую работу, из чего виден разный подход к развитию лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности Марийской АССР.

Ключевые слова: Марийская АССР, лесозаготовки, деревообработка, технология, производство, лесная промышленность, механизация, инновация.

A.V. Gulyaev

HISTORIOGRAPHY OF THE DEVELOPMENT OF LOGGING ENTERPRISES AND THEIR ENTRY INTO THE INDUSTRIAL LEVEL IN THE MARI ASSR IN 1945–1985

The article is devoted to the historiography of publications on the forestry industry of the Mari ASSR in the second half of 1940-the first half of the 1980s. A historiographical review of a number of literature marking this period has been made. Representatives of various sciences studied and subjected to in-depth research the industrial rise of the Mari ASSR, mechanization and increase of labor productivity, both at logging sites and in the workshops of the paper industry. A conclusion has been formed in which it is determined that the authors have carried out a huge research work, from which a different approach to the development of the logging and woodworking industries of the Mari ASSR is visible.

Keywords: Mari ASSR, logging, woodworking, technology, production, forestry industry, mechanization, innovation.

Республика Марий Эл (РМЭ) располагается в Среднем Поволжье, где лес является одним из главных видов природного богатства. Лесистость территории края составляет 55,7%, из чего следует, что роль леса имеет важную составляющую в экономическом и социальном аспекте жизни нашего региона. На основе этого выстроена одна из главных ветвей производственного развития республики. До начала 40-х гг. XX в. Марийская АССР не имела развитого, в широком понимании этого слова, промышленного комплекса лесного хозяйства. Основу ее экономики традиционно составляло сельское и лесное хозяйство, а заготовка леса была сугубо сезонным, крестьянским промыслом. В послевоенные годы начинается процесс быстрого промышленного развития, как в лесозаготовительной, так и в деревообрабатывающей промышленности в целом.

Проблема истории лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности нашла отражение в отечественной историографии. В этой связи общую массу литературы, в той или иной мере затрагивающую рассматриваемые проблемы, можно условно разбить на четыре категории: исторические исследования, социально-экономическую, научно-техническую и публицистическую литературу.

Создание лесозаготовительных предприятий и их выход на промышленный уровень, образование отрасли и ее трудовых коллективов – все это не обошли вниманием отечественные ученые, публицисты, журналисты. Те или иные аспекты общей проблемы хозяйственного освоения региона становились предметом изучения представителей разных наук. В свет вышло множество исследовательских работ исторической, экономической, технической, географической и социологической направленности в региональной литературе.

Зарождение региональной историографии проблемы, как правило, первоначально происходило с появлением юбилейных научно-популярных изданий. Доку-

ментальная история развития отрасли лесного хозяйства от двуручной пилы и топора, от конной подвозки и вывозки до валочно-пакетирующих машин описана в книге «Марийский лес: очерки по развитию лесного хозяйства и лесных отраслей Республики Марий Эл» / сост. Б.И.Тресцов. Рецензент – кандидат исторических наук, профессор МарГУ, заслуженный деятель науки РМЭ Г.Н. Айплатов [3]. Работа посвящена 200-летию создания Лесного департамента России и 60-летию образования Марийского территориального управления лесоохраны и лесонасаждений. Введено в оборот большое количество архивных документов по лесозаготовительным и деревообрабатывающим отраслям. Этот труд на сегодняшний день является одним из самых объемных материалов по развитию лесного хозяйства и лесных отраслей Республики Марий Эл.

В книге С.А. Водовозова «Марийская АССР: экономико-географический очерк» [1] описывается природа, население и хозяйство Марийской АССР в целом и по экономико-географическим районам. В работе использованы материалы, собранные автором в результате поездок в Марийской АССР в 1948–1950 гг. Работа также основывалась на ранее опубликованные статистические материалы первой половины XX в. На разных этапах работы рукопись просматривалась профессорами: Н.П. Никитиным, Г.К. Тушенским, доцентами: С.Н. Рязанцевым, К.Ф. Строевым, А.И. Каменским, Н.Е. Диком, научными сотрудниками отдела экономической географии СССР Института географии Академии наук СССР: А.А. Минцем, К.В. Долгополовым и З.Г. Фрейкиным.

В сборнике «20 лет Марбумкомбината» [4] авторы ставили перед собой задачу, опираясь на факты, рассказать о пройденном, тяжелом пути комбината, о его трудовом коллективе и трудоемком производстве, об усовершенствовании технологии производства.

Литературная обработка авторского материала сделана членом русской секции Союза Советских писателей Марийской АССР П.Ф. Забора, раздела «Наши экономические достижения» – начальником планово-экономического отдела комбината М.Н. Кантаржи, разделов «20 лет на лесах» и «Культурно-бытовое строительство» – членом Волжского литературного объединения Г.П. Лаврентьевым и А.С. Стариковым. На то время, за 20 лет существования Марбумкомбината, благодаря упорному труду и настойчивости всего коллектива комбинат вошел в число лучших предприятий целлюлозно-бумажной промышленности РСФСР.

В этот период было создано немало публикаций о трудовых коллективах, их трудовых буднях, успехах в производственной деятельности.

Немалую роль в историографии лесной промышленности Марийской АССР сыграли работы по производственно-хозяйственной деятельности предприятий. В своей работе «Экономическая эффективность использования основных производственных фондов» [2] Г.Ф. Кудрявцев в научно-популярной форме раскрывает сложности повышения эффективности общественного производства. Особое внимание уделяется производственно-хозяйственной деятельности коллективов деревообрабатывающих предприятий фирмы «Волжск» по использованию основных производственных фондов.

К концу 50-х г. XX в. много внимания уделялось новаторствам и инициативам по сохранению и эффективности использования сырьевой базы лесозаготовительного комплекса. В.М. Янтемир в своей работе «Новое на лесозаготовках Марийской республики» [6] описал смелый опыт инженера-лесоведа Н.В. Комиссарова по сохранению молодняка и подростка на лесосеках. Опытным путем в 1959 г. в Визимярском лесопункте при вырубке и трелевке леса было сохранено 75% молодняка и подростка. Благодаря этому на восстановление лесного массива стало уходить на много меньше времени, сил и финансовых вложений.

Параллельно с научно-популярными изданиями формируется техническое направление в изучении лесной промышленности республики. Работа А.Р. Чистякова, Г.К. Незабудкина, Т.И. Малочка (авторы данной работы – преподаватели Поволжского лесотехнического института) «Восстановление леса на вырубках» [5] построена на опыте применяемых способов рубок, характере естественного лесовозобновления и производства лесных культур в лесах Марийской АССР. В работе приведены данные о влиянии на лесовосстановительные процессы лесорастительных условий, размеров лесосек и применяемых мер содействия. Даны рекомендации по улучшению рубок леса, накоплению и сохранению подростка на лесосеках, выбору наиболее рациональных пород древесины и типов лесных культур.

В периодической печати, в таких газетах как «Лесная промышленность», «Лесная газета», в газете Национального парка «Марий Чодра» РМЭ, в журнале «Лесное хозяйство», достаточно много профессиональной информации, доступной для изучения. В газетах «Марийская правда», «Волжская правда» частично печатается обзорная информация о лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Как правило, в публикациях того времени воспевались романтика покорения природы и трудовой героизм и не предавалось особого значения сложности бытовых условий трудящихся и множеству недоработок по максимальному использованию древесины и технологии производства.

Таким образом, историографический обзор свидетельствует, что различные аспекты развития лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности Марийской АССР привлекали внимание исследователей, однако публикации носят в целом фрагментарный характер. Историографический анализ литературы середины XX в. показывает нам, что история лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности Марийского края, а также всей России в этот временной период изучена далеко не в полном объеме и требует дальнейшего исследования с учетом новых реалий нашего времени.

Источники и литература

1. Водовозов С.А. Марийская АССР: экономико-географический очерк. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. – 151 с.
2. Кудрявцев Г.Ф. Экономическая эффективность использования основных производственных фондов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974. – 111 с.

3. Марийский лес: очерки по развитию лесного хозяйства и лесных отраслей Республики Марий Эл / сост. Б.И. Тресцов. – Йошкар-Ола, 1997. – 304 с.
4. 20 лет Марбумкомбината. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. – 97 с.
5. Чистякова А.Р., Незабудкина Г.К., Малочка Т.И. Востановление леса на вырубках. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 116 с.
6. Янтемир В.М. Новое на лесозаготовках Марийской республики. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. – 44 с.

УДК 7.08

Е.В. Дианова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Россия*

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ДЕРЕВЕНСКИХ МОДЕРНИЗАТОРОВ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1920-Х ГОДОВ

Статья посвящена репрезентации зрительных образов передовых людей доколхозной деревни в советском кино 1920-х гг. Выявлены основные типы деревенских модернизаторов: сельские комсомольцы, шефы или отпускники, демобилизованные красноармейцы и моряки-краснофлотцы. В качестве источника использованы печатные материалы 1920-х гг., списки фильмов для деревенского проката с аннотациями, интернет-ресурсы, а также некоторые сохранившиеся до наших дней кинокартины. Герменевтический анализ немое кино позволяет выявить его смысл в контексте исторической эпохи, обнаружить как явные, так и мало-заметные инновации, касающиеся как сельского социума (раскрепощение женщины), так и сельского хозяйства (трактор). Весьма значимым явлением аграрной модернизации выступало создание сельскохозяйственных кооперативов, в том числе машинных товариществ. В фильмах 1920-х гг. демонстрируется активная деятельность деревенских комсомольцев по созданию различных производств на коллективных началах. В обновлении села участвовали также отпускники, демобилизованные красноармейцы и моряки-краснофлотцы. Именно им принадлежала ведущая роль модернизаторов деревни.

Ключевые слова: кинематограф, немое кино, визуальный образ, модернизатор, комсомольцы, красноармейцы, сельское хозяйство, кооператив.

E.V. Dianova

VISUAL IMAGE OF VILLAGE MODERNIZERS IN THE SOVIET CINEMA OF THE 1920s

The article is devoted to the representation of visual images of the advanced people of the precollective farm village in the Soviet cinema of the 1920s. The main types of village modernizers are identified: rural komsomol members, chiefs or vacationers, demobilized Red Army soldiers and Red Navy sailors. Printed materials from the 1920s, lists of films for rural rental with annotations, Internet resources, also some films that have survived to this day are used as a source. Hermeneutical analysis of silent cinema allows us to reveal its meaning in the context of the historical epoch, to detect both obvious and subtle innovations concerning both rural society (emancipation of women) and agriculture (tractor). A very significant phenomenon of agrarian modernization was the creation of agricultural cooperatives, including machine partnerships. The

films of the 1920s demonstrate the active activity of village komsomol members to create various productions on the collective basis. Vacationers, demobilized Red Army soldiers and Red Navy sailors also participated in the renewal of the village. The leading role of the modernizers of the village belonged to them.

Keywords: cinematography, silent cinema, visual image, modernizer, komsomol members, Red Army men, agriculture, cooperative.

В первое десятилетие советской власти основное назначение кинематографа сводилось к «пропаганде новых социалистических элементов в хозяйстве, в общественных отношениях, в быту, в личности человека». От кинематографистов требовалось участие в борьбе против пережитков старого строя, политическом просвещении масс, «воспитании и организации их вокруг культурных, экономических и политических задач пролетариата и его партии, осуществляемых в период социалистического строительства», чтобы «развлекательный» материал кино организовывал мысли и чувства зрителя в нужном пролетариату направлении» [3, с. 447]. Кино должно было «расширять кругозор и опыт крестьянина, выводить его из рамок деревенской ограниченности», «приближая сельское население к пониманию общих задач социалистического строительства и тем самым вовлекая его в процесс перестройки сельского хозяйства на коллективистских началах» [3, с. 446].

В сельской местности демонстрировались картины, рекомендованные для деревенского проката. Именно в них часто встречаются образы носителей инновационных идей, способных изменить жизнь села. В группу экранных героев-модернизаторов входили деревенские комсомольцы, городские жители, шефы или отпускники, демобилизованные красноармейцы и моряки-краснофлотцы. Если учесть, что в 1920-е гг. было немое кино, то перед постановщиками стояла задача сделать образ киногероя более выпуклым, привлекательным, запоминающимся. В данной статье анализируются некоторые сохранившиеся кинокартины и аннотации к фильмам 1920-х гг. Основными источниками являются рекомендательные списки фильмов для деревни, интернет-ресурсы с кинокартинами и краткой информацией о них, что позволяет выявить основных представителей модернизации советской деревни.

В отечественном кинематографе отразилась идея прогрессивного влияния города на деревню и пролетариата на крестьянство. В то время считалось, что «рабочий класс должен стать во главе всех трудящихся, подтянуть их всех к себе, пропитать их своим духом» [9, с. 280], или, по словам основоположников марксизма, вырвать «значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» [12, с. 5].

В 1925 г. на киностудии «Севзапкино» режиссер Алексей Дмитриев по сценарию Михаила Бойтлера снял картину «На верном следу» (другое название «На новом фронте»). Основные мужские роли в фильме сыграли Борис Барнет, Петр Репнин, Лев Свердлин. Оптимистическая драма показывала жизнь молодежи первых лет советской власти. Сюжет фильма довольно прост: «Комсомольцы московского завода “Серп и молот” направляют в деревню группу активистов. Разоблачив орудующую на селе банду кулаков, молодые рабочие ведут борьбу за оживление клубной

работы, налаживают сельскохозяйственную мастерскую, воспитывают у деревенских комсомольцев любовь к спорту, устанавливают связь глубинных районов с почтовым отделением. Весной в Москве на спортивных состязаниях происходит встреча москвичей с деревенскими друзьями» [14]. Фильм «На верном следу» подтверждал прогрессивное влияние города на деревню и столицы на провинцию, соединенное с революционным энтузиазмом молодежи и комсомольцев.

В 1920-е гг. демобилизованные красноармейцы или приехавшие на побывку домой отпускники, получившие во время службы в рядах Красной Армии соответствующую идейно-политическую подготовку, могли оказать содействие обновлению родной деревни. На местах военнотруженики, рядовые и командиры выступали модернизаторами, призванными бороться с темнотой и отсталостью сельских жителей, помогать им в организации потребительских обществ, машинных товариществ, сельскохозяйственных кружков, во внедрении передовых агротехнологий.

В 1924 г. в газете «Северная деревня», выходившей в Архангельске, была напечатана заметка «Отпускник – ты первый в деревне». В ней давался наказ отправившемуся в отпуск красноармейцу: «Отпускник, тебя два–три года обучали в Красной Армии. Сейчас ты передовой (человек) в советской деревне». Отпускник-красноармеец превращался в культуртрегера, способного помочь крестьянам своей деревни не только «побороть остатки старого рабства, невежество и безграмотность» [15, с. 1], но и построить там школу, открыть избу-читальню, организовать потребительское общество, сельскохозяйственное товарищество.

Резолюция XIII съезда РКП(б) указывала на то, что «Красная Армия должна быть всемерно использована для связи с деревней. Через отпускников, кадровый состав территориальных частей, допризывников, через письма красноармейцев необходимо деревню приблизить к текущим задачам советской государственности» [17, с. 646]. Партийные решения давали социальный заказ на создание соответствующих агитфильмов, в которых бы освещалась роль военнотружеников в преобразовании деревни. Например, в фильме «Всем на радость» (1924) сюжет картины разворачивался вокруг событий, связанных с возвращением солдата в деревню после службы в Красной Армии. Политически грамотный демобилизованный красноармеец сумел наладить кооперативную торговлю, в результате сельпо полностью вытеснило кулака [4, с. 101].

В 1924 г. на кинофабрике «Севзапкино» снят фильм режиссера Якова Посельского «Бедняку впрок – кулаку в бок» (другое название «Защита крестьянина»), где на первый план тоже выдвинут красноармеец – передовой человек советской эпохи. В фильме показано, как приехавший в деревню красноармеец Иван Лопатин убеждает крестьян в необходимости страхования скота и построек в органах Госстраха. Но кулак по совету попа поджигает двор Лопатина. Пожар уничтожает половину села, а поп, поссорившись с кулаком, сообщает крестьянам имя поджигателя. Кулака арестовывают, а крестьяне получают страховку от государства. Картина заканчивается документальными кадрами выступления М.И. Калинина перед рабочими [1].

Пояснение 1920-х гг. к фильму «Крепыш» (Госвоенкино, 1926) в общих чертах передавало его сюжет: «Агитка, правдиво и жизненно рисующая общественную дея-

тельность красноармейца-отпускника в деревне. Затрагивает также тему о ненормальных нравах и быте деревенских комсомольцев. Борьба старого уклада деревни с новыми общественными силами» [4, с. 102]. Современная аннотация раскрывает некоторые подробности: «В деревню Лиски, где хозяйничают жулик-кооператор и кулак-мельник, возвращается демобилизованный боец Крепыш. Он завоевывает симпатии бедняков. Кулаки вредят его деятельности. На фоне этих событий разворачивается история любви Крепыша и батрачки Аксюши» [6].

В 1927 г. в честь 10-летия Октябрьской революции вышло постановление ЦИК СССР с названием «Манифест ко всем рабочим, трудящимся, крестьянам, красноармейцам Союза СССР. К пролетариям всех стран и угнетенным народам мира». В этом постановлении говорилось о достижениях Советской власти и Вооруженных сил СССР. Красная Армия и Красный Флот «не только увеличивают свою боеспособность, но и превращаются в первоклассную культурную силу: вместо алкоголизма, карт и венерических болезней, которые приносились в деревню солдатами царской армии, Красная Армия несет книгу, электрическую лампочку, многополье» [16, ст. 613].

Высокая оценка РККА и РККФ подвигла кинематографистов на дальнейшее создание кинокартин об участии военнослужащих в обновлении деревенской жизни. Из сохранившихся немых фильмов, относящихся к данной теме, можно назвать картину режиссера Льва Шеффера «Красавица Харита» (Совкино, 1927), получившую и другие названия «Двор» и «Нелепое сердце». В написании сценария фильма приняли участие Лев Шеффер и Ипполит Соколов. Аннотация в печатных изданиях 1920-х гг. довольна лапидарна: «Роль красноармейца-отпускника в деревне. Рациональная постановка молочного хозяйства. Борьба с кулаком. Тип новой женщины в деревне» [4, с. 102]. Аннотация с сайта «Кино-Театр.РУ» дает дополнительные сведения: «По мотивам рассказа Анны Караваевой “Двор” о классовой борьбе в советской деревне в период организации первых колхозов. О двух крестьянских семьях – середняка Степана Заломина и кулака Маркела Бурмина. Красавица Харита – это корова Степана, которую тот отдал в общественное стадо» [7].

Аннотация телеканала «Культура» раскрывает еще новые подробности: «Сюжет развивается в украинской деревне в начале 1920-х годов. Главный герой Степан Заломин недавно вернулся с Гражданской войны, где служил в Красной армии. А сын его соседа – зажиточного крестьянина Бурмина – в эти годы ухаживал за женой Степана. Заломин прогнал неверную супругу, и она поселилась у Бурминых, а те потребовали у бывшего мужа “приданое” – корову Хариту. Однако у главного героя были другие планы: с Харитой он вступил в сельхозартель и стал председателем. По заданию Бурмина Степана Заломина ранили, однако врагов арестовали» [8].

Просмотрев картину, где действие сопровождают текстовые вставки на украинском языке, можно сделать герменевтический анализ фильма путем выявления смысла данного произведения искусства в контексте исторической эпохи. В фильме показано сельское общество с непростыми межличностными отношениями, патри-

архальными пережитками и новациями, присущими советской действительности, например, такими как радио.

В качестве модернизаторов представлены бывший буденовец Степан Заломин и его новая подруга. Прогнав неверную жену Марину, он взял к себе жиличку Липу, только что приехавшую из города. Она отличается от деревенских женщин, в том числе и от Марины, тем, что по двору ходит не босиком, а в туфлях, волосы острижены по городской моде и на голове у нее не платок, а красная косынка. Как характерный признак эпохи нэпа в фильме показан сельскохозяйственный кружок (гурток), организованный Степаном Заломиним. Занятия кружка проходят в его дворе, где в качестве подопытного животного фигурирует его же корова Харита. При помощи агронома Липа демонстрирует правила ухода за коровой: при необходимости соски смазывать вазелином, перед доением мыть вымя чистой водой, молоко процеживать через чистую ткань. Во время занятий кружка сельский агроном дает указание о правильном кормлении домашнего скота: «Корми корову по весу». Тут же проводятся обмеры Хариты, выясняется, какое количество кормов требуется для нее. Агроном рекомендует использовать сильные корма, тогда корова даст больше молока. Во время показательных мероприятий во двор к Заломину заходит председатель сельсовета и предлагает членам кружка организовать машинное товарищество, а Степана избрать его председателем.

На другой день Степан отправился в город, чтобы купить плуг и сеялку для товарищества. Когда он возвращался из города, в него выстрелил односельчанин – бедняк, взявшийся по наущению соседа Бурмина совершить преступление за вознаграждение (брюки, жилетку и годинник, или часы). Раненого Степана лошадь привозит к дому, его обнаруживает Липа. В это время во дворе у соседей разгорается ссора из-за того, что Бурмин отдал только старые брюки и ношеную жилетку, но бедняк стал требовать часы. На его крик сбегались люди, убийцы были установлены и взяты под стражу. В тот же день члены машинного товарищества провели испытание нового плуга, куда, несмотря на ранение, пришел и Степан Заломин. Фильм заканчивается изображением красавицы Хариты, спокойно жующей жвачку на дворе хозяина. Возможно, в общественное стадо ее отведут спустя некоторое время, т. е. с началом сплошной коллективизации.

Роль красноармейского шефа в деревне показал в фильме «Водоворот» (Совкино, 1927) режиссер и сценарист Павел Петров-Бытов. Вместе со сценаристом Ольгой Вишневской он стремился воссоздать на экране «столкновение между бедняками-активистами и кулаком на почве организации артели». По мнению драматурга К.И. Фельдмана, фильм Павла Петрова-Бытова «Водоворот» (другое название «Страда») знаменовал «собой значительный сдвиг в плане оформления деревенской картины» и был «сделан на новейших формальных приемах советского кино». Однако, несмотря на то что режиссер решительно порвал «с пошлой традицией, которая требовала для деревни какого-то второсортного киноискусства», тематика картины оказалась «целиком в плену у старой формулы»: «Кулак-мельник в “Водовороте” организует покушение как против выстроенной общественной мельницы, так и

против строителя-красноармейца (традиционный сын кулака, преследующий девушку, заменен самогонщиком, председателем исполкома)» [2].

Вместе с тем К.И. Фельдман критически отозвался о сложившейся в советском кинематографе известной формуле деревенских кинофильмов: «Красноармеец приезжает в отпуск, организует кооператив, тракторное хозяйство и т.д., ущемляет этим хозяйственные интересы кулака. Этот же красноармеец отбивает у кулака любимую девушку. В результате этого двойного соперничества (экономического и романтического) кулак пытается поджечь кооператив и убить парня, но революционная деревня бодрствует, кулак посрамлен и т.д. Прибавьте к этому теорию необходимых, якобы, для деревни чрезвычайно упрощенного монтажа и допотопной съемки – и вот вам весь сюжетный и формальный рецепт деревенской фильмы. По этому образцу с трогательным единодушием, не считаясь с различием бытовых и национальных особенностей различных республик Союза, Москва и Одесса, Казань и Ташкент, Саратов и Владивосток – сработали уже не один десяток лент» [2].

Наряду с красноармейцами в преобразовании села участвовали моряки. Фильм режиссера Якова Уринова «Матрос Иван Галай» (Межрабпомфильм, 1929) снят по сценарию Нины Агаджановой: «Крестьянин села Воронково бедняк Галай написал письмо сыну – краснофлотцу Ивану. Он просил его помочь односельчанам-безлошадникам избавиться от кабалы местного мироеда, кулака Жамкина. Иван хлопотал отпуск и отправился в родное село. В момент приезда Ивана председатель сельсовета, влюбленный в дочь кулака, готовился утвердить кабальные договоры Жамкина с крестьянами на сдачу в аренду пустующих земель» [13]. Надо полагать, что своевременный приезд матроса-отпускника и его вмешательство в борьбу деревенской бедноты с кулаками сорвали коварные планы мироеда Жамкина.

В список кинофильмов, разрешенных для деревни, вошли картины, в которых внимание зрителей акцентировалось на противостоянии бюрократов и молодых энергичных активистов, способных преодолеть различные препоны. В 1927 г. на киностудии «Межрабпомфильм» режиссер Яков Протазанов снял комедию «Дон Диего и Пелагея». Роль Пелагеи Деминной сыграла Мария Блюменталь-Тамарина, роль начальника железнодорожной станции «дона Диего» исполнил Анатолий Быков. Автором сценария был писатель Александр Зорич, использовавший для него свой фельетон «Дело Пелагеи Деминной», напечатанный в газете «Правда». В фельетоне А. Зорич рассказал необычную историю: «Начальник маленькой железнодорожной станции – пустой и неумный человек – увлекается чтением рыцарских романов и отождествляет себя с идадьго по имени дон Диего. Распаленный июльской жарой, он злится на очередной поезд, отрывающий его от захватывающего романа, и приходит в неистовство, когда видит старушку с кринкой молока и лукошком ежевики, переходящую рельсы в неположенном месте. “Дон Диего” задерживает недоумевающую Пелагею Демину, составляет протокол о нарушении железнодорожных правил и направляет протокол по инстанциям.

Старушку вызывают в суд, но повестка не доходит до нее. Разгневанный судья приказывает силой привести обвиняемую и приговаривает ее к трем месяцам заключения. Убогому хозяйству Пелагеи и ее дряхлого больного мужа грозит полное разорение: коза остается недоенной, а картошка гниет в огороде.

Возмущенная формализмом и бездушием, в дело вмешивается комсомольская ячейка деревни. Она берет шефство над хозяйством Деминых». На заседании, рассмотрев вопрос «о деле Пелагеи Деминой, об огороде и козе», комсомольцы принимают решение: «Выяснить в суде, обслужить огород и козу силами ячейки». Комсомольская ячейка «направляет в город делегатов с протестом против издевательства над стариками» [10, с. 418].

Активные комсомольцы, «преодолев многочисленные бюрократические препоны», с помощью секретаря уездного комитета партии помогли старушке Пелагее выйти из дома предварительного заключения. «Вернувшись домой и обнаружив образцовый порядок, наведенный у них молодежью, Пелагея и старик приходят в ячейку и обращаются с просьбой: “А нельзя ли и нам в комсомол?” Ребята смеются так заразительно, что не выдерживает даже стоящий в углу бюст М.И. Калинина, и на гипсовом лице всесоюзного старосты расплывается добродушная улыбка» [10, с. 419].

Просмотр сохранившегося фильма «Дон Диего и Пелагея» дает увидеть боковые линии сюжета. На втором плане разворачивается еще одна комическая история, в которой участвует приехавший из города член общества изучения деревни Михаил Иванович Жаров (актер Михаил Жаров). Цель его визита в сельскую местность заключалась в знакомстве с сельскохозяйственной артелью. Вместе с комсомольцами он осматривает поле, где молодой работник артели показывает крупные колосья и говорит: «Вот наш агитпроп, товарищ. Спервоначально мужики топтать ходили, а теперь сами по-нашему сеют». Консервативно настроенные крестьяне вытаптывали сеянцы на опытном поле, но когда выращенные на основе советов агронома зерновые культуры оказались лучше, чем на обычных полях, они сами стали перенимать передовой опыт. Понаблюдав за работой на зерновом току, М.И. Жаров отправляется в «Опытный коровник ячейки ВЛКСМ имени всесоюзного старосты», где в качестве дегустатора с удовольствием выпивает стакан молока. Затем, взяв в руки свеклу и говоря: «Очень мило», спрашивает: «Озимая или яровая?» Пренебрегая техникой безопасности, он появляется на пасеке без защитной лицевой сетки, где на него нападают пчелы. Командировка члена общества изучения деревни завершается его скорым отъездом в город.

Острая для конца 1920-х гг. тема «классовой борьбы в деревне на почве эксплуатации кулаками бедноты и стремления последней создать свое коллективное хозяйство» также отразилась в фильмах того времени. Режиссер Борис Шелонцев воплотил в фильме «Марий Кужер» (1928) (другое название «На новых путях») идею преобразования марийской деревни. Сюжет фильма «Марий Кужер» строился на истории создания колхоза в одноименной деревне: «Вначале в него записались 17 бедняков, но вскоре осталось всего четверо. Их главным врагом был деревенский кулак Чавай. Пообещав помочь колхозу деньгами, он начал разваливать его

изнутри. Его несостоятельный должник Изерге соглашается выдать свою дочь-красавицу Начук за сына Чавая – Юшкану. Хотя она была невестой главного героя ленты Актая Шуматова, который учился в городе на курсах агрономов. Начавшуюся свадьбу прервал отец невесты Изерге, вовремя поняв свою ошибку. А вернувшийся из города комсомолец Актай стал во главе колхоза, откуда с треском выгнали Чавая» [11]. Здесь передовые силы деревни представляет комсомолец Актай, прошедший обучение в городе.

В фильме «Смеется жизнь» (Совкино, 1928) режиссер Александр Усольцев-Гарф представил напряженную работу комсомольцев по созданию коллективного племенного коневодческого хозяйства. После ряда неудач комсомольцам удалось сломить инерцию крестьян и организовать племхоз. Кинокартина вошла в рекомендательный список фильмов к кампании Международного женского дня 8 марта, где его сопровождала такая аннотация: «Комсомольская ячейка в деревне, пытающаяся провести кампанию за создание высшей лошадиной породы. Сопротивление кулацких и мещанских элементов. Победа комсомольской ячейки. Одновременно развивается интрига любви девушки к парню из ячейки и ее борьба за собственное освобождение» [5, с. 10].

Режиссер Илья Кравчуновский посвятил картину «Когда зацветут поля» (Совкино, 1929) (другие названия «Хозяин пустыря» и «Два брака») тому, как на месте монастырского сада молодежь организует коллективное хозяйство. Несмотря на вредительство кулака, колхозу удалось достичь определенных успехов. В сатирической комедии «Третья молодость» (Совкино, 1929) (другое название «Сноповязалка») режиссера Владимира Шмидтгофа-Лебедева на фоне противостояния деревенских кулаков, препятствующих внедрению новой техники (сноповязалок), и бедняков разворачивается борьба за организацию машинного товарищества и приобретение трактора. Аналогичный сюжет содержит агитфильм «Железная лошадь» (Совкино, 1928). Режиссер Оскар Галлай создал кинопьесу о механизации крестьянского труда на селе, о борьбе деревенской бедноты за организацию машинного товарищества и применение трактора в сельском хозяйстве [4, с. 102].

Таким образом, можно сказать, что в советском кинематографе 1920-х гг. представлены основные образы модернизаторов советской деревни. Наиболее широко отражено участие в преобразовании села демобилизованных красноармейцев и отпускников, военнослужащих РККА и моряков РККФ. В рекомендательные списки кинокартин для деревни вошли немые фильмы «Бедняку впрок – кулаку в бок», «Водоворот», «Красавица Харита», «Крепыш», «Матрос Иван Галай» и другие картины. Они через экран транслировали идею единства Красной Армии и народа, что затем в 1930-е гг. отразилось в звуковых фильмах, например в комедии «Трактористы».

В списке фильмов, рекомендованных для деревни, имелись картины об организации сельскохозяйственных артелей и товариществ. В выбранных для анализа картинах «Дон Диего и Пелагея», «Марий Кужер», «Железная лошадь», «Когда зацветут поля», «Третья молодость», «Смеется жизнь» показывалась борьба деревенских молодых активистов против местных богатеев, препятствовавших объединению кре-

стьян в коллективное хозяйство или кооперативное товарищество. На экране сельские жители могли увидеть различные виды производственных кооперативов: сельскохозяйственную артель, коневодческий племхоз, машинное товарищество. Инициаторами их создания выступали деревенские комсомольцы, готовые преодолеть все преграды на своем пути. Как правило, им приходилось вступать в борьбу с местными «кулаками» и «мироедами», препятствовавшими реализации их далеко идущих планов.

В советском кинематографе отражались социально значимые паттерны поведения, становившиеся жизненными ориентирами для подрастающих поколений. Зрительные образы модернизаторов вписывались в реально воссоздаваемые картины сельского социума, будь то русская деревня или украинское село. Сохранившиеся фильмы являются бесценным историческим источником с точки зрения визуальной антропологии. Они воспроизводят аутентичность обстановки доколхозной деревни 1920-х гг. с ее мелкими индивидуальными крестьянскими хозяйствами, патриархальными устоями, традициями и обычаями. В то же время в них в мельчайших деталях отразились характерные маркеры советской эпохи, свидетельствующие о модернизации страны.

Источники и литература

1. «Бедняку впрок – кулаку в бок» (1924) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kino-teatr.ru/short/movie/sov/11278/annot> (дата обращения: 25.04.2022).
2. «Водоворот» (1927) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/816/> (дата обращения: 23.04.2022).
3. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения: Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦК и ЦКК ВКП(б) / сост. А.Я. Подземский. 3-е изд. – М.–Л.: ОГИЗ, 1931. – 495 с.
4. Каринцев Н.А. Киноработа потребительской кооперации в деревне. Рук. для инструкторов-культурников, киноинструкторов и киномехаников. – М.: Центросоюз, 1930. – 151 с.
5. Кинофильмы к кампании Международного женского дня 8 марта. – М.: Теа-кино-печат, 1929. – 12 с.
6. «Крепыш» (1926) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/8617/annot/> (дата обращения: 25.04.2022).
7. «Красавица Харита» (1927) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/15813/annot/> (дата обращения: 23.04.2022).
8. «Красавица Харита» – «Двор» – «Нелепое сердце» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/14890/krasavica-kharita-dvor-nelepoe-serdce> (дата обращения: 23.04.2022).
9. Крупская Н.К. О политпросветработе в рабочей среде // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. Т. 7. Основы политико-просветительной работы. – М.: Изд-во АПН СССР, 1959. – С. 274–283.
10. Лебедев Н.А. Очерк истории кино СССР: немое кино (1918–1934). – 2 изд. – М.: Искусство, 1965. – 582 с.
11. «Мари Кужер» (1929) [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 23.04.2022).
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 1–24.

13. «Матрос Иван Галай» (1929) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/46565/> (дата обращения: 23.04.2022).

14. «На верном следу» (1925): сюжет и актеры [Электронный ресурс]. URL: <http://films.imhonet.ru/element/202563/> (дата обращения: 25.04.2022).

15. Северная деревня. – 1924. – 20 апр.

16. Собрание законов и распоряжений правительства СССР. – 1927. – № 61.

17. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стеногр. отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – 884 с.

УДК 94(470.41)

И.К. Загидуллин

*Центр исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ТАТАРСКИХ ДЕРЕВНЯХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 Г.)

Статья посвящена анализу этноконфессиональной ситуации (конфессиональная идентичность и этническая идентификация по родному языку) жителей татарских населенных пунктов Казанской губернии в конце XIX в. на основе исследования ответов запрашиваемых о родном языке и вероисповедании, зафиксированных в переписных листах Первой всеобщей переписи населения за 1897 г. и сопоставления материалов данного единовременного учета с данными губернского статистического комитета за этот год. В Государственном архиве Республики Татарстан отложились переписные листы нескольких татарских населенных пунктов Спасского, Свияжского, Лаишевского и Чистопольского уездов, ставшие объектом изучения. Делается вывод о том, что анализ переписных листов свидетельствует о более разнообразной этноконфессиональной ситуации по родному языку и конфессиональной идентичности у татар, чем представлено в опубликованных материалах переписи 1897 г.

Ключевые слова: Казанская губерния, татарские крестьяне, крещеные татары, Первая всеобщая перепись населения 1897 г., этноконфессиональная идентичность, родной язык.

I.K. Zagidullin

THE ETHNO-CONFESSIONAL SITUATION IN TATAR VILLAGES OF KAZAN PROVINCE AT THE END OF THE 19th CENTURY (ON THE MATERIALS OF THE FIRST GENERAL CENSUS POPULATION OF 1897)

The article is devoted to the analysis of the ethno-confessional situation (confessional identity and ethnic identification by native language) of the inhabitants of the Tatar settlements of Kazan province at the end of the 19th century based on the study of the answers requested about the native language and religion recorded in the census sheets of the First General Population Census for 1897 and the comparison of the materials of this one-time accounting with the data of the provincial statistical committee for this period year. The State Archive of the Republic of Tatarstan has deposited the census sheets of several Tatar settlements of Spassk, Sviyazhsk, Laishevo and Chistopol uyezds, which have become the object of study. It is concluded that the

analysis of the census forms proves a more diverse ethno-confessional situation in the native language and confessional identity of the Tatars than is presented in the published materials of the 1897 census.

Keywords: Kazan province, Tatar peasants, baptized Tatars, the First General Population Census of 1897, ethno-confessional identity, native language.

Важнейшим источником в изучении динамики численности, состава и расселения, демографической и социально-экономической характеристики этноса в прошлом являются переписи — статистический учет каждого жителя страны по специально разработанной программе. В основу проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. было положено подворное обследование. Формуляром для первичных записей была избрана хозяйственная ведомость, названная переписным листом. Первоначально планировалась собрать информацию по 14 признакам: 1) имя, отчество и фамилия или прозвище; 2) семейное положение (холост, женат, вдов, разведен); 3) отношение к хозяину (родственник, свойственник, приемыш или жилец, прислуга, работник и т.п., а равно взаимные семейные отношения лиц, не принадлежавших к семейству хозяина); 4) пол; 5) возраст; 6) состояние или сословие; 7) вероисповедание; 8) место рождения; 9) место постоянного жительства или место приписки, а для иностранцев, сверх того, и подданство; 10) место постоянного пребывания; 11) родной язык; 12) грамотность; 13) занятие; 14) важнейшие физические недостатки (слепота, немота, глухонемота, душевные болезни). Главная переписная комиссия нашла и без того обширную программу недостаточно полной и включила в переписные листы дополнительно несколько пунктов: вопрос о всеобщей повинности, вопрос о грамотности был разбит на два вопроса (умеет ли читать и где обучался), как и вопрос о занятии (на вопросы о занятии главном и побочных). Вся указанная информация должна была фиксироваться переписчиками из устного расспроса людей, и никаких документов, подтверждающих правильность этих сведений, не требовалось. Главной переписной комиссией были разработаны три формы переписных листов. Они нумеровались как формы А, Б, В и выдавались бесплатно.

Переписной лист формы А предназначался для заполнения в сельских обществах. На 1-й (титulyной) странице записывались название селения (поселка), волости, уезда, губернии, номер переписного участка; фамилия, имя, отчество хозяина двора, принадлежность двора данному лицу; число жилых строений, из какого материала каждое из них сделано и чем крыто. Здесь также представлена таблица для подсчета населения (в хозяйстве) в день, к которому приурочена перепись (для записи уже зафиксированных сведений при повторной проверке 28 января 1897 г. — *И.З.*). На 2-й и 3-й страницах в таблице были напечатаны вышеперечисленные вопросы [21, с. 22–23].

Целью данной статьи является анализ этноконфессиональной ситуации (конфессиональная идентичность и этническая идентификация по родному языку) в татарских населенных пунктах в конце XIX в. на основе исследования ответов испрашиваемых о родном языке и вероисповедании, зафиксированных в переписных лис-

тах Первой всеобщей переписи населения за 1897 г., и сопоставления материалов единовременного учета с данными губернского статистического комитета за этот год. В Государственном архиве Республики Татарстан отложились переписные листы нескольких татарских населенных пунктов Спасского, Свяжского, Лаишевского и Чистопольского уездов, ставшие объектом нашего изучения.

Разработчики переписных листов, из лучших побуждений и желая исправить кальку «магометанское», широко используемое в делопроизводственной документации имперских структур, и приблизить к правильному произношению, в «Наставлении сельским счетчикам» рекомендовали записать религию последователей ислама как «мусульманское вероисповедание» или сокращенно «мус».

Данное новшество вызвало беспокойство среди мусульман, более того, некоторые из них стали отказываться от записи своего вероисповедания как «мусульманское». В переписных листах дер. Большие Кушманы Свяжского уезда часть жителей записалась как магометане («магом»), однако затем счетчик исправил эту запись на «мусульм.» [13, л. 26, 27, 30–32, 138–143, 145–147, 157]. Несколько крестьян дер. Кутлушкино Чистопольского уезда указали свое вероисповедание «ислам», счетчик при сдаче переписных листов исправил эти записи на «мус.» [12, л. 3, 39, 66]. В дер. Бердебяково Челны Лаишевского уезда записались «мусульманами» [10, л. 1–80, 113–170]. Вероисповедание жителей населенных пунктов Мамадыш Акилово и Татарское Мамадыш Тявгильдино Свяжского уезда счетчик записал как «магометан. мусульман» [14; 15].

Итак, в условиях опасения подлога со стороны властей искреннее намерение Главной переписной комиссии исправить грубую кальку в официальном обозначении последователей ислама (магометане) в «мусульмане» вызвало у татар-мусульман защитную реакцию.

Крещеные татары учеными делятся на «старокрещеных», принявших крещение до первой ревизии 1722 г., и «новокрещеных», записанных или записавшихся христианами в послепетровский период российской истории [23, с. 276]. В XIX в. «новокрещеные» в большинстве своем вернулись в религию своих дедов, что не признавалось властями.

По данным полиции 1895 г., конфессиональные группы татар Казанской губернии между собой подразделялись следующим образом: мусульмане – 89,5%, возвратившиеся в ислам крещеные татары – 4,5% (32004 чел.), крещеные татары – 6% [18, л. 41–44].

В 1897 г. крещеные татары, возвратившиеся в ислам, воспользовались этой возможностью зарегистрироваться в переписных листах мусульманами.

**Соотношение данных полиции 1897 г. и Всеобщей переписи населения
о конфессиональном составе татар Казанской губернии [24; 26, с. 102–104]**

Татары по вероисповеданию	Статистические данные 1897 г.			
	полиции		всеобщей переписи	
	всего	%	всего	%
Мусульмане	646365	89,5	632567	93,7
Возвратившиеся в ислам крещеные татары	32068	4,5	–	–
Крещеные татары	43428	6,0	42670	6,3
Итого	721861	100	675237	100

Прежде чем перейти к анализу данной таблицы, следует отметить, что ежегодно осенью посредством полиции Губернский статистический комитет собирал статистические сведения в органах крестьянского и городского самоуправления. В материалах Губернского статистического комитета учитывались сельские жители, крестьяне, имевшие душевые надель, без учета их наличия или отсутствия в поселении в момент фиксации полицией, и постоянно проживающие в населенных пунктах уроженцы других местностей. Этим объясняется превышение численности татар в статистике полиции.

Как видно из таблицы, по данным полиции 1897 г., «отпавшие» в ислам крещеные татары составляли 32068 человек, или 4,5% татарского населения губернии, крещеные татары – 6%, мусульмане – 89,5%. По материалам всеобщей переписи 1897 г., среди татар православные составляли 6,3%. Увеличение удельного веса православной группы в составе татар губернии по данным всеобщей переписи свидетельствует о том, что счетчики из числа миссионеров исправляли часть переписных листов «отпавших» в ислам и тем самым несколько увеличили численность крещеных татар.

В 1897 г. впервые в России предстояло тотально испросить о родном языке этнические группы населения, проживающие в абсолютном большинстве по нормам традиционного общества, в котором родной язык не всегда являлся главным критерием для идентификации собственной личности.

В «Алфавитном списке народов, обитающих в Российской империи», изданном Комитетом министров в преддверии переписи в качестве справочника для ее организации и проведения, указывалось проживание в Казанской губернии только татар, «мещеряки» были «распределены» по соседним губерниям [1, с. 52–53, 66–67]. Между тем в Казанской губернии проживали две этнографические группы татар: казанские татары и татары-мишаре – бывшие служилые татары, владевшие своими земельными наделами на основе четвертного права. В ежегодных полицейских статистических данных они фиксировались как «мещеряки». Так, в «Обзоре Казанской губернии за 1897 г.» было зафиксировано 4154 мещеряка [25]. Однако в материа-

лах Первой всеобщей переписи населения по Казанской губернии «мещеряки» отсутствуют [22, с. 21, табл. 2].

В позднеимперский период конфессиональная принадлежность являлась системообразующим элементом в формировании самосознания, стержнем религиозно-духовной жизни и культурного развития традиционных этноконфессиональных общин. Этим обстоятельством объясняется запись частью жителей деревень Абдуллово Салманы [3, л. 1 – 26 об.] и Старые Салманы Спасского уезда родного языка как «мусульманский» [2, л. 21 – 40 об., 43 – 80 об.; 3, л. 27 – 70 об.], а другой частью – «татарский» [2, л. 1 – 20 об., 41 – 42 об.; 4–9].

В дер. Большие Кушманы Свяжского уезда в переписных листах родной язык всех жителей, за исключением четырех человек, был учтен как «мусульман», однако при сдаче материалов счетчик исправил эти записи на «тат.» [13]. В этом населенном пункте «татарский» родным языком, как правило, записывали лица, имеющие постоянные контакты с полиэтническим населением края. Такими старшими домохозяевами оказались: проживающий один 60-летний «сборщик подаваний», 40-летний «ломовой извозчик», проживающий с женой 33-летний земледелец и 51-летний семейный крестьянин [13, л. 148–149, 152–155, 158–159].

Этноконфессиональные предпочтения татарских крестьян Казанской губернии по данному вопросу также зафиксированы в рапортах представителей жандармерии и полиции, занимавшихся выявлением подстрекателей массовых волнений в крае. Согласно рапорту жандармского унтер-офицера А. Семенова, совершившего 14–18 января 1897 г. наблюдательную поездку по населенным пунктам Лаишевского уезда, в д. Новый Арыш Карабаяновской волости во время переписи в одном из домов глава семейства поинтересовался у счетчика: «Как ты пишешь: какой веры и язык?» Счетчик ответил: «Пишу веру магометанскую, а язык – татарский». Услышав это, хозяин дома потребовал: «Веру пиши магометанскую, а язык наш – турецкий» («төрки». – *И.З.*). Вскоре об этом разговоре узнали остальные жители деревни, отобрали у счетчика заполненные переписные листы и прервали учет населения [19, л. 71].

В родной деревне татарского писателя Г. Исхаки – Кутлушкино Чистопольского уезда, где муллой состоял его отец, жители называли родным языком «татарский», «тюркский», а также несколько раз «тюрко-татарский» и «тюрко-мусульманский» языки [12]. Практически все записи счетчик позже исправил на «тат».

Согласно переписным листам населенных пунктов Казанской губернии, татарский родным языком указали жители деревень Мамадыш Акилово и Татарское Мамадыш Тявгильдино Свяжского уезда [4–7], Больше-Метесковского общества Лаишевского уезда [11].

Высказанные в 1897 г. разные варианты именованя татарами родного языка не выступали разъединяющим фактором этноконфессионального сообщества, потому что для населения самоидентификация проходила, главным образом, по религиозному принципу. В конце XIX в. среди татар-мусульман язык, по сравнению с религией, считался второстепенным элементом этноконфессионального сообщества [20, с. 54].

Опубликованные материалы переписи 1897 г. по губерниям Волго-Уральского региона позволяют утверждать о том, что крещеные татары признавали родным языком татарский. Это подтверждается сохранившимися переписными листами жителей нескольких крещено-татарских деревень Казанской губернии.

Переписной лист, собственноручно составленный священником церкви с. Уреево Челны Лаишевского уезда 38-летним Илларионом Архипом Илларионовым, выпускником Казанской центральной крещено-татарской школы, был пронумерован как № 1 [6, л. 1 – 1 об., 4]. Его текст примечателен как источник, иллюстрирующий духовно-культурные ориентиры представителя крещено-татарской интеллигенции и главы большого семейства. На момент заполнения переписного листа старшая дочь священника Ксения (16 лет) обучалась в Казанском епархиальном училище, сыновья Густин (14 лет) и Василий (10 лет) – в Чистопольском духовном училище, Алексей (8 лет) – в местном земском одноклассном училище. Воспитанием малолетних детей – Якова (6 лет) и Елизаветы, Антонины и Николая занималась жена, крещеная татарка Параскева Филиповна, 37 лет. Ей по хозяйству помогала «прислуга» – неграмотная Степанова Ксения, 40 лет, русская, из бывших крепостных крестьянок, прописанная в Кадряковском обществе Шумбутской волости Лаишевского уезда.

Данный переписной лист примечателен тем, что глава семейства родным языком малолетних дочерей Елизаветы (4 года) и Антонины (2 года) указал «русский». Девятимесячному сыну Николаю, который еще не умел разговаривать, в графе «Родной язык» поставил прочерк. Очевидно, такая запись священника свидетельствовала о стремлении обучать своих детей русскому языку с младенческого возраста, данная обязанность возлагалась на «прислугу», носителя языка Ксению Степанову из бывших крепостных крестьян.

Не менее интересная этническая ситуация зафиксирована в переписном листе семьи местной уроженки, крещеной татарки «духовного звания» вдовы Емельяновой – Перасневы Петровой, 47 лет. Хозяйка родным языком своего 18-летнего сына Николая, обучавшегося в Казанской учительской семинарии, и 6-летней дочери Екатерины (оба родились в селе Средние Арняши) признала «русский» [6, л. 29 об. – 30]. (Нельзя исключить, что отцом детей был русский по национальности церковнослужитель).

Таким образом, переписные листы запечатлели возникшие под воздействием системы христианского просвещения последних десятилетий новые этнокультурологические предпочтения некоторых представителей духовной элиты крещеных татар Казанской епархии, оказавшихся в загоне после кончины в 1891 г. своего духовно-административного покровителя Н.И. Ильминского. Создается впечатление, что привилегированная группа крещеных татар начала подстраиваться под официальную конъюнктуру, стремясь к более глубокой интеграции в русско-православную среду во благо материально обеспеченного будущего своих детей.

Резюмируя, отметим, что анализ переписных листов показывает более разнообразную этноконфессиональную ситуацию по родному языку и конфессиональной

идентичности у татар, нежели это представлено в опубликованных материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Источники и литература

1. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. – СПб., 1895. – 98 с.
2. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 100. Оп. 3. Д. 12.
3. ГА РТ. Ф. 103. Оп. 3. Д. 13.
4. ГА РТ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 14.
5. ГА РТ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 15.
6. ГА РТ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 16.
7. ГА РТ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 17.
8. ГА РТ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 18.
9. ГА РТ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 19.
10. ГА РТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
11. ГА РТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 5.
12. ГА РТ. Ф. 106. Оп. 2. Д. 2.
13. ГА РТ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2.
14. ГА РТ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 4.
15. ГА РТ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 5.
16. ГА РТ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 6.
17. ГА РТ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 7.
18. ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 238.
19. ГА РТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 570.
20. Давлетшин К.Д. Нации и ислам (Критика философско-теологических концепций о единстве наций и ислама). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 199 с.
21. Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. – 200 с.
22. Загидуллин И.К. Национальное движение татар в 1860–1905 гг. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 423 с.
23. Ислаев Ф.Г. Религиозная политика российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII в.): Дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2005. – 368 с.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XIV. Казанская губерния. – СПб.: Изд. Центр. стат. ком-та, 1903. – 283 с.
25. Приложение 1 // Обзор Казанской губернии за 1897 г. – Казань, 1898.
26. Приложения: Ведомость о распределении населения в Казанской губернии по этнографическому составу за 1897 год; Ведомость о распределении населения в Казанской губернии по конфессиональному составу за 1897 год // Обзор Казанской губернии за 1897 г. – Казань, 1898; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XIV. Казанская губерния. – СПб., 1903. – С. 102–104.

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ ДУМ РФ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ТАТАРСКИЕ ДЕРЕВНИ МЕЩЕРСКОГО КРАЯ)**

Статья посвящена анализу серии работ об этнографических особенностях татарских деревень Центральной части России, подготовленных специалистами Духовного управления мусульман РФ. На данный момент увидели свет две работы из этой серии, посвященные населенным пунктам, расположенным в Рязанской области и Республике Мордовия. Выявляется вклад авторов данных книг в изучение истории, этнографии, современного состояния татарских деревень.

Ключевые слова: этнография, татарские деревни, касимовские татары, темниковские татары, г. Касимов, г. Темников, татарские диалекты.

F.G. Kalimullina

**RESEARCH PROJECTS OF THE SPIRITUAL ADMINISTRATION OF MUSLIMS OF THE
RUSSIAN FEDERATION (ON THE MATERIALS OF ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS TO THE
TATAR VILLAGES OF MESHCHERSK REGION)**

The article is devoted to the analysis of a series of works on the ethnographic features of the Tatar villages in the central part of Russia, prepared by specialists of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation. At the moment two works from this series dedicated to settlements of Ryazan region and the Republic of Mordovia have been published. The contribution of the authors of these books to the study of history, ethnography and the current state of the Tatar villages is revealed in it.

Keywords: ethnography, Tatar villages, Kasimov Tatars, Temnikov Tatars, Kasimov town, Temnikov town, Tatar dialects.

В последние годы Духовное управление мусульман РФ (ДУМ РФ) воплощает в жизнь научно-исследовательские проекты, посвященные истории и этнографии татарских деревень различных регионов нашей страны. Первые работы были посвящены Мещерскому краю. Важность данного направления подчеркнул председатель ДУМ РФ Равиль Гайнутдин [2, с.12]. Творческий коллектив под руководством заместителя председателя ДУМ РФ, кандидата философских наук Р.Р. Аббясова в данный момент выпустил две книги из этой серии. Авторами книг являются руководитель Департамента культуры ДУМ РФ Р.В. Абянов и историк, журналист, кандидат педагогических наук М.А. Сафаров.

Первая книга – фотоальбом – посвящена изучению истории, жизни и быта татарских деревень востока Рязанской области. Работа является удачным сплетением прошлого и настоящего касимовских татар. Если исторические фотографии в альбоме «рассказывают» о прошлом, то современные – фиксируют сегодняшнее со-

стояние данной группы татар и мишарей. Текстовые пояснения, прямая речь самих героев, цитаты из разных источников – все это органично дополняет содержание книги. История татарских деревень в Касимовском районе интересна еще тем, что здесь, среди русских земель, в средние века существовало особое Касимовское ханство (кон. 1440-х – 1681 гг.). Несмотря на различный статус касимовских правителей в разные годы, татарское ханство просуществовало более двух столетий и образовало свой духовный, этнический слой в Рязанском крае России. Именно здесь произошла одна из первых встреч ислама и православия, сложилась этническая группа касимовских татар. Сложные процессы политической и социально-экономической истории данной группы татар обусловили своеобразие их этнической истории. Касимовские татары, сыгравшие значительную роль в становлении ислама на территории России, на протяжении веков постепенно теряли свою пассионарность, и на сегодняшний день, к сожалению, их число значительно уменьшилось, а многие татарские населенные пункты востока Рязанского края перестали существовать. Касимовские татары, наследники Золотой Орды, потомки Сеидов и служилых людей московского царя, когда-то владели русскими крепостными крестьянами, контролировали ресторанный бизнес и торговлю.

Особенности духовной и материальной культуры касимовских татар, этнографии, вопросы их расселения в Рязанском крае изучались различными исследователями, наиболее полный и глубокий анализ данных вопросов был проведен известным казанским этнографом Ф.Л. Шарифуллиной в монографии «Касимовские татары» [5]. В данной работе Ф.Л. Шарифуллина обобщила материалы своих полевых исследований, проводившихся с 1970-х гг. в татарских селах и деревнях Касимовского района Рязанской области и в городе Касимове. Благодаря встречам и беседам с татарами-старожилами, анализу соответствующих источников Ф.Л. Шарифуллиной удалось получить представления о быте касимовских татар конца XIX – начала XX в., то есть периода расцвета купеческого Касимова. Согласно традициям отечественной этнологии, Ф.Л. Шарифуллина большое внимание уделила изучению традиционной одежды, жилища, пищи, кухонной утвари и др. элементов материальной культуры касимовских татар. Авторы книги «Тени Касимовского ханства» высоко оценили труд Ф.Л. Шарифуллиной.

«В Касимове все еще можно услышать воспоминания о татарских предках, их уникальных обычаях и традициях, попробовать татарские блюда и, если повезет, даже услышать неповторимый касимовский говор», – отмечают авторы [2, с. 18]. Наряду с особенностями быта и обычаев авторы уделяют большое внимание и языковым особенностям касимовских татар. Приводятся примеры касимовского говора и мишарского диалекта. «Надеюсь, что книга передаст и татарские интонации – лесную касимовскую и степную мишарскую, идущие не только из уст персонажей, но и от самой земли, где молодые татарские голоса раньше звучали громко, свободно», – пишет в предисловии М.А. Сафаров [2, с. 16]. «За высокими все еще могучими стенами дубрав дремлет ушедшая культура, о которой приходится лишь догадываться исследователям старины. Скажу больше: приезжая в город или село, я нахожу в незнакомых людях сходство со своими знакомыми и близкими людьми.

Черты лица, манера общения, обороты речи – все это в очередной раз дает возможность чувствовать себя комфортно и умиротворенно, потому что это словно продолжение моего диалога с татарской цивилизацией, начавшегося в детстве», – отмечает Р.В. Абянов [2, с. 17].

Через исторические и современные фотографии авторы передают особенности культуры и быта касимовских татар. Мусульманские шамаили, священные тексты Корана, хранящиеся в платках, национальная одежда, домашняя утварь, особенности оформления жилищ – все это нашло отражение в книге. Наряду с особенностями можно увидеть идентичность касимовских татар с другими группами татарского народа, выявить некий национальный культурный код. Несмотря на исповедование ислама, предки татар верили в защитную силу чертополоха и полыни, во время праздников принято «таба исе чыгару» (готовить на сковороде выпечку), совершать на поле специальный истиска намаз для вызова дождя. Авторы подробно изучили татарские кладбища региона. Дается полная информация о татарских деревнях Азеево, Ахматово, Толстикovo др., отмечается, что раньше татарские деревни следовали двум календарям – мусульманскому по хиджре и официальному.

«Если касимовские деревни расположены относительно компактно и ограничены одним районом – Касимовским, исторически имеют свой центр притяжения – Татарскую слободу в самом городе, то мишарские населенные пункты рассеяны по трем районам – Сасовскому, Ермишинскому и Кадомскому. Впрочем, широкая разбросанность эта имеет свою логику, восходящую к эпохе Касимовского ханства, родовым гнездам мурз, служилому землевладению. Из междуречья Оки и Мокши начинались в XVI и особенно в XVII веке волны татарских переселений на засечные черты Нижегородчины (д. Кадомка, Пошатово указывают на места исхода), а потом все дальше и дальше. Неслучайно такие фамилии, как Сакаевы, Маматказиновы, Б[е]игловы, встречаются как среди татар Рязанской области, так и у потомков выходцев из этого края, живущих ныне в Буздякском районе Башкирии, в Уфе, а жители нижегородского с. Малое Рыбушкино возводили свое основание к азеевским татарам», – отмечают авторы [2, с. 119].

Своеобразным центром местных татар являлось село Азеево Ермишинского района. Это связано с тем, что в селе в начале XX в. действовали 7 мечетей, мектеб, медресе. Местные татары называли Азеево «городом». В Кадомском и Ермишинском районах были расположены и другие небольшие татарские деревни: например, Верки (Вэрэки) (здесь действовали мечеть и мектеб; среди местных жителей было распространено пчеловодство), Чернышево. Как отмечают авторы, значительно южнее, в бассейне реки Цна, располагается другой ареал компактного проживания мишарей. Здесь находятся такие населенные пункты, как Алешино, Большой Студенец, Тархань, Теньсюпино, где татары составляли большинство или значительный процент населения [2, с. 118–123].

В книге отмечается, что касимовские татары-мусульмане не только сами исповедовали ислам, открывали мечети и медресе, но и имели влияние на соседнее русское православное население. Отголоски данного влияния сохранились и в настоя-

щем, например, в альбоме видим современные фотографии, где на тракторе русского сельчанина помещена наклейка «Аллах сакласын»; как русские жители окрестных деревень посещают могилу Хасана муллы, прося защиту от сильных ураганов; что Толстиковская мечеть построена русской семьей Матицыных во искупление грехов деда-антирелигиозника и т.д.

Книга направлена современным читателям для размышления о прошлом и будущем. Авторы дали много сведений об уже несуществующих татарских населенных пунктах, отмечая, как со временем исчезают татарские деревни в Рязанской области, уменьшается количество касимовских татар. «Нет, это не реквием», – подчеркивают они. По нашему мнению, книга является одним из шагов в сторону возрождения религии и культуры касимовских татар и мишарей Рязани.

Вторая книга этой серии – «Темников: крепость империй» – посвящена татарам-мишарям Западной Мордовии. В работе подробно рассмотрены места компактного проживания татар-мишарей, особенности их местного говора. Фотоматериал отражает местный колорит культуры и быта татар. В книгу помещены картины художника Ильдара Акжигитова. Каждая глава книги названа словом местного диалекта, например, чыкмыш – происхождение, иске ил – прародина, ядем – память и т.д. Задумка авторов была преподнести мировоззрение темниковских татар через их говор. Сравнивая языковые особенности татар Мещеры, авторы пришли к мнению, что говор темниковских татар схож с говором татар из деревень Касимовского района, находящихся вдоль р. Цна [1, с. 98].

Авторы подробно рассматривают историю бывшей крепости Темников и татарских деревень вокруг нее. Татарские села Мордовии упоминались предшествующими исследователями [3], но более детальное изучение принадлежит именно авторам данной книги. Изучая край, исследователи отмечают влияние татар-мусульман на русских соседей. Например, на месте старой крепости, где в данный момент расположено русское с. Старый Город, вплоть до конца XX в. наблюдалось, как христиане хоронили своих покойников по мусульманским обычаям: могилы делали с выемкой, закладывая гроб дубовыми досками (ляхет алу) [1, с. 50].

Ценным источником для исследователей татарских населенных пунктов Западной Мордовии являются административно-территориальные карты, составленные Р. Темиргалиевым по сведениям авторов [1, с. 25, 47]. Здесь нашли отражение ныне существующие и исчезнувшие татарские деревни. Населенные пункты указаны в современных и исторических границах (губерниях). Здесь есть информация об исчезнувших деревнях, таких как Караулово, Черный Студенец, Желаетово. В работе подчеркивается, что в связи с христианизацией населения многие татары в XVII–XVIII вв. были вынуждены переселиться на земли современного Башкортостана, в города Саратов, Волгоград и др.

Исследуя историю деревень, авторы уловили общую тенденцию, характерную для истории всей страны. Особенно это было видно в плане религии в советский период: «В советское время в каждом селе были старики, проводившие похоронно-поминальные обряды, ставшие в послевоенную эпоху главным содержанием культовой практики, но и помогавшие провести имянаречение или никах. И все же

строго соблюдаемый цикл поминальных меджлисов, сакральный ландшафт кладбищ стал главным явственным средоточием религии в колхозной деревне западных районов Мордовской АССР. Все мечети здесь были закрыты, но здания многих из них уцелели до сих пор, а размещенные там долгие годы склады, зернохранилища, школы или клубы не смогли полностью уничтожить искусные детали народной деревянной архитектуры. Поэтому и сейчас можно увидеть старые минареты, резные наличники окон, мощные михрабы» [1, с. 86].

Как уже отмечалось выше, авторы уделили значительное внимание местному говору татар. Жители татарских сел Горенка, Татарский Лундан, Кочетовка Zubovo-Полянского района относятся к чокающим и цокающим татарам, они помнят, что их предки когда-то вышли из Темникова и переселились на новые земли. Zubovo-полянские татары интересны тем, что находятся в обособлении и при этом сохраняют самобытные обряды и традиции, отмечают исследователи [1, с. 53].

Авторы проследили взаимосвязь татар и мордвы, показывая, как издревле складывались дружеские, культурные отношения между двумя народами. Они обратили внимание, что у некоторых мусульман этой местности принято праздновать христианские праздники, такие как Покров, Троица, Успение [1, с. 194].

В книге даны интересные материалы об известных личностях – выходцах из темниковских земель. В деревне Сургода родился известный татарский поэт Хади Такташ (1901–1931), в Тенишево – писатель, журналист Фахрислам Агеев (1887–1938), в Татарские Юнки – московский художник Ахмет Китаев (1925–1996); родители журналиста Али Акыша (1918–2011), в Богдановке – отец журналиста Фариды Иделле (1943–2018) [1, с. 258]. Прослеживается также история рода писателя Амирхана Еники, врачей Терегуловых, родившихся в башкирских землях, но корнями уходящих в Темниковский край [1, с. 255]. Выявляется, что известный русский писатель Александр Куприн по материнской линии был выходцем из темниковских татар [1, с. 155].

В рамках проекта авторами был создан документальный фильм «Тамга надежды», который был представлен зрителям во время многочисленных презентаций, прошедших в Москве, Мордовии и Татарстане. В фильме выходцы из сел Тювеево, Сухово Темниковского района, Усть-Рахмановка Атюрьевского района рассказывают о народных традициях, семейных реликвиях, современном состоянии татарских деревень Мордовии [4].

Авторы упоминают, что в соседних регионах также много татарских сел, которые ждут своего этнографического освещения. Например, на юго-востоке Нижегородской области расположены 34 татарских села. Актуальным вопросом остается организация этнографических экспедиций в Нижегородскую область [1, с. 189].

Подводя итог, можно сказать, что серия книг, опубликованных ДУМ РФ и посвященных истории татарских деревень различных регионов России, является на сегодняшний день актуальным, востребованным временем проектом, созданным в целях сохранения истории, этнографических особенностей татар.

Источники и литература

1. Абянов Р.В., Сафаров М.А. Темников: крепость империй. — М.: Изд. дом «ЧИТАЙ», 2021. — 300 с.
2. Абянов Р.В., Сафаров М.А. Тени Касимовского ханства. — М.: Изд. дом «ЧИТАЙ», 2021. — 296 с.
3. Ковшова Валентина. Мордовия: татарские села [Электронный ресурс]. URL: <https://posredi.ru/tatary-v-mordovii.html> (дата обращения: 25.07.2022).
4. «Темников. Крепость империй»: где была столица служилых татар? [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/milliardtatar/temnikov-krepost-imperii-gde-by-la-stolica-slujiylitatar-62516fead1d5fb22e03256a2> (дата обращения: 25.07.2022).
5. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. — 127 с.

УДК 94(47)+908

О.А. Пивцайкина, Л.В. Сульдина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия*

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ИЛЬИ ВАСИЛЬЕВИЧА СЕЛИВАНОВА

В статье представлены взгляды представителя саранского дворянства, писателя и публициста И.В. Селиванова в отношении крестьянского вопроса накануне Великих реформ. Дана характеристика социально-экономического эксперимента Селиванова, осуществленного под влиянием Н.П. Огарёва. Рассмотрен литературно-публицистический образ крепостного в творчестве писателя.

Ключевые слова: И.В. Селиванов, литература, крестьяне, помещик, земельная реформа, крепостное право.

O.A. Pivtsaykina, L.V. Suldina

THE PEASANT QUESTION IN THE CREATIVE HERITAGE OF ILYA VASILYEVICH SELIVANOV

The article presents the views of the representative of Saransk nobility, writer and publicist I.V. Selivanov regarding the peasant question on the eve of the Great Reforms. The characteristic of Selivanov's socio-economic experiment, carried out under the influence of N.P. Ogarev, is given. The literary and journalistic image of the serf in the writer's work is considered.

Keywords: I.V. Selivanov, literature, peasants, landowner, land reform, serfdom.

Писатели в России выполняют особую миссию — своим творчеством они определяют вектор общественного сознания. В девятнадцатом столетии влияние литературной мысли было столь значительным, что оно помогало «читающей публике» определить отношение к важнейшим вопросам жизни, было серьезным фактором, формирующим социальные настроения и политические взгляды. Одним из самых обсуждаемых вопросов в литературе и публицистике позапрошлого века был кре-

стьянский вопрос. Произведения В.И. Даля, Д.В. Григоровича, И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского, П.И. Мельникова-Печерского, Н.С. Лескова, раннего Л.Н. Толстого, П.И. Якушкина, С.В. Максимова, русская демократическая проза 60-х годов и вообще русский реализм второй половины XIX века – это призыв к разрушению крепостнической психологии российского общества. В данной полемике был замечен и представитель саранского дворянства Илья Васильевич Селиванов – популярный в середине XIX в. прозаик и публицист.

И.В. Селиванова сложно отнести к когорте выдающихся литераторов XIX в., его произведения отличались салонным дилетантизмом и откровенной подражательностью [6, с. 287; 7, с. 144; 24, с. 313, 326], в них обнаруживались перегруженные витиеватыми эпитетами авторские монологи, а в образах отсутствовала конкретика: «Г. Безумный^{*} прямой Бальзак не только по слогу, но даже по предметам и по своей Философии!» [1, с. 5]; «Г-н Безумный преуморительным образом корчит из себя особенного Дюма и пренебрежно обкрадывает его» [4, с. 123] – такие оценки среди критиков вызвали ранние литературные опыты Селиванова. В своих поздних работах писатель, хотя и смог отойти от чрезмерного увлечения гротеском и аллегоричностью, но в его текстах все так же присутствовали пафосность суждений и чрезмерное увлечение ненужными деталями. И все же литературные опыты писателя, пусть и не совсем удачные, представляют особый интерес для исследователей региональной науки: в них можно проследить общую картину антикрепостнических настроений местного прогрессивного дворянства (к каковым, несомненно, относился и сам И.В. Селиванов), а также определить положение крепостного крестьянства в крае накануне Великой реформы (небезызвестно, что именно саранский период жизни писателя послужил основой для написания самых значимых литературных трудов в творческой биографии писателя – «Провинциальные воспоминания. Из записок Чудака» [18], «Мордва» [16], которые являют собой непосредственную реакцию писателя на сложившуюся ситуацию [5, с. 111–121; 14, с. 7, 42–52; 19, с. 14–23]).

Господа Селивановы относились к среднепоместным дворянам. Они владели селом Малое Маресьево Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Чамзинский район Республики Мордовия), которое было получено И.В. Селивановым в приданое за женой Верой Фавстовной (в девичестве Макеровская). Во владениях Селивановых было 1200 десятин земли и порядка 200–300 крепостных. В различных источниках встречаются расхожие сведения о числе крепостных душ, принадлежавших помещикам. Так, в сообщениях Б.П. Козьмина упоминается 219 душ [11, с. 574]. Сам И.В. Селиванов в своих очерках «Мордва» пишет о 250 душах, которые находились в его владении [16, с. 59]. В найденном в архивных источниках Центрального государственного архива Республики Мордовия духовном завещании тещи писателя – Софьи Сергеевны Макеровской (в девичестве Мосолова) – содержится информация о 339 душах крепостных с. Малое Маресьево, которое она завещала своим дочерям и внукам [20, л. 94 – 94 об.].

---

* Творческий псевдоним раннего И.В. Селиванова.

Опыт управления помещьем и общение с крестьянами с. Малое Маресьево И.В. Селиванов в последующем описал в этнографическом очерке «Мордва» (1858) – одном из первых художественных описаний мордовского народа и, пожалуй, единственном литературном произведении, где отражен быт именно крепостной мордвы. Сочинение пронизано гуманистическими мотивами и отражает реформаторские взгляды писателя. В очерках Селиванов, пораженный дикостью быта своих крестьян, отмечал необходимость «реформы в нравах» [10, с. 251] людей, а потому в своем имении он в корне поменял все ранее существовавшие порядки. Стараясь облегчить положение крепостных, Селиванов вел борьбу со знахарством, изучив врачебное дело, самостоятельно занимался лечением крестьян как своего села, так и окружающих деревень. Здесь же он проводил культурно-просветительскую работу, внедрял грамотность [5, с. 106]. Попытки Селиванова улучшить быт своих крестьян нашли отражение и в сатирических стихах Н.П. Огарёва, с которым писателя связывали приятельские отношения:

<...> Как либерал, презрев утраты,
Как враг всех барщинных трудов,
Он по найму без всякой платы
Пахать заставил мужиков.
Он их распродал половину,
Чтоб свергнуть рабственный ярем,
И, выгадав на рубли полтину,
Купил весьма доходный дом. <...> [12, с. 180–181]

Сарказм в строках Огарёва был не случайным. «Аграрные эксперименты» И.В. Селиванова не были спонтанными. В них угадывается влияние поэта, с которым Селивановы вели дружбу. Именно Н.П. Огарёв одним из первых среди пензенских помещиков отважился на социально-экономические преобразования в своих имениях. В 1846 г. он даровал вольную крестьянам с. Верхний Белоомут (одно из земельных владений помещиков Огарёвых в Рязанской губернии) за 15 лет до отмены крепостного права и передал в пользование сельчан земельные наделы [2, с. 37–79]. В родовом имении Старое Акшино (Инсарский уезд Пензенской губернии) поэт вынашивал замысел создания «народной интеллигенции» [2, с. 55], для чего была реорганизована акшинская крестьянская община, открыта сельская больница, разрабатывался проект по созданию политехнической школы [3, с. 74–75, 80–81, 84–86].

Следуя примеру приятеля, Селиванов берется за переустройство своего имения. Однако, в отличие от Огарёва, Селиванов не был столь радикален в своих действиях. Он не последовал примеру Н.П. Огарёва, отпустившего белоомутских крестьян, а взял на вооружение скорее староакшинскую модель «реформирования», и то лишь ее внешнюю атрибутику: вместо обременительной барщины в 1848 г. он отпустил своих крепостных на вечный оброк, уступив им в пользование и свою землю (1200 десятин на 250 душ) [11, с. 798; 10, с. 242–243], организовал в поместье пункт медицинской помощи [10, с. 239], вел культурно-просветительскую работу и даже нанял учителя для обучения крестьян [15, с. 60]. Все нововведения были со-

гласованы с крестьянами. Для этого Селиванов даже организовал выборы, со всеми присущими им атрибутами и правилами [9, с. 223]. В «Журналах заседаний Саранского уездного суда» встречаются дела о заключении юридических сделок между крестьянами и господами Селивановыми [20, л. 142 об. – 143; 21, л. 396 – 396 об.; 22, л. 111 об. – 112; 23, л. 347 об.]. По замыслу Селиванова Малое Маресьево должно было стать своеобразным государством внутри отдельного поместья со своей «конституцией» и органами самоуправления [9, с. 223]. Трудно определить, насколько выиграли крестьяне от этой реформы, так как вследствие последующего неурожая в 1848 г. Селиванов вновь ввел барскую запашку [10, с. 243]. Сам же Селиванов говорил о том, что все преобразования и нововведения были встречены крестьянами с подозрением, в результате чего он был вынужден оставить дальнейшие попытки реформирования имения [10, с. 249–252].

Несомненно, все преобразования, предпринятые писателем-помещиком, совершались под влиянием антикрепостнических идей, но, помимо гуманистических порывов, поступки и взгляды писателя определяли и экономические мотивы. Причем стремление к процветанию крестьянских хозяйств или государства здесь проглядываются в меньшей мере, чем желание повысить доходность собственного имения, а следственно, и уровень личного благосостояния. Показательным в этом отношении является расхождение взглядов и поступков Селиванова. Находясь под влиянием дружеского окружения – А.А. Тучкова, Н.П. Огарёва, А.И. Герцена, помещиков Желтухиных, И.В. Селиванов все больше склонялся к необходимости отмены крепостного права. Эти размышления автор изложил в очерке «Мордва»: «Это огрубение бедности, одна из тех страшных общественных язв, для исцеления которой нужно одно сильное потрясение, но такое, которое может разбудить всего человека, перевернуть весь организм его, всю его жизнь выворотить наизнанку... Надо думать, что, за немногими исключениями, уничтожение крепостного права будет таким потрясением» [10, с. 239]. Но тем не менее рассуждения писателя так и остались всего лишь рассуждениями на бумаге – крестьяне помещиков Селивановых оставались в крепостной зависимости вплоть до отмены крепостного права.

После неудачных попыток реформирования собственного имения Селиванов продолжил «аграрные эксперименты», но только уже на страницах журналов, полемизируя о крестьянском вопросе. Писатель твердо был уверен, что действительность сама определяет пути решения. Оставаясь сторонником «тихих реформ», смысл которых заключался в изменении общественного сознания, Селиванов всецело посвятил себя государственной службе, совмещая работу с писательским ремеслом, утешая себя надеждой быть на этих поприщах полезным народу. В основе такой наивной надежды лежала вера в то, что государственная власть и общественное слово обладают действенной силой и способны повлиять на принятие необходимых изменений [10, с. 237]. Веря в силу печатного слова, И.В. Селиванов представил свое видение решения крестьянского вопроса в статье «Об усадьбах» [17]. Критикуя необдуманность ряда моментов предстоящей крестьянской реформы, писатель отмечал «абсолютную несправедливость» личного выкупа и предлагал бес-

платно выдать землю: «Крестьянин, без собственной оседлости, будет хуже нежели крепостной: он будет раб» [17, с. 83]. Решение острого вопроса автор видел в принятии стандартной модели обустройства усадеб и быта крестьян, которая, по мнению писателя, помогла бы избежать конфликтов между помещиком и крестьянами. Оптимальная схема размежевания виделась автору в представленном ниже алгоритме:

1. «Кроме тех губерний, где поселки все, а пахатная земля ничего, уступить усадебную землю крестьянам безденежно, но с тем только, чтоб то количество усадебной земли, каким владеют теперь крестьяне, помещик имел право выделить им вне деревни, где удобнее, но непременно к их полям.

2. Тех, которые не захотят сделать этого пожертвования, лишить этого права.

3. Расходы на переселение должны быть со стороны помещика.

4. Срок переселения должен быть определен со взаимного согласия, но отнюдь не далее 5 или 6 лет.

5. От переселения с даровым наделением землю под усадьбу, крестьянин не имеет права отказываться; выбор же места, на отведенной крестьянам земле, зависит от взаимного соглашения с помещиком, или даже от произвола самого крестьянина, ежели отвод выбранного им места почему-либо не удобен помещику» [17, с. 83–84].

Предложения писателя рациональны и предусматривают все возможные последствия различных вариантов размежевания, но тем не менее во главу вопроса все же ставится не экономическое благополучие крестьянских хозяйств, а в первую очередь желание минимизировать возможные последствия нарушенного предстоящей реформой привычного уклада жизни помещика: «Кто имел в своем имении несколько дворов государственных крестьян, тот по опыту знает, как иногда неудобно такое близкое соседство людей с другими понятиями <...> Кто знает, каково иметь беспокойного и притязательного соседа, тот поймет, что предварительно удалиться от зла и сотворить благо — есть дело величайшей мудрости» [17, с. 81, 85].

Несмотря на гуманизм порывов Селиванова, в размышлениях писателя наблюдалось пренебрежение к проблемам «простого человека» и нежелание понять позицию народа. Он, в отличие от писателей-демократов XIX в., никогда не ставил «мужика» в центр своих повествований как полноценных героев, со своим мироощущением и видением происходящей вокруг них ситуации. В очерках «Провинциальные воспоминания», «Мордва» Селиванова сюжетная линия всегда связана с размышлениями самого автора, а приводимые мысли безапелляционны и не допускают критики. Так, в сборнике «Провинциальные воспоминания», помимо сатирических зарисовок из жизни чиновников и купечества, собраны очерки, рассказы и повести из народного быта, представлена жизнь крестьян. В рассказах «Полесовщики», «Перевоз», «Камень», «Обыкновенный случай», «Волостной голова» и др. автор указывает на угнетенное и бесправное положение низов, жестокость помещиков и произвол властей в их отношении. Вместе с тем, осуждая сложившуюся ситуацию, автор не проявляет сочувствия к крестьянам, а скорее под-

черкивает невежество последних. Селивановский «крестьянин» предстает перед читателем «диким» человеком, мир которого ограничен рамками быта. Он не обладает собственным самосознанием и полностью подчинен суевериям и традициям [10, с. 237, 249, 251–252]. Поэтому произведения Селиванова, посвященные крестьянам, носят по большей части бытоописательный и даже этнографический характер.

Оценка этико-философских взглядов Селиванова по крестьянскому вопросу несколько осложняется сумбурностью, лихорадочностью и сбивчивостью в оформлении мысли. Особенно это касается публицистических работ автора. Лишь только прошедшие серьезную редакторскую правку тексты произведений «Провинциальные воспоминания» и «Мордва» раскрывают взгляды писателя на социальную ситуацию в стране, в противоречиях которой он видел первопричину произвола в отношении крестьян. Несмотря на влияние демократически настроенного окружения, творчество писателя сложно отнести к демократическому течению. Работы автора скорее можно назвать обличительными сочинениями либерального содержания [13, с. 8]. Тем не менее художественное наследие Селиванова можно отнести к произведениям, сопутствовавшим изменениям в сознании российского общества, что, в частности, отмечали Н.А. Добролюбов [6, с. 245–246], И.С. Тургенев [8, с. 122], Н.Г. Чернышевский [24, с. 313, 326] и др.

Источники и литература

1. Барон Брамбеус (О.И.Сенковский). Новые книги // Библиотека для чтения. – 1834. – Т. 6. – Отд. 6. – С. 3–5.
2. Бахмутов С.Б. Староакшинские помещики Огаревы: из истории родового гнезда Огаревых и Сатиных. – 3-е изд., испр. и доп. – Саранск: Изд. Константин Шапкарин, 2014. – 104 с.
3. Бахмутов С.Б. Староакшинские помещики: из истории родового гнезда Огаревых и Сатиных. – Саранск: Красный Октябрь, 2004. – 152 с.
4. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953 – Т. 1. – 574 с.
5. Воронин И.Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. – 336 с.
6. Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч.: В 9 т. – М.; Л.: Гослитиздат, 1962. – Т. 3. – 595 с.
7. Иванов-Разумник Р.В. М.Е. Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. 1826–1868. – М.: Федерация, 1930. – 383 с.
8. Из Парижского архива И.С. Тургенева. Сер.: Литературное наследство. – М.: Наука, 1964. – Т. 73, кн. 2. – 504 с.
9. Извлечения из описания быта мордвы И. Селиванова, 1839 г. // Документы и материалы по истории Мордовской АССР: В 4 т. – Саранск: Морд. гос. изд-во, 1939. – Т. 3, ч. 1. – С. 210–227.
10. Извлечения из описания быта мордвы И. Селиванова, 1850 г. // Документы и материалы по истории Мордовской АССР: в 4 т. – Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1939. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 234–251.
11. Козьмин Б.П. Селиванов и его письмо из революционной Франции 1848 г. Сер.: Литературное наследство. – М.: Наука, 1959. – Т. 67. – 798 с.
12. Огарёв Н.П. На И.В. Селиванова // Избранные стихотворения и поэмы. – М.: Гослитиздат, 1938. – 472 с.

13. Перевалова Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания: Литературная позиция: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 20 с.
14. Пивцайкина О.А., Сульдина Л.В. Илья Васильевич Селиванов – «Чудак», обличивший эпоху // Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания: Из записок Чудака / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2014. – С. 7–50.
15. Савин О. Времен связующая нить...: Ист.-лит. док. очерки. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1991. – 413 с.
16. Селиванов И.В. Мордва // Журнал землевладельцев. – 1858. – Т. 2, № 8. – С. 58–83; – Т. 3, № 11. – С. 59–83.
17. Селиванов И.В. Об усадьбах // Журнал землевладельцев. – 1858. – Т. 3, № 12. – С. 81–87.
18. Селиванов И.В. Провинциальные воспоминания: Из записок чудака Селиванова / Собрал и привел в порядок И. Селиванов: В 3 ч. – М., 1957–1961.
19. Сульдина Л.В., Пивцайкина О.А. «Я жил больше сердцем...»: Из судебной практики господина уездного судьи И.В. Селиванова // Центр и периферия. – 2012. – № 1. – С. 14–23.
20. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 324.
21. ЦГА РМ. Ф. 15. О. 1. Д. 325.
22. ЦГА РМ. Ф. 15. О. 1. Д. 337.
23. ЦГА РМ. Ф. 15. О. 1. Д. 338.
24. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. – М.: Гослитиздат, 1949. – Т. 14. – 900 с.

УДК 908

Р.Б. Садыкова

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ОБРАЗ СЕЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ И ЕЕ ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ДРОЖЖАНОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»)

Статья посвящена анализу биографий женщин, включенных в «Дрожжановскую энциклопедию». Издание, вышедшее в 2020 г., включает в себя биографии более 400 женщин, родившихся в деревнях и селах района. Анализ предполагает выявление направлений профессиональной деятельности женщин, их вклада в социально-экономическое и культурное развитие района и республики. Безусловно, в издание вошли далеко не все жительницы, а только те, кто имеет определенные заслуги, награды. Нужно иметь в виду, что за рамками книги остались сотни сельских тружениц, которые, пусть и не имели званий и наград, но честно трудились каждая на своем месте. Тем не менее материалы энциклопедии позволяют создать некий собирательный образ сельской женщины – уроженки Дрожжановского района.

Ключевые слова: Дрожжановский район, женщина, «Мать-героиня», участница Великой Отечественной войны, сельское хозяйство, промышленность, культура, уроженка села.

THE IMAGE OF A RURAL WOMAN AND HER LIFE TRAJECTORIES (ON THE MATERIALS OF THE ENCYCLOPEDIA OF DROZHZHANOYE DISTRICT)

The article is devoted to the analysis of biographies of women included in the «Encyclopedia of Drozhzhanoye district». The publication, published in 2020, includes biographies of more than 400 women born in the villages of the district. The analysis involves identifying the areas of professional activity of women, their contribution to the socio-economic and cultural development of the district and the Republic. Of course, not all residents are included in the publication, but only those who have certain merits and awards. It should be borne in mind that hundreds of rural workers remained outside the book, who, even if they did not have titles and awards, but honestly worked each in their place. Nevertheless the materials of the encyclopedia allow us to create a kind of collective image of a rural woman – a native of Drozhzhanoye district.

Keywords: Drozhzhanoye district, woman, «Mother-heroine», participant of the Great Patriotic War, agriculture, industry, culture, native of the village.

Дрожжановский район находится на крайнем юго-западе Республики Татарстан, граничит с Буинским районом РТ, Чувашской Республикой и Ульяновской областью. Это накладывает определенный отпечаток на образ жизни, характер занятий населения, 57,5% которого составляют татары, 41,1% – чуваша, 1,1% – русские. Численность населения района за последние полвека, к сожалению, уменьшилась более чем в два раза и составила на 2018 г. 22280 человек [3, с. 152]. В состав района входят 52 населенных пункта.

Ценность любого района, населенного пункта прежде всего в людях, человеческом капитале, который создает материальные и культурные блага. В 2020 г. была издана «Дрожжановская энциклопедия», посвященная 100-летию со дня образования Татарской АССР и 90-летию района. В ней, помимо истории населенных пунктов, предприятий и учреждений, колхозов и школ, объектов природы, представлены биографии земляков, внесших значимый вклад в социально-экономическое и культурное развитие района, республики и страны в целом. Нами были проанализированы биографии более 400 уроженок района, что позволило создать определенный образ женщины и выделить направления жизненного пути.

Почетное место на страницах «Дрожжановской энциклопедии» заняли женщины, удостоенные звания «Мать-героиня». Это звание, которое присваивалось матерям, родившим и воспитавшим 10 и более детей, было утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г. В Дрожжановском районе его были удостоены 117 женщин. В 1982 г. в районе прошел первый в ТАССР слет матерей-героинь [1, с. 344].

В энциклопедию вошли биографии более 100 женщин, удостоенных высокого звания. Большинство из них родили и воспитали по 10 детей, но есть и немало тех, у кого в семье 11–14 детей. Анализ социального положения матерей показывает, что, как правило, они были работницами сельского хозяйства – животноводцами, доярками, разнорабочими в колхозах. И еще одна особенность – большинство из

них прожили довольно долгую жизнь. Если рассматривать в разрезе населенных пунктов, то больше всего мы насчитали женщин, удостоенных звания «Мать-героиня», в сс. Мочалей и Шланга (по 10 в каждом), Большая Акса (8 женщин), Верхний Каракитан, Малая Цильна и Новые Какерли (по 7 в каждом), д. Нижний Каракитан и с. Старые Какерли (по 6 в каждом). Всего же матери-героини проживали в 35 населенных пунктах района. В 1994 г. почетное звание было упразднено.

Эти женщины по праву были героинями. Например, уроженка с. Мочалей А.М. Камалова не только родила и вырастила 11 детей, но, окончив курсы трактористов при Дрожжановской МТС, работала трактористом, комбайнером колхоза «Кызыл партизан».

Орденом «Материнская слава» трех степеней, учрежденным одновременно с орденом «Мать-героиня», награждались женщины, родившие и воспитавшие 7–9 детей. В Дрожжановском районе также были женщины, удостоенные этой награды. Н.Е. Карсакова, уроженка с. Новый Убей, родила и воспитала 7 детей и была удостоена ордена «Материнская слава» 3-й степени.

Указом Президента Республики Татарстан от 2 ноября 2000 г. была учреждена медаль «Ана даны – Материнская слава». Ею награждаются матери, родившие (или усыновившие) и воспитавшие 5 и более детей [4, с. 104]. Уроженка того же с. Новый Убей Г.В. Козлова родила и воспитала 14 детей (5 сыновей и 9 дочерей) и была награждена орденом «Ана даны – Материнская слава». Удостоена ордена «Материнская слава» 2-й и 3-й степеней уроженка с. Старое Дуваново Л.Ф. Казакова, родившая 10 (5 сыновей и 5 дочерей) и воспитавшая 13 (троих детей мужа от первого брака) детей.

Особо хочется отметить такую категорию женщин, как участницы Гражданской и Великой Отечественной войн. В энциклопедии помещены биографии 21 такой женщины. Они служили медицинскими работниками, телефонистками и телеграфистками, поварами, многие из них были награждены боевыми наградами. Так, например, уроженка с. Старое Шаймурзино С.К. Азизова с 1943 г. служила в Красной Армии телефонисткой на Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах, была награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Участница Великой Отечественной войны, капитан медицинской службы Д.С. Воробьева, уроженка с. Малый Убей, окончила Чебоксарский медицинский техникум и Казанский государственный медицинский институт. В 1942 г. она была мобилизована на фронт. Служила в медсанбатах в составе войск Сталинградского, Юго-Западного, Южного, 3-го и 4-го Украинских фронтов, 1-го и 3-го Белорусских фронтов. Была награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» [1, с. 159].

С.И. Замалетдинова, уроженка с. Мочалей, едва окончила школу, как началась война. И хотя сбылась ее мечта, так как ее назначили учителем начальных классов Шланговской семилетней школы, сердцем она рвалась на фронт, где уже воевал ее отец. В 1942 г. Сакиня Ибрагимовна добровольно ушла на фронт, служила санитаром в составе санитарной роты Западного фронта. В боях под Москвой, Смолен-

ском, Калининным проявила отвагу и мужество, под вражеским огнем с поля боя бесстрашно выносила раненых солдат и офицеров. Была награждена медалью «За боевые заслуги». В 1943 г. была тяжело ранена и затем демобилизована. После войны окончила педагогический институт и работала учителем [1, с. 236; 2, с. 149].

Уроженка с. Новое Дрожжаное А.А. Салахова до войны окончила курсы трактористов при Дрожжановской МТС и курсы шоферов в р.п. Лаишево, работала шофером МТС. В 1943 г. добровольно ушла на фронт, участвовала в перевозке важнейших грузов по «Дороге жизни» в блокадный Ленинград. Демобилизовавшись в 1947 г., Амина Айметдиновна еще более 20 лет проработала шофером Дрожжановской МТС, РТС, «Сельхозтехники», была награждена орденом Ленина [1, с. 473].

Многие уроженки Дрожжановского района жили в своих родных деревнях и селах, работали в сельском хозяйстве животноводами, доярками, агрономами, зоотехниками, ветеринарными врачами, трактористками, имели почетные звания, награды, избирались депутатами Верховного Совета СССР, РСФСР, ТАССР, районного и сельского Советов народных депутатов. Немало среди них тех, кто неоднократно становился победителем социалистического соревнования с присвоением званий «Лучший по профессии», «Лучшая доярка», «Мастер – золотые руки», «Ударник коммунистического труда», награждались почетными грамотами и дипломами Министерства сельского хозяйства СССР, ТАССР.

Анализ биографий 105 женщин, работавших в сельском хозяйстве, показал, что 14 из них были присвоены звания «Заслуженный работник сельского хозяйства», «Заслуженный животновод», «Заслуженный агроном», «Заслуженный ветеринарный врач», «Заслуженный механизатор сельского хозяйства». 80 женщинам были вручены высокие награды – ордена Ленина, «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, Трудовой Славы 3-й степени, медали «За освоение целинных земель», «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть». Сельские труженицы вели и большую общественную работу – 15 из них являлись депутатами Верховного Совета СССР, РСФСР, ТАССР, районного, сельских Советов народных депутатов.

Интересна биография М.Н. Ромашкиной, уроженки с. Чувашские Ишли. Окончив сельскую школу, а затем курсы трактористов при Чукалинской МТС, она начала работать трактористкой и уже через год (в 1935 г.) добилась рекордного по МТС показателя при вспашке – вместо нормы 473 га выработала на своем тракторе 1378 га. Весной 1936 г. включилась в стахановское движение и во время сева выработала 1770 га. Окончила Казанский сельскохозяйственный институт, Казанский государственный университет. Долгие годы работала заместителем председателя, председателем колхоза «Большевик» Дрожжановского района, помощником прокурора Бугульминского района, прокурором Тетюшского района ТАССР. Депутат Совета национальностей Верховного Совета СССР, делегат многих съездов и конференций М.Н. Ромашкина была награждена орденом Ленина [1, с. 454].

Судьба уроженки с. Старые Какерли Р.А. Исхаковой довольно типична для своего времени. Когда началась Великая Отечественная война, ей исполнился 21 год. Молодой девушке довелось работать на строительстве железной дороги Казань–Ульяновск, рыть окопы. После окончания курсов трактористов в весеннюю посев-

ную кампанию 1943 года ей с подругами пришлось заменить на полях ушедших на фронт мужчин. Более 30 лет Раиса Аглиулловна проработала трактористкой Дрожжановской МТС, а затем колхоза «Ялкын», была удостоена звания «Заслуженный механизатор сельского хозяйства ТАССР», награждена орденом «Знак Почета» [5, с. 244].

Уроженка с. Новые Ишли Г.Г. Гафурова 30 лет проработала разнорабочей, дояркой колхоза «Алга», избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР. В 1958 г. она была награждена малой серебряной медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, в 1957 и 1960 гг. удостоивалась звания «Лучшая доярка ТАССР».

Более 40 лет насчитывает стаж доярок В.Н. Макаровой (с. Новый Убей, колхоз им. Чапаева), М.Н. Маловой (с. Большая Акса, колхоз им. Горького), Д.С. Нуриной (д. Новое Дуваново, колхоз им. Калинина), Г.И. Сайфутдиновой (с. Малая Цильна, колхоз «Цильна»), З.Ш. Ханзяровой (с. Старое Шаймурзино, колхоз им. XXII партсъезда).

Богата славными делами трудовая и общественная жизнь уроженки с. Новые Ишли Р.Г. Сафиуллиной. Окончив Буинский ветеринарный техникум и Казанский сельскохозяйственный институт, в 1977–1997 гг. она работала бухгалтером, техником ЖКХ в г. Ульяновске. С 1997 г. в Тетюшском районе: бухгалтер сельскохозяйственного кооператива «Колос», бухгалтер ООО «Агрофирма «Колос», с 2014 г. глава крестьянско-фермерского хозяйства «Сафиуллова Р.Г.», с 2017 г. одновременно руководитель ООО «Агрофирма «Колос». Рима Гумеровна также возглавляет отделение Республиканской общественной организации татарских женщин «Ак калфак» в Тетюшском районе. В 2019 г. удостоилась звания «Лучший руководитель РФ», а также стала победителем республиканского конкурса РФ в номинации «Женщина года» [1, с. 485].

Женщины района вносят достойный вклад и в развитие отраслей промышленности. Уроженка с. Старые Какерли Э.З. Мавлетшина с 1966 г. работала слесарем механосборочных работ на главном конвейере УралАЗа (г. Миасс Челябинской области). Освоила все операции сборки кабин автомобиля «Урал-375» и его модификаций, стала слесарем-сборщиком высшей квалификации. В 1972 г. избрана бригадиром. В 1986 г. Эдибя Закиевна была удостоена Государственной премии СССР за выдающиеся достижения в труде, большой личный вклад в техническое перевооружение производства. Награждена орденом «Знак Почета». Ей были присвоены звания «Ветеран УралАЗ» (1994 г.), «Женщина года» (2011 г.) [1, с. 327].

В «Дрожжановскую энциклопедию» вошли биографии более 60 женщин, посвятивших себя педагогической деятельности. Званий «Заслуженный учитель РФ» и «Заслуженный учитель РФ» удостоены 9 педагогов, еще 19 присвоены звания «Заслуженный учитель школы РСФСР», «Заслуженный учитель школы Татарской АССР», «Заслуженный учитель школы Чувашской АССР». 19 учителям были вручены знаки «Отличник народного просвещения СССР», «Отличник народного просвещения РСФСР», «Почетный работник общего образования РФ», «Отличник профтехобразования РСФСР».

18 педагогов награждены высокими правительственными наградами – орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Трудовой Славы 3-й степени, «Знак Почета», знаком «За заслуги в образовании».

Большинство уроженок района, окончив педагогические учебные заведения, работали учителями на своей малой родине. Примером беззаветного служения профессии является судьба Марии Степановны Дементьевой, уроженки с. Церковный Убей Буинского уезда Симбирской губернии (ныне с. Убей Дрожжановского района РТ). После окончания школы и Сумароковской учительской школы Тетюшского уезда М.С. Дементьева экстерном сдала экзамены в Казанском епархиальном училище и получила звание учительницы начальной школы. Работала учителем начальной школы (1919–1936 гг.), учителем русского языка и литературы (1936–1940 гг.), директором (1940–1946 гг.) Убеевской семилетней школы, учителем русского языка и литературы Убеевской восьмилетней школы (1946–1961 гг.). В годы Великой Отечественной войны проводила активную работу по сбору теплых вещей и подарков для фронта, навещала семьи фронтовиков, руководила агитколлективом. В 1936 г. М.С. Дементьева была делегатом 1-го съезда учителей ТАССР, в 1947–1954 гг. – депутатом Верховного Совета ТАССР. За свой многолетний труд Мария Степановна была удостоена звания заслуженного учителя школы ТАССР, РСФСР, отличника народного просвещения РСФСР, награждена орденами Ленина, «Знак Почета» [1, с. 197].

Немало выходцев из сел и деревень Дрожжановского района посвятили свою жизнь благородной профессии медицинского работника. Среди десятков врачей и медицинских сестер трое имеют степень доктора и кандидата медицинских наук, 16 удостоены званий «Заслуженный врач РФ», «Заслуженный врач ТАССР», «Заслуженный врач РТ», «Заслуженный врач Чувашской Республики», «Заслуженный работник здравоохранения ТАССР», «Заслуженный работник здравоохранения РТ», «Отличник здравоохранения СССР».

Нужно отметить, что в «Дрожжановскую энциклопедию» вошли биографии 23 женщин, ставших докторами и кандидатами наук в самых разных отраслях. В их числе доктор физических наук Г.Ш. Ахметова (с. Старые Чукалы), доктор медицинских наук Ф.З. Мирсаева (с. Малая Цильна), доктор философских наук Г.Д. Петрова (с. Старое Ильмово), доктор экономических наук Т.Х. Усманова (с. Старое Шаймурзино), доктор филологических наук А.Ш. Юсупова (с. Старое Шаймурзино).

Доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, заслуженный работник высшей школы РТ А.Ш. Юсупова после окончания Старошаймурзинской средней школы и Казанского государственного университета начала работать на кафедре татарского языка университета. Вся ее дальнейшая научная и педагогическая деятельность связана с Институтом филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого. Альфия Шавкетовна принадлежит к Казанской лингвистической научной школе, Казанской научной школе тюркологов. Направлениями ее научной работы являются языки народов РФ (лексикология, лексикография татарского языка, язык татарских диаспор, обучение татарскому языку как неродному, теория перевода). А.Ш. Юсупова является победите-

лем республиканского конкурса «Женщина года» в номинации «Женщина-ученый» (2018 г.), награждена многочисленными почетными грамотами и благодарственными письмами [1, с. 675].

Дрожжановский край стал родиной для многих представителей творческих профессий – писателей, поэтов, журналистов, композиторов, артистов, певиц, а также работников учреждений культуры. В их числе Г.К. Архипова-Ахмадуллина (с. Новые Какерли) – автор прозаических и стихотворных сборников на татарском языке, лауреат премии имени Заки Нури; А.А. Гайнуллина (с. Старое Дрожжаное) – народная артистка ТАССР, РФ, лауреат Государственной премии РСФСР им. К.С. Станиславского; А.М. Гарифуллина (с. Старое Дрожжаное) – учитель музыки, заслуженный работник культуры ТАССР, основатель детских вокальных ансамблей «Лэйсэн», «Эйлэн-бэйлэн»; В.Н. Двойнова (с. Малый Убей) – чувашская оперная певица; В.Н. Игнатьева (Музыкантова) (с. Малый Убей) – чувашская поэтесса, прозаик, переводчик, композитор, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей РФ; Л.А. Семёнова (с. Чувашские Ишли) – поэтесса, переводчица, член Союза писателей РФ, лауреат чувашской национальной премии им. Эмине; У.Т. Тимофеева (с. Старое Дуваново) – первая чувашская драматическая актриса с высшим театральным образованием, режиссер, педагог, переводчик, публицист, общественный деятель; Р.З. Юсупова (с. Нижний Каракитан) – художник, педагог, член Союза художников РТ.

Немало уроженок сёл и деревень Дрожжановского района стали юристами, экономистами, бухгалтерами, административными работниками. Например, уроженка с. Чувашская Бездна З.Е. Порфирьева выбрала профессию юриста, работала в правоохранительных и судебных органах Чувашской Республики. В 1980–2000 гг. была судьей, в 2000–2010 гг. – членом Президиума Верховного суда Чувашской Республики.

М.С. Артемьева (с. Алёшкин-Саплык), окончив бухгалтерское отделение Лаишевского сельхозтехникума и экономический факультет Казанского сельскохозяйственного института, работала экономистом районного Управления сельского хозяйства, заместителем председателя райисполкома, главы администрации района по экономике и приватизации. Внесла большой личный вклад в формирование и становление структурного подразделения АО «Ак Барс Банк» в Дрожжановском районе, являлась депутатом районного Совета депутатов трудящихся, удостоена звания заслуженного экономиста РТ.

Уроженка с. Татарский Убей Г.К. Гиниатуллина прошла все ступени административной работы. После окончания Хорновар-Шигалинской средней школы и Казанского химико-технологического института им. Кирова работала на Казанском заводе точного машиностроения, затем инструктором, заведующей орготделом Вахитовского РК ВЛКСМ г. Казани, заместителем председателя Бюро международного молодежного туризма «Спутник» Татарского ОК ВЛКСМ, инструктором Татарского ОК КПСС. В дальнейшем возглавляла протокольный сектор общего отдела Управления делами Аппарата Президента РТ.

Как видим, женщины – уроженки Дрожжановского района РТ внесли и вносят достойный вклад в социально-экономическое и культурное развитие не только своего края, но и республики и страны в целом. В суровые годы войны женщины наравне с мужчинами встали на защиту своей Родины. В годы мирного созидания они трудятся в самых разных отраслях и сферах деятельности. Среди них много женщин, удостоенных звания «Мать-героиня», работников сельского хозяйства, образования и культуры, деятелей науки. Они составляют гордость и славу своего народа, малой родины и страны.

Источники и литература

1. Дрожжановская энциклопедия / сост. И.З. Закиров. – Старое Дрожжаное, 2020. – 696 с.
2. Мунчали: тарих, рухият, шэхеслэр (История, духовность и личности села Мочалей). – Казан: Ихлас, 2013. – 528 б.
3. Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: В 3 т. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. – Т. 2. – 988 с.
4. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4. – 768 с.
5. Тирән хәтерле Иске Кәкерле. – Казан: Идел-Пресс, 2017. – 480 б.

УДК 94

И.И. Ханипова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Национальная литература 1920–1930-х гг. отразила многие важнейшие события первых советских десятилетий – Гражданскую войну, индустриализацию, коллективизацию, социалистические стройки первых пятилеток и т.п. Статья посвящена анализу литературных произведений, освещавших новую эпоху в истории республики, формирование и утверждение советского общества и новой морали, преобразований в жизни и сознании татарского народа, активную борьбу нового со старым.

Автор делает вывод, что для произведений, показывающих социокультурное развитие села на материалах татарстанской деревни, характерны реализм, заостренное внимание на социальном анализе жизни. Психологические зарисовки жителей деревни, для которых революция 1917 г. с последовавшими за ней разрухой, Гражданской войной выступила как фактор времени, разделивший крестьянскую жизнь на до и после, ярко демонстрируют ломку традиционных устоев, сознания крестьян.

Ключевые слова: социокультурное развитие, деревня, мировоззрение, Татарская АССР, национальная литература.

REFLECTION OF THE SOCIO-CULTURAL LIFE OF THE VILLAGE IN THE TATAR LITERATURE OF THE FIRST SOVIET DECADES

The national literature of the 1920s-1930s reflected many of the most important events of the first Soviet decades – the civil war, industrialization, collectivization, socialist construction of the first five-year plans, etc. The article is devoted to the analysis of literary works that illuminated a new era in the history of the republic, the formation and establishment of Soviet society and new morality, transformations in the life and consciousness of the Tatar people, the active struggle of the new with the old one.

The author concludes that the works showing the socio-cultural development of the village based on the materials of the Tatarstan village are characterized by realism, focused attention to the social analysis of life. The psychological sketches of the villagers, for whom the revolution of 1917 with the subsequent devastation, the civil war, acted as a time factor that divided peasant life «before» and «after», vividly demonstrate the breaking of traditional foundations, the consciousness of the peasants.

Keywords: socio-cultural development, village, worldview, Tatar ASSR, national literature.

Многие события 1920–1930-х гг.: Гражданская война, индустриализация, коллективизация, социалистические стройки первых пятилеток – нашли отражение в национальной татарской литературе. Основное внимание поэтов и писателей обращалось на коллектив, человека как часть коллектива, являющего собой частицу большой советской страны. Героем произведений становился человек труда.

Новая эпоха – эпоха социалистической революции, формирования и утверждения советского общества и новой морали, активная борьба нового со старым/прошлым отражена в творчестве одного из зачинателей татарской советской поэзии – Хади Такташа, для которого «рожденные революцией чувства, совершенно новые для страдавшего веками татарского общества, явились <...> неисчерпаемым источником вдохновения» [См.: 29, с. 10]. В произведениях Х. Такташа читатель находит приметы глубоких преобразований в жизни и сознании татарского народа, связанные со строительством социализма. «Сжигая за собой мосты, / навстречу будущему шли», «старой жизни смерть пришла, / и гигантом вставал коммунизм» («После бури», 1924).

Воспевая образ В.И. Ленина как символ нового времени («*Века и минуты*», 1924), Х. Такташ не только размышляет о вожде революции, о драматическом восприятии народами СССР его смерти, о продолжении борьбы за светлое будущее, но и рассказывает о людях деревни и города, о коллективизации, о грядущих веках.

Фатхи Бурнаш в поэме «*Ленин-партия*» (1935), показывая переживания простого народа из-за смерти Ленина, наставляет: «Ленин умер. Но осталась коммуна, надежда, остались сторонники ленинских идей, строители социализма, осталась партия ленинцев. Автор воспекает свою обновленную родину – орденоносную Татарию, ее колхозы, фабрики и заводы [7, с. 373]. А в комедийной пьесе «*Камали карт*» («*Старик Камали*», 1925) через образ крестьянина-середняка рисует социалистическую

действительность деревни, глубокие изменения в разных поколениях сельчан, столкновение отцов и детей – во взглядах, в высказываниях [6]. Читатель наблюдает приметы нового времени: деревенский клуб с обязательными портретами В.И. Ленина, М.И. Калинина, Н. Нариманова, бюст Ленина на почетном месте, стены, увешанные картами, диаграммами, плакатами и лозунгами, шкаф, наполненный газетами и журналами, часы [6, с. 81].

Раздумья Х. Такташа о советской действительности отражены в поэме *«Письма в грядущее»*, где образы писем проникнуты идеей торжества социализма в борьбе против отживающего старого. Обращаясь к Человеку Будущего, он зримо рисует будни настоящего. Так, письмо первое иллюстрирует общий фон борьбы:

«Когда получите послание, / Тяжелые пройдут года, / И коммунизм восторжествует / Повсюду на земле тогда. / И люди нашего столетия забудутся... / В огне порывов небывалых / Бой мы великий повели / За обновленье / Человека / И обновление / Земли» [22, с. 188].

Второе письмо на примере крестьянина Мухтара показывает единство противоположностей в психологии колхозника и человека переходного периода вообще, двойственное восприятие крестьянами происходящего:

«...Есть, братец мой, во мне два «я». / В едином теле два Мухтара. / Сейчас живет из них один, / Ты понимаешь, за коммуны, / Другой же против, сукин сын! / К примеру: мы в колхоз вступили / И лошадей обобществили. / ...Конь околел... / Старуха плачет... Погибнем, значит! / ...Но вот колхозники ко мне / Пришли, и вспомнил я, много нас! / Мы сообща исправим дело!.. / А если был бы один, / Бороться не хватило б силы. / Ведь вот в чем польза от того, / что в коллективе я, мой милый!» [22, с. 193–195].

В третьем письме автор демонстрирует, как социалистический труд меняет психологию человека, а в борьбе рождается новая жизнь и новая действительность. О значимости труда для человека и стихотворение *«Мукамай»* (1929):

«Как двое мальчиков из сказки, / Два голодранца: я и ты, / Карабкались мы на деревья, / Чтоб мир увидеть с высоты. / ...Ты беден был, но ты любил трудиться, / ты доброю душою обладал... / Ты не знал, / Что из трясины выбрать возможно / Лишь только вместе выхода ища. / Чтоб не погибнуть нам поодиночке, / Мы все должны трудиться сообща!» [22, с. 163].

Символы нового советского времени нашли отражение в трудах Галимджана Ибрагимова, написанных с позиций социалистического реализма и ставших заметным явлением национальной культуры. Еще в трилогии *«Наши дни»* [12]**, посвященной событиям революции 1905–1907 гг., где татарский герой (Султанов, Зариф Булатов) впервые сознательно вел борьбу за революционные преобразования, автор рассказывает о крушении старых устоев и пробуждении нового в татарском

---

* Отметим, что, судя по интервью, собранным в 1990 – начале 2000-х гг. автором статьи, у сельских жителей Республики Татарстан настенные часы в деревнях были достаточно большой редкостью.

** Первая книга трилогии была опубликована в 1920 г. В 1929 г. роман вышел на яналифе, в 1934 г. доработан автором, в 1962 г. опубликован на русском языке.

обществе, о проблемах духовных поисков молодого поколения, «очутившегося между двух миров» [13, с. 280].

В драматической пьесе *«Яңа кешеләр» («Новые люди», 1920)* Г. Ибрагимова, посвященной теме революции и Гражданской войны [13], на примере деревни показаны не только достижения революции, утверждение новой социалистической морали, но и сложность человеческих судеб в эпоху перемен. Нововведения разделяли родственников по разные стороны баррикад, доводили до убийства родных за дело революции или против нее [13, с. 545, 588]. Недаром Х. Такташ писал:

«В любой семье противоречья! / В иных – раздвоенность сейчас. / Себе противниками стали / Довольно многие из нас. / Порою старые привычки, / Обычай старый, старый взгляд / Рождению нового сознания / Еще преградою стоят!» [22, с. 195].

Сложности в социокультурном развитии деревни первых советских лет, неприятие учителей как проводников советской власти, часто выливавшееся в расправы над ними, также находили отражение в национальной литературе. Так, у Г. Ибрагимова сыновья богатых крестьян убили молодую учительницу Камэр [14, с. 582–584]. Рисуя картины установления власти Советов в повести *«Кызыл чәчәкләр» («Красные цветы», 1922)*, Г. Ибрагимов вновь приводит в пример расправу над сторонниками новаций в деревне, в том числе и над учительницей Хадичей: «В центре площади на столбах висело несколько человек. Люди были повешены вниз головой. Одного человека я узнал сразу – это была учительница Хадича, которая уже четыре года учила у нас детей. Живы ли они, нет ли – невозможно узнать. Руки безжизненно повисли. Лица окровавлены до неузнаваемости... на землю капает кровь... Вокруг них яростно, стоголосо шумит толпа, она напоминает черную тучу... Крики, ругань... Одни хотят что-то вырвать, другие не отдают... Все будто походили с ума: налитые кровью глаза, никто не соображает, что делает и чем это может кончиться...» [11, с. 218–219].

В целом повесть *«Красные цветы»* была посвящена воспитанию революционной воли, формированию новой социалистической морали. Рассказывая о взрослении пяти деревенских парней, вместе проведших детство, автор показывает глубокие перемены в их судьбах, внесенные революцией, разбросавшей друзей по разным лагерям. Так, сын хазрата Фазыл пытался приспособиться к новым общественным отношениям, сын бая Гали, не видя себя в новом, социалистическом пространстве, добровольно лишил себя жизни: «Я ненавижу и не принимаю ту жизнь, которую вы строите. Не верю также, что прежняя жизнь и прежние идеалы когда-нибудь вернуться. Теперь нет у меня ни желания, ни чести жить на свете...» [11, с. 227]. Выходцы из крестьян Султан, Гилязи и Шахбаз влились в ряды борцов революции, Гилязи и Шахбаз погибли за новый строй [11, с. 172–237]. Как говорит один из главных героев повести Султан Уразбаев, «я уже успел привыкнуть к борьбе, к бурным событиям революции. Борьба меня вдохновляет. Дни, прошедшие без нее, считаю потерянными» [11, с. 218].

Трагическим страницам истории татарстанских деревень начала 1920-х гг. посвящена повесть Г. Ибрагимова *«Адамнар» («Люди», 1923)* [14]. В ней отражена

борьба старого и нового в тяжелейших для народов Поволжья и Татарстана условиях голода 1921–1922 гг. Детальное изложение биологической и нравственной дегенерации людей, никак не совпадающее с картинами светлого советского будущего, экономическое бедствие и духовное страдание народа – реализм советской действительности. Размышления автора о деревне первых советских лет вызвали резкие осуждения «писателя-деревенщика» со стороны некоторых современников, в частности Г. Нигмати, как человека, не знавшего жизни новой советской деревни [см. подробнее: 5, с. 909–910].

Между тем Г. Ибрагимов принял активное участие в организации практической помощи голодающему населению. Под редакцией Г. Ибрагимова и Ф. Бурнаша было издано два сборника (*Сборник литературной помощи*, на тат. языке), объединивших творчество татарских поэтов и писателей (Шамиль Усманов, Муса Гали, Махмуд Максуд и др.). Сбор от реализации книг был полностью передан в пользу голодающих детей [19, с. 304]. Тесно перекликаются с произведением Г. Ибрагимова стихи М. Гафури «*Кеше ашаучылар*» («*Людоеды*»), «*Голодный*», «*Плачут*», «*Погасли*» и др. (1922) [2; 9]. «Ах, как больно плачут-стонут несколько миллионов детей!.. / Ах, как жалостливо плачут несколько миллионов матерей!.. / Их не сто и не сто тысяч!.. Несколько миллионов их – / Каждый из них увидел голод, все вместе плачут и угасают!» [см.: 3].

Знаменем преобразований первых советских десятилетий стал роман Г. Ибрагимова «*Тирән тамырлар*» («*Глубокие корни*», 1926–1928) [10, с. 141–322]*. Богатый композиционно, насыщенный героями и судьбами, он обнажил социальные противоречия и сложности человеческих отношений в постреволюционной татарской деревне, рождение нового общества в борьбе со старым уже в условиях НЭПа.

Роман начинается с картины убийства крестьянина-активиста Фахри: «Быстро разнеслась печальная весть. Мужчины, женщины, старики и молодые, побросав дела, игры, разговоры, все двинулись к оврагу Яманкул. Фахри любили. Любили как своего, как близкого, как человека, коренником тащившего тяжелый воз» [10, с. 143–144]. Автор выдвигает на первый план социальные мотивы убийства, т. к. Фахри, у которого на уме были лишь «артель, коммуна, колхоз», был сторонником нового строя. Символичны даже описания природы: майская ночь, вырванный с корнем старый дуб, непрекращающийся дождь, – подтверждающие, что рушатся старые устои жизни, в муках рождается то новое, за которое отдали свою жизнь Фахри и другие жители деревни. Время весны стало символом пробуждения, свидетельством надежды: «как за суровой зимой пришла весна, так и после тяжелой жизни наступит счастливая пора» [10, с. 150–151]. В романе говорится о преемственности революционных традиций, взрослении молодого поколения комсомольцев – строителей новой жизни, об уроках революционной борьбы представителей татарского народа, многому научившихся у русских революционеров.

---

* Перевод И. Ханиповой.

** Замысел романа родился еще в 1923 г., когда Г. Ибрагимов узнал из республиканской газеты об убийстве кулаками активного селькора.

Маркерами советского времени, характеризующими социально-культурное пространство села, стали новые для деревенских людей слова и понятия: тракторист, машинное товарищество «Трактор», артель «Маяк», колхоз, коммуна «Уртак» («Общее»), совхоз «Хезмэт» («Труд»), земотдел, детсад, диспансер, Татлес, Татмашина, Таткнига, партконференция, фабзавуч, школа крестьянской молодежи, колхозные поля, сельские собрания, сходки актива, профсовет и т. п. [10, с. 149, 162, 173, 167, 197, 198, 233, 213, 219, 220, 144, 158, 201, 203, 227, 266].

Отличительная черта романа – многообразии портретных описаний различных социальных типов, например, всю жизнь проживший в тяжелом сельском труде дед Джиганши – в детстве крепостной мирзы Х. Акчулпанова, трудолюбивые и терпеливые татарские женщины Айша и Нагима, пионер – «шустрый мальчуган с красным галстуком на шее» и др. [10, с. 151]. Автор рисует и яркие образы отрицательных героев – Вали-бая, убийцы главного героя, деревенского пьяницы Ахми.

Агитационную направленность носили пьесы 1920-х гг. Карима Тинчурина, ориентированные на демократичного зрителя – вчерашнего крестьянина («Американец», «Без ветрил» и др.) [см.: 24]. Герои пьес соответствуют психологии мигрантов 1920-х гг., т. к. именно сорванные революцией с мест обыватели, индивидуалисты – объект социально-психологического анализа автора. Не прибегая к формам открытого конфликта, автор показывает, что индивидуализм разрушает личность. Событиям 1930-х гг. – строительству колхозной электростанции посвящена пьеса «На берегу Кандыр» (1931–1933). Рабочему-двадцатипятилетнему Акбердину, выходцу из деревни, приходится преодолевать враждебные вылазки кулачества, сомнения крестьян о необходимости строительства электростанции. На помощь колхозникам приходят комсомольцы города, представители разных национальностей. Сельские и городские комсомольцы проводят социалистическое соревнование – и маловодная река Кандыр дает свет: «Те огни, что мы зажгли сердцами... / вечно будут Родине светить / ...В славной битве дружного труда / В день проходим целые года». Пьеса полна новыми для деревни словами: клуб, столовая, автобус, полевод, бригадир, комсомольцы и пионеры и др. [см.: 23].

Одной из главнейших задач советской деревни конца 1920-х – начала 1930-х гг. стала коллективизация сельского хозяйства, при этом взятый Татарской республикой курс на сплошную коллективизацию часто порождал недовольство со стороны крестьян. Реальными событиями были крестьянские/кулацкие восстания против советской власти. Восстание вилочников, недавно вошедшее в современную историю и получившее освещение в школьных и вузовских учебниках, стало одним из трагических эпизодов романа. Убийство комсомольца, которого вместе с истерзанным учителем Х. Джагфаровым привязали арканом к жеребцу и пустили по улице, не только поражает читателя своей жестокостью, но и свидетельствует о раздвоении деревенского общества. Попытки стариков-крестьян защитить сразу же пресекались: «Зачем Хабиба трогаете. Ведь он не коммунист!», «А ты какой защитник? Иль того же захотел? Хабиб – собака! Он хоть и не коммунист. А их песни поет. Бей его!» [11, с. 213–214].

Наполнены реализмом бытовые картины романа. Налаживание быта, устройство столовой, организация детской площадки, детсада по замыслу автора должны были привести униженную татарскую женщину к свободе, к свету и новой жизни [11, с. 149, 162, 173, 167, 197, 198, 233, 213, 219, 220, 144, 158, 201, 203, 227, 266]. Маркерами советского в социокультурном пространстве деревни стали детские общественные организации. Так, чувашин Паларосов, товарищ убитого Фахри еще со времен совместной борьбы с голодом, такой же активист, как и большинство чувашей, умевший говорить по-татарски, в избе друга видит полку с книгами, брошюрами и журналами, а «на столе неумелой детской рукой были вырезаны две надписи: „Пионер Самад” и „октябренок Азад”» [11, с. 152, 156].

Свидетельством преобразований в деревне первых десятилетий власти Советов стали и повести Шарифа Камала *«Хайри – комсомол»* (*«Хайри – комсомолец»*, 1924), *«Авыл матур уйлый»* (*«Деревня думает красиво»*, 1925), *«Жыр тавышлары ишетелгәндә»* (*«Когда слышны звуки песни»*, 1926), *«Адам үсә»* (*«Человек растет»*, 1927), революционный роман *«Таң атканда»* (*«Когда цветет рассвет»*) [16]. Обращался к крестьянской теме Махмуд Галаяу в романах *«Болганчык еллар»* (*«Муть»*), *«Мөһажирләр»* (*«Мухаджиры»*) [8].

Произведения Кави Наджми *«Светлая тропа»* (1929) [18, с. 97–123] и *«Дождь сквозь солнце»* (1930) посвящены коллективизации сельского хозяйства и социальной борьбе в деревне. Героиня рассказа *«Светлая тропа»* Мадина, оставшаяся сиротой, с ранних лет сама зарабатывала себе на хлеб [18, с. 103–104]. Назначенная в д. Ямансаз учительницей, она отказывается участвовать в попойках, устраиваемых на школьные деньги заведующим волостным отделом народного образования Г. Туктамышевым; не соглашается на предложение Шаймардана вести дополнительно уроки Корана, за что оклеветана кулаком в распутстве; устраивает спектакль «На новом пути», поставленный и написанный самой молодежью деревни; поднимает вопрос о необходимости организации Дома крестьянина в волости; выпускает стенгазеты, высмеивающие злоупотребления местной власти. С началом коллективизации и смертью одного из бедняков-активистов, дом которого был подожжен, Мадина агитирует за организацию колхоза, учит и детей, и взрослых грамоте, старается внушить жителям двух соседних татарской и русской деревень, что они должны жить по-братски. Рассказ заканчивается заявлением крестьян об организации колхоза «Светлая тропа».

События татарстанской деревни нашли отражение в кряшенской литературе: сочинениях Даржи Аппаковой, Д.Г. Григорьева (Давид Саврушский, кряшенский поэт и драматург), Г. Беляева, Лидии Сейфуллиной и др. [15, с. 486–495]. Нововведения в социокультурной жизни деревни находили отклик в школьной литературе, в частности в азбуке-букваре, книге для чтения *«Новая жизнь»* [1]. Широкую популярность приобрели пьесы Ф. Кавалинского *«Инсценировки для колхозной сцены»*

---

* Рукописи текстов не сохранились, поэтому в 1931 и 1934 гг. переведены на татарский язык с русского.

(1935), «Сенокос», «Родина» (1939), Ю. Куркина «Письмо хазрата. Пьеса в 3 действиях из жизни строительства колхоза» и др. [4].

Заметным явлением в литературе 1920–1930-х гг. стали работы Л.Н. Сейфуллиной, такие, например, как «Инструктор “красного молодежи”» (1924). В «Каин-кабаке» автор подробно описывает физическое и нравственное угасание одного из героев [20], новые явления, нарушавшие устои деревни: «пришла девка к активной жизни, а раньше только с матерью и могла разговаривать» [20, с. 326].

В повести «Перегной» (1922), фактически летописи Гражданской войны, уже первые строки рассказывают о психологии крестьянина, разбуженного революцией и ходившими по деревне слухами: «Про Ленина слухи разные ходили... из немцев. Из русских, только немцами нанятый и в запечатанном вагоне в Россию доставленный для смуты. Бывший старшина волостной Жиганов этим интересовался и каждый раз из города новый слух привозил» [21, с. 129]. Новое в жизни деревни постоянным рефреном звучит в «Перегное»: «А с году девятьсот семнадцатого город деревню вертуном завертел. Новое, новое, новое...» [21, с. 138]. «Новое правительство от рабочих и крестьян, потому и в одежде не хочет роскоши» [21, с. 154]. Автор ярко описывает картины деревенского самосуда, раскрывает отношение города к деревне, повествуя о расправе над сторонниками власти в ходе восстания, показывает жестокость неприятия нового: «Земля нынче хорошо родит – большевиками унавозили». Проявляются и локальные признаки времени, например, «котлы беспризорников», «рогожное знамя» [21, с. 177, 164–165, 324, 333]. Награждение «рогожным» знаменем сильно походило на шествия с хоругвями, вновь напоминая крестьянам о темном прошлом.

События крестьянской жизни нашли отражение и в творчестве национальных писателей соседних Татарстану автономных образований. Например, М. Шкетан (Я.П. Майоров) – марийский писатель и общественный деятель на рубеже 1920–1930-х гг. был одним из организаторов колхоза, председателем ревизионной комиссии, руководителем сельского драматического кружка, ставившего постановки на злободневные темы: «Шошым сенген» («Весна победила», 1924), «Шурно» («Урожай», 1933) и др. Его рассказы, как для взрослых, так и для детей, посвящены нововведениям советской власти в марийской деревне [26–28]. В пьесах «Эх, родители!» (1928), «Осадок муты» (1932) М. Шкетан (Яков Майоров) создал яркие образы марийских трудящихся, ищущих путь к новой жизни [25]. О событиях в российской деревне, повторяющих в целом тенденции, происходившие в татарстанской деревне, рассказывают произведения русских авторов.

Литература 1930-х гг., прославляя достижения сталинских лет, часто использовала новую категорию времени, связанную с советской плановой экономикой, – пятилетку [См., например: 17]. Слова «новаторство», «социалистическое соревнование», «план», «стахановец» все чаще стали звучать на страницах произведений. Однако вводимый в первые десятилетия социалистического строительства хронометраж рабочего времени в условиях деревни не получил отражения на определении заработной платы, поскольку крестьянин-колхозник получал трудовень (или в простонародье – палку, участники многочисленных интервью так и рассказывали:

«Работали мы за палки»). Окончательное распределение зачастую зависело от урожая и т. п.

Таким образом, для произведений первых советских десятилетий характерны реализм, заостренное внимание на социальном анализе жизни. Психологические зарисовки жителей деревни, для которых революция 1917 г. с последовавшими за ней разрухой, Гражданской войной выступила как фактор времени, разделивший крестьянскую жизнь на до и после, ярко демонстрируют ломку традиционных устоев, сознания крестьян. Отличительной чертой национальной литературы, как и российской в целом, становится детальное изучение новой морали, проникающей во все области производства и быта, взаимоотношений отдельно взятой личности с коллективом, трансформации взглядов простого труженика и перерождения самого человека под влиянием революционных идей.

Источники и литература

1. Aliksijef I.A., Grigurijef A.N. Yaña tormoş: keräşen şullar өсөн әlifba. – Qazan, 1928 (на тат. яз.).
2. Gafuri M. Aclıq тырнагында (1921–1922 нсе йлларда). – Qazan, 1928. – 31 б. (на тат. яз.).
3. Gafuri M. Ыльјлар // Aclıq тырнагында (1921–1922 нсе йлларда). – Qazan, 1928 (на тат. яз.).
4. Kurkin J. Хәзрәт хать: 3 пәрдәдә, ауьлда колхоз ојштыгү tormыşnнан: Gradof sbornıgnnan альньр yzgәrteler еşләнде. – Qazan, 1930. – 106 б. (на тат. яз.).
5. Ахметова М.А. Тема голода в повести Г. Ибрагимова «Адәмнәр» («Люди») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2020. – Т. 30. – Вып. 5. – С. 909–916.
6. Бурнаш Ф. Камали карт // Бурнаш Ф. Молодые сердца. – Казань, 1969. – С. 79–150 (на тат. яз.).
7. Бурнаш Ф. Ленин партия // Бурнаш Ф. Молодые сердца. – Казань, 1969. – С. 366–373 (на тат. яз.).
8. Галәү М. Мөһажирләр. Тарихи роман. – Казан, 2000 (на тат. яз.).
9. Гафури М. Ачлык тырнагында. – Уфа, 1923 (на тат. яз.).
10. Ибрагимов Г. Дочь степи. Глубокие корни / пер. с тат. и коммент. Г. Шариповой. – М., 1957.
11. Ибрагимов Г. Красные цветы. – Казань, 1987.
12. Ибрагимов Г. Наши дни / пер. с тат. Р. Фаизовой. – М., 1966.
13. Ибрагимов Г. Новые люди // Ибрагимов Г. Избранные произведения: в 3 т. – Т. 2. – Казань, 1956. – С. 533–592.
14. Ибрагимов Г.Г. Әдәмнәр. – Казан, 1998 (на тат. яз.).
15. История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.) / под ред. Р. Хакимова. – Казань, 2017.
16. Камал Ш. Избранные произведения. – Казань, 2004. – 446 с. (на тат. яз.).
17. Наша Родина / под ред. А. Стецкого, С. Ингулова, Н. Баранского. – М., 1937.
18. Наджми К. Светлая тропа // Наджми К. Повести и рассказы / пер. с тат. – М., 1957. – С. 97–123.
19. Очерки истории партийной организации Татарии. – Казань, 1973.
20. Сейфуллина Л.Н. Каин-кабак // Сейфуллина Л.Н. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1. – М., 1958.
21. Сейфуллина Л.Н. Перегной // Сейфуллина Л.Н. Четыре главы / авт. вступ. статьи Г.Н. Добыш. – М., 1989.

22. Такташ Х. Письма в грядущее / пер. с тат. Л. Мартынова, сост. А. Исхак. – Казань, 1971.
23. Тинчурин К. Кандыр буе // Тинчурин К. Избранные драмы и комедии: в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1969. – С. 405–485 (на тат. яз.).
24. Тинчурин К. Избранные драмы и комедии: в 2 т. – Казань, 1969 (на тат. яз.).
25. Шкетан М. Ачийжат, авийжат: драма (Эх, родители!...: драма). – М., 1928 (на марийск. яз.).
26. Шкетан М. Ме тоштым сенгена: ойлымаш (Мы старое победим: рассказ). – Йошкар-Ола, 1931 (на марийск. яз.).
27. Шкетан М. Мичун уке ачажат: ойлымаш (У Мичу нет отца: рассказ). – М., 1928 (на марийск. яз.).
28. Шкетан М. Яку: йоча ойлымаш (Яку: рассказ для детей). – М., 1928 (на марийск. яз.).
29. Юзеев Н. Певец новой красоты // Такташ Х. Письма в грядущее / пер. с тат. Л. Мартынова, сост. А. Исхак. – Казань, 1971.

УДК 316.354

Г.С. Широкалова

*Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия*

НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ: ОЦЕНКИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Статья посвящена анализу отношения россиян к новому для современной России типу общежития, основывающегося на полном обобществлении средств производства и недвижимого имущества, доходов от профессиональной сельскохозяйственной деятельности, сформировавшемуся в процессе поиска форм выживания в условиях российского общества риска. Положительные оценки опыта коммунаров Ростовской области выполняют терапевтическую функцию, поскольку оживляют многообразные положительные коды советского прошлого, порождают надежды на возрождение коллективизма в далеком будущем новыми поколениями. Однако молодежь, социализировавшаяся в принципиально иных условиях, при положительном отношении к подобным формам жизни не выбирает их для себя как близкую или отдаленную перспективу.

Ключевые слова: сельское хозяйство, коммунитарное общежитие, образ жизни, ностальгия, советское прошлое.

G.S. Shirokalova

NEW FORMS OF RURAL LIFE ORGANIZATION: ASSESSMENTS IN SOCIAL NETWORKS

The article is devoted to the analysis of the attitude of the Russians to a new type of dormitory for modern Russia, based on the complete socialization of means of production and real estate, income from professional agricultural activities, formed in the process of searching for forms of survival in the conditions of the Russian risk society. Positive assessments of the experience of the communards of Rostov region perform a therapeutic function, since they revive the

diverse positive codes of the Soviet past, generate hopes for the revival of collectivism in the distant future by new generations. However, young people who have socialized in fundamentally different conditions, with a positive attitude to such forms of life, do not choose them for themselves as a near or distant prospect.

Keywords: agriculture, communal hostel, lifestyle, nostalgia, Soviet past.

Престиж работы в сельской местности в постсоветское время резко снизился в связи с ликвидацией сельхозпредприятий, социальной инфраструктуры, ухудшением условий жизни и, как следствие, необратимостью демографических процессов. Образ жизни населения во многих сельских населенных пунктах может быть охарактеризована в координатах 4D: Дорабатывают, Доедают, Донашивают, Доживают [6, с. 613–622].

Отсутствие разнообразия рабочих мест с заработной платой, позволяющей восстанавливать рабочую силу, содержать семью, остается решающим фактором миграции наиболее социально активной, образованной молодежи [7, с. 157–162; 8, с. 631–634].

В то же время у небольшой в количественном отношении части населения резкое разрушение идеологических и нравственных ориентиров с конца 1980-х гг. закономерно вызвало к жизни поиски таких форм организации жизни, в основе которых сохранялись бы нормы взаимоотношений людей, основывающиеся на традиционной морали. Реализовать их проще в сельской местности, причем без обязательной ориентации на сельхозпроизводство, поскольку появились технические возможности удаленной работы во многих сферах. Во внимание принимаются многие факторы: размеренный ритм жизни, круг единомышленников, защита детей от негативного влияния «улицы», более здоровый/дешевый образ жизни на природе... Появление новых сельских поселений, основывающихся на единстве мировоззренческих ценностей, зависит от многих факторов: выбора сферы занятости, позволяющей получать достаточный для проживания в селе доход, популярности идеологии, лежащей в основе формирования сельского сообщества (общины), личностных характеристик лидера, его харизмы, желания/умения подготовить преемника, выбора критериев отбора поселенцев.

В условиях российских рыночных отношений это народные предприятия, сельскохозяйственные коммуны, экопоселения анастасийцев, коммуна движения «Суть времени» и другие формы в большей или меньшей степени коммунитарной жизни. Каждое из них имеет свои особенности, позволяющие удовлетворять базовые не только физиологические, но и социальные потребности их членов. Как и всякие не часто встречающиеся явления, они имеют и сторонников, и противников, представленных в социальных сетях.

В данной статье объектом анализа стали отзывы на Спецрепортаж о коммуне «Донская Ново-Гундаровская община» на окраине Донецка Ростовской области [4]. Вначале кратко передадим содержание посвященного ей в 2019 г. Специального репортажа. Задержки в зарплате, выплата ее продукцией предприятий, неприятие провозглашаемых либералами ценностей, стремление к здоровому образу жизни

стали в 2001 г. причиной покупки несколькими семьями заброшенного детского спортивного лагеря и организации сельскохозяйственной коммуны.

В настоящее время в ней более 150 человек, из которых 50 – дети. В общину желающих не принимают, объясняя это отсутствием свободной жилплощади. Среди общинников (самоназвание коллектива «община») – люди самых разных профессий: музыкант оркестра народных инструментов, научный сотрудник, шахтер, механик, предприниматель и т.д. Финансовую основу коммуны составили денежные средства от продажи квартир, накоплений, пенсий и т.д. «В первые годы вложили, кто сколько смог, даже записали, думали, что со временем выровняем». Начинали с одной коровы, сейчас ферма, свиноводство... В планах – конюшня для лошадей, новый курятник. 300 га земли в аренде.

«Отказаться от материального было очень трудно, но постепенно увидели, как хорошо, когда нет материальной зависимости». Денежных отношений внутри коммуны нет. «Мы дома. Мы деньги не получаем – все общее». Каждый отдает в общий котел все, что заработал, пенсии, взносы новоприбывших. «Я живу здесь дома, в семье. Я продал квартиру, а получил столько корпусов, ферму, столовую... Это все мое», – говорит один из общинников, глава семьи средних лет. «Деньги стали не главными и не во имя их. Человек впереди. Можно сказать: каждому по потребности». Конечно, не все могут решиться принять новые условия жизни, поэтому желающим покинуть коммуну вложенные средства возвращаются.

Доходы на налоги, платежи за аренду земли, покупку техники и т.д. коммуна получает от реализации сельхозпродукции. Ее жители не имеют жестко закрепленной за каждой профессией, меняя занятость в зависимости от своей квалификации, состояния здоровья, желания и потребности коммуны. У них общий стол, пятиразовое питание в удобное для каждого время. Все вместе собираются вечерами на ужин. На вечерних планерках решаются вопросы распределения работ, закупок и т.д. Наиболее авторитетные члены общины выбираются в Совет, который возглавляется кем-то из них на два месяца. Кроме того, есть Советы по направлениям работы: Совет мам, Совет по образованию. Если возникают недоразумения, их разрешают на Советах или голосованием.

«Помните старые добрые фильмы, как люди в них жили, строили, все вместе... Я мечтала жить в таком обществе, и мечта сбылась». «Нет страха за ребенка. Дошел ли из школы, не курит ли травку...» «Вся семья вместе».

В коммуне есть детский сад, школа семейного воспитания, преподаватели есть по всем предметам. Дети ежегодно сдают школьные экзамены для перехода в следующий класс. После окончания школы, получая среднее профессиональное образование, планируют вернуться в коммуну. «Атмосфера в городе другая. Некому доверить свою спину». «Большинство кроме модной одежды и телефона ничем не интересуется. На занятия ходят для галочки». В будущем подростки видят себя газосварщиком, автослесарем, как их отцы, в мастерскую к которым ходят после школьных занятий.

Естественна «настороженность местного населения, считавшего, что это секта. Спрашивали: как вы молитесь? Мы говорим, молимся. В поле. Берем тяпку и молим-

ся. Писали в администрацию на нас один – два человека. Каких только проверяющих не было, но сейчас привыкли к нам. Времена настали более спокойные» [5].

На сайте общины есть рассказы людей о том, как они стали ее членами. Все личные истории связаны с духовными поисками смысла жизни, стремлением найти выход из трагических обстоятельств. Приведем названия этих фактически исповедей: «Когда мне было 22–23 года, в течение полутора лет из жизни ушли сначала муж...», «Мне тогда было около сорока лет. Жизнь для меня не имела ни цели, ни смысла...», «В центр меня привела дочь...», «Мы приехали в Общину всей нашей небольшой семьей...» [3]. В этих бесхитростных рассказах нет завораживающей фабулы, стремления получить лайк, чего сайт и не предусматривает. Это исповеди о живании, которые могут помочь, если у вас похожие проблемы.

О поселении в центральных СМИ было несколько публикаций, каждая из которых раскрывала новые подробности об организации жизни. Сошлемся лишь на три из них. «Комсомольская правда» объясняла создание подобных поселений желанием тех, кто не может убежать в Европу или Австралию, а «нету мочи выдержать российское житие»... спрятаться за забор «от хищного и опасного мира». В коммуне нельзя пить, курить, запрещена нецензурная брань, супружеские измены. Свобода совести: выбор веры или атеизма – личное дело [1].

Корреспонденты «Российской газеты» акцентировались на занятиях в свободное время: «просмотр фильмов с dvd-дисков. ...никаких боевиков и прочих смущающих сознание картин. Телевизор используют лишь для «отбора полезной информации». В остальное время катаются на коньках и лыжах, летом плавают в реке и ловят рыбу [2].

НТВ – Информационная программа попросила специалиста по деструктивным сектам оценить образ жизни общинников. Ответ был однозначным: необычность не означает психическое расстройство, а их адаптированность вне всяких сомнений [4].

Информация о Специальном репортаже «Коммуна» вызвала немалый интерес в интернете. Видео было выставлено в 2019 г. На 30.04.2022 г. зафиксировано 43425 просмотров, 1,9 тысячи положительных отзывов/лайков и ни одного отрицательного. Но в комментариях есть несколько сомнений о постановочности видео, сектанстве общинников. Реакция на них среди других диспутантов жесткая и аргументированная. Структурирование 638 комментариев дает возможность классифицировать их по нескольким темам. Для передачи впечатлений участников дискуссии приведем цитаты из переписки/дискуссии с сайта, структурировав их по нескольким основаниям.

1 – положительная эмоциональная оценка опыта коммунаров.

Г.В.: «Вот это да! Нормальные человеческие отношения! Дети получают хорошее воспитание, и стариков не отправят в дома престарелых и детей в детдома... Чудо, просто чудо, в наше такое тяжелое время, выжить легче... Такая одна большая дружная семья! Вы молодцы! Так держать!»

Л.Ю.М.: «На последних кадрах, где коммунары, взявшись за руки, все вместе поют о любви и о России – аж мурашки по коже. Какие талантливые наши русские люди – ведь все умеют, и как дружно! Соборяне, говорил Лесков».

2. Ностальгия по СССР.

Е.Р.: «Счастливые люди! Чувство коллективизма и сопричастности в строительстве своей жизни – это ведь все было в СССР! Самые лучшие времена в моей жизни! Желаю этим людям процветания, стабильности и счастья!»

Л.Ж.: «Я тоже очень хочу ДОМОЙ! В свой родной Советский Союз! Хочу свободно перемещаться по стране, хочу видеть счастливые и добрые лица, хочу слышать звонкий смех, а не истерики детей, хочу слышать разговоры молодых о своих мечтах и делах, а не о «бабках»! Многое чего хочу чистого и светлого. Грязь уже проела печенки, не дает дышать!»

3. Поиски исторических аналогий, свойственных России.

с.: «Это называется АРТЕЛЬ! Мои предки по матери так жили еще до революции (золотишко мыли в Иркутской области). И во многих местах по России так жили еще до революции. Община и артель. Община в сельском хозяйстве в большей мере, а артель в промышленности и добыче ископаемых ресурсов. В общине основа – это общая собственность на землю, а в артели основа – общая собственность на средства производства. Так и жили по России испокон веков. Все обеспечивались всем необходимым общиной или артелью. Торговали без посредников – сами ездили продавать на ярмарки и в другие места, некоторые имели свои лавки в городах. Самое главное, рэкетеры и коллекторы в такую деревню не сунутся – вся деревня встанет».

К.П.: «Все-таки артель – это когда общий заработок. А в коммуне кроме заработка еще совместное проживание».

4. Беспокойство за будущее коммуны.

И.И.: «Долго так не протянут. Даже в семьях трудно без расчета. Дети спорят и обижаются, кого мама больше любит и кому папа больше дал денег. А тут все инфантильно. Нормальным людям не интересно».

Н.Т.: «Для людей физического труда – хороший вариант. Базовые вещи есть: свежий воздух, качественная пища и крыша над головой. Хотя есть изрядный риск заскучать».

5. Беспокойство за будущее детей.

Г. и З.: «Дети – вот главное! Выросшие в едином здоровом духе общины будут создавать другие общины. Это единственное спасение нынешнего погибающего общества».

Г.: «Как приятно слышать от ребяташек, кем хотят стать: сварщиком, механиком – рабочие специальности, а не менеджером... барыгой. Значит, не все еще потеряно!!!»

И.А.: «Здорово, конечно. Дети вырастут. Им нужно образование, профессия. Кто оплатит поездку на учебу?»

Р.Я.: «Остаются почти все. По 3–4 ребенка на семью у них. С высшим образованием мутно, то ли целенаправленно не дают, то ли желающих нет. Хотя в школе учатся сильно лучше среднего».

6. Роль личности организатора поселения.

В.С.: «У нас тоже есть похожая целая деревенька. Вчера там был, в магазине 7 р. должен, завтра опять поеду, надо вернуть. Правда, у них так же, как и при Союзе было, по слухам, благодаря директору совхоза...»

Подведем итоги. В каждой популяции при любых общественных отношениях есть альтруисты и эгоисты, но большая доля ее членов социализируется под влиянием условий, создаваемых государством. Именно поэтому, судя по комментариям, их авторами являются люди среднего и старшего поколений с опытом жизни в Советском Союзе. Сформировавшись как коллективисты, они ищут в сетях информацию о существовании «оазисов», в которых сохранились дорогие для них ценности. Ностальгия проявляется в стимуляции поиска единомышленников для создания подобных поселений: К. П.: «Создается коммуна // <https://vk.com/communa2019>»; О.М.: «Мы ищем единомышленников для создания общины/артели/коммуны на Урале»; Ю.Т.: «Просто улёт... делаем по такому же принципу в Беларуси... На ютубе можно набрать ХУТОР ЧАРА будет много роликов и под ними координаты все наши...»

Это дает им надежду на возрождение в стране общественных движений на основе равенства, взаимоуважения, отказа от рыночных отношений хотя бы на уровне локальных сообществ. Для этой категории людей даже виртуальная встреча с тем, что напоминает их прежний образ жизни, имеет большой психотерапевтический эффект.

В то же время есть скептические оценки эмоционально окрашенной готовности участников переписки к смене образа жизни. Есть признания и неудачного многолетнего опыта поиска единомышленников для создания подобных поселений.

Интернет-сайты анонимны. Можно лишь по косвенным признакам догадываться об основных социальных характеристиках авторов. Есть ли будущее у подобных коммун, будет решать молодежь, в большей или меньшей степени профессионально близкая к сельскому хозяйству. В рамках дисциплины о развитии сельских территорий студентам сельхозвуза было дано задание посмотреть Спецрепортаж и ответить на ряд вопросов. Приведем типичные мнения нескольких студентов/студенток: «Каждый человек может чему-то научить ребенка. А так как это общество – коммуна – всесторонне развитое общество и в нем находятся люди всех возможных профессий, то с детьми постоянно занимаются и по каждому предмету есть свой преподаватель, поэтому дети здесь получают достаточное образование. И каждый ребенок здесь получает даже больше индивидуального обращения, нежели учась в обычной школе».

«Я считаю, что конфликты между людьми в коммунах, скорее всего, бывают, но, возможно, это не конфликты, а некоторое недопонимание. Так как все люди разные и имеют свое мнение и характер. Идеальным все и всегда не бывает – ведь это жизнь. В любом случае они могут договориться и прийти к решению проблемы».

«Любой ли человек полезен коммуне? Да, каждый человек полезен. Труд бывает не только физический, поэтому человек, не имеющий физических возможностей помогать и заниматься бытовыми задачами, может найти себя в преподавании или решении вопросов по средствам своих знаний».

«В подобных коммунах встречаются многодетные семьи, потому что у людей есть уверенность в завтрашнем дне. Они не боятся остаться на улице, никому не нужные, без жилья, работы и средств к существованию. Здесь им всегда помогут и не бросят на произвол судьбы в трудной ситуации. Дети в таких семьях всегда будут под присмотром, накормлены и одеты. Они одна большая семья, в которой нет чужих – все свои».

«Они никогда не чувствуют себя одинокими (вместе поют, проводят время, восстанавливаются после горя, поддерживают друг друга). Они строят свой мир, со своими законами и порядками». «Коммуна имеет человеческий масштаб – члены коммун считают окружающее общество слишком большим. Это не религиозное сообщество, их объединяют общее дело и идея».

«Думаю, такая форма возможна в нашей жизни, но только в небольшом количестве коммун. Коммуны не смогут уже догнать по развитию наш век, а значит, и уровень жизни слишком долго будет выходить на актуальный уровень. Себя сложно представить в подобном месте, т.к. слишком комфортно находиться в индустриальном мире на данный момент. Хотя меня очень привлекает в их образе жизни сплоченность, когда можно не бояться остаться ни с чем, потому что тебе помогут, как и ты готов помочь своей «семье». Думаю, такой вариант для меня был бы возможен при определенных обстоятельствах. Например, уйти в такое место в пожилом возрасте или если бы была очень одинокой. А на данный момент в качестве коммуны выступают семья и близкие люди».

Итог таков: юношеская идеализация образа жизни коммунаров несомненна. Студенты не прочь побывать там на экскурсии, но жить без личных средств, собственности на предметы повседневного обихода, возможности выбора сфер деятельности вне сельского хозяйства для себя и будущих детей, на виду у небольшого коллектива, в «строгой аскетичности» не согласны.

Означает ли это, что такие поселения в принципе невозможны? История свидетельствует, что коммунальная форма общежития как институт социальной защиты от агрессии окружающего мира будет всегда, но в самых разных формах. Самые устойчивые из них на сегодняшний день – монастыри и кибуцы, имеющие хорошо разработанную, поддерживаемую государством идеологию. Без этого слишком велика роль случайности, и не последний фактор – харизма основателя/руководителя.

Источники и литература

1. Бесплатный труд делает человека свободным! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/24271/467589/> (дата обращения: 17.03.2022).

2. В Ростовской области сотня горожан сбежала от цивилизации в бывший пионерлагерь [Электронный ресурс]. URL: // <https://rg.ru/2009/03/05/reg-jugrossii/lager.html> (дата обращения: 27.03.2022).

3. Общинники [Электронный ресурс]. URL: // <https://obshinniki.ru/istoria.shtml> (дата обращения: 25.03.2022).

4. Общинники [Электронный ресурс]. URL: // <https://obshinniki.ru/pressa.html> (дата обращения: 27.03.2022).

5. Специальный репортаж «Коммуна» – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hnLu4vxSQR4> (дата обращения: 20.03.2021).

6. Широкалова Г.С. Нижегородское село в координатах 4D // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: Материалы VII Всерос. (XV региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошар-Ола, 2018. – С. 613–622.

7. Широкалова Г.С. Что стало с миром? (о книге «Смыслы сельской жизни: опыт социологического анализа») // Социологические исследования – 2017. – № 6. – С. 157–162.

8. Широкалова Г.С. Специалист сельского хозяйства как интеллигент – уходящая натура? // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Вып. 16. Ч. 2. – М., 2021. – Вып. 16, ч. 2. – С. 631–634.

УДК 94(470.40/43)

Н.О. Шкердина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ПЕНЗЕНСКОГО, КАЗАНСКОГО И СИМБИРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII СТОЛЕТИЯ

Статья посвящена изучению топографических описаний Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств 1780-х гг. как исторических источников по аграрной истории Поволжья.

Ключевые слова: топографическое описание, Казанское наместничество, Пензенское наместничество, Симбирское наместничество, аграрная история, сельскохозяйственные культуры, состав почв, животноводство, ярмарки.

N.O. Shkerdina

TOPOGRAPHIC DESCRIPTIONS OF PENZA, KAZAN AND SIMBIRSK VICEROYALTY OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A SOURCE ON THE AGRARIAN HISTORY OF THE VOLGA REGION IN THE LAST THIRD OF THE 18th CENTURY

The article is devoted to the study of topographic descriptions of Penza, Kazan and Simbirsk viceroyalty of the 1780s as historical sources on the agrarian history of the Volga region.

Keywords: topographic description, Kazan viceroyalty, Penza viceroyalty, Simbirsk viceroyalty, agrarian history, agricultural crops, soil composition, animal husbandry, fairs.

Последняя четверть XVIII столетия стала периодом, когда практические и научные интересы государства шли рука об руку. В это время обнаруживается пристальный интерес к вопросам хозяйственного развития регионов страны как со стороны правительства, так и представителей научных кругов. Именно во второй половине XVIII в. зарождающаяся сельскохозяйственная наука начала изучение почв, разнообразных ресурсов, трудовой практики народов, населявших просторы Российской империи, и особенностей аграрного производства в разных климатических условиях. Это способствовало созданию информационно насыщенных трудов, содержащих самые разнообразные данные по географии, топографии, топонимике, демографии, статистике, региональной экономике и истории определенной административно-территориальной единицы, что было продиктовано объективными потребностями стремительно развивающегося государства. Среди таких работ видное место занимали топографические описания Пензенского, Симбирского и Казанского наместничеств, созданные в 1780-е гг.

Говоря об этих исторических источниках, хотелось бы некоторое внимание уделить истории их создания. Для нас большой интерес представляет «Топографическое описание Пензенского наместничества вообще» неизвестного автора (анонима). Время создания «Топографического описания Пензенского наместничества вообще» можно отнести к концу 1784 – началу 1785 г. [5, с. 4]. Источниковая база «Топографического описания Пензенского наместничества вообще» существенным образом не отличается от других подобных сочинений. Значимость этого исторического источника состоит в том, что оно вобрало в себя уникальные по своему разнообразию сведения по топографии, истории, демографии, статистике и хозяйственной жизни Пензенского наместничества по состоянию на 1784 г. Текст «Топографического описания Пензенского наместничества вообще» содержится в РГВИА (фонд 846 опись 1, дела 18911, 18912). Копии этих дел были сняты в 1957 и 1964 гг. начальником ГАПО Е.Г. Самойловым. В 1980-е гг. с текстом работал В.С. Годин, а в 2000-х гг. – М.С. Полубояров.

Не меньший интерес для исследователей, изучающих региональную историю, представляет «Топографическое описание по Казанскому наместничеству вообще и каждого города и уезда» неизвестного автора. Период создания этого источника относится также к 1784–1785 гг. Текст этого труда находится в фондах РГВИА (фонд 846, опись 1, дело 18743). В Военно-топографическом депо документ был зарегистрирован 4 апреля 1785 г. Документ содержит достаточно обширный корпус сведений о состоянии развития сельского хозяйства на территории Казанского наместничества.

Среди топографических описаний особняком выделяется «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще по вышеизъясненным запросным пунктам от кабинета Ея императорского величества 22-го марта 1784 года» Т.Г. Масленицкого с обширной историко-этнографической частью, написанной К.С. Мильковичем. Оно является одним из самых любопытных и информационно насыщенных топографических описаний этого времени.

Т.Г. Масленицкий является личностью довольно примечательной. Он обладал незаурядным умом ученого и навыками чиновника по работе с большим объемом разнообразного материала. В 1782 г. Т.Г. Масленицкому было поручено составление «Сочинения топографического описания» Симбирского края [6, с. 29]. В 1782–1784 гг. он занимался сбором и сведением материалов для будущего «Топографического описания губернии Симбирской вообще и порознь городов и уездов и обитающих в ней иноязычных народов, по запросным пунктам от кабинета ея Императорского Величества 1784 г.». В 1775 г. эта работа была им успешно завершена [6, с. 29].

Текст сочинения «Топографическое описание Симбирского наместничества...» Т.Г. Масленицкого содержится в РГВИА (фонд 846, опись 16, дело 19026). Копия части «Топографического описания Симбирского наместничества» Т.Г. Масленицкого, составленной К.С. Мильковичем, также содержится в фонде научного архива ГКУ НИИГН при Правительстве РМ (дело И – 1569).

Т.Г. Масленицкому удалось собрать исторические и географические материалы почти со всех населенных пунктов, в т.ч. в его труд вошла рукопись «О построении города Симбирска в 1648 году» князя П.М. Баратаева [6, с. 30]. Источниками для будущего топографического сочинения послужили все доступные материалы, содержавшие сведения о Симбирске. Среди них были: извлечения из «Царственной книги», «Опыта Казанской истории», «Древнего летописца», «Российской истории» В.Н. Татищева, трудов участников академических экспедиций. В пользу этого свидетельствуют определенные текстологические совпадения с сочинениями Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, П.И. и Н.П. Рычковых, И.Г. Георги и др. Кроме того, при составлении топографических описаний Симбирского и других наместничеств помимо основных составителей привлекался обширный круг специалистов, который включал в себя чиновников местного уровня, картографов, землемеров, сотрудников губернских архивов. В губернских центрах производилась картографическая работа по уточнению географических карт наместничеств под руководством специалистов, командированных Академией наук. На самом нижнем уровне получения статистической информации, согласно «опросным пунктам», были городские магистраты совместно с комендантами, городскими и капитан-исправниками. Затем все эти данные, в соответствии с требованиями, разработанными кабинетом Ее императорского величества, были отредактированы и сведены воедино Т.Г. Масленицким.

Все вышеозначенные топографические описания имеют много общих черт. Их структура носит схематизированный характер. Они состоят из нескольких частей: описание наместничества, каждого города наместничества и описание уездов. По сути, они представляют собой ответы на пункты анкетного запроса, которые были призваны охарактеризовать наместничество, входящие в него губернии и уезды.

Составителями топографических описаний скрупулезно фиксировались все доступные им данные, что делает эти работы важным источником по изучению сельского хозяйства Поволжского региона. На каждом административно-территориальном уровне давалось чрезвычайно подробное описание состава населения и

топографическое описание местности, ландшафта, наличие рек, озер, природных ресурсов, почв, наличие пашен, сенных покосов, лесов в каждом уезде. Так, в Пензенском наместничестве содержалось под «селениями земли пашенной 1.894.286 десятин 2200 квадратных сажень; лесу строевого и дровяного и сеного покосу – 1.221.287 десятин 2395 квадратных сажень, под усадьбами и огородами 98.150 десятин 620 квадратных сажень; неудобных мест по рекам, речками и ручьями, озерами и болотами – 18.051 десятина 500 квадратных сажень, под дорогами почтовыми и непочтовыми – 6685 десятин 920 квадратных сажень. Всего ж во всем наместничестве – 3.238.461 десятина 1835 квадратных сажень» [3, л. 6].

Хотя все топографические описания и составлялись по определенному трафарету, они зафиксировали индивидуальные особенности хозяйственной жизни Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств. В них описывались возделываемые культуры, их урожайность. Например, в «Топографическом описании Казанского наместничества» зафиксировано, что высеваются «житы: рожь, пшеница, полба, ячмень, овес, греча, проса и горох; семена: альяное (льняное), конопляное, маковое, репное и посеваются же картофели. Урожай житных посевов лучшими считаются вообще ржи от 5-ти до 7-ми мер, и бывают нечасто до 10-ти, потому же и протчих, а средние урожаи почитаются в 5 и 44» [2, л. 1]. В «Топографическом описании Пензенского наместничества» отмечено, что в Пензенском уезде сеют «по большей части рожь, пшеницу озимую и яровую, полбу, ячмень, овес, просо, гречиху, мак, лион (лен) и конопля. К которым примерный урожай бывает: к ржи – вшестеро, к пшенице озимой, льну и конопля – впятеро, к яровой (пшенице) – вчетверо, к полбе – всемеро, к ячменю и овсы – вдесять раз, к просу – вдвадцать и более раз, к гречихе – вдесять, к маку – впятьдесят раз и более» [3, л. 10–10 об.]. В топографических описаниях предпринималась попытка отметить региональную специализацию в растениеводстве и животноводстве, определить уровень потребления производимых продуктов на месте и количество их вывоза на ярмарки.

Авторами топографических описаний большое внимание уделялось анализу агротехнических приемов обработки почв, использованию сельскохозяйственных орудий, отмечалось время посева и уборки основных культур. Например, в Сызранский уезд Симбирского наместничества для «удобрения пашни, как весной, так и осенью, по сжатии хлеба, пускают на поля скот, который оставшуюся траву выбивает и некоторым образом наваживает. Сей род удобрения называется толокою. Сверх сего каждую весной оставшуюся солому, так как в Сызранской и в прочих Симбирского наместничества округах жнут хлеб высоко, выпаливают, через какое выжигание не только очищается пашня от ненужных трав, но ещё оно и препятствует, чтобы оставшиеся травы погнив, не произвели того перероста в хлебе, какой бывает от унавоживания. В случае выпаливания полей жители в предосторожность, дабы оно служило к пользе, а не во вред, употребляя при том все известные им средства. Они выпаливают также свои луга, но не для того, чтобы сие служило к лучшему приращению трав, но дабы оставшиеся старые стебли твердостью своею в кошени не препятствовали. Пар поднимают с 10 июня по 1-е июля. Посев производят ржи с 1 по 15 августа, а ярового хлеба в апреле месяце» [4, л. 66]. Если мы поищем

подобные сведения об агрономических приемах в «Топографическом описании Казанского наместничества», то там, как и в «Топографическом описании Пензенского наместничества вообще», зафиксирован только один способ улучшения урожайности песчаных почв — с помощью навоза. Кроме того, в материалах Пензенского наместничества отмечаются особенности подготовки земли под посевы и сроки посевной и жатвы: «и пахут все сохами на лошадях по два раза, а боронят по одному. Начинают пахать под озими пар в июне, а сеют оные в начале, середине и в конце августа месяца. Под яровые распахивают в конце апреля, а в начале мая месяца и около половины оного — высевают. Снимать начинают, как ржаной, так и яровой, в июле, а в конце августа месяца совсем убираются» [3, л. 40]. Эти сведения, а также многие другие детали в сфере описания агротехнических приемов последней трети XVIII в. в возделывании полевых и огородных культур, направленных на повышение урожайности, позволяют нам говорить о том, что топографические описания имели преимущественно практический характер.

Составители топографических описаний в характеристике хозяйственной жизни наместничеств стремились фиксировать максимальное количество факторов, которые влияли на характер сельскохозяйственного развития каждого уезда Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств в последней трети XVIII в. Это и особенности климата, ландшафта, наличие рек, лесов, залежей минералов, особенности состава почв, выделяя песчаные, глинистые, черноземные, иловатые, заболоченные и каменные. Так, зафиксировано, что в Казанском наместничестве «Земля в уездах по левой стороне реки Камы повсюду черная, а в прочих губернии уездах большую частью серая. Есть же местами глинистые, песчаные, и иловатые земли» [2, л. 1].

Надо сказать, что составители описаний в разных губерниях всегда отмечали их наиболее типичные особенности. Например, в «Топографическом описании Симбирского наместничества» отмечаются отличные от Казанского наместничества показатели урожайности, а также здесь несколько иначе используются хлебные запасы: большая часть хлеба шла на казенные и частные винокуренные заводы, т.е. сельское хозяйство активнее приобретало товарный характер. Эту ситуацию довольно подробно описал Т.Г. Масленицкий. Он писал: «Хлеб отвозится для продажи из уездов Алатырского, Ардатовского и Курмышского по большей части на казенный винокуренный Люльский завод и в Нижний Новгород зимним путем; из Котьяковского и Карсунского на заводы винокуренные частных людей, состоящие Карсунской округи в селах Сосновке, Пятине, Сюзюме и Труслейке Котьяковской округи — в Чиберчине, и на Сурские пристани, особенно на состоящую по близости города Котьякова при селе Промзине Городищах, знатную пшеничным торгом. К Волге — из Канадейской и Саранской в город Сызрань. Из Тагайской, Буинской, Сенгилеевской и части Ставропольской в Симбирск, Сенгилей и село Новодевичье. Из части Самарского уезда, прилегающего к Волге, в Самару и в Урал, а из северной части сего уезда и полуденной Ставропольского — на казенные винокуренные заводы Ставропольского уезда — Мелекесский и Кандалинский. А водою из губернии здешней хлеб отпускается рекою Сурою и Волгою в Нижний Новгород, до Рыбной

Слободы. А Волгою от Симбирска и прочих городов и пристаней, лежащих ниже его по течению реки – в Саратов, Царицин и Астрахань. А пшеницу из Симбирска возят и вверх на Макарьевскую ярмарку» [4, л. 22].

Не менее интересен и тот факт, что в топографических описаниях предпринимается попытка описать цикл сельскохозяйственного производства, начиная от того, какие культуры возделываются в том или ином наместничестве, и заканчивая указанием мест сбыта разнообразных готовых сельскохозяйственных продуктов на ярмарочных торгах или в качестве сырья на заводы для их последующей переработки. Например, в Пензенском наместничестве вернеломовское купечество и мешанство закупали у местного крестьянства «мед, воск, сало, масло коровье и шерсть для продажи в города Черкасск, на Урюпинскую ярмонку, в Ченбар на Десятую ярмонку, в Нижний Ламов – на Казанскую, бываемую там 8 числа июля, тако ж в города Саратов, Пензу и Ченбарской округи село Поим» [3, л. 18–18 об.]. Во многих вышеуказанных городах располагались небольшие предприятия, которые занимались переработкой сельскохозяйственной продукции.

Особый интерес вызывают и материалы, содержащие сведения о сельских ярмарках, которым принадлежала значимая роль как в социально-экономической, так и в социокультурной жизни населения Поволжского региона. При анализе топографических описаний прослеживается определенная классификация торговых мест. Авторы упоминают сельские базары, сельские ярмарки, проходившие в крупных селах, уездные ярмарки и губернские. Базары и ярмарки, независимо от своего уровня и масштаба, имели хронологическую привязку к определенным датам и сохраняли свою периодичность и некоторую товарную специализацию. Так, в Пензенском наместничестве были ярмарки преимущественно широкой товарной специализации: «в селе Поиме, Ершове и Аргамачеве. Товары по большей части бывают – хлеб, воск, мед, сало, кожи, хлебопашенные инструменты, сани и телеги, разный строевой, судовой лес, который перевозится на лошадях из Танбовского наместничества, также и щепетильный крестьянский товар. Съезд же народа бывает на оных немалый и продолжается не более как с утра и до половины дня [3, л. 52 об.]. На более крупной межрегиональной ярмарке, проходившей ежегодно в г. Саранске «16 числа на день Спаса Нерукотворного», продолжавшейся неделю, съезжалось «московское, тульское, курское, синбирское, арзамасское, алатырское, пензенское и прочих городов купечество с разными шелковыми, бумажными материями, с сукнами разных сортов и с вещьми в деле серебряном, притом же бывает пригон лошадей и всякому рогатому скоту» [3, л. 14]. Упоминается в «Топографическом описании Пензенского наместничества вообще» и ярмарка всероссийского уровня. Так, аноним писал, что близ Нижнеломовского Богородицкого монастыря «июля 8 числа, на день Казанской Богородицы, бывает ежегодно знатная ярмонка, продолжающаяся через неделю, на кою съезжаются купцы из разных Российской империи городов, как то: Москвы, Калуги, Харькова, Нежина, Ярославля, Танбова, Кадома, Темникова, Тулы, Арзамаса, Астрахани, Богучара, Коломны, Спасска, Мурома и Еткарска, с разными товарами» [3, л. 22 об.]. Ассортимент представленных там товаров был чрезвычайно широк: кроме разнообразной сельскохозяйственной про-

дукции были представлены ткани и зарубежные галантерейные товары. Отмечалось, что на территории Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств существовали ярмарки, специализировавшиеся на продаже зерновых и сельскохозяйственных животных (лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и т.д.). Все эти базары и ярмарки способствовали развитию товарооборота как в рамках уездов, так и на уровне наместничеств, внося свой вклад в развитие внутреннего рынка Российской империи.

В топографических описаниях фиксировалась численность населения, его словная принадлежность и податное состояние, ремесленная специализация сельских жителей. Среди крестьянских ремесел упоминаются: выделка кож, производство сбруи и упряжи, гончарное производство, изготовление деревянной посуды, варка мыла и др. Эти товары частично использовались в самих крестьянских хозяйствах, а их излишки поставлялись на базары и ярмарки.

Составной и самой колоритной частью «Топографического описания Симбирского наместничества» Т.Г. Мильковича были историко-этнографические очерки «О мордве», «О чувашах», «О татарах» [4, л. 1]. В них были зафиксированы отдельные особенности хозяйственной жизни разных народов. Например, повествуя о мордве – мокше, он отмечал, что те охотно занимаются пчеловодством и некоторые из них «имеют у себя по 200 и по 500 ульев» [1, с. 817].

В целом топографические описания Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств весьма детально характеризуют социально-экономическую жизнь Поволжского региона. В них содержится много информации о хозяйственной жизни разных народов, населяющих эту территорию. Данные исторические источники свидетельствуют о развитии экономического районирования. Все количественные данные, содержащиеся в топографических описаниях, брались из жизненной практики. Они являют собой первые статистические сведения об уровне хозяйственной жизни, поэтому важность их для изучения социально-экономического развития России 2-й половины XVIII в. неоспорима.

Можно предположить, что топографические описания Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств могли служить для правительства сводными источниками для сравнительного анализа эффективности административно-территориальной реформы 1775–1785 гг. Наличие столь обширного статистического материала позволяет проследить то, как повлияла модель новой системы регионального управления на существующий сельскохозяйственный комплекс.

Таким образом, мы приходим к пониманию особой роли историко-географических описаний среди исторических источников. Благодаря необычайно высокой фактической насыщенности и широкому охвату ими самых разнообразных вопросов социально-экономической жизни практически каждого села или города Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств топографические описания выступают весьма ценными историческими источниками, которые существенным образом могут дополнить или уточнить некоторые архивные материалы последней трети XVIII столетия по истории развития сельского хозяйства в Поволжье.

Источники и литература

1. Милькович К.С. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия (Из записок Мильковича) // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 18. – С. 815–831.
2. РГВИА Ф. 846. Оп. 1. Д. 18743.
3. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18911.
4. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19026.
5. Топографическое описание Пензенского наместничества. – М.: Самиздат, 2011. – 124 с.
6. Шкердина Н.О. Топографические описания провинциальных наместничеств Российской империи 1780-х гг. как исторический источник по истории Среднего Поволжья // Вестн. НИИ Гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – № 4 (24). – С. 27–31.

УДК 821.511.152+82–3

Т.В. Шугаева, О.Ю. Цыплякова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия

ОБРАЗ КРЕСТЬЯНИНА В МОРДОВСКОЙ ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ 1920–1930-Х ГГ.

В статье рассматривается образ крестьянина-борца в очерковой прозе периода зарождения мордовской литературы.

Ключевые слова: очерк, образ крестьянина, колхоз, новая жизнь, факт, очеркист, характер.

T.V. Shugaeva, O.Y. Tsyplakova

THE IMAGE OF A PEASANT IN A MORDOVIAN ESSAY PROSE OF THE 1920s – 1930s

The article examines the image of a peasant fighter in the essay prose of the period of the origin of Mordovian literature.

Keywords: essay, image of a peasant, collective farm, new life, fact, essayist, character.

1920–1930-е гг. являются ранним периодом бурного развития мордовской очерковой литературы. Активность очерка была вызвана специфичностью происходящих событий. «Очерк оказался первым прозаическим жанром младописьменных литератур не только в силу его своеобразия как жанра гибкого, оперативного, сочетающего в себе элементы различных жанров, но и в силу особых условий новой социалистической действительности» [1, с. 26]. В очерках нашли отражение и пропаганда новых идей века, и борьба против пережитков прошлого, рутины и косности. Все эти качества придали мордовскому очерку указанного периода злободневность, способствовали его утверждению как формы художественного познания новой действительности. В первых прозаических произведениях мордовских писателей решающую роль играл достоверный факт, отсюда и автобиографичность зарождавшейся национальной прозы.

Писатели, стоявшие у истоков мордовской литературы (З.Ф. Дорофеев, А.В. Дуняшин, П.С. Глухов, Ф.И. Завалишин, Т.А. Раптанов, П.С. Кириллов, Я.И. Григошин и др.), взяв на вооружение средства агитационно-просветительской статьи и очерка, пьесы-агитки и фельетона, публицистического стиха и частушки, активно утверждали основы советского строя и мордовской государственности, призывали овладеть грамотой, вступать в ряды Красной армии, вели атеистическую и культурно-просветительскую пропаганду, агитировали за колхозы и новый социалистический образ жизни.

Новый жизненный уклад требовал от литературы «летописания» эпохи при доминировании социальных тем и социально ориентированного подхода в создании характера. Чрезмерная социальность приводила к игнорированию или, по крайней мере, недооценке психологического подхода. Характер в первых мордовских рассказах и очерках — это скорее схема, отличительным свойством которой является максимальное упрощение внутреннего мира героя. Основным принципом создания подобного образа является непосредственная описательность: личностное содержание персонажа находит осмысление только во внешних приметах, фиксирующих в человеке преимущественно его идейно-нравственные отношения с эпохой, особенности которой существенно влияют на личность и общество. Герои ранних очерков — участники революции, Гражданской войны, колхозного строительства, обычные крестьяне, рабочие и ударники труда, пытающиеся наладить мирную жизнь в стране.

С периодом зарождения жанра очерка тесно связано творчество А.В. Дуняшина. Он активно выступал с публикациями на страницах журналов «Якстере теште» («Красная звезда») и «Од зрямо» («Новая жизнь»). В 1926 г. писатель выпустил очерки «Обь леенть чиресэ» («На берегу реки Оби») и «Ванстынек... ды карматано ванстамо» («Защищали... и будем защищать»), где в документально-художественной форме проанализировал события действительности из жизни мордвы, дал портреты мордовских крестьян, показал рост сознания крестьянства, однако здесь, бесспорно, наблюдается процесс идеализации становления новой жизни.

Следует отметить, что мордовская проза периода зарождения находилась под влиянием очеркового начала. Так, в 1930-е гг. мордовские писатели не совсем разграничивали очерк и рассказ, поэтому многие очерки назывались рассказами, хотя фактографический характер повествования не позволял сомневаться в их принадлежности к очерковому жанру. Это объяснялось тем, что характерным признаком всей мордовской литературы являлось тяготение к документальности и фактографичности.

Ярким подтверждением сказанного служит творчество одного из известных мордовских прозаиков 1930-х гг. Т.А. Раптанова. Писатель, как и многие другие, был свидетелем описываемых явлений и событий жизни того периода. Тимофей Алексеевич «чачь бедной крестьянской семиясо, Покш Толкан велесэ... Се шкань условиясо сон пек рана, сисем-кавказо иесэ кармась тонавтнеме начальной школасо, но тонавтнесь аволь кувать: беднойчись кармавтызе кадомс школанть ды савсь тумс кши сускомонь кис кудодо кудос, велеле велес сокор тетянзо ветнеме» [2, с. 4]

(«родился в селе Большой Толкай, в бедной крестьянской семье... В условиях того времени он очень рано, в семь-восемь лет начал учиться в начальной школе, но проучился недолго: нужда заставила бросить школу, и пришлось ему за кусочек хлеба водить из дома в дом, из села в село слепого отца»).

В 1933 г. Т.А. Раптанов опубликовал отдельной книгой очерк «Лазксось муевсь» («Трещина обнаружена»), в котором рассказал об организации колхоза «Коминтерн» в с. Тарасове ныне Атяшевского района Республики Мордовия. Это правдивое и яркое произведение о колхозном крестьянстве. Очерк иллюстрирован фотографиями подлинных героев, конкретными датами, географическими названиями, но вместе с тем раздумья героев приносят в него повествовательный стиль рассказа. Т.А. Раптанову, как человеку из народа, свойственны простота и искренность чувств, глубина и ясность мыслей. Его главный герой – крестьянин, готовый на самоотверженный труд, трудовой подвиг. Пусть много проблем и забот у председателя колхоза: «...ловось яла озась. Чинь седеесь уш лембе. Мартковось неждясь. Тундось орта лангсо. Ершов прок чомболкс. А кирди Ершовонь седеезз. Скири таго мезе поцонзо. Костояк тарка эзем а муи алясь. Спокойс знярдоак а пры... Тундось вастумс алкукс стака ульнесь. Колхойсэнть эсть сато видьмекс сюрост. Аламо ды кой-кона бригадатнесэ овсе арась фураж. А мезде ульнесь андомс алашатне» [3, с. 8] («...снег все оседал. День стал теплее. Март месяц наступал. Весна за воротами. Ершов словно ласка. У него на сердце неспокойно. Что-то щиплет внутри. Места себе не находит. Не находит покоя. Весну встретить, действительно, очень тяжело. В колхозе не хватает семян. Мало и в некоторых бригадах совсем нет фуража. Лошадей кормить нечем»), но он твердо верит, что новый колхозный строй принесет людям деревни радость свободного человеческого труда, при котором результаты идут на благо самих тружеников. Ершов – это и есть тот новый человек колхозной деревни, который обрел в труде высокие моральные качества: он и заботливый председатель колхоза, который хочет добиться больших результатов, и трудолюбивый, старательный хозяин.

В марте того же года Т.А. Раптанов сдал в Московское государственное издательство художественной литературы сборник рассказов и очерков «Од пингень вий» («Сила новой жизни»). Заглавие сборника отражает идейно-тематическое единство включенных в него произведений, в которых раскрываются социально-экономические преобразования в мордовской деревне. Очерк «Знамя Октября» автор посвятил актуальным проблемам коллективизации на примере создания колхоза в с. Большой Толкай ныне Похвистневского района Самарской области. В описываемых событиях Раптанов сам принимал активное участие. Действующие лица – люди, знакомые писателю, поэтому он дает в очерке художественно убедительные портреты героев и картину разорения крестьянства, его политического бесправия: «Начнутся сухие морозы. У бедняков же ни одеть, ни обуть нечего. В скудной одежонке сожмет, съжиг мороз человека, пожухнет он, вроде осеннего листа, и прежде времени уйдет в холодную могилу» [4, с. 23]. Автор изображает полярность во взаимоотношениях богатых и бедняков, что упрощает сложность их характеров. Интересен язык очерка, в котором много ярких и метких сравнений,

необычных метафор, емких деталей. Очеркист умело использует и пейзаж. Он представлен не только как средство оживления повествования, но и как один из приемов выражения отношения автора к действительности. Мордовская деревня, ставшая колхозной, изображается в идеализированных тонах: «По дну дола бежит, звонко журча, Толкан-речка. По краям речки растут ивы, тополя покачивают зелеными своими кудрями... Гляну иногда с Чихан-горы и вижу людской муравейник внизу... Бедняки и середняки Большого Толкая разрушают старую жизнь и на ее месте строят новую» [4, с. 29]. Поэтическое изображение тех колоссальных изменений, которые произошли в деревне, свидетельствует о неоспоримых преимуществах колхозного строя в сельском хозяйстве.

Очерки «Тапавкс» («Осколок») и «Злыдарень доля» («Участь бродяги») Ф.М. Чеснокова представляют собой художественное изображение жизни миллионов людей мордовской деревни данного периода: «А кенери лиясто ломанесь чачомо, нужась сеск тапардасы нула-валасонзо. Кармить усковомо нулатне ломаненть мельга куломазонзо – мезеяк марто а каявить, мезеяк марто а ёртовить. Ков а сырги – нужась мельганзо, козонь а озы – нужась вакссонзо. Калмос пачкодемс нужась мартонзо. Тапардасы нужась остаткадо – ойми ломанесь. Педи мейле кулозенть эйкакшозонзо. Таго теке кияванть вети... Пинге пинге мельга усковсь сон велетнень ланга. Седейк вечкилинзе эрзянь велетнень. Ламо кудова нолдазельть корёнонзо» [5, с. 112] («Не успеет человек родиться, как нужда сразу обхватит его своими лохмотьями. До самой смерти будут тянуться за человеком эти лохмотья – никак их не сбросишь, никак не выбросишь. Куда ни соберется – нужда за ним, куда ни сядет – нужда рядом. До самой могилы нужда с человеком. Обхватит в последний раз – успокоится человек. Пристанет потом к детям умершего. Опять по этой дороге ведет... Год за годом волочилась нужда по селам. Больше всего любила эрзянские деревни. Во многих домах были ее корни»). Автор на примере жизни хрупкой девочки, рано оставшейся сиротой с братом и младшей сестрой на руках, показывает, как изменилась жизнь с приходом колхозного строя. Катя стойко перенесла все трудности, ее самоотверженный труд дал путевку в жизнь – колхоз направил ее на курсы заведующих фермами.

Ранние рассказы и очерки Н. Эркая художественно утверждали идею о социальном преобразовании села, раскрывали первые положительные и отрицательные стороны жизни новой деревни. В очерке «Калмить таштонть» («Хоронят старое») показана жизнь крестьян с. Курилова ныне Ромодановского района Республики Мордовия, родины писателя. Автор убеждал, что колхозный строй, коллективный труд способствуют перевороту не только в экономической и культурной жизни крестьянства, но и в его сознании, а также утверждал, что из тяжелой необходимости труд в условиях коллективного хозяйства становится моральной и физической потребностью, делом чести и славы («Пе межатненень» («Конец межам»), «Нуеме лисинек вейсэ» («На жатву вышли вместе»)).

Практически во всех очерках автор дал выразительную зарисовку прошлой и современной жизни мордовских крестьян, осознающих себя хозяевами земли. Если в поэме «Модась одкстомсь» («Земля обновилась») Н. Эркай нарисовал страшную

картину детства до революции (мать вынуждена была носить на работу ребенка прямо в люльке), то в очерке «Од виень фабрика» («Фабрика новых сил») он показал, как стала налаживаться жизнь детей колхозников. Еще недавно вместе со взрослыми они работали на хозяев и сполна познали горечь подневольного труда, а с победой нового строя жизнь кардинально изменилась: «Исяк ещё вансть стада, овсе аволь умок аваст марто пурнасть кши сускомот, а ней сынъ тонавнтить школасо, сынъ — колхозникень эйкакшт» [6, с. 59] («Вчера еще пасли стадо, совсем недавно с матерями собирали куски хлеба, а сегодня они учатся в школе, они — дети колхозников»). В очерковых зарисовках писатель показал перестройку жизни мордовского народа, устремившегося к новой культуре, рост характеров людей, охваченных жаждой знания и деятельности.

В очерках Н. Эркая много интересных наблюдений. В них живо передан трудовой энтузиазм колхозников, но нет еще глубокого проникновения в жизнь, слабы попытки психологического изображения героев. Это характерная черта в становлении и развитии не только творчества Н. Эркая, но и всей молодой мордовской прозы того времени.

Таким образом, интенсивно меняющаяся действительность 1920–1930-х гг. в очерковой прозе породила нового героя — крестьянина-борца, созидателя. Новый колхозный строй принес людям деревни радость свободного человеческого труда, при котором его результаты идут на благо самих тружеников. Однако самым ценным завоеванием колхозного строя являются сами люди. Неузнаваемо изменился моральный облик крестьянина. Решающее значение при создании его характера в литературе приобрела такая черта, как способность к активным действиям, имеющим в качестве стратегической цели революционно-практическую перестройку жизни, последствия которой представлялись абсолютно прогрессивными и не подлежали сомнению.

Источники и литература

1. Алексеев В.А. Очерк. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 84 с.
2. Раптанов Т.А. Кочказь сочиненият. — Саранск: Мордгосиздат, 1948. — 272 с.
3. Раптанов Т.А. Лазксось муевсь. — Саранск: Эрзямоکشонь гос. изд-сь, 1933. — 30 с.
4. Раптанов Т.А. Од пингень вий: ёвтнемат ды очеркть. — М.; Л.: Худ. лит., 1934. — 116 с.
5. Чесноков Ф.М. Од эрямонь увт: ёвтнемат, очеркть ды пьесат. — Саранск: Морд. кн. изд-сь, 1990. — 192 с.
6. Эркай Н. Корёнтнэ наксадсть. — Саранск: Мордгиз, 1932. — 87 с.

РАЗДЕЛ VI. МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ В ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОМ И КУЛЬТУРНО-РЕКРЕАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 908

Л.М. Айнутдинова

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАТАРСТАНСКИХ СЕЛ В СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ НАД ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ «НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

История населенных пунктов в настоящее время является одним из приоритетных и актуальных исследовательских направлений Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. В статье на материалах энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан» рассматриваются основные аспекты развития татарстанского села в советский и пост-советский периоды.

Ключевые слова: Республика Татарстан, энциклопедия, сельские населенные пункты, формы хозяйствования, исчезнувшие населенные пункты, соцкультбытучреждения.

L.M. Aynutdinova

THE MAIN ASPECTS OF THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF TATARSTAN VILLAGES IN THE SOVIET AND MODERN PERIODS BASED ON THE RESULTS OF WORK ON THE ENCYCLOPEDIA «SETTLEMENTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN»

The history of settlements is currently one of the priority and relevant research areas of the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Based on the materials of the encyclopedia «Settlements of the Republic of Tatarstan», the main aspects of the development of Tatarstan village in the Soviet and post-Soviet periods are considered in the article.

Keywords: Republic of Tatarstan, encyclopedia, rural settlements, forms of management, disappeared settlements, social and cultural institutions.

Коллектив Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан более двадцати лет разрабатывает тему истории населенных пунктов Республики Татарстан. Первые итоги работы нашли отражение в 1997 г. в работе «Населенные пункты Республики Татарстан: Краткий справочник» [1]. Это был первый свод данных о существующих на тот период населенных пунктах Татарстана: в него вошла краткая информация о трех тысячах сел и деревень. Следующим этапом в разработке данной тематики стала «Татарская энциклопедия» в шести томах [5], в которой история сёл и деревень Татарстана была несколько рас-

ширена и дополнена. Актуальность темы и ее востребованность со стороны общества и государства привели к необходимости ее дальнейшего изучения.

В настоящее время в рамках государственного задания коллектив института завершает работу над трехтомной отраслевой энциклопедией «Населенные пункты Республики Татарстан». В 2018 г. был издан первый том энциклопедии [2], в 2021 г. подготовлен оригинал-макет второго тома [3] (к сожалению, из-за отсутствия финансирования он пока не растиражирован), в 2023 г. будет готов оригинал-макет третьего тома. В энциклопедии содержится описание 43 муниципальных районов, 23 городов, 18 поселков городского типа и свыше трех тысяч сельских населенных пунктов (3078 сельских населенных пунктов на 2022 г. [4]). Информация по муниципальным районам и населенным пунктам вне зависимости от их масштаба структурирована по определенной схеме. В данном исследовании впервые обобщены и систематизированы научные знания по истории, археологическим и историческим памятникам, а также данные об административно-территориальном делении, природе, промышленности, сельском хозяйстве, культуре, образовании, здравоохранении, динамике населения и т.д. Полученные научно-исследовательские результаты важны тем, что был изучен и систематизирован широкий комплекс сведений о каждом муниципальном районе и населенном пункте, начиная с момента его основания до современного положения. Это издание позволит всем заинтересованным лицам лучше узнать об истории и современности своей малой родины, в том числе о ее социально-экономическом развитии в советский и постсоветский периоды.

В статьях о населенных пунктах имеется краткая информация о колхозах, совхозах, действовавших на их территориях, даты их образования и реорганизаций, в некоторых случаях (при наличии выявленных сведений) указана информация о первых председателях, а также о руководителях, внесших большой вклад в развитие сельской инфраструктуры.

Например, в статье о селе Татарский Шуган Азнакаевского района указано: «В 1930 г. в селе организованы 2 колхоза: «Урманай» (первый председатель – Г.Шангараев) и «Эконом» (первый председатель – Х.Шафигуллин), в том же году они были объединены в колхоз «Эконом» (председатель – И.Байбеков). С 2006 г. ООО «Татшуган», с 2009 г. в составе ООО «Агрофирма «Азнакай». Большой вклад в развитие села внес заслуженный агроном ТАССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, председатель колхоза в 1965–1987 гг. Н.М.Якупов. При нем построены здания школы, детского сада, дома культуры и др. Жители работают преимущественно в ООО «Агрофирма «Азнакай», занимаются полеводством, мясо-молочным скотоводством» [2, с. 93]; в статье о селе Мокрые Курнали Алексеевского района – «В начале 1930-х гг. в селе организован колхоз «Мэдэният», в 1950 г. вошел в состав колхоза «30 лет Татарии». В 1956 г. выделен колхоз «Искра». С 1961 г. по настоящее время село является центральной усадьбой колхоза «Родина». В 1970–1980-х гг. колхоз неоднократно награждался почетными грамотами ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Большой вклад в развитие колхоза и инфраструктуры села внесли руководители хозяйства: И.П.Емельянов (1956–1968 гг.), М.М.Самороднов (1968–1972 гг., уроженец д. Березовая Грива), К.М.Сафин (1972–2003 гг., уро-

женец села, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени), И.М.Ахметов (с 2003 г.)» [2, с. 240]; про село Зай-Каратай Лениногорского района представлена следующая информация: «В 1930 г. в селе образован колхоз «Уныш» (первый председатель – Х.Ихсанов). В 1939 г. колхоз принимал участие в ВДНХ в Москве. В 1951 г. он завоевывает в республике звание «колхоз-миллионер». В 1958 г. к колхозу «Уныш» присоединен колхоз «Кызыл Байрак» (д. Узбьяк), с 1995 г. коллективное предприятие «Уныш», с 2011 г. ООО «Агрофирма «Лениногорская». В 1949 г. в селе начали добывать нефть: пробурено 4 скважины. Жители села занимаются преимущественно полеводством, мясо-молочным скотоводством» [3, с. 712]; про село Гулькино Заинского района – «В 1929 г. в селе организован колхоз «Большевик» (первый председатель – Т.Ковалев), с начала 1950-х гг. – центральная усадьба укрупненного колхоза «Победа», с 1959 г. в составе колхоза «Рассвет» (с. Тюгеевка). В 1991–1996 гг. село – центральная усадьба подсобного хозяйства НГДУ «Заинскнефть». В эти годы построены новые производственные сооружения, административно-бытовой корпус для механизаторов со столовой, котельная, мельница, мини-пекарня, коневодческая ферма (на 100 лошадей, в т.ч. скакунов рысистых пород, получил развитие конный спорт), 2 пасеки. Благоустроены улицы, сооружены внутрихозяйственные и внешние дороги с твердым покрытием, 3 моста, построено 20 коттеджей. С 1997 г. сельскохозяйственное ООО «Сеспель», с 2006 г. ООО «Гулькино», с 2007 г. в составе Кузайкинского регионального производственного комплекса ООО «Союз-Агро» (полеводство, молочное скотоводство). Действует мясоперерабатывающий цех» [3, с. 288].

Энциклопедический формат не позволяет нам давать более расширенную информацию, но даже приведенные примеры показывают, что по некоторым населенным пунктам можно получить представление, какие хозяйства работали в советский и постсоветский периоды, какие были построены объекты соцбыта.

Также в статьях о населенных пунктах представлена краткая информация об общеобразовательных и дошкольных учреждениях, клубах, библиотеках, медицинских учреждениях, спортивных объектах, культовых сооружениях. При наличии информации указаны даты их открытия, преобразований, строительства зданий. Из приведенных сведений можно сделать вывод, что в советский период в сельских населенных пунктах были две основные волны строительства учреждений образования и культуры. Первая приходится на 1920–1930-е гг. – годы становления советской власти, проведения политики «культурной революции»; вторая – на 1960–1970-е гг., что во многом связано с расцветом коллективных форм хозяйствования (колхозов и совхозов) в республике.

В рамках политики «культурной революции» в сельской местности большое внимание уделялось развитию библиотечного дела. К 1928 г. в сельских населенных пунктах уже работало 608 библиотек с книжным фондом 743,5 тыс. экземпляров, к концу 1939 г. – 2030 библиотек с фондом в 2029,3 тыс. экземпляров книг. Появились такие новые виды сельских культурно-просветительских учреждений, как избы-читальни (обычно одна из комнат в крестьянском доме, приспособленная к приему желающих по вечерам почитать свежие газеты, журналы, новые книги),

красные уголки (создавались при правлении колхозов, совхозов, на машинно-тракторных станциях и т.д.). К 1935 г. работали 750 изб-читален. Число клубных учреждений в сельской местности к 1939 г. достигло 3114 [6, с. 515]. К 1933 г. была выполнена программа по введению всеобщего обязательного начального обучения детей 8–10 лет, повсеместно были открыты начальные школы. Под клубы и школы нередко использовали здания мечетей, церквей, дома богатых крестьян. При наличии информации в статьях о населенных пунктах данные сведения указываются.

Повышение доходности колхозов и совхозов создавало условия для увеличения капитальных вложений в производство и культурно-бытовое строительство. Колхозный строй обеспечил непрерывное повышение материального и культурного уровня колхозников. Особенно это заметно в 1960–1970-е гг.: строятся новые типовые здания общеобразовательных и клубных учреждений.

Именно на 1970-е гг. приходится эксперименты по сближению села с городом. В ТАССР такой площадкой стало село Шапши Высокогорского района. В тот период село являлось центральной усадьбой одного из передовых и высокорентабельных хозяйств республики – колхоза «Серп и молот». В развитие села большой вклад внес агроном, председатель колхоза в 1962–1982 гг. А.П. Орлов. В 1970-е гг. здесь возводились жилые дома, объекты социальной инфраструктуры, характерные для городских поселений (авторы проекта застройки А.Г. Бикчентаев и Х.Х. Ихсанов в 1973 г. получили премию Совета Министров СССР) [3, с. 142–143].

Переходя к современности, отметим, что в сельской местности наблюдаются значительные улучшения условий жизни населения, из года в год растет уровень комфортности жизнедеятельности (в Татарстане выполнена программа газификации села, активно реализуется программа строительства дорог до населенных пунктов, в деревнях есть телефон, телевидение и интернет, реализуется программа медицинского обеспечения села – повсеместно встречаются фельдшерско-акушерские пункты), при этом общая картина вырисовывается достаточно неблагоприятной. Значительная часть населения, живущая в сельской местности, – это люди пенсионного или предпенсионного возраста. Идет неуклонное снижение количества населения в сельской местности, что приводит к постепенному исчезновению многих деревень.

В качестве примера рассмотрим современное положение Алексеевского района. Экономика района, как и большинства районов республики, имеет сельскохозяйственную направленность: здесь развиты полеводство, мясо-молочное скотоводство, свиноводство. В 2015 г. на территории района работало 26 сельскохозяйственных предприятий: в т.ч. 2 колхоза, 9 ООО, 1 ОАО, 2 крестьянских (фермерских) хозяйства. На территории района имеются и крупные промышленные предприятия: ОАО «Алексеевская керамика», ООО «Алексеевская фабрика художественного ткачества», филиал ООО УК «ПРОСТО МОЛОКО» «Алексеевский молочно-консервный комбинат». В районе хорошо развита система образования, которая включает: аграрный колледж, 24 школы, детскую школу искусств, центр детского творчества, детско-юношескую спортивную школу, 25 дошкольных учреждений. В районе действуют 51 учреждение культуры, 33 массовые библиотеки, Центральная больница, вра-

чебная амбулатория, 44 фельдшерско-акушерских пункта и др. В районе почти до всех населенных пунктов есть дороги с асфальтовым покрытием. Несмотря на достаточно благоприятный социально-экономический климат, ситуация с положением сельских населенных пунктов складывается не лучшим образом. В районе в составе сельских поселений сегодня насчитывается 58 населенных пунктов и поселков городского типа Алексеевское [2, с. 206]. При этом, по данным переписи 2010 г. и сведениям за 2015 г., предоставленным из сельских поселений, в четырех населенных пунктах: Андреевка, Большой Красный Яр, Зотеевка, Кзыл-Чишма – население отсутствует; в деревне Городок числится 1 человек, в деревне Березовка – 9 человек, в поселке Баганинского лесхоза – 16, в деревне Ямкино – 17 человек. Таким образом, реально в составе района осталось 54 сельских населенных пункта. Они не исключены из списков населенных пунктов только по причине сложности процедуры, проводимой через Государственный Совет РТ. Последние четыре, по сути, тоже уже можно причислить к исчезнувшим населенным пунктам.

Из вышеприведенных населенных пунктов четыре являлись достаточно крупными, и в 1920-х гг. численность населения в них доходила до тысячи человек (в Андреевке – 777, в Березовке – 915, в Большом Красном Яре – 960 человек, в Ямкино – 1018 человек [2, с. 217, 221, 227, 256]). На сегодняшний день в районе еще три деревни, в которых численность населения менее 50 человек, и 6 деревень с численностью менее 100 человек. При существующей динамике они исчезнут с карты района в ближайшие два десятилетия. В XX в. с территории района также исчезли населенные пункты Кошаново, Кузькино, Курман-Касы, «Красин», Ледокол, Мурзиха, Нижние Кондраты, Нижний Марьян, Первомайское, Солонцы, Старая Федоровка, Федоровка, Чувашская Культура, Шалбы.

Алексеевский район нельзя назвать особенным, подобная ситуация складывается почти повсеместно. Например, в 1997 г. в Бавлинском районе числилось 42 сельских населенных пункта, а в 2014 г. – 39. При этом в 6 населенных пунктах на сегодняшний день числится менее 50 человек (д. Якты-Елга – 2, д. Богатый Ключ – 4, поселок Воткин – 10 человек), в 5 – менее 100 человек [2, с. 524–553]. В Апастовском районе из 73 сельских населенных пунктов [2, с. 368]: в с. Ишеево – населения нет вовсе, в 5 – проживает 10 и менее человек (Берлеш, Марьино, Русский Индырчи, Сибирчи, Такаево), в 8 – менее 50 человек, в 5 – менее 100 человек. В Азнакаевском районе из 78 населенных пунктов [2, с. 54]: в 6 проживает менее 10 человек (Баланлы, Владимировка, Елгабаш, Митрофановка, Нижняя Соколка, Танаевка), в 15 – менее 50 человек, в 11 – менее 100 человек. В Агрызском районе ситуация еще более плачевная: из 71 населенного пункта [2, с. 7] в двух население вовсе отсутствует (Староникольский, Волково), в 6 – проживает менее пяти человек (Кадрали, Комсомолка, Новоникольский, Сарсак-Арема, Новый Кзыл-Яр, Чачка), в 17 – менее 50, в 10 – менее 100 человек. Таким образом, в Агрызском районе в ближайшие десятилетия может исчезнуть более 30 сельских населенных пунктов, что составляет почти 50 процентов всех населенных пунктов района.

А если брать все районы Татарстана в целом, то на грани исчезновения на сегодняшний день около 30 процентов сельских населенных пунктов.

Мы не ставим своей задачей ответить на вопрос, что стало причиной исчезновения этих населенных пунктов. Причин множество. Среди тех, которые лежат на поверхности, – это отсутствие работы, закрытие школ, неблагоустроенность.

Энциклопедия «Населенные пункты Республики Татарстан» как научно-справочное издание является только фиксатором тех процессов, которые происходили в сельских населенных пунктах за период их существования. Необходимо признать, что для части из них этот период завершился. В заключение хотелось бы отметить, что наше издание прежде всего носит справочный характер и не сможет, и не должно, поставить все точки в истории населенных пунктов республики, но оно, несомненно, поможет всем желающим проследить основные тенденции их развития и современного положения.

Источники и литература

1. Населенные пункты Республики Татарстан: Краткий справочник. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1997. – 390 с.

2. Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. – Т. 1. – 712 с.

3. Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. – Т. 2. – 988 с.

4. Реестр административно-территориальных единиц и населенных пунктов в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: https://minjust.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2905701.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

5. Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002–2014. – Т. 1–6.

6. Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – Т. 3: К.–Л. – 664 с.

УДК 338.482

А.В. Аникина,

Е.А. Виноградова

*Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Нижний Новгород, Россия*

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ ГЛАЗАМИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ВУЗА

В статье представлены результаты социологического исследования отношения нижегородской студенческой молодежи к развитию сельского туризма в регионе. Проанализирован интерес учащихся к отдыху в сельской местности, выявлена потребность респондентов в совершении туристических поездок по Нижегородской области. Изучено восприятие молодежью термина «сельский туризм» и его востребованность среди других направлений отдыха. Выделены факторы, влияющие на выбор сельского отдыха. Определены группы основных потребителей агротуристских услуг. Представлено мнение учащихся о сезонности работы сельского туриз-

неса. Сделан вывод о недостаточной информированности нижегородской студенческой молодежи сельскохозяйственного вуза о таком виде бизнеса, как сельский туризм.

Ключевые слова: сельский туризм, учащаяся молодежь сельскохозяйственного вуза, туристические поездки по Нижегородской области, виды туризма, туристическая привлекательность региона, мотивы отдыха в сельской местности, потребители агротуристских услуг.

**A.V. Anikina,
E.A. Vinogradova**

RURAL TOURISM THROUGH THE EYES OF STUDENTS OF THE AGRICULTURAL UNIVERSITY

In the focus of the author's attention is the results of a sociological study's attitude of Nizhny Novgorod students to the development of rural tourism in the region. The article examines the students interest of vacationing in the countryside. The author shows the respondents' need for tourist trips in Nizhny Novgorod region, studies the perception of the term "rural tourism" by young people and draws a conclusion about the demand for this area of recreation. The article highlights the main factors that influence the choice of rural recreation. Groups of the main consumers of agro tourist services have been identified. The author presents the opinion of students about the seasonality of the work of the rural tourism industry. Using the example of the results of a sociological study, the author shows that students of Nizhny Novgorod State Agricultural Academy are not well informed about rural tourism as a separate type of business.

Keywords: rural tourism, students of an agricultural university, tourist trips in Nizhny Novgorod region, types of tourism, tourist attractiveness of the region, motives for recreation in rural areas, consumers of agro tourist services.

Появление в мировом масштабе сельского/аграрного туризма во многом сопряжено с осознанием необходимости бережного отношения к природе и сохранения историко-культурных достижений человечества. Кроме того, его признание связано со снижением количества занятых в аграрном секторе и необходимостью формирования альтернативных видов трудовой занятости и предпринимательства в сельской местности. Собственно, этот вид туризма был призван остановить миграцию населения в города, стать сферой приложения труда и источником заработка сельских семей [3, с. 106].

В нашей стране развитие сельского/аграрного туризма рассматривается как возможность привлечь внимание к проблемам сельского населения, сельскохозяйственного производства, транспортной инфраструктуры, здорового образа жизни. В таком контексте появление и увеличение подобного предложения становится актуальной задачей не только для туристических агентств, региональных властей, но и для профильных вузов и колледжей (как экономических и туристических, так и аграрных). Приобщение к сельскому образу жизни и местным традициям, участие в аграрной деятельности, тесный контакт с коренным населением, уход за домашними животными, проведение досуга на лоне сельской природы – все это неполный перечень услуг, оказываемых хозяйствующими субъектами в сельской местности. Поэтому предоставление отдыхающим квалифицированного обслуживания про-

фильными специалистами становится новой повесткой дня для всего сельскохозяйственного комплекса.

В апреле–мае 2021 года проведено пилотажное социологическое исследование среди студентов и магистрантов восьми (Агрономический, Агрохимия и агроэкология, Ветеринарный, Зооинженерный, Инженерный, Переработка сельхозпродукции, Экономический, Лесное хозяйство) факультетов Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (N=563, из них 39,6% – мужчины и 60,4% – женщины). Новизна изучения состояла в том, что анализировалось отношение студенческой молодежи к развитию в регионе сельского туризма в контексте расширения туристического бизнеса.

Согласно полученным данным, большинство опрошенных (69,3%) за последние пять лет совершали туристические поездки по Нижегородской области (табл. 1), однако каждый пятый (22,4%) не интересовался туристической привлекательностью региона.

Таблица 1

Распределение мнений студентов о совершенных туристических поездках по Нижегородской области, (%)

	Всего
Да, неоднократно	42,3
Да, удалось съездить	27,0
Нет, не бывал, но хотелось бы	8,3
Нет, и не думал	12,5
Затрудняюсь ответить	9,9

Половина респондентов (50,1%) согласилась с тем, что отдых в нижегородской сельской местности будет интересен для жителей области и россиян в целом. Затруднились определиться в этой связи 42,1% опрошенных, 7,8% обозначили ответ «нет». Согласных и давших положительный ответ в отношении иностранных туристов больше – 58,2%, а затруднившихся несколько меньше – 32,9%. Тех, кто указал твердое «нет», – 8,9%.

Подчеркнем понимание учащимися значимости исторического и культурного (материального и духовного) наследия региона (особенно в контексте празднования 800-летия основания Нижнего Новгорода), его туристической привлекательности для соотечественников и иностранцев. В то же время в ответах респондентов прослеживается игнорирование молодежью ценности сельского отдыха при тяготении к получению новых впечатлений от путешествий за пределами родного края. Обратим внимание, что в зарубежных исследованиях [5, с. 75] до 35% городских жителей отдают предпочтение сельскому отдыху, причем их доля в некоторых странах еще выше. Например, в Нидерландах городские туристы с такими предпочтениями составляют до 50%.

В нашем исследовании сельский туризм (13,1%) не оказался в числе востребованных направлений отдыха и вошел в пятерку аутсайдеров наряду с этнографиче-

ским (6,6%), промышленным (8,7%), деловым (9,8%) и событийным (11,7%) (табл. 2). Первые строчки заняли экскурсионный, приключенческий и познавательный виды путешествий, характерные для отдыха учащейся молодежи. Информированы о таком виде туризма, как сельский, меньше половины респондентов (40,5%). Большинство (59,5%) либо не осведомлены (34,5%), либо затруднились определиться (25,0%).

Эти сведения коррелируют с результатами опроса городских и сельских семей жителей Башкортостана: 48% из них знакомы с таким видом отдыха, как сельский туризм, 26% не знакомы и столько же (26%) немного слышали об этом [1, с. 109]. Кроме того, в исследовании городских жителей Красноярска (N=284) хотели бы провести свой отдых в сельской местности 54% опрошенных, 18% посчитали, что это не заслуживает их внимания, остальные не смогли дать однозначного ответа [4].

Таблица 2

Распределение мнений студентов о привлекательных видах туризма в Нижегородской области, (%)*

	Всего
Экскурсионный	48,7
Приключенческий	42,8
Познавательный	40,5
Семейный	40,0
Оздоровительный	24,2
Экологический	16,9
Шопинг-туризм	15,8
Образовательный	14,2
Сельский	13,1
Событийный	11,7
Деловой	9,8
Промышленный	8,7
Этнографический	6,6
Другое	1,2

* Возможно несколько вариантов ответов, поэтому сумма больше 100.

В современных отечественных исследованиях по сельскому туризму существуют расхождения в употреблении понятий «сельский туризм» и «аграрный туризм». Напомним, что сельский туризм определяется как путешествие граждан в сельскую местность с размещением в гостевых домах, сельских усадьбах и на фермах с туристскими целями, без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в месте временного пребывания. В то же время агротуризм – это не просто отдых за городом со стремлением отвлечься от городских забот, но и дополнительный заработок, возможность заниматься крестьянским трудом (в огороде, поле, на ферме, в саду, питомнике и т.д.), так называемое единение с природой через направленную деятельность, приобщение к сельскому образу жизни. И первая, и вторая формы туризма социально ориентированы. Они рассматриваются средст-

вом диверсификации источников доходов населения, компонентом развития территорий и инфраструктуры, стратегией преодоления бедности, способом борьбы с обезлюдиванием деревни [2, с. 216].

Что же подразумевает нижегородская учащаяся молодежь под термином «сельский туризм»? Лидирующие позиции в ответах занимают: демонстрация процессов сельскохозяйственного производства (56,4%), ознакомление с народными промыслами (43,0%), русская баня и гастрономия (27,2%). 26,8% респондентов видят в сельском туризме «шашлык на природе», столько же (26,6%) – «охоту и рыбалку», каждый пятый (22,9%) – либо осмотр местных достопримечательностей, либо (21,1%) участие в народных праздниках и гуляниях. 16,9% отмечают в этой связи «катание на лодках».

По существу, студенчество транслирует понимание сельского туризма как агротуристической деятельности. Возможно, это влияние направленности обучения или собственное понимание специфики такого вида отдыха. Поэтому необходимо дальнейшее исследование данного феномена, оказывающего воздействие на ориентацию производителей услуг и восприятие его населением.

Каковы факторы, которые могут повлиять на выбор этого вида отдыха? В исследовании были сопоставлены ответы студентов/магистрантов по населению и по молодежи (таблица 3). «Бюджетность» (60,0%), «новые впечатления» (55,0%), «возможность развлечений» (41,6%) оказались более значимыми в ответах молодых респондентов. А такой аспект, как «спокойствие», стал большим стимулом для сельского отдыха в ответах у населения (32,1% против 14,4%).

Опрос показал, что мотивы проведения досуга в сельской местности у населения в целом и у молодежи в той или иной степени совпадают. Первую тройку таких аргументов составляют: «бюджетность», «чистый воздух» и «новые впечатления». Поэтому правомерен вопрос о покупателях/потребителях услуг сельского туристического бизнеса.

Таблица 3

Распределение мнений респондентов о факторах, влияющих на выбор сельского туризма среди населения и учащейся молодежи, (%)*

Факторы, влияющие на выбор сельского туризма среди населения	Всего	Факторы, влияющие на выбор сельского туризма среди учащейся молодежи	Всего
Бюджетность	44,4	Бюджетность	60,0
Чистый воздух	43,2	Новые впечатления	55,0
Новые впечатления	40,5	Чистый воздух	43,2
Сопричастность природе	33,2	Возможность развлечений	41,6
Спокойствие	32,1	Сопричастность природе	19,2
Близость к месту жительства	11,7	Спокойствие	14,4
Возможность развлечений	8,0	Близость к месту жительства	12,1
Другое	1,1	Другое	2,8

* Возможно несколько вариантов ответов, поэтому сумма больше 100.

По мнению респондентов, основными потребителями агротуристских услуг в Нижегородской области могут быть как люди среднего возраста (45–64 года) (46,2%), так и экономически активное население (25–44 года) (41,6%). Опрошенные посчитали, что молодежь от 18 до 24 лет и дети до 14 лет в группах или с родителями не будут сильно заинтересованы в этом отдыхе (22,2% и 22,6% соответственно), так же, как и лица «третьего возраста» (старше 65 лет) (19,4%). Жители региона знакомы с деревенским образом жизни [1, с. 48], поэтому согласимся с выводом о том, что необходимо с осторожностью относиться к идее о местном населении как о потребительском ресурсе в развитии сельского туризма. Эту гипотезу подтверждают данные нашего опроса. В большей степени здесь можно говорить лишь о новых впечатлениях, реализации стремлений передвигаться по обширной территории страны, смене обстановки и возможности разнообразного отдыха и досуга при отсутствии переживаний об урожае на своем участке.

Нельзя не отметить, что географически Нижегородская область расположена в центральной части Восточно-Европейской равнины с умеренно континентальным климатом. Наиболее распространены подзолистые и дерново-подзолистые почвы, сформировавшиеся под темнохвойными и смешанными хвойно-широколиственными лесами междуречий Заволжья и Балахнинской низменности. Климат региона с умеренно холодной зимой и теплым летом (средние температуры января от –11 до –13 °С, июля 18–19 °С). Годовое количество осадков уменьшается с северо-запада на юго-восток. Собственно, такое расположение и климатическая зона области вносят свои коррективы в туристический календарь нижегородцев.

Согласно полученным данным, большинство ответивших посчитало, что сельский туризм предпочтителен летом (89,2%), либо в праздничное и каникулярное время (68,0%), или в весенний период (60,0%). За то, чтобы сельский туризм в Нижегородской области развивался круглогодично или в осенне-зимний период, высказалось меньше половины респондентов (48,0% и 45,3% соответственно). Очевидно, что учащаяся молодежь, зная о территориально-климатических особенностях Нижегородского Поволжья, достаточно критично относится к возможностям всесезонного развития сельского туристического бизнеса в регионе.

Таким образом, сельский туризм рассматривается респондентами как недорогой, экологичный отдых для экономически активного населения и лиц среднего возраста летом или в праздничное/каникулярное время. Учащиеся осознают историческое и культурное наследие региона, его туристическую привлекательность для соотечественников и иностранцев. В то же время молодежь тяготеет к получению новых впечатлений от путешествий за пределами родного края, пренебрегая отдыхом на нижегородской земле. Исследование подтверждает гипотезу о недостаточной информированности нижегородской учащейся молодежи сельскохозяйственного вуза (потенциальных производителей услуг) о таком виде бизнеса, как сельский туризм, понимающей его в ракурсе агротуристической деятельности. Это косвенно свидетельствует о неразвитости данного сегмента региональной туристической индустрии, отсутствии рекламных кампаний и, собственно, конкуренции. Очевидно, что запрос учащихся на доступный разнообразный досуг дает возможность туристическим

фирмам активизировать свою работу на региональном направлении, привлекая профессиональные кадры, в том числе из Нижегородской сельскохозяйственной академии.

Источники и литература

1. Аникина А.В. Сельский туризм и территориальный маркетинг в контексте регионального развития // Вестн. Национальной академии туризма. – 2018. – № 4(48). – С. 47–51.

2. Аникина А.В. Сельский и аграрный туризм: подготовка кадров в контексте устойчивого развития сельских территорий // Актуальные вопросы состояния и развития рекреации, спортивно-оздоровительного и детско-юношеского туризма: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию спортивного туризма в России (г. Москва, 18 декабря 2020 г.). – М., 2020. – С. 216–220.

3. Барлыбаев А.А., Ахметов В.Я., Насыров Г.М. Туризм как фактор диверсификации сельской экономики // Проблемы прогнозирования. – 2009. – № 6. – С. 105–111 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-kak-faktor-diversifikatsii-selskoy-ekonomiki> (дата обращения: 06.12.2021).

4. Лубягина Ю.В., Попова М.Н., Дремина А.В., Бурнакова Д.В., Гермогенов Н.Н. Потенциальный спрос на сельский туризм среди городских жителей Красноярска и определения туристского потенциала сельской местности в крае // Дневники науки. – 2018. – № 10 [Электронный ресурс]. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2018/10/economy/Lubyagina_Popova_Dremina_Burnakova_Germogenov3.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

5. Слинкова О.К. Агротуризм в системе мирового туристского рынка // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2017 – Т. 3. – № 3. – С. 74–81.

УДК 069

Л.Р. Аскарова

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ «ГИНДУКУШ» СЕЛА СТАРОЕ АБДУЛОВО ТУКАЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Музей в XXI веке является не только информационным носителем, но и определенным механизмом социокультурной коммуникации, который способствует сохранению, воспроизводству и трансляции культурных ценностей. Музейный туризм может стать мощной индустрией Республики Татарстан. Роль музея и роль туризма как разных культурных институтов переплетаются, создавая единое культурное пространство, и в этом пространстве трудятся специалисты, целью которых является популяризация культурного наследия Татарстана.

Ключевые слова: музей, музейный туризм, культура, Старое Абдулово, Тукаевский район, «Гиндукуш».

L.R. Askarova

MUSEUM AND TOURISM ACTIVITIES (ON THE EXAMPLE OF THE MUSEUM OF MILITARY GLORY «HINDUKUSH» OF STAROE ABDULOVO VILLAGE OF TUKAY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

The museum in the 21st century is not only an information carrier, but also a certain mechanism of socio-cultural communication, which contributes to the preservation, reproduction and translation of cultural values. Museum tourism can become a powerful industry of the Republic of Tatarstan. The role of the museum and the role of tourism as different cultural institutions are intertwined, creating a single cultural space, and specialists work in this space, whose purpose is to popularize the cultural heritage of Tatarstan.

Keywords: museum, museum tourism, culture, Staroe Abdulovo, Tukay district, «Hindukush».

В современных условиях развития общества очевиден дефицит духовности. Туризм, в том числе культурный туризм, так это объясняется в нашей литературе, должен восполнить этот дефицит, и здесь несомненна роль музеев. Одним из путей духовного развития общества является культурный туризм.

Культурный туризм – это форма туризма, которая включает в себя знакомство с культурой и культурной средой места посещения, включая ландшафт, с традициями жителей и их образом жизни, художественной культурой и искусством, различными формами проведения отдыха местных жителей. Культурный туризм может включать посещение культурных мероприятий, музеев, объектов культурного наследия, контакты с местными жителями. Термин «культурный туризм» появился относительно недавно – в 80-е годы XX века и берет свое начало от так называемого «туризма наследия», явления, которое в силу многих причин стало очень популярным во всем мире с 70-х годов XX века. С тех пор культурное наследие интерпретируется как историческое, военное, литературное, художественное, хотя термин «культурный туризм» включает в себя знакомство со всеми достопримечательностями, но в большей степени связан с художественным наследием, таким как искусство и архитектура [1]. Сегодня туризм стал неотъемлемой частью развития современного общества, при этом музеи, отражая природные, историко-культурные объекты, вносят свою лепту в развитие туризма региона. Туризм как фактор развития региона расширил миссию музея и его возможности.

На протяжении всего исторического периода музеи рассматривались в основном как учреждения, главной целью которых было накопление, сохранение и изучение культурного наследия, в то время как работа с посетителями выступала важным, но равнозначным другим видом деятельности. Однако сегодня музеи в условиях жесткой конкуренции вынуждены бороться за своих посетителей на рынке досуга и соревноваться с культурными институтами, которые используют новые площадки для коммуникации с современной аудиторией. Все больше проникая во все сферы культуры, новые медиа- и цифровые технологии становятся важным каналом общения с посетителями. Сами посетители тоже меняются, становясь более требовательными. Помимо основной ценности музея – уникальных экспонатов туристам необходимо продемонстрировать в музеях высокий уровень обслуживания. Не удивительно, что в последние десятилетия музейные работники все чаще стали говорить о таком направлении, как музейный туризм. Конечно, в принятой классификации видов туризма он, как правило, отдельно не рассматривается, а традиционно описывается

как часть культурно-познавательного туризма, использующая туристский потенциал самого музея и прилегающей к нему территории. Музейный туризм с момента возникновения в середине 1990-х гг. в России, а на Западе – в 1970-х гг. стал способом внутренней мобилизации и адаптации к быстро меняющимся условиям рынка, способом формирования деловой политики и выработки особой политики музея, направленной на открытое взаимодействие с окружающим его миром [3].

Музейный мир – это часть культурного пространства страны, в котором происходит сохранение ценных для общества объектов истории, культуры и природы. Он представляет собой сложный организм и включает в себя как совокупность музейных учреждений и сохраняемых в них объектов историко-культурного наследия, так и профессиональное сообщество – людей, благодаря которым музеи возникают и существуют: сотрудников музеев и близких музеев по характеру своей деятельности учреждений культуры [4, с. 48].

Современный Татарстан имеет потенциал для развития музейного туризма. В селе Старое Абдулово Тукаевского района Татарстана есть уникальный общественно-патриотический музей «Гиндукуш». Он был создан силами ветеранов Афганской войны на общественных началах. Основателем музея является руководитель общественной организации ветеранов боевых действий района Айбулат Мунирович Якупов [2]. Музей открылся в феврале 2009 г. Залы оформлены в нетрадиционном стиле с использованием различных материалов. У входа в музей установлена военная машина БРДМ и сооружен мемориал-памятник «Памяти павших за отечество». Всего в музее насчитывается около 1500 единиц экспонатов. Площадь помещений составляет 212 кв. м. В музее экспозиции размещены в трех залах. Музей – памятник бессмертным подвигам татарстанцев всех поколений, участникам Великой Отечественной, Афганской войн и других военных конфликтов. Что примечательно, здесь собраны материалы и о прошлом Старого Абдулово, о его интересных личностях; помимо самой многочисленной группы экспонатов, посвященных Афганской войне, собраны материалы, рассказывающие о земляках, проявивших героизм в других горячих точках; много интересных и поучительных экспонатов, посвященных периоду Великой Отечественной войны, Советской армии. Здесь можно увидеть редкие фотографии, документы, письма, личные вещи солдат. Для посетителей музей предлагает обзорную, тематическую экскурсии, патриотические часы, музейные уроки, квест-игры, культурно-образовательные мероприятия, публичные лекции, кинолектории.

Музей «Гиндукуш» – лауреат многих республиканских и российских конкурсов. Дважды: в 2016 и 2018 гг. – был признан победителем республиканского конкурса «Лучший сельский музей Республики Татарстан». Директор музея Резеда Гарипова и научный сотрудник Лилия Гайнетдинова тепло принимают каждого посетителя. Этот музей – место встречи ветеранов всех войн, а также призывников и просто неравнодушных к воинской службе людей.

Музей также является воспитательным центром, звеном патриотического воспитания. Для школьников, приехавших в музей из других районов Татарстана, проводят двухчасовые экскурсии. Здесь много экспозиций, посвященных Великой Отече-

ственной войне, дети с живым интересом рассматривают осколки снарядов, пули, оружие. Они представляют войну по данным экспонатам, многие из которых найдены в ходе раскопок в местах боевых действий. Также здесь размещены и предметы войны, связанные с населенными пунктами Тукаевского района. Сотрудники музея выезжают в школы района и проводят с учащимися различные интересные мероприятия. Недавно приобрели в музей ткацкий станок и познакомили детей с ткацким делом. Таким образом, они дали возможность ребятам увидеть мастерство народных умельцев, передававшееся из поколения в поколение. Также проводятся мастер-классы по изготовлению из глины ваз, посуды, игрушек, свистулек. Таким образом, на сегодняшний день, несмотря на неконкурентоспособность и проблемы развития, музейный туризм в селе Старое Абдулово является перспективным направлением развития. Для преодоления проблем необходимо активнее сотрудничать как с другими музеями, так и с турфирмами, разрабатывать общие программы и проекты.

Успешность современного музея определяется его способностью эффективно взаимодействовать с собственной аудиторией, быть привлекательным для посещения, средством для достижения цели по привлечению посетителей. Наряду с хранением материалов, выполнением информационной, коммуникативной и социальной функций музеи организуют научные экспедиции, систематизируют найденные многочисленные материалы, проводят активную научно-исследовательскую деятельность, занимаются научно-просветительской работой с целью удовлетворения эстетических, этических, когнитивных, образовательных потребностей общества. Музеи стали демонстрировать общественности свою многофункциональность [5, с. 13].

Сегодня музеи, в условиях независимости и свободы действий, стараются соответствовать велению времени, все возрастающим требованиям туристов, интересно и содержательно представлять свои научные и тематические экспозиции, отражающие историю и современное состояние страны и общества, историко-культурные места, флору и фауну окружающей среды. Музеи Татарстана, в том числе и музей «Гиндукуш» в селе Старое Абдулово, находятся в активном поиске новых путей налаживания адекватных устойчивых связей со своей аудиторией в современном обществе. Музей и сегодня признан очагом науки, образования, культуры, других сфер жизни общества и народа, показывающим и разъясняющим события истории, современные процессы.

Источники и литература

1. Гордин В.Э., Матецкая М.В. Культурный туризм как стратегия развития города: поиск компромиссов между интересами местного населения и туристов [Электронный ресурс]. URL: https://tourlib.net/statti_tourism/gordin.htm (дата обращения: 07.11.2022).
2. Разов М. Музей создан преданными людьми // Якты юл. – 2022. – 15 февраля.
3. Романчук А.В. Музейный туризм: Учеб.-метод. пособие. – СПб., 2010. – 46 с.
4. Сундиева А.А. Музейный мир России: к обоснованию понятия // Вопр. муз. – 2013. – № 1. – С. 3–11.
5. Тимиралиева Г.Т. Историко-культурное наследие как основа развития туризма // Международный журнал экспериментального образования. – 2021. – № 3. – 85 с.

Ф.Р. Бадрутдинова, Г.И. Каюмова

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ:
МУЗЕИ СЕЛА КАРАДУВАН БАЛТАСИНСКОГО РАЙОНА РТ**

**ТАРИХИ-МӘДӘНИ МИРАС:
ТРНЫҢ БАЛТАЧ РАЙОНЫ КАРАДУГАН АВЫЛЫ МУЗЕЙЛАРЫ**

Статья посвящена исследованию истории создания и деятельности музея Мусы Джалиля и музея «Истории Сибирского тракта», расположенных в селе Карадуван Балтасинского района РТ. Действующие под одной крышей, разные по содержанию два музея служат сохранению и развитию историко-культурного наследия народа, воспитанию бережного отношения к истинным ценностям родного края.

Ключевые слова: Карадуван, историко-культурное наследие, музей Мусы Джалиля, музей «Истории Сибирского тракта», «Красная ромашка».

F.R. Badrutdinova, G.I. Kayumova

**HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE: THE MUSEUMS OF KARADUVAN VILLAGE
OF BALTASI DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

The article is devoted to the study of the history of the creation and activity of the Musa Jalil museum and the «History of the Siberian Tract» museum in the village of Karaduvan of Baltasi district of the Republic of Tatarstan. Operating under the same roof two museums with different contents serve to preserve and develop the historical and cultural heritage of the people, to foster a careful attitude to the true values of the native land.

Keywords: Karaduvan, historical and cultural heritage, Musa Jalil museum, «History of the Siberian Tract» museum, «Red Daisy».

Карадуган – Татарстан Республикасының Балтач районында, элекке Себер трактында урнашкан, исеме шул төбәктә генә түгел, республикада һәм хәтта аннан читтә дә шактый билгеле авыл. Татар энциклопедиясенең 3 нче томында Казан ханлыгы чорында нигез салынган Карадуган авылы турында: «Балтач поселогыннан 7 км көнбатыштарак, Шушма елгасы буенда. 2010 елда 536 кеше (татарлар) яши. Халкының төп шөгыле – терлекчелек; мебель фабрикасы. Урта мәктәп, мәдәният йорты, китапханә. Мәчет. М. Жәлил, «Себер тракты тарихы» музейлары. Сәүдәгәр М.М. Мөлеков йорты – 19 йөз ахыры – 20 йөз башы архитектура истәлегә» [6, б. 269], – дип, аның музейлы авыл булуына басым ясалып, мәгълүмат бирелә.

Түбәндә сүз нәкъ менә шул тарихи бинада урнашкан ике музей – Муса Жәлил һәм «Себер тракты тарихы» музейлары турында барып. Килешерсез, артык зур бул-

маган авылда (2015 елгы мәгълүматлар буенча 588 кеше яши [5, б. 570]) музейлар оешу һәм аларның 1995–2006 елларда хәтта ТР Милли музейе филиаллары буларак эшләве – игътибарга лаек факт. Татар энциклопедиясендә Карадуган авылының музейларына да аерым мәкалә багышлана [7]. Анда экспозиция мәйданының 245 кв. м, коллекцияләренең 5 меңнән артык саклау берәмлегеннән торыуы әйтелә. Әлеге мәкалә урын алган 5 нче том басылып чыкканнан соң (2016 ел) узган вакыт эчендә һәр ике музей экспонатларга баеган: уртак фондта 5488 экспонат исәпләнә, шуның 4003 е төп фондны тәшкил итә, 1485 е – ярдәмче фондта; экспозиция мәйданы – 301 кв. м. Музейда дүрт хезмәткәр эшли. 2011 елдан бирле коллективны Фирая Муллажан кызы Зыятдинова житәкли.

Югарыда искәртелгәнчә, олы юлда урнашкан, 18 йөзнең соңгы чирегеннән 20 йөз башына кадәр зур почта станциясе, этап төрмәсе, яки этап йорты булган авылда Себер тракты тарихына багышланган музей ачылу мантийкка туры килә. Ә менә шагыйрь үзе бер тапкыр да булмаган авылда Муса Жәлил музейе эшләү һәм аның каһарман шагыйрьгә багышланган музейларның хаклы рәвештә иң яхшыларынан саналуы чыннан да гажәп. Ике музейга да нигез салган шәхес, ул вакытларда Карадуган мәктәбе директоры Бакый Шәймулла улы Зыятдинов үзенең бер мәкаләсендә шуңа аңлатма биреп үтә: «Жәлил музейенең барлыкка килү тарихы исә шактый кызыклы. Безнең мәктәпнең пионер дружинасы 1955 елдан бирле Муса Жәлил исемен йөртте. Укучы балаларга гына түгел, хәтта ата-аналарга да бу исем шулкадәр якин булды. Без Жәлилне өйрәнүебез, аңа ошарга тырышуыбыз белән дә горурулана идек. Шагыйрьнең тормыш юлын жентекләп өйрәндек. Тик өйрәнү өчен шагыйрьнең шигырьләре, әдәби китаплар, башка материаллар юк дәрәжәсендә иде шул. Булган кадәресе белән стендлар төзедек. М.Жәлилне белүчеләр белән һәртөрле элементлар булдырырга тырыштык, эзләндек» [3, б. 163].

Узган гасырның 70 нче еллары урталарынан ул вакытта әле сигезьеллык мәктәпнең укытучылар коллективы һәм алар житәкчелегендәге укучыларның эзләнү эшләре максатчан рәвештә, киң масштабта алып барыла башлый. Укучылардан бер төркем укытучылары белән Жәлил эзләре буйлап Оренбург өлкәсенә сәяхәт ясыи. Алар шагыйрьнең туган авылында булып, авылдашлары, туганнары белән очрашканнан соң, жәяүләп Оренбургка кадәр баралар һәм анда Муса белән бергә укыган, эшләгән Фатих Солтанов, Рокыя Рәхимова, Гөлсем Хөсәенова, шулай ук Хөсәен Ямашев исемендәге китапханәнең үзләре хат алышып торган хезмәткәрләре белән очрашалар. Оренбургтагы иң дулкынландыргыч мизгелләр Муса Жәлилнең сеңлесе Хәдичә ханым белән күрешү, аның истәлекләрен тыңлау була. Әлеге сәфәр яңа материалларга баета. Шуларга нигезләнәп, музей төзәргә карар кылына. «Кызыл ромашка» дип шигъри исем бирелгән музей 1976 елның 15 февралендә, Муса Жәлилнең тууына 70 ел тулган көндә ачыла. Музей каршында «Кызыл ромашка» штабы төзеләп, эзләнү эшләре белән шөгыльләнәргә чын теләге булган укучыларны тантаналы рәвештә штабка кабул итү традициясенә дә шул көнне нигез салына. Алга китеп әйттик, 1979 елда музейга мәктәп музейе статусы бирелә, 1995 елда ул ТР Милли музейе филиалы статусы ала, 2007 елдан муниципаль музей буларак эшли. 1979

елда элек сигезьеллык мәктәп урнашкан тарихи бина музейлар карамагына бирелә, Муса Жәлил музей бинаның беренче катына урнаша.

Музейның көндәлек эшләре сәяхәтләр белән үрелеп бара. Эзтабарлар Новгород өлкәсендә – каты сугышлар булган «Үлем үзәне»ндә, «Отвага» редакциясе урнашкан, Муса Жәлил әсирлеккә төшкән урыннарда булалар. Музейдагы сугыш эзләрен саклаган экспонатлар: каскалар, снаряд кыйпылчыклары, патрон гильзалары, пулемет диски, редакциянең төгәл урынын билгеләргә мөмкинлек биргән дәлил – колма типография хәрефләре әнә шул сәфәр табышлары. Татарстандагы Муса Жәлил белән бәйле урыннарда, Мусаның көрәштәше Гайнан Кормаш эзләре буйлап Мари Республикасының Бәрәңге районы үзәгенә, ул укыткан Куян авылына бару, «Муса Жәлил» океан теплоходы экипажы чакыруы белән Кара диңгез дулкыннарын айкап йөрү, Мәскәүдә каһарманның хатыны Әминә ханым һәм кызы Чулпан Жәлилова белән очрашу укучыларда һич тә онытылмаслык тәэсирләр калдыра. һәр шундый очрашудан соң музейның экспозицияләре тулылана, «Кызыл ромашка» оешмасының эшчәнлек юнәлешләре шулай ук елдан-ел төрлеләнә, киңәя. Мәктәп музей статусы бирелеп, мәктәп музейларының Бөтенсоюз каталогына кертелгәннән һәм аның эше турында үзәк матбугатта – «Литература в школе», «Пионерская правда» газеталарында язмалар чыкканнан соң, музейга элекке киң илебезнең барлык төбәкләреннән хатлар ағыла башлый. Штаб әгъзалары бер генә хатны, бер генә үтенечне дә игътибарсыз калдырмыйлар. Шагыйрьнең тормыш юлы һәм батырлыгына караган мәгълүмат, яңалыклар белән уртаклашалар, музей төзәргә әзерләнүчеләргә киңәшләрен бирәләр, үзләре туплаган документларның, истәлекләренң күчәрмәләрен жиберәләр. Соңрак Бакый ага үзенең «Себер юлы буйлап: Карадуган, Арбаш авыллары тарихыннан сәхифәләр» китабында, яшь эзтабарларның уңышлары белән горурланып: «Безнең жәлилче укучыларыбыз Казан, Свердловск шәһәрләрендә үткән хәрби-патриотик тәрбиягә багышланган конференцияләрдә, слетларда катнаштылар. «Кызыл ромашка» штабы члены Гөлсимә Хәсәншина мәктәп музейлары активистларының 1982 елда Свердловск шәһәрләрендә үткән Бөтенроссия слетында катнашып, дипломант булды, ә Гүзәл Камалетдинова 1985 елда Мәскәүдә үткән Бөтенроссия слетында катнашты һәм диплом белән бүләкләнде» [4, б. 129], – дип язачак.

Февраль аендагы Жәлил көннәрендә музей тормышы аеруча жанлана, экскурсиягә килүчеләр саны сизелерлек арта. Муса Жәлил призына хоккей ярышлары уздырыла. Шагыйрьнең туган көненә Карадуганга кунаклар чакырыла. Элеккерәк елларда тантаналарда шагыйрьне белгән, аның белән эшләгән кешеләр, яшерен оешмадагы көрәштәшләре катнаша. Мусаның туганнан туганы Таһир Корбанов, улы Альберт Жәлилов; көрәштәшләреннән Рушад Хисаметдинов, Фәрит Солтанбәков; шагыйрьне яхшы белгән җырчы Усман Әлмиев, Фатих Исхаков, аның сынын ясаган скульптор Бакый Урманче, Мусаның яшьлек дуслары Мөбинә Таһирова, музейда булып, истәлекләре белән уртаклашырга өлгерәләр. Мәскәүдә яшәгән Мөбинә ханым гомере буга кадерләп саклаган ядкар – 1912 елда Италиянең Катания шәһәрләрендә эшләнгән, Муса үзе дә уйнаган һәм аңа бүләк иткән мандолина – бүген музейдагы иң кыйммәтле экспонатларның берсе. Карадуганда Жәлилнең тормышын

һәм батырлығын өйрәнгән галим һәм язучылардан Рафаэль Мостафин, Нил Юзиев, Исхак Зәбирев, Фоат Мостафин; «Моңлы бер җыр» пьесасы авторы – драматург Туфан Миңнуллин, спектакльдә Муса ролен башкарган Ринат Тажетдинов, Мусаның әнисен уйнаган Рәшидә Жиһаншина; балтачыларының якташ язучылары Ибраһим Сәлахов, халык язучылары һәм шагыйрьләренән Мөхәммәт Мәһдиев, Илдар Юзеев, Шәүкәт Галиев, Равил Фәйзуллин, композитор Фасил Әхмәтов һәм башка күп кенә күренекле шәхесләр була. Инде байтак еллардан бирле мондый очрашуларга Муса Жәлил исемендәге Республика бүләге лауреатлары чакырыла. Разил Вәлиев, Роберт Миңнуллин, Равил Шәрәфиев, Мөдәррис Вәлиев, Гөлзада Сафиуллина, Ркаил Зәйдулла, Газинур Морат, Зиннур Хөснияр, Рифат Фәттахов һ. б. Жәлил бүләге лауреатлары буларак хөрмәтләнәләр. Жәлил көннәре кысаларында кунаклар, укучылар һәм авыл халкы белән очрашып, күңелләргә игелекле орлыклар салалар. Әйтергә кирәк, музейга әлеге мәртәбәле затларның кунак булып кайтуы каршы алучы як өчен бер үсендергеч вакыйга булса, Карадугандагы Муса Жәлил музеена чакыру алу кунакларның үзләре өчен мәртәбә буларак кабул ителә. Шагыйрь Илдар Юзеев музейның фикерләре һәм тәкъдимнәр дәфтәрәнә:

«Төрмә диварлары әйтер, бәлки:

Шагыйрьләренң гомере өзелгән...

Өзелерлек түгел Жәлил гомере

Сез барганда алар эзеннән» дигән шигъри юллар теркәп калдыра. Мөхәммәт Мәһдиев исә бер төркем язучылар исемнән: «Карадуган мәктәбе каршындагы «Кызыл ромашка» музеен карап, бик рәхәт минутлар кичердек. Бу музейны оештыручылар – чын мәгънәсендә тәрбиячеләр. Бу культура учагы гасырларга эшләнчәк» дигән сүzlәр яза. «Бу очрашуларга безгә районның күрше мәктәпләреннән әдәбият укытучылары житәкчелегендә укучылар делегацияләре дә килә. Очрашулар бик тәэсирле үтә. Алар балаларда үз милләтенә, үз халкына карата горурлык хисе уята. ...Чыннан да, М. Жәлил музейе, шушы очрашулары белән безнең кешелек дәрәжәбезне тәрбияли, жир йөзөндә ни өчен яшәвебез турында уйланырга мәжбүр итә» [3, б. 165] дигән сүzlәре белән Бакый Зыятдинов үзе дә музейга йөкләтелгән тәрбия вазифасының әһәмиятен, ул бирә торган тәрбияви көчнәң зурлығын раслай. Моннан дүрт дистә ярым ел элек оештырылган музей шушы дәвер эчендә исемен дә, статусын да үзгәртә, экспозицияләре шулай ук берничә тапкыр яңартыла. Хәзер февраль ае тулысы белән М. Жәлил айлыгы итеп уздырыла. 2021 елда шагыйрьнең кызы Чулпан Жәлилованың кайтуы һәм музейда булган онытылмаслык очрашу тәэсирләре, инде үзе дә өлкән яшьтәге ханымның әтисе ядкарен шулай кадерләп саклаучыларга ихлас рәхмәтләренең жылылыгы әле тарихка күчәргә өлгөрмәгән. Муса Жәлил бүләгенең яңа лауреатлары белән очрашулар да дәвам итә. 2022 елда яшь эзтабарларның яңа буыны, Оренбург өлкәсенә, Мостафа авылына барып, андагы яңартылган музей белән танышып кайткан. Шагыйрьнең батырлығын, ижатын пропагандалаудагы зур хезмәте өчен 1990 елда ук үзе дә Муса Жәлил исемендәге бүләккә лаек булган музей үзенең эшчәнлеген традицияләргә турылыклы хәлдә заманга лаеклы рәвештә алып бара.

Муса Жәлил музейе әле мәктәп карамагында булган чорда, Жәлил һәм аның көрәштәшләре батырлығын өйрәнү белән беррәттән, укучылар Бөек Ватан сугышында катнашкан якташларының тормыш юлларын өйрәнә башлай. Исән кайткан фронтовикларның истәлекләре язып алына, һәлак булганнарның язмышын ачыклай башлана. 1985 елда Бөек Жиңүнең 40 еллыгы уңаеннан Муса Жәлил музейе белән янәшә якташларның сугыш кырларындагы һәм тылдагы батырлығына багышланган Сугышчан дан залы ачыла. Авылның үткәнен, анда яшәп киткән кешеләр тормышын өйрәнү туган төбәкнең тагын да тирәнрәк тарихы белән кызыксына башлауга этәргеч бирә. Элек жыелган материалларга өстәп, 1993–1995 елларда халыктан туган якны өйрәнү музейе өчен экспонатлар җыю башлана. Иң кызыклы экспонат табучыга конкурс игълан ителә. Музейга экспонатлар туплауга Карадуган урта мәктәбе укучылары һәм укытучылары, ата-аналар, авыл халкы жәлеп ителә. Бу юнәлештәге эзләнүләр нәтижәсе булып, 1995 елда «Себер тракты тарихы» музейе барлыкка килә.

Себер тракты яки Мәскәү тракты – дөньяда коры жир буйлап сузылган иң озын юл. Ул төрле чорларда төрле урыннардан уза һәм Баш Себер почта тракты, Зур Себер тракты, Зур тракт, Бөек тракт, Мәскәү–Иркутск тракты, Мәскәү–Себер тракты, 8 нче дәүләт тракты, Патша юлы, Әби патша юлы һәм башка исемнәр белән йөртелә. Әлеге мәкалә авторларының берсе белән автордашылыкта язылган «Әби патша юлы», яки Себер тракты тарихы» мәкаләсендә 18 йөзнең 1 нче яртысына кадәр Себергә юнәлгән юлларның Казан аша узмавы искәртелә, «1735 елда турайтылган хөкүмәт трактының Европадагы өлеше Владимир (элек – Вологда), Казан, Пермь, Көңгер, Екатеринбург аша уза, аннары Төмән, Тобол, Тара, Каинск, Красноярск, Нижнеудинск, Иркутск, Верхнеудинск, Якутск, Охотск, Верхнекамчатск аркылы Петропавловск портына житеп туктый, Мәскәүдән башлап санаганда трактның гомуми озынлыгы 12687 чакрымга жыела» [1, б. 82, 83] дигән мәгълүмат бирелә. Юлның Казан һәм Казан арты аркылы салынган өземтәсе Екатерина II патшалык иткән вакытта сафка баса, шуңа күрә аның Әби патша юлы дип йөртелүе аңлашыла. Музейда юлларны төзетү, карап тоту, юл төзү тәртипләре, юл буена агачлар утырту, аларны тәрбияләп тору, юлларның категорияләре турында күптөрле мәгълүмат алырга мөмкин. Карадуган аша узган юл, мәсәлән, беренче категорияле юл – башкала юлы санала. Губерна юллары икенче категориягә, өяз юллары өченче категориягә, өяз шәһәрләре арасындагы юллар дүртенче категориягә карый. Юл төзү белән бергә тракт буендагы торак пунктларда почта станцияләре, этап йортлары барлыкка килә. Карадуганда аларның икесе дә була. 1997 елда Санкт-Петербургтагы үзәк элемент музейе архивынан Казан губернасының 1797 елгы почта картасы табыла. Карадуган музейендә әлеге картаның зурайтып эшләнгән копиясен күрергә мөмкин. Шул карта ярдәмендә Карадуган һәм аннан соңгы Яңгул станцияләренең 1781–1790 еллар арасында төзелүе ачыклана. Архивларда эшләү һәм күпьяллык эзләнүләр станциянең эш тәртипләре, почта элементенең бик төгәл һәм катгый кагыйдәләре белән танышу, Карадуган станциясенә кагылышлы мәгълүматлар табу мөмкинлеге бирә.

Музейда Карадуган этап төрмәсе проектының 1840 елда төзелгән күчермәсе саклана. 1 нче разрядлы этап 150 арестантка, шул исәптән 120 гади тоткынга, 15 җинаятьчегә, 15 хатын-кызга исәпләп төзелә. Анда 50 солдатлык казарма, офицер квартирасы, 13 атлык абзары булырга тиешлеге күрсәтелә. Маршрут буенча Карадуганнан соңгы этапның 40 чакрымнан соң Малмыж шәһәрәндә урнашканлыгы әйтелә. Санкт-Петербургтан алынган 1856 елгы архив материалларында Карадуган почтасы, этап йортлары һәм казематлар урнашкан территориянең 10 гектар җир биләве күрсәтелә. 18 йөз ахырларынан башлап, Себер сәяси тоткыннарны сөрү урынына әверелгәннән соң, «богау чыңнары юлы» буйлап А.Н. Радищев, декабристлар, декабрист хатыннары, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, башка тарихи шәхесләр узган. Аларның язмалары, көндәлекләрендәге безнең төбәкләргә караган һәр истәлек, фикер, факт жентекләп өйрәнелә. Музейны төзүчеләр тарафыннан киң коллач белән алып барылган эзләнүләр турында Б. Зыятдиновның «Себер юлы серләре» китабында тулырак баян ителә [2].

Музей урнашкан бинаның (1911 елда төзелгән, псевдорус юнәлешенә эклектика стилиндәге архитектура истәлеге) үзен «Себер тракты музейе»ның төп экспонаты дияргә мөмкин. Балтач бае Мортаза Мостафа улы Мөлеков аны тикмәгә генә Карадуганда салдырмагандыр. Олы юл өстендәге почта станцияле авыл булгач, бик төшемле урын булачагын уйлап, йортының икенче катын мөсафирлар өчен кунакханә, беренче катын кибет итеп тәгаенләгән. Бина инде бер гасырдан артык игелекле хезмәттә.

Татар энциклопедиясенә Карадуган авылы музейларына багышланган мақаләсе: «Икенче катта «Себер тракты тарихы», «Карадуган авылы тарихы» экспозицияләре бар. Почта элементәсе тарихына караган экспонатлар арасында (1790 елдан башлап) — ямщиклар киеме, ат дирбияләре, дуга кыңгыраулары, почта документлары үрнәкләре, 19 йөз хатлары, Казан губернасының 1797 елгы почта картасы, Казан өязенең 1887 елгы почта-телеграф округы картасы, Морзе аппараты, 20 йөз башы телефон аппараты, 1940 еллардагы почта хезмәткәрләренең форма киёмнәре, беренче совет телевизорлары. Экспозициянең Карадуган авылы тарихына багышланган бүлегендә төбәккә өйрәнү материаллары, музей урнашкан элеккеге йорт хужасының шәхси әйберләре, халык гамәли-бизәләш сәнгәте һәм этнография әйберләре куелган» [7, б. 253, 254], — дип таныштыра.

Ил күләмендә Себер трактына багышланган шундый тагын өч музей булуы билгеле: Удмурт Республикасының Дебёсы авылындагы «Себер тракты тарихы» һәм шул ук республикадагы Игра районының Бачкеево авылындагы «Этап пункты» музейлары, Карадуган музейе кебек үк, Себер юлының гомуми тарихы, тракттагы почта станцияләре, этап йортлары турында мәғлүмат бирә; Омск өлкәсенә Большие Уки авылындагы «Мәскәү–Себер тракты тарихы музейе»ндагы экспонатлар Иртеш елгасы тирәсендәге җирләренә үзләштерү тарихын чагылдыра [1, б. 91, 92].

Меңләгән чакрымнарда сузылган Себер трактының төрле төбәкләрендәге бу музейлар ил тарихы белән таныштыруга биниһая өлеш кертәләр.

Әдәбият

1. Бадрутдинова Ф.Р., Миниханов Ф.Г. «Әби патша юлы», яки Себер тракты тарихы // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: Сб. статей науч. конф. (г. Казань, 14 апреля 2021 г.) / Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. – Казань, 2021. – Вып. 10. – С. 80–92.
2. Зыятдинов Б. Себер юлы серләре. – Казан, 1999. – 252 б.
3. Зыятдинов Б. һәрбер музей – тормыш дәвамы // Казан утлары. – 2007. – № 2. – Б. 163–168.
4. Зыятдинов Б. Себер юлы буйлап: Карадуган, Арбаш авыллары тарихыннан сәхифәләр. – Казан, 2010. – 440 б.
6. Карадуван // Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: В 3 т. – Казань: Ин-т татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2018. – Т. 1. – С. 569–570.
7. Карадуган авылы // Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөх. Ә.М. Мазһаров, җаваплы мөх. Г.С. Сабирҗанов. – Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү ин-ты, 2012. – Т. 3. – Б. 269–270.
8. «Себер тракты тарихы» һәм Муса Жәлил музей // Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөх. М.Х. Сәлахов, җаваплы мөх. Г.С. Сабирҗанов. – Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү ин-ты, 2016. – Т. 5. – Б. 253–254.

УДК 908

Р.Г. Закиева

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ – В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ (КШКЛОВО)

АВЫЛЛАРДА – ИЛ ТАРИХЫ (КЫШЛАУ)

Статья посвящена основным этапам истории возникновения, развития и современного состояния деревни Кшкलोво Атнинского района Республики Татарстан.

Ключевые слова: Атнинский район, Кшкलोво, Котаймас, река Шаши, колхоз имени Мусы Джалиля.

R.G. Zakieva

THE VILLAGE HISTORY IS IN THE MIRROR OF THE COUNTRY HISTORY (KSHKLOVO)

The article is devoted to the main stages of the history of the origin, development and current state of the village of Kshklovo in Atnya district of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Atnya district, Kshklovo, Kotaimas, Shashi river, Musa Jalil collective farm.

Кышлау – Татарстанның Әтнә районындагы авыл. Шашы елгасы буенда, Олы Әтнә авылыннан 12 км төньяктарак урнашкан. Авыл XVI йөзнең икенче яртысы – XVII йөзнең беренче яртысында нигезләнган дип фаразлана.

Рәсми кәгазьләрдә Кышлау сүзе белән беррәттән жәяләр эчендә Котаймас исеме дә телгә алына [3, б. 26]. Шашы белән Кышлау ике күрше авыл булып яшиләр. Аларны Шашы елгасы гына аера. Шашы авылы урнашкан урында матур каенлык була. Көннәрдән бер көнне каенлык янып, ике авыл арасында төньякта урнашкан яхшы жирләр өчен бәхәс чыга. Жире көлле, ундырышлы булу сәбәпле, Кышлау кешеләренең әлеге жирләргә үзләштерәсе килә башлый. Шашы авылы кешеләре дә бу жирләргә күчеп утыра, йортлар салалар. Кышлаулыларга: «Әгәр дә килсәгез, котаймассыз», — дип әйткәннәр имеш [3, б. 27]. «Котаймас» сүзе «бай булмас», «баемас» дигәнне аңлата. Шуннан соң бу авылны якын-тирә авыллар «Котаймас» дип йөртәләр. Кышлауның Котаймас дип аталган көнчыгыш өлешенә Иске Өжемнән Колый бабай килеп утырган дигән фикер яши [1, б. 18]. Урамның Колый бабай яшәгән югары очы — Колый (Кылый) (хәзерге рәсми исеме — Татарстан) урамы дип, түбән очы Чапай урамы дип атала. Бу урам буласы урынга Иске Мәңгәрдән Чапай дигән кешенең килеп утыруы хакында халык телендә дә, кайбер язма чыганаclarда да мәгълүматлар саклана. Чапайныкылар нәселе дип сөйләү гадәткә керә. Колый урамыннан төньякка таба икенче урам төзелә. Бу урамга күчеп килүчеләрнең күбесе таза тормышлы байлар булганлыктан, ул Бай урамы дип атала. Авылның нәкъ уртасыннан зур елга башланып, Бай урамы буйлап төшөп, зур инеш суына кушыла. Ул Кышлау елгасы дип атала. Авылның өченче урамы шул кечерәк елганың түбән башында — Бай урамының уң ягында урнашкан, анысы Балтай урамы дип атала. Заманында алдан йөгереп килгән жәяүлеләрне «Балтай кебек фәлән кадәр жирне бер генә сикерә», — дип әйтүчеләр күп була. Ул урамда Балтай исемле данлыклы бер ир кеше жәяүле йөгерек булган икән, XVII йөздә яшәгән булуы ихтимал [1, б. 18]. Балтай урамы — авылда иң борынгысы. 1795 елгы авыл планында да күпчелек йортлар шул урамда күрсәтелгән.

XVIII йөз — XIX йөзнең беренче яртысында авыл халкы дәүләт крестьяннары катлавына керә, игенчелек, терлекчелек, кош-корт асрау белән шөгыльләнә.

Авылда 1664 елдан мәчет эшли, 1742–1744 елларда жиимерелә дип фаразлана. 1830 елда Олы мәчет төзелә. Икенче (Кече) мәчет 1851 елда Байлар урамында ике катлы итеп салына. 1889 елда тузу сәбәпле, Олы мәчет урынына яңа мәчет төзелә. Сугыштан соңгы елларда Кече мәчет бинасында жирле үзидарә, китапханә урнаша. Олы мәчет бинасында шактый еллар Кышлау жидееллык мәктәбе эшли. Мәчетләр каршында мәдрәсәләр була. Олы мәчет мәдрәсәсе Балтай урамының Тау асты елгасы ягында агачтан бер катлы итеп салына. Мәдрәсәне карап тотуда, ягулык белән тәэмин итүдә Лотфулла хәзрәтнең, аңа кадәр аның әтисенең, авыл халкының тырышлыгы зур була [3, б. 48]. Мәдрәсәдә Иске Өжем, Күңгәр, Түбән Шашы, Яңа Шашы авылларыннан балалар укый. Белем йортында тел, Коръән сүрәләрен өйрәнү белән беррәттән хисап, тарих, география һ.б. фәннәр дә укытыла. Революциядән соң мәдрәсәләрдә уку-укыту яңа төс ала. Мәдрәсәдә тормыш сүнә, укулар да бетә. Шактый вакыт узганнан соң, Әбелкәрам мулла мәдрәсәнең бер өлешен сүтеп, икенче урынга күчереп сала һәм аны колхоз хужалыгы өчен кирәк-яраclar ясау остаханәсе итеп тотта [3, б. 50].

1920 елга кадәр Кышлау Казан губернасының Царевококшайск (1919 елга кадәр Краснококшайск) өязе Кышлау волостена керә. 1920 елдан ТАССРның Арча кантоннда. 1930 елның 1 августыннан – Тукай, 1935 елның 10 февраленнан – Кызыл Юл, 1959 елның 12 октябреннан – Тукай, 1963 елның 1 февраленнан – Арча, 1990 елның 25 октябреннан Әтнә районында. Хәзер Кышлау авыл җирлегә үзгә [2].

1933–1934 елларда Кышлауда сәнәгать товарлары җитештерү артеле оештырыла башлый. Башта Шиньша урманнан атлар белән агачлар кисеп кайтартыла, кул пычкылары белән такта, түшәмлекләр ярыла. Озын-озын сарайлар салына, әйләнә-тирәсе койма белән әйләндереп алына. Майданы 4 гектар тирәсе була. Шунда ук тимерчелек, тегермән, озын-озын бүрәнәләрдән җылытып эшләнган мүкле йортлар төзелә. Чи агачларны, кышкы чорда буялган мебельләргә киптерү өчен, табигый ак таштан бина салына. Аның утын ягулы миче астан җылытуга көйләнган. Идәннең аскы ягыннан тар-тар каналлар аша җылылык үтеп, материалларны киптерә торган була. Артельдә столяр өстәлләре, станоклар урнаштырыла. Артельне электр уты белән яктырту һәм пилораманы, тегермәнне һ.б. механизмнарны эшләтү өчен зур двигатель куела. Заказлар Казаннан килә. Анда шкафлар, урындыклар, өстәлләр, тәрәзә, теплица рамнары, чаңгы, кашык, орчыклар эшләнә, шәл бәйләү, аны ману һ.б. эшләр башкарыла. Әзер продукция Казанга атлар, машиналар белән җибәрелә. Сугыш чорында мондагы эшләр яшүсмер малайларга, Казанда укучы фабрика- завод өйрәнчелләргә мәктәбе укучыларына, өлкәнрәк кешеләргә кала. Сугыштан соңгы елларда артель тарала. Пилорама район фәрманы белән Яңа Кенәр авылына күчерелә.

1934–1935 елларда Кышлауда җидееллык мәктәп төзелә. Ул авылның нәкъ үзәгенә, урам чатына «Г» хәрәфенә охшатып салына. Мәктәп зур булмаса да, ул Яңа Шашы, Үрнәк авылларыннан килеп укучы һәм Кышлауның үзеннән 150 баланы сыйдыра. Җидееллык мәктәптә укуту ике сменада алып барыла. Башлангыч сыйныфлар элеккеге Олы мәчет бинасында укыйлар. Өлкән сыйныф укучылары беренче октябрдан генә укырга тотына, чөнки алар колхоз басуларында эшли, өлкәннәргә булыша. Балаларның кайберләре үзләре ат жигә, өлкәннәргә кушылып элеваторга ашык илтә. Сугыш чорында өлкән сыйныфларда хәрби хәзерлек дәресләре дә алып барыла. 1950 елларда Олы мәчет, манарасы киселеп, мәктәп янына күчереп салына, балаларның бер өлеше шунда укый. Мәктәп 20 ел буге халыкка хезмәт итә. 1955–1956 елларда ул дүртъеллык итеп үзгәртелә.

Бөөк Ватан сугышы башлангач, аның афәте Кышлау авылын да читләтеп узмый. Авылдан сугышка 213 кеше чыгып китә, шуларның 42се хәбәрсез югала, 81е сугыш кырларында ятып кала, 95 ир-ат төрле яралар белән исән кайта [3, б. 101]. Сугыш китергән фаҗига аннан соңгы ун еллар дәвамында да үзен нык сиздереп тора. Язгы-көзгә чәчү чорларында аеруча кыен була. Эшче кулларның җитешмәве игенчелек хезмәтен вакытында башкаруда, югалтуларсыз җыйнап амбарларга салуда кыенлыктар тудыра. Яңгырлы ел булса, бигрәк тә. Әмма авыл халкы, кыенлыктарны фидакарьләргә җиңеп, уңышны вакытында җыйнап алырга тырыша. Сугыштан соңгы елларда өйне ягып җылыту, ашарга пешерү өчен урманнан утын алып кайту төп проблемаларның берсенә әверелә. Авыл кешеләре җәен «уфалла» арбаларында,

кышын кул чаналарында утын ташый. Мунчасы булганнар, кышлап чыгу өчен, шунда күченэлэр, мүккө абзарларны чистартып, галанка мич чыгарып яшилэр: болай утын азрак китэ. Урак вакыты житкөч, эшкэ яраклы балалар да колхоз басуына борчак йолкырга чыга. Хатын-кызлар иртэдэн караңгы төшкөнчөгө кадэр кул белән норма буенча 20 сутый жирне урырга тиеш була. Шушы эшлэр сыйфатлы итеп башкарылса, бер хезмэт көне языла, шуңа өстөп, 200 г икмәк бирелә. Кырдагы игеннәр кул ураклары һәм лобогрейкалар ярдәмендә урыла. Урылган учмаларны хатын-кызлар көлтәләп баралар, кибән итеп сәнәкләр белән өеп куялар. Басулардагы ашлык көлтәләре әвеннәргә ташыла, анда зур-зур эскертләргә өеп куела. Өлгергән өлеше ашлык суктыргыч машинада сугыла һәм «глубинка келәтләренә» урнаштырыла. Бу келәтләр Кышлауның үзәндә дә була. 1960 еллар башында игеннәренә комбайннар белән ура башлыйлар.

1950 еллар ахырында – 1960 еллар башында колхозларны зурайту башлана. 1959 елда Мичурин колхозы (Кызыл Утар авылы), Куйбышев колхозы (Яңа Өжем авылы), «1 Май» колхозы (Иске Өжем авылы) берләштерелә. Колхоз Мичурин исемен йөртә. 1960 елда Муса Жәлил колхозы да (Кышлау авылы) Мичурин колхозына кушыла, дүрт авылны берләштерелгән колхоз Муса Жәлил исемен ала [3, б. 127]. 1956–1957 елларда авылга пилорам кайтартыла. 1964 елда электр уты кертелә, пилорамга да, тегермәнгә дә электр моторлары куела, шулар ярдәмендә агач яру, тегермән тарту жайлаша.

1950 елларда авылда хөкүмәт карары белән жыләк-жимеш агачлары утыртыла, яшелчә үстерелә, кош-корт үрчетелә башлый. Жыеп алынган яшелчәләр (кәбестә, кыяр, кишер, бәрәңгә) базларга урнаштырыла. Колхозчыларга хезмәт көненә карап яшелчәлектән кәбестә, чөгендер, жыләк, карлыган, азрак күлөмдә бал бирү карала. Авылның тимерчелегендә арба, чаналар, ферма кирәк-яракалары һ.б. коралларны төзәтү, кул уракларын тешәү, ат дагалау эшләре дә башкарыла, тишек казаннар, жиз ләгәннәр, самоварлар тимерчелектә ямала.

1970 елларда элеккеге мәчет бинасында урнашкан медпункт яңа бинага күчерелә. Ашлык суырткыч машиналарның яңа төрләре булдырыла, зур егәрлекле ашлык чистарткыч төзелә, бәрәңгә басуының мәйданнары киңәйтелә, чөгендер, кукуруз күп итеп үстерелә, терлекчелек үсеш ала. 1981 елның көзүндә Яңа Өжем авыл юлы өстендә төзелгән яңа машина-трактор паркы файдалануга тапшырыла, запас частьләр өчен складлар салына, яңа төр техникалар алына, КАМАЗ машиналары, СК-4, «Сибиряк», «Нева», ДОН комбайннары кайтартыла. 1974 елда авылның үзәгенә һәйкәл-обелиск куела. Анда сугыш кырларында шаһит китүчеләрнең исем-фамилияләре языла, газга көйләнгән мәңгелек ут урнаштырыла.

1990 еллар башында авылга газ керә. 1996 елда Иске Өжем бригадасы, колхоздан аерылып, күршәдәге Ташчишмә колхозына кушыла. 2009 елда Шашы, Муса Жәлил хужалыклары, берләштерелеп, «Таң» кооперативы итеп үзгәртелә.

Кышлау табигатьнең матур жүрендә, Ашыт (озынлыгы – 83 км) һәм Шашы (озынлыгы – 15 км) елгалары буенда, калкулыклы тигезлектә урнашкан. Ул шактый борынгы, элек-электән зур, төзек авыллардан санала. Йортлары матур һәм чиста, халкы таза тормышлы. Авыл балта осталары, мич чыгаручылар, кое казучылар, ка-

лай эше осталары, шәл бәйләүчеләр белән данлыклы. Халкы терлекчелек, яшелчәчелек, бакчачылык, умартачылык белән шөгылләнә. Кышлаулылар тарафыннан татар халкының гореф-гадәтләре, йолалары үтәлеп, сакланып килә, ел саен алма бакчасындагы матур аланлыкта Сабан туе бәйрәме үткәрелә, каз өмәсе, өй туе, никах, бәби туйлары уздырыла. Авыл халкы зиратны һәрдаим карап, чистартып тора. Бүгенге көндә авылда башлангыч мәктәп – балалар бакчасы, мәдәният йорты, китапханә, фельдшер-акушерлык пункты, мегаферма эшли. 2000 елда Олы мәчет урнашкан урында яңа мәчет төзелә. Бу гаять истәлекле, тарихи вакыйга була. Ае да Олы мәчет манарасыныкы. Элеккеге мәчет аен кемнәр һәм кайда саклаган соң? 10–12 яшьлек авыл малайлары шул тирәдә уйнап йөргәндә ауган манараның аена тап булалар. Караңгы төшкәч, кеше-кара күрмәгәндә аны зиратка илтәп яшерәләр. Күпмедер вакыттан соң аины яшергән урында эзлиләр, ләкин таба алмыйлар, 2–3 ел элек кенә чистарту эшләре вакытында табып алалар.

Халык саны:

1859 елда – 1184,
1897 елда – 1340,
1908 елда – 1415,
1920 елда – 1315,
1926 елда – 1224,
1938 елда – 947,
1958 елда – 565,
1970 елда – 557,
1979 елда – 468,
1989 елда – 371,
2002 елда – 358,
2010 елда – 369,
2015 елда – 358 кеше [2].

Әдәбият

1. Гарабша Мөхәммәдша улы Әхмәдиев. Колай бабай нәселе. – Казан, 2018. – 207 б.
2. Кышлау // Tatarica: онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarica.org/tat/razdely/municipalnye-obrazovaniya/municipalnye-rajony/tn-rajony/kyshlau> (дата обращения: 21.06.2022).
3. Фәйзрахманов Ж. Кышлау авылы тарихы. – Казан: «Яз» нәшр., 2017. – 319 б.

ТАТАРСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ СЕЛА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В конце XVIII – начале XIX в. в Нижнее Поволжье был направлен значительный переселенческий поток татар из Средневолжских и Приуральских губерний. Татарами-переселенцами были основаны села, которые в настоящее время административно находятся в составе Астраханской и Волгоградской областей. В данной статье представлена история основания переселенческих сел современной Волгоградской области.

Ключевые слова: татары-переселенцы, Волгоградская область, Астраханская губерния, татары-кряшены, махалля, мектеб.

M.M. Imasheva

TATAR RESETTLEMENT VILLAGES OF VOLGOGRAD REGION

At the end of the 18th – beginning of the 19th centuries a significant migration flow of the Tatars from Middle Volga and Ural provinces was sent to Lower Volga region. The Tatar settlers founded villages which are currently administratively in Astrakhan and Volgograd regions. This article presents the history of the foundation of the resettlement villages of modern Volgograd region.

Keywords: Tatar settlers, Volgograd region, Astrakhan province, Kryashen Tatars, mahalla, mektebe.

Современные татарские села юга Волгоградской области (входящие ныне в состав Ленинского и Светлоярского районов): Малые Чапурники, Бахтияровка и Маляевка – в течение последних двухсот лет несколько раз меняли административно-территориальную принадлежность. Так, в 1835 г. был образован Царевский уезд Саратовской губернии, но в 1851 г. уезд был передан Астраханской губернии (в 1919 г. – вновь созданной Царицынской). Поэтому большинство сведений о дореволюционном периоде истории этих населенных пунктов и их населения содержатся в фондах Государственного архива Астраханской области, в делопроизводственной документации Астраханского губернского правления и гражданского губернатора, астраханского губернского статистического комитета и т.д.

Появление татарских переселенческих сел современной Волгоградской области связано с общей логикой заселения Нижнего Поволжья в Новое время и формированием местной татаро-мусульманской общины в конце XVIII – первой половине XIX в. Территория бывшего Астраханского ханства, вошедшая в состав Российского государства в XVI в., в силу климато-географических особенностей региона была одной из самых малозаселенных. Несколько столетий в составе России мало изменили ситуацию. По плотности населения Астраханская губерния, относившаяся к

европейской части России, соответствовала показателям Дальнего Востока. В связи с этим российское правительство предпринимало усилия по заселению Нижнего Поволжья. Поощрялось переселение сюда дворянами целых сел с крепостными крестьянами, поселение свободного сельского и городского населения, на основании специальных правовых правительственных актов переселялись группы людей из других регионов России.

В структуре тюрко-татарской общины Нижнего Поволжья четко выделяются три компонента: юртовские (астраханские) татары – наиболее вероятно, потомки населения Астраханского ханства; ногайские татары – карагаши, поселившиеся в пределах Астраханской губернии в 1770–1780-е гг.; татары-переселенцы из Средневожских и Приуральских губерний, активно мигрировавшие в регион в 1780–1910-е гг. Последних в Нижнем Поволжье привлекали обстоятельства экономического и конфессионального характера. К концу XIX в. (перепись 1897 г.) население Астраханской губернии составляло чуть более 1 млн человек, одну треть часть которых составляли мусульмане – казахи (ок. 200 тыс. человек и ок. 130 тыс. татар).

Близость казахский кочевий и Кавказа, относительная экономическая свобода в торговле с ними, при доверии со стороны местных мусульман своим единоверцам татарам, сравнительно незначительный уровень конкуренции и контроля со стороны местных властей делали для татар-переселенцев Астраханскую губернию привлекательной в экономическом отношении. А наличие больших групп местного тюрко-мусульманского населения и сложившиеся у них этноконфессиональные институты позволяли переселенцам в короткие сроки интегрироваться в местную социальную структуру.

При этом первая значительная волна татар-переселенцев из Среднего Поволжья в Астраханской губернии оказалась не по собственной воле. В 1780-е гг. вниз по Волге на постоянное жительство была отправлена большая группа татар-новокрещенов, отпавших в ислам, из Казанской губернии с тем, чтобы они больше не «смущали» других крещен. В Нижнем Поволжье этими татарами были основаны несколько сел, в том числе те, которые сегодня входят в состав Волгоградской области, а до революции входили в Царевский уезд Астраханской губернии.

В 1872 г. в самом северном уезде губернии, Царевском уезде, татары проживали в пригородной слободе уездного города – Слободке, а также в двух деревнях – Бахтияровке и Малеевке – общим числом 2479 человек. В уездном центре были мечеть соборная, пятывременная, медресе, 2 священнослужителя – соборный имам и мударрис. Мужчин-мусульман здесь проживало 238, женщин – 258, всего – 496 человек. В Бахтияровке действовали 2 соборные мечети, 2 медресе, было 2 соборных имама, 2 мударриса и 2 азанчея. Мужчин проживало 543, женщин – 549, всего – 1092 человека. В Малеевке действовали пятывременная мечеть, медресе, при них состояли имам и азанчей. Мужчин – 446 человек, женщин – 445, всего – 891 человек [4, л. 5 об.–6]. В 1882 г. в Царевском уезде насчитывалось 4 соборные мечети, 4 соборных имама, ахун. Мужчин – 1760, женщин – 1705, всего – 3465 человек.

Но самыми первыми татарами-переселенцами было основано село Малые Чапурники, которое до революции входило в состав Черноморского уезда Астраханской губернии. Село Малые Чапурники имеет уникальную историю, а историческая судьба местных татар существенно отличается от судьбы остального татарского населения (и астраханского «природного» и переселенческого) в Нижнем Поволжье. Основанное в 1780–1785 гг. с. Малые Чапурники, согласно официальным сведениям имперской статистики, включало в свой состав уникальную группу татар-кряшенов, что вообще не характерно для Нижнего Поволжья.

Источники дают двоякую информацию о времени основания и основателях Малых Чапурников. Согласно данным ГАО, село было основано в 1780 г. татарами-переселенцами из Спасского уезда Казанской губернии (по другим данным, в 1785 г.): «Селение Малые Чапурники состоит из крещеных и некрещеных татар, первые переселились в 1780 г. из Казанской губернии Спасского уезда разных поселений. Сначала их было не более 80 душ муж. пола. Приход их принадлежит к причту Больших Чапурников. Некрещеные же татары переселились из Пензенской губернии Ломовского уезда в числе 65 д. м. п. около 1778 г. и имеют свою мечеть и муллу» [8, л. 18].

По данным Астраханского статкомитета 1877 г.: «Село основано в 7 верстах от р. Волги в конце 18 столетия татарами из деревни Кикиной Чембарского уезда». По записанному преданию первые переселенцы нашли на этом месте много птицы – цапли или чапуры от чего и место назвали Чапурники [10].

Из документов Астраханской Казенной палаты следует, что село Чапурники (Большие и Малые) сначала значились как одно село. В 1803 г. под селением Чапурники находилась 21 десятина 100 саженьей, 5630 дес. удобной и 1990 дес. неудобной земли. На 19 мая 1806 г. здесь значилась 181 душа казенных малороссиян, новокрещеных (татар) – 93, татар-мусульман – 55 душ.

По VIII переписи, в ревизских сказках 1816 г. значатся уже два села – Большие и Малые Чапурники. В Малых Чапурниках в 1816 г. проживало 29 семей (100 д. м. и 92 д. ж. п.), податель сказки – староста Ямбай Адельшин, а в 1835 г. – уже 71 семья, 267 д. м. и 255 д. ж. п. [8, л. 20–22] (проживали семьи Сергеева, Андреева, Семенова, Степанова, Петрова, Шарипова, Адельшина, Сулейманова, Григорьева, Архипова, Токтаева, Богдалова, Вельшина, Абушеева, Муртараева, Юсупова, Абдразанова, Резакова, Кадыршина, Керимова, Надыршина, Давыдова, Бакаева, Керимова, Амирова, Бахтемирова, Абузярова, Михайлова, Кондратьева, Ильина, Федотова, Терентьева, Калмыкова, Константинова, Дмитриева, Прокофьева, Козьмина и других). В конце XIX в. в селе было уже 282 двора (1819 чел.) мусульман и 30 семей православных [7, л. 12]. В 1906 г. в с. Малые Чапурники Б. Чапурниковской волости было 458 дворов, 4960 дес. удобной и 70 неудобной земли, проживало 1262 мужчин и 1211 женщин, в селе действовала министерская школа и 6 бакалейных лавок. Жители содержали 1700 голов крупного рогатого скота, 200 лошадей, 55 верблюдов, 200 овец [6, л. 18].

В 1831 г. в Малых Чапурниках была построена деревянная мечеть на деньги общества, открыта приметная школа – мектеб на 100 учащихся (мальчиков). Мечеть

действует и в наши дни и является старейшей на территории Волгоградской области. При этом в официальных документах Астраханской губернии и Астраханской епархии все население села числилось православным. При этом детей своих чапурниковцы в приходскую школу Райгородской волости, к которой относилось село, никогда учиться не отдавали. Епархия присылала православного священника для совершения таинств, требовала крестить всех родившихся детей, хоронить всех умерших по православному обряду. Даже в переписи 1897 г., вопреки реальному положению дел, все население с. Малые Чапурники указано как православное. При этом сами жители в подавляющем большинстве своем считали себя исключительно мусульманами и упорно игнорировали все попытки епархиального начальства «наставить их на путь истинный».

Такое упорство по отстаиванию своей мусульманской идентичности жителями Малых Чапурников было связано с тем, что в том же Черноморском уезде Астраханской губернии татарами-новокрещеными, отпавшими в ислам, было основано с. Каменный Яр (ныне находится в Черноморском районе Астраханской области). В конце 1770-х гг. (не понятно до настоящего времени, связано ли это было напрямую с пугачевским восстанием или нет) несколько сотен крестьян-новокрещен Мамдышского уезда Казанской губернии отпали в ислам и даже «готовились к бунту». По личному распоряжению императрицы Екатерины II они были переселены из Казанской в пределы Астраханской губернии. Ими и было основано с. Каменный Яр, и именно эти «отпавшие», вступив в контакт с крещеными М. Чапурников, видимо, показали пример успешного сопротивления политике христианизации. В последующие десятилетия сложились прочные, в том числе и брачно-родственные, связи между жителями двух сел. Но если выбор жителей Каменного Яра ислама в качестве религии властями был принят, то татар Малых Чапурников они упорно, вплоть до революции 1905–1907 гг., продолжали считать православными.

В 1906 г. в газете «Вахыт» за подписью «Муслим» вышла статья «Мужество или назидание» о сложной судьбе чапурниковских татар-мусульман и об истории их борьбы за право считаться мусульманами. С большой долей вероятности можно говорить, что автором статьи является Риазэтдин Фахретдин. Он писал, что в селе Малые Чапурники Астраханской губернии «600 насильнокрещенных (мукрах)» – потомки крещеных в 1646 г. татар, переселенных правительством в Низовья Волги в 1785 г., на новой родине вернулись к религии предков – исламу. Но власти считали их христианами и закрепили за селом приход с двумя попами: «Они шли в церковь, когда государство притесняло их, а когда же государство проявляло мягкость, они оставляли церковь и проводили дни, исполняя обряды своей старой религии – ислама. В конце концов, в 1845 году чапуринцы совсем перестали ходить в церковь» [2].

13 мая 1846 г. некоторые крещеные татары с. Малые Чапурники подали прошение к шефу корпуса жандармов графу А. Орлову о переходе из христианства в мусульманство. Они писали, что хотя предки их и были обращены в православную веру, но не исполняли христианских обрядов. Сами же они, не получив о ней никакого понятия, держатся магометанства, а местное начальство преследует их за это.

Прошение чапурниковских татар было передано в Министерство государственных имуществ, и началось долгое разбирательство, о чем свидетельствует архивное дело Астраханской палаты Государственных имуществ «Об уклонении выкрещенных из татар д. Малые Чапурники Черноярского уезда от исполнения обрядов православной веры и о ходатайстве их об оставлении в исламизме». Из документов видно, что Астраханская духовная консистория употребила все доступные средства для убеждения крещеных татар остаться в лоне православной церкви. В с. Малые Чапурники были посланы миссионеры – Черноярский протоиерей Василий Павлинов и священник с. Каменный Яр Федор Орлов [9, л. 109].

По рапорту консистории дело чапурниковцев было рассмотрено астраханским губернатором, и «были учинены всяческие трудности, чтобы не совершали обряды по исламскому обычаю». В результате 20 апреля 1849 г. архиерей доложил синоду, а военный губернатор – министру внутренних дел, что, кроме Данила Михайлова, все вернулись назад в православную веру. Понятно, что это была информация для успокоения, далеко не соответствовавшая действительности. Еще одним результатом стало то, что в следующие 40 лет чапурниковцы вынуждены были скрывать свою приверженность исламу, имамы в приход не назначались из-за строгого запрета правительства, ислам существовал тайно.

В 1889 г. чапурниковцы через Оренбургский муфтият обратились к губернатору и МВД с прошением разрешить им явно исповедовать ислам и исключить их из числа православных. Но все их прошения остались без внимания. После объявления манифеста 17 апреля 1905 г. совместно со всеми мусульманами, считавшимися по бумагам христианами, чапурниковские татары, наконец, подав прошение на имя астраханского губернатора, попросили зарегистрировать исламскую махаллу, в соответствии с манифестом. Согласно 3-му пункту манифеста и 4-му пункту циркуляра МВД от 18.08.1905 № 4028, астраханское губернское правление 25 декабря 1905 г. официально зарегистрировало чапурниковцев как мусульман. Так завершилось дело мусульман Малых Чапурников [2].

Вторым татарским переселенческим селом Волгоградской области стало с. Бахтияровка. Село основали переселенцы из Пензенской губернии в правление Николая I, во главе с Бахтияром Тяпаевым (Танаевым). Первыми жителями Бахтияровки стали татары-переселенцы из деревень Качкары, Мочалы, Пельданги и др. (местность Алты Авыл). Место жительства, богатое пастбищами, сенокосными угодьями и близкое к реке, подобрал и выхлопотал Бахтияр. Жители назвали в честь него село Бахтияровкой.

Причиной переселения татар было малоземелье центральных районов страны. Сами жители Бахтияровки до революции придерживались версии, что они являются потомками жителей средневекового Хаджи-Тархана (Большой Орды), связывая свое появление в Нижнем Поволжье со вторичной миграцией в регион своих предков, следовавших якобы зову исторической памяти. Согласно легенде, после победы московского князя Дмитрия Донского над правителем Мамаем пленные татары были поселены на территории Тамбовской губернии, затем они переселились в Пензенскую губернию, но там оказалось мало земли. Более 400 человек во главе с Бах-

тияром и дедом Маляем отправились в Астраханскую губернию за лучшей жизнью и здесь основали Бахтияровку.

Село относилось к Царевскому уезду Астраханской губернии. В 1859 г. в Бахтияровке имелось 172 двора, 2 мечети, проживало 539 душ мужского и 543 – женского пола [5, л. 2]. В 1914 г. – 1983 мужчины и 1854 женщины. За селом было закреплено 8016 десятин удобной и 15 239 – неудобной земли [5, л. 3]. В 1919 г. село было включено в состав Царицынской губернии, с 1936 г. – Сталинградской области.

Как мы отметили, во главе пензенских татар-переселенцев были Бахтияр и некий Маляй-бабай. Согласно легенде, существующей еще в одном переселенческом селе Волгоградской области – Маляевке, оно было названо в честь этого бабая. Село известно с 1858 г. (по другим сведениям, основано в 1865 г.). Его основали переселенцы из той же области Алты Авыл (Шесть Сел) Мочалинской волости Чембарского уезда Пензенской губернии. То есть это село на несколько десятков лет моложе Бахтияровки. Согласно преданию, Маляй-бабай был солдатом и служил в Астраханской губернии. Он оценил просторы и природные богатства края и, вернувшись со службы домой, в Пензенскую губернию, уговорил односельчан переселиться, выхлопотав разрешение на это у самой императрицы Екатерины Великой. В благодарность потомки первых переселенцев назвали село Маляевкой.

Еще один населенный пункт Волгоградской области, связанный с татарами-переселенцами, – с. Солодовка (Солодники). Близ него в 1820–1830-е гг. татарами из Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне Неверкенский район Пензенской области) был основан небольшой поселок Сарай. В 1836–1850-е гг. поселок считался слободой уездного города Царев Саратовской губернии, около русского с. Солодовка. В 1851–1919 гг. – в том же статусе, в составе Астраханской губернии. Поэтому в документах XIX в. населенный пункт значится как пос. Солодовка, или просто Слободка. В 1880 г. здесь проживало 293 д.м.п. и 262 д.ж.п., действовала соборная мечеть и мужской мектеб при ней, рядом с поселком располагалось мусульманское кладбище.

О существовании мусульманских приходов в переселенческих селах современной Волгоградской области сведения имеются с 1820-х гг. При этом мусульманские приходы Царевского и Черноярского уездов Астраханской губернии находились в прямом (непосредственном) подчинении ОМДС, тогда как для юртовских (астраханских) татар главным в духовном отношении являлся казый юртовских татар, ему и подчинялись все сельские приходские муллы остальных уездов Астраханской губернии.

Согласно сведениям астраханского губернского правления, в 1872 г. мусульманских приходов (мечетей) было «в Царевском уезде: в слободе при уездном городе Слободке – 1, в деревне Бахтияровке – 2, в деревне Малеевке – 1. В Черноярском уезде: в селе Каменный Яр – 1, в селе Малых Чапурниках – 1» [4, л. 1–13]. При каждой мечети действовала приходская начальная школа – мектеб, преподавали в которых приходские имамы – мугаллимы.

На запрос губернского правления об этих школах мировой посредник Царевского уезда Астраханской губернии в 1875 г. писал: «...Во вверенном мне мировом уча-

стке находятся три магометанских училища, а именно: два в деревне Бахтияровке Пришибинской волости, из коих одно медресе утверждено казенною палатою, а второе – частное. В поселке Малеевке той же волости одно частное мектебе. Все эти учебные заведения содержатся за счет собираемых добровольных пожертвований прихожан. В училищах этих преподаются языки – персидский, татарский (со включением грамматики), Аль-Коран на арабском языке, турецкий, а также отчасти и русский. Учителями состоят: в поселке Малеевке – мулла Абдул-Рахим Салехов Емангулов; в деревне Бахтияровке – в медресе мулла Мустагим Абдулкеримов Хаджиеров, в мектебе – мулла Тажетдин Мухтаров. Означенные училища подчиняются астраханскому соборному ахуну, которому представляют отчеты о числе учащихся. А также, независимо от сего, они представляют эти сведения волостному правлению, а последнее передает их Царевскому уездному полицейскому управлению» [4, л. 15–15 об.].

В 1901 г. в Царевском уезде действовали 5 мектеб, в Черноярском – 2 [1]. По словам царевского исправника, «в обучении детей никакого нового веяния не наблюдалось, по-прежнему обучением татар руководят их муллы, которые имеют главное влияние на массы» [5, л. 8, 16].

В советский период мечети во всех переселенческих татарских школах были закрыты, кроме мечети в с. Малые Чапурники. В течение всего советского периода мечеть в Чапурниках была признанным центром мусульманского образования и сохранения традиций в регионе. И сегодня жителей села отличает высокий уровень религиозности.

К сожалению, в постсоветский период Нижнее Поволжье оказалось в числе российских регионов, испытывающих значительные социально-экономические проблемы. Сегодня наблюдается обратная миграция. Татарская молодежь в поисках лучшей жизни уезжает из сел в большие города, в Республику Татарстан, население стремительно сокращается. Но несмотря ни на что жители переселенческих сел Волгоградской области в постсоветский период активно включились в движение по возрождению и сохранению национальных традиций, организовываются национальные татарские праздники, курсы татарского языка, вновь открыты мечети.

Таблица 1

Сведения о мечетях и муллах Царевского и Черноярского уездов Астраханской губернии за 1878–1880 гг. [5, л. 9–82]

Название мечети, где располагается	Количество прихожан	Количество медресе при ней	Количество учащихся	Имена и звания состоящих при мечети духовных лиц, с какого времени служит
Соборная мечеть, с. Малые Чапурники Черноярского уезда	263 муж., 268 жен.	1	50	1 указный мулла, 1 муэдзин

Название мечети, где располагается	Количество прихожан	Количество медресе при ней	Количество учащихся	Имена и звания состоящих при мечети духовных лиц, с какого времени служит
Соборная мечеть, с. Каменный Яр Черноярского уезда	344 муж., 350 жен.	–	–	1 указный мулла, 1 муэдзин
Соборная, с. Бахтияровка Царевского уезда	300 муж., 380 жен.	–	–	Имам Абдул Керимов Данчверов (с 1850 г.)
Соборная, с. Бахтияровка Царевского уезда	397 муж., 366 жен.	–	–	Имам Тажетдин Мухтаров (с 1867 г.)
Соборная, с. Малеевка Царевского уезда	480 муж., 470 жен.	–	–	1. Имам Абдрахим Салихов (с 1868 г.); 2. Мулла Ахметжан Невметуллин (с 1875 г.)
Соборная, пос. Солодовка Царевского уезда	293 муж., 262 жен.	1	67	Имам и мугаллим Мирзажан Джамалетдинов (с 1873 г.)

Таблица 2

Сведения о количестве татарских школ, учащихся лиц и обучающихся в школах Черноярского уезда на 1901 г. [5, л. 47]

Село	тип школы	количество школ	количество учителей	количество учащихся	
				мальчиков	девочек
Каменный Яр	мектебе	1	1	70	–
Малые Чапурники	мектебе	1	1	81	–
Итого		2	2	151	–

Таблица 3

Сведения о количестве татарских школ, учащихся лиц и обучающихся в школах Царевского уезда на 1901 г. [5, л. 38–39]

Село	тип школы	количество школ	количество учителей	количество учащихся	
				мальчиков	девочек
Царев	мектеб	1	1	30	–
Бахтияровка	мектеб	1	1	60	–
Бахтияровка	медресе	1	1	40	–
Малеевка	мектеб	1	1	50	–
Малеевка	мектеб	1	1	10	–
Итого		5	5	190	–

Источники и литература

1. Астраханский листок. – 1902. – № 143.
2. Вакыт. – 1906. – № 14.
3. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1712.
4. ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 702.
5. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51318.
6. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54937.
7. ГААО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 297.
8. ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 29. Св. 19.
9. ГААО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 150.
10. Труды Астраханского статкомитета. – Астрахань, 1877. – Вып. 5.

УДК 338

Ф.Г. Камальдинова, Ф.С. Гиниятуллина

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАТАРСКУЮ ДЕРЕВНЮ (ДЕРЕВНЯ МАЛЫЕ ШИРДАНЫ)

ТАТАР АВЫЛЫНА СӘЯХӘТ (КЕЧЕ ШЫРДАН АВЫЛЫ)

Статья посвящена историко-культурному наследию К. Насыри в деревне Малые Ширданы Зеленодольского района Республики Татарстан.

Ключевые слова: Малые Ширданы, Каюм Насыри, туристический маршрут, А. Губайдуллина, Большие Ачасыры, наследие, татарская деревня.

F.G. Kamaltdinova, F.S. Giniyatullina

JOURNEY TO THE TATAR VILLAGE (MALIYI SHIRDANY VILLAGE)

The article is devoted to the historical and cultural heritage of K. Nasyri in the village of Maliyi Shirdany of Zelenodolsk district of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Maliyi Shirdany, Kayum Nasyri, tourist route, A. Gubaidullina, Bolshiyi Achasyri, heritage, Tatar village.

Кече Шырдан авылы Сәкел елгасы буенда, Зеленодольск шәһәрәннән 18 км көньяк-көнбатыштарак, Чуаш Республикасы белән чиктәш урнашкан. Авылдан 1 км төньяктарак тимер юл, 3 км көнбатыштарак Мәскәү–Уфа автомобиль юлы уза. Кече Шырдан – бай тарихлы, борынгы авыл. Тарихи язмаларда беренче тапкыр 1646 елда искә алына. XVIII йөздә – XIX йөзнең беренче яртысында халкы дәүләт крестьяннары катлавына керә. Төп шөгыльләре игенчелек һәм терлекчелек була. XX йөз башында 2 мәчет, 5 тегермән, 4 вак-төякләр кибете эшли. Бу чорда авыл жәмәгатенең имана жире 1024 дисәтинә тәшкил итә. 1920 елга кадәр авыл Казан губернасының Зөя өязе Шырдан волостена керә. 1920 елдан ТАССРның Зөя кантоны

составында. 1927 елның 14 февраленнән Норлат-Ачасыр, 1927 елның 1 августыннан Норлат, 1963 елның 1 февраленнән Зеленодольск районында. Халык саны: 1782 елда – 244 ир-ат, 1859 – 1703, 1897 – 1740, 1908 – 1406, 1920 – 1365, 1926 – 1385, 1938 – 1110, 1949 – 825, 1958 – 612, 1970 – 495, 1979 – 336, 1989 – 211, 2002 – 130 кеше. Кече Шырдан – мәғрифәтче, тел галиме, этнограф, язучы, тарихчы К. Насыйри, әдәбият галиме Р.К. Ганиеваның туган авылы.

К. Насыйри – хәзерге татар әдәби, фәнни теленә нигез салучы. «Татар лексикологиясе буенча – русча-татарча «Лөгәть китабы» (1892), татар теленең беренче аңлатмалы сүзлегә «Ләһжәи татарии» (1–2 т., 1895–96), фонетика һәм грамматика буенча...» [3, 334 б.] хезмәтләре бар. Фольклорга, музыка, этнографиягә караган хезмәтләрендә халык сынамышлары, әкиятләр, җырлар, йолалар урын алган. «Буш вакыт» (1860) әсәре табигать күренешләренә багышлана. «Хисаплык, ягъни гыйльми хисап кагыйдәләре, яки арифметика һәм хисаплык мәсьәләләре» (1873) математикага, «Ысул җәғрафияи кабир» (1–3 кис., 1894–99) географиягә карый. Галим ботаника белән дә кызыксынган. Үз төбәгенең үсемлекләрен, аларның файдалы үзлекләрен өйрәнгән. Зәркәнчелек, агач эше, аш-су брошюраларында күп кенә кирәкле мәгълүматлар китерелә. К. Насыйри җитәкчелегендә шактый еллар «Казан календаре» басыла. Гомумән, К. Насыйри – татар мәдәниятында инкыйлаб ясаган бөек галим, үзенчәлекле шәхес. Татар аңын үстерүгә зур көч куйган. Ул кызыксынмаган, өйрәнмәгән өлкә тормышта калмагандыр да. Шүрәле, Су анасы кебек әкият геройлары да беренче булып К. Насыйри хезмәтләрендә күрсәтелгән була. Ижатында авыл тормышы киң чагылыш таба. Казанда яшәп иҗат итсә дә, авылына еш кайта торган була. Фольклор, дару үләннәре җыйган, физик хезмәттән дә тартынмаган. Юкка чыгып барган авыллар исемлегенә кертелгән авылда гомеренең 16 елы узган «урыс Каюм» (үзлегеннән рус телен өйрәнгән, Казан руханилар семинариясендә татар теле укыта. 1871 елда Казанда татар балалары өчен башлангыч рус-татар мәктәбе ача. Рус әдәбиятында, мәдәниятындагы яңалыкларны татарга да җиткерергә тырышкан) мирасын, рухын саклаган истәлекле урыннар байтак. К. Насыйри Кече Шырдан халкы өчен гади бер авылдаш кына түгел, ә бәлки иң акыллысы һәм иң «башлысы». Ул – үз авылы тарихын, тирә-як авыллар тарихын мәңгелеккә теркәп калдырган ватанпәрвәр дә. Уникаль шәхесне биргән авыл мекен хәлдә калырга тиеш түгел. Шушындый уртақ фикергә килеп, идея тирәсенә «туган авылым» дип жан атучылар – Асия Гобәйдуллина, Р. Мозаффаров, Р. Шакиров, Г. Минһажева, С. Миңнуллина, К. Минкин һәм башка авылдашлар берләшә. Танылган татар мәғрифәтчесе, язучы К. Насыйриның авылның горуурлыгы гына булмавын, ә аны саклап калуның бердәнбер чарасы икәннән дә авылдашлары яшерми.

2015 елда «Каюм Насыйри туган жирне яңартып торгызу» фонды оештырыла. Исеменнән үк күренгәнчә, фондны оештыру максаты – Каюм Насыйриның кече ватаны булган Кече Шырдан авылын торгызу һәм үстерү, бөек татар галименең исемен һәм мирасын популярлаштыру, тарихи яктан кыйммәтле архитектура һәйкәлләрен торгызу. Шулай ук татар халкының тарихи, мәдәни һәм рухи традицияләрен саклау һәм үстерүне күздә тоту. Фонд Кече Шырданны тарихи ландшафтлы музей комплексына әверелдерүне бурыч итеп ала һәм үзенә эш планы

билгели. Беренче зур хезмэт – Бөек Жиңүнең 70 еллыгы алдыннан Бөек Ватан сугышында катнашкан авылдашлар истәлегенә яңа һәйкәл куела (авылдан Бөек Ватан сугышында 240 ир-ат һәм 1 хатын-кыз катнаша. Хәзерге вакытта алар барсы да вафат). К. Насыйри бюсты реставрацияләнә, тирә-юне тәртипкә китерелә. Каюм рухын саклаучы 300 еллык тал (биеклегә – 8 м, кәүсәсенең диаметры – 2,5 м) Россиянең Милли агачлар реестрына кертелә, документы алына. «Сабантуй», «Тал чишмәсе» чишмәләре төзекләндерелә (авыл жирлегә үзидарәсе грант ота). Тагын бер тарихи истәлек – Насыйри туган нигезне искәртеп торучы Каюм коесы. Галим аны үз кулы белән казыган. Авыл халкы әле дә аннан файдалана. Кое тирәсе, бурасы фонд тарафыннан яңартыла. Мәчет тарихына күз салсаң, Кече Шырданда 1 мәчет була, 1901 елда икенче мәчет төзү ихтыяжы туа, чөнки авылда ул вакытта 528 ир-ат исәпләнә. Авыл жыенында яңа мәчет төзү турында карар кабул ителә. Матди ягын Габделкаюм Насыров үз өстенә ала. Ә төзелешне Гыйбадулла Гобәйдуллинга тапшыралар. Мәчет мәгърифәтченең вафатыннан соң төзелеп бетә. Совет власте урнашкач, 1939 елда ябыла. Төрле елларда мәктәп, медпункт, китапханә, колхоз идарәсе буларак хезмәт итә. 2017 елда «Акведук» проект-конструкторлык бюросы, авылдашлар, күрше авыл кешеләре, төрле предприятиеләрнең матди ярдәме белән К. Насыйри исемендәге мәчеттә яңадан азан тавышы яңгырый. Хәзерге заман технологияләре белән эшкәртеп, гасыр кичкән элекке бүрәнәләрне саклыйлар. «Чәй йорты» салына. «Дару үләннәре дөнъясына сәяхәт» программасы нигезендә (К. Насыйриниң «Шифалы үләннәр» хезмәтенә таянып), соңыннан тәмләп авыз итү максатыннан татар чәен әзерләү буенча интерактив дәрес үткәрелә. Галимнең «Наставления повару» китабы буенча әзерләнгән аш-су, жирле фермерлар житештергән продукция тәкъдим ителә. 2020 елдан музей-китапханә эшли башлый. Өр-яңа бүрәнәләрдән төзелгән 100 м² лы бина чын-чынлап мәгърифәт үзәге булырлык. Татарстанда туган телләр һәм халыклар дуслыгы елы һәм мәгърифәтченең 196 еллыгына багышлап ачылган комплекста К. Насыйри үзе исән чагында ук нәшер ителгән китапларның төп нөсхәләре бар. Әлегә кыйммәтле экспонатларны Башкортстанның Күгәрчен районы Күгәрчен авылыннан милләтпәрвәр, Башкортстан Республикасының атказанган укытучысы Нигъмәтулла Ваһапов тапшыра. Экспонатлар арасында галим үзе исән вакытта нәшер ителгән «Әбүгалисина» (Казан, 1900 ел), 1879 елгы календарь, «Ысулы география кәбир» (бер китабы), «Кырык бакча» «Кырык вәзир» һ.б., Шырдан, Акъегет авылы турындагы мәгълүматлар басылган «Тәржемән», «Йолдыз» газеталарының, «Шура» журналының аерым саннары музей-китапханәдә урын алган. Бу китапларның бер өлеше А. Гобәйдуллина акчасына, бер өлеше Президент гранты акчасына сатып алына. Шулай ук Грант акчасына китап киштәләре дә булдырыла. Музей-китапханәгә авыл халкы да, читтәгеләр дә бик теләп үзләрендә саклана торган китапларны, борыңгы әйберләрне тапшыра. 500 гә якын экспонат (кием-салым, борыңгы эш кораллары, көнкүреш предметлары) тупланган. Насыйри тасвирлаган Шүрәле, Су анасы, Йорт, Абзар ияләре һәм башка мәжүси персонажларның картиналары (авторы Лариса Рябинина) белән дә танышырга мөмкин. Атаклы мәгърифәтче алар хакында, халык арасында яшәп килгән риваять һәм хикәятләрне дә безнең өчен, киләчәк буын өчен язып калдырган. Фи-

логия фәннәре докторы, шушы авыл кызы Р.К. Ганиеваның вафатыннан соң бай китапханәләренең бер өлеше ире, галим З. Рәмиев тарафыннан бирегә тапшырылды. Авылда галимә туган нигезгә истәлек тактасы куелды.

Кече Шырданның эпиграфик истәлекләрен барлаганда, авылның горурлыгы саналган XIV–XV йөзләргә нисбәтле зиратны билгеләп үтү урынлы булып. Моның шулай булуы Р.Г. Фәхретдиновның «Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория», Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, А.Х. Халиковларның «Археологические памятники Татарской АССР» дигән хезмәтләрендә расланды. Бу зират элек-электән авыл халкының хәтер сандыгында саклана. 2019 елда территориясе таш баганалар белән уратып алына, 600 төп агач (имән, юкә, барбарис, сәрви куагы) утыртыла, мемориал такта белән монумент куела. Авыл зиратындагы кабер ташларының иң борынгылары XV йөзгә карый. Аны беренче булып К. Насыйри ачыклаган.

Кече Шырдандагы үзгәрешләр, яңа биналар – ТРның атказанган төзүчесе, «Акведук» җаваплылыгы чикләнгән җәмгыять директоры, «Каюм Насыйри туган жирне яңартып торгызу» фонды җитәкчесе, Кече Шырданның эшлекле кызы А.Н. Гобәйдулина тырышлыгы нәтижәсе. Асия ханым үзе дә мәгърифәтле нәселдән – әтисе укытучы, Бөек Ватан сугышы ветераны. Күпчелек шырданлыларга хас горурлык, зыялылык, үжәтлек сыйфатларына ия булуы белән эшмәкәр ханым – үз эшенең остасы да. «Авыл белән бәйләнешем беркайчан да өзәлмәде, әмма тиешле дәрәжәдә игътибарым 2014 елда туды. Бу авыл сүрелеп бара икән бит. Әле туксанынчы елларда гына үз көче белән яши торган хужалык иде. Тора-бара халкы олыгайды, яшьләр шәһәрдә төпләнде. Авылның көче кимеде, йортларның күбесе бушап калды. Андый ятим йортларны күреп күңел әрнеде», – дип яза ул. Кайчандыр гөрләп торган зур авыл XX йөз ахырларында перспективасыз авыллар исемлегенә кертелә. Мәктәп бетә, китапханә ябыла, кибет эшләми, медпункт юк. Халык эшкә читкә, укырга еракларга китә. Хәзерге вакытта 106 йортның 30 ында гына кеше яши. Халык саны 100 гә дә тулмый.

Әле 2015 елларда гына объектлар ташландык хәлдә булса, хәзер инде К. Насыйри тормышы белән бәйле уникаль объектлар (авылның истәлекле урыннарына күрсәткечләр куелган) буенча җәяүлеләр маршруты һәм Олы Ачасыр авылында (Зеленодольск районы) урнашкан К. Насыйри исемендәге этнография комплексында һөнәрчелек буенча мастер-класслар үткәрелә. Кече Шырданда туристларны татар халык әкиятләре героине Шүрәле каршы ала. Кунаклар, К. Насыйри исемендәге урамда йөрәп, Каюм коесыннан су эчә алалар. Каюм туган нигез янында фотога төшәргә мөмкин. Иң беренче туристларның фикере буенча, аларга бай табигатьле, зур тарихлы борынгы авыл үзе, кунакчыл, киң күңелле авыл халкы, гармунчы, Шүрәле һәм жирле экскурсовод бик ошаган. Бу исә авыл тарихын тирәнрәк күрсәтү зарурлыгына рухландыра. Президент грантлары фондының 500 мең сумга якын ярдәмен алган «Татар авылына сәяхәт. Каюм Насыйри мирасы» проекты Кече Шырдан һәм Олы Ачасыр авылларында Каюм Насыйри белән бәйле объектлар буенча бөек мәгърифәтче мирасын тирәнрәк өйрәнүгә этәрә, гомумән, туристлык маршрутын киңәйтәргә рухландыра. Туристлык маршрутының икенче өлеше Кече Шырдан

авылыннан 7 км ераклыкта урнашкан Олы Ачасыр (273 хужалык, халык саны – 642) авылына илтә, XX йөздә Каюм Насыйри йорты шушы авылга китерелгән була. Хәзер анда К. Насыйри исемендәге этнография комплексы урнашкан. Туристларны «Татар утарына» кунакка дәшәләр, биредә алар туку станогында палас тукыйлар, эрлиләр, бәйлиләр һәм чигәләр. Проектта ике авылның да халкы катнаша ала. Дәвалау үзлекләренә ия үләннәрне жыеп, киптереп, аларны шифалы чәй капларына тутырып туристларга тәкъдим итәләр.

Авыл территорияләренең үсешен тәэмин итәргә булышучы проектлар кече Ватан өчен горурлык хисе тудыралар, шулай ук туристлар да, экологик яктан чиста, кунакчыл атмосферага килеп эләгеп, мәдәни, рухи үсеш алалар.

Әдәбият

1. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 240 с.
2. Насыри К. Наставления повару. – Казань: Познание, 2015. – 44 с.
3. Татар энциклопедиясе: 6 томда / Баш мөх. Ә.М. Мазһаров, җаваплы мөх. Г.С. Сабиржанов. – Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе ин-ты, 2014. – Т.4 – 632 б.
4. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 219 с.

УДК 94(470):39

И.Г. Кильдюшкина

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия*

А.Ю. Яковлева

*Татарская государственная филармония
им. Габдуллы Тукая, г. Казань, Россия*

ДИКОЕ ПОЛЕ СЕНГИЛЕЕВСКОГО УЕЗДА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ГЕНЕЗИС ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА, ЗАНЯТИЯ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ, ПРОМЫШЛЕННОЕ, АГРАРНОЕ И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ

Статья посвящена истории возникновения в Симбирской губернии села Карлинского, прежде называемого Диким Полем, а также основным занятиям местных жителей, включая некоторые особенности ведения сельского хозяйства, разведения домашнего скота и птицы, развития пчеловодства, огородничества, садоводства, коноплесения, льноводства, промышленного производства и отхожих промыслов. В работе приводятся сведения о месте расположения имения, его собственниках, появлении в нем первых жителей, размерах крестьянских наделов до и после 1866 г., времени проведения посевных работ, стоимости одного трудового дня работника (работницы), уровне образованности местного населения, нюансах празднования особых религиозных дат, духовном развитии и вероисповеданиях жителей этого населенного пункта.

Ключевые слова: Карлинское, Дикое Поле, крестьянский надел, земельный участок, производство, отхожие промыслы.

WILD FIELD OF SENGILEY DISTRICT OF SIMBIRSK PROVINCE: THE GENESIS OF THE ORIGIN OF THE SETTLEMENT, THE OCCUPATION OF LOCAL RESIDENTS, INDUSTRIAL, AGRICULTURAL AND SPIRITUAL DEVELOPMENT

The article is devoted to the history of the emergence of the village of Karlinskoye in Simbirsk province, formerly called Dikoye Pole (Wild Field), as well as the main occupations of local residents, including some features of agriculture, livestock and poultry breeding, the development of beekeeping, gardening, hemp growing, flax growing, industrial production and latrines. The present work provides information about the location of the estate, its owners, the appearance of the first inhabitants in it, the size of peasant allotments before and after 1866, the time of sowing, the cost of one working day of an employee (female worker), the level of education of the local population, the nuances of celebrating special religious dates, spiritual development and faiths of the inhabitants of this settlement.

Keywords: Karlinskoye, Dikoye Pole (Wild Field), peasant allotment, land plot, production, latrines.

Аналитическая зарисовка, проведенная в контексте локального краеведческого исследования по одному из населенных пунктов Симбирской губернии – селу Карлинскому, отражает не только генезис возникновения указанного населенного пункта (согласно владенной выписи^{*}), появление первых жителей (на основе подушной переписи («ревизии») мужского и женского пола), место расположения имения и его собственников (в соответствии с рядной записью^{**}), размеры крестьянских наделов до и после 1866 г. (по уставной грамоте и показаниям крестьян), некоторые особенности ведения сельского хозяйства (с данными по численности поголовья домашнего скота, ценам и т. п.), разведения домашнего скота и птицы, развития пчеловодства, промышленного производства, отхожих промыслов, но и дает скрупулезное описание проведения посевных работ, проецируя портрет крестьянина на стоимость одного трудового дня работника (работницы), уровень образованности, нюансы празднования особых религиозных дат и в целом его духовного развития. В этом заключается реактуальность освещения приведенного ниже материала, опубликованного в нескольких статьях неофициальной рубрики газеты «Симбирскія губернскія вѣдомости» за 1866 г., собранного уполномоченными Симбирского статкомитета^{***} [2, с. 126–127].

---

^{*} Владенной выписью называли акт древнерусского права или документ, выданный судебным местом на владение землями или угодьями (См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. – 1890–1907).

^{**} Рядная запись (рядная сговорная, рядная поступная, свадебные записи) – акт назначения приданного, удостоверяющий переход имущества родителей к дочери и указание на «сговор» между отцом (родителями, опекунами) невесты и женихом о том, что последний возьмет девицу в жены, а отец отдаст невесту.

^{***} Статистические исследования в XIX в. продолжали традицию Разрядного приказа по сбору сведений о территории и топографических описаний местности, распространенных в конце предыдущего столетия. С появлением новых статистических органов изменилась лишь форма отчетности. С 1802 г., согласно

Итак, сс. Карлинское и Крюковка, а также сельцо Григоровка и выселок с. Березовки в 1866 г. входили в Карлинскую волость Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. В 428 дворах с. Карлинского насчитывалось оседлых жителей крестьян, временно обязанных помещице Наталье Павловне Зубовой 1512 душ мужского пола и 1831 – женского. Сверх того при селении значились дворовые: двое мужчин и две женщины. По владенной выписи и прочим актам того времени, хранящимся в господской конторе, территория эта, называемая Диким Полем, по челобитной куриловских казаков (выходцев Казанского воеводства) царем Федором Алексеевичем была отведена под поселение и использование 100 чел. Позднее император Петр Великий благоугодно переселил их к Азову, в более отдаленный край, а угоды сходцев пожаловал своим ближним стольникам – князьям Петру и Алексею Михайловичам Черкасским [4].

Откуда изначально переселились в эти места крестьяне, ни по актам, ни по преданию доподлинно не известно. Предположительно, первых жителей Карлинского насчитывалось немного, но со временем они собрались отовсюду. По некоторым сохранившимся актам, в 1735 г. в большом количестве переселились в эти края крестьяне из с. Арать Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Впоследствии появились тут и выходцы из Пензенской губернии, сословие и время поселения которых неизвестны, но увеличение общей численности жителей села с 1750 г. прекратилось. Из-за ветхости документов не представляется возможным определить количество карлинчан с I (1718–1727) по VI (1811) подушные переписи мужского и женского пола. В соответствии с данными VII ревизии (1815) в с. Карлинском числилось 1974 души мужского и 2190 – женского пола; по VIII ревизии (1833) – 1667 и 2063; по IX ревизии (1850) – 1561 и 1899; по X ревизии (1857) – 1512 душ мужского и 1831 – женского пола соответственно. Располагалось Карлинское при небольших речках Вязовке и Гуще, от губернского города Симбирска на расстоянии в 50 верст, от уездного города Сенгилеева – 80, от квартиры местного станового пристава (с. Чертановка) – в 15 верстах; между Московским и Саратовским почтовыми трактами – в 30 и 25 верстах соответственно, от Пензенского коммерческого тракта – в версте [4].

Имение это принадлежало, как отмечалось, помещикам князьям Черкасским. От них перешло по рядной сговорной записи с княжной Марфой Петровной, дочерью князя Петра Михайловича, графу Платону Ивановичу Мусину-Пушкину^{**}; от него по

манифесту Александра I об организации министерств, сбор статистических отчетов с мест был поручен этим структурам, которые смогли провести полномасштабные исследования. Так, наибольшая активность Симбирского статистического комитета наблюдалась после выхода Положения о губернских статкомитетах (1860), изменившего положение секретаря (он приравнивался к госслужащим и соответственно должен был иметь университетское образование). При этом многие из них были известны в научной среде и являлись членами Московского и Русского археологических, исторического, географического обществ. В 1960-х гг. на должности секретарей Симбирского статкомитета находились незаурядные педагоги и ученые М.В. Арнольдов (1863–1867) и В.А. Ауновский (1868–1872).

* Значительное сокращение количества душ мужского и женского пола, выявленное при проведении VIII ревизии, обуславливалось переводом жителей в 1829 и 1830 гг. в пустовавшее село Крюковское на постоянное местожительство.

** Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин (1698–1743) – тайный советник, сенатор, президент Коммерц-

рядной записи с княжной Анастасией Валентиновной – князю Павлу Петровичу Щербакову, а после досталось, согласно духовному завещанию, единственной наследнице – дочери, графине Н.П. Зубовой. В господском доме проживал граф Иван Платонович Мусин-Пушкин, который около 1770 г. переехал в свое заборовское имение (Сызранский уезд). С тех пор помещиков и господских заведений в Карлинском не было [4].

До 1866 г. крестьяне владели 9705 дес. земли, собственно в дачах у них значилось земли пахотной 8478 дес., на выгоне – 217, сенокосах – 290, под усадьбами и конопляниками – 650 дес. По уставной грамоте и показаниям крестьян, площадь трех дач (Крюковской, Сухаревской и Воецкой) охватывала 12 072 дес. земли всей территории, из которой в Крюковской даче под степи и пашни отводилось 1414 дес., сенокос – 56 дес.; в Сухаревской и Воецкой дачах – 701 и 252 дес. соответственно (без конкретного разделения земель и земельных участков по видам (категориям) и целевому назначению). В сельском хозяйстве применялось трехполье (трехпольный севооборот) с чередованием в земледелии пара, озимых и яровых зерновых культур. Лесных участков в пользовании общества и отдельных сельчан не выделялось (лесными массивами при даче владела графиня) [4].

Внутри крестьянских наделов, кроме озера Круглое, несли свои воды реки Гуща (с впадающими в нее ручьями Воецкий, Дехтярев, Елховой) и Вязовка. В Гуще и Круглом в мизерном количестве ловилась мелкая рыбешка: карась, пескарь, плотва и окунь. Ширина Гущи составляла от 1 до 2½ сажени. Почва ее левобережной стороны была глинисто-песчаной. Берега Вязовки отличались песчано-каменистой структурой грунта. Вверх от поселения, по правобережью Вязовки, к границам населенных пунктов Городецкое, Сосновка, Березовка и Григоровка [1; 5] начинались отлого покатистые пахотные участки; к водам Гущи, к населенному пункту Александровка, – гористые [4; 6].

По левую сторону Вязовки простиралось так называемое Ляховское поле длиной до 10 верст, шириной 2–3 версты, ровное до вершин Дегтярева и Валдайского оврагов. Пашня между ними расстилалась почти по равнинной местности. За оврагами Дегтяревым и Елховым Ключом вся территория пахотной земли до границ живого урочища^{*} р. Космынки представлялась отлого покатистым, открытым и ровным участком. Выгон находился по левую сторону от Вязовки, на возвышенном и гористом месте. Сенокосы, примыкающие к Гуще и идущие по левую ее сторону вниз от границ населенных пунктов Александровка до Карамзина [1; 6] (длиной до 15 верст, шириной до 200 саж.), были возможными на ровной местности и частично по мок-

---

коллегии (1736–1740), смоленский (1730–1732), казанский (1732–1735) и ревельский (173–1736) губернатор.

^{*} По инструкции межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам 25 мая 1766 г. (глава IV, пункт 1-й), живыми урочищами, принимаемыми как писцовые межи, за основание в каждом владении считаются: «озера, реки, речки никогда непересыхающие, и течения, а также буераки, состояния своего неперемениющиеся». В действительности со временем реки и ручьи изменяют направление, буераки расширяются, размываясь водой, и т.п.; поэтому образуемые ими естественные границы закрепляют искусственными межевыми знаками.

рому и кочковатому грунту. Черноземные с весьма незначительной примесью супеска пахотные земельные участки размещались по левобережью Вязовки, в сторону границ населенных пунктов Городецкое, Сосновка, Березовка и других [1; 6], а также Ляховского поля. Глубина верхнего слоя составляла от 2 до 3 вершин.

Земля была черноземной, поэтому удобрения в поля не вносились*. Участки, требующие подпитки, находились от поселения на расстоянии 7–12 верст. Вспашивали их обыкновенными сохами, засевали рожью, пшеницей, овсом, гречихой, просом и горохом. Рожь в этой местности сеяли с 6 августа (из расчета 7 и 9 пуд. на десятину земли); пшеницу и овес – с 9 мая (10 и 11 пуд.); гречиху и просо – с 20 мая по 11 июня (гречихи шло 7 пуд., проса – 1 пуд); горох – с 23 апреля (5 пуд.). Хлебным посевам угрожали лишь заморозки или засуха. О вредоносных животных и насекомых, их истребляющих, в народе не слышали. Жатвенная и молотильная сельскохозяйственная техника отсутствовали. Например, стоимость одного трудового дня работника с лошадей летом выходила 60 коп., пешего – 30 коп. серебром, зимой – 40 и 20 коп. серебром соответственно; работницы летом – от 15 до 20 коп., зимой – 10 коп. серебром. От 20 до 25 руб. серебром выплачивалось мужчине в возрасте за произведенные им полевые работы в летнее время года, а за год – 30–40 руб. серебром. Чтобы сжать в 1865 г. наймом одну десятину озимого и ярового хлеба, приходилось платить 3 руб., обмолотить 1000 снопов – 2 руб. серебром. Сортировку зерновых культур, включая провеивание, не проводили, сушили их в устроенных на овинах гумнах (из-за неимения дров поджигали солому), а в летнее время зерна подсушивали на солнце. По 10-летним наблюдениям, в среднем цена одного пуда зерна в Карлинском достигала следующих сумм: рожь – 20–25 коп.; пшеница – 45–50; просо – 40–45; гречиха и горох – 30–40 коп. серебром. Продавались зерновые на местном базаре и в с. Поповка. Сенокосы на площади до 290 дес. проводились с 30 июня до 12 июля частично на кочковатых и луговых (в низовьях Гущи) участках. В степных и лесных местах покосов попросту не было. Уходом за лугами, кроме охраны от потравы, не занимались. Огнем земледелием (выжиганием с целью удобрения почвы), осушением, разкочкариванием и уничтожением сорных трав, как, впрочем, и возобновлением перепашкою, не интересовались. Травосеяние не было заведено. Уборка сена наймом с перевозкой его на место измерялась 4–5 руб. серебром за одну десятину, на которой в среднем накашивалось от 5 до 8 возов в укос. Средняя стоимость пуда сена по 10-летней сложности достигала 15–30 коп. серебром. Использовалось оно исключительно на прокорм домашнего скота, сбыта на сторону не наблюдалось [4].

При усадьбах разводились конопляники, где засевалось до 150 дес., на полях эту культуру не практиковали. Льном засаживалось до 158 дес. в полях крестьян. Средняя цена пуда конопли в поскони составляла 1 руб. 10 коп., льна – 2 руб. 50 коп. серебром. Сбывались поскони и лен на местном базаре и жителям окрестных сел.

---

* Менее затратным стало бы известкование почвы из извести, добываемой в незначительном количестве в меловых горах близ Карлинского.

Конопляного зерна продавалось ничтожно мало. Льняное семя по цене 60–70 коп. серебром за один пуд в основном покупали приезжие торговцы. Отправлялось оно скупщиками в Симбирск за 50 верст и на Промзинский базар (Алатырский уезд) за 80 верст. Другие сельхозкультуры здесь не выращивали. Огородничество и садоводство практически не развивалось. Овощей, кроме картофеля, не сажали, а если сажали, то редко и в небольшом количестве. Капусту, лук и прочие овощные культуры, необходимые для домашнего потребления, жители покупали в соседних селах Матюгине, Воецком, Александровке и Игнатовке. Садоводство не представлялось карлинчанам возможным по причине гористых ландшафтов и наличия в поверхностном слое мелового камня [4].

Крупного рогатого скота в селе при соотношении с его территорией численностью к пространству и количеству жителей было явно недостаточно. На начало 1866 г. дойных коров в хозяйстве крестьян насчитывалось не более 1 250 гол., теллят – 270. Летом рогатый скот пасся на пастбище, а зимой кормился гуменной соломой и мякиной. Примечательно, что в зимнее время дойных коров впускали в избу, где в колоде делали им мешанину из соломы и мучной посыпки. Летом домашний скот содержался на карде, зимой – в сарае. Развитию скотоводства мешали усиливавшиеся в крестьянской среде отхожие промыслы. Откорм скотины на убой не производился, продажа велась попросту, с пастбища, далее она шла частично в Симбирск и другие населенные пункты губернии. Цены на домашнюю скотину в 1866 г. снизились так, что лучшая дойная корова, стоившая 25 руб. серебром, на убой реализовывалась не более чем за 18 руб. Нестельные молодки продавались от 5 до 7 руб. серебром за будущую «буренку». Изобилие лошадей также не наблюдалось: у крестьян их было до 1120 гол., жеребят – 290. Помещичьих и крестьянских конных заводов в округе не было. Услуги временных случных конюшен предлагались только земские, по соседству. Раньше некоторые из крестьян для продажи выкармливали молодняк в небольшом количестве, но со временем это занятие кануло в Лету. Вблизи скотного двора ветеринара в случае острой необходимости было трудно сыскать. Пользоваться предложениями приезжих из разных мест коновалов было неоправданно рискованно. Овцеводство в селе, напротив, благоприятно развивалось, чему способствовали местные ландшафты. Но при этом количество овец не превышало 3000 ед. Наиболее распространенными породами здесь считались простые русские овцы, но не грубошерстные. В летнее время эти животные от 27 до 30 недель паслись на пастбищах, а в зимнее кормились гуменной мешаниной и сеном на дворах. Шерсти от них крестьянам не хватало даже для личного употребления и изготовления верхней одежды. Полугрубой шерсти, собираемой за год от одной овцы весной и осенью, выходило всего 3 фунта, а на ее прокорм и уход тратилось около 75 коп. серебром. Оспа и горловая болезнь, господствовавшие среди млекопитающих, подчистую уносили целые отары из крестьянских хозяйств. Да и торговали овцами (до 1 руб. 50 коп. серебром за голову) неохотно. Свиноводством практически не занимались. Свиной на все селение было не более 45 гол. Жители издавна находили неудобным разводить их. Коз наблюдалось еще мень-

ше — 8 гол. Из домашней птицы держали во дворе в основном кур. Гусей встречалось ничтожно мало, а индюшек и вовсе не было [4].

Удобств к развитию пчеловодства по причине открытых и безлесных местных пейзажей не было. В связи с этим случались ежегодные упадки от холодных весен, жарких дней в начале июня и в конце июля. Выгоды от занятий пчеловодством получалось ничтожно мало по сравнению с вложенным в него трудом. В 1866 г. общее количество ульев составляло 160 ед. Лучше обустроить пасеку, чем поставить долбленные улья на подкладыны, привязать их к кольям, огородить плетнем или частоколом, не удавалось. Ящичные и другие усовершенствованные домики для пчел не существовали. В ясный весенний день улья выставлялись для осмотра, гнилые соты удалялись в мае. С появлением молодых пчел их подкармливали густой и жидкой медовой сытою. Подрезали соты с 6 августа. Мед от воска отделялся следующим образом: над корытом помещалось не очень частое железное сито, куда складывались мелко измятые соты. Мед чистым самотеком сначала струился в корыто, а затем по особому отверстию — в кадку (вощина оставалась в сите). Обычно мед сбывали на городской сборной Симбирской ярмарке по цене 4–6 руб. серебром за пуд. Воск не перетапливали, продавая его вместе с вощиною за 10–12 руб. серебром за пуд, которую скупали преимущественно татары из д. Старое Тимошкино (Сенгилеевского уезда) [4].

На территории карлинских дач работали водные мукомольные мельницы, принадлежавшие графине Н.П. Зубовой: две Вязовские (на двух поставах) и Гушинская (на четырех поставах с обдиркой). На них получали ржаную и пшеничную муку, на обдирках в незначительном количестве обрабатывали пшено и гречневую крупу. Первые две мельницы ежегодно приносили помещице серебром 140 руб. дохода, третья — 240 руб. серебром [4].

В деревянном здании единственного в селе кожевенного завода (на три дубильных чана и один зольник) выделялись, главным образом, яловицы — кожа яловой самки коровы, овцы и других животных (до 180 шт. ежегодно), отчасти — конина (до 70 шт.). Сырье приобреталось в Симбирске, на базарах в с. Поповка (Поповская волость Сенгилеевского уезда) и на местном рынке. Крупные кожи стоили до 5 руб., мелкие — от 1 до 3 руб. серебром за штуку (в зависимости от размера). Для обработки, например, 100 шкур требовались следующие ингредиенты: 100 пуд. ивовых кореньев, 40 пуд. извести, 5 фунтов квасцов, 3 фунта медного купороса (покупались в соседних селах), пуд сандала (в Симбирске). На производстве трудился всего один человек, которому за год платили 40 руб. Способ обработки шкур выглядел незамысловато: кожи дважды складывались на 7–10 суток в чан с зольной жидко растворенной известью. По истечении срока вылежки они выкладывались на колоды, чтобы с них ручным железным тупиком сбить шерсть. Для смывания извести с сырого материала кожу опускали на привязке в воду, а через трое суток стальным стругом с нее сбывали мездру, впоследствии употребляемую в виде стружки для

---

* Золением называется технологический процесс в кожевенном производстве по обработке так называемой зольной жидкостью кожевенного полуфабриката (шкур, голя).

варения клея. Остроганная кожа в других чанах через 10 суток поэтапно пересыпалась ивовым корьем (каждая отдельно), после чего красилась вареным сандаловым деревом с добавлением квасцов и медного купороса, смазывалась березовым дегтем [4].

В Карлинском в то время работали еще 4 красильных заведения по окраске холста и пряжи (в двух по 2 чел. в каждом, в остальных трудились хозяйки этих предприятий; получали 40–60 руб. серебром в год). Холсты, покупаемые в Симбирске, опускались в слабаразведенную краску, а потом развешивались на шесты для просушки на солнце. После сушки материал складывался на верстак, расправлялся и печатался ручной доской, технично вырезанной разными способами (мастеровые ходили из с. Лавы (Ведомское) Карсунского уезда). Окончательно окрашенным материал считался после двукратного повторения процесса окрашивания и просушки. За окраску и набойку холста (в воде разводился клей, куда и складывалась ткань) с аршина бралось 1–6 коп. серебром [4].

Особенных промыслов в этом селении, кроме отхожих, не развивалось. По сведениям, опубликованным в газете «Симбирские губернские ведомости» за 1866 г., для того, чтобы заработать плотничным ремеслом и распиловкой леса, крестьяне отправлялись в Бузулук (Оренбургский край), Самару, с. Балаково (Самарская губерния), Царицын, Сарепту, Уфу, Пермь, Казань и другие отдаленные края. Получалось, что жили они дома всего около двух месяцев зимы, уходя с насиженных мест с первой недели Великого поста и возвращаясь лишь в декабре. Так, летом 1866 г. более 2/3 жителей Карлинского трудились в Симбирске и его окрестностях, так как в вышеуказанных заволжских местах из-за неурожая хлеба каких-либо видов работ было ничтожно мало. В результате и оплатили их труд гораздо ниже предыдущего года: те, которые прежде зарабатывали до 120 руб. серебром в год, принесли домоладцам не больше 70 руб. серебром [4].

Большинство сельчан придерживалось православия. В 1827 г. прежнюю обветшавшую церковь перестроили в новую деревянную обитель во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом Святого Чудотворца Николая (согласно церковному акту, иждивением покойного графа П.И. Мусина-Пушкина), в 1846 г. в теплой трапезе прихожане устроили третий придел к ней, во имя Преображения Господня. В 1866 г. христиан-мужчин в селе насчитывалось 1471 чел., женщин – 1702 чел.; раскольников мужского пола – 41 чел., женского – 129 чел. (из них к толку поповщины относились 38 мужчин, 125 женщин, беспоповщины поморян-перекрещенцев – 3 мужчин и 4 женщины) [4]. По преданию, инакомыслие и старообрядчество проникло в Карлинскую волость в начале XIX в., что связывалось с уездом на заработки в г. Нижнеуральск и Иргизские заволжские раскольниковские монастыри трудоспособных крестьян [3].

В деревянном помещении волостного правления, построенном в 1863 г., располагалось также волостное училище, где священники преподавали 25 мальчикам чтение, русский язык, правила грамматики и арифметики, а также Закон Божий и священную историю. Были в селе мастера и мастерицы, по большому счету, из раскольничьей среды, которые занимались обучением крестьянских детей. Общее

число грамотных среди жителей Карлинского в 1866 г. составляло 85 чел., а по желанию их овладеть грамотой это село опережало окрестные населенные пункты благодаря местным священникам, которые ежегодно за свою работу получали до 50 руб. серебром. Жажда к знаниям среди сельчан постоянно усиливалась [4; 5]. Врача, фельдшера и своей больницы в селе не было. В случае болезни крестьяне обращались для оказания помощи к ученому человеку. Роженицы по-прежнему вивались у крестьянских повитух [5].

Народные поверья, мало-помалу уничтожаемые, еще бытовали в то время. На праздник Благовещения, например, по домам разносились специально приготовленные просвиры, которые домохозяин клал в семенную пшеницу в ожидании изобильного урожая. Народные поместные праздники и у православных, и у раскольников совпадали. 1 октября отмечался один из самых значимых престольных православных праздников – Покров Пресвятой Богородицы. После него – известные для всех: исконно языческий праздник Масленица, главный праздник православных христиан – Светлое Христово Воскресение, или Пасха (в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния – между 4 апреля (22 марта по старому стилю) и 8 мая (25 апреля по старому стилю)) и славянский праздник плодородия и мужской силы Ярилин день (Ярило Вешний) (в 9-ю субботу по Пасхе). К этим дням все жители тщательно готовились: варили пиво и закупали в большом количестве вино. В Покров, по окончании Божественной службы и молебнов в храме, ближе к ночи друг у друга угощались в течение четырех дней. Веселье на Масленицу продолжалось с пятницы и до начала поста понедельника, а в Ярило пировали около трех дней подряд. Разгульное увеселение на Пасху отмечалось скромнее. В другие народные праздники в Карлинском также не работали, но особенного кутежа не наблюдалось [3].

Несмотря на отмену Александром II крепостного права в России, торговля крестьянами в Карлинском еще бытовала: еженедельно на базарах по субботним дням и на ярмарке, собиравшейся один раз в году на базарной площади, принадлежавшей графине Н.П. Зубовой (в домах торговые лавки отсутствовали). Кроме подневольных крестьян предметами торга выступали красный товар (текстиль, ткани, мануфактура), чай, сахар и прочие бакалейные предметы, сапоги, рукавицы, мясо, рыба, соль, деготь, лапти, лыко и прочая мелочь, необходимая в быту. Торговля мясом, рыбой, солью, дегтем, лаптями, лыком и прочими мелочами находилась в руках местных торговцев. За бакалейным и красным товаром надзор вели купцы – симбирский Акчурин, сенгилеевские Устинов и Платонов, которым помогали в 9 лавках (4 торговые палатки, 3 балагана и 2 полки) до 30 приезжих продавцов. Торговый оборот со всех товаров не превышал 13 тыс. руб. серебром. Цены на сено и овес не поддавались измерению из-за незначительности объемов базаров, на ярмарках же ими не промышляли. Постоялых дворов за неимением проезжих трактов не было. Кабаки принадлежали госпоже Н.П. Зубовой. Торговля, по сути, концентрировалась у господ Родионова, Боронина (доверителя помещицы Н.П. Зубовой) и Поливанова (в штофной лавочке с правом на вынос, размещавшейся в доме местного крестьянина Куклева). Стоимость ведра пива в них, например, составляла 1 руб. 20 коп.,

вина – 3 руб. серебром. Годовые объемы питейных заведений достигали 5 тыс. руб. серебром [5].

Своим всеобщим благосостоянием сельчане могли даже похвастать: в то время они пользовались всей господской землей и хорошими угодьями на площади 12 тыс. дес., символически уплачивая Н.П. Зубовой от 7 (в 1829–1853 гг.) до 10 (в 1853–1865 гг.) руб. серебром с души. А поскольку в Карлинском, судя по 10-й народной переписи, числилось 1512 душ обоего пола, то со всех ежегодно графией собиралось оброка на общую сумму 15120 руб. серебром, казенных податей и мирских поборов – 5 руб. 20 коп. серебром с тягла [5].

Обобщая вышеизложенное, необходимо заключить, что цифры, приводимые Симбирским статкомитетом того периода, компенсируют узость кругозора, оторванность от изучаемой темы общероссийской истории, локальность решаемых проблем и задач, а также неумение соотнести местные явления и процессы с веяниями и тенденциями в соседних губерниях, позволяя в широком диапазоне сопоставить социальные перемены, произошедшие в землепользовании крестьян, ценовой политике власть имущих, крепостной реформе, учреждениях образования и других сферах. Это становится благостной пищей для гуманитарного научного исследования провинциальной глубинки как с точки зрения поиска глобальных закономерностей, так и с позиций понимания общечеловеческих ценностей образа крестьянина-труженика в историографии, политологии, социологии, культурологии и массовом сознании россиян.

Источники и литература

1. Артемьев А.И. Симбирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Сенгилеевский уезд [Электронный ресурс]. URL: <http://simbirarchoe.narod.ru/Russian/19vek/gubernia1859/sengiley.htm> (дата обращения: 04.12.2021).
2. Гуркин В.А. Симбирскоеведение. Основные этапы истории изучения Симбирского Поволжья: Учеб. пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 2009. – 164 с.
3. Наумлюк А.А. Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. – Саратов: Научная книга, 2009. – 100 с.
4. Описание Карлинской волости (Сенгилеевского уѣзда) // Симбирскія губернскія вѣдомости. – 1866. – № 9. – 25 янв.
5. Описание Карлинской волости (Сенгилеевского уѣзда) (Окончаніе) // Симбирскія губернскія вѣдомости. – 1866. – № 10. – 27 янв.
6. Список населенных мест Симбирской губернии / Изд. Симбир. губ. стат. ком. – Симбирск: Типо-литогр. губ. правление, 1913. – XI, 284 с.

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО РАЗВИТИЕ В ЛАИШЕВСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В статье представлены известные и малоизвестные исторические объекты Лаишевского района РТ. Предложены примеры туристических маршрутов по достопримечательным местам сел Лаишевского района и города Лаишево.

Ключевые слова: туризм, туристско-рекреационный потенциал, туристический маршрут, экскурсионный маршрут, Лаишевский район, экологически чистые места, живописные места, особо охраняемые природные территории, памятник природы, Г.Р. Державин, «Каравон», Республика Татарстан.

А.В. Nasibullina

TOURIST AND RECREATIONAL POTENTIAL AND ITS DEVELOPMENT IN LAISHEVO DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The article presents well-known and little-known historical objects of Laishevo district of the Republic of Tatarstan. Examples of tourist routes to places of interest in the villages of Laishevo district and Laishevo town are proposed in it.

Keywords: tourism, tourist and recreational potential, tourist route, excursion route, Laishevo district, ecologically clean places, picturesque places, specially protected natural territories, natural monument, G.R. Derzhavin, «Karavon», the Republic of Tatarstan.

По объему рекреационного потенциала Лаишевский район занимает передовое место в Республике Татарстан. Основу высокой рекреационной привлекательности района формируют и естественные природные активы, и объекты исторического наследия. В наше время туризм является мощной мировой индустрией. За быстрые темпы роста он признан экономическим феноменом столетия. Во многих странах туризм играет значительную роль в создании дополнительных рабочих мест, обеспечении занятости и т.д. Туризм оказывает огромное влияние на такие ключевые отрасли экономики, как транспорт, связь, строительство, сельское хозяйство, то есть выступает своеобразным катализатором социально-экономического развития [3, с. 122].

Объектом исследования являются села Лаишевского района РТ и г. Лаишево как потенциальные территории для развития туристических маршрутов. Цель исследования – разработать туристические маршруты по достопримечательным местам малоизвестных сел Лаишевского района и г. Лаишево; расширить знания о памятниках природы района; организовать просветительскую краеведческую деятельность. Методы исследования – историографический, библиографический и др.

По Лаишевскому району можно было бы проложить несколько туристических маршрутов с разнообразной тематикой. Например:

1. Маршрут «Этническое многоцветье»

В Лаишевском районе сохранились обряды и культуры нескольких народов. Маршрут включает в себя знакомство с русской, татарской и кряшенской культурами. Подробнее об этом смогут узнать туристы, выбравшие экскурсию об этнических традициях.

– В селе Русское Никольское гостей встретят хлебом-солью. Ансамбль «Каравон» закружит в обрядовых плясках, разбередит душу песнями, вовлечет в широкий хоровод.

– В селе Ташкирмень кряшенский ансамбль «Сурэкэ» исполнит народные песни, удивит игрой на самоварной трубе. А уж кряшенский танец, особенность которого состоит в том, чтобы около 20 минут исполнения не отрывать пятки от пола, никого не оставит равнодушным!

– В татарском селе Атабаево есть фольклорный коллектив «Бибинур». Можно увидеть его представления «Кичке уен» («Вечерние посиделки») или «Каз канаты» («Гусиное перо») на татарском языке, а также отведать национальное угощение «хворост». Село Атабаево расположено на месте слияния трех рек: Волги, Камы и Мёши.

Таким образом, в рамках данного экскурсионного маршрута могут быть реализованы актуальные виды туризма: водный, спортивный, рыболовный, сельский. Отдых в с. Атабаево привлекает неспешностью сельской жизни, сельскими ландшафтами, познавательными прогулками в окрестностях.

2. Маршрут «Г. Державин»

Дорога в Лаишево проходит по Оренбургскому тракту, мимо мест, связанных с жизнью Гавриила Романовича Державина и его семьи: Сокуры, Егорьево, Державино.

Первая остановка, после поворота в сторону казанского аэропорта, предполагается в селе Сокуры. В середине XVIII в. часть села входила в состав имения родителей поэта Г.Р. Державина. По сведениям 1742 г., родители Г.Р. Державина, Роман Гавриилович и Фёкла Горина, урожденная Толстая, обвенчались в местной церкви (не сохранилась) [1]. Считается, что после свадьбы они более года жили в селе в своем имении и именно здесь 3 (14) июля 1743 г. родился Г.Р. Державин. В первой трети XIX в. взамен обветшавшей церкви была возведена каменная часовня Воздвижения креста Господня (отреставрирована в 2014–2015 гг. по проекту архитектора И.А. Аксёновой на средства мецената Ю. Чаплыгина и открыта как Воздвиженская церковь). В 1895 г. по проекту архитектора Ф.Н. Малиновского на средства казанского купца 1-й гильдии П.В. Щетинкина и прихожан – крестьян села и д. Обухово построена Покровская церковь (в 1932 г. закрыта, в здании располагалось зернохранилище, с 1960-х гг. – клуб; в 1993 г. возвращена верующим; памят-

ник культовой архитектуры в стиле эклектики). Покровская церковь стоит на берегу живописного пруда [2, с. 675].

При школе действует исторический музей им. Г.Р. Державина, основные экспозиции которого посвящены истории села, истории семьи Г.Р. Державина. В 2018 г. в школе открыта мемориальная доска в честь Г.Р. Державина, школе присвоено его имя. Установлена памятная стела Г.Р. Державину. На территории села с 1736 г. произрастает вяз, на котором установлена табличка с надписью: «Это уникальное дерево... является свидетелем детских лет... Державина».

Село Егорьево – место упокоения родителей Державина. Рядом с Богоявленской церковью расположены: восстановленная в 2003 г. по эскизам Г.Р. Державина усыпальница родителей поэта – отца Р.Н. Державина (умер в 1754 г.) и матери Ф.А. Гориной (умерла в 1784 г.). В 2016 г. установлен бюст Г.Р. Державина [2, с. 652].

И последнее место, связанное с именем великого поэта, – с. Державино, основанное отцом Гавриила Романовича. Здесь можно осмотреть Никольскую церковь XIX в. В XVII в. часть села принадлежала брату прадеда Г.Р. Державина, Григорию Державину. В честь 100-летия со дня рождения Г.Р. Державина в 1847 г. на средства, собранные Лаишевским дворянством и интеллигенцией, в селе был установлен бронзовый памятник поэту; в 1881 г. перевезен в Казань [2, с. 650].

В Лаишево в музее Лаишевского края имени Гавриила Державина поэту посвящен отдельный зал экспозиции. Здесь представлены архивные документы, прижизненные издания, а также предметы эпохи. 14 июля, в день рождения поэта, на празднике поэзии в Лаишево вручают Державинскую премию за литературное творчество и исследования в юриспруденции.

3. Маршрут «Лаишево»

В 56 км от Казани расположен г. Лаишево, который входит в список исторических поселений России. Привлекает богатая и интересная история города. Заложен он еще в 1557 г. Раньше здесь находилось болгарское поселение Лаиш, которое населяли пушкары, стрельцы, позже ремесленники и металлурги. Статус Лаишево несколько раз менялся. Сначала это был уездный город, затем – село, с 1950-го – поселок городского типа, а в 2004 г. ему вновь вернули статус города. Сегодня город благоустроен, отдыхать здесь – одно удовольствие, даже поездка «одним днем» принесет только радость. Достопримечательности реставрируются, соборы восстанавливаются, пляжная зона «Камское море» (она же – городская набережная) в идеальном состоянии и продолжает развиваться.

Лучше всего в Лаишево ехать летом: тогда будут доступны все прелести пляжного отдыха. Но осенью и весной посещение города и его достопримечательностей вполне возможно, все зависит от того, что в приоритете.

Если ехать в Лаишево на автобусе, то прогулка начнется с автовокзала. Отсюда начинается спуск к Каме и пляжу по улице Лебедевой, а заодно и знакомство с достопримечательностями города. Первое, что можно посетить, – это музей Лаишевского края им. Державина. Здесь можно увидеть экспозицию, посвященную жизни и

творчеству Г.Р. Державина, который родился в Лаишевском крае [1]. Недалеко от музея находится площадь имени поэта и его бюст.

Дальше можно прогуляться по парку Победы, заодно обратить внимание на здание Музея боевой славы. Музей расположен в часовне бывшего Троицкого женского монастыря, которая была построена в конце 1890-х гг. в стиле эклектики. После закрытия монастыря в часовне размещалась и электростанция, и даже пожарная часть. Теперь это музей, где по архивным документам и мемориальным экспонатам восстанавливается тыловая жизнь Лаишево в годы Великой Отечественной войны. На территории парка Победы есть образцы военной техники и красивый вид на «Камское море».

Пройдя вперед до следующего перекрестка, мы обнаружим пешеходную зону на улице Космонавтов, которая начинается Троицкой церковью и двухэтажным зданием бывшего сестринского корпуса монастыря 1880–1890-х гг. постройки.

Троицкая церковь была возведена в 1901–1906 гг. по проекту губернского архитектора Ф.Н. Малиновского. Монастырь был большим (более двухсот сестер и послушниц), жил на пожертвования и помощь местного купца Макашина. В советские годы часть построек была утрачена (в частности, колокольня), монастырь закрыт в 1923 г., а в церкви располагалась машинно-тракторная станция. Тракторами была разрушена напольная плитка, иконостас, фрески утрачены. Сейчас продолжается восстановление храма [2, с. 638].

Еще одна центральная улица г. Лаишево – улица Ленина. В дореволюционные времена она называлась Оренбургской, на ней много интересных объектов. Главная достопримечательность улицы – Софийский собор (на некоторых картах в интернете собор ошибочно отмечен на месте Троицкой церкви). Центральная часть улицы Ленина вымощена тротуарной плиткой. Здесь находятся три главные достопримечательности г. Лаишево: пожарная каланча, Софийский собор и бывшее здание богадельни. На пересечении улиц Лебедевой и Ленина расположено здание бывшей прогимназии постройки конца XIX в., сейчас ремонтируется.

Софийский собор – самый старый храм в городе: новое здание возводилось на фундаменте храма XVII в. Собор строили по случаю приезда Екатерины II: она должна была посетить Лаишев во время своего путешествия, но ее галера так и не причалила к пристани, последовав к Болгару и Симбирску.

Обветшавший собор решено было перестроить в 1870 г. в стиле поздней эклектики. В 1898 г. росписью собора занялся мордовский художник Степан Эрзя (Нефедов), его фрески частично сохранились. Последний настоятель храма был расстрелян в 1918 г.; в годы советской власти здесь находился кинотеатр.

От собора начинается спуск прямо к пляжу «Камское море». Место неслучайно называется «морем»: здесь Кама разливается настолько широко, что почти не видно противоположного берега. Еще одна местная достопримечательность – пос. Семрук. В 3,5 км от центра города съемочная группа сериала «Зулейха открывает глаза» построила декорации спецпоселения, где налаживали свою ссылочную жизнь раскулаченные. Декорации стали новой достопримечательностью города. В Семруке тоже можно загорать и купаться, чем успешно занимаются местные жители [4].

4. Маршрут «Фестиваль «Каравон»

С 1993 г. в Татарстане, а именно в Лаишевском районе, проводится фестиваль «Каравон», на который съезжается много людей из разных уголков не только республики, но и России. На фестиваль русского фольклора приезжают танцевальные коллективы, певцы, звезды шоу-бизнеса. Мероприятие проходит с большим размахом. Как правило, здесь функционирует ярмарка, на которой местные и приезжие ремесленники выставляют свои товары. Музыка уличных музыкантов дополняет праздничную атмосферу. Проводятся различные мастер-классы, на которых каждый желающий сможет себя попробовать в гончарном деле, лозоплетении, ткачестве, росписи игрушек.

По преданиям фестиваль проводится уже в течение более 300 лет, а в 1993 г. он приобрел официальный статус. Для тех, кто желает узнать больше о возникновении этого праздника, истории Каравона, работает музей.

На фестивале функционируют различные площадки, например:

- «Молодецкие забавы» – соревнования между мужчинами, мужские пляски;
- «Детские площадки» – игры и забавы для детей, выступления фольклорных ансамблей;
- «Хороводная поляна» – все желающие вместе с организаторами водят хороводы, поют народные песни;
- «Танцевальная площадка» – здесь проводятся танцевальные состязания, в которых участвуют как профессиональные танцоры, так и любители;
- «Экспедиция» – формат предполагает рассказы этнографов и долгожителей региона об истории, культуре и традициях края и пр.

И как же обойтись без застолья. Для гостей праздника накрывают огромный стол с напитками и пищей. Преобладают блюда национальной кухни, приготовленные по аутентичным рецептам. На фестивале «Каравон» действительно стоит побывать, впечатления останутся надолго. Здесь вы сможете не только отлично отдохнуть, но и обогатиться культурно, узнать много интересного из истории Лаишевского края и не только.

5. Маршрут «Памятники природы района»

Район обладает богатыми природными ресурсами, которые могут привлекать туристов. Однако туризм в районе недостаточно развит и имеет при этом широкие перспективы.

Общая площадь особо охраняемых природных территорий района составляет 16356,56 га (7,54% площади района). Включает Сараловский участок Волжско-Камского заповедника (выделен в 1960 г. В 1978 г. памятниками природы регионального значения объявлены р. Мёша и 12 озер: Архиерейское, Заячьё, Кирби (Столбищенское), Ковалёвское, Лесное, Моховое, Саламыковское, Сапуголи, Свежее, Чистое и два Черных; в 1983 г. – «Гнездовая колония озерной чайки» на озерах Сухое и Четово (около 700 гнезд чайки озерной и крачки белокрылой). В 2018 г.

организован природный зоологический заказник «Устье реки Мёши» (площадь 1189 га).

Наиболее крупным водоемом является оз. Ковалёвское, которое состоит из соединенных протоками трех плесов: Ковалинского, Среднего и Зимницы. Форма озера сложная, в середине его расположен остров, занятый коллективными садами. Площадь озера – 91,6 га, длина – 1850 м, максимальная ширина – 540 м. На юго-западном берегу озера расположено с. Песчаные Ковали. Южнее Ковалёвского, вблизи с. Габишево, расположено оз. Моховое. Площадь – 10 га, из которых 4,4 га занимает сплавина в виде островов, местами приросших к берегу. Второе по величине – оз. Архиерейское. Площадь – 60 га, форма вытянутая. На северо-западном берегу озера расположено с. Тарлаши, в котором до XIX в. располагалась загородная резиденция казанских архиереев – епископов и митрополитов (отсюда название). Третьим крупным водоемом является оз. Саламыковское. Расположено в крупной карстовой ложбине южнее с. Столбище. Площадь – 19,8 га, форма вытянутая. Озеро имеет очень малую площадь водосбора, отчего почти не заиливается. Весной, когда озеро переполняется тальми водами, из него вытекает временный ручей. Южнее Саламыковского, в одной с ним ложбине, северо-восточнее д. Травкино находится оз. Свежее. Площадь – 1,3 га, форма – неправильный овал. Два крупных озера расположены в с. Столбище – Кирби и Заячье. До середины XX в. эти озера представляли собой единый водоем, затем были разделены песчано-глинистыми выносами из оврага, вершина которого находится у с. Большие Кабаны. В центре села расположено оз. Кирби. Площадь – 6,2 га, форма овальная. В XVI–XVII вв. на берегах озера находилось одноименное селение служилых татар (отсюда название озера). На южной окраине села расположено оз. Заячье. Площадь – 10,8 га, форма вытянутая. Южная оконечность озера была отделена от основной его части автодорожной насыпью, в результате образовался обособленный водоем – Малое Заячье озеро. Сравнительно крупным является оз. Чистое, расположенное на восточной окраине одноименной деревни. Площадь – 7,77 га, форма сложная, вытянутая. На северном берегу озера расположены сады, на южном – сосновый бор. Из редких растений в прибрежной зоне встречается сусак зонтичный. Вблизи северо-восточной границы Лаишевского района, на водоразделе рек Мёша и Нокса, в 6 км к северу от с. Большие Кабаны расположено оз. Лесное. Площадь – 4,7 га, форма продолговатая. Несмотря на название водоема, лесная растительность по его берегам отсутствует. К памятникам природы района относятся и два Черных озера. Одно из них расположено южнее оз. Архиерейское, в одном понижении с ним, западнее с. Никольское. Площадь – 3,92 га, дно озера покрыто водорослями, отчего вода кажется черной (отсюда название). В половодье и во время обильных ливней, когда озерная котловина переполняется водой, из нее в сторону р. Мёша вытекает река, которая служит дренажным каналом всего волго-мёшинского междуречья. Другое Черное озеро расположено на водоразделе рек Брысса и Мёша, в 3 км северо-западнее с. Среднее Девятово. Площадь – 4,32 га, форма продолговатая. Озеро расположено в широколиственном лесном массиве, берега поросли ивовым кустарником, в прибрежной зоне – заросли водной растительности.

Оз. Сапуголи расположено в одноименном селе. Площадь – 8,1 га, форма – вытянутый овал, суженный в средней части. По берегам озера расположены жилые строения [2, с. 630].

Таким образом, на территории Лаишевского района имеются живописнейшие уголки природы, где можно насладиться первозданной красотой. Это вызывает уверенность в развитии экотуризма в районе, обеспечивающего общение с природой и способствующего усилению интереса туристов к природоохранным мероприятиям.

6. Маршрут «Агротуризм»

Различие между понятиями «сельский туризм» и «агротуризм» существенное. Агротуризм означает отдых на фермах, где путешественники могут познакомиться с сельскохозяйственным производством и принять в нем участие, в то время как сельский туризм – это просто отдых в сельской местности.

Лаишевский район является преимущественно сельскохозяйственным. Сельскохозяйственные угодья занимают 71,2 тыс. га, в т.ч. пашня – 56 тыс. га (2018 г.). Возделываются: яровая и озимая пшеница, озимая рожь, овес, просо, горох, картофель, овощи. Развито садоводство. Основная отрасль животноводства – мясо-молочное скотоводство. На 2019 г. действуют 69 предприятий, из них 20 сельскохозяйственных, в т.ч. 19 обществ с ограниченной ответственностью, государственное унитарное предприятие, 44 крестьянских (фермерских) хозяйства, 5 кооперативов (в 2004 г. было 21 сельскохозяйственное предприятие, в т.ч. 3 государственных унитарных предприятия, закрытое и 2 открытых акционерных общества, ассоциация крестьянских хозяйств, 4 сельскохозяйственных производственных кооператива, 7 обществ с ограниченной ответственностью, кредитное товарищество, 2 подсобных хозяйства).

В состав агропромышленного комплекса района входят АО «Лаишевагрохимсервис» (д. Старая Пристань), среди предприятий – птицефабрика «Яратель» – филиал ООО «Птицеводческий комплекс «Ак Барс» (с. Габишево), ООО «Птицекомплекс Лаишевский» (пос. совхоза им. 25 Октября), ЗАО «Меха Матюшино», ООО «Матюшино» (оба – в д. Орёл), ООО «Березовка» (мясо-молочное скотоводство, реализация семенного и продовольственного зерна, крупного рогатого скота на племенные цели, с. Берёзовка), Лаишевский лесхоз (основан в 1931 г., занимается ведением лесного хозяйства на территории Лаишевского, Пестречинского и Рыбно-Слободского районов РТ; общая площадь – 33692 га, в т.ч. лесная – 32415 га; в его развитие значительный вклад внес заслуженный лесовод РТ, директор лесхоза в 1976–2001 гг. С.Е.Ячменёв). Пищевая промышленность представлена ООО «Каприно», созданным на базе Лаишевского молочного завода (с 2002 г. филиал ОАО «Татарстан сэтэ», с 2006 г. в составе ОАО «Вамин Татарстан», с 2017 г. – ООО «Источник здоровья», с 2018 г. современное название, с. Столбище), ООО «Лаишевский пищекомбинат» (основан в 1974 г. как Лаишевский хлебокомбинат, реорганизован в 2004 г.), АО «Казанский маслоэкстракционный завод» (с 2007 г., в 2015 г. на его базе была запущена новая очередь завода ОАО «Нэфис-Биопродукт», с. Усады), ЗАО «Лаишевский рыбозавод» (основан в 1930 г.), ООО «Созвездие Ориона» (добыча

воды «Олероли» из артезианской скважины глубиной 84 м, с. Кирби), ООО «Биосфера-Фиш» (производство мальков стерляди, форели, осетровых рыб, д. Зимняя Горка) [2, с. 631].

7. Маршрут «Предприятия Лаишевского района»

Основными предприятиями района являются предприятия группы компаний «Нэфис», группы компаний «ИНВЭНТ»; общества с ограниченной ответственностью: «Таткабель», «Таттеплоизоляция», «ИНВЭНТ–Электро», «Э-Лайн» (все – в с. Столбище), «Живая вода» (с. Усады), «Инженерно-внедренческий центр «Инжехим», «Хараша» (оба – в г. Лаишево), «Торговый дом «Ферекс» (основано в 2013 г., производство светильников, с. Столбище), «Лаишевский питомник» (выращивание семечковых и косточковых культур), «Полимерстрой» (производство пластмассовых изделий), «Алдан» (производство пластиковой упаковки), «Тимохины деревяшки» (производство фанеры, деревянных панелей и др.), «Научно-производственная фирма «Агро-продукт» (производство макаронных изделий), «Армконсерв» (производство консервированных овощей и фруктов); все – в с. Никольское), «Садовый центр «Биосфера» (д. Зимняя Горка), «ДорХан 21 век Казань», АО «Международный аэропорт «Казань» и все предприятия, базирующиеся на его территории, завод вычислительной техники ООО «АйСиЭл Техно» (с. Усады), нефтеперекачивающая станция «Ковали» АО «Транснефть–Прикамье» (с. Песчаные Ковали), промышленный парк «Сокуры» (с. Сокуры), стерилизационный центр «Луч» АО «Казанский медико-инструментальный завод (с. Кирби); а также ветлечебница, ветлаборатория, семенная инспекция [2, с. 632].

По территории Лаишевского района проходят магистральная трасса нефтепровода Альметьевск – Нижний Новгород, нефтепроводы Сургут – Полоцк и Холмогоры – Клин, а также магистральный газопровод. На территории района, в 28 км юго-восточнее центра Казани, располагается Международный аэропорт «Казань». Он связан воздушными линиями с Поволжьем, Уралом, Сибирью, Крымом, центральными районами России, странами СНГ и дальнего зарубежья. По территории района проходят автомобильная дорога Казань – Оренбург, железнодорожная ветка Казань – Международный аэропорт «Казань» (введен в эксплуатацию в 2013 г.).

К 2035 г. на берегу Камы планируется построить спа-отели, яхтенную марину, аквапарк и набережную. Сообщалось, что мастер-план сказочного города-курорта будет готов в начале 2023 г. Город Лаишево привлекателен с точки зрения транспортной доступности – недалеко от Казани и аэропорта [5]. Уже в ближайшей перспективе в Лаишево появятся такие места для отдыха, как:

– Глэмпинг «Семрук». Он будет на территории, где снимался сериал «Зулейха открывает глаза». Туристам предложат всесезонные развлечения внутри кинодекораций.

– База отдыха Cheeseria, предполагается гастрономический отдых на природе, а также развитие сырной культуры. На берегу Камы появятся модульные домики, ресторан, бар, бани, детская площадка, пати-тент.

– Детский парусный клуб. Будут созданы новые сервисы на воде на территории пляжа «Камское море», а также станут проводиться соревнования и подготовка команд. Виды активностей: парусный спорт, яхтенный туризм, виндсерфинг, сапбординг, каякинг и др.

– База отдыха «Тихая гавань» вблизи Атабаево. Концепция заключается в организации рыболовного туризма, корпоративного и семейного загородного отдыха.

– Развитие сферы туризма стимулирует формирование сопряженных отраслей, способствует росту уровня жизни населения регионов, созданию рабочих мест, увеличивает доходы в экономике и бюджете региона, способствует сохранению природного и культурного наследия. Поэтому одной из задач региональных органов управления является разработка комплексных программ развития сферы туризма как составляющей и фактора роста регионального социально-экономического комплекса.

Таким образом, проведенный обзор показывает, что Лаишевский район в целом является перспективным для развития туризма, так как его богатый природный потенциал, богатейшее историко-культурное и природное наследие, а также удобная транспортная доступность (близость от Казани и аэропорта) являются несомненными преимуществами. Сохранившиеся и развивающиеся народные праздники, обычаи позволяют окунуться в историю района и понять его особенности, ведь каждый регион России обладает своим неповторимым своеобразием.

Рекомендации для решения проблем развития туризма в Лаишевском районе: информационное продвижение туристского потенциала, обеспечение высокого уровня сервиса и гостеприимства.

Источники и литература

1. Галимуллина А.Ф., Муртазина Ф.Г. «Я жил сколь мог, для общего добра»: Судьба и творчество Г.Р. Державина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2021. – 192 с.

2. Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: В 3 т. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. – Т. 2. – 988 с.

3. Шайдуллин Р.В. «Татарская энциклопедия» в контексте развития туризма в Республике Татарстан // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сб. статей итоговой науч. конф. Науч. сотрудников Ин-та татар. энциклопедии и регионоведения АН РТ. – Казань, 2016. – С. 122–127.

4. Пляж Камское море в Лаишево: как доехать. И другие достопримечательности [Электронный ресурс] // По городам России. – URL: <https://gulikyan.ru/povolzhe/laishevo-tatarstan.html> (дата обращения: 28.09.2022).

5. Туристический хаб за 25 миллиардов: кто вложится в курорт «Лаишево»? // Бизнес Online: электронная газета. 22.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/554357> (дата обращения: 29.09.2022).

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОБЪЕКТЫ И ФОРМЫ

Статья посвящена сельскому туризму – новому для России в целом и Республики Татарстан в частности виду туризма. Дано его определение. Проанализирован потенциал Татарстана. Рассмотрены объекты и формы.

Ключевые слова: туризм, сельская местность, сельский туризм, Республика Татарстан.

Y.N. Nikolyuk

RURAL TOURISM IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: OBJECTS AND FORMS

The article is devoted to rural tourism – a new type of tourism for Russia in general and the Republic of Tatarstan in particular. Its definition is given. The potential of Tatarstan is analyzed. Objects and forms are considered.

Keywords: tourism, rural area, rural tourism, the Republic of Tatarstan.

Тенденция развития туристской отрасли в Республике Татарстан последних лет – расширение географии поездок. Сегодня в программы туристского путешествия по Татарстану наряду с экскурсиями, посещением музеев и театров, отдыхом в аквапарке и санаториях стали включаться поездки в деревни, села, на экофермы, в агротуристические комплексы. Помимо познавательного, паломнического, лечебно-оздоровительного, событийного, делового, гастрономического Татарстан предлагает и сельский туризм.

Сельский туризм для Татарстана, как и в целом для России, – новое направление туристской деятельности. Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года № 2129-р «О Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» под сельским туризмом понимается вид туризма в сельской местности, связанный или не связанный с сельскохозяйственными видами работ [2].

Популярность и перспективы развития сельского туризма объясняются тем, что данный вид отдыха включает в себя многое из того, что интересует отдыхающих. Приезжая в деревню или село, турист имеет возможность сменить городской ритм жизни на деревенский, получить новые знания о культурно-исторических особенностях посещаемой территории, опробовать на личном опыте различные виды деревенского отдыха.

Несмотря на то что сельский туризм – современное явление в туристской сфере, в зависимости от целей путешествия в нем можно выделить следующие подвиды:

1. Туризм пребывания – жизнь в сельской местности.
2. Туризм практического опыта – приобретение новых навыков и опыта.

3. Туризм народоведения – знакомство с традициями и обычаями местного населения.

4. Туризм кулинарный – дегустация и мастер-класс по приготовлению местных блюд и напитков.

5. Туризм отдыха – катание на лошадях, прогулки по лесу, поход за грибами и ягодами, рыбалка.

На практике в сельском туризме обычно комбинируется несколько подвидов. Турист может одновременно жить в сельской местности, заниматься сбором урожая, ходить в лес за грибами и ягодами.

Вопросы сельского туризма в Республике Татарстан нашли отражение в ряде научных исследований. Состояние и перспективы развития сельского туризма в Татарстане проанализированы Л.Б. Шабановой, М.В. Арбузовой [5], технологии развития – Н.Н. Ермолаевой [1].

Сельский туризм в Татарстане – одна из составных частей общереспубликанской программы развития туризма. Потенциал Татарстана в развитии сельского туризма значителен:

1. В республике имеются давние сельскохозяйственные традиции и активно развивающийся агропромышленный комплекс.

2. Наличие комплекса туристских ресурсов.

3. Наличие общественных и коммерческих организаций, которые могут содействовать развитию туризма в сельской местности.

Для решения вопросов, связанных с развитием сельского туризма, в 2015 году была создана Региональная ассоциация организаций сельского туризма Республики Татарстан. Задачи ассоциации:

1. Популяризация успешного мирового и российского опыта организации туристских хозяйств.

2. Формирование эффективной системы поддержки сельского туризма.

3. Создание системы продвижения нового туристического продукта на рынок.

4. Содействие совершенствованию нормативно-правовой базы сельского туризма.

5. Возрождение и сохранение культурно-исторических достопримечательностей, памятников природы, национальных этнических традиций, народных ремесел.

6. Создание информационного пространства по сельскому туризму, способствующего его становлению и развитию.

7. Содействие повышению уровня экологического образования, просвещение туристов и сельских жителей по проблемам взаимодействия человека и природы в целях сохранения окружающей среды [3].

Объекты сельского туризма Татарстана в первую очередь представлены крестьянско-фермерскими хозяйствами, предлагающими увидеть и почувствовать на себе сельский труд. На 2022 год в Татарстане 44 производителя сельского хозяйства, осуществляющих деятельность по развитию сельского туризма [4]. Из 43 районов республики в сельском туризме задействовано 17. Главные центры сельского туризма Татарстана – Бугульминский, Сабинский и Зеленодольский районы. В Бугуль-

минском и Сабинском районах в развитии сельского туризма занято 7 производителей (в каждом из районов), в Зеленодольском – 6.

Предлагаемые туристам виды деятельности разнообразны: от классических – рыбалка, охота, катание на лошадях, до экзотических – посещение верблюжьих и страусиных ферм, завода по разведению африканского клариевого сома. Наибольшей популярностью среди туристов пользуются: Агротуристический комплекс «Мирас» (Елабужский район), верблюжья ферма «Царство верблюдов» (Спасский район) и туристический комплекс «Татарский страус» (Высокогорский район). Данные объекты предлагают экскурсии, контакт с животными, возможность приобретения продукции.

По форме организации сельского туризма в Татарстане преобладают путешествия, организованные самими туристами, без участия туристского предприятия. Необходимая для организации отдыха информация: адрес, контакты, цены на предлагаемые услуги – представлена в сети Интернет.

Большая часть туров в сельскую местность приходится на теплое время года – с мая по сентябрь. Целевая аудитория сельского туризма – жители республики, представленные семьями с детьми до 12 лет, пенсионеры, а также лица, не имеющие возможности позволить второй или третий выезд на отдых в течение года.

Проживание с погружением в сельский быт фактически не представлено. Ввиду этого длительность путешествий ограничивается в среднем 12 часами.

Исходя из зарубежного и отечественного опыта, можно предположить, что сейчас сельский туризм в Республике Татарстан в своем развитии находится на этапе организации малого семейного сельского туристского бизнеса. Следующим этапом станет этап реконструкции и строительства объектов среднего сельского туристского бизнеса – гостевых домиков с небольшим хозяйством и агроусадеб. При сохранении интереса к сельскому туризму со стороны туристов и поддержке руководства республики в Татарстане могут появиться туристские кластеры, охватывающие собой несколько районов.

Источники и литература

1. Ермолаева Н.Н. Специфичные технологии развития сельского туризма (агротуризма) в Республике Татарстан // Актуальные проблемы экономики и права: Сб. статей. – Казань, 2012. – С. 104–111.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года № 2129-р «О Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda/> (дата обращения: 29.04.2022).

3. Региональная организация сельского туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://rastrt.tilda.ws> (дата обращения: 30.04.2022).

4. Реестр сельхозтоваропроизводителей, осуществляющих деятельность по развитию агротуризма [Электронный ресурс]. URL: <https://решение-верное.рф/reestr-agro-turizm-tatar> (дата обращения: 30.04.2022).

5. Шабанова Л.Б., Арбузова М.В. Исследование состояния и перспектив развития сельского туризма в Республике Татарстан // Азимут научных исследований: экономика и управление: Сб. статей. – Тольятти, 2016. – С. 61–64.

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ ХОЗЕСАНОВО

Статья посвящена основанию и развитию д. Хозесаново Кайбицкого района РТ в дореволюционный период. Делается анализ источников, работ дореволюционных и современных авторов по дореволюционной истории д. Хозесаново с целью систематизации сведений по актуальным вопросам истории деревни. На примере истории д. Хозесаново рассматривается вопрос формирования этноконфессиональной группы татар – молькеевских кряшен.

Ключевые слова: крещеные татары, молькеевские кряшены, христианизация, д. Хозесаново, Кайбицкий район РТ.

A.D. Razzakov

PRE-REVOLUTIONARY HISTORY OF THE VILLAGE OF KHOZESANOVO

The article is devoted to the foundation and development of the village of Khosesanovo of Kaibitsky district of RT in the pre-revolutionary period. An analysis is made of sources, works of pre-revolutionary and contemporary authors on the pre-revolutionary history of the village of Khosesanovo, in order to systematize information on topical issues in the history of the village. On the example of the history of the village of Khosesanovo, the issue of the formation of an ethno-confessional group of Tatars – the Molkeev Kryashens is considered.

Keywords: baptized Tatars, Molkeyev Kryashens, Christianization, Khosesanovo village, Kaibitsky district of RT.

Географически д. Хозесаново находится на пересечении важных путей. Через деревню проходила одна из дорог в Москву из Булгар и Казани. Также рядом пролегал путь из Казани в Крым и в другие земли на юго-западе от Казани. Поэтому неудивительно, что новая дорога Москва – Казань также проходит рядом с д. Хозесаново.

Первые исследования по этнографии и истории д. Хозесаново и соседних деревень появились во второй половине XIX в. В 1870 г. было опубликовано исследование по этнографии Казанской губернии. Во второй части данной работы приведены сведения о наших деревнях. По мнению А.Ф. Риттиха, здесь проживают некие мещеряки [10, с. 39–40]. В 1875 г. Н.И. Золотницкий пишет о «крещенных из татар чувашах» [4, с. 223]. С начала XIX в. наши края часто посещали этнографы, лингвисты, миссионеры, краеведы, историки. Они оставили ценные исторические записи, научные публикации и статьи по истории и этнографии деревни.

В наши дни большой вклад в изучение и распространение данных по истории д. Хозесаново внес краевед В.В. Данилов. На сегодняшний день им опубликованы две монографии по истории деревни [1; 2]. Сам В.В. Данилов родился и вырос в

д. Хозесаново, большую часть жизни проработал на руководящих должностях и был непосредственным свидетелем многих связанных с деревней исторических событий. Поэтому его воспоминания также ценный исторический источник по истории края. В.В. Данилов с энтузиазмом, увлеченно занимается историей. На свои средства построил и в 2020 г. открыл краеведческий музей в д. Хозесаново.

При изучении истории сел обычно главный вопрос состоит в том, когда и кем было основано село. По поводу даты основания д. Хозесаново в письменных источниках нет сохранившихся точных сведений, поэтому приходится опираться на народные предания и сопоставлять их с имеющимися знаниями.

Из поколения в поколение передается предание о том, что село основали три брата, прибывшие из Закамья. Одного из братьев звали Мэлик (Мэлик), другого – Карабаш (Кырбаш), третьего – Хасан (Хэсэн). Когда наступили тяжелые времена, отец напутствовал сыновьям скакать на Запад, пока кони не устанут и не остановятся. На месте, куда дошли кони каждого из братьев, основали соответственно три деревни, названные их именами. Хозесаново (Хужа Хэсэн, Хажи Хэсэн), Молькеево (Мэлки), Кырбаш (Карабаш). Со временем их род разросся.

Согласно одной из версий исторических преданий, записанных в д. Хозесаново, это селение было основано татарами из «породы» некоего «Ульбия – Улбия», переселившегося «со стороны Чистая». Исследователи обратили внимание на имя «Ул (уль) би». Согласно семейным преданиям Ишболдиных, предок их – татар-ногаец Ишбулды – в 1552 г. оборонял пригород г. Казани под руководством татарско-ногайского военачальника Улу-бея. Имена практически идентичны. В начале XX в. А. Пчелов зафиксировал сведения о том, что предки некоторых жителей д. Баймурзино переселились из д. Токаево Цивильского уезда. Татарская д. Токаево (Тугаево) сейчас относится к Зеленодольскому району Татарстана. В д. Баймурзино также записано предание о приходе «Морэа бабая» (Байморзы) «из деревни эрэ (эрэ)». Название «Эрэ» – это второе наименование д. Тугаево. Пожилые жители д. Хозесаново называют д. Баймурзино Эрэ (Эрэ). В непосредственной близости от д. Тугаево – в д. Кугеево (материал связан с деревнями Кугушево и Айдарово Зеленодольского района РТ) было обнаружено шеджере, центральная линия которого выглядит так: Казан бик – Кугай бий – Исанбулат – Сулейман – Акбатыр – Зайни – Ахмади – Султан – Амир – Хайбулла – Адиятулла (1885 г. рождения). Известный исследователь татарских шеджере академик М.И. Ахметзянов обратил внимание на близость имени «Казан бик» к имени основателя д. Хозесаново «Хузэя Хасан бия». Проанализировав данное шеджере, он приводит устную легенду, касающуюся некоторых из личностей, фигурирующих в родословной. В ней говорится о поселении четырех братьев (старший – Кугей бий, остальные – Кугеш бий, Айдар бий и Ислам бий) «во время разорения Булгара и Казани (1390 г.) ... на р. Аря» [9, с. 13–14]. Эти братья основали там одноименные селения Кугеево, Кугушево, Айдарово и Исламово. Есть и другие сведения, так, согласно другому преданию, в середине XVIII в., после крещения жителей, деревянная мечеть в деревне была разобрана. Возможное родство жителей этих деревень – одна из причин, по кото-

рой они еще до недавних пор были среди тех, кто часто посещал могилу Хужа Хасана и читал там молитвы.

В д. Хозесаново есть старое татарское кладбище, где похоронены предки хозесановцев до крещения. Особо почитаемое место на кладбище – могила Хузя Хасана. Возможно, Хасан совершил паломничество в Мекку и стал Хаджи. Поэтому часть названия деревни Хузя Хасан (Хужа Хәсән) произошла от слова «Хаджи». Одним из оснований для такого предположения является тот факт, что могила Хузя Хасана еще по сохранившимся свидетельствам XIX в. и до конца XX в. была местом паломничества и совершения молитв жителей мусульманских деревень со всей округи. В начале XX в. священник Чуваш Чутеевской церкви Яков Турхан писал, что «на этом кладбище, по преданию похоронен был, когда то болгарский владетельный князь Хозя Асан почитаемый татарами магометанами и чуваши-язычниками... за святого магометанского... на поклонение этому «святому» приходят иногда сюда язычники-чуваши, татары-магометане из разных уездов Казанской, даже и других губерний...» [14, с. 523].

Таким образом, можно сделать вывод, что д. Хозесаново была основана в конце XIV – начале XV в. Горная сторона Казанского ханства была присоединена к Московии еще в 1551 г., за год до завоевания Казани. Сразу же после присоединения началась раздача земель за службу московскому государю. Была организована новая администрация, а для упорядочения землевладения произведено межевание. Во второй четверти XVI в. для защиты от набегов кочевников с «дикого поля» на новых землях была возведена Кубнинская засека. В документе начала XVII в. Кубнинская засечная черта называлась еще «старой Цывильской засекой» [3, с. 298].

В писцовых книгах Свияжского уезда нет сведений о д. Хозесаново (так же как нет сведений и о других деревнях, расположенных по левую сторону рр. Кубня и Урюм). В.В. Данилов считает, что эти листы писцовых книг были утеряны. В писцовых и межевых книгах 1565–1574 гг., в пояснительной записке, говорится, «что рукопись эта не имеет заглавного листа; утеряны также первый и последние листы; начинается со 2-го и оканчивается 380 листом». Во всех записях по правому берегу р. Кубня имеются все селения от деревни Кошелеево вниз по реке до деревень Кичкеево, Муратово и далее. А по левому берегу р. Кубня вниз по реке до Тимяшево нет ни одной деревни. Также нет ни одной записи о селениях по обе стороны р. Урюм. Если учесть последовательность и схематичность записей, то потерянные последние листы приходятся как раз на селения, расположенные по левому берегу р. Кубня и вдоль р. Урюм, где находятся дд. Чуваш Чутеево, Новоишино, Хозесаново, Молькеево и др. [1, с. 57].

После вхождения края в состав Российского государства в Хозесаново образовалась волость. Она просуществовала до конца 1781 г. Согласно Ландратским записям 1716 г. в Хозесановскую волость Свияжского уезда Казанской губернии входила 21 деревня. Данная волость объединяла части современного Комсомольского района, 4 деревни Янтиковского района и одну деревню Канашского района современной Чувашии, а также Молькеевскую зону Кайбицкого района Республики Татарстан, за исключением дд. Баймурзино, Старая Буа и Новая Буа.

Первые сведения в письменных источниках о д. Хозесаново появились в XVII в. В сборнике «Казанские документы 1649–1675 годов» есть документ, описывающий случай убийства чувашина Бантушки в д. Хозесаново при князе Шаховском (1653–1658 гг.) [8, с. 23–29].

Некие мурзы из Хозесаново явились к царю Алексею Михайловичу с просьбами, чтобы их не крестили. Но, по-видимому, их жалобы не были услышаны, и они все же были крещены, остались на службе при дворе царя. В 1701 г. их потомки, мурзы из Хозесаново, Соем и Солтан-Мурат, при дворе Петра I служили толмачами – переводчиками [7, с. 6].

Петр I провел налоговую реформу. Была введена подушная подать вместо подворовой. После неудовлетворительных результатов Подворной переписи 1710 г. Петр I приказал провести в 1716–1717 гг. новую перепись населения – ландратскую (называли по имени должностных лиц, стоявших во главе губерний). Эта перепись отличается особой информативностью: указывались лица мужского и женского пола, их возраст, прибытие и убытие. Также, что особенно интересно, приводились данные предыдущей переписи. В.В. Данилов в своей второй книге по истории д. Хозесаново полностью опубликовал копии Ландратских записей и ревизских сказок по д. Хозесаново тех лет и даже позднего периода, приложив к ним адаптированный к современному алфавиту текст [2, с. 61–211].

По мнению В.В. Данилова, изначально существовали две деревни Хозесаново. Основная д. Хозесаново и Хозесаново-Починок-Кукшум на р. Кубня. В этой книге опубликованы копии документов о переписях по обеим деревням. Возможно, произошла путаница. Потому что: 1) в картах межевания Цивильского уезда Казанской губернии 1790-х гг. на этом месте нет никакой деревни, 2) в записках миссионеров нигде не упоминается вторая д. Хозесаново, 3) в статистических сборниках XIX – начала XX в. нет сведений о второй д. Хозесаново на Урале, но есть сведения о д. Хозесаново-Кукшум в Тетюшском уезде Казанской губернии, которая до XX в. также называлась Хозесаново [11, с. 102]. Но, с другой стороны, до 1950-х гг. действительно существовала д. Хозесаново на Урале, вниз по р. Инеш, недалеко от впадения в р. Кубня. Возможно, Хозесаново на Урале возникла после Столыпинской аграрной реформы в начале XX в., потому что ее еще называли Хутор Хозесаново.

По данным Ландратских росписей 1710 г., в д. Хозесаново было зарегистрировано 16 дворов, жители которых записаны как ясачные крестьяне. К 1717 г. было уже 22 двора, в которых проживал 91 человек [2, с. 59–94]. Согласно переписи, жители д. Хозесаново были указаны как чувашаи, хотя почти все они носили татарские имена. В переписи 1744 г. также было указано, что в деревне проживают чувашаи.

Почему же жителей д. Хозесаново записывали чувашами? По данному вопросу есть разные мнения. В летописях и писцовых книгах одни и те же люди называются то татарами, то ясачными чувашами. Историк Е.И. Чернышев в статье под названием «Татарская деревня второй половины XVI и XVII в.», опубликованной в сборнике «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», отмечает, что в документах XVI и XVII вв. рядом со служилыми татарами упоминается «...ясачная чуваша»... Получается, что татары были только служилые, а чувашаи – только ясачные...». Он ут-

верждает, что термин «ясачные чувашаи» означал сословную принадлежность к земледельцам [13, с. 548]. В XVIII в. этот термин трансформировался и приобрел этническое значение. Миссионеры, чтобы отделить крещеных от некрещеных, стали применять этот термин также и к крещеным татарам. Чувашский лингвист Н.И. Золотницкий отмечал, что «крещеными из татар чувашами мы называем живущих в 11-ти деревнях на западе Тетюшского и на юго-востоке Цивильского уездов крещенных татар, которые хотя пишутся, считаются и сами себя называют чувашами, но говорят по татарски» [4, с. 223]. По его мнению, духовенство после крещения для отчуждения их от татар-мусульман говорило, что теперь они стали чувашами.

В «Ревизской переписи» 1762 г. жители деревень, входивших в Тетюшский уезд (Баймурзино, Старая Буа (Старый Кырбаш), Полевая Буа и Молькеево), были записаны как «новокрещенные татары», а жители деревень, входивших в Цивильский уезд (Хозесаново, Янсуринск, Новый Курбаш, Старое Тябердино, Большое Тябердино), – как «новокрещенные чувашаи». Это подтверждает, что православное духовенство старалось отделить «новокрещенных татар» от основной массы татар-мусульман, утверждая, что они стали в результате крещения чувашами.

Д.М. Исхаков в сборнике «Молькеевские кряшены» пишет о двухкомпонентности молькеевских кряшен. Речь идет о молькеевских кряшен имеет большее тяготение к западному (мишарскому) диалекту. По традиционным культурно-бытовым особенностям они имеют определенную близость к низовым чувашам [5, с. 9–10].

Крещение жителей д. Хозесаново началось еще в конце первой половины XVIII в., когда Казанскую епархию возглавил Л. Конашевич и была создана Новокрещенская контора, известная своим крайне враждебным отношением к исламу. Для жителей деревни наступило время суровых испытаний. С 1741 г. количество новокрещенных резко увеличилось. Принудительное крещение было прекращено лишь после прихода к власти Екатерины II.

В 1750 г. был создан Цивильский уезд. В 1781–1782 гг. Хозесановская волость была разделена на Старо-Тябердинскую, Кошелевскую и Тюмеровскую волости Цивильского уезда Казанской губернии. Причиной административного преобразования, по-видимому, были демографические изменения после крещения. В этот период население д. Хозесаново резко сократилось и деревня перестала быть волостным центром.

По данным переписей, население д. Хозесаново за период с 1722 г. до 1830-х гг. не увеличивалось. Произошло резкое сокращение количества взрослых мужчин и увеличение числа вдов. Возросла смертность населения. С 1834 г. демографическая ситуация постепенно начинает налаживаться. В 1834 г. в д. Хозесаново Тобурдановской волости проживало 202 мужчин и 193 женщины. По ревизской сказке от 4 октября 1850 г., в д. Хозесаново «наличных мужского пола» – 269 человек. Всего наличных женского пола – 246 человек» [2, с. 295–308].

В 1790–1798 гг. был составлен план-карта генерального межевания Казанской губернии. Согласно плану д. Хозесаново располагалась на современном месте, вдоль р. Инеш (на карте – р. Иша), между оврагами «Зангар су» (по-современному

«Сидор чаты») на западе и «Кахо Кузын» или «Каро Кузын» на востоке. Деревня занимала площадь от р. Инеш до современной улицы Калинина, где до крещения находилась мечеть. На юге, недалеко от деревни, на верховьях оврагов начинался лес.

С образованием Цивильского уезда начали строить дорогу Цивильск – Буинск – Симбирск. Дорога проходила через д. Хозесаново. В 1875 г. по обе стороны дороги заселились люди. Так появилась улица, в народе называемая «Олы юл» («Большая дорога»). Силами жителей деревни срезали крутой склон горы, которая до наших дней сохранила название «Базар тауы» (через нее жители деревни ходили на Турминскую ярмарку).

Во второй половине XIX – начале XX в. площадь деревни увеличилась. Были застроены новые улицы. Появилась улица Зур урам (ул. Центральная). В эти же годы постепенно застраивалась улица Ташелга – Ташылка (ул. Пионерская). Также появились улицы Садовая, Югар жыен и т.д. В деревне были две мельницы: одна недалеко от родника, другая рядом с фермой. В 1910-е гг. было открыто новое кладбище на современном месте. До этого, после крещения, умерших хоронили на Хозесановском кладбище с. Чуваш Чутеево, под присмотром местного священника.

Во второй половине XIX в. усиливается процесс отпадения крещеных татар обратно в ислам. Власти старались всячески этому препятствовать. Так, известный педагог-миссионер Н.И. Ильминский разработал программу христианского просвещения кряшен и специальный алфавит на основе кириллицы. На татарский язык была переведена религиозная литература. Многие жители д. Хозесаново лишь формально оставались крещеными, тайком продолжали соблюдать мусульманские обряды. Об этом писали миссионер Г.А. Филиппов, священник Яков Турхан [12, с. 1038]. Так, Г.А. Филиппов пишет, что «вся жизнь их свидетельствует о том, что они только по имени числились христианами, по убеждениям же и по образу жизни оставались мусульманами... Вместе с мусульманами крещеные татары праздновали пятницу, также почитали и другие их праздники и посты, по мусульмански творили молитву, приглашали к себе мулл читать намазы, ели конину, носили на головах тубетейки и вообще весь татарский костюм и наряды...» [12, с. 1038–1039].

В 1869 г. Н.И. Ильминский лично побывал в д. Хозесаново. Он собрал сельский сход и предложил открыть школу, но старейшины деревни были консервативно настроены и выступили категорически против открытия школы. Тогда Н.И. Ильминский оставил нелестный отзыв о жителях Хозесаново.

В 1871 г. в д. Хозесаново все же была открыта школа Братства святителя Гурия. Первым учителем был Назарий Серебряков из крещеных татар. Он обучался в Казанской учительской семинарии. Известно, что в первые годы существования школы в ней обучалось до 30 детей [6, с. 22]. Количество учащихся увеличивалось. В этой школе училась моя прабабушка Е.Н. Кривова 1905 г. р. Она рассказывала, что пручилась в школе только год (из-за повреждения ноги). Она не знала русского языка и умела читать и писать только по алфавиту Н.И. Ильминского. Из отчета Братства святителя Гурия за 1907 г. следует, что «Хозесановская школа располагалась в квартире. Учителем был Авраамий Табаков, его жалование – 57 руб + 60 руб квартирные

+ 60 руб от земства. Учащиеся: инородные – 34 мальчика и 8 девочек» [6, с. 23, 29]. Основам христианской веры на родном языке было обучено несколько поколений хозесановцев. После Октябрьской революции 1917 г. школа была закрыта.

К 1914 г. на юго-востоке Цивильского уезда оставались только две деревни, где не были построены церкви. Одной из них была д. Хозесаново. Большинство жителей деревни были противниками строительства православного храма и даже высказывались за построение мечети рядом с кладбищем Хузя Хасана. На это обращал внимание священник Чуваши Чутеевской Христорождественской церкви Яков Турхан (служил в ней в 1903–1918 гг.): «...Когда я приступил к службе в д. Хозесаново... в 20 домах приглашали к себе в дом Муллу для молитвы, а теперь Господь помог мне уничтожить у них склонность к магометянству, но дело все равно довольно опасное». Яков Турхан жаловался Архиепископу Казанскому и Свяяжскому, что хозесановцы «запрещают священнослужителям проходить через кладбище с иконами...» Староста Яков Осипов дал удостоверение на сбор у татар денег, и Ф. Егоров ходил у татар около двух недель и набрал 70 рублей. Притом татары предложили Федору Егорову большие суммы, если он поставит на могиле Хози-Асана строение в виде мечети. После этого мне ничего не оставалось делать, как предложить хозесановцам построить у них церковь...» [2, с. 523–524].

1 марта 1914 г. состоялся сход жителей д. Хозесаново по вопросу строительства церкви. Многие жители деревни, вероятно понимая, что на них будет оказано давление, не пришли на сельский сход. Поэтому приговор был подготовлен заранее. Согласно приговору, строительство церкви одобрило 2/3 жителей деревни [2, с. 529–530]. Начавшаяся Первая мировая война и последующие революционные потрясения приостановили начало строительства церкви. За этот период сократилось и население д. Хозесаново. После 1917 г. начинается уже новый этап в ее истории.

Источники и литература

1. Данилов В.В. Хужа Хәсән – әби-бабайлар нигезе = Хозесаново – земля моих предков. – Казань: Идель-Пресс, 2014. – 452 с.
2. Данилов В.В. Хужа Хәсән – минем гомер бишегем = Хозесаново – колыбель моя. – Казань, 2017. – 696 с.
3. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.) / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 453 с.
4. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1875. – 279 с.
5. Исхаков Д.М. Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII – начале XX вв. // Молькеевские кряшены. Сб. статей. – Казань, ИЯЛИ, 1993. – С. 4–25.
6. Ишмяков П.А. Просветительская деятельность Братства святого Гурия. – Ульяновск: Тип. УлГТУ, 2011. – 39 с.
7. Галимов Кадыйр. Хужа Хәсән авылы тарихы // Кайбыч таңнары. – 2002. – № 58. – 24 июль.

8. Казанские документы 1649–1675 годов: [сборник документов] / изд. подгот. Д.А. Мустафиной и Э.И. Амерхановой. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 135 с.

9. Пчелов А. Татары или чувашы // Иногородское обозрение. Кн. 1. Прил. к журналу «Православный собеседник» за декабрь 1912 г. – Казань, 1913.

10. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. 14. Казанская губерния. Ч. 2. [Татары. Мещеряки. Чувашы. Черемисы. Вотяки. Мордва]. – Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1870. – 225 с.

11. Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния. – СПб., 1866. – С. 102.

12. Филиппов Г. Из истории христианского просвещения крещенных татар-мещеряков Тетюшского и Цивильского уездов Казанской губернии // Известия по Казанской епархии. – 1915. – № 37. – С. 39–40.

13. Чернышев Е.И. Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века: избранные труды / сост., авт. предисл., прим., указ. и сокр. И.З. Файзрахманов; под ред. И.К. Загидуллина. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – 548 с.

14. Яков Турхан. Рапорт. Казанская Духовная консистория // Данилов В.В. Хужа Хәсан – минем гомер бишегем = Хозесаново – колыбель моя. – Казань, 2017.

УДК 745/749 (470)

Г.Э. Рафикова

*Институт Татарской энциклопедии и регионоведения
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

Г.М. Латыпова

ГБУ «Таткультресурсцентр», г. Казань, Россия

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЕЛ НА СЕЛЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И САМОЗАНЯТОСТИ

Статья посвящена развитию предпринимательства в сфере ремесленного производства и народных промыслов Республики Татарстан. Описаны развивающиеся промыслы, ремесленные предприятия с производственным циклом, площадки реализации продукции предпринимателей.

Ключевые слова: Республика Татарстан, народные художественные промыслы, малое и среднее предпринимательство, маркетплейс.

G.E. Rafikova, G.M. Latypova

DEVELOPMENT OF CRAFTS IN RURAL AREAS AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP AND SELF-EMPLOYMENT

The article is devoted to the development of entrepreneurship in the field of handicraft production and folk crafts of the Republic of Tatarstan. The developing crafts, handicraft enterprises with a production cycle, sites for the sale of entrepreneurs' products are described.

Keywords: the Republic of Tatarstan, folk arts and crafts, small and medium-sized entrepreneurship, marketplace.

В 2010 г. согласно постановлению Кабинета Министров РТ № 130 от 12 марта 2010 г. «Об установлении мест традиционного бытования народных художественных промыслов на территории Республики Татарстан» Министерством культуры РТ было проведено обследование развивающихся народных промыслов в республике. Было зафиксировано 11 видов развивающихся народных промыслов: ичижный (казанская узорная кожа), золотошвейный (или каляпушный) промысел, художественное ручное ткачество, ювелирный промысел, художественная обработка дерева и металла, гончарное и керамическое производство, кружевоплетение, ковроделие, пуховый и валяльно-войлочный промыслы.

Спустя 10 лет, в 2021 г., Министерством культуры было проведено анкетирование районов республики на предмет бытования народных промыслов. По результатам обобщения присланных данных, из 11 обозначенных промыслов действительно продолжают свое развитие только 7: художественная обработка дерева, металла, кожи, гончарное и керамическое производство, валяльно-войлочный и ювелирный промыслы.

Несмотря на сужение направлений развивающихся промыслов, расширяется их география и растет количество вовлеченных людей. Развиваются как мелкие частные производства, штучные изделия отдельных мастеров, так и производство, близкое к промышленным масштабам. Относительно географии распространения: это в первую очередь города (Казань, Нижнекамск, Арск и др.), а также районные центры (Балтаси, Алексеевское, Дубьязы). Среди крупных предприятий, выпускающих изделия народных промыслов, многие работают уже не одно десятилетие (ОАО «Национальная обувь» – бывшая Арская художественная фабрика (закрыта в 2006 г.), дубьязское предприятие «Сахтиан» (с 2010 г.), сувенирный цех деревообрабатывающего комплекса Сабинского района (с 1970-х гг.), балтасинские фабрики плетеных изделий «Ива-мебель» (с 2013 г.) и «Карадуган» (с 2001 г.), Кукморский валяльно-войлочный комбинат (с 1918 г.), ООО «ПКФ «Презент» (керамика), нижнекамское ООО «Сафина» (с 2000 г., керамика), ООО «Туран арт» (с 1992 г.) и другие [3]).

Однако по данным официального реестра малого и среднего предпринимательства, размещенного на сайте Федеральной налоговой службы Российской Федерации, в Татарстане всего лишь 42 субъекта формально зарегистрированы под видом экономической деятельности «Народные художественные промыслы» [1], в реальности же (по собранным министерством данным) более 400 предпринимателей работают без официального статуса, не заявляют о себе как о мастерах народных промыслов, продолжают регистрировать свой вид экономической деятельности как образовательные услуги, ремонт обуви, ювелирных изделий.

В 2019 г. в Российской Федерации была введена новая система налогообложения для мелких предпринимателей – самозанятость. Был определен относительно небольшой доход (2,4 млн) и низкая налоговая ставка (4%). Это позволило многим ремесленникам, совмещающим занятие ремеслом и официальное место работы, не бросить свое увлечение, продолжив развиваться. Для многих сельских жителей введение в категорию самозанятых налогоплательщиков позволило легализовать свою творческую деятельность, открыто и легально продавать изделия своего труда

и включиться в пенсионную страховую систему для начисления пенсионного страхового стажа трудовой деятельности.

Основной площадкой реализации продукции ремесленников являются социальные сети и ярмарки, а также национальные праздники, которые стали культурными брендами сельских территорий муниципальных образований Республики Татарстан: Сабантуй, Каравон, Уяв, Гырон быдтон, Питрау, Семык, Валда Шинясь, Иван Купала [4]. Какого бы уровня ни был праздник, главные его составляющие – ярмарки изделий народных промыслов, мастер-классы умельцев, круглые столы о перспективах развития народных ремесел. Такие праздники нужны для сохранения, поддержки и развития народных художественных промыслов и ремесел, а также для привлечения внимания жителей к культурному наследию и сохранению традиций наций и народностей [2].

Развитие народных художественных промыслов сегодня невозможно представить и без продвижения на электронных площадках. В настоящее время проработаны механизмы по продаже товаров народных художественных промыслов на маркетплейсах: Wildberries, Ozon, «Яндекс. Маркет», KazanExpress. Активно развивается узкоспециализированная торговая площадка «Ярмарка мастеров» [5]. К примеру, оборот реализуемой продукции на электронных площадках знаменитых кукморских войлочных изделий за 2021 год вырос на 7%, или 25 тысяч пар обуви.

Поскольку изделия предприятий данного вида отрасли, как правило, не являются предметами первой необходимости и деятельность таких производств не во всех случаях может быть эффективно коммерциализована, народные промыслы нуждаются в государственной поддержке. Министерством культуры с 2013 г. субъектам малого и среднего предпринимательства, а с 2021 г. и самозанятым, осуществляющим деятельность на территории Республики Татарстан, ежегодно предоставляются гранты для реализации лучших проектов в сфере народных художественных промыслов. С 2021 г. проводится конкурс «Ремесленник года».

Источники и литература

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 30.04.2022).
2. Золотые руки мастеров [Электронный ресурс]. URL: <https://tatcultresurs.ru/system/files/ednumber/7632/823622850.pdf> (дата обращения: 30.04.2022).
3. От тамги до авангарда: каталог народных художественных промыслов и ремесел Республики Татарстан / сост.: Р.Р. Султанова, Г.М. Латыпова. – Казань: АО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2021. – 320 с.
4. Фестивалям – жить! Фестивалям быть! (фестивали-2021 в муниципальных районах Республики Татарстан) [Электронный ресурс]. URL: <https://tatcultresurs.ru/system/files/ednumber/4749/1870645750.pdf> (дата обращения: 30.04.2022).
5. Ярмарка мастеров [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livemaster.ru/> (дата обращения: 30.04.2022).

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу социальных взаимоотношений в крестьянских сообществах Казанской губернии в условиях нарастающего социально-экономического кризиса, вызванного Первой мировой войной (1914–1918 гг.). В ней показаны основные причины социальных конфликтов и ксенофобии, влияние изменяющихся социально-экономических условий на интенсивность и методы решения социальных конфликтов, взаимодействие крестьянских сообществ и государства в условиях военного времени.

Ключевые слова: крестьянство, сельское население, деревня, крестьяноведение, Казанская губерния, Первая мировая война.

B.I. Sibgatov

FEATURES OF SOCIAL RELATIONS IN THE VILLAGE OF KAZAN PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

The article is devoted to the analysis of social relations in the peasant communities of Kazan province in the conditions of the growing socio-economic crisis caused by the First World War (1914–1918). It shows the main causes of social conflicts and xenophobia, the influence of changing socio-economic conditions on the intensity and methods of solving social conflicts, the interaction of peasant communities and the state in wartime conditions.

Keywords: peasantry, rural population, village, peasant studies, Kazan province, the First World War.

В годы Первой мировой войны в крестьянской среде Казанской губернии усилились социальные конфликты. Причиной большинства из них оставался земельный голод, который в течение долгого времени не находил решения, что в свою очередь усиливало крестьянскую неприязнь к помещикам-землевладельцам. К примеру, с марта по октябрь 1917 г. в Казанской губернии было зафиксировано 58 случаев захвата и погрома помещичьих и хуторских хозяйств [2, с. 254]. Государство не могло искоренить случаи присвоения крестьянами имущества помещиков, земельных захватов, да и просто откровенного вредительства (например, крестьяне прогоняли с полевых работ наемных рабочих и военнопленных, не позволяли использовать сельскохозяйственные машины, вмешивались в трудовые отношения между помещиками и наемными работниками, военнопленными и заставляли повышать плату за труд) [16, л. 92].

С первых дней военных мобилизаций и реквизиций началась борьба с помещиками, которая в некоторых уездах выливалась в беспорядки и погромы частновладельческих имений [18, л. 354, 356]. Война породила еще одно интересное соци-

альное явление. В годы войны в глазах русского крестьянства землевладельцы немецкой национальности стали олицетворением не только несправедливого распределения земли, но и врагов отечества и русского народа. Многие крестьяне в помещиках немецкого происхождения видели шпионов, предателей и пособников Германии. Причины неудач российской армии на фронте они часто объясняли предательством российских немцев. Так, в секретном рапорте от 10 декабря 1915 г. унтер-офицера Казанского губернского жандармского управления отмечалось, что «среди некоторой части крестьянства участились разговоры о том, что если господ офицеров немецкого происхождения в действующей армии не заменят русскими офицерами, то победить врага трудно и лучше бы заключить мир сейчас же» [11, л. 60–61]. Крестьяне губернии ожидали от немцев-помещиков диверсий, вредительства. Говорили о немецких воздушных шарах над Казанью, ищущих способы подрыва стратегических объектов, о подкопах под пороховой завод, шпионаже. Так, полковник Казанского губернского жандармского управления Калинин в совершенно секретном донесении от 29 августа 1914 г. писал лаишевскому уездному исправнику: «Крестьяне Державинской волости Лаишевского уезда, находясь в здании Казанского окружного суда и слыша разговоры посетителей о появлении в районе Казанской губернии воздушного шара, утвердительно говорили, что это летают от «ихняго барина из Державина» [помещик барон Френцель. — С.Б.], т.к. у него есть летательная машина, и он якобы весной текущего года летал на ней над своим именем» [8, л. 212]. Жандармам пришлось провести проверку его имени. Начальник жандармского управления полковник Калинин в служебном письме от 9 августа 1914 г. просил свияжского уездного исправника проверить имение княгини Гагариной в с. Теньки. В этом имении управляющим был немец Трейман, кузнецом — тоже немец, что породило среди местных крестьян слухи о том, что «из имени вылетают воздушные шары, с которых ведется шпионаж и подготовка к диверсиям» [8, л. 395]. Казанский полицмейстер в рапорте начальнику губернского жандармского управления (28 июля 1914 г.) докладывал, что «среди крестьян Свияжского уезда слышал, что якобы подданный Грахе нанимает крестьян копать подкоп под пороховой завод от своей дачи» [8, л. 34–39].

Среди крестьян губернии стало распространенным мнение, что после наступления мира земельные владения немцев будут поделены между крестьянами [5, л. 4; 3, л. 2; 8, л. 44, 50, 56, 60; 9, л. 4]. Причем среди основной массы крестьянства Казанской губернии не было большого ожесточения к немецкому населению вообще, враждебность была сфокусирована в основном на состоятельных немецких фабрикантах и помещиках, а также на государственных чиновниках. Так, в секретном рапорте от 26 декабря 1915 г. за №248 унтер-офицера дополнительного штата Казанского губернского жандармского управления по Тетюшскому, Свияжскому и Чебоксарскому уездам Е. Никитина отмечалось, что отношение к местным немцам хорошее [11, л. 66–71]. В других жандармских отчетах и рапортах отношение крестьян к немцам описывалось как «разнообразное» [13, л. 57], «неплохое» [6, л. 18–22], «озлобления не замечается» [13, л. 55–58, 59–62], «недоверие присутствует» [6, л. 32].

В отношении немецких военнопленных основная масса крестьян в первые годы войны держала себя сдержанно, при этом смотрела на них как на врагов и была сторонником привлечения их к принудительным работам [13, л. 51]. С 1916 г., как отмечается в жандармских донесениях, враждебное отношение крестьян «к немецким военнопленным стало заметно ослабевать. На них смотрели как на «исполняющих свой долг» [6, л. 3, 19]. Причем до конца войны крестьяне выступали за привлечение военнопленных к принудительным работам [6, л. 31, 56; 13, л. 57].

Другой формой проявления ксенофобских настроений было некоторое предвзятое отношение крестьян к евреям. Так, сельские жители выражали свое недовольство по поводу того, что евреев якобы не мобилизовали на войну, «что евреи почему-то как бы пользуются незаслуженно преимуществом и их шлют на войну не в первую очередь» [8, л. 71]. Антиеврейские настроения особенно усилились в 1915 г., когда в Казанскую губернию стали переселяться еврей-беженцы из западных областей Российской империи [19, с. 599]. Крестьяне обвиняли евреев в основном в «непатриотизме», уклонении от военной службы и в «любви проживаться за чужой спиной и быть господином над другими» [6, л. 36].

Заметим, что местное жандармское управление изучало отношение крестьянского населения к евреям [11, л. 1–2]. Причем содержание донесений жандармов было неоднозначным. Одни писали, что крестьяне «к евреям относятся снисходительно, но не желают расширения черты оседлости» [6, л. 27], другие – «евреев прибыло небольшое количество, а потому отношение населения к увеличению черты оседлости нейтральное» [11, л. 60], третьи – «отношение населения в связи с расширением евреям черты оседлости недоброжелательное» [13, л. 57].

Как видно, данные жандармских донесений несколько разнятся. Все же анализ многочисленных архивных источников и литературы позволяет говорить о том, что крестьянство Казанской губернии, особенно русское, было не лишено антисемитских настроений. Причем эти настроения в большинстве случаев не носили радикального характера. Проблема еврейского вопроса в житейском мировоззрении местных крестьян стояла на последнем месте. У сельского населения были более важные социальные и экономические проблемы, нежели еврейский вопрос. Антисемитизм крестьян был продуктом общей государственной политики или невежества сельского населения.

Многие селяне с нескрываемой злобой относились к односельчанам, выделившимся из общины и закрепившим за собой общинную землю [11, л. 60–61]. При этом часть крестьян решила воспользоваться усилением борьбы российского правительства с инакомыслием для расправы со своими соперниками и недругами. В годы войны в правительственные органы пошли потоки ложных доносов на выделившихся из общины крестьян [10, л. 99]. В секретном рапорте от 10 декабря 1915 г. начальника Казанского губернского жандармского управления отмечалось, что «взгляд крестьян на земельный вопрос выжидательный до окончания войны, и во многих местах крестьяне прекратили переделы земли на новые души, а также протестуют против выхода отдельных домохозяев на отруба» [4, л. 69].

Доносы использовались и для того, чтобы сместить конкурентов с «желаемых» должностей. Так, в одном из ложных доносов указной муллы д. Старый Арыш Бетьковской волости Казанской губернии Г. Амиров обвинялся в том, что он «внушал прихожанам, а также ученикам не признавать врагами Турцию и Германию, а признавать врагом своим Россию. Если только останется победа за Германией и Турцией, то житье нам будет намного лучше». В ходе расследования выяснилось, что это был наговор со стороны односельчанина Г. Амирова, желавшего занять место муллы [10, л. 263–264]. Причем часто крестьяне оговаривали друг друга без видимых причин, только из-за личной неприязни. Так, крестьянин д. Большие Яна-сала Тетюшского уезда Ш.С. Ягафаров в декабре 1914 г. написал жалобу на своего земляка З. Шарафутдинова, обвиняя его и еще 12 человек в оскорблении личности царя. После проведенной проверки оказалось, что Ягафаров, по словам односельчан, «человек склочный, и верить ему нельзя» [18, л. 18]. Крестьянин д. Чембулат Царевококшайского уезда М. Фаттахов оговорил в жалобе казанскому губернатору (6 декабря 1914 г.) сельского старосту К. Низаметдинова, который якобы при сборе денег в помощь раненым солдатам сказал ему: «Ведь ты знаешь, что самодержец наш государь император заставляет нас просить от жителей по копейке для пополнения своей казны, и я обирал на его пользу бедняка». При этом добавлял, что его императорскому величеству «неоткуда взять [денег. — С.Б.] как у бедняков. Ведь у него дела плохие» [10, л. 263–264]. 25 августа 1915 г. крестьянин д. Большое Мереткозино Богородской волости Тетюшского уезда К. Ахметзянов жаловался приставу первого стана, что крестьянин д. Уразлино этой же волости М. Пулатов (55 лет) будто бы говорил, что, «когда был в Казани видел, как наших солдат обучают деревянными ружьями и что у нашего государя запас кончился и он воевать с Германией деревянными ружьями не может» [10, л. 167–168]. Донос оказался ложным.

Ложные доносы писали не только односельчане, но и даже близкие родственники. Так, крестьянин д. Кучко-Помашь Моркинской волости Царевококшайского уезда А. Павлов (44 лет) жаловался на своего сына Степана (22 лет) и его жену Веру Софронову (22 лет), обвинив их в воровстве его денег и в оскорблении царя. Дознание показало, что это ложь [18, л. 199]. Некоторые крестьяне не ограничивали свою фантазию, чтобы как можно больше «насолить» своим родственникам. Так, крестьянин д. Тюльки Яиково-Шаркирсинской волости Цивильского уезда З.С. Ценгаров, уверенный в том, что жена в его отсутствие ему изменяла, в письме Казанскому губернскому жандармскому управлению от 23 июля 1915 г. писал, что, вернувшись домой по ранению в ногу, он услышал от жены следующие слова: «Зачем возвращаются с войны домой солдаты. Следовало бы их там убивать вовсе. Пускай бы война в 10 раз сильнее усилилась, и потребовала бы на войну женщин и убили бы там самого государя императора». Для большей убедительности З.С. Ценгаров не забыл добавить, что его жена «развратная женщина» [10, л. 238]. Лживость этих доносов раскрылась в первый же день жандармского расследования. Причем некоторые доносчики умудрялись обмануть жандармов. Так, О.В. Першина жаловалась казанскому губернатору, что в с. Черемухово Чистопольского уезда в доме крестья-

нина М. Потапова, куда она зашла переночевать, ее ограбили. В доносе она обвинила всех родственников Потапова в воровстве, а также в игре в карты, в оскорблении царя путем метания «в портрет Николая II ножей и топоров». Среди пособников «воров Потаповых» она назвала местного урядника Пилишина и пристава 3-го стана. Кроме того, она попросила денег на покупку билета на поезд до Петрограда. После того как О.В. Першина «за казенный счет» благополучно добралась до столицы империи, оказалось, что уроженка Петрограда была сожительницей М. Потапова. После того как «он с ней рассорился и вернулся к жене», О.В. Першина написала донос на М. Потапова и таким образом отомстила ему [10, л. 211–212]. Видимо, этот донос из-за своей масштабности и наглости не вызывал сомнений ни у кого, в том числе у губернатора. Впоследствии властям поскорее пришлось замять эту историю.

Важным фактором, вызывавшим конфликтные отношения в деревне, было злоупотребление спиртными напитками. Отметим, что с началом войны в Российской империи продажа и распитие спиртных напитков были запрещены [7, л. 40]. 5 сентября 1914 г. было издано «Высочайшее повеление, предложенное правительствующему Сенату министром юстиции, о продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного употребления в империи до окончания военного времени» [1, с. 215]. В соответствии с ним по всей территории Российской империи запрещалась продажа спиртных напитков до окончания войны. Согласно «Обязательному постановлению главноначальствующего Казанской губернии», изданному на основании п.1 ст. 15, 23, п.5 ст. 26 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», в Казанской губернии запрещались «изготовление и хранение для продажи, равно продажа всякого рода опьяняющих и дурмящих жидкостей, хотя бы и не содержали в себе алкоголя». Кроме того, воспрещалось «распитие опьяняющих напитков и суррогатов их на улицах, дорогах, площадях и в других местах в черте городов и усадебной оседлости селений и в помещениях крестьянского общественного управления», а также «хранение денатурированного и древесного спирта в количестве, явно превышающем действительную потребность» при производстве. Владельцы домов должны были «не допускать в принадлежащих им помещениях неразрешенной продажи опьяняющих напитков и их суррогатов и о производстве таковой продажи немедленно извещать полицию», «извещать полицию о распитии денатурата, одеколona и т.п.» [14, л. 7–10].

Заметим, что борьба с пьянством в Казанской губернии началась задолго до начала Первой мировой войны. «Попечительства о народной трезвости» на местах создавали чайные, библиотеки, читальни для занятия досуга крестьян. Для привития трезвости проводились народные чтения, распространялись брошюры о вреде алкоголя [17, л. 1]. Попечительства действовали за счет средств, ассигнуемых от казны, частных пожертвований, сборов от продажи изданий и устройства чтений, общественных развлечений и т.п. Попечительству причиталось также денежное вознаграждение, если его член обнаруживал нарушения в сфере торговли крепкими напитками. Делами «Попечительств о народной трезвости» заведовали губернские и

уездные комитеты. В губернском комитете председательствовал губернатор, в уездном комитете – уездный предводитель дворянства [20].

Деятельность попечительств не была одинаково хорошо поставлена во всех уездах Казанской губернии. Но тем не менее они скрашивали досуг крестьян. К примеру, в 1914–1915 гг. в Лаишевском уезде действовали 2 чайные и 51 библиотека, читателями которых были 1763 чел. В 1914 г. было устроено 250 народных чтений с картинами, игрой на граммофоне и пением, в том числе 51 лекция о вреде злоупотребления алкоголем. Всего чтения посетили 4579 чел. Для чтения лекций приглашались учителя и духовные лица. На средства попечительства содержались 2 певческих хора в г. Лаишево и с. Рождественском, а также устраивались концерты и театральные представления. Кроме попечительства, в Лаишевском уезде действовали еще 3 учреждения со сходными целями: «Лаишевское общество трезвости», «Лаишевское общество трудовой помощи» и «Емельяновский отдел Казанского попечительства Общества трезвости». Активную роль в работе попечительств в Лаишевском уезде играло духовенство [17, л. 1].

Несмотря на все усилия российского правительства по законодательному ограничению продажи и потребления алкоголя, с проблемой алкоголизма в деревне полностью справиться не удалось. Известно, что уже в первые дни июльской мобилизации 1914 г. в Казанской губернии произошли значительные конфликты, спровоцированные крестьянами-призывниками вследствие чрезмерного употребления алкоголя. К примеру, 22 июля 1914 г. во время распития спиртных напитков в д. Хунды-Касах Татар-Касинской волости Чебоксарского уезда между призванными и крестьянином К. Матвеевым произошла драка [3, л. 28–29]. 23 июля 1914 г. в д. Магазику-Куюм-Касы того же уезда во время пьянства произошла ссора с рукоприкладством между 5 призывниками-запасниками и их односельчанином И.А. Васильевым из-за насмешек последнего над призванными [3, л. 90]. Отметим, что личные конфликты были наименьшим злом, порожденным употреблением алкоголя. Нередки были более тяжкие преступления на почве пьянства. Частыми в первые дни мобилизации стали погромы и грабеж винных лавок. К примеру, 23 июля 1914 г. запасные нижние чины, преимущественно из крещеных татар Лаишевского уезда, при следовании в г. Казань ворвались в казенную винную лавку в с. Тюлячи и унесли около 50 ведер водки [3, л. 107]. Виновники были арестованы и отправлены в г. Лаишев [3, л. 203]. В тот же день в г. Чистополе запасные нижние чины устроили погром в винной лавке [3, л. 105]. В д. Абызов Тойсинской волости Ядринского уезда солдаты-запасники при следовании на железнодорожную станцию Шихраны разгромили винную лавку и забрали вино [3, л. 126]. 24 июля 1914 г. в г. Чистополе нижние чины попытались устроить погром в винной лавке [3, л. 201]. 28 июля 1914 г. в с. Оча-Косы Ново-Манеевской волости Цивильского уезда нижние чины, после отказа продать им водку, ограбили казенную винную лавку, крича при этом: «Мы хотели купить, а теперь так заберем». Они скрылись только тогда, когда под удары набата начали собираться крестьяне [3, л. 201].

Владельцы питейных заведений и лавок также не спешили исполнять букву закона. Большинство из них тайно продавали спиртные напитки. В случае раскрытия

правонарушения таких преступников ожидало выселение из Казанской губернии, а питейное заведение или лавка закрывались. Так, 30 июля 1914 г. губернатор П. Боярский писал начальнику Казанского губернского жандармского управления, что «в селе Гусиха Спасского уезда в пивной лавке чистопольского купца Дика приказчик крестьянин Александр Фролов торговал пивом во время мобилизации. За это, согласно ст. 15, 16 и 23 «Положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия», пивную лавку закрыть, а Александру Фролову запретить проживание в пределах Казанской губернии» [7, л. 264–265]. Казанский губернатор был вынужден применять эти санкции практически через день. Такое положение в губернии сохранялось до конца октября 1914 г. [7, л. 202–320]. Видимо, владельцы пивных лавок и винных трактиров даже под угрозой нарушения закона и наказания не желали прекращать выгодное дело.

Правонарушения на почве пьянства имели место и в последующие годы [4, л. 19–22]. К 1917 г. в Казанской губернии значительно увеличилось производство алкогольных суррогатов [15, л. 323]. Это объяснялось не столько тяжелым экономическим и социальным положением многонационального сельского населения, сколько безвыходностью и морально-нравственным надломом в житейском сознании крестьянства. Несмотря на все издержки, антиалкогольная кампания и «сухой закон» внесли свой позитивный вклад в борьбу с пьянством. В отчетах жандармов о положении и настроениях крестьянства отмечается благоприятное влияние запрета алкоголя [7, л. 12, 40; 12, л. 42, 57; 9, л. 3, 20, 65]. Причем употребление алкоголя крайне редко встречалось среди татарских крестьян, так как законы шариата это запрещали.

Таким образом, крестьянство Казанской губернии в годы Первой мировой войны раздирали многочисленные социальные конфликты, связанные в первую очередь с земельным вопросом. Крестьяне не были единой и сплоченной социальной массой. Одной из особенностей развития социальных взаимоотношений среди различных групп сельского населения было увеличение количества ложных доносов крестьян друг на друга, основной причиной которого являлась экономическая подоплека. Другой особенностью развития социальных взаимоотношений в деревне стали германофобия и антисемитизм крестьянства. Но эти антинемецкие и антиеврейские настроения не имели в деревне самодовлеющего характера, в основном они были спровоцированы земельным и имущественным вопросом, желанием крестьянства добиться справедливости после победоносного завершения войны. Одной из причин конфликтов и преступлений среди крестьян являлось злоупотребление алкоголем. Обострение экономического кризиса на селе, рост объемов военных мобилизаций и реквизиций, затянувшаяся война и участвовавшие неудачи российской армии – все это существенно изменило не только социальные взаимоотношения между различными группами крестьянства в деревне, но и отношения между селянами и властью.

Источники и литература

1. Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. – П.: Тип. Петр. тов. печ. и изд. дела «Труд», 1916. – Т.1. – 729 с.
2. Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 256 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 1507.
4. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1549.
5. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1022.
6. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1123.
7. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1492.
8. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1492.
9. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1493.
10. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1525.
11. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1554.
12. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1555.
13. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1555.
14. ГА РТ. Ф. 244. Оп. 42. Д. 17.
15. ГА РТ. Ф. 244. Оп. 43. Д. 14.
16. ГА РТ. Ф. 244. Оп. 43. Д. 14.
17. ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 582.
18. ГА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1524.
19. Татарская энциклопедия / под ред. М.Х. Хасанова. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии, 2008. – Т. 4. – 768 с.
20. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907 [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/82086/ (дата обращения: 26.05.2022).

УДК 338.48:63

Л.С. Тимофеева

*Институт международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Казань, Россия*

ОПЫТ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В ТАТАРСТАНЕ

В статье рассматриваются практики современного сельского туризма в Татарстане. Представлены основные формы, специфика субъектов сельского туризма, проблемы, мешающие его развитию.

Ключевые слова: сельский туризм, агротуристический комплекс, туристический продукт, Татарстан, экскурсия.

L.S. Timofeeva

EXPERIENCE OF RURAL TOURISM DEVELOPMENT IN TATARSTAN

The article examines the practices of modern rural tourism in Tatarstan. The main forms, specifics of subjects of rural tourism, problems hindering its development are presented in it.

Keywords: rural tourism, agrotouristic complex, tourist product, Tatarstan, excursion.

В последнее десятилетие туристическая отрасль России столкнулась с серьезными проблемами, вызванными геополитической и социально-экономической ситуацией. В этих условиях назрела необходимость уточнения и формирования системы новых приоритетов в сфере туризма.

В 2021 г. была опубликована новая редакция ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ». В текст закона впервые было внесено понятие сельского туризма. Сельский туризм определяется в нем как «туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до 30 тысяч человек, в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг. Деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма осуществляется сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с требованиями, установленными Правительством РФ» [14]. Важен и тот факт, что сельский туризм отнесен к одному из приоритетных направлений государственного регулирования развития туризма.

По оценкам UNWTO, сельский туризм входит в топ-5 основных стратегических направлений развития туризма в мире. В развитых европейских странах он по популярности занимает второе место после пляжного [7, с. 123]. Формула «три L» (landscape – Lore – Leisure – пейзаж – традиции – досуг) приходит на смену формуле «три S» (Sea – Sun – Sand – море – солнце – пляж).

По сведениям Национальной ассоциации организаций по развитию сельского и экотуризма, в России сельский туризм в различных формах и видах представлен в 64 регионах страны. По состоянию на 2019 г. в стране функционируют около 4500 сельских объектов размещения туристов, из них 3500 – сельские гостевые дома и около 1000 – агротуристические фермы. Иных объектов сельского туризма (ремесленных домов, мастерских промыслов и ремесел, сельских «музеев традиционного быта», сельских маршрутов, объектов показа, интерактивных программ и т.д.) – около 10 тысяч. Количество проводимых сельских событийных мероприятий в стране – более 7000 [5, с. 9]. Вместе с тем потенциал сельского туризма в России в ближайшие 10–15 лет оценивается экспертами в 50 млрд руб. [7].

Число исследований сельского туризма постоянно растет. Изучаются практики развития сельского туризма в России, возможности использования зарубежного опыта [3]. Большое внимание уделено проблеме государственного регулирования сельского туризма [8]. Значительное число публикаций посвящено теоретико-методологическим вопросам. В отечественной литературе сегодня присутствуют понятия «сельский туризм», «агротуризм», «деревенский», «дачный», «зеленый», «rural туризм». В европейских странах различие между понятиями «сельский туризм» и «агротуризм» существенное. Агротуризм (от англ. agrotourism) означает отдых на фермах, где путешественники могут познакомиться с сельскохозяйствен-

ным производством и принять в нем участие, в то время как сельский туризм (от англ. rural tourism) – это просто отдых в сельской местности [11].

Практически все исследователи подчеркивают тесные связи между сельским и экологическим туризмом, основанные на базовой мотивации путешественников. Кроме того, близки сельскому туризму этнографический, гастрономический и другие виды туризма.

Концептуальная модель развития сельского туризма была представлена ЮНВТО в 2020 г., объявленном Годом сельского и экологического туризма. Сельский туризм открывает новые возможности для сельского населения, создавая новые рабочие места, содействуя развитию местных ресурсов и традиций. Развитие сельского туризма будет способствовать повышению доступности сельских районов как для местных жителей, так и для гостей этих территорий, обеспечивая тем самым лучшее качество жизни для всех.

В настоящее время определяющей для развития туризма является Государственная программа Российской Федерации «Развитие туризма» до 2030 г. В ней указано, что значительное развитие получают туристские продукты, основанные на сочетании нескольких видов туризма. Это определяет необходимость гибкого подхода к выделению видов туризма. К таким видам туризма относятся детский, культурно-познавательный, горнолыжный, круизный, экологический, деловой и сельский [9]. В этой связи были внесены необходимые изменения в Постановление Кабинета Министров РТ от 21 июля 2014 г. № 522 «Об утверждении Государственной программы «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан» (с изменениями на 1 июля 2022 года)» [10].

Субъекты, действующие в сфере сельского туризма, значительно отличаются от тех, кто традиционно работает в турбизнесе. Он тесно связан с самостоятельным туризмом. Сельский туризм в ближайшей перспективе не будет вызывать серьезного интереса туроператоров и турагентов. В то же время сельский туризм невозможно развивать без постоянной поддержки как центральных, так и местных органов власти – муниципальных, сельских поселений.

На федеральном и республиканском уровнях в Татарстане сельский туризм курируют ряд государственных учреждений, а также некоммерческие организации. В их числе Министерства сельского хозяйства РФ и РТ, Министерство экономики РТ, Государственные комитеты по туризму РФ и РТ, Региональная ассоциация сельского туризма (РАСТ), ООО «Аграрное молодежное объединение РТ». Они действуют в рамках реализации мероприятий национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Государственные органы предоставляют гранты и субсидии по развитию материальной базы сельского туризма, строительству средств размещения. На это, в частности, направлен грант «Агротуризм», который в 2022 г. получили два конкурсанта из Татарстана.

Кроме того, разрабатываются локальные проекты, направленные на создание сельских туров в тех районах Татарстана, которые пока не входят в туристические маршруты. В 2017 г. в Бугульминском районе РТ запустили агромаршрут из 6 локаций, включающий посещение агрофермы, пасеки, виноградника и винодельни,

рыбной фермы и Бугульминского комбината хлебопродуктов. В маршрут, по желанию туристов и организаторов, могут быть включены рыбалка, ночлег в гостевых домиках, мастер-классы по разведению пчел и сбору меда [13].

В 2020 г. началась подготовка пилотного проекта развития экологического и сельского туризма в северо-восточной части Татарстана. Проект охватывает 9 муниципальных районов, расположенных на северо-востоке Татарстана: Арский, Атнинский, Балтасинский, Высокогорский, Кукморский, Мамадышский, Пестречинский, Сабинский и Тюлячинский. Здесь уже действует несколько реперных точек – это туристический комплекс «Татарский страус» и агротуристический комплекс «Каенсар» в Новом Кырлае.

Активно содействуют развитию сельского туризма РОО «Аграрно-молодежное объединение Республики Татарстан» и Региональная ассоциация сельского туризма (РАСТ). В муниципальных районах Республики Татарстан проводятся обучающие семинары для потенциальных субъектов сельского туризма, оказывается практическая правовая помощь тем, кто уже занимается этим. Аграрно-молодежное объединение ведет работу по вовлечению молодежи в социально активную деятельность на селе. Главной формой для привлечения туристов-резидентов и активного участия местной молодежи был выбран сельский событийный туризм. На протяжении последних лет успешно проводятся фестиваль креативных санок «SUNNYФЕСТ» в Мамадыше (с 2017 г.), Всероссийский фестиваль «СКОРЛУПИНО» в Пестречинском районе (с 2016 г.), арт-фестиваль многонациональной культуры и быта «СЕНОФЕСТ» в Заинском районе (с 2017 г.), медовый экофестиваль «ПЧЕЛИНО» в Агрызском районе (с 2017 г.). «Возраст» названных фестивалей позволяет считать их устойчивыми туристическими событиями со своей аудиторией.

Среди наиболее заметных тенденций развития сельского туризма можно выделить следующие:

1. Большинство предложений в сфере сельского туризма – это моноуслуги, связанные с сельскохозяйственной специализацией: животноводство, птицеводство, пчеловодство, рыбоводство, производство, хранение и переработка плодово-ягодных культур. Главным препятствием для развития туристической составляющей в этих хозяйствах являются нехватка средств для создания необходимой инфраструктуры гостеприимства, отсутствие квалифицированных специалистов (или методической помощи), отсутствие грамотно выстроенной рекламы или хотя бы доступной и достоверной информации.

2. Возникновение агротуристических комплексов, предлагающих развернутый комплекс услуг, в число которых входят базовые – проживание, питание, экскурсионное обслуживание, мастер-классы и др. На сегодняшний день выделяются три полноценных комплекса агротуризма. Это сельский туристический комплекс «Татарский страус» (Высокогорский район, Ямашурма), агротуристический комплекс MIRAS (Елабужский район, Морты), агротуристический комплекс «Каенсар» (Арский район, Новый Кырлай).

«Татарский страус» – одна из старейших ферм, принимающих туристов. В 2020 г. ферму посетило больше 10 тыс. человек. На страусиной ферме обитают

также лебеди, гуси, утки, декоративные куры, голуби, индюки, фазаны, кролики, цесарки, лошади и многие другие животные. Успешной деятельности способствует тот факт, что ферма располагается в Высокогорском районе, недалеко от Казани, и на ферму можно доехать самостоятельно на машине. «Татарский страус» – один из немногих объектов, куда организуются специальные экскурсии (турагентство «Семейный чемодан»). Ферма предлагает достаточно широкий набор туристических услуг. Помимо экскурсии и прогулки по ферме, туристы могут посетить мастер-классы «Дойка козы или коровы», по изготовлению тубетеек. Для размещения туристов есть гостевые домики, работает кафе, магазин, где можно приобрести натуральные продукты и корм для обитателей фермы.

Агротуристический комплекс «Каенсар» расположен в Арском районе. Его развитие началось в 2008 г. Для гостей экофермы проводятся экскурсии, мастер-класс в сыроварне, конные, велосипедные и пешие прогулки, катание на лодках по собственному озеру. Приехавшие сюда туристы могут остановиться в одном из трех гостевых домиков или в палатках. «Каенсар» – один из немногих объектов агротуризма, где заявлена возможность оплаты проживания гостей работой на экоферме. Большая территория комплекса позволяет проводить здесь культурно-массовые мероприятия. Неподалеку расположен Литературно-мемориальный музейный комплекс Габдуллы Тукая в с. Новый Кырлай. Это создает дополнительные возможности для увеличения притока туристов.

Агротуристический комплекс MIRAS расположен в 20 км от г. Елабуги в селе Морты. С 2015 г. здесь действует открытая для туристов семейная ферма, музей пчеловодства, где можно понаблюдать за жизнью пчел в ульях под стеклом, музей сельского подворья под открытым небом, татарский гостевой дом. За год комплекс посещают 500–600 человек [6]. Поездка предлагает оптимальное сочетание физических нагрузок и активного отдыха. Туристы могут принять участие в сельхозработах, увидеть пруд с карпами, «Птичий» и «Зайкин» дворики. Агротуристический комплекс развивается в рамках проекта с участием Елабужского государственного музея-заповедника и местного фермера Ильнара Губайдуллина. Специалисты ЕГМЗ ведут работу по привлечению туристов, а владельцы фермы обеспечивают прием гостей [1].

Туристические объекты Елабужского района могут служить основой для создания здесь в перспективе кластера сельского, этнографического и экологического туризма. Помимо агротуристического комплекса MIRAS здесь находится марийская деревня Старый Куклюк, которая уже стала туристическим объектом. В Старом Куклюке действуют три музея: музей форменной одежды, краеведческий музей и музей под открытым небом – традиционное марийское подворье. В него входят традиционный марийский дом, баня, которая топится по-черному. Туристы могут посетить также марийскую рощу, где марийцы-язычники совершают традиционные обряды. В 2021 г. в Старом Куклюке побывало около 1000 человек [12].

Традиционная русская культура представлена в этнокультурном досуговом пространстве комплекса «Диводворье» в деревне Мальцево, где проводятся интерактивные занятия, мастер-классы по народным ремеслам, действует музей деревен-

ского быта [2]. Кроме того, в с. Лекарево создается усадьба-музей «Анзирка» с русскими гостевыми домами.

Таким образом, существует возможность формирования туристического кластера, в котором будут развиваться маршруты агро- и этнотуризма. А включение в маршрут заповедника «Нижняя Кама» позволит развивать экологическую компоненту туризма. Важную роль в этом может сыграть деятельность Елабужского музея-заповедника, который уже вносит свой вклад в развитие сельского туризма в регионе.

Выводы. Основная форма развития сельского туризма в Татарстане – туризм выходного дня, т.е. краткосрочные, чаще всего однодневные поездки на объекты сельского туризма. Связано это с тем, что средства размещения – гостевые домики, палатки и др. – есть далеко не везде.

Анализ отзывов туристов свидетельствует о том, что основную аудиторию составляют семьи с детьми, школьные экскурсионные группы. Чаще всего это квазитуристы и резиденты.

Наиболее распространенным источником информации о будущем путешествии для потенциальной аудитории сельского туризма является «сарафанное радио» (отзывы знакомых и друзей, 55%), а также интернет-источники – отзывы других туристов в интернете (33%), туристические сайты (29%). Исследования показали, что в интернете не хватает полной и проверенной информации о сельских турах, поэтому для потенциальных туристов важно использовать источники информации, вызывающие у них доверие [4, с. 6].

Главными препятствиями для развития сельского туризма являются нехватка средств для создания в фермерских хозяйствах необходимой инфраструктуры гостеприимства, прежде всего средств размещения и питания. Недостаточна помощь квалифицированных специалистов (или методическое сопровождение), которая особенно нужна при разработке стратегии продвижения туристических услуг и продуктов, предлагаемых фермерами.

Перспективы развития сельского туризма:

1. Включение объектов сельского туризма в уже существующие маршруты. Ряд объектов сельского туризма, находящихся на пути следования туристических групп к популярным объектам, уже включен в маршруты. Это касается экскурсионных туров по Татарстану, где дорога к конечному пункту следования занимает продолжительное время. Остановки на объектах сельского туризма позволяют скрасить долгий путь, разнообразить впечатления, добавить в экскурсию новые сюжеты. Примерами могут служить туры в Болгар, где по дороге к историко-археологическому комплексу многие группы останавливаются на ферме «Царство верблюдов». Елабужский музей-заповедник предлагает маршрут расширенной экскурсии, включающей поездку в агротуристический комплекс MIRAS. В рамках проекта «1001 удовольствие за выходные», направленного на развитие внутреннего туризма в Татарстане, в Алексеевском районе увеличился поток туристов на страусиную ферму.

2. Создание специальных туров. Здесь пока можно назвать только отдельные примеры – предложение экскурсий в сельский туристический комплекс «Татарский страус», предложение ООО «Аграрно-молодежное объединение Республики Татарстан» по организации экскурсии в с. Старый Куклюк, пилотные проекты на северо-востоке Татарстана. Развитие этого направления будет возможно только при совместной деятельности представителей властных структур, субъектов турбизнеса, общественных объединений, музеев и других социокультурных учреждений. Объединение их усилий позволит создать эффект синергии, многократно усиливающий возможности сельского туризма в Татарстане.

Источники и литература

1. В Елабужском районе туристов приглашают отдохнуть в деревне [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-elabuzhskom-rayone-turistov-priglashayut-otdohnut-v-derevne> (дата обращения: 27.09.2022).

2. «Диводворье. Этно-культурное досуговое пространство» [Электронный ресурс]. URL: <https://naberezhnye-chelny.hipdir.com/p/divodvore-etno-kulturnoe-dosugovoe-prostranstvo-malcevo/> (дата обращения: 27.09.2022).

3. Ермолаева Н.Н. Специфичные технологии развития сельского туризма (агротуризма) в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifichnye-tehnologii-razvitiya-selskogo-turizma-agroturizma-v-respublike-tatarstan> (дата обращения: 27.09.2022).

4. Копылова С.Л., Лебедева И.В., Лебедева Т.А. Аналитический отчет «Исследование потребителей услуг сельского туризма в России». – М.: АНО «АРСИ», 2021. – 39 с.

5. Копылова С.Л., Лебедева И.В. Результаты исследования «Текущее состояние сельского туризма в России. Выявление проблем и перспектив в развитии сельского туризма в стране (2019 год)». – М.: АНО АРСИ, 2019. – 44 с.

6. «Мирас»: история сельского быта, олени и музей меда [Электронный ресурс]. URL: <http://elabuga-rt.ru/news/obschestvo/miras-istoriya-selskogo-byita-oleni-i-muzey-meda> (дата обращения: 27.09.2022).

7. Мирошниченко Т.А., Подгорская С.В. Современные тенденции и перспективы развития сельского туризма в России // Вестник Забайкальского гос. ун-та. – 2021. – Т. 27. – № 3. – С. 119–127.

8. Мударисов Р.Г., Соловьева Е.Г. Концептуальные проблемы государственного регулирования развития сельского туризма в Республике Татарстан // Сервис в России и за рубежом. – 2018. – Т. 12. – № 3(81). – С. 50–62.

9. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/403336467/> (дата обращения: 27.09.2022).

10. Постановление Кабинета Министров РТ от 21 июля 2014 г. № 522 «Об утверждении Государственной программы «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан» (с изменениями на 1 июля 2022 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://kitaphane.tatarstan.ru/file/kitaphane/File/gostepriimstvo.pdf> (дата обращения: 27.09. 2022).

11. Сарафанова А.Г., Шабалина Н.В., Сарафанов А.А. Сельский и агротуризм: подходы к определению // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 100–108.

12. Сельскова М. Чудеса Старого Куклюка [Электронный ресурс]. URL: <https://rt-online.ru/p-rubr-selo-72180/> (дата обращения: 27.09.2022).

13. Тютрина А. Пионеры агротуризма: в Татарстане запустили маршрут сельского туриста [Электронный ресурс]. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/15/07/2017/596943939a79470e11fabd7a> (дата обращения: 27.09.2022).

14. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и статью 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/607142412> (дата обращения: 27.09.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Айнутдинова Лариса Махмутовна**, к.и.н., доцент, зав. Центром регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: a-lora@yandex.ru

2. **Акшиков Александр Геннадьевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола); e-mail: akshikov.ag@mail.ru

3. **Алметева Ирина Витальевна**, к.и.н., доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола); e-mail: almetevaiv@gmail.com

4. **Аникина Анна Валентиновна**, к.соц.н., доцент кафедры «История, философия и социология» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (г. Нижний Новгород); e-mail: annavalentan@yandex.ru

5. **Артемьев Андрей Александрович**, д.с.-х.н., доцент, зам. директора по научной работе Мордовского НИИ сельского хозяйства – филиала Федерального аграрного научного центра Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого (г. Саранск); e-mail: artemjevaa@yandex.ru

6. **Аскарова Лилия Раисовна**, научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: askaroval@mail.ru

7. **Асрутдинова Руфина Ахметовна**, к.с.-х.н., ведущий научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: karima.2006@yandex.ru

8. **Ахметов Марат Готович**, зам. Председателя Государственного Совета РТ, член Президиума Государственного Совета РТ, председатель Комиссии Государственного Совета РТ по соблюдению правил этики депутата Государственного Совета РТ, министр сельского хозяйства и продовольствия РТ (1999–2019 гг.), к.с.-х.н. (г. Казань); e-mail: gossovet.rt@tatar.ru

9. **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: alsu_was@mail.ru

10. **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: Halida12_61@mail.ru

11. **Бадрутдинова Фирая Равилевна**, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: guliya.kayumova@yandex.ru

12. **Баландин Всеволод Андреевич**, аспирант Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: msu.offer@yandex.ru

13. **Барышников Антон Владимирович**, ассистент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко (г. Глазов); e-mail: ariox_v@mail.ru

14. **Басманцев Дмитрий Викторович**, к.и.н., ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: basmantsevd@yandex.ru

15. **Батыршин Рустам Рафаэлевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: bat81@inbox.ru

16. **Безгина Ольга Анатольевна**, д.и.н., доцент, зав. кафедрой истории и философии Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти); e-mail: bezgina@tltsu.ru

17. **Белов Сергей Геннадьевич**, старший научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, лаборатории комплексного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра Российской академии наук (г. Казань); e-mail: sgb-79@mail.ru

18. **Белоногов Юрий Геннадьевич**, к.полит.н., доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета (г. Пермь); e-mail: ugb78@mail.ru

19. **Бикейкин Евгений Николаевич**, д.и.н., доцент, заместитель директора – ученый секретарь НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: bikeykin1977@mail.ru

20. **Видяйкин Сергей Васильевич**, к.и.н., главный научный сотрудник – зав. отделом археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: vidyaikin_sergei@mail.ru

21. **Виноградова Елена Александровна**, старший преподаватель кафедры «Геодезия и землеустройство» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии (г. Нижний Новгород); e-mail: annavalentan@yandex.ru

22. **Винокурова Лилия Иннокентьевна**, к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск); e-mail: lilivin@mail.ru

23. **Волкова Марина Семеновна**, к.и.н., доцент, учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 17 (г. Саранск); e-mail: marina-volkova-sar@yandex.ru

24. **Галлямова Альфия Габдулнуровна**, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им.Ш.Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: alfiya1955@gmail.com

25. **Гиниятуллина Флёра Сулеймановна**, научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: gini_flera@mail.ru

26. **Градусова Валентина Николаевна**, к.экон.н., доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург); e-mail: gradusova-vn@ranepa.ru

27. **Гуляев Александр Валерьевич**, младший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола); e-mail: aI.graf2018@yandex.ru

28. **Гусева Татьяна Михайловна**, д.и.н., главный научный сотрудник – зав. отделом истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

29. **Дианова Елена Васильевна**, д.и.н., доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск); e-mail: elena-dianowa@yandex.ru

30. **Загидуллин Ильдус Котдусович**, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Центра исламоведческих исследований АН РТ (г. Казань); e-mail: Zagik63@mail.ru

31. **Задкова Татьяна Юрьевна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: tatyana.25.01@mail.ru

32. **Закиева Резеда Гусмановна**, научный сотрудник отдела электронно-цифровых ресурсов Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: rezedz@yandex.ru

33. **Захарова Акулина Егоровна**, к.соц.н., доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН (г. Якутск); e-mail: linamestnikova@gmail.com

34. **Захарова Наталия Егоровна**, к.филол.н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН (г. Якутск); e-mail: Zakharova_nataly@mail.ru

35. **Зоркова Нина Николаевна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: zorkova_nn@mail.ru

36. **Ибрагимов Руслан Рустемович**, к.и.н., доцент кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского федерального университета, ведущий научный сотрудник Центра изучения татарской диаспоры Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: rus-ibr@inbox.ru

38. **Иванов Алексей Ананьевич**, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола); e-mail: anani@marsu.ru

39. **Иванов Ананий Герасимович**, д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола); e-mail: anani@marsu.ru

40. **Ивлиев Сергей Александрович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: ser.ivliev@yandex.ru

41. **Имашева Марина Маратовна**, д.и.н., доцент кафедры истории Татарстана Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: imaschewa@yandex.ru

42. **Кабытов Пётр Серафимович**, д.и.н., профессор, зав. кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета (г. Самара); e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

43. **Кадерова Татьяна Николаевна**, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: cad.tatiana@yandex.ru

44. **Калимуллина Фирдаус Галимовна**, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: kfirdaus@list.ru

45. **Камальтдинова Фарида Галлямовна**, научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: kamaltdinova.farida@mail.ru

46. **Каюмова Гулья Ильдусовна**, к.филол.н., старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: guliya.kayumova@yandex.ru

47. **Кемаев Евгений Николаевич**, старший научный сотрудник отдела археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

48. **Кильдюшкина Ирина Геннадьевна**, к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: irakil1967@mail.ru

49. **Кильдюшкина Татьяна Ивановна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: tiev@mail.ru

50. **Кореева Наталья Анатольевна**, к.и.н., старший научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: koreevanata@mail.ru

51. **Кошкина Ольга Анатольевна**, к.и.н., ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола); e-mail: koshkina_81@mail.ru

52. **Куршева Галина Александровна**, д.и.н., профессор, директор НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: kursheva_galina@mail.ru

53. **Лаптева Ирина Валерьевна**, д.филол.н., главный научный сотрудник – зав. отделом теории и истории культуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, профессор кафедры немецкой филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г. Саранск); e-mail: laptevaiv@yandex.ru

54. **Латыпова Гульназ Марсовна**, к.и.н., зам. директора по научной и издательской деятельности Ресурсного центра внедрения инноваций и сохранения традиций в сфере культуры РТ (г. Казань); e-mail: grafikova@mail.ru

55. **Липатова Людмила Николаевна**, д.соц.н., профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, старший научный сотрудник отдела

региональных исследований и этнологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

56. **Миниханов Фидайль Гимранович**, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: fidail1956@mail.ru

57. **Мустафина Гульшат Мударисовна**, к.и.н., доцент кафедры исторического и обществоведческого образования Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: alsu.gilaeva98@mail.ru

58. **Мухамедов Рашит Алимович**, д.и.н., профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: rasit56@mail.ru

59. **Насибуллина Алсу Булатовна**, научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: bulat.alsu1971@yandex.ru

60. **Николюк Яна Николаевна**, преподаватель кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: ynnagovitsina@mail.ru

61. **Новосёлов Александр Леонидович**, преподаватель кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: alenovo92@yandex.ru

62. **Орлов Виталий Владимирович**, д.и.н., профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Института государственного администрирования (г. Москва); e-mail: orlov.stolica@mail.ru

63. **Охотина Татьяна Николаевна**, старший научный сотрудник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: Himera72@mail.ru

64. **Ошаев Алексей Григорьевич**, к.и.н., доцент, декан историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола); e-mail: aleksei.oshaev@mail.ru

65. **Першин Сергей Викторович**, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: pers99@inbox.ru

66. **Пивцайкина Ольга Александровна**, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: olga_poa@mail.ru

67. **Пронин Александр Сергеевич**, старший научный сотрудник отдела археологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: Gyk.vershini@yandex.ru

68. **Пруель Николай Александрович**, д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

69. **Раззаков Азат Джораевич**, учитель истории и обществознания МБОУ «Хозесановская средняя общеобразовательная школа Кайбицкого муниципального района РТ» (РТ, с. Хозесаново); e-mail: raazat@yandex.ru

70. **Рафикова Гульнара Эрнстовна**, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: grafikova@mail.ru

71. **Садыкова Римма Барыевна**, к.и.н., старший научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: rimma231265@mail.ru

72. **Санникова Яна Михайловна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск); e-mail: sannikowa@mail.ru

73. **Сафин Фаиль Габдуллович**, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа); e-mail: failsafin@mail.ru

74. **Сибгатов Булат Ильхамович**, к.и.н., старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: dr.bs.1987@yandex.ru

75. **Сиразетдинов Комил Олимович**, аспирант отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа); e-mail: xazina2007@gmail.com

76. **Столяров Александр Владимирович**, аспирант историко-филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: stolp79@mail.ru

77. **Субботин Дмитрий Александрович**, аспирант историко-филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: dimston@list.ru

78. **Сулдына Людмила Викторовна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: suldinalv@mail.ru

79. **Тарандо Елена Евгеньевна**, д.экон.н., профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); e-mail: gradusova-vn@ranepa.ru

80. **Тимофеева Людмила Сергеевна**, к.и.н., доцент кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: lyutim77@yandex.ru

81. **Торопова Мария Михайловна**, старший научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: lily24.87@mail.ru

82. **Трибушинина Светлана Дмитриевна**, канд. культурологии, старший научный сотрудник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: tribushinina85@mail.ru

83. **Трофимова Алина Ивановна**, студентка факультета истории и права Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск); e-mail: alina-gyz-trofimova@yandex.ru

84. **Уразаев Фарит Язкарлович**, к.и.н., начальник Комитета по работе с татарскими предпринимателями Исполнительного комитета Всемирного конгресса татар, исполнительный директор Всемирной ассоциации содействия татарским предпринимателям (г. Казань); e-mail: vatp_kazan@mail.ru

85. **Учватов Павел Сергеевич**, к.и.н., главный научный сотрудник – зав. отделом региональных исследований и этнологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

86. **Фаттахова Рамиля Расуловна**, аспирант отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа); e-mail: ramilya.fattahova2015@yandex.ru

87. **Филиппова Виктория Викторовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск); e-mail: Filippovav@mail.ru

88. **Филонов Александр Анатольевич**, к.и.н., доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола); e-mail: fil88meat@rambler.ru

89. **Ханипова Ильнара Ильдусовна**, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, зав. отделом новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: ihanipova@mail.ru

90. **Харитонов Валентина Григорьевна**, к.и.н., ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары); e-mail: val1957@rambler.ru

91. **Хоменко Вадим Васильевич**, д.экон.н., профессор, вице-президент АН РТ, член-корр. АН РТ (г. Казань); e-mail: ispnecan@mail.ru

92. **Хохлов Александр Анатольевич**, к.и.н., доцент кафедры антропологии и этнографии Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань); e-mail: kazan_molodezh@mail.ru

93. **Цыплякова Ольга Юрьевна**, к.филол.н., старший научный сотрудник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: tsyplyakovaolga@yandex.ru

94. **Шадышков Андрей Александрович**, аспирант историко-филологического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск); e-mail: ashadyshkov@inbox.ru

95. **Шайдуллин Рафаиль Валеевич**, д.и.н., профессор, зав. Центром энциклопедистики Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань); e-mail: srv60@yandex.ru

96. **Шамсутдинов Динар Загитович**, к.и.н., преподаватель истории и обществознания Полилингвального комплекса «Адымнар» (г. Казань); e-mail: saiddinar@mail.ru

97. **Шеянова Ирина Ивановна**, к.филол.н., доцент, старший научный сотрудник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: shejanova.irina@yandex.ru

98. **Широкалова Галина Сергеевна**, д.соц.н., профессор кафедры «История, философия и социология» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии, ведущий научный сотрудник международной междисциплинарной научной лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород); e-mail: shirokalova@list.ru

99. **Шкердина Надежда Олеговна**, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: shnadejda@bk.ru

100. **Шугаева Татьяна Владимировна**, к.филол.н., старший научный сотрудник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: shugaeva.tana@yandex.ru

101. **Юсупова Ризаля Зуфаровна**, учитель истории и обществознания МБОУ «Сабинская средняя общеобразовательная школа Сабинского муниципального района РТ» (РТ, пгт Богатые Сабы); e-mail: alsu.gilaeva98@mail.ru

102. **Яковлева Анастасия Юрьевна**, канд. искусствоведения, солистка Татарской государственной филармонии им. Г. Тукая (г. Казань); e-mail: 8nastya8@list.ru

103. **Янгайкина Татьяна Ивановна**, к.филол.н., старший научный сотрудник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск); e-mail: sudakova2007@mail.ru

Приложения.

Приложение 1.

Участники конференции. Конференц-зал Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 6 октября 2022 г.

*Выступление Р.В. Шайдуллина на открытии конференции.
Конференц-зал Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.*

*Зал заседания. В первом ряду (слева направо): Ф.Я. Уразаев, Р.Н. Фасхутдинов;
во втором ряду: О.А. Безгина.*

Г.А. Куриева, А.Г. Иванов.

*В первом ряду (слева направо):
Я.И. Санникова, В.В. Филиппова, А.Е. Захарова.*

Члены президиума конференции (слева направо): Ф.Г. Ялалов, М.З. Хабибуллин, Р.Р. Салихов, В.В. Хоменко, В.Г. Харитонова.

С приветственным словом выступают (слева направо): М.Г. Ахметов, В.В. Хоменко, Ф.Г. Ялалов, Р.Р. Салихов, Ф.Я. Уразаев, А.Г. Иванов.

Пленарное заседание, Выступление В.В. Хоменко.

Участники пленарного заседания (слева направо): А.А. Иванов, К.О. Сиразетдинов, Р.В. Шайдуллин, О.А. Безгина, В.Г. Харитонова, Г.А. Куриева.

*Участники прений по докладам пленарного заседания (слева направо):
В.В. Орлов, А.Г. Галлямова, О.А. Безгина, Я.И. Санникова, Х.З. Багаутдинова, А.Г. Иванов,
В.Г. Харитонов, М.З. Хабибуллин, П.С. Учатов.*

*Награждение грамотами Академии наук
Республики Татарстан (слева направо):
П.С. Кабытова (вручается О.А. Безиной),
А.Г. Иванова, Ф.Г. Сафина (вручается
К.О. Сиразетдинову), Р.Р. Батыршина,
Г.А. Куршеевой.*

*Работа 1-й секции конференции; модераторы: Р.В. Шайдуллин, В.Г. Харитонова.
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.*

Выступает А.Е. Захарова.

*Обсуждение доклада
А.Е. Захаровой.*

Работа 2-й секции конференции; модераторы: А.А. Литвин, В.В. Орлов. Актовый зал им. К. Фукса Института международных отношений Казанского федерального университета.

Участники секции (слева направо): А.А. Литвин, А.Г. Акишиков, В.В. Орлов, А.В. Барышников, Х.З. Багаутдинова, П.С. Учеватов.

*Работа 4-й секции конференции;
модератор – И.И. Ханипова. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.*

*Участники секции (слева направо): И.К. Загидуллин, Р.Б. Садыкова,
Б.И. Сибгатов, Ф.Г. Калимуллина, Н.О. Шкердина, Л.В. Сульдина, И.И. Ханипова, Д.В. Басманцев.*

*Слева направо: И.И. Ханипова, Л.В. Сульдина, Д.В. Басманцев,
Ф.Г. Калимуллина, Н.О. Шкердина, И.К. Загидуллин.*

Работа 3-й и 5-й секций конференции; модераторы (слева направо): Р.Р. Батыршин, Г.Э. Рафикова, А.Г. Галлямова. Конференц-зал Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.

Участники секций (слева направо): Б.И. Сибгатов, А.Г. Галлямова, А.А. Хохлов, Л.С. Тимофеева, А.В. Ахтямова, Р.Б. Садыкова.

Татарский народный праздник Сабантуй.

Татарский народный праздник Сабантуй.

Русский народный праздник Каравон (Республика Татарстан).

Праздник славянской культуры Иван Купала (Республика Татарстан).

Праздник мордовской культуры Балтай (Республика Татарстан).

Праздник удмуртской культуры Ёрон быдтон (Республика Татарстан).

Праздник чувашской культуры Уяв (Республика Татарстан).

Праздник культуры кряшен Питрау (Республика Татарстан).

Праздник марийской культуры Семьк (Республика Татарстан),

Всероссийская Спасская ярмарка (г. Елабуга, Республика Татарстан).

*Международный фестиваль-конкурс народного песенно-танцевального искусства
«Казан сольгесе» («Казанское полотенце»).*

Орехово-Яблочный Спас (г. Казань).

Карта охотничьих угодий
Анабарского улуса Республики Саха
(Якутия). 2020 г.
Фото В.В. Филипповой.

На берегу р. Лена, Республика Саха (Якутия), 2021 г.

Сельский сход обсуждает «водные» вопросы, Саха (Якутия), 2021 г.

*Традиционная обрядовая и праздничная культура арктических народов
Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса Республики Саха (Якутия).*

*Торжественное
открытие слета олене-
водов Анабарского улуса
«Белые ночи на краю
Ойкумены».
Село Юрюни-Хайя
Республики Саха
(Якутия). Апрель 2022 г.*

Обряд встречи солнца.

*Обряд
кормления
духов огня.*

Дети в национальной одежде.

*Ритуальные
символы народов
Якутии.*

Традиционные предметы одежды и быта народов Якутии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	5
1. <i>Приветствия участникам конференции</i>	5
<i>Приветственное слово заместителя Председателя Государственного Совета РТ М.Г. Ахметова</i> участникам IX Всероссийской (XVII средневожской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии	5
<i>Приветственное слово вице-президента Академии наук РТ В.В. Хоменко</i> участникам IX Всероссийской (XVII средневожской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии	6
<i>Приветственное слово начальника Комитета по работе с татарскими предпринимателями Исполнительного комитета Всемирного конгресса татар Ф.Я. Уразаева</i> участникам IX Всероссийской (XVII средневожской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии	7
2. <i>Пленарные выступления</i>	8
<i>Кабытов П.С., Безгина О.А.</i> Роль кооперативных организаций начала XX века по развитию образования и культуры в крестьянской среде	8
<i>Бикейкин Е.Н., Куршева Г.А., Першин С.В.</i> Государственная социальная политика на селе в 1970 – начале 1980-х гг.: основные векторы и результаты (по материалам Мордовской и Чувашской АССР)	16
<i>Иванов А.А., Иванов А.Г.</i> Аграрная история Среднего Поволжья и Приуралья в материалах региональных научно-краеведческих организаций 1920–1930-х гг.	26
<i>Мухамедов Р.А.</i> Религиозные общины Ульяновской области в 1950–1960-е годы: проблемы и их деятельность	36
<i>Сафин Ф.Г., Сиразетдинов К.О.</i> Особенности сохранения и развития татарской национальной идентичности сельского населения в Башкортостане	41
<i>Харитонова В.Г.</i> Этнические традиции сельских жителей Чувашии	46
<i>Шайдуллин Р.В.</i> Многонациональная деревня – колыбель этнических традиций народов России	55
РАЗДЕЛ II. САМОБЫТНОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭТНИЧЕСКИХ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ РОССИИ	62
<i>Винокурова Л.И.</i> Сельские сообщества Якутии и водные ресурсы (вторая половина XX – начало XXI в.)	62
<i>Волкова М.С., Трофимова А.И.</i> Роль женщины в проведении традиционного свадебного обряда	68
<i>Галлямова А.Г.</i> Альметьевская онлайн-энциклопедия как важный ресурс для сохранения историко-культурного наследия края	73

Захарова А.Е., Захарова Н.Е. Традиционная обрядовая и праздничная культура арктических народов (на примере Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса Республики Саха (Якутия))	81
Новосёлов А.Л. Книжные и народные представления о чудесах в «Повести временных лет»	89
Охотина Т.Н. Свадебные традиции русских Темниковского района Республики Мордовия	95
Пронин А.С., Кемаев Е.Н. Почитание коня у финнов Среднего Поволжья в исторической ретроспективе	102
Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренного населения Анабара Якутии в XX – начале XXI в.	110
Торопова М.М. Наличники как элемент декора мордовского жилища: история и современность	116
Трибушинина С.Д. Роль дороги и ее составляющих (обочина, перекресток) в этнокультуре мордвы	122
Филиппова В.В. Культурно-историческое наследие Хатанго-Анабарского региона	128
Шайдуллин Р.В. Традиции народного ислама в сельской повседневности татар Поволжья и Приуралья	132
Шеянова И.И. Материально-духовная культура мордвы Тетюшского района Республики Татарстан: на примере сел Бессоново и Урюм	140
Янгайкина Т.И. Coca-Cola по-мордовски: к вопросу об импортозамещении	146
РАЗДЕЛ III. АГРАРНЫЙ СЕКТОР РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	152
Акшиков А.Г. Сословный состав гласных Уржумского уездного земского собрания в 1867–1912 годах	152
Асрутдинова Р.А. История колхозного движения в Агрызском районе Татарстана	158
Багаутдинова Х.З. Особенности системы землевладения и землепользования татар Актанышского края в XIX – начале XX века	161
Барышников А.В. Хозяйственная жизнь русских крестьян Глазовского уезда Вятской губернии в пореформенный период	171
Белов С.Г. Александр Стахеев – из потомственных почетных граждан г. Елабуги в крестьяне и раскулаченные	177
Белоногов Ю.Г. Отходничество и индустриальное строительство в период первой пятилетки: государственная политика по закреплению отходников на производстве	182
Задкова Т.Ю. Сельское население Мордовской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): историко-демографический аспект	192
Зоркова Н.Н. Столыпинская аграрная реформа на территории современного Темниковского района Республики Мордовия	201

Ивлиев С.А. Провинциальные реалии НЭПа (на примере Темниковского уезда)	208
Кадерова Т.Н. Развитие крестьянского хозяйства Темниковского уезда в XVIII в.	216
Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю. Поземельный банк русского земства: проект создания финансового учреждения (1866 г.)	223
Кошкина О.А. Сельское хозяйство Марийской АССР в середине 1950-х – середине 1960-х гг.	228
Липатова Л.Н., Пруель Н.А. Характеристика современного состояния аграрного сектора Республики Мордовия в проекции продовольственной безопасности региона	238
Миниханов Ф.Г. Аграрно-промышленный комплекс в СССР: теория и практика развития	244
Мустафина Г.М., Юсупова Р.З. Хозяйственно-экономическая деятельность Мамадышского уездного земства в области земледелия	255
Орлов В.В. Аграрный сектор экономики в программах выхода из кризиса в национальных республиках Приволжского федерального округа	259
Ошаев А.Г. Крестьянское хозяйство Марийского края в начале XX в.	266
Столяров А.В. Концептуализация новой парадигмы коллективизации в Ульяновском крае (30-е годы прошлого столетия)	272
Субботин Д.А. Основные направления аграрной политики в сельском хозяйстве СССР (на примере Среднего Поволжья в 1960–1970-е гг.)	276
Тарандо Е.Е., Градусова В.Н. Развитие аграрного сектора России в контексте продовольственной безопасности	281
Учватов П.С. Центральные органы управления сельским хозяйством автономных республик Поволжья в 1937–1953 гг. (на примере Мордовской и Чувашской АССР)	286
Фаттахова Р.Р. Адаптационное поведение татар Башкортостана к в условиях рыночной экономики	295
Филонов А.А. Развитие крестьянского смолокурения в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX века	300
Шадышков А.А. Принцип планирования «снизу» и практика административного вмешательства в дела колхозов в период с 1953 по 1964 г. (на примере Среднего Поволжья)	310
РАЗДЕЛ IV. АГРОКУЛЬТУРНЫЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ	314
Алметева И.В. Подготовка педагогических кадров в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX в.	314
Ахтямова А.В. Деятельность Уфимского земства по развитию пчеловодства среди мусульман в начале XX в.	319
Баландин В.А. Руководство обкома и районных комитетов ВКП(б) по организации агитационно-пропагандистской работы в деревне	326

Батыршин Р.Р. Агрономическая помощь крестьянским хозяйствам в годы реализации столыпинской аграрной реформы (по материалам Казанской губернии)	332
Гусева Т.М. Пропаганда агрокультурных новаций среди сельского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века	339
Ибрагимов Р.Р. Ислам в жизни сельских жителей Татарской АССР в 1960–1980-е годы	346
Кильдюшкина Т.И. Участие земства в развитии народного образования в Мордовском крае во второй половине XIX в.	351
Кореева Н.А. Агрокультурные новации первой половины XIX века в помещичьих имениях Казанской губернии (по материалам «Земледельческой газеты»)	360
Мухамедов Р.А. Культурно-массовая работа в деревне в годы Великой Отечественной войны	373
Хохлов А.А. Несколько слов о месте православного приходского духовенства Казанской губернии в хозяйственно-экономическом пространстве пореформенного села	380
Шамсутдинов Д.З. Школьное образование в татарской деревне в конце 1950-х – начале 1960-х гг.	387
РАЗДЕЛ V. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА ...	391
Артемьев А.А., Лаптева И.В. История становления аграрной науки в Республике Мордовия	391
Басманцев Д.В. Приходная книга о сборе пошлин с «ездовых памятей» Свяжской приказной избы как источник повседневной жизни уездного населения начала XVIII века	398
Видяйкин С.В. Расселение инородческого населения Верхалатырского и Верхосурского станов Алатырского уезда 1620-х гг.: сопоставление материалов письменных источников и данных археологии	405
Гуляев А.В. Историография развития лесозаготовительных предприятий и выхода их на промышленный уровень в Марийской АССР в 1945–1985 гг.	412
Дианова Е.В. Визуальный образ деревенских модернизаторов в советском кинематографе 1920-х годов	416
Загидуллин И.К. Этноконфессиональная ситуация в татарских деревнях Казанской губернии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.)	425
Калимуллина Ф.Г. Научно-исследовательские проекты ДУМ РФ (по материалам этнографических экспедиций в татарские деревни Мещерского края)	432
Пивцайкина О.А., Сульдина Л.В. Крестьянский вопрос в творческом наследии Ильи Васильевича Селиванова	437

Садыкова Р.Б. Образ сельской женщины и ее жизненные траектории (по материалам «Дрожжановской энциклопедии»)	443
Ханипова И.И. Отражение социокультурной жизни деревни в татарской литературе первых советских десятилетий	450
Широкалова Г.С. Новые формы организации сельской жизни: оценки в социальных сетях	459
Шкердина Н.О. Топографические описания Пензенского, Казанского и Симбирского наместничеств Российской империи как источник по аграрной истории Поволжья последней трети XVIII столетия	466
Шугаева Т.В., Цыплякова О.Ю. Образ крестьянина в мордовской очерковой прозе 1920–1930-х гг.	473
РАЗДЕЛ VI. МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ В ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОМ И КУЛЬТУРНО-РЕКРЕАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ	478
Айнутдинова Л.М. Основные аспекты социально-экономического развития татарстанских сел в советский и современный периоды по итогам работы над энциклопедией «Населенные пункты Республики Татарстан»	478
Аникина А.В., Виноградова Е.А. Сельский туризм глазами учащейся молодежи сельскохозяйственного вуза	483
Аскарова Л.Р. Музейно-туристическая деятельность (на примере Музея боевой славы «Гиндукуш» села Старое Абдулово Тукаевского района Республики Татарстан)	489
Бадрутдинова Ф.Р., Каюмова Г.И. Тарихи-мәдәни мирас: ТРның Балтач районы Карадуган авылы музейлары	493
Закеева Р.Г. Авылларда – ил тарихы (Кышлау)	499
Имашева М.М. Татарские переселенческие села Волгоградской области	504
Камальтдинова Ф.Г., Гиниятуллина Ф.С. Татар авылына сәяхәт (Кече Шырдан авылы)	512
Кильдюшкина И.Г., Яковлева А.Ю. Дикое Поле Сенгилеевского уезда Симбирской губернии: генезис возникновения населенного пункта, занятия местных жителей, промышленное, аграрное и духовное развитие	516
Насибуллина А.Б. Туристско-рекреационный потенциал и его развитие в Лаишевском районе Республики Татарстан	526
Николюк Я.Н. Сельский туризм в Республике Татарстан: объекты и формы	535
Раззаков А.Д. Дореволюционная история деревни Хозесаново	538
Рафикова Г.Э., Латыпова Г.М. Развитие ремесел на селе как инструмент развития предпринимательства и самозанятости	545
Сибгатов Б.И. Особенности социальных взаимоотношений в деревне Казанской губернии в годы Первой мировой войны	548
Тимофеева Л.С. Опыт развития сельского туризма в Татарстане	555
Сведения об авторах	563
Приложения	571

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ:
СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ**

Сборник статей IX Всероссийской (XVII средневожской) конференции
историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии
(г. Казань, 5–7 октября 2022 г.)

Статьи публикуются в авторской редакции

Корректоры

Л.Т.Мухаметшина, Л.Т.Нигъмязянова

Дизайн макета

Ф.А. Ибрагимова

Обработка иллюстраций

Г.Р. Давлетьянова

Компьютерная верстка

Г.Х. Галимуллина, А.Б. Насибуллина, Р.Р. Салахиев

Подписано в печать 20.04.2023.

Формат 70×100/16. Гарнитура «PT Sans».

Усл. печ. л. 48,75. Тираж 150 экз.

ОСП «Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ»
420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56.
E-mail: info-ite@mail.ru

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru